
С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

■ Том 1

Гражданское право: Сочинения 1958—1970 годов

- Предмет советского социалистического гражданского права
- Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов
- Статьи
- Комментарий

■ Том 2

Специальные вопросы правоведения

- Структура советского права
- Общие дозволения и общие запреты в советском праве

■ Том 3

Проблемы теории права: Курс лекций

■ Том 4

Линия права. Концепция: Сочинения 1990–х — 2009 годов

- Уроки. Тяжкий путь России к праву
- Круг замкнулся: Повесть о праве
- Тайна и сила права
- Право собственности: Проблемы теории
- Статьи

■ Том 5

Линия права. Отдельные проблемы концепции

- Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху
- Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи

■ Том 6

Восхождение к праву

- Восхождение к праву: Поиски и решения

■ Том 7

Философия права и теория права

- Философия права
- Частное право: Научно-публицистический очерк
- Гражданское право в современную эпоху:
Заметки к постановке проблемы
- Статьи, полемические заметки

■ Том 8

Учебники и учебные пособия

- Право: Законы, правосудие, юриспруденция
в жизни людей: Учебное пособие
- Государство и право: Учебное пособие
- Азы права: Азбука права для всех
- Гражданское право: Учебник. Раздел I:
Общие положения

■ Том 9

Публицистика

- Два имени
- Право – надежда наша
- Заметки по философским проблемам
- Максимы
- Горбачев и Ельцин
- Статьи
- Идеология перестройки. 1992–1995 гг.

■ Том 10

Литературно–художественные произведения

- Повести и рассказы
Книга первая. Детство
Книга вторая. О любви

■ Справочный том

Собрание сочинений Сергея Сергеевича Алексева,
лауреата высшей юридической премии
«Юрист года» за 2009 г.,
подготовлено с участием автора,
Уральской государственной юридической академии,
Института частного права
и издается в соответствии с решением
Ассоциации юристов России
(приказ от 9 декабря 2009 г. № 189)
и издательства «Статут»

С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том 3
Проблемы теории права

Курс лекций

УДК 347
ББК 67.404
А 47

Авторы примечаний:

С.А. Степанов,

д.ю.н., профессор, директор Института частного права

Н.П. Заринова,

рук. издательского отдела Института частного права

Алексеев С.С.

А 47 **Собрание сочинений.** В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 781 с.

ISBN 978-5-8354-0705-7 (Т. 3) (в пер.)

ISBN 978-5-8354-0672-2

В третий том Собрания сочинений вошел курс лекций «Проблемы теории права», опубликованный в 1972–1973 гг. в двух томах.

Курс лекций является одним из главных итогов научной и научно-педагогической деятельности автора, синтезированным и обобщенным результатом десятилетнего исследования ключевых проблем теории права. В основе курса – переработанное четырехтомное учебное пособие «Общая теория социалистического права» (1963–1966 гг.). В первый том курса, изданный в 1972 г. в Свердловске, вошли «Основные вопросы общей теории социалистического права». Второй том курса, опубликованный в 1973 г. также в Свердловске, включает разделы «Нормативные юридические акты», «Применение права», «Юридическая наука (правоведение)».

Издание рассчитано на научных работников, аспирантов, студентов юридических и неюридических вузов, на всех, кто интересуется правом, философией, литературой.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-0705-7 (Т. 3)

ISBN 978-5-8354-0672-2

© С.С. Алексеев, 2010

© С.А. Степанов, Н.П. Заринова, примечания, 2010

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2010

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
Курс лекций

Том первый

Основные вопросы общей теории
социалистического права

1972

ВВЕДЕНИЕ

Задачи и система курса

1. **Этапы правового обучения и общая теория права.** Право — сложное социальное явление. Изучение свойств и структуры права, его закономерностей и социальной роли, его действия и применения в практической жизни является длительным и трудоемким процессом, который распадается на ряд этапов.

На первоначальном этапе правовое обучение проходит обычно в курсе теории государства и права и примыкающих к нему дисциплин (история государства и права и др.). Здесь право рассматривается в неразрывном единстве с другой частью надстройки — государством. Этот курс нацелен на то, чтобы ознакомить обучающихся с основами марксистско-ленинского учения о государстве и праве.

Следующий — наиболее продолжительный — этап правового обучения сводится к овладению отдельными сторонами правового регулирования, государственной деятельности, отдельными отраслями права. Обучение здесь замыкается в рамках многих, конкретных, обособленных друг от друга дисциплин — уголовного права, гражданского права, трудового права, прокурорского надзора, криминалистики и т.п. Этим конкретным дисциплинам свойствен преимущественно практический уклон. Такое детализированное изучение права подкрепляется, наконец, практической работой (практикой), в ходе которой оттачиваются и обогащаются специальные знания по конкретным правовым вопросам.

Но именно потому, что изучение права проходит в основном в пределах многих конкретных дисциплин и на практике, возникает необходимость вновь вернуться к изучению права в целом. Это — третий этап изучения права, на котором подводится известный итог всей ранее проделанной работе и ставится задача наиболее глубокого и полного изучения правовых категорий, которые наполняются многогранным конкретным содержанием. Право вновь воспринимается как цельный механизм — единый регулятор общественных отношений. Причем возвращение к праву как к целому осуществляется здесь на новой качественной основе — на базе специальных знаний, накопленных при проработке конкретных дисциплин.

Изучение общей теории права после того, как усвоены необходимые данные в рамках конкретных юридических дисциплин, — обязательный, важный этап правового образования.

2. Основные задачи курса. Изучение общей теории права имеет существенное значение во многих отношениях.

Прежде всего это способствует упорядочению, приведению в определенную систему специальных знаний по конкретным юридическим дисциплинам.

Общая теория права и сама вооружает рядом конкретных «тонких» и детализированных данных, необходимых для практической деятельности (правила применения норм, действия нормативных актов во времени, в пространстве, по кругу лиц и др.).

Общая теория права расширяет «юридический кругозор», ставит практическую деятельность, связанную с изданием и применением норм права, на прочную научную основу.

Наконец, общая теория права представляет собой решающее средство внедрения юридической культуры, а также и того, что условно может быть названо «юридическим мышлением». Только глубокое усвоение всех тонкостей и деталей механизма правового регулирования позволяет проникнуть во все внутренние связи и закономерности права как части надстройки, правильно, умело и эффективно проводить в жизнь правовую политику социалистического государства.

Высококвалифицированным юристом может быть назван не тот, кто усвоил лишь конкретное содержание многочисленных нормативных актов (нормативные акты нередко за короткий срок существенно изменяются), а тот, кто на основе глубокого понимания сущности и социального назначения права, всего механизма правового регулирования способен при помощи общих юридических понятий осмыслить любой нормативный акт и самостоятельно принять политически и юридически правильное решение. Это и есть высокая юридическая культура, способность «мыслить юридически»¹.

---

¹ Французский юрист Рене Давид, касаясь юрико-технической стороны правового обучения (что, разумеется, делает его суждения односторонними), пишет: «Главное в преподавании — это не ознакомить студентов с юридическими нормами, а привить им навык к пониманию структуры, категорий и концепций права той или иной страны, обучив их *словарю* права; научить методам, при помощи которых можно найти нормы, необходимые для решения данной проблемы; развить у студента определенную *восприимчивость*, которая позволит «чувствовать» это решение в соответствии со стандартами, часто не очень ясными, а иногда и нелогичными, которые приняты в данном обществе. В связи с этим вовсе необязательно, чтобы обучение базировалось на дисциплинах, кажущихся наиболее «практичными»; по нашему мнению, предпоч-

В развитии юридической культуры, а также «юридического мышления» и состоит то главное, что обуславливает необходимость изучения общей теории права.

3. Объем материала и система курса. Настоящий курс посвящен социалистическому праву, рассматриваемому преимущественно на материале советского права.

Ограничение содержания курса вопросами социалистического права объясняется главным образом необходимостью максимального приближения его к задачам правового обучения в юридических вузах, к задачам сегодняшнего дня, к нуждам практики. В то же время такой подход позволяет рассмотреть и общие правовые понятия и, стало быть, достигнуть решения тех задач, которые обеспечиваются при помощи общей теории права в целом.

Система курса общей теории социалистического права складывается из пяти разделов: 1) право в социалистическом обществе; 2) нормы права и правоотношения; 3) нормативные акты; 4) применение норм права; 5) наука права. Эти разделы отражают последовательные ступени изучения права, постепенного раскрытия его отдельных сторон и проявлений — от социальной характеристики права (раздел первый) к его внутреннему юридическому строению (раздел второй), от этого — к внешним формам выражения права (раздел третий) и в итоге — к практической деятельности по применению права (раздел четвертый). Следовательно, используя образные — и отсюда недостаточно точные — выражения, можно сказать, что первый раздел отведен «социологии» права, второй — его «догме», третий — «юридической форме», а четвертый — «практике» действия права, т.е. праву в его практическом применении. И в заключение — характеристика юридической науки — того вида общественного сознания, который связан с изучением социалистического права (раздел пятый).

Изучение общей теории социалистического права построено таким образом, чтобы последовательно охватить все основные стороны связи и проявления социалистического права, механизма правового регулирования.

4. Использование специальной литературы при подготовке курса теории права. Достаточно полное изучение теории социалистического права предполагает тщательную проработку руководящей и специальной литературы.

ительнее концентрировать внимание на дисциплинах, наиболее глубоко разработанных, которые с большей ясностью... могут познакомить с концепциями, методами и общим духом рассматриваемого права» (Рене Давид. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967. С. 36–37).

Правда, в настоящем пособии по возможности учтены новые данные советской юридической науки, отражено современное состояние теоретической разработки отдельных правовых проблем¹. Но это ни в коей мере не может заменить всего того богатства знаний, которое накоплено советской правовой наукой.

Цель пособия — не заменить в кратком изложении существующую специальную научную литературу по вопросам теории права, а, напротив, побудить читателя постоянно обращаться к ней, выработать вкус и потребность систематического ее изучения.

Юридическое образование вовсе не завершается изучением цикла учебных дисциплин, предусмотренных программой высших юридических учебных заведений. Не завершается оно и овладением практических навыков. Практический работник становится высококвалифицированным юристом лишь тогда, когда он непрерывно пополняет свой теоретический багаж, любит и читает специальную литературу. Поэтому правовое обучение состоит не только в том, чтобы вооружить обучающихся необходимыми конкретными сведениями по праву и привить им «юридическое мышление», но и в том, чтобы развить у них органическую потребность к постоянному общению с литературой — потребность, выступающую в качестве одной из наиболее ярких проявлений высокой юридической культуры. Юридическое образование, как и всякое другое научное образование, — это непрерывный процесс пополнения знаний, который возможен лишь при достаточно развитом вкусе к научной юридической литературе.

Содержание курса

1. Главное в содержании курса. Содержанием настоящего курса является *марксистско-ленинская теория права*.

В нем право и другие правовые явления освещаются с тех принципиально новых позиций, которые разработаны основоположниками марксизма-ленинизма, — с позиций диалектического и исторического

---

¹ В пособии с известными коррективами и дополнениями использованы материалы, опубликованные ранее в работах автора, в том числе в книгах «Общие теоретические проблемы системы советского права» (Госюриздат, 1961), «Механизм правового регулирования в Советском государстве» (М.: Юрид. лит., 1966), «Социальная ценность права в советском обществе» (М.: Юрид. лит., 1971), а также в статьях и других работах, посвященных вопросам общей теории права и гражданского права (работы опубликованы в журналах «Советское государство и право», «Правоведение» и в сборниках статей). В последующем ссылки на эти работы в пособии не приводятся.

материализма, марксистской политической экономии, теории научного коммунизма. В курсе за основу взяты теоретические положения о праве, сформулированные в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, в документах КПСС и других коммунистических и рабочих партий, международных совещаний коммунистических и рабочих партий.

В соответствии с этим курс посвящен изложению и обоснованию диалектико-материалистических взглядов на право, на его сущность, функции и роль в социалистическом обществе. Основными идеями курса, непосредственно выражающими коренные устои марксистско-ленинского мировоззрения, являются такие фундаментальные положения диалектико-материалистического понимания права, как общественно-исторический, объективно-необходимый характер права в классовом обществе, обусловленность права экономическим базисом общества, его классовость и нераздельная связь с государством, его особенности в качестве государственной воли, возведенной в закон, и др.

Определяющим для содержания курса являются *ленинские идеи о праве и законности в социалистическом обществе*. В.И. Ленину принадлежит историческая заслуга разработки коренных методологических положений о месте и роли права в социалистическом обществе, о сущности и требованиях социалистической законности, о праве и культуре при строительстве социализма и коммунизма и т.д.

Современный этап коммунистического строительства в СССР — этап развитого социализма — это период наиболее полного и последовательного осуществления ленинских идей о праве и законности в социалистическом обществе. В соответствии с этим по своему главному содержанию курс опирается на данные и материалы, относящиеся к нынешнему периоду развития советского права.

2. Теоретические концепции социалистического права. На основе марксистско-ленинских взглядов на право сложилась и развивается особая область общественных знаний — социалистическое правоведение.

Социалистическое правоведение спаяно *идейным единством*. Всех марксистов-правоведов объединяют единство методологической основы, революционного пролетарского долга, последовательное служение интересам народа, строительства социализма и коммунизма.

Идейное единство социалистического правоведения не исключает, однако, творческого разнообразия в исследовании права. Марксизм-ленинизм — враг всякого шаблона, мертвечины в науке, закостенелых, догматических схем и постулатов. Творческое применение законов и категорий материалистической диалектики при исследовании

конкретного фактического материала в ряде случаев приводит правоведов к неодинаковым результатам, к различным теоретическим выводам. Нередко в ходе исследования вырабатываются своеобразные теоретические концепции, объясняющие правовые явления. В советской юридической науке сложилось несколько творческих школ, которые объединяют ученых-правоведов известной спецификой в подходе к объяснению правовых явлений, особой творческой манерой истолкования фактов.

Существенную роль играет здесь углубление теоретического анализа. Новые явления, вскрытые при таком анализе, могут получить своеобразное теоретическое истолкование, которое в рамках марксистско-ленинской методологии будет означать попытку продвинуть разработку общетеоретической правовой проблематики на новую ступень. Все это и создает возможность, а точнее необходимость существования на базе единых диалектико-материалистических предпосылок теоретических концепций социалистического права.

В последние годы социалистическое правоведение на основе завоеванных, прочно вошедших в науку методологических положений сосредоточило внимание на *регулятивной, активно-созидательной стороне права*. Исследовательская работа в указанном направлении еще не завершена. Но, на мой взгляд, накопленные в результате такого углубленного исследования понятия и идеи объединяются в теоретическую *концепцию социалистического права как регулятора общественных отношений*.

3. Развитие философии и общая теория права. Общая теория права как наука представляет собой такую часть социалистического правоведения, которая непосредственно связана с философией, диалектическим и историческим материализмом. Углубление и развитие философских знаний отражаются на состоянии разработки общетеоретических правовых проблем и во многих случаях определяют тот своеобразный «поворот» в понимании правовых явлений, который и характерен для теоретических концепций.

В настоящее время происходит довольно интенсивное развитие философской мысли. На основе фундаментальных положений марксистско-ленинской философии в последние годы выдвинут ряд перспективных идей, разрабатываются конструктивные направления в исследовании философской проблематики.

Для общей теории права, как и для других отраслей социалистического правоведения, особо существенное значение на данном уровне развития науки имеют:

а) *системный («механизменный») подход* – направление в исследовании явлений, когда они рассматриваются в качестве элементов цельных систем, единых, сложных «организмов»;

б) *структурный подход* – направление исследований, когда внимание концентрируется на связях и соотношениях элементов, образующих те или иные объекты;

в) *функциональный подход* – направление исследований, когда более глубокое проникновение в сущность явлений достигается при помощи исследования их функций в данной системе и функций системы в целом;

г) *аксиологический (ценностный) подход* – такое направление исследования, когда явления общественной жизни рассматриваются в качестве ценностей, благ, т.е. таких явлений, которые не только необходимы, но и способны принести выигрш в общественной жизни, связанные с духовными идеалами людей, классов, общества.

Все эти направления развития философской мысли, представляющие собой специфические формы конкретизации диалектико-материалистического взгляда на мир, органически связаны друг с другом, являются ступенью в общем потоке развития философских знаний. И именно они (взятые в единстве) предопределяют то своеобразие концепции социалистического права как регулятора общественных отношений, которое, по замыслу автора, определяет на базе единых диалектико-материалистических предпосылок марксистско-ленинской методологии содержание настоящего курса.

4. Специальные, «сквозные» идеи курса. В соответствии с концепцией социалистического права как регулятора общественных отношений курс содержит ряд специальных, «сквозных» идей.

Конечно, в настоящей работе прежде всего ставилась задача последовательно провести общие диалектико-материалистические положения о праве, обобщить и в систематическом порядке изложить общетеоретическую правовую проблематику, попытаться определить объем и систему самостоятельного курса по общей теории социалистического права. Но именно потому, что при написании работы преследовалась цель с максимальной полнотой использовать новейшие достижения юридической науки, ее современный «дух», курс общей теории социалистического права отразил и указанную выше теоретическую концепцию. К тому же автор в порядке постановки вопроса предпринял попытку свести воедино основные положения этой концепции, уточнить ее отдельные положения, проверить ее на всем материале общей теории социалистического права.

Каковы же специальные, «сквозные» идеи курса? Укажу на те из них, которые прямо соответствуют упомянутым выше направлениям развития философской мысли и которые поэтому представляются особенно важными для современного «видения» права, его сущности и роли в жизни социалистического общества.

1) *Положение о механизме правового регулирования.* Право, правоотношения и все другие правовые явления рассматриваются в курсе как звенья единого механизма, обеспечивающего юридическое воздействие на общественные отношения. Это не только позволяет объединить все правовые явления в единую, целостную картину, отражающую единство и целостность правовой части надстройки, но и выяснить те особые функции, которые выполняет каждое из звеньев механизма в процессе юридического воздействия.

2) *Положение об единстве структуры права.* Для права характерна «системность» — сложное строение составляющих его норм, институтов, отраслей, связанных в прочное единство. В курсе предпринята попытка показать, что учет сложной структуры социалистического права предопределяет решение многих общетеоретических вопросов.

3) *Положение о регулятивных (динамической и статической) и охранительных функциях права.* Это одна из ключевых идей работы. Разграничение между функциями права оказалось настолько существенным, что оно выступило в качестве одного из главных оснований классификации юридических норм, дифференцированного подхода к определению функций правоотношений, их содержания, объектов и т.д. Иными словами, в зависимости от специфических функций определяется внутреннее строение права, правового регулирования.

4) *Положение о социальной ценности права.* Это также одно из главных теоретических положений курса. Социалистическое право представляет собой существенную социальную ценность, которая является завоеванием социализма и дальнейшее утверждение которой (как ценности) способствует укреплению социалистической законности, успешному решению задач строительства коммунизма.

Указанные идеи (положения) объединены мыслью о *своеобразии правовой формы* общественного регулирования. Опираясь на марксистско-ленинские взгляды о соотношении содержания и формы, в курсе показано специфическое содержание права, составляющих его норм, всего механизма правового регулирования. Упомянутые выше теоретические положения и призваны раскрыть различные стороны и проявления специфического содержания юридической

формы общественного регулирования, обусловленного его классово-волевым, политическим содержанием. С этой точки зрения в курсе предпринимается попытка осветить многоплановость правовой жизни общества, правовой действительности (и, в частности, сделано ударение на роль индивидуального поднормативного правового регулирования).

И еще одна существенная (правда, только лишь намеченная) «сквозная» идея, определяющая теоретическое содержание курса. Это освещение *управленческой природы* права, его роли как элемента системы социального управления.

Не всегда, быть может, специальные, «сквозные» идеи изложены в последующем с надлежащей выпуклостью (так как изложение подчинено общей системе и профилю курса). Но как раз по этой причине целесообразно с самого начала проследить их влияние на характер и направление решения соответствующих теоретических вопросов.

Раздел первый. Право в социалистическом обществе

ГЛАВА I ПРАВО

1. Общественное регулирование и право. Общество — это сложная и вместе с тем цельная (органичная) система, цельный организм. Непременным условием функционирования и развития общества является его внутренняя организованность, известная степень упорядоченности существующих в нем отношений. Поэтому любое человеческое общество немыслимо без регулирования поведения людей. Даже на самых ранних ступенях развития общества — при первобытнообщинном строе — поведение людей охватывалось довольно строгой регламентацией (традиции, подчинение авторитету старейшин, религиозные обряды и др.)¹.

Общественное регулирование поведения людей связано с формированием и развитием *социальных норм* — правил поведения общего характера, распространяющихся на определенный коллектив людей (общество в целом). Ф. Энгельс указывал: «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»². Таким образом, регламентация поведения людей в обществе выступает в виде нормативного регулирования.

Социальные нормы весьма разнообразны. К ним относятся, в частности, обычаи, нормы морали, нормы общественных организаций (корпоративные нормы).

В классовом обществе к этим видам социальных норм присоединяется и сразу же выдвигается на первое место новое, специфическое средство регулирования поведения людей — право.

---

¹ К. Маркс писал: «Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от простого случая и просто произвола» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 356–357).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 272.

Право – это необходимый, неизбежный продукт классового общества. При существовании антагонистических социальных противоречий господствующий в обществе класс сохраняет и упрочивает свое экономическое господство при помощи политического господства – государства и права. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Помимо того что господствующие при данных отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства*, они должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона»¹.

Таким образом, возникновение и существование права связаны с необходимостью общественного (нормативного) регулирования отношений классового общества. Право по своему социальному назначению выступает в качестве *классового регулятора* – инструмента, обеспечивающего функционирование и развитие классового общества как сложной органической системы (общественного организма).

Раскол общества на классы – социальная основа возникновения права. Подчеркивая это в высшей степени важное для марксистско-ленинской правовой доктрины обстоятельство и, следовательно, проводя здесь аналогию с возникновением государства, необходимо вместе с тем видеть и особенности в основаниях и процессе возникновения права.

Прежде всего существуют «собственные» экономические и политические причины, обусловившие необходимость правового регулирования. Дело ведь не только в том, что государству для выполнения классовых задач и ведения «общих дел» потребовался инструмент, при помощи которого оно могло бы делать свою волю общеобязательной. Здесь могут быть установлены и процессы иного порядка. Разделение труда, потребности товарного производства и обмена вызвали надобность в точных, детализированных и в то же время «всеобщих», строго гарантированных нормах. А уже это наряду с другими более глубокими факторами явилось одним из обстоятельств, вызвавших к жизни всю систему средств политического регулирования классового общества.

Право, надо полагать, имеет и свою *предысторию*, которая, видимо, связана с формированием нравственных предпосылок правового регулирования (о них речь позже). Эти нравственные предпосылки, а также некоторые свойства права стали постепенно складываться в недрах первобытнообщинного строя. Не случайно Ф. Энгельс говорит о «правах» племен, о существовании в тот период «материнского права» и т.п.² По мере разложения первобытнообщинного строя стали формироваться такие специфические способы регулирования, которые явились промежуточными образованиями между нормами первобытнообщинного строя и правом. Одним из таких промежуточных об-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 322.

² Там же. Т. 21. С. 120, 122, 131, 133, 136.

разований явились «система табу»¹, а затем *общинное право* (соответствующее во многих случаях особой стадии в процессе возникновения государства — «военной демократии»).

2. Классово-волевое содержание права. К. Маркс и Ф. Энгельс, раскрывая фальшь буржуазных представлений о праве, писали: «...Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»². Это теоретическое положение распространяется на все правовые системы антагонистических формаций (т.е. не только на буржуазное, но и на феодальное, и на рабовладельческое право), а также и на социалистическое право периода диктатуры пролетариата (с той, разумеется, оговоркой, что пролетарское право выражает и волю всех трудящихся, т.е. большинства общества). После полной и окончательной победы социализма содержание права образует волю всего народа. Так что в целом в социалистическом обществе в праве выражается *воля трудящихся во главе с рабочим классом*.

Положение о классово-волевом содержании права является существенным моментом, раскрывающим его роль как классового регулятора общественных отношений.

Именно в воле, выраженной в праве, закрепляются экономические и иные интересы господствующего класса. Важно при этом, что право не только отражает интересы господствующего класса, но и активно воздействует на общественные отношения с целью проведения их в жизнь. Такое целенаправленное стремление и отражено в категории «воля класса»³.

В праве выражена классовая, т.е. групповая, коллективная (при социализме — общенародная) воля. Хотя по своей природе воля — явление психологическое, связанное с индивидуальной психикой людей, но, закрепленная в праве, она представляет собой единство психологических и социальных моментов.

В праве воля господствующего класса *объективируется*. К. Маркс и Ф. Энгельс обращали внимание на то, что господствующие при данных отношениях индивиды «проводят свою собственную волю в фор-

¹ По мнению А.В. Дроздова, «система табу является зародышем правовых норм» (Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Изд-во ЛГУ, 1966. С. 90; см. также: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 71–77).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

³ Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 4.

ме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них»¹.

Таким образом, право представляет собой такой регулятор общественных отношений, который имеет классово-волевое содержание. Право выражает *волю экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе)*².

3. Право как воля, «возведенная в закон». Важное значение имеет положение о том, что право это воля, «возведенная в закон».

Возведенная в закон — значит, прежде всего *государственная воля*. Что такое закон? — ставил вопрос В.И. Ленин и отвечал: «Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть»³. Право — явление в широком смысле государственное. «Чтобы запрещать или предписывать, — писал В.И. Ленин, — надо быть властью в государстве»⁴. Право исходит от государства, воплощает его волю, в которой заключена воля экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом в социалистическом обществе). Государственные органы непосредственно издают или санкционируют юридические нормы. Государственный аппарат гарантирует эти нормы, обеспечивая их реальное, фактическое проведение в жизнь.

Объективирование воли экономически господствующего класса в праве оказывается возможным лишь после придания ей характера государственной воли. «...Воля, — подчеркивал В.И. Ленин, — если она

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 322.

Объективированный характер выраженной в праве воли объясняет своеобразие действия юридических норм. «Закон как общее правило поведения действует, «гласит» и тогда, когда словесный и логический смысл, вложенный в него, позволяет суду или администрации регулировать те охраняемые государственной властью отношения, которые первоначально не предусматривались законодателем или возникли уже после издания закона» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 367).

² Приведенную формулировку классово-волевого содержания права, казалось бы, можно упростить, указав в единой формуле на то, что право, как полагают М.И. Байтин, В.В. Борисов, А.М. Витченко, Н.И. Матузов, В.А. Шебалин, выражает «возведенную в закон волю класса, осуществляющего политическую власть (Советское государство и право. 1971. № 6. С. 142). Однако такое «упрощение», если его принять, усложнило бы задачу по раскрытию классово-волевого содержания права: все равно пришлось бы расшифровывать формулировку «класс, осуществляющий политическую власть» и, стало быть, возвращаться к исходному — к указанию на то, что в праве выражается воля экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе).

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 306.

⁴ Там же. Т. 32. С. 340.

государственная, должна быть выражена как *закон*, установленный властью; иначе слово «*воля*» пустое сотрясение воздуха пустым звуком»¹.

Однако формула «возведение в закон» указывает не только на то, что объективированная в праве воля является государственной. В этой формуле содержится и другой глубинный смысл, выражающий, в частности, нравственные начала права.

Право — это не вся и не всякая государственная воля. Политическая диктатура экономически господствующего класса может в принципе осуществляться и вне права, неправовыми методами политического господства (мерами непосредственного принуждения, фактическими организационными действиями и др.). И вот как раз для того, чтобы стать правом, государственная воля должна быть «возведена в закон». А последнее означает не только придание определенным нормам властной, общеобязательной силы. Слово «возвести» дает представление о праве как о нечто таком, что «приподнято», перемещено в специфическую плоскость.

Право является такой системой классового регулирования, в соответствии с которой участники общественных отношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости. Здесь государственная воля приобретает то, что присуще именно «закону», — всеобщность и устойчивость юридических предписаний.

Иными словами, формула «возведенное в закон» выражает *правовое содержание*, свойственное праву как классовому регулятору. На это правовое содержание указывал К. Маркс, когда писал, что в борьбе с необузданными, алчными интересами нужно «уделять ...главное внимание *правовому содержанию*, чтобы у нас в конце концов не осталась одна только пустая маска»². И в связи с этим К. Маркс подчеркивал: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»³.

Наличие специфического правового содержания дает возможность понять, почему возведенная в закон государственная воля экономически господствующего класса называется «правом». Это обусловлено именно тем, что правовая форма общественного регулирования, во-первых, предполагает наличие гарантированной системы субъективных прав и, во-вторых, воплощает в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости. Отсюда и близость по смысловому значению слов — «правовое», «правое», «справедливое».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 158–159.

³ Там же. С. 159.

Таким образом, право представляет собой не «просто» выражение воли экономически господствующего класса, а его *государственную волю, возведенную в закон*.

4. Свойства права. Особенности права как классового регулятора предполагают и своеобразие его *свойств*.

Всякое общественное регулирование осуществляется при помощи социальных норм. Но главное в праве — его социально назначение и классовое, государственно-волевое содержание — придает специфический характер и нормативности, и всем другим свойствам права, сообщает им особый «правовой» характер.

Праву как особой форме (разновидности) общественного регулирования присущи четыре основные свойства: нормативность, формальная определенность, системность, принудительность.

Н о р м а т и в н о с т ь. Право состоит из *общеобязательных* норм¹. Оно потому и способно выполнять роль регулятора общественных отношений в классовом обществе, что определенным правилам поведения придается общеобязательное значение. Каждое лицо, которое попадает в сферу действия правовой нормы, обязано подчиниться ее требованиям. В отличие от морали и некоторых других неправовых форм общественного регулирования общий характер правовых норм не зависит от субъективного отношения к данным нормам тех или иных лиц.

Особый характер нормативности, свойственной праву, состоит также в том, что юридические нормы в принципе могут распространяться на территорию всей страны и действовать непрерывно во времени (вплоть до их отмены или изменения).

С и с т е м н о с т ь. Право представляет собой *систему* норм². Существующие в данном государстве правовые нормы настолько тесно связаны между собой, что их действие друг без друга невозможно. Правовые нормы соединены в единый сложный нормативный механизм правового регулирования. Выражением системности права являются его структура и прежде всего деление юридических норм на отрасли и институты.

Ф о р м а л ь н а я о п р е д е л е н н о с т ь. Нормы, из которых складывается право, носят *формально-определенный характер*³. Они имеют определенное, в большинстве случаев точное, конкретизированное, детализированное содержание, с надлежащей полнотой охватывающее данные общественные отношения. А главное — содержание

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 129–130.

² Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 8–12.

³ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 34 и др.

правовых норм закреплено в формальных актах (источниках права), причем в более или менее развитых правовых системах оно прямо зафиксировано в актах, исходящих от государства.

П р и н у д и т е л ь н о с т ь. Право — это система норм, которая *гарантируется государством*.

Неверным было бы полагать, что принудительная сила государства — единственное средство проведения правовых норм в жизнь.

В результате идеологического воздействия (а в социалистическом обществе — высокой сознательности людей, их убежденности в целесообразности права и др.) требования правовых норм в тех или иных масштабах проводятся в жизнь добровольно, без применения принудительной силы государства. Да и сами способы, методы и приемы государственного гарантирования юридических норм весьма разнообразны. Они зависят от исторического типа государства, его формы, политического режима и конкретного этапа развития общества.

Несмотря на все это, возможность применения принудительной силы государства во всех случаях остается специфическим признаком права, четко отграничивающим его от других форм общественного регулирования. «...Право, — писал В.И. Ленин, — есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»¹.

Таким образом, право как классовый регулятор, выражающий возведенную в закон государственную волю экономически господствующего класса, представляет собой *систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством норм*. Будучи устойчивой, стабильной нормативной системой общественного регулирования, право вместе с тем способно изменяться в связи с развитием общественной жизни, реагировать на появление новых или отпадение отживших общественных отношений (*динамизм* права).

5. Содержание и форма в праве. Признаки права. Определение права. Каждое явление имеет содержание и форму.

С о д е р ж а н и е права образует объективированная в системе общеобязательных норм возведенная в закон *государственная воля*². По своему содержанию право выступает как явление многогранное,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

² Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 207; Иоффе О.С. О форме и содержании социалистического права // Вестник Ленинградского университета. 1959. № 11. С. 84; Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. Госюриздат, 1960. С. 200; Шебанов А.Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 17 и сл.; Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 377–378 и др.

многостороннее. Наиболее важным здесь, как следует из предшествующего изложения, являются: а) классово-волевое содержание, б) те аспекты социального содержания, которые отражены в формуле «возведенное в закон», т.е. то, что может быть названо специфически правовым содержанием.

Ф о р м а права выражает *организацию* содержания. Последнее существует и внешне выражается, лишь будучи отлитым в известные формы. «Организация» содержания имеет внутреннюю и внешнюю стороны. В соответствии с этим различаются внутренняя и внешняя формы.

Внутренняя форма представляет собой *структуру содержания*. При чем «структуру» права можно рассматривать в двух аспектах и, собственно, в двух аспектах понимать внутреннюю форму.

Если структуру понимать как строение «материализованной системы»¹, то внутренняя форма права сводится к строению и соотношению таких частей, как отрасли, институты, элементы нормы и др.² Но если структуру трактовать в более широком смысле, т.е. как способ, закон связи элементов содержания³, то в этом случае внутренняя форма раскрывается не только через системность, но и через всю совокупность правовых свойств — нормативность, формальную определенность и др. Организация содержания обеспечивается всеми его свойствами, которые и делают государственную волю «правом».

Следовательно, все рассмотренные в предшествующем изложении свойства права характеризуют его внутреннюю форму.

Внешняя форма — это источники права и прежде всего нормативные юридические акты (законы, акты правительства и т.д.).

Различая внутреннюю и внешнюю формы в праве, необходимо указать и на их единство. Внутренняя организация содержания, выраженная вовне, и есть внешняя форма. Это — общеправовая сторона вопроса. Применительно же к праву невозможность отрыва структуры и внешней формы имеет и особые основания, состоящие в принадлежности права к надстроечным, идеологическим отношениям. Нормативные акты и иные источники юридических норм представляют собой не просто нечто «внешнее», а необходимый момент в самом существовании права.

---

¹ Зобов Р.А. О разработке некоторых новых категорий материалистической диалектики в советский период // Вестник Ленинградского университета. 1968. № 5. С. 50–51.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 379–380.

³ Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Изд-во ЛГУ, 1970. С. 3 и сл.

Поэтому, если рассматривать правовые свойства в качестве выражения элементов его структуры (внутренней формы), становится ясным, что каждый из этих элементов, выраженный вовне, выступает в виде соответствующего элемента внешней формы — источников права, нормативных актов. Так, нормативности права соответствует нормативный характер актов правотворчества, формальной определенности — их документальное, словесно-языковое выражение, системности — структура законодательства и т.д.

Вот почему вполне оправданно говорить об *единой форме права* (или *правовой форме*), охватывающей и внутреннюю, и внешнюю формы, а также некоторые моменты того социального содержания, которое выражается положением «возведенное в закон». Именно так, в едином смысле, нужно понимать форму права, когда рассматривается соотношение социального содержания и правовой формы, возможность отставания, «сбрасывания» старой формы, использования старой формы в новых социальных условиях и т.д.¹

П р и з н а к и п р а в а — это характерные моменты, отражающие социальное назначение, содержание и свойства права. Выделяя главные особенности права, можно указать, во-первых, на признак, характеризующий социальное назначение права (выступление в качестве классового регулятора), во-вторых, на признаки содержания права (классово-волевое содержание «возведенность» государственной воли в закон) и признаки, отражающие основные свойства права (нормативность, формальную определенность, системность, принудительность).

Суммируя эти группы признаков, можно общее определение права сформулировать следующим образом:

Право — это система общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством норм, выражающих возведенную в закон государственную волю экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе) и выступающих в качестве классового регулятора общественных отношений.

В советской юридической литературе определению права уделяется достаточно много внимания.

Действительно, четкое и достаточно полное определение обеспечивает необходимую последовательность и стройность при изложении понятия права, его особенностей и свойств. Немаловажно его методическое значение в процессе преподавания проблем общей теории.

---

¹ О диалектике соотношения формы и содержания в праве см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 380—384.

Вместе с тем следует признать неплодотворной, лишенной существенно-научного значения, попытку некоторых авторов свести всю проблему понятия права к вопросу его определения и состава включаемых в него признаков. В последние годы недостаток принятой в литературе характеристики права подчас связывались с тем, что в его определении не содержится указания на обусловленность воли господствующего класса экономическим базисом, не подчеркивается добровольное в основном исполнение юридических норм в социалистическом обществе и др.¹

Нет нужды подробно разбирать эти и им подобные соображения. Широко известно высказывание Ф. Энгельса об ограниченном, вспомогательном значении дефиниций в науке. Но почему-то получается так, что как только те или иные авторы обращаются к вопросу о признаках, которые должны найти отражение в кратком определении права, этому немедленно придается принципиальное значение. Возвеличивание дефиниций в данном случае тем более непонятно, что все авторы, формулирующие краткое определение права, которое отражает в основном его специфические признаки, неизменно указывают при развернутом изложении «существа самого дела» и на обусловленность права экономическим базисом и на то, что правовые нормы в социалистическом обществе осуществляются в основном добровольно и т.д.

При рассмотрении понятия права необходимо и дальше сосредоточивать усилия на том, чтобы, опираясь на фундаментальные методологические положения марксистско-ленинской теории, углублять наши представления о социальном назначении, содержании и свойствах права как классовом регуляторе общественных отношений.

Необходимо, в частности, продолжить исследование того специфического социального содержания права, которое охватывается марксистской формулой «возведенное в закон». Здесь весьма перспективным представляется анализ связей права с его нравственными основами, с общественным прогрессом, с человеческими моральными ценностями.

Не менее перспективным является также исследование свойств права. В этой области назрела необходимость более конкретизированного анализа, который бы позволил выявить своеобразное сочетание свойств правовой формы в рамках отдельных структурных общностей права. О других возможных направлениях исследования права будет указано позже.

6. Социальная ценность права. Право является ценностью в обществе, т.е. социальным благом, социально полезным инструментом, соответствующим интересам и идеалам классов, общества, личности.

С точки зрения социального назначения и классово-волевого содержания ценность права является однопорядковой с ценностью других социально-политических институтов и учреждений, существующих

---

¹ См., например: *Полежаев П. Т.* К вопросу о понятии социалистического права // *Право и коммунизм* / Под ред. Д.А. Керимова. М.: Юрид. лит. С. 15 и сл.

щих в данной системе классовых отношений. Ценность права в этой плоскости состоит в «*служении*» определенным классовым интересам. В обеспечении экономического, политического и идеологического господства класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе) и заключается *высшая* социальная ценность права как политического классового явления.

Освещение ценности права требует также учета его свойств как формы общественного регулирования.

Главное здесь состоит в том, что свойства права позволяют ему быть *высокоэффективным и целесообразным нормативным регулятором*. В классовом обществе нет другой системы социальных норм, которая смогла бы обеспечить столь эффективное и целесообразное регулирование экономических, государственно-политических, организационных и ряда других отношений. Именно право в классовом обществе является одним из главных инструментов, обеспечивающих высокую организованность общественной жизни, функционирование социального управления.

В этом обеспечении высокой организованностью «участвуют» эти свойства права. При помощи нормативности может быть создана единая экономичная, непрерывно действующая система типовых масштабов, программ поведения; при помощи формальной определенности — четкость и определенность в содержании программируемого поведения; при помощи принудительности — его стимулирование и т.д. В процессе правового регулирования происходит «перевод» свойств права в организованность общественных отношений — в их упорядоченность, определенность, устойчивость, динамичность, системность¹.

Если же взять свойства права в единстве с той стороной его социального содержания, которые охватываются формулой «возведенное в закон», то ценность права раскрывается еще в одном, весьма важном отношении. Здесь право выступает как такая общественная форма, которая связана с развитием демократических принципов в общественной жизни, утверждением и охраной прав личности². Право в данной

---

¹ Анализ свойств права, проделанный в работе «Социальная ценность права в советском обществе» (М.: Юрид. лит., 1971. С. 68 и 69), должен быть дополнен характеристикой такого свойства, как системность. И это свойство, как показало дополнительное изучение проблемы, предопределяет ценность права: оно обеспечивает организованность всей системы общественных отношений в единстве сочетаний, взаимосвязи.

² П.М. Рабинович и Н.В. Витрук пишут, что при ближайшем формальном рассмотрении именно право является источником свободы или несвободы личности (Рабинович П.М., Витрук Н.В. Социалистическое право и личность // Правоведение. 1970. № 3. С. 18).

плоскости является общественной формой, противостоящей режиму произвола и беззакония¹.

Наконец, право может быть охарактеризовано и в виде своеобразного явления морали, культуры. Оно представляет собой средство, выражающее духовную жизнь общества, т.е. его духовные, культурные, моральные ценности. Известно, например, что В.И. Ленин, по свидетельству А. В. Луначарского, «относился» к той или другой правовой формуле как к настоящей научной ценности, как к большому приобретению ума².

7. Исторические типы, национальные системы и структурные общности права. Общее понятие права не может пойти дальше ряда характеристик, относящихся к социальному назначению содержанию, свойствам и ценности правовой формы общественного регулирования.

Для более детального анализа права необходим конкретно-исторический подход. Этой цели служат категории: 1) исторический тип, 2) национальные системы; 3) структурные общности (семьи национальных систем).

Исторический тип — категория, отражающая общие социальные черты всех систем права, соответствующих определенному экономическому базису. Это одно из определяющих понятий марксистско-ленинской правовой теории, позволяющей углубить и конкретизировать классовую сущность права, его классово-волевое содержание и классово-регулирующую роль. Каждая классовая общественно-экономическая формация включает «свой» исторический тип права. В соответствии с этим основу марксистско-ленинской типологии правовых систем составляет деление на четыре исторических типов права: рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое.

Проводя четкое разграничение между четырьмя историческими типами права, необходимо видеть и то, что могут существовать правовые системы, находящиеся в состоянии перерастания от одного типа к другому. В соответствии с этим они носят смешанный характер. Такие переходные правовые системы существовали в прошлом. Их наличие необходимо учитывать и при рассмотрении правовых систем современного мира. В этом отношении особый интерес вызывают правовые системы, складывающиеся в странах, осво-

---

¹ По справедливому мнению В.А. Туманова, «как ценность право противостоит режиму произвола и беззакония. Хотя на протяжении веков в право отнюдь не всегда вкладывалось содержание, отвечающее нуждам прогресса, но вместе с тем без права нельзя утвердить принципы демократии, равенства, свободы» (Туманов В.А. Современный антимарксизм и теория права // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 62).

² Луначарский А.В. Ленин как ученый и публицист. М., 1924. С. 17–18.

бодившихся от колониальной зависимости. Так, в странах с социалистической ориентацией происходят сложные процессы, в ходе которых идет постепенное преодоление норм общинного, традиционно-религиозного, колониального права, права бывших метрополий, и складываются новые институты, являющиеся инструментом и результатом социально-экономических и политических преобразований.

Н а ц и о н а л ь н а я с и с т е м а — категория, отражающая особенности права данной страны, взятого в единстве всех его отраслей. Хотя история знает существование в пределах страны нескольких правовых систем (например, в эпоху феодализма), все же в конечном счете общей тенденцией является формирование в стране единой «суверенной» национальной правовой системы. Национальные правовые системы впитывают в себя особенности политического и исторического развития страны, национальные традиции, специфику политического и культурного развития, своеобразие правовых традиций и мышлений.

С т р у к т у р н а я о б щ н о с т ь — категория, выражающая особое «построение» и сочетание свойств права, а также некоторых моментов его социального содержания (в той части, которая охватывается формулой «возведенное в закон»).

Особыми структурными чертами может отличаться самобытная и своеобразная национальная правовая система (например, частное римское право; советское право до возникновения новых социалистических правовых систем).

Но категория «структурная общность» выражает единство со стороны правовых свойств и правового содержания определенной группы национальных систем. Поэтому рассматриваемая категория может быть обозначена и другим термином — «семья правовых систем». Такими структурными общностями (семьями правовых систем) в современном мире являются, в частности, романо-германское право, англо-саксонское (общее) право, семья традиционных и религиозных систем Азии и Африки и др.¹

Структурные общности выражают главным образом юридические особенности группы национальных систем. Поэтому рассматриваемое деление носит вторичный характер. Исходным и решающим остается деление по историческим типам². Вместе с тем категория «струк-

¹ Интересные фактические данные, обрисовывающие некоторые особенности семей правовых систем, содержатся в книге Рене Давида «Основные правовые системы современности» (М.: Прогресс, 1967; перевод с французского).

² Вступительная статья В.А. Туманова в книге Р. Давида «Основные правовые системы современности» (С. 9).

турная общность» имеет и известное самостоятельное значение, отражающее относительную самостоятельность правовой формы. Отсюда «живучесть» структурных общностей, возможность существования одной и той же общности в разных эксплуататорских формациях (хотя, разумеется, в каждой формации особенности данной структурной общности выражаются сообразно социально-классовой природе соответствующего исторического типа права).

8. Смысловые значения термина «право». Термин «право» многозначен. Он довольно широко употребляется, так сказать, в «неюридическом» смысле (например, при указании на моральные права, права члена общественной организации). Да и вообще по своему этимологическому источнику данный термин этического происхождения.

В сфере юридических явлений термин «право» имеет два основных значения. Различается право в *объективном смысле* или иначе — объективное право, т.е. классовый регулятор, выраженный в системе общеобязательных норм, и право в *субъективном смысле* или иначе — субъективное право, т.е. гарантированные юридические возможности известного поведения, принадлежащие субъекту.

Как следует из изложенного в настоящей главе, марксистско-ленинская правовая доктрина за основу научного анализа правовых явлений берет право в объективном смысле (объективное право), четко отграничивая от него субъективное право и тем более моральные и иные «неюридические» права.

Вместе с тем было бы неверным не видеть внутренней связи между указанными смысловыми значениями. Видимо, не случайно логика языка привела к обозначению одним термином столь различных (разноплоскостных) социальных явлений. Классовый регулятор, выраженный в системе общеобязательных норм, потому и является *правом*, что он базируется на глубоких нравственных основах господствующей морали и предполагает существование комплекса субъективных прав у участников регулируемых отношений.

9. Некоторые аспекты общетеоретической разработки понятия права.

Как было показано в данной главе, нынешний уровень общетеоретической разработки понятия права охватывает три основных момента: а) социальное назначение, б) содержание, в) свойства права как классового регулятора общественных отношений. Все большее значение в современных условиях приобретает характеристика права как государственной воли, возведенной в закон. В соединении указанных трех моментов и состоит магистральная линия в исследовании особенно-

стей права, его роли и ценности, его своеобразия в тех или иных исторических типах, национальных системах, структурных общностях.

Вместе с тем в настоящее время постепенно открываются перспективы общетеоретической разработки понятия права и в других направлениях. К ним относятся:

– анализ права как *сложной органичной динамической регулирующей системы*. Право соответствует разработанной в философии модели сложной органичной системы¹. Оно имеет свои первичные элементы, иерархическую структуру, интегративные свойства и т.д. А это значит, что при исследовании права могут быть использованы категории и характеристики, выработанные в отношении органичных систем в целом. Такой подход, несомненно, позволит углубить наши знания в правовом регулировании, выявить в праве новые стороны и свойства²;

– анализ права как такой *нормативной системы, которая предполагает функционирование индивидуального регулирования, осуществляемого компетентными органами* (применение права). Положение, в соответствии с которым правовое воздействие не сводится только к нормативной регламентации общественных отношений, а включает также индивидуальное регулирование, дает возможность увидеть все стороны «участия» государства в механизме правового регулирования, раскрыть своеобразие права, обеспечивающего и всеобщность регулирования, и учет особенностей данной ситуации, воли участников регулируемых отношений.

В определенной мере указанные аспекты общетеоретической характеристики права приняты во внимание и в настоящем курсе, в частности при рассмотрении роли права в жизни общества, структуры права, применении права, видов юридических норм и т.д. Вместе с тем можно предположить, что по мере углубления общетеоретической разработки, накопления новых данных эти аспекты приобретут самостоятельное значение и, возможно, существенным образом повлияют на трактовку основных вопросов общей теории социалистического права.

Есть еще один аспект перспективной разработки понятия права. На основе единого марксистско-ленинского понятия права как классового регулятора, выраженного в системе общеобязательных норм, думается, постепенно вырисовываются контуры более широкой трактовки правовой формы обще-

---

¹ Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970. С. 38–39.

² О своеобразии социальных систем см.: Сорокин В.Д. О специфике социальных управляющих систем // Правоведение. 1971. № 4. С. 44–49.

ственного регулирования. Прав В.М. Чхиквадзе, когда говорит, что «нормативная основа есть только одна из сторон, один из аспектов такой сложной социальной категории, как право»¹. Здесь, видимо, нужно с большей полнотой раскрыть все проявления «правовой реальности», все то, что «включается» в процесс правового регулирования.

В литературе, как известно, попытки расширить понятие права предпринимались в направлении объединения в одном понятии юридических норм и правоотношений (А.А. Пионтковский, А.Ф. Кечежян и др.). Эти попытки, по мнению большинства правоведов, не увенчались успехом: нормы права и правоотношения — явления разноплоскостные; тем более, что роль правоотношения в процессе правового регулирования чисто «передаточная», не обогащающая самое регулирование. Видимо, следует вести поиск в иных направлениях. Наряду с выяснением того глубинного содержания, которое выражено в формуле «возведенное в закон», а также указанными выше аспектами общетеоретической разработки права целесообразно рассмотреть юридические нормы в единстве с актами индивидуального регулирования, правоположениями, вырабатываемыми в ходе юридической (судебной) практики, а также с правовыми традициями, всей той атмосферой, которую создают господствующее правосознание, юридическая наука, т.е. всего того, что активно «работает» в правовом регулировании².

Можно предположить, что наше юридическое мышление еще не подготовлено к восприятию широкой трактовки правовой формы общественного регулирования. Да и степень проблематичности рассматриваемой постановки вопроса все еще очень велика. Но исключать такую перспективу в исследовании понятия права было бы опрометчивым.

---

¹ Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 293.

² Интересные соображения об основных взаимосвязанных компонентах, из которых складывается правовая надстройка развитого общества, высказаны В.А. Тумановым (Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. С. 143–144).

ГЛАВА II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО

1. Общественное регулирование и социалистическое право. *Социалистическое право возникает в результате социалистической революции. Оно — обязательный, неизбежный и вместе с тем социально полезный элемент системы социалистических общественных отношений. Его существование следует рассматривать в качестве объективной закономерности социалистического общества.*

Необходимость права как классового регулятора на первой фазе коммунизма обусловлена прежде всего классово-политическими причинами, т.е. теми же самыми причинами, которые вызывают к жизни всю систему средств политического регулирования, социалистическое государство, иные инструменты политической организации общества. Необходимость ликвидации свергнутых эксплуататорских классов, обеспечение функционирования социалистической политической системы как власти трудящихся, укрепление ее антиэксплуататорского содержания, направленности на строительство коммунизма — все это предопределяет существование социалистического права как классового регулятора общественных отношений.

Если же рассматривать социальные черты правовой формы общественного регулирования в единстве с ее свойствами, то могут быть установлены и «свои» социальные — прежде всего экономические — причины, обуславливающие объективную необходимость права в социалистическом обществе.

К. Маркс и В.И. Ленин указали на эти причины, рассматривая вопрос о сохранении в социалистическом обществе так называемого буржуазного права.

Сразу же подчеркнем, что К. Маркс и В.И. Ленин, говоря о сохранении при социализме буржуазного права, употребляли термин «буржуазное право» в условном значении, в значении сохранения правовой формы («правового мерила»). Характерные черты правовой формы получили наиболее полное развитие именно в буржуазном обществе. Поэтому термин «буржуазное право» и может служить для обозначения особенностей формы правового регулирования.

Каковы же исходные экономические причины, обуславливающие неизбежность правового регулирования при социализме?

Социалистическое общество — это общество, только что вышедшее из недр старого общества. Это еще незрелая стадия коммунизма. Отсюда экономическая организация первой фазы коммунизма предопределяет необходимость использования «общих мер», «единых правовых мерил» в связи с особенностями распределения предметов потребления. Отметив, что при социализме равное право работников на производственный продукт «в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками», К. Маркс тут же разъясняет: «Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом»¹. Но равное право есть неравное право для неравного труда, так как различные люди обладают неравной индивидуальной одаренностью, различной квалификацией, имеют неодинаковое семейное положение и т.д. «Поэтому, — продолжает К. Маркс, — *оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры...*»²

Особенности экономики при переходе к коммунизму предопределяют необходимость использования и других свойств правовой формы общественного регулирования. Развивая положение К. Маркса о праве при социализме, В.И. Ленин, в частности, указал на сохранение в социалистическом обществе той специфической черты правовой формы общественного регулирования, которая связана с принудительной деятельностью государства. «...Не впадая в утопизм, — писал В.И. Ленин, — нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права...*

А других норм, кроме «буржуазного права», нет»³.

Практика социалистического и коммунистического строительства подтвердила научный прогноз К. Маркса и В.И. Ленина о праве как необходимом социально полезном инструменте. Она показала, что социалистическое право является вообще важнейшим регулятором общественных отношений социалистического общества в сферах организации экономики, государственно-политической жизни, культурного строительства и др.

Социальные черты и свойства права (нормативность, формальная определенность и др.) в весьма большой степени приспособлены для

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

² Там же.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 95.

обеспечения высокой организованности социалистических общественных отношений, их слаженности, гармонического развития.

Надлежащее и полное использование особенностей и свойств права приносит значительный эффект в обеспечении организованности экономических, государственно-политических, социально-культурных и некоторых других отношений. Напротив, недооценка права, недостаточное, неполное использование всех его возможностей, как показал опыт некоторых социалистических стран, «мстит за себя», приводит к существенным издержкам и потерям.

2. Социалистическое право как особый исторический тип. Социалистическое право — это качественно особый, принципиально отличный от всех предшествующих, *высший исторический тип* права. Качественное своеобразие социалистического типа права, как и иных исторических типов, раскрывается главным образом через его социальные черты, т.е. социальное назначение как классового регулятора, его классово-волевое и правовое содержание.

Как классовый регулятор социалистическое право представляет собой *систему норм, направленную на обеспечение строительства социализма и коммунизма*.

С этим неразрывно связаны социальные черты социалистического права. Его «классовость» как регулятора состоит в том, что оно направлено на достижение высшей социальной цели рабочего класса и всех трудящихся — на строительство социализма и коммунизма.

Одна из главных особенностей, противопологающих социалистическое право всем иным историческим типам права (рабовладельческому, феодальному, буржуазному), — это его антиэксплуататорская природа. Следует подчеркнуть, что речь идет именно об *антиэксплуататорской* природе (а не просто *неэксплуататорской*).

Социалистическое право всем своим содержанием, принципами, «нутром» направлено против эксплуатации человека человеком, на недопущение самой возможности эксплуатации, проявления ее в какой бы то ни было форме. В этой «антиэксплуататорской миссии» и состоит, надо полагать, один из существенных моментов, выражающих социальную роль социалистического типа права как классового регулятора общественных отношений.

По своему классово-волевому содержанию социалистическое право представляет *собой систему норм, выражающую государственную волю трудящихся во главе с рабочим классом*. Оно имеет наиболее широкую социальную базу, незнакомую всем иным историческим типам права. Кратко можно сказать, что это «право трудящегося народа». Значение

инструмента классового господства социалистическое право имеет лишь в период перехода от капитализма к социализму по отношению к меньшинству общества – сопротивляющимся пролетарской власти эксплуататорам. После полной и окончательной победы социализма право выражает государственную волю и интересы всего народа.

Наконец, по своему правовому содержанию, т.е. особенностям воли «возведенной в закон», социалистическое право представляет собой *систему норм, основанную на принципах подлинного гуманизма и справедливости, на предоставлении широких, гарантированных прав трудящимся, на высокой сознательности граждан социалистического общества*. Отсюда – важная особенность социалистического права, состоящая в том, что в подавляющем большинстве случаев правовые нормы соблюдаются и исполняются субъектами общественных отношений добровольно, без приведения в действие аппарата государственного принуждения.

Конечно, социалистическое право является такой формой общественного регулирования, которая связана с применением государственного принуждения. Вместе с тем и в социалистическом праве находит выражение ленинская идея приоритета убеждения над принуждением (применение принуждения в качестве второочередной меры, применение мер принуждения и убеждения в сочетании и др.).

3. Право на различных этапах развития социалистического общества.

Социалистическое право как особый исторический тип обладает с момента своего возникновения рядом общих черт. Вместе с тем социальное содержание права не остается неизменным по мере развития социалистического общества.

Опыт Советского Союза и других социалистических стран свидетельствует о том, что для развития социалистического права характерны *три* главных этапа.

Первый – это этап *пролетарского права* – права, выступающего в качестве орудия диктатуры пролетариата. В этот период социалистическое право являлось возведенным в закон выражением государственной воли рабочего класса в союзе со всеми трудящимися, т.е. большинства общества против меньшинства (свергнутых эксплуататоров).

На первом главном этапе социалистическому праву свойственны некоторые специфические черты. Так, первоначально, в первые годы социалистической революции, в известных пределах используются некоторые нормативные положения дореволюционного права. Когда в экономику страны допускаются капиталистические элементы, то требуется обеспечить правовое регулирование «частноимущественных» отношений.

Однако во всех случаях социалистическое право первого этапа остается инструментом острой классовой борьбы, мощным средством, которое направлялось рабочим классом и всеми трудящимися на уничтожение эксплуататорских классов и построение социализма. Это проявляется и при использовании «старой» правовой формы: она применяется в интересах диктатуры пролетариата (и сущность ее коренным образом изменилась). Особо ярко классовая направленность пролетарского права выражается в нормах уголовного, административно-го, финансового, трудового законодательства.

На первом главном этапе все более развиваются и принципиально новые (даже по своей форме) правовые институты, связанные с созидательной, творческой, хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельностью органов социалистического государства. Этот процесс наглядно сказался в гражданском и административном праве (в особенности в той их части, которая направлена на регулирование отношений в области хозяйства), в трудовом праве.

Второй главный этап в развитии социалистического права — это своеобразный «промежуточный» этап, когда *пролетарское право перерастает в общенародное*. Переход к новому главному этапу обусловлен уничтожением эксплуататорских классов. Однако уничтожение последних не означает, что задачи социалистической революции окончательно решены: необходимо построить развитое социалистическое общество — завершить строительство новой социалистической экономики, завершить культурную революцию и т.д. В связи с сохранением остатков эксплуататорских классов и возможностью (при отступлении от строго классовой политики) возвращения к обстановке острой классовой борьбы в определенных пределах сохраняет свое значение диктатура пролетариата. Вместе с тем по своему государственно-волевому содержанию социалистическое право этого этапа уже не является системой норм, которая была бы направлена против определенной части населения (хотя бы и меньшинства): оно выступает в качестве возведенной в закон воли рабочего класса и всех трудящихся, т.е. в конечном счете всего народа.

Второй, «промежуточный», этап в развитии советского права оказался в Советском Союзе сравнительно длительным (он продолжался с середины 30-х до конца 50-х годов).

Объясняется это отчасти тем, что советский народ пережил жестокую войну с немецко-фашистскими захватчиками, которая потребовала существенной перестройки правового регулирования и затормозила закономерное развитие социалистического права, и отчасти тем,

что в рассматриваемый период на развитии права отразились случаи нарушения социалистической законности; неоправданное усиление административных методов регулирования; фактическое прекращение работы по обновлению и кодификации законодательства.

Но, несмотря на все трудности (в особенности после принятых Коммунистической партией мер по укреплению социалистической законности), все более разворачивается то новое, что характеризует социальную природу советского права. Получают всестороннее развитие принципиально новые институты советского права в области социалистического хозяйства, трудовых и внутриколхозных отношений и др. Полностью складывается система социалистического права.

Аналогичные процессы происходят в настоящее время и в правовых системах большинства зарубежных социалистических стран. В них все более утверждаются особенности, свойственные праву развитого социалистического общества (хотя и сейчас, в сложных социальных условиях, продолжают сохранять значение определенные черты пролетарского права).

Третий этап — это этап *общенародного права* — права развитого социалистического общества. Он присущ пока только современному советскому праву, вступившему после полной и окончательной победы социализма (вторая половина 50-х и начало 60-х годов) в новую полосу развития.

Сущность общенародного права раскрывается в теоретическом положении, сформулированном в Программе КПСС в отношении общенародного государства. Так же как и общенародное государство, право после полной победы социализма представляет собой *орудие выражения интересов и воли всего советского народа*. Развитие права подчиняется задачам создания материально-технической базы коммунизма, формирования коммунистических общественных отношений, коммунистического воспитания, охраны и дальнейшего расцвета прав и свобод советских граждан.

Общенародное право характеризует качественно новую, ныне только начавшуюся стадию в развитии права. В истории человечества еще не было подобной формы организации общественных отношений. Впервые право выступает не в виде силы, навязываемой одной частью общества другой его части, а в виде орудия всего общества, всего народа.

Но исходя из этого, было бы ошибочным думать, что общенародное право следует противопоставлять социалистическому праву на предшествующих этапах его развития. *Особенности общенародного права*

являются закономерным развитием и естественным продолжением характерных черт и преимуществ, свойственных социалистическому праву с момента его возникновения. В социалистическом праве с момента его возникновения была заложена перспектива (внутренняя предпосылка) его перерастания в общенародное право. В частности, уже пролетарское право выражало интересы и волю рабочего класса и всех трудящихся, т.е. подавляющего большинства народа. Следовательно, уничтожение эксплуататорских классов должно было неминуемо привести к тому, что право начнет превращаться в средство выражения интересов и воли всего народа под руководством рабочего класса¹.

Социалистическое право на всех этапах своего развития имеет классовое содержание. Классовым явлением остается и общенародное право (хотя в литературе высказывалось мнение том, что общенародное право лишается этой принципиальной особенности)².

Правда, в социалистическом обществе после победы социализма нет антагонистических классов. Общенародное право не является орудием классового господства, орудием навязывания воли одной части общества другой его части. Следовательно, было бы неправильным, рассматривая социальное назначение общенародного права, использовать положение «классовый регулятор» в том же самом смысле, в каком оно употребляется применительно к праву в обществе с антагонистическими классами.

«Классовость» в отношении общенародного права имеет *специфический смысл*.

Построение коммунизма в нашей стране представляет собой общенародную задачу. Но исторически построение коммунистического общества является классовой задачей — задачей рабочего класса и всех трудящихся. Следовательно, сама историческая основа, на которой

---

¹ В советской юридической литературе имеет значительное распространение точка зрения, в соответствии с которой социалистическое государство (а стало быть, и право) проходят в своем развитии только два главных этапа — этап пролетарского и общенародного государства. Думается, однако, что такая позиция не дает возможности в полной мере выразить сложную диалектику развития государственно-правовых явлений. По рассматриваемому вопросу автор присоединяется к аргументации, сформулированной А.И. Денисовым и В.М. Корельским (*Корельский В.М.* Общая теория социалистического государства. Свердловск, 1970. С. 40 и сл.; *Денисов А.И.* Советское государство. Изд-во МГУ, 1967. С. 162 и сл.).

² *Задорожный Г.П.* Мирное сосуществование и международное право. М.: Междунар. отношения, 1964. С. 339.

Подробное обоснование классовости общенародного государства дано в кн. А.И. Денисова «Советское государство» (Изд-во МГУ, 1967. С. 123 и сл.).

выросло общенародное право, придает ему известные черты классового регулятора общественных отношений.

Право в период строительства коммунизма сохраняет функции классового регулятора общественных отношений еще и потому, что оно имеет определенное значение в осуществлении классовых задач социалистического государства на международной арене и в то же время действует в классовом обществе, где рабочий класс осуществляет руководящую роль, а также потому, что его существование объясняется факторами, имеющими в конечном счете классовое происхождение.

Регулирование общественных отношений приобретает правовую форму в социалистическом обществе, в частности по той причине, что еще не ликвидированы «родимые пятна» старого общества. «Родимые же пятна» старого общества представляют собой след классового деления общества в практической жизни людей. Как подчеркивал Ф. Энгельс, действительно, человеческая мораль сложится тогда, «когда противоположность классов не только будет преодолена, но и *забыта в жизненной практике*»¹. До тех же пор, пока след противоположности классов не изгладился в практической жизни, общественное регулирование – общенародное по своему содержанию – необходимо связано с применением правовой формы, которая сохраняет функции классового регулятора общественных отношений.

Наконец, один из решающих моментов, характеризующих «классовость» общенародного права, состоит в том, что даже после уничтожения эксплуататорских классов оно имеет *антиэксплуататорское* содержание. По самой своей классовой природе общенародное право представляет собой антипод эксплуататорскому праву: оно является такой правовой системой, которая функционирует в условиях, несовместимых с эксплуатацией человека человеком, угнетением, подавлением трудящихся. В соответствии с этим общенародное право нацелено на то, чтобы исключить всякую возможность возрождения эксплуатации и угнетения.

4. Социалистическое право как особый структурный тип (общность).

Одна из наиболее характерных черт социалистического права состоит в том, что, будучи особым высшим историческим типом, оно *одно временно обладает и особыми структурными чертами*.

На эту характерную черту социалистического права хотелось бы обратить отдельное внимание.

Рабовладельческое, феодальное, буржуазное право – это все эксплуататорские типы. Социальные различия между ними не столь су-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 96 (курсив мой. – С.А.).

ществены, чтобы они могли сами по себе определять своеобразие их юридического построения. Поэтому структурные общности (семьи национальных систем) зависят не только от конкретных социально-классовых условий, но и от специфики формирования права, положения в механизме государства законодательных и судебных органов, национальных традиций и т.д.

Социальные же черты социалистического права отличаются столь существенными особенностями, что они сами по себе (даже независимо от конкретных социально-классовых, исторических и других условий) предопределяют формирование весьма специфического и по своему построению, своеобразного по «юридическому облику» типа права. Не случайно даже в зарубежной литературе некоторые авторы, опирающиеся на господствующие в буржуазной науке представления и сообразно этому классифицирующие правовые системы только по «семьям», выделяют социалистическое право как особую «семью» наряду с романо-германским правом, англосаксонским (общим) правом, семьями традиционных и религиозных систем¹.

Социалистическому праву как особой структурной общности присущи, в частности:

– своеобразное сочетание нормативности и формальной определенности, с одной стороны, и динамизма – с другой, обеспечивает активный, созидательный характер содержания права: нормы социалистического права при весьма большой степени общности и устойчивости отличаются в то же время подвижностью; индивидуально-регулятивная деятельность судебных органов не выходит, как правило, за рамки толкования нормативных юридических актов;

– такой тип построения правовых связей, при котором центр тяжести перенесен на предоставление гарантированных субъективных прав; при этом, однако, в социалистическом праве с необходимой четкостью определяются границы и пределы осуществления субъективных прав;

– учет в самой «правовой материи» широкого участия, активности общественных организаций и граждан в процессе правотворчества и правового регулирования;

– такое построение норм и правовых институтов, которое наряду с решением задач по регулированию обеспечивает всестороннее воспитательное воздействие социалистического права.

---

¹ См., например: *Давид Р.* Основные правовые составы современности. М.: Прогресс, 1967.

Общим определяющим началом социалистического права является *принцип законности*. Ни для одной правовой системы, существовавшей и существующей в рамках эксплуататорских обществ, принцип законности не имел значения существенного конститутивного элемента, определявшего построение «правовой материи». Такое значение принцип законности приобрел лишь в социалистическом праве.

5. Признаки социалистического права. Определение. При характеристике социалистического права необходимо с достаточной отчетливостью выделить признаки, отражающие его черты как «права», и признаки, выражающие его своеобразие как права «социалистического».

Первую группу образуют признаки, относящиеся к форме права. Как и всякая правовая форма общественного регулирования, социалистическое право представляет собой систему общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством норм, выражающих государственную волю. Конечно, — и об этом только что говорилось, — социалистическое право и по своей форме, и по сочетанию своих свойств отличается значительным своеобразием. Однако это своеобразие (последнее может быть раскрыто только при развернутом изложении) не устраняет основных свойств права, оно проявляется «внутри» его свойств, в их особом сочетании, в специфике их построения¹. Да и к тому же своеобразие в свойствах социалистического права предопределено его социальными чертами.

Признаки, выражающие социалистическую природу нашего права, относятся главным образом к его содержанию и социальным чертам. Именно здесь необходимо предельно четко указать на то, что социалистическое право представляет собой возведенную в закон государственную волю трудящихся (под руководством рабочего класса), выступающую в качестве регулятора общественных отношений в целях строительства социализма и коммунизма.

Суммируя общие и специфические признаки социалистического права, можно его краткое определение сформулировать следующим образом:

Социалистическое право — это система общеобязательных, формально-определенных, гарантированных социалистическим государством норм, выражающих возведенную в закон государственную волю трудящихся во

---

¹ В литературе для того, чтобы оттенить юридическое своеобразие социалистического права, иногда вместо слова «гарантируется» государством используется выражение «охраняется» государством. Действительно, нормы социалистического права в большинстве случаев исполняются и соблюдаются добровольно. Но это не устраняет необходимости гарантировать (именно гарантировать!) юридические нормы государством.

главе с рабочим классом (всего народа — после победы социализма) и выступающих в качестве регулятора общественных отношений в целях построения социализма и коммунизма.

6. Ценность социалистического права. Право представляет собой одну из важных ценностей социалистического общества.

Высшая социальная ценность социалистического права как классового, политического явления заключается в его исторической миссии, в «служении» интересам трудящихся, в обеспечении строительства социализма и коммунизма.

Рассматривая ценность социалистического права со стороны его свойств, необходимо сразу же указать на то, что здесь нужен дифференцированный подход. Если такое свойство, как принудительность, имеет для социалистического общества сравнительно ограниченное значение, то свойства нормативности, динамизма, системности и формальной определенности «работают» для обеспечения той высшей организованности, которая органически присуща социалистическому строю. Именно в условиях социалистического общества в полной мере раскрывается значение права как целесообразного и эффективного регулятора общественных отношений, инструмента социального управления, способного обеспечить создание единой, непрерывно функционирующей, гарантированной системы типовых «программ» (масштабов) поведения, соответствующих объективным потребностям и закономерностям общественного развития. Право, законность при социализме являются основой нормальной жизни общества — фактором, обеспечивающим правильное функционирование и развитие всего общественного организма¹.

Ценность социалистического права многогранна. Она проявляется в сферах экономических и политических отношений, социально-культурной жизни. Так, особенности плановой социалистической экономики таковы, что правовое регулирование включается в сам механизм осуществления экономических законов социализма. Правовое регулирование является одним из важных факторов, содействующих эффективности социального управления, надлежащей работе государственного аппарата, развёртыванию социалистической демократии. Утверждение великих прав граждан социалистического общества, исключение из общественной жизни малейших проявлений произво-

---

¹ Брежнев Л.И. Речь на собрании избирателей Бауманского района г. Москвы 12 июня 1970 г. // Правда. 1970. 13 июня.

ла — процесс, неразрывно связанный с развитием правовых начал, повышением социальной ценности социалистического права.

В условиях строительства коммунизма возрастает роль социалистического права как фактора морали и культуры. Право становится одним из важных моментов, определяющих ценностную ориентацию личности, при которой уважение к праву, к закону превращается в личное убеждение каждого человека. В современных условиях коммунистического строительства право — это один из необходимых компонентов той моральной атмосферы, которая создана на подлинном гуманизме, требовательности, внимательном и чутком отношении к человеку.

7. Разновидности («формы систем») социалистического права. Социалистическое право как особый исторический и структурный тип складывается в настоящее время из ряда национальных социалистических правовых систем — советского права, польского социалистического права, венгерского социалистического права и др. Все они разновидности единого исторического и структурного типа и, стало быть, по своим главным социальным чертам и свойствам объединяются глубоким единством.

Различия же между национальными социалистическими правовыми системами зависят от этапа развития данной правовой системы, особенностей революции, исторических и национальных традиций, влияния на развитие права субъективных факторов.

Этап развития — главное, что определяет различия между национальными правовыми системами социалистических стран. Советское право — право общенародное. Правовые системы многих других социалистических стран (Болгарии, ГДР, ЧССР, Польши и др.) вступили в стадию перерастания в общенародное право, хотя в определенной мере и сохраняют черты пролетарского права. Есть и такие правовые системы, которые по основному содержанию являются системами пролетарского права (право Республики Кубы).

На национальные социалистические правовые системы оказывают влияние особенности революции в той или иной стране, исторические и национальные традиции, другие объективные факторы. Так, более широкое использование мирных форм борьбы за власть в ряде европейских социалистических стран предопределило большую степень применения дореволюционного законодательства, которому юридическая практика придавала социалистическое содержание. На развитие гражданского и земельного права повлияли факт отсутствия общей национализации земли, допущение ограниченной частной собственности на средства производства, большая постепенность при нацио-

нализации промышленности, своеобразии политики ликвидации кулачества и кооперирования крестьянства и т.д. Государственное и административное право ряда стран отразило особенности построения государственного аппарата, некоторые сохранившиеся от прошлого политические и правовые традиции.

На развитие и особенности национальных социалистических правовых систем оказали воздействие и субъективные факторы. К их числу следует отнести влияние на развитие права юридической науки, отдельных государственных решений (например, издание Хозяйственного кодекса в ЧССР). Следует при этом иметь в виду, что советскому праву пришлось «прокладывать путь», в ряде случаев новые правовые формы вырабатывались после долгих поисков. При развитии правовых систем других социалистических стран учитывался опыт государственно-правового строительства в Советском Союзе. В то же время на развитие правовых систем отдельных социалистических стран повлияли государственно-правовые мероприятия, связанные с проявлениями левооппортунистической или ревизионистской политики, волюнтаристскими решениями (например, уравнивание заработной платы, ликвидация воинских званий и др.).

На какие же основные разновидности можно подразделить национальные социалистические правовые системы? По мнению Имре Сабо, этот вопрос должен быть решен по аналогии с вопросом о формах социалистической государственной власти. Причем для обозначения этих основных разновидностей надлежит, по мысли Имре Сабо, использовать аналогичный же термин «формы социалистических правовых систем»¹. С этой точки зрения следует различать: 1) советское право, 2) народно-демократическое право (кроме того, с этих же позиций, очевидно, есть основания для выделения в самостоятельную «форму» правовой системы Кубы)².

Вместе с тем не исключено, что по мере «выкристаллизовывания» специфических черт отдельных национальных правовых систем и отпадения особенностей, вызванных преходящими причинами, возможно, окажется оправданной и иная их группировка, построенная на учете юридического своеобразия отдельных структурных особенностей. Тогда стало бы необходимым использование понятия «семья право-

¹ Сабо Имре. Социалистическое право. М.: Прогресс, 1964. С. 129.

² Начальным этапом в развитии пролетарского права, прообразом права социалистического типа следует рассматривать систему норм, которая начала складываться в дни существования Парижской коммуны (Государство и право Парижской коммуны / Под ред. А.Ф. Шебанова. М.: Юрид. лит., 1971. С. 114 и след).

вых систем» в рамках единого социалистического типа права. Для решения этого вопроса нужны, помимо прочего, глубокие сравнительно-правовые исследования.

Освещение проблем общей теории социалистического права требует того, чтобы формулируемые выводы и положения учитывали особенности национальных социалистических правовых систем, их «форм». Здесь возможны два пути.

Первый путь — это обобщенная, интегрированная характеристика социалистического типа права, призванная в одной плоскости раскрыть общее и особенное всех национальных социалистических правовых систем. Такая «общая» теория социалистического права может быть только лишь результатом развернутых сравнительно-правовых исследований, охватывающих правовые системы всех социалистических стран.

Второй путь (в соответствии с которым подготовлен настоящий курс) — освещение общетеоретических проблем на базе одной из национальных социалистических правовых систем с тем, однако, чтобы изложение было ориентировано на выяснение социальных черт и свойств, присущих социалистическому праву как особому историческому и структурному типу. Думается, такой путь разработки проблем общей теории социалистического права допустим на базе любой национальной социалистической правовой системы. Но он тем более оправдан, если за основу взято советское право — развитая правовая система, в которой наиболее ярко проявляется ее социалистическая природа. Таким образом, при рассматриваемом подходе «общее» при разработке теоретических проблем берется по отношению к тому главному, что свойственно социалистическому праву как особому историческому и структурному типу, а также по отношению к отраслевым юридическим наукам.

ГЛАВА III

ПРАВО В СИСТЕМЕ НАДСТРОЙКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Общество и право. Право — необходимый элемент в структуре классового общества. Социальное назначение права в структуре общества состоит в том, что оно является *основой нормальной жизни общества, фактором, обуславливающим развитие и функционирование общественного организма в соответствии с требованиями объективных экономических законов.*

Общество, в особенности классовое, может быть охарактеризовано в качестве единого организма — цельной органичной системы. Оно состоит из ряда подсистем (социальных элементов), из которых складывается экономическая, политическая, духовная жизнь.

Для того чтобы эти элементы и подсистемы функционировали и развивались как части цельного организма, они должны определенным образом связываться в единую систему. В социальном организме существует ряд элементов, выполняющих такую функционально-связующую роль и охватываемых общим понятием «управление». В классовом обществе важнейшим компонентом, из которого состоит социальное управление, является право¹.

Значение права как компонента управления состоит главным образом в том, что оно способно обеспечивать и охранять *нормальную* жизнь общества. Право по своим свойствам приспособлено для выражения, закрепления и гарантирования урегулированности и порядка в общественной жизни, налаживания нормального, основанного на единых началах, гармоничного, строго определенного существования и функционирования господствующих общественных отношений.

---

¹ В советской юридической литературе на «управленческую» природу права обратил внимание В.М. Горшенев (*Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 6—8).

Интересно отметить, что в философской литературе выдвинуто положение о том, что управление является одним из первичных элементов структуры общества. По мнению В.С. Добрянова, в основе социальной структуры общества «лежат четыре первичных компонента: материальное производство, ... производство духовных благ, воспроизводство людей и управленческие отношения» (*Добрянов В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М.: Мысль, 1968. С. 83).

Однако указание на «управленческую», функционально-связующую роль права еще в полной мере не раскрывает его места в системе общественных отношений.

Для более детального рассмотрения поставленного вопроса необходимо выяснить *связи* права с основными социальными подсистемами — экономикой, политикой, духовной жизнью общества. Ключом к пониманию этих связей являются марксистско-ленинские положения об экономическом базисе и надстройке.

2. Право и экономика в социалистическом обществе. Право представляет собой часть надстройки над экономическим базисом общества. Поэтому соотношение права и экономики подчиняется общим закономерностям, определяющим связь базиса и надстройки.

Первая — главная и решающая — сторона этой закономерной связи состоит в том, что право (так же как и другие части надстройки) в конечном счете обусловлено экономическим базисом.

Базис — это совокупность общественно-производственных отношений, образующих экономический строй общества. Специфическая черта общественно-производственных, материальных отношений состоит в том, что последние складываются независимо от сознания и воли людей. Они характеризуют самую экономическую структуру общества, формы собственности, положение социальных групп (классов) по отношению друг к другу, т.е. общественное бытие.

Определяющая роль экономического базиса по отношению к праву выражается в том, что экономический базис а) порождает самую потребность использования правовой формы общественного регулирования как классового регулятора общественных отношений; б) предопределяет существенные социальные черты права в целом, его роль в соответствующей социально-экономической формации; в) обуславливает в конечном счете и конкретное содержание тех или иных правовых институтов и отраслей права, задачи правового регулирования в данный исторический период.

Но связь экономики с правом не является прямой, непосредственной. В праве выражаются лишь те требования экономического базиса, которые проходят через волю государства. Государственная воля и придает требованиям базиса качество классового регулятора общественных отношений.

Необходимо наряду с этим учитывать, что право (так же как и другие части надстройки) обладает *относительной самостоятельностью*. Надстройка определяется экономическим базисом лишь «в конечном счете». Подчеркивая роль экономического базиса, Ф. Энгельс вместе

с тем писал: «...люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений...»¹.

Относительная самостоятельность права выражается в различных формах.

Так, относительной самостоятельностью права объясняется известная преемственность в праве, которая весьма ярко обнаруживается в эксплуататорском праве; характерный пример: рецепция (восприятие) буржуазным гражданским правом такого специфического структурного образования, существовавшего в эпоху рабовладения, каким было частное римское право. Социалистическое право восприняло от ранее существовавших структурных общностей определенные технические приемы формулирования правовых норм, кодификации законодательства.

Относительная самостоятельность права выражается, далее, в том, что существует возможность относительно независимого от базиса развития права. Это развитие вызывается особенностями политических, национальных, культурных отношений в данной стране, требованиями согласования изданных правовых норм и т.п. Существование разных структурных общностей права и объясняется воздействием на право такого рода «второочередных» факторов. Более того, своеобразие права как особой формы общественного регулирования вообще сопряжено с рядом специфических факторов, причем не только в экономике (товарное производство), но и в политике, в духовной жизни общества (развитие классово определенных форм демократии, начал нравственности и справедливости).

Наиболее важной формой относительной самостоятельности права являются *его активная роль, его обратное воздействие на экономический базис общества*. В этом и состоит *вторая* сторона закономерной связи права и экономики. Право не только обусловлено экономическим базисом общества, но и выступает в качестве активной силы, обратно воздействующей на базис.

Право потому и является закономерным, необходимым «продуктом» базиса, что без права (правового регулирования) невозможно в данных социально-экономических условиях сохранение, упрочение и развитие господствующих общественных отношений. Право как регулятор общественных отношений представляет собой необходимое орудие в осуществлении задач экономического (а также политического и культурного) развития классового общества.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

Весьма знаменательно, что именно право рассматривалось К. Марксом как одно из важнейших орудий, воздействующих на ход экономического развития.

По мысли К. Маркса, даже в условиях антагонистических формаций законодательные акты явились первой попыткой сознательного и планомерного воздействия общества на стихийно складывающийся характер его общественного производства¹. К. Маркс видел в праве значительную «общественную силу»², указывал на существенные достоинства правовой формы общественного регулирования, в частности на возможность при помощи законов «одним ударом» решать определенные экономические задачи³.

Соотношение права и экономики в социалистическом обществе подчиняется указанным выше общим закономерностям. Вместе с тем оно характеризуется и рядом существенных особенностей.

В социалистическом обществе *выражение в праве требований экономического базиса идет как вполне осознанный, целенаправленный процесс, осуществляемый на научных основах*. «Коммунистическое общество в отличие от всех предшествующих социально-экономических формаций складывается не стихийно, а в результате сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией» (Программа КПСС). Марксизм-ленинизм позволяет правильно понять назревшие экономические потребности общества, а деятельность социалистического государства — своевременно выразить в их необходимой правовой форме. Именно эта особенность соотношения экономики и права в социалистическом обществе дает возможность с надлежащей полнотой раскрыть роль Коммунистической партии в развитии права. Назревшие экономические потребности общества осознаются прежде всего Коммунистической партией, которая выражает коллективный разум рабочего класса и всех трудящихся, коллективный опыт коммунистического строительства.

В социалистическом обществе *несоизмеримо возросло обратное воздействие права на экономический базис, на общественную жизнь в целом*.

Если даже в эксплуататорских формациях, в условиях стихийно складывающегося характера производства, при господстве частной собственности правовое регулирование способно играть роль существенного фактора экономического развития, то вполне естественно, что эта роль права намного возрастает в условиях единого, основан-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 492.

² Там же. Т. 16. С. 198.

³ Там же. Т. 23. С. 309.

ного на общественной собственности, планомерно организованного социалистического хозяйства.

Своеобразие соотношения экономики и права в социалистическом обществе состоит в том, что правовая форма экономических отношений является не просто необходимостью, а выполняет *активную организующую функцию и потому глубоко проникает в ткань экономической жизни в качестве важного компонента механизма экономических процессов*.

Такое значение права в социалистической экономике обусловлено прежде всего особенностями социалистической формации. В ходе социалистической революции и строительства коммунизма необходимы коренная перестройка общественных отношений, создание и всестороннее развитие принципиально новых отношений. Социалистическое право и представляет собой один из необходимых рычагов перестройки общества на новых началах.

Усиление активной творческой роли права связано также с характером экономических законов социализма. Последние (основной экономический закон, закон планомерного, пропорционального развития, закон распределения по труду и др.) по своей природе таковы, что они требуют активной целенаправленной деятельности миллионов людей, коллективных усилий трудящихся. А это предполагает значительное усиление всех форм общественного нормативного регулирования, в том числе и возрастание роли социалистического права.

Для социалистической формации характерна объективная необходимость высокой организованности экономических отношений. Именно эту особенность социалистической экономики имел в виду В.И. Ленин, когда характеризовал социалистическое хозяйство как единую «монополию»¹. В ходе социалистической революции, говорил В.И. Ленин, «к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханные трудности задачи — организационные»².

Иными словами, в социалистическом обществе в отличие от предшествующих формаций «естественное» экономическое развитие предполагает высокий уровень целенаправленной организации всей экономической жизни, а отсюда необходимость включения в механизм осуществления экономических процессов активных организующих элементов.

Право же представляет собой как раз такой инструмент общественного регулирования, который позволяет наиболее эффективно,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.

² Там же. Т. 36. С. 6.

надежно, экономично решать «неслыханной трудности» организационные задачи.

В условиях социализма именно при помощи правовой формы создается в соответствии с требованиями объективных экономических законов социализма единый, четкий, определенный, непрерывно действующий, стабильный и динамичный механизм планомерного целенаправленного общественного регулирования, обеспечивающего нормальное, «естественное» функционирование и развитие социалистической экономики.

Таким образом, сама природа, особенности социалистической экономики, ее экономические законы предполагают неустранимую объективную необходимость постоянного включения права в экономическую жизнь. Право в этих условиях образует, говоря словами Ф. Энгельса, «сильнейший рычаг самого производства»¹. Следовательно, широкое использование правовой формы общественного регулирования следует рассматривать в качестве одной из объективных *экономических* закономерностей, существенно влияющей на ход экономических процессов.

Формы и методы воздействия права на экономику социалистического общества разнообразны. Они зависят от этапа развития экономики, степени воплощения в экономическом организме начал материальной заинтересованности, от системы хозяйственного управления и ряда других факторов. Вместе с тем можно указать на две *основные* формы правового воздействия на экономику: а) прямое государственно-властное регулирование, б) диспозитивно-дозволительное регулирование, обеспечивающее «автономность» — самостоятельность субъектов хозяйственных отношений (кроме того, в области хозяйства проясляется и охранительная функция права)².

Глубокое проникновение правовых форм в ткань экономической жизни социалистического общества не изменяет соотношения базисных и надстроечных явлений, не превращает право в непосредственно экономическое отношение, в элемент базиса (как это применительно к социалистическому государству утверждают отдельные авторы)³. Право, будучи системой общеобязательных норм — частью надстройки социалистического общества, реально

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 290.

² О формах воздействия права на экономику см.: Государство, право, экономика. М.: Юрид. лит., 1970. С. 115 и сл.; Марксистско-ленинская теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 456 и сл.

³ См., например: Годунов А.А. Введение в теорию управления. М.: Экономика, 1967. С. 166 и сл.

включается в механизм экономических процессов лишь тогда, когда юридические нормы *действуют, реализуются*, т.е. на стадии правоотношений. Вот здесь, кстати сказать, и «срабатывает» теоретическая концепция, согласно которой в реальных жизненных отношениях фактическое (материальное) содержание и юридическая форма находятся в единстве. При помощи правоотношений социалистическое право, оставаясь надстроечным явлением, способно выступать в качестве необходимого звена механизма экономических процессов социалистического общества.

3. Право и политика в социалистическом обществе. Соотношение права и политики раскрывает следующую (после экономики) важную группу связей, характеризующих место и роль права в системе отношений социалистического общества.

Политика — это сфера общественной жизни, связанная с активным выражением в определенной деятельности отношений между классами, нациями и государством. Политика сложилась и существует как классовая категория, тесно сопряженная с государством, его деятельностью. «...Политика, — писал В.И. Ленин, — есть участие в делах *г о с у д а р с т в а*, направление государства, определение форм, задач, содержание деятельности государства...»¹.

Поэтому вывод о том, что в праве воплощены требования экономического базиса, опосредствованные волей государства, означает в то же время, что право — это явление *непосредственно политическое*. Требования базиса выражаются в праве лишь постольку, поскольку они прошли через политику.

Разумеется, политика осуществляется не только в праве (политика опосредствуется также в науке, искусстве и т.п.). Но в праве в отличие от других идеологических форм политика получает непосредственное выражение. «Закон, — указывал В.И. Ленин, — есть мера политическая, есть политика»².

В праве опосредствуется только государственная политика. В то же самое время было бы неправильным отождествлять право и государственную политику. И дело не только в том, что между ними существует, так сказать, «объемное» несовпадение (в частности, право, как уже отмечалось, представляет собой лишь одно из выражений политики). Суть вопроса в том, что для права характерна специфическая форма. Политические требования являются правом только в той мере, в какой они закреплены в системе общеобязательных формально определенных

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 340.

² Там же. Т. 30. С. 99.

норм, охраняемых принудительной силой государства. Следовательно, в праве выражается лишь часть государственной политики — та часть, которая для своего осуществления нуждается в общеобязательной форме и государственной охране, т.е. в возведении в закон.

В социалистическом обществе, так же как и в иных классовых социально-экономических формациях, право выступает в качестве непосредственного выражения государственной политики, закрепленного в системе общеобязательных формально определенных норм и охраняемого принудительной силой социалистического государства. Все дело лишь в природе, особенностях политики, выраженной в социалистическом праве.

Если в антагонистических формациях реакционный характер государственной политики является ярким свидетельством антинародной сущности эксплуататорского права, то особенности государственной политики в социалистическом обществе говорят о громадных преимуществах и качественном своеобразии социалистического права. Каковы же особенности государственной политики в социалистическом обществе.

Во-первых, государственная политика в социалистическом обществе является в то же самое время *народной* политикой (сначала подавляющего большинства народа, затем всего народа, т.е. общенародной политикой). В соответствии с этим народный, а затем и общенародный характер имеет и социалистическое право.

Во-вторых, государственная политика в социалистическом обществе отличается *научностью* и *целесообразностью*. Отсюда особенности социалистического права, состоящие, в частности, в высокоцелесообразном характере его содержания.

В-третьих, государственная политика является политикой прогрессивной, направленной на достижение идеалов трудящегося человечества — построение социализма и коммунизма. В соответствии с этим прогрессивный, глубоко идейный характер имеет и социалистическое право — особый, высший исторический тип права.

Государственная политика при социализме направляется Коммунистической партией. «Коммунистическая партия, объединяющая в своих рядах наиболее передовых представителей рабочего класса, всех трудящихся, тесно связанная с массами, пользующаяся безграничным авторитетом в народе, владеющая знанием законов развития общества, обеспечивает правильное руководство всей работой по строительству коммунизма, придает ей организованный, планомерный, научно обоснованный характер» (Программа КПСС). Руководящая роль КПСС

и обеспечивает подлинно народный, научный, целесообразный и прогрессивный характер государственной политики, полное и последовательное выражение этих черт государственной политики в праве.

4. Право и государство в социалистическом обществе. Рассматривая соотношение права и политики, необходимо выделить связь права с государством.

Государство и право близкие, тесно связанные между собой, «родственные» части надстройки. К. Маркс писал: «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹. К. Маркс, следовательно, обособлял государство и право (политическую и юридическую надстройки), которые «возвышаются» над экономическим базисом в отличие от иных частей надстройки — форм общественного сознания, которые «соответствуют» базису.

В чем же состоит единство государства и права?

Прежде всего государство и право имеют *непосредственное политическое содержание*. Глубокое органическое единство государства и права проявляется через политику (точнее — господствующую политику).

Государство и право по сравнению с другими частями надстройки (формами общественного сознания) *наиболее близки* к экономическому базису. Они непосредственнее выражают требования базиса и играют по отношению к нему наиболее действенную активную роль.

Государство и право — *важнейшие части* надстройки классового общества.

Государство и право всегда существуют *вместе*. Государство и право вместе возникли, вместе развиваются и функционируют.

Наконец, государству и праву присущи в общем *однотипные способы воздействия на общественные отношения*. И по этой черте они оба довольно четко отграничиваются от всех других частей надстройки (форм общественного сознания). «Если искусство «показывает», а наука «доказывает», — пишет М.А. Аржанов, — то, определяя специфику государства и права, можно сказать, что они «приказывают»².

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

² Аржанов М.А. Государство и право в их соотношении. Изд-во АН СССР, 1960. С. 41–42. Автор тут же поясняет: «Особенность их (приказывания государства и права. — С.А.) в специфической принудительной силе (мораль и религия также «приказывают», устанавливая нормы дозволенного и недозволенного и «наказывают» в соответствующих случаях, однако применяемое ими принуждение имеет принципиально иной характер)» (С. 42).

Будучи в одинаковой степени орудиями осуществления господствующей политики, государство и право принадлежат все же к различным частям надстройки, занимают в ней специфические, самостоятельные места.

Государство — это организация власти, состоящая из *органов* власти («орудий власти»). В своей совокупности эти органы образуют механизм государственной власти, обладающий определенной материальной силой для осуществления организованного управления, а при необходимости и для организованного принуждения.

Право же, как мы видели, имеет иное строение, иное непосредственное содержание. Оно выражается в системе общеобязательных *норм*, имеющих формально-определенный характер. Право, таким образом, по своему строению вплотную примыкает к общественному сознанию. Непосредственное содержание права однотипно с непосредственным содержанием такого, например, вида общественного сознания, как мораль (нравственность).

Наиболее важная черта связи права и государства — их *взаимодействие*, которое носит диалектический характер. Это именно *взаимодействие*, т.е. такая связь между близкими явлениями, при которой они взаимопроникают, взаимно обуславливают друг друга, взаимно зависят друг от друга. Здесь, следовательно, существуют две встречные линии зависимости.

П е р в а я л и н и я — зависимость государства от права. Она состоит в том, что право — это необходимое, обязательное орудие, без которого государство не в состоянии выполнить свои функции, свои задачи. Характерная особенность деятельности государства состоит как раз в том, что веления государственной власти должны быть обязательными для населения всей страны, а этого невозможно достигнуть, если не выражать государственные веления в виде общеобязательных правил поведения, т.е. в нормах права.

Право используется и для регламентации деятельности государственных органов. Если не использовать нормы права, невозможно с требуемой четкостью определить соотношение отдельных частей государственного механизма, компетенцию государственных органов, конкретные формы их деятельности.

В т о р а я л и н и я — зависимость права от государства. Если право необходимый инструмент государства для осуществления его задач, то право в свою очередь немислимо без государства. Государство всегда зримо или незримо «присутствует» в праве.

Можно указать на следующие три основные вида деятельности органов государства, определяющих существование права:

а) *Правотворческая деятельность* – деятельность государственных органов по приданию тем или иным правилам общеобязательного значения – значения норм права. Правотворчество выражается либо в форме прямого установления правовых норм, либо в форме санкционирования (придания юридической силы) уже существующим социальным нормам.

б) *Правоисполнительная деятельность* – деятельность государственных органов по детализации и конкретизации норм права в индивидуальных актах, т.е. актах, адресованных определенным лицам. Правоисполнительная деятельность необходима в отношении тех норм права, которые при своей реализации нуждаются в издании компетентными государственными органами индивидуальных актов. Они и влекут за собой возникновение прав и обязанностей определенных лиц (издание планового акта, назначение на должность, обложение налогом и т.п.).

в) *Правообеспечительная (правоохранительная) деятельность* – деятельность государственных органов по обеспечению как исполнения лицами возложенных на них обязанностей, так и осуществления предоставленных им прав. Эта деятельность выражается в различных формах – организационной, контрольно-надзорной, правоохранительной.

Организационная работа по обеспечению юридических норм называется, как правило, необходимой применительно к тем правоотношениям, осуществление которых невозможно без создания государством определенных условий (например, для осуществления гражданами их избирательных прав).

Контрольно-надзорная работа выражается в наблюдении за исполнением юридических норм всеми субъектами – гражданами, общественными организациями, государственными органами. Она осуществляется в порядке общего надзора и контроля (общий народный контроль, общий надзор прокуратуры) и частного контроля (например, финансовый контроль).

Важнейшей составной частью обеспечения государством юридических норм является *правоохранительная деятельность*. Это деятельность государственных органов по осуществлению правоотношений в случаях, когда лица добровольно не исполняют возложенных на них обязанностей. Она включает в себя решение дел о нарушении юридических норм и принятие специальных юридических мер воздействия против правонарушений (правовая ответственность), а также проведение в жизнь этих мер воздействия.

По вопросу о понятии правоохранительной деятельности в юридической литературе высказан и иной взгляд. По мнению И.С. Самощенко, сюда относится не только указанный выше круг вопросов, решаемых государственными органами в связи с привлечением лиц к правовой ответственности, но и «наблюдение за исполнением требований советского права прежде всего органами и должностными лицами государства, а также гражданами и общественными организациями»¹.

С таким взглядом трудно согласиться. Сам же автор подчеркивает, что правоохранительная деятельность выражается в «государственном принуждении к исполнению требований советского права»². Между тем наблюдение за исполнением юридических норм (в особенности, когда оно осуществляется гражданами и общественными организациями) не требует использования специальных мер государственного принуждения.

Но может быть наблюдение за исполнением юридических норм допустимо характеризовать в качестве «психологически-понудительного фактора» и с этой стороны включать его в область государственного принуждения? Именно так подошел к рассматриваемому вопросу И.С. Самощенко, стремясь в последующих работах отстоять изложенный выше взгляд³.

Но и этот аргумент бьет мимо цели. Для «неустойчивых» людей, о которых пишет И.С. Самощенко⁴, «психологически-побудительным фактором» может служить не только наблюдение за правомерностью тех или иных действий, но и сами по себе организационные акции, а также пропагандистская и разъяснительная работа. Да и, строго говоря, «психологически-побудительным» фактором является не сама по себе контролирующая деятельность, разъяснения и т.д., а сила «самого» права государственно-принудительных мер. Действия государственного контролера выступают в качестве государственно-принудительных актов лишь тогда, когда лица *нарушили* юридические нормы, правомерные требования контролера⁵. Отнесение же всего того, что «психологически побуждает», и тем более того, что лишь способствует этому, к государственному принуждению приводит к «размыванию» границ рассматриваемого сложного социального явления, переключает его из области юридически реального в область психологически-субъективного.

На государство и право социалистического общества распространяются общие закономерности их взаимодействия.

Вместе с тем взаимодействие государства и права в социалистическом обществе отличается рядом принципиальных особенностей.

---

¹ Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. Госюриздат, 1960. С. 94, а также с. 96 и сл.

² Там же. С. 89, 94.

³ Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 384.

⁴ Там же.

⁵ Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 21–22.

Обращаясь к особенностям *зависимости права от государства* в социалистическом обществе, необходимо отметить общую тенденцию — расширение связей права с иными социальными факторами (упрочение связи права и морали, усиление деятельности общественности и др.) и в то же время возрастание значения для права тех сторон работы государственных органов, которые непосредственно не связаны с использованием принудительной силы.

Нормотворческая деятельность социалистического государства все более опирается на общественность, на общественный почин. Отсюда придание правового значения многим нормативным актам кооперативных и общественных организаций (колхозов, потребительской кооперации, профессиональных союзов и др.).

Существенно расширились при социализме такие формы правообеспечительной деятельности государства, которые не связаны с применением специальных мер принуждения к тем или иным лицам.

В социалистическом обществе происходят качественные изменения в правоохранительной деятельности государства. Меры государственного принуждения применяются при социализме в неразрывном сочетании с мерами убеждения.

С точки зрения *зависимости государства от права* право в социалистическом обществе остается важнейшим орудием осуществления задач государства. Но оно не единственный инструмент в этом деле. Причем в отличие от эксплуататорского государств (где также государство сплошь и рядом проводит свою деятельность вне права) такого рода «внеправовая» деятельность подчиняется началам законности. Она лишь не уместается в рамках работы государственных органов по изданию норм права, их детализации, их обеспечению. Работа государственных органов оказывается на практике значительно шире, богаче и многограннее.

Рассматриваемая особенность в деятельности социалистического государства выражает его принципиально новую природу, его новую роль в жизни общества. В частности, проведение в жизнь таких основных функций государства, как хозяйственно-организаторская, культурно-воспитательная, борьба за мир и мирное сосуществование и др., невозможно без осуществления большой организаторской работы, культурной и массово-воспитательной деятельности, пропаганды и т.д.

Есть еще один важный аспект зависимости социалистического государства от права, который в условиях строительства коммунизма приобретает все большее значение. Как особое надстроечное явление, обладающее «своей» социальной ценностью, право выступает не только

в качестве орудия государства, но и имеет по отношению к нему самостоятельное значение¹ — является средством целесообразной и эффективной организации государственной власти. Этот аспект взаимосвязи государства и права в социалистическом обществе выражается в связанности государственных органов действующими законами и изданными на их основе подзаконными нормативными актами². Конечно, никакой ранее изданный закон не связывает органы государственной власти в том смысле, что любой закон, в том числе и конституционный, в установленном порядке может быть отменен или исправлен. Но действующие законы, и прежде всего конституционные, связывают государственные органы в том смысле, что в пределах своего действия они являются обязательными и для органа, издавшего их. Что же касается органов государственного управления, правосудия, то связующая сила права означает требование подзаконности их деятельности. Как подчеркивал М.И. Калинин, «при всех прочих равных условиях наиболее нетерпимым управлением является управление по усмотрению, управление, переданное в личное распоряжение, как бы ни была мала эта власть в данном лице»³.

Значение права как надежного средства целесообразной и эффективной организации государственной власти в социалистическом обществе дает возможность для выдвигания и теоретического обоснования концепции *государства законности* (точнее — строжайшей законности), которую надлежит противопоставить буржуазной теории «правового государства». Если последняя сводится к требованию подчинения государства некой «идее права» (она на поверку оказывается «идеей» частной собственности, возможности эксплуатации и других устоев буржуазного общества), то концепция государства законности теоретически объясняет необходимость рационального использования правовых форм для эффективной организации государственной власти, причем правовых форм, в их реальном, «осуществляемом» виде в соответствии с конкретными условиями данной социально-классовой обстановки.

5. Право в политической организации социалистического общества.

Характеристика соотношения права, политики, государства может быть подытожена указанием на ту роль, которую играет право в политической организации социалистического общества.

---

¹ Явич Л.С. Об одном из аспектов взаимосвязи права и государства // Правоведение. 1969. № 5. С. 33–40.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 412–413, 418.

³ Калинин М.И. Избранные произведения. Т. 1. Госполитиздат, 1960. С. 671.

Политическая организация социалистического общества – это вся система учреждений и организаций, выражающих и обеспечивающих политическую жизнь страны. Основными ее звеньями (элементами) являются государство, общественные организации, Коммунистическая партия. Основу политической организации общества образуют такие социальные общности, как народ, класс рабочих и трудовое крестьянство, социалистические нации, трудовые коллективы. Наряду с этими элементами известное значение в политической организации общества имеют социальные нормы, и прежде всего социалистическое право.

В политической организации социалистического общества право выполняет ту же управленческую функцию, что и в отношении всего социального организма, – оно является функционально-связующим, организующим элементом. Более конкретно эта функция права была показана применительно к центральному звену политической организации общества – к государству. Аналогичное значение имеет социалистическое право и в отношении другого звена – общественных организаций. В социалистическом обществе деятельность общественных организаций трудящихся опирается на твердые правовые основы. При помощи права государство обеспечивает необходимые юридические возможности функционирования общественных организаций, в надлежащих случаях делегирует им государственно-властные полномочия, а также определяет их деятельность в строгом соответствии с принципами социалистической законности¹. Таким образом, в политической организации социалистического общества право выступает в качестве существенного, организационно-связующего компонента, обеспечивающего нормальное функционирование и развитие политической системы, ее важнейших элементов – государства, общественных организаций.

Рассмотрение права как необходимого компонента политической организации социалистического общества принципиально важно и для анализа «самого» права. Особенности политической организации социалистического общества, своеобразие соотношения ее основных звеньев – все это предопределяет существенные черты и специфику права при социализме. Главным здесь является освещение социалистического права в связи с руководящей ролью Коммунистической партии – направляющей силы всей системы политической организации социалистического общества. Ценность и престиж социалистического права прямо зависят от того, насколько полно и последовательно выражает-

---

¹ Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 117 и сл.

ся в нем политика Коммунистической партии, насколько действенно оно обеспечивает бесперебойное функционирование и развитие всего механизма политической организации социалистического общества.

Здесь нужен конкретно-исторический, строго классовый марксистский подход.

В обстановке острой классовой борьбы, в сложных условиях общественного развития Коммунистическая партия путем непосредственной организационной и идеологической работы, а также через систему государственных органов и общественных организаций обеспечивает живое, творческое оперативное руководство общественными процессами, быстрое решение сложных социальных проблем.

Вместе с тем руководящая роль Коммунистической партии в политической организации социалистического общества необходимо предполагает функционирование такого социального инструмента, который бы обеспечивал высокую организованность всей общественной жизни, осуществление государственного управления на твердых, постоянных основах, единство и порядок в общественных отношениях. А этих целей можно достичь как раз при помощи широкого использования нормативно-правовой формы общественного регулирования.

Применительно к государству нужно подчеркнуть следующее. Вопреки утверждениям буржуазных идеологов — проповедников антикоммунизма — руководящая роль Коммунистической партии в политической организации социалистического общества вовсе не исключает и даже не суживает необходимость использования права для обеспечения надлежащей организации государственной власти. Более того, правильное, построенное на ленинских принципах, партийное руководство требует широкого и рационального использования правовой формы для достижения четкой, слаженной, бесперебойной работы государственного аппарата.

Практика свидетельствует о том, что при недостаточной, несовершенной правовой регламентации деятельности государственного аппарата происходит ослабление партийного руководства. Напротив, чем полнее используются достоинства права для надлежащей организации работы государственного аппарата, тем в большей мере обеспечивается в этой области общественной жизни достижение цели партийного руководства — придать борьбе советского народа за победу коммунизма организованный, планомерный, научно обоснованный характер.

Таким образом, происходящий в социалистическом обществе активно обусловленный процесс повышения роли Коммунистической партии предполагает и более широкое использование права для эффективной организации деятельности государственных органов,

функционирования всех звеньев политической организации социалистического общества.

6. Право и духовная жизнь социалистического общества. Место и роль права в системе социалистических общественных отношений характеризуются также его связями с духовной жизнью общества, культурой, моралью.

Право, обусловленное в конечном счете экономическим базисом и воплощающее в своем содержании государственную волю, формируется и существует как «право» также и под влиянием духовной жизни классового общества. Именно в связи с духовной жизнью последнего проявляется в значительной мере ценность, права как формы регулирования, противостоящего режиму произвола и беззакония. Господствующий класс всегда стремится представить свою волю, возведенную в закон, в качестве всеобщей и с точки зрения нравственных оснований справедливой, «праведной». А это объективно приводит к тому, что право приобретает черты моральной ценности, выражающей прогрессивное, поступательное движение человеческой мысли, демократические и гуманные завоевания общества – те прогрессивные элементы культуры, наследниками которой являются коммунисты¹. К тому же следует иметь в виду, что правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы, демократические принципы правосудия и др. представляют собой известные достижения культуры.

Но, будучи (в указанном аспекте) проявлением духовной жизни общества, право «обратно» влияет на эту духовную жизнь. Причем свойства права (его нормативность, принудительность и др.) позволяют ему быть активной силой в утверждении и развитии господствующей идеологии, культуры, морали.

Сила и преимущества социалистического права состоят в том, что оно основывается на передовой идеологии – марксистско-ленинском научном мировоззрении. Поэтому социалистическое право обладает невиданным ранее моральным авторитетом, громадной идеологической мощью в духовной жизни.

При помощи юридических норм достигается всеобщность идеологического воздействия; идеологическое содержание права выражено в виде точных, категорических нормативных предписаний, что также

---

¹ Братусь С.Н. Некоторые спорные вопросы общего понятия права // Вопросы современного развития советской юридической науки. Изд-во ЛГУ, 1968. С. 16–17.

важно в процессе воспитательного воздействия, требующего максимальной точности и определенности.

Развитие правовых начал в жизни социалистического общества связано с утверждением *идеи* права и законности, *чувства* права. Эти «идеи» и «чувства» не являются надэмпирическими, надзаконными критериями политического поведения (как трактует их буржуазная доктрина), а имеют вторичный характер, выражают в духовной сфере то реальное значение, которое принадлежит праву в социалистическом обществе. По своим свойствам они могут быть охарактеризованы в качестве проявлений социалистического правосознания, правовой культуры.

7. Социалистическое право как социальная реальность. Закономерности права. Право — эта часть надстройки над базисом социалистического общества — относится к области субъективного, т.е. к надстроечным, идеологическим отношениям, представляет собой субъективный фактор общественного развития.

Вместе с тем, будучи явлением субъективного порядка, право по отношению к индивидуальному сознанию, а также к науке и иным формам общественного сознания выступает в виде *социальной реальности*, т.е. независимой от субъективного мнения наличной действительности¹. «Познание... — писал В.И. Ленин, — находит перед собой истинное сущее как независимо от субъективных мнений... наличную действительность»².

Действующие в обществе юридические нормы, их свойства, структура и т.д. непосредственно не зависят от сознания тех людей, которые изучают и применяют правовые предписания, высказывают о них «субъективные мнения». Для них эти нормы — «сущее», «наличная действительность».

Существует лишь один путь воздействия на свойства, структуру права, закономерности его развития и др. Это издание новых, отмена или изменение действующих норм права, перестройка системы нормативных актов, а также (в качестве первого шага в процессе преобразования правовой материи) разработка новых понятий, конструкций, теорий в юридической науке. Только в таком случае в праве могут быть произведены преобразования, которые способны изменить его структуру, закрепленные в нем принципы, повлиять на присущие ему свойства. Но здесь влияние индивидуального сознания, а также науки, морали

---

¹ Проблема соотношения объективного и субъективного в праве явилась предметом довольно оживленного обсуждения в советской юридической литературе. См., в частности, высказывания участников дискуссии, проведенной по этой проблеме журналом «Правоведение», — В.Ф. Яковлева, Д.А. Керимова, И.Е. Фарбера, М.П. Рабиновича и др. (Правоведение. 1970. № 6; 1971. № 1–6; 1972. № 1 и сл.).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 197.

и т.д. в конечном счете непременно должно преломиться через призму государственной воли. А это значит, что проблема вновь переключается в плоскость соотношения экономического базиса (материального бытия) и надстройки (общественного сознания). Праву как социальной реальности свойственны *объективные закономерности*. При этом следует различать два ряда закономерностей права.

Во-первых, закономерности права, которые являются *проявлением общих социальных закономерностей* социалистической общественной системы в целом. Это закономерности *развития* социалистического права. (Вот почему К. Маркс говорил о том, что право, как и религия, не имеет своей собственной истории). Такой закономерностью является, например, действующая в настоящее время тенденция повышения роли социалистического права и укрепления социалистической законности во всех сферах жизни нашего общества.

Во-вторых, *специфические закономерности права*, т.е. такие связи, которые свойственны праву как относительно самостоятельной части надстройки.

К числу специфических относятся прежде всего закономерности, выражающие сочетание и единство свойств права. Важнейшие свойства права (системность, динамизм, принудительность и др.) носят характер объективных закономерностей правовой формы. Особенности структурных общностей права, специфика собственно правового развития правовой формы состоят в своеобразии сочетания правовых свойств, тех приемов, которые обеспечивают высокую нормативность и формальную определенность правовой системы, ее устойчивость и динамизм. Здесь, конечно, нужно учитывать и специфику правового содержания. «Особые ходы» в правовом развитии обусловлены также своеобразием исторической социально-классовой обстановки в пределах данной формации, местом в политической системе правотворческих и правоприменительных органов, государственно-правовыми традициями, уровнем развития и престижем юридической науки. Но какими бы особенностями не отличались отдельные национальные правовые системы и их структурные общности, во всех случаях правовая форма сохраняет определенный комплекс свойств, имеющих для права характер объективных закономерностей.

Специфические закономерности присущи и правоотношениям, соотношению их элементов. Объективно закономерный характер, в частности, имеют соотношение между субъективным правом и юридической обязанностью, «жесткие» сцепления между правомочиями и обязанностями, переходы между ними (гл. XVIII).

ГЛАВА IV

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Система социальных норм социалистического общества. Право — важная, но не единственная форма регулирования отношений в социалистическом обществе. Наряду с нормами права, в неразрывном контакте с ними, действуют и другие социальные нормы, также направленные на регулирование социалистических общественных отношений. Поэтому особенности, свойства и функции права могут быть правильно поняты лишь постольку, поскольку правовые нормы рассматриваются как часть системы социальных норм, причем такая часть, которая взаимодействует со всеми другими частями, т.е. со всеми иными социальными нормами.

Социальными нормами называются *обусловленные социально-экономическим строем правила общего характера, регулирующие поведение людей в обществе.*

Субстратом, сущностью социальных норм является не «просто» правило (правила существуют и в таких несоциальных образованиях, как математика, грамматика, техника и др.). Социальные нормы — правило поведения, т.е. социально-волевые, исторически сложившиеся или целенаправленно установленные масштабы поведения. Они выступают как образцы, модели, определяющие критерии, какими должны быть человеческие поступки с точки зрения данного коллектива — организации, социальной группы, класса, общества¹. Социальные нормы программируют и направляют поведение людей и социальных образований в соответствии с заложенной в норме идеальной моделью общественного отношения².

---

¹ Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 98.

Л.М. Архангельский, также отметивший указанную черту социальных норм, связывает ее с той ролью, которую играют социальные нормы в обеспечении функционирования общества как *системы*. Он пишет: «...система — упорядоченная связь и достигается она внесением в отношения **регулирующего начала**. Именно здесь и кроется субстанция, родовый признак социальных норм» (*Архангельский Л.М.* Лекции по марксистской этике. Ч. 1. Свердловск, 1969. С. 52—53).

² *Архангельский Л.М.* О характере морального сознания // Вопросы философии. 1969. № 5. С. 83—84.

Социальные нормы – общие правила поведения. Они рассчитаны на то, чтобы программировать и направлять поведение людей во многих, заранее нефиксированных случаях в рамках отношений данного вида. Поэтому социальная норма непрерывно находится как бы в «боевой готовности», вступая в действие каждый раз, как возникают соответствующие общественные отношения. Отсюда неперсонифицированность (неконкретность) адресатов нормы.

Социальные нормы имеют *предписывающий характер* (они устанавливают запреты, дают эталоны поведения). Как инструмент общественного регулирования они всегда в той или иной степени «*внешний регулятор*», обеспечиваемый определенными средствами воздействия на поведение людей.

Все эти свойства социальных норм раскрывают их социальное назначение. С помощью социальных норм достигается целенаправленная, в известной степени управляемая *общность* в регулировании общественных отношений, непрерывно действующий механизм типовых масштабов поведения.

Социальные нормы образуют *единую систему*. В своей совокупности они обеспечивают всестороннее и глубокое воздействие на общественную жизнь, на различные ее области.

Социальные нормы могут быть подразделены по сферам регулируемых отношений и, следовательно, по своему содержанию (политические нормы, технико-экономические нормы и т.д.). Но главное деление – это классификация по их особенностям как элементов единой системы социальных норм, т.е. по их *регулятивным особенностям*. По этому основанию социальные нормы подразделяются на *четыре* основных вида: нормы права, нормы морали (нравственности), обычаи, корпоративные нормы (нормы общественных организаций).

Каждый из этих видов социальных норм обладает своим «набором» регулирующих свойств, особым механизмом действия. Причем наиболее ярким показателем регулятивных особенностей того или иного вида социальных норм является степень, в какой они имеют внешний характер; иными словами, как они связаны (соотносятся) с общественным сознанием, с волей и сознанием субъектов общественных отношений¹. Это выражает их место и функции в общей системе соци-

---

¹ В.А. Туманов, отметив, что одни разновидности социальных норм «объективированы достаточно четко (например, нормы, устанавливаемые различного рода негосударственными организациями), а другие – спонтанно выражены в разных формах общественного сознания», пишет: «...в некоторые периоды истории процесс диффузии права среди социальных норм даже преобладал над процессом его дифференциация».

альных норм и в то же время характеризует специфику их формирования и форм существования.

Своеобразие свойств того или иного вида социальных норм обусловлено предметом регулирования — тем участком общественных отношений, который опосредствуется данными нормами.

Главными элементами системы социальных норм являются: нормы права и морали. Они выступают в качестве основных «пунктов сосредоточения» в структуре социальных норм, в значительной степени определяют черты всей системы, характер взаимоотношений между ее частями.

Выделяя нормы права и морали, необходимо вместе с тем указать на особое положение в системе социальных норм первой из указанных разновидностей — норм права.

В связи с этим при классификации социальных норм можно подразделить их сначала на правовые и неправовые, а затем выделить внутри второй из указанных групп нормы морали, нормы-обычаи и корпоративные нормы (нормы общественных организаций).

Своеобразие правовых норм основано на том, что они *всегда* выступают в качестве *классового регулятора* общественных отношений, действующего в *единстве с государством* и обладающего *непосредственно политическим* содержанием. Поэтому в системе социальных норм они в наибольшей степени являются «внешним» по отношению к субъектам регулятором — таким регулятором, особенности, свойства и механизм действия которого обеспечивают достижение классовых, политических задач.

2. Право и нормы морали (нравственности). Нормы морали (нравственности) — это *правила (принципы) поведения общего характера, выражающие принятые в данной среде воззрения на добро, справедливость, долг и т.д. и поддерживаемые силой общественного мнения.*

Сопоставляя право и мораль как элементы единой системы социальных норм, необходимо сразу же указать на наиболее яркий показатель их места и функции в системе: моральные нормы по сравнению с правовыми непосредственно связаны с духовной жизнью людей.

Именно при сопоставлении с моралью отчетливо вырисовывается своеобразие права как «внешнего» регулятора, выполняющего функции политического, государственного, «всеобщего» опосредствования общественных отношений и потому способного регулировать любые

ции из всей суммы нравственных, этических, религиозных, традиционных и иных норм» (Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971).

отношения, лишь бы они поддавались внешнему контролю и обеспечению при помощи государственно-принудительных мер. Юридические нормы устанавливаются (вводятся) государством, «живут» не в сознании людей, а в официальных актах — источниках права. В связи с этим они образуют единую систему в стране и в то же время динамичны, подвижны, способны точно и детализированно регламентировать поведение субъектов общественных отношений.

Мораль же представляет собой такую систему общих правил (принципов), которая выполняет функции по духовному воздействию. В морали функция регулирования и ее роль как духовного фактора нераздельны. Поэтому предметом ее воздействия являются общественные отношения, связанные с духовной жизнью. Моральные нормы и формируются в процессе утверждения, развития моральных взглядов; являются в сущности их нормативным выражением. Следовательно, сами по себе моральные нормы не нуждаются в каком-либо официальном закреплении. Но это же обстоятельство обуславливает особенности их свойств: они отличаются значительной стойкостью, не способны к быстрым изменениям, к детальной общей регламентации всех сторон общественных отношений.

Отсюда специфика в механизме действия права и морали. Если юридические нормы при помощи государственно-принудительных мер могут быть, так сказать, «извне» распространены на любые отношения, поддающиеся правовой регламентации, то мораль в значительной степени опосредствует поступки людей «изнутри». Хотя существуют различия, а подчас и существенные расхождения между индивидуальными моральными воззрениями и господствующей нравственностью, моральные нормы по большей части непосредственно воздействуют на индивидуальное сознание. Нормы морали и регулируют поведение людей лишь в той мере, в какой внедрились в общественное сознание. Они действуют через оценку поступков людей, через механизм общественного мнения¹.

---

¹ «Подлинная моральная норма, — пишет Л.М. Архангельский, — не есть исключительно внешнее предписание; она есть предписание, принятое и усвоенное личностью, ставшее ее внутренней установкой к определенному рода действиям, сознанием и чувством долга, ответственности, совести» (*Архангельский Л.М. Лекции по марксистской этике. Ч. 1. Свердловск, 1969. С. 56*).

Надо заметить, что в последние годы в философской литературе проблемы права (правовой системы) и морали (системы морали) получили довольно развернутую разработку (см., в частности: *Якуба Е.А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Харьков, 1970; Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высш. шк., 1972, и др.*).

Таким образом, мораль «уступает» праву по ряду свойств (системность, динамизм, формально закрепляемая определенность содержания). Как «внешний» регулятор право способно решать такие задачи по регулированию экономических, политических, организационных отношений классового общества, которые не под силу морали. При этом важно, что при помощи юридических норм оказывается возможным не только возложение на субъектов обязанностей, обеспечиваемых мощью государственного принуждения, но и предоставление субъектам гарантированных субъективных прав, в частности гарантированных прав личности.

В то же время и мораль имеет ряд преимуществ. Будучи постоянным, относительно устойчивым в данной среде фактором духовной жизни, мораль обладает значительной «проникающей силой». Она способна вторгаться в глубь человеческих отношений, эффективно воздействовать на те из них, где проявляются цели, мотивы человеческих поступков.

Итак, право и мораль — специфические, самостоятельные подразделения системы социальных норм. Вместе с тем они отличаются *единством*. Это последнее выражается не только в тех чертах, которые присущи всей системе социальных норм (обусловленность единым социально-экономическим строем, осуществлением единых социальных задач и др.), но и в непосредственных связях права и морали, в их взаимопроникновении и взаимодействии.

Взаимопроникновении этих двух близких элементов системы социальных норм может быть сведено к двум основным моментам: во-первых, право является формой общественного регулирования, основанной на господствующей морали, которая пронизывает содержание, во многом определяет его облик, его черты; во-вторых, мораль в современных условиях имеет в праве одну из необходимых форм своего существования. Оба указанных момента выражают единое — особенность права как явления морали и культуры, его моральную ценность.

Нравственную основу права с предельной определенностью подчеркивал К. Маркс. Он обращал внимание на то, что если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность. По Марксу, утверждение в праве безнравственности — это произвол, беззаконие, «законодательный произвол»¹.

В условиях классового общества мораль является такой формой общественного сознания, которая проникает в самую «плоть» права.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 162–163.

Господствующий класс всегда стремится представить свою волю, возведенную в закон, в качестве «всеобщей» и с точки зрения нравственных оснований «праведной», справедливой.

Особо существенное значение для права имеют начала справедливости в их конкретно-историческом классовом выражении. Вот почему начала справедливости являются одним из важнейших принципов права.

Однако указание на то, что право имеет нравственную основу, раскрывает лишь одну сторону глубокого взаимопроникновения этих элементов единой системы социальных норм. Другая сторона состоит в том, что право в классовом обществе может быть охарактеризовано в качестве одной из *необходимых* форм существования ряда принципов морали. Определенный круг нравственных принципов в классовом обществе, существуя в виде «чисто» моральных, в то же время так или иначе выражается и в юридических нормах.

Это проникновение, «просачивание» нравственных принципов в содержание права носит различный характер. Здесь можно отметить три основных момента.

Во-первых, в некоторых отраслях права (например, семейном) юридические нормы прямо выражают известные нравственные требования, конкретизируют их в виде нормативных, формально-определенных юридических предписаний.

Во-вторых, многие юридические нормы, прямо не воплощая в своем содержании нравственные обязанности, направлены на их юридическое обеспечение, охрану, проведение в жизнь. Таковы, в частности, юридические нормы, которые ставят под особую правовую защиту поведение лиц, активно и самоотверженно осуществляющих принципы коммунистической морали (например, нормы, устанавливающие обязанности по возмещению вреда, понесенного гражданином при спасании социалистического имущества от грозящей ему опасности; нормы, устанавливающие повышенную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, достоинство народных дружинников и других общественных работников).

Уголовно-правовые и административные нормы, направленные на охрану общественной собственности, личности и др., выражают нравственные требования и запреты, основываются на них. Вместе с тем каждая взятая в отдельности уголовно-правовая норма закрепляет нравственные требования и запреты не непосредственно, а негативно — путем указания на противоправные, антиобщественные деяния. Противоправные, антиобщественные деяния, предусматривае-

мые нормами уголовного и административного права, это в условиях социалистического общества всегда и антиморальные акты поведения, нарушающие нравственные требования и запреты. Следовательно, нормы уголовного и административного права (да и ряда других отраслей), предусматривающие юридическую ответственность, направлены на охрану нравственности, утверждение в жизни принципов морали.

В-третьих, все нормы права принимаются с учетом начал нравственности, справедливости, а поэтому все право представляет собой в широком смысле нравственное явление и несоблюдение *любой* юридической нормы является аморальным поступком.

Взаимодействие права и морали состоит в том, что в процессе своего формирования, развития, функционирования правовые и моральные нормы контактируют, опираются друг на друга, действуют в единстве, сочетании.

Основой такого взаимодействия является глубокое взаимопроникновение права и морали. Точнее — именно потому, что право и мораль близкие, взаимопроникающие элементы системы социальных норм, они не могут действовать изолированно, обособленно, вне контактов друг с другом.

Взаимодействие права и морали осуществляется в нескольких формах¹. Основными из них являются: а) влияние морали на формирование и развитие норм права, б) влияние права на формирование, утверждение и развитие нравственных норм, в) охрана правом моральных норм, нравственных устоев, г) использование нравственных норм при применении права.

Для юридической науки и практики особый интерес представляет последняя из указанных форм, которая реально выражает взаимодействие права и морали в процессе их функционирования.

Мораль влияет не только на формирование юридических норм, но и на процесс их реализации компетентными правоприменительными органами.

Впрочем, если исходить из той трактовки применения права, которая защищается в настоящем курсе, то «включение» морали в правоприменительный процесс оказывается столь же закономерным, как и ее воздействие на правотворчество. Коль скоро при применении права происходит индивидуально-регулирующая деятельность правоприменительных органов, то вполне естественно, что последние, так же

---

¹ Васильев Ю.С. Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1966. № 11. С. 12.

как и органы правотворчества, должны опираться на нравственные принципы и воззрения.

В тех же случаях, когда нравственные принципы прямо выражены в правовых нормах, использование морали при применении права становится юридически обязательным, а не только возможным и желательным¹. Здесь без использования моральных норм невозможно раскрыть содержание нормы права. Нормы морали, в частности, являются основанием для того, чтобы:

а) юридически квалифицировать конкретные действия и установить, могут ли они служить основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений. В качестве примера можно сослаться на решение вопроса о расторжении брака, который по действующим нормативным положениям расторгается, если его сохранение противоречит принципам коммунистической морали. Следовательно, здесь для оценки (юридической квалификации) конкретных действий лиц, состоящих в браке, необходимо обратиться к нормам нравственности. Точно так же для того, чтобы квалифицировать противоправные действия в качестве злостного хулиганства (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР), необходимо, опираясь на моральные нормы, установить, проявляется ли в данных действиях явное неуважение к обществу, имеют ли они дерзкий или циничный характер;

б) оценить личность данного гражданина. Такая оценка личности необходима, в частности, при индивидуализации меры наказания, назначаемого судом за совершенное преступление. В ряде случаев при дозировке наказания нет иного способа индивидуализировать меру наказания, как, обратившись к нравственным нормам, оценить на их основе личность преступника. Оценка личности необходима при решении дел по семейным правоотношениям. Например, в судебной практике признано необходимым при так называемых «спорах о детях» учитывать моральные качества родителей, личные привязанности ребенка;

в) оценить те объективные явления, с которыми связано отношение, регулируемое правом (характер объекта, интереса и др.). Так, гражданское законодательство предусматривает, что размер неустойки может быть снижен судом с учетом не только имущественного, но и всякого иного, заслуживающего внимания, интереса кредитора. Характер же интереса кредитора в ряде случаев нельзя установить иначе, как обратившись к соответствующим нормам нравственности;

---

¹ Русинов Р.К. Использование норм нравственности при применении норм права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967. С. 7 и сл.

г) определить пределы осуществления субъективных прав. Статья 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает, что гражданские права не должны осуществляться в противоречии с их назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. Каким же образом определить, осуществляются ли субъективные права в соответствии с их назначением? Для этого и используются нормы коммунистической морали. Как следует из ч. 2 ст. 5 Основ, при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны не только соблюдать законы, но и «уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм».

3. Право и нормы-обычай. Нормы-обычай (традиции, обыкновение) — это *правила поведения общего характера, исторически складывающиеся в силу данных фактических отношений и в результате многократного повторения вошедшие в привычку.*

Обычай занимает в системе социальных норм весьма своеобразное положение.

Их регулирующее действие, так же как и норм морали, тесно связано с духовной жизнью людей. Более того, нормы-обычай входят в сферу общественной психологии¹ и через нее непосредственно включаются в индивидуальное сознание. Иными словами, особенности обычаев как внешних регуляторов проявляются еще менее выпукло, чем у норм морали.

И еще одна важная черта норм-обычаев. Многие обычаи представляют собой форму иных социальных норм. Самостоятельное значение обычаи приобретают в той мере, в какой данные нормы находят «отражение» в фактических отношениях. К. Маркс подчеркивал, что «если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай...»². Поэтому предметом обычаев могут быть в сущности любые отношения: когда те или иные правила поведения входят в привычку, они приобретают черты обычаев.

Таким образом, нормы-обычай выполняют в системе общественного регулирования особую миссию: включаясь в сферу общественной психологии и индивидуальной психики, они закрепляют действие социальных норм, превращают их в привычку, традицию, обыкновение³.

---

¹ Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 120–121.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 357.

³ В литературе обращено внимание на то, что правило поведения, образующее ядро, внутреннюю структуру обычая, «не существует в «чистом виде», а находится в единстве с его процессуальными средствами — символическими ритуалами, обрядами и т.д.». И даль-

Это предопределяет особенности формирования и существования норм-обычаев. Они еще в меньшей степени, чем нормы морали, могут быть «установлены», «введены». Они должны утвердиться в общественной психологии, в индивидуальной психике. Нормы-обычаи складываются в силу данных фактических отношений в результате многократного их повторения. Конечно, каждый обычай имеет определенное основание (например, требования целесообразности, удобства, моральные взгляды и т.п.). Но это основание ушло в прошлое; норма как бы порвала с ним связь. Норма действует в силу данных фактических отношений, которые в современных условиях и являются ее непосредственным источником — силой, поддерживающей ее существование.

Да и существуют обычаи как бы в самом образе жизни людей, нередко имеют характер традиций, обыкновений — того, что «принято». Поэтому они — устойчивые правила поведения людей. Внедрение обычаев в поведение людей — длительный процесс (ведь правило должно стать постоянной привычкой!). Но после того, как правило вошло в привычку, оно живет сравнительно долго, имеет устойчивый, «консервативный» характер. Даже смена фактических отношений, непосредственно питающих обычаи, не приводит сразу к их отмене или преобразованию. Привычка как бы «законсервировалась», приобрела относительно самостоятельное существование.

Весьма своеобразны свойства обычаев. Обычаи — это всегда конкретизированные и детализированные правила поведения. Данные конкретные фактические отношения могут непосредственно обуславливать лишь «подобные себе» нормы, т.е. вполне конкретизированные и детализированные по содержанию. Только такие нормы могут войти в результате многократного повторения в привычку.

Обычаи не представляют собой цельной, связанной в прочное единство, системы норм. Они выступают по большей части в виде отдельных, изолированных друг от друга правил поведения, не представляющих единого механизма регулирования общественных отношений.

Обычаи имеют в основной своей массе локальную сферу действия. Они действуют лишь постольку, поскольку данные правила вошли в привычку, рассматриваются людьми в качестве естественно неизбежных. Для того чтобы распространить действие обычаев на более

ше: «Художественные средства также являются компонентами обычая, усиливающими его психологическую основу живучесть и защиту» (*Токарев Б.Я.* Место обычаев в системе социальных норм // Вопросы Советского государства и права: Материалы Северо-Кавказской научной конференции. Ростов н/Д, 1968. С. 23).

широкий круг людей, необходимо подкрепить их силой нравственного, общественного или даже государственного воздействия.

Наконец, особыми чертами характеризуется и механизм действия норм-обычаев. Так как нормы входят в привычку, вопрос об их обеспечении какой-либо внешней силой в принципе становится излишним. Конечно, государство, общественные организации, отдельные группы лиц могут поддерживать либо отвергать тот или иной обычай. Но до тех пор, пока норма сохраняет качество обычая, она исполняется в силу привычки, в силу «естественного обыкновения вещей». Лица, придерживающиеся обычаев, поступают так, а не иначе, потому что они привыкли действовать подобным образом, другое поведение представляется им противоестественным. (Конечно, в той мере, в какой обычай выражают нравственные принципы, они поддерживаются и силой общественного мнения.)

Каково же соотношение права и обычаев в социалистическом обществе?

При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду особое положение обычаев в системе социальных норм.

По сравнению с нормами нравственности обычай, условно говоря, несколько дальше отстоит от права. Они не обладают тем единым, цельным идеологическим содержанием, как это характерно для морали. Поэтому обычаи в современных условиях не имеют существенного значения при издании и применении правовых норм (необходимо, однако, заметить, что в эксплуататорских обществах, в частности при возникновении права, а также в эпоху феодализма связь между обычаями и правом была более непосредственной и тесной). Значительное число действующих в настоящее время обычаев лишено какой-либо зримой связи с правом, правовым регулированием (правила этикета, обрядовые правила и др.).

Вместе с тем необходимо учитывать, что обычаи, хотя и теряют в ряде случаев связь с породившими их условиями, все же в основной своей массе не нейтральны. Одни обычаи несут на себе печать отношений, уходящих в прошлое; некоторые из них являются даже реакционными, вредными в социалистических условиях. Другие обычаи носят прогрессивный характер (например, обычаи в области социалистического соревнования, движения ударников коммунистического труда, организации здорового отдыха трудящихся и др.).

В соответствии с этим нормы права связаны с обычаями по-разному. В социалистическом обществе юридические нормы в ряде случаев нацелены на борьбу со старыми, в частности феодальными, обычаями,

находящимися в противоречии с социалистическими общественными порядками. В качестве примера можно указать на ряд норм советского уголовного права, предусматривающих уголовную ответственность за совершение таких обычаев (ст. 231, 232, 233, 234, 235 УК РСФСР).

Что же касается передовых, прогрессивных обычаев, то теоретически они могут быть использованы при издании юридических норм. Содержание обычаев (точность, детализированность, конкретность) принципиально позволяет придавать им значение норм права без особой сложной нормотворческой работы. Не случайно поэтому даже новейшее советское законодательство использует ссылки на обычаи для конкретизации содержания регламентируемых правом действий. Так, в брачно-семейном законодательстве закреплена обязанность органов записи актов гражданского состояния обеспечивать торжественную обстановку регистрации брака при согласии на это лиц, вступающих в брак (ст. 14 Кодекса о браке и семье РСФСР).

Обычаи имеют известное перспективное значение и для развития социалистического права. Перспективное значение принадлежит той части обычаев, которая характеризует особенности механизма их действия. Превращение основных правил человеческого общежития в привычку является одной из закономерностей развития социалистического права в период строительства коммунизма. В.И. Ленин писал, что при переходе к коммунистическому обществу «люди постепенно *п р и в ы к н у т* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития...»¹.

Особые формы соотношения с правом имеют отдельные разновидности обычаев, в частности традиции², обыкновения.

Т р а д и ц и я — обычай, выражающий систематический или периодически повторяющийся образ поведения, укоренившийся пример поведения. Традиции в отличие от «просто» обычаев нередко включают в себя определенный организационный элемент. В ряде случаев традиции проникают в самое содержание правового регулирования.

---

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 33. С. 89.

² По мнению М.Н. Кулажникова, автора, внесшего существенный вклад в разработку проблемы соотношения обычаев и юридических норм, традиции представляют собой самостоятельную разновидность социальных норм. Он полагает, что «при помощи традиций общество (либо его отдельные объединения) формируют социальные требования, превращая их в своеобразные неписанные законы — обобщенные устойчивые нормы и принципы поведения, адресованные к людям» (Кулажников М.Н. Советское право, традиции и обычаи в их связи и развитии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев, 1972. С. 19). Думается, однако, что признаков, объединяющих обычаи и традиции, значительно больше, чем свойственных им особенностей.

Такова, например, сложившаяся в социалистическом обществе традиция всенародного обсуждения проектов важных нормативных юридических актов. Определенные традиции складываются в юридической практике. Здесь они закрепляют те линии, которые выражают существенные моменты правосознания, выводы из содержания юридических норм применительно к тем или иным своеобразным фактическим обстоятельствам. В связи с этим традиции, складывающиеся в юридической практике, приобретают значение факторов, влияющих на самую «правовую материю».

Обычаи — обычаи, выработанные в деятельности государственных органов или деловой, хозяйственной жизни (деловые обыкновения). К их числу принадлежат, например, обыкновения, сложившиеся в практике работы Верховных Советов (собрание старейшин, открытие сессии старейшим депутатом и др.), обыкновения, конкретизирующие некоторые условия договорных отношений (ст. 168, 245 ГК РСФСР, ст. 134, 135, 149 Кодекса торгового мореплавания). Обыкновения — это такие обычаи, которые действуют в *сочетании* с юридическими нормами, в ряде случаев конкретизируя содержание тех или иных действий. Иногда в юридической литературе им придают значение источников права.

4. Право и корпоративные нормы. Корпоративные нормы (нормы общественных организаций)¹ — это *правила поведения общего характера, установленные негосударственными общественными организациями, распространяющиеся на членов данной организации и поддерживаемые мерами организационного воздействия.*

В социалистическом обществе (так же как и в ином классовом обществе) корпоративные нормы² имеют политическое содержание. В отличие от норм морали и норм обычаев они так же, как и юридические нормы, характеризуются «внешним», четко объективированным характером. Они призваны регламентировать организационные и иные отношения, складывающиеся внутри той или иной общественной организации или в системе общественных организаций, поддающихся внешнему контролю и обеспечению при помощи организационных мер и санкций.

---

¹ Термин «корпоративные нормы» для обозначения норм общественных организаций удачно использован в кн.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия (М.: Юрид. лит., 1970. С. 361).

² Характеристику особенностей корпоративных норм см.: *Корельский В.М.* Правовые нормы и нормы общественных организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963.

Отсюда их известная близость к юридическим нормам также и по внешним особенностям и свойствам. Корпоративные нормы устанавливаются (вводятся) данной общественной организацией, «живут» не в сознании людей, а в актах общественных организаций — уставах, положениях, решениях. В пределах организации они образуют единую систему, динамичны, подвижны, способны точно и детализированно регламентировать поведение членов общественной организации, взаимоотношения между ее отдельными подразделениями. Весьма существенно и то, что при помощи корпоративных норм может обеспечиваться предоставление лицам гарантированных субъективных прав (в рамках данной организации). Наконец, в какой-то степени сходен с правовым регулированием и механизм действия корпоративных норм: обеспечиваются они организационными мерами и санкциями, обладающими большой воздействующей силой (обсуждение поведения члена организации на общем собрании с вынесением выговора, предупреждения и т.п., исключение из членов организации).

Вместе с тем нормы общественных организаций существенно отличаются от норм права. Главное здесь — это отсутствие непосредственной связи с деятельностью государства. Несмотря на указанные выше особенности, они остаются *корпоративными, общественными* (в узком смысле) нормами. Данные нормы исходят от общественных организаций и поддерживаются специфическими общественными мерами воздействия. Для них, в частности, чужд тот способ принуждения, который гарантирует действие юридических норм. Кроме того, корпоративные нормы всегда локальны: в принципе действуют лишь в пределах данной общественной организации.

Таким образом, корпоративные нормы уступают юридическим по своей силе, «мощи», сфере действия, категоричности. Но они имеют и свои преимущества. Будучи необходимыми для обеспечения функционирования одного из звеньев политической организации общества (общественных организаций), эти нормы выражают самодеятельность, инициативу и активность общественных организаций, еще теснее, нежели право, связаны с моралью и в ряде случаев способны опосредствовать такие отношения (внутрипартийные, внутрисоюзные), которые лежат за пределами предмета правового регулирования.

Взаимодействие между правовыми и корпоративными нормами имеет специфический характер. Им несвойственно то глубокое взаимопроникновение, которое присуще праву и морали. В то же время с точки зрения своих внешних особенностей и свойств правовые и корпоративные нормы близки друг к другу.

Поэтому здесь на первое место выдвигаются «свои» формы взаимодействия.

К числу основных форм взаимодействия правовых и корпоративных норм могут быть отнесены следующие.

Во-первых, корпоративные нормы могут приобретать юридическое значение и выступать в виде правовых норм. Это происходит в случаях, когда государство санкционирует общественные (в узком смысле) нормы. В результате такого санкционирования они уже исходят от государства и гарантируются его принудительной силой. Но по своему непосредственному источнику выраженной в них воли они остаются корпоративными нормами. Примечательно, что в рассматриваемых случаях нормы общественных организаций подчас приобретают внешнее действие, т.е. распространяются не только на членов данной организации, но и на иных лиц. Такой характер, например, имеют нормативные акты соответствующих органов профсоюзов, направленные на регулирование трудовых отношений.

Во-вторых, нормы общественных организаций и правовые нормы в ряде случаев выступают в нераздельном единстве, т.е. в виде норм, одновременно являющихся и корпоративными, и правовыми. Речь идет о совместных постановлениях государственных органов и общественных организаций трудящихся (например, совместные постановления государственных органов и профсоюзных организаций и др.).

В-третьих, санкции норм общественных организаций в определенных случаях используются при обеспечении юридических норм. Нередко юридические санкции и меры общественного воздействия применяются в совокупности, что создает дополнительные гарантии надлежащего осуществления требований норм права¹.

Таким образом, правовые и корпоративные нормы уже сейчас в какой-то степени являются взаимозаменяемыми; они могут действовать как «близкие» партнеры, сочетаясь и поддерживая друг друга. Как будет показано в последующем, отмеченные черты близости и взаимодействия рассматриваемых разновидностей социальных норм указывают на одно из перспективных направлений развития права при переходе к коммунизму (гл. XI).

5. Единство социальных норм. Политические нормы. Правила социалистического общежития. Все социальные нормы социалистического

---

¹ По вопросу о сочетании и взаимодействии правовой и общественной ответственности см.: *Петелин А.И.* Соотношение правовой и общественной ответственности в социалистическом обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 12 и сл.

общества характеризуются глубоким внутренним единством. Выражая требования единого экономического базиса, они функционируют как цельный, сложный нормативный организм, обеспечивающий организованность, урегулированность и порядок в социалистических общественных отношениях.

Единство всей системы социальных норм социалистического типа выражается в том, что:

а) одно и то же правило во многих случаях одновременно обладает особенностями и свойствами, характерными для нескольких видов социальных норм (таковы, например, нормы семейного права, которые выражают моральные принципы и в то же время нередко приобретают свойство обычая);

б) между отдельными видами социальных норм существует взаимодействие, причем такое, что, например, природа права не может быть с достаточной полнотой понята, если не учитывать его нравственных, моральных основ;

в) между всеми видами социальных норм существуют связь и взаимодействие, при которых разные виды социальных норм функционируют во взаимной обусловленности, сочетании.

Важной закономерностью развития общественного регулирования в социалистическом обществе является постоянное *усиление контактов взаимосвязи между всеми элементами (частями) системы социальных норм*. В этом, надо полагать, состоит одно из существенных направлений, характеризующих развитие права, морали и других социальных норм при переходе к коммунизму. Если по мере успехов строительства коммунизма все более упрочивается нравственная основа правовых норм, то одновременно и нормы морали воспринимают некоторые внешние свойства и черты норм права (например, закрепление главных принципов коммунистической нравственности в моральном кодексе строителей коммунизма). Возрастает значение корпоративных норм, которые, как и нормы права, способны регламентировать многие организационные отношения и потому нередко после санкционирования государством приобретают юридическое значение.

Наряду с отмеченными выше показателями, выражающими единство всей системы социальных норм, существуют и показатели более глубинные. Главный из них — это определяющее и цементирующее значение *политических норм*.

Правда, когда речь идет о политических (а также технических, эстетических и др.) нормах, то перед нами деление норм не по их регулирующим особенностям в единой системе, а по содержанию регулирова-

ния. То, что может быть отнесено к «политическим нормам», является с точки зрения их регулирующих особенностей нормами юридическими, корпоративными, моральными. Однако, если рассматривать систему социальных норм в целом, то политические нормы имеют и известное самостоятельное значение. Они выступают в качестве основы, ядра всей системы, цементирующих все ее части, определяющих ее облик и основные черты. Реально политические нормы как самостоятельный элемент системы общественного регулирования выражаются в партийных нормах (директивах), в том числе в ленинских нормах партийной жизни, в директивах съездов по пятилетним планам, в ряде уставных положений (например, в положениях о праве контроля низовыми партийными организациями администрации предприятий и учреждений).

Единство социальных норм социалистического общества находит выражение также и в особой категории — *в правилах социалистического общежития*. Эта категория широко используется в общественно-политической и правовой литературе, а также и в законодательстве (ст. 130 Конституции СССР, ст. 5, 61 Основ гражданского законодательства).

Термином «правила социалистического общежития» обозначается родовое, собирательное понятие. Этим понятием охватываются моральные нормы, новые социалистические обычаи, нормы общественных организаций и, наконец, нормы социалистического права. Это, следовательно, не особый вид социальных норм, а вся их система, взятая в определенном аспекте.

Что же является объединяющим стержнем для всех этих норм? По какому основанию они соединяются в единую группу? Правила социалистического общежития — это социальные нормы, которые непосредственно отражают новые начала взаимоотношений людей в социалистическом обществе, передовую коммунистическую идеологию, отношения дружбы, взаимного уважения, товарищества и сотрудничества¹. Их главным признаком является то, что «они имеют моральное обоснование и направлены на сплочение, объединение народа, организацию его сотрудничества в целях решения задач укрепления социализма и построения коммунизма»². Иными словами, это — социальные нормы, выражающие начала социалистической морали. Поэтому правила социалистического общежития носят всегда оценочный харак-

---

¹ Карева М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1951. С. 74.

² Айзенберг А.М. Правила социалистического общежития, их роль в советском обществе // Труды ВЮЗИ. Т. 12. М., 1969. С. 104.

тер. Ссылки на правила социалистического общежития мы находим в законе в тех случаях, когда необходимо указать на социальные нормы (неправовые и правовые), позволяющие оценить характер поведения людей или личность человека с точки зрения моральных норм (принципов, идеалов).

Понятию правил социалистического общежития принадлежит важное значение при характеристике перспектив развития социалистического права в период строительства коммунизма.

Правила социалистического общежития образуют основное содержание норм социалистического типа. Они составляют ту основу, из которой в перспективе и разовьются правила поведения людей во второй фазе коммунизма, т.е. нормы коммунистического общежития¹.

6. Классификация социальных норм по содержанию. Технические нормы. Наряду с делением социальных норм по их регулирующим особенностям существенное значение принадлежит другой классификации — делению норм по своеобразию их содержания.

В зависимости от своеобразия содержания социальные нормы могут быть подразделены, в частности, на следующие виды:

— *политические нормы* — правила поведения, складывающиеся в сфере политики, непосредственно выражающие политику класса, социальной группы, общества;

— *техничко-экономические (технические) нормы* — правила поведения, функционирующие в области экономики, техники;

— *организационные нормы* — правила поведения, регулирующие организационные отношения во всех сферах общественной жизни;

— *нормы культуры (нравы)* — правила поведения, опосредствующие социально-культурные связи, отношения в области быта, культуры поведения и т.д.;

— *эстетические нормы* — правила, выражающие требования к красоте поведения, этикету, моде, манерам и пр.;

— *«игровые нормы»* — правила, регламентирующие действия людей в спортивных и иных играх.

Надо еще раз подчеркнуть, что это деление социальных норм строится в *иной плоскости*, нежели классификация по регулирующим особенностям норм². Поэтому каждая из указанных разновидностей мо-

---

¹ Айзенберг А.М. О развитии норм социалистического общежития в единые правила коммунистического общежития // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 34–35.

² Вот почему нельзя признать правильными такие выдвинутые в литературе классификации, которые основаны на смешении (соединении) двух классификационных критериев (например, А.М. Айзенберг «в одном ряду» выделяет такие разновидности:

жет быть выражена в виде либо норм права, либо норм морали, либо корпоративных норм, либо норм-обычаев.

Вместе с тем указанные классификации частично перекрещиваются.

Так, нормы морали, обособляемые по особенностям их регулирующего воздействия, в то же самое время представляют собой самостоятельный вид и по содержанию. Мораль (с точки зрения содержания) не исчерпывается одними лишь требованиями культуры; она имеет более глубокое идеологическое содержание. Именно поэтому принципы морали воплощаются не только в моральных нормах как таковых, но и в нормах права, корпоративных нормах, нормах-обычаях¹.

Выше уже отмечалось особое место политических (партийных) норм. В социалистическом обществе они не сводятся (в плоскости регулятивного воздействия) к иным социальным нормам. И хотя политические нормы как бы «находятся внутри» всей системы социальных норм, они имеют и определенное самостоятельное значение.

Конкретное место в системе общественного регулирования занимают *техничко-экономические*, или *технические*, нормы.

Ряд советских ученых полагает, что технические нормы вообще не относятся к числу социальных. По их мнению, эти нормы хотя и могут иметь известное социальное значение, но в целом регулируют не отношения между людьми, а отношения человека к природе, средствам производства и т.д.²

Другие советские ученые считают, что технические нормы являются социальными³.

а) политические нормы, б) нормы социалистического права, в) нормы морали, г) нормы общественных организаций, д) эстетические нормы, е) обычаи, ж) организационные нормы. — *Айзенберг А.М.* Правила социалистического общежития и их роль в советском обществе // Труды ВЮЗИ. Т. 12. С. 106 и сл.).

¹ В эксплуататорских формациях (в особенности в эпоху феодализма) в качестве ядра системы социальных норм, имеющего в ряде отношений и самостоятельное значение, выступали *религиозные нормы*. В социалистическом обществе они сохраняются лишь в виде остатков отживающей морали и норм-обычаев, а также в виде корпоративных норм в существующих еще религиозных организациях.

² Теория государства и права. Госюриздат, 1955. С. 344; *Шебанов А.Ф.* Нормы советского социалистического права. Изд-во МГУ, 1956. С. 7; *Явич Л.С.* Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. 1957. С. 16; *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Изд-во Львов. ун-та, 1959. С. 41; *Июффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 124—127.

³ *Полежаи П.Т., Шелестов В.С.* О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1960. № 10. С. 13—21.

Каково же решение этой проблемы? Определенный круг норм относится к числу технических потому, что их содержание в значительной степени прямо обусловлено законами природы, техники и т.д. Последние носят всеобщий характер: их требования одинаково действуют в отношении всех лиц. И если рассматривать требования природы и техники *только* со стороны их объективного содержания, т.е. безотносительно к тому, регулируют ли они поведение людей или нет, то эти требования можно определить как «чисто технические нормы» и противопоставлять их социальным нормам.

Однако «чистые технические нормы» являются абстракцией, известным отвлечением от реальных жизненных отношений. В сущности они имеют такое же значение, как и «правила» математики, грамматики и других несоциальных образований. Как только технические требования соприкасаются с поведением людей и люди начинают соотносить свои поступки с техническими требованиями, иными словами, как только технические требования (правила) становятся *общими правилами поведения* (т.е. *нормами*) *в точном и строгом смысле этого слова, они неизбежно приобретают социальное значение.*

Относя в общем технические нормы к числу социальных, не следует упускать из вида важные особенности, которые выделяют их среди иных социальных норм. Главная из этих особенностей указана выше: содержание технических норм по основным своим моментам обусловлено законами природы и техники, что, однако, не исключает волевого момента в их содержании: законы природы и техники дают известный простор для выбора тех или иных вариантов поведения. Отсюда проистекают и другие особенности технических норм. Их социальный характер внешне не имеет ярко выраженных признаков. В технических нормах отступают на второй план и меры общественного обеспечения (общественные, правовые, моральные санкции). В большинстве случаев технические нормы используются лицами в силу их целесообразности, неотвратимости или возможности материальных, технико-экономических или других отрицательных последствий в случае их несоблюдений¹.

Приведенными соображениями предопределяется решение вопроса о соотношении технических и юридических норм. Категории «технические нормы» и «юридические нормы» — это перекрещивающиеся

---

¹ В дальнейшем (т. 2) будет показано, что к технико-юридическим нормам относятся также общие правила, обусловленные требованиями нематериальной (в частности юридической) техники.

ся, частично совпадающие понятия. Часть технических норм облекается в правовую форму.

Технико-юридические нормы занимают специфическое место среди иных норм права. Государственно-волевой момент не является единственно определяющим в их содержании (определяющее значение принадлежит здесь требованиям законов природы и техники). Поэтому технико-юридические нормы сами по себе не являются нормативным основанием для возникновения правовых отношений. Они всегда действуют в совокупности с иными нормами права. Роль технико-юридических норм сводится в основном к тому, что они конкретизируют права и обязанности участников правоотношений (например, обязанности поставщика в отношении качества поставляемой продукции, обязанности участников трудовых отношений в области безопасности и др.)¹.

Возрастание в социалистическом праве удельного веса технико-юридических норм свидетельствует, помимо прочего, об усилении активного воздействия права на экономику. Содержание технических норм непосредственно обусловлено требованиями техники, организации производства и др. Это и дает в свою очередь возможность с большей эффективностью воздействовать через технические нормы на указанные элементы производительных сил.

Проблема социальных норм привлекает все большее внимание советских ученых — юристов, философов, социологов.

К сожалению, однако, основные усилия при ее рассмотрении сосредотачиваются вокруг вопросов, касающихся видов социальных норм, а также признаков, выражающих их единство и различие.

Конечно, внесение достаточной ясности в решение указанных вопросов — дело немалой важности. Необходимо добиться точного определения классификационных критериев, что позволит проводить классификацию в нескольких плоскостях и устранил возможность смешения норм, принадлежащих к разным классификационным рубрикам.

Вместе с тем рассмотрение упомянутых вопросов не должно заслонять наиболее важных, «перспективных» сторон проблемы — характеристики ви-

---

¹ По вопросу о соотношении технических норм с юридическими и о своеобразии роли технико-юридических норм в правовом регулировании см.: *Черданцев А. Ф.* Теоретические вопросы соотношения технических и юридических норм: Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права. Свердловск, 1963. С. 30–53; *Его же.* Технико-юридические нормы в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963; *Он же.* Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 134–138.

дов социальных норм как *элементов единой системы*. Именно здесь следует искать ключ к пониманию своеобразия действия тех или иных разновидностей социальных норм, их свойств и функций.

Такой подход в особенности важен по отношению к социалистическому праву. Упрочение и углубление контактов и взаимосвязи между всеми социальными нормами социалистического общества означают, помимо всего иного, что своеобразие правового воздействия, его достоинства и функции в полной мере раскрываются только с учетом всего комплекса системных связей между юридическими и иными социальными нормами¹.

---

¹ Ряд интересных вопросов, посвященных системе социальных норм, поставлен в статье В.И. Нижечека «Правовое регулирование как разновидность нормативно-го регулирования» (Вопросы теории и истории государства и права. Иркутск, 1969). Жаль только, что автор противопоставляет в качестве конкурирующих понятий категории «общественное регулирование» и «нормативное регулирование» (при этом он отдает предпочтение последнему из указанных терминов). Между тем никакой конкуренции здесь нет. Нормативное регулирование представляет собой один из аспектов общественного регулирования, характеризующий главные *средства* регулятивного воздействия.

ГЛАВА V

АКТИВНАЯ РОЛЬ И ФУНКЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

1. **Активная роль права в жизни социалистического общества.** Место и роль права в системе отношений (гл. III) и в системе социальных норм социалистического общества (гл. IV) свидетельствуют о том, что социалистическое право:

а) является *активным элементом* в общественном организме, воздействующим на его правильное функционирование и развитие. При этом активная роль социалистического права не сводится к одному лишь упорядочению и закреплению существующих отношений. Право при социализме содействует созданию новых отношений. М.И. Калинин писал: «Будучи надстройкой над уже сложившимися экономическими взаимоотношениями, право в свою очередь является фактором, толкающим и дающим определенное направление этим взаимоотношениям. Несомненно, оно имеет свойство как закреплять уже сложившиеся отношения, так и толкать, вызывать, способствовать по крайней мере зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится. В этом состоит сущность творческой роли законодательства»¹;

б) обладает такими свойствами, которые делают правовую форму общественного регулирования *высокоэффективным и целесообразным* средством опосредствования общественных отношений. В ряде важнейших областей жизни социалистического общества, в том числе в области экономики, политики, организационных отношений, в современных условиях нет иной альтернативы, кроме права, для обеспечения надлежащего («нормального») функционирования и развития социалистического общественного организма.

Активная роль права в значительной степени раскрывается через его связь с государством. Будучи орудием социалистического государства, право является необходимой формой, при помощи кото-

---

¹ Калинин М.И. Вопросы советского строительства. Госполитиздат, 1958. С. 124.

Здесь же М.И. Калинин подчеркивал, что закон, который сумел правильно уловить пульс общественной жизни, помогает «отваливаться отмирающим отношениям и способствует здоровому росту возникающих». В этом как раз и состоит сущность творческой роли законодательства.

рой социалистическая государственная власть осуществляет свои задачи и функции.

В то же время социалистическое право имеет в системе общественных отношений и самостоятельное значение. Как уже отмечалось, социалистическое право — основа нормальной жизни общества. С этой стороны социалистическое право является важной *организующей и дисциплинирующей силой*, направленной на обеспечение урегулированности и порядка во всей системе социалистических общественных отношений.

Право в социалистическом обществе (вместе с моралью) является одним из главных элементов всей системы общественного нормативного регулирования. От уровня совершенства социалистического права, его эффективности во многом зависят совершенство и эффективность общественного регулирования в целом.

2. Пределы активной роли права в жизни социалистического общества. Подчеркивая активную роль права в жизни социалистического общества, его ведущее значение в системе общественного регулирования, нужно видеть и *пределы* юридического воздействия. Право — могучий, действенный, высокоэффективный, но не всемогущий инструмент общественного развития. При помощи права, закона нельзя сделать «все и вся».

Пределы активной роли права в жизни общества определяются: а) особенностями права как субъективного фактора общественного развития, б) своеобразием его свойств, в) характером регулируемых правом общественных отношений, г) задачами социалистического и коммунистического строительства.

Право — это субъективный фактор общественного развития. Если рассматривать право в соотношении с другими элементами (подсистемами) общественной жизни, то указание на то, что оно принадлежит к субъективным факторам общественного развития, сразу же с достаточной четкостью определяет возможности права. Конечно, эти возможности более значительны, чем у общественного сознания как такового. К. Маркс указывал, что при помощи права общественное сознание превращается в общественную силу¹. Но К. Марксу принадлежат и слова о том, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»². Праву «не дано» выполнить в общественной жизни ничего сверх того, что входит в круг возможностей «субъективного».

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 198.

² Там же. Т. 19. С. 19.

Так, правовое регулирование должно не только выражать задачи и идеалы социалистического и коммунистического строительства, но и соотноситься с теми реальными возможностями, которые характеризуют состояние социалистического общества на данной ступени его развития. В противном случае новый закон окажется либо «мертворожденным», либо законом, который в известной степени затормозит движение вперед. Например, некоторые советские ученые, с тем чтобы устранить возможность использования крупного наследства нетрудовыми элементами, предлагали существенно ограничить право наследования (в частности, установить предельный размер имущества, переходящего в порядке наследственного правопреемства). Однако принятие такого рода предложений привело бы в конечном счете к неоправданному стеснению права личной собственности, к ограничению начал материальной заинтересованности, а отсюда и к ослаблению темпов нашего хозяйственного строительства. Поэтому вполне понятно, что советский законодатель не пошел по такому пути. Напротив, Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик расширили наследственные права граждан (ст. 119).

Право – фактор общественного развития, возможности которого определяются его свойствами. При помощи права возможно решать такие социальные задачи, которые «согласуются» с его свойствами как субъективного элемента общественной жизни. Свойства же права (нормативность, формальная определенность, принудительность и др.) таковы, что они главным образом приспособлены для обеспечения высокой организованности в общественных отношениях, внесения в них урегулированности и порядка. В соответствии с этим право призвано прежде всего обеспечить закрепление господствующих общественных отношений; на этой основе оно в известных пределах способствует становлению и развитию новых отношений.

Право способно воздействовать на общественную жизнь лишь через отношения, которые «поддаются» правовому регулированию. Право регулирует не все общественные отношения, а лишь такие, которые могут быть подвергнуты внешнему контролю и обеспечены государственным принуждением¹. Для этого общественные отношения должны быть индивидуализированы, а главное, выражаться в волевом поведении субъектов. Иначе при помощи права, юридических норм они не могут быть опосредствованы.

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 87–88.

Отсюда теоретическое значение сделанного в советской юридической науке вывода о том, что предметом правового регулирования являются волевые общественные отношения. «Волевые» не в том смысле, что общественные отношения принадлежат к области идеологии, а в том, что выражаются в волевых действиях людей. В частности, общественно-производственные отношения становятся предметом правового регулирования лишь в той мере, в какой они выражаются в конкретных имущественных, трудовых, организационных отношениях, имеющих волевой характер. При этом важно подчеркнуть, что воздействие права на общественную жизнь (в том числе и на общественно-производственные отношения) тем значительнее, чем сильнее правовые формы оказывают влияние на волю и сознание людей.

Положение о волевом характере регулируемых правом общественных отношений (наиболее полно развернутое в работах С.Н. Братуся¹), на мой взгляд, имеет характер существенного научного открытия, «теоретические резервы» которого в полной мере еще не использованы. Это положение, в частности, является исходным при освещении психологического механизма правового регулирования, при разработке вопросов, связанных со стимулирующей ролью права, и т.д.

Весьма симптоматично, что в последнее время спал накал той дискуссии, которая возникла по данной проблеме. Теперь, думается, всем стало ясно, что право воздействует на общественную жизнь через волю и сознание людей и, стало быть, через такие общественные отношения, которые выражаются в волевых действиях. Спор же, как это, к сожалению, еще бывает в науке, свелся по существу к терминологической стороне проблемы: можно ли *назвать* регулируемые правом общественные отношения «волевыми» — вопрос хотя, быть может, и важный, но не такой уж принципиальный, как это пытались представить отдельные авторы².

Рассматривая механизм опосредствования правом общественных отношений, В.М. Чхиквадзе указал на значение в этом механизме такого специфического явления, как «интерес»³. Следует вместе с тем заметить, что положения об «интересе» дополняют научную разработку вопросов правового регулирования, но не заменяют и не снимают проблемы о характере и способах волевого опосредствования регулируемых правом общественных отношений.

---

¹ Из последних работ по данной проблеме см.: *Братусь С.Н.* Роль права в развитии советской экономики. М.: Знание, 1971. С. 3 и сл.

² *Малькевич В.В.* Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 139–141.

³ *Чхиквадзе В.М.* Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 305–308.

Правовое воздействие должно быть согласовано с общими тенденциями развития социалистического общества, всеми задачами социалистического и коммунистического строительства. В ряде случаев при помощи правовой формы (в частности при интенсивном использовании свойства принудительности) можно ускорить решение некоторых задач сегодняшнего дня.

Однако гуманистическая природа социалистического строя, начала социалистической демократии, вся система задач социалистического и коммунистического строительства ограничивают применение принудительной силы права, ставят принуждение в праве в определенные рамки, связывают его осуществление со всеми свойствами права.

Итак, активная роль в жизни общества небеспредельна. Право — не всесильный инструмент в социалистическом и коммунистическом строительстве. Конечно, этот вывод не должен приводить к недооценке социалистического права. Активная, сознательная роль социалистического права велика. Но как раз для того, чтобы с надлежащей полнотой, правильно и эффективно использовать этот мощный инструмент социалистического и коммунистического строительства, нужно отдавать ясный отчет в том, каковы объективные возможности права, какие задачи оно может решить, а какие нет.

3. Функции социалистического права. Активная роль права в социалистическом обществе выражается в его функциях, т.е. *направлениях правового воздействия.*

Функции права можно рассматривать в *трех* основных плоскостях, определяемых «широтой» угла зрения, т.е. в зависимости от того, освещаются ли они в рамках всего общественного организма или в пределах государственно-правовой части надстройки, или, наконец, только в границах «самого» права. В соответствии с этим в праве можно различать: общесоциальную функцию, социально-политические и специально-юридические функции.

Общесоциальная функция — направление правового воздействия, выражающее роль права во всей системе социалистических общественных отношений. В данной плоскости социалистическое право выполняет «управленческую», функционально-связующую роль, выступая в качестве основы нормальной жизни общества — фактора, обуславливающего правильное развитие и функционирование общественно-го организма (гл. IV).

Социально-политические функции — направления правового воздействия, выражающие социально-политическое содержание правового

регулирования. Право в данной плоскости рассматривается в единстве с государством. Поэтому и их функции в общем совпадают.

Так, в переходный период в условиях ожесточенной классовой борьбы с сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов определяющее значение имеет функция подавления — направление правового регулирования, нацеленное на то, чтобы в условиях строжайшей социалистической законности не дать простор для развития контрреволюционных, антисоциалистических сил, обеспечить постепенное вытеснение эксплуататоров из всех сфер общественной жизни. После уничтожения эксплуататорских классов главенствующее значение приобрели функции права, связанные с хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работой социалистического государства, т.е. экономическая и воспитательная функции, а также функция, направленная на обеспечение государственной и гражданской дисциплины, безопасности и неприкосновенности социалистического строя, охрану прав и свобод граждан.

Словом, каковы функции государства и осуществляемые им задачи, таковы в рассматриваемой плоскости и функции права. Государство и право здесь берутся в единстве как внутренне единые средства политического властвования, осуществляющие одни и те же социальные цели.

Специально-юридические функции — направления правового воздействия, выражающие своеобразие права, его юридическое назначение для опосредствуемых отношений. В данной плоскости различаются регулятивные (статическая и динамическая) и охранительная функции.

В советской юридической литературе проблема функций права относится к числу сравнительно новых проблем. Вместе с тем уже сейчас ясны некоторые недостатки, выявившиеся в ходе ее разработки.

Так, ряд авторов наряду с регулятивной и охранительной функциями указывает на существование воспитательной функции¹. Но почему только воспитательной? Если обособлена воспитательная функция, то под этим же углом зрения не с меньшим, а, пожалуй, с большим основанием нужно выделить, например, экономическую функцию.

Здесь явно смешиваются плоскости научного анализа. Получается, что будто бы право всегда оказывает воспитательное воздействие независимо от правового регулирования, а регулирование касается лишь области хозяйства, общественного порядка и других сфер общественной жизни. Рассмотрение всех функций права в «одном ряду» (регулятивная, охранительная, воспита-

---

¹ См., например: *Фарбер И.Е.* О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 39—41.

тельная) обедняет наши представления о направлениях правового регулирования, не позволяет с достаточной полнотой раскрыть многообразные функции права в жизни социалистического общества, причем ни с точки зрения своеобразия правового воздействия, ни с точки зрения социально-политического содержания правового регулирования¹.

4. Регулятивные (статические и динамические) и охранительная функции. Правовое воздействие, рассматриваемое с точки зрения его юридического своеобразия, имеет две стороны: положительное регулирование и охрану господствующих общественных отношений. В соответствии с этим специально-юридические функции, выражающие своеобразие правового воздействия, подразделяются на две главные группы – регулятивные и охранительные функции.

Регулятивные функции – направления правового воздействия, направленные на то, чтобы обеспечить надлежащую организацию социалистических общественных отношений, их функционирование в соответствии с требованиями объективных законов общественного развития. Не случайно поэтому регулятивные функции иногда обобщенно именуют «функцией организации».

Охранительная функция – направление правового воздействия, направленное на охрану социалистических общественных отношений, их неприкосновенность и сообразно этому – на вытеснение отношений, чуждых социалистическому обществу.

Однако указанным делением не исчерпывается классификация специально-юридических функций. То, что называлось «регулятивными функциями» (или функцией организации), по сути дела, представляет собой обобщенное наименование двух функций – регулятивной статической и регулятивной динамической.

Регулятивная статическая функция выражается в воздействии права на общественные отношения путем *их закрепления* в тех или иных правовых институтах. В этом состоит одна из коренных задач (назначений) правового регулирования. Социалистическое право прежде всего закрепляет, т.е. утверждает, возводит в разряд неприкосновен-

---

¹ Две из указанных плоскости общетеоретического анализа функций права в настоящее время четко различает Т.Н. Радько. Если ранее автор вслед за И.Е. Фарбером в «одном ряду» рассматривал регулятивную, охранительную и воспитательную функции (*Радько Т.Н. Функции социалистического общенародного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967*), то ныне Т.Н. Радько, обособив первые две из упомянутых функций, с другой уже плоскости указывает на существование экономического, политического и воспитательного направления в правовом регулировании (*Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 38–42*).

ных господствующие общественные отношения, выражающие волю и интересы народа.

Решающее значение в проведении статической функции принадлежит институтам права собственности, юридическая суть которых в том и состоит, чтобы закрепить существующие имущественные порядки путем предоставления отдельным лицам (государству, общественным и кооперативным организациям, гражданам) наиболее широких и непосредственно осуществляемых правомочий владения, использования и распоряжения вещами. Статическая функция права отчетливо выражена и в ряде других институтов (в том числе в институтах политических прав и обязанностей граждан, избирательном, авторском и изобретательском праве и т.д.).

Регулятивная динамическая функция выражается в воздействии права на общественные отношения путем *оформления их движения (динамики)*. При помощи правового регулирования, в частности, оказывается возможным способствовать изменению и совершенствованию существующих отношений, а также вызывать к жизни новые общественные отношения.

Конечно, было бы неправильным противопоставлять динамическую функцию права статической. Способствовать развитию общественных отношений можно лишь постольку, поскольку господствующие отношения закреплены, утверждены в качестве незыблемых, неприкосновенных. Да и само закрепление общественных отношений является средством, обеспечивающим их дальнейшее развитие. В то же время нельзя не видеть, что в определенных правовых институтах активное («действенное») начало социалистического права выражено особо отчетливо и ярко; отчетливо и ярко потому, что эти институты оформляют движение, динамику общественных отношений.

К такого рода институтам относятся, например, институты административного, гражданского, трудового права, опосредствующие хозяйственные процессы в нашей экономике; правовые институты, оформляющие процесс распределения производимых продуктов, и др. Так, нормы трудового права возлагают на рабочего или служащего обязанности точно и полно выполнять трудовые функции, соблюдать дисциплину труда и т.п., а на работодателя— предоставлять необходимые условия, обеспечивать безопасность работ, оплачивать работу и т.д. При помощи указанных обязанностей оформляется движение трудовых отношений, их динамика.

Таким образом, в более конкретизированном виде функции права, рассматриваемые под углом зрения своеобразия правового воздей-

ствия, таковы: а) регулятивная статическая, б) регулятивная динамическая, в) охранительная.

Различия между этими тремя функциями *непосредственно влияют на внутреннее строение права, определяют важные моменты его структуры*. Регулятивные (статическая и динамическая) и охранительная функции осуществляются при помощи различных по своим свойствам норм, типов правоотношений. Им соответствуют качественно различные пласты «правовой материи», охватывающие все отрасли права.

Чтобы оттенить качественный характер различий между видами норм и типами правоотношений, соответствующих функциям права, их целесообразно именовать «функциональными различиями». При таком подходе оказывается, что некоторые подразделения юридических норм (деление норм на регулятивные и охранительные, а регулятивных — на обязывающие, управомочивающие и запрещающие), а также совпадающие подразделения правоотношений — это не одна из возможных классификаций, а группировка норм и правоотношений, непосредственно отражающая функции права.

Функциональные различия между нормами права и правоотношениями в ряде пунктов оказываются довольно существенными: настолько существенными, что нормы и правоотношения становятся подчас несопоставимыми; и, следовательно, без учета функциональных различий невозможно решать многие теоретические вопросы (см. гл. XIII, XVIII, XIX).

5. Эффективность социалистического права. Важным показателем, характеризующим активную роль права в жизни социалистического общества, является его *эффективность*.

Эффективность права — *результативность правового воздействия*¹. Она выражает тот реальный эффект, тот практический результат, который достигается при осуществлении намеченного правового мероприятия.

Эффективность права охватывает ряд моментов, в том числе: а) фактическую эффективность, б) обоснованность и целесообразность, в) полезность, г) экономичность правового воздействия.

Ф а к т и ч е с к а я э ф ф е к т и в н о с т ь — это соотношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие юридические нормы. Цели правовых норм (непосредственные, ближайшие)

---

¹ *Никитинский В.И.* Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 12.

являются масштабом оценки их эффективности. Сопоставляя эти цели с реальным результатом действия норм, можно количественно измерить степень фактической эффективности данного правового мероприятия. В этой плоскости показатель эффективности может иметь не только положительное значение, но и значение отрицательной эффективности — эффективности права со знаком минус¹.

Фактическая эффективность является исходным, решающим моментом при определении результативности правового воздействия. Без него сама постановка вопроса об эффективности права лишается твердой научной почвы. Однако эффективность права как сложного социального явления не исчерпывается только указанным «количественным измерением». Для получения полного представления о степени результативности правового воздействия должны быть учтены и другие важные моменты.

Обоснованность и целесообразность — это условия и требования, осуществление которых делает само социалистическое право действенным, результативным регулятором общественных отношений. Здесь угол зрения расширяется и в соответствии с этим рассматривается соотношение между конечными, перспективными целями, лежащими в основе правового мероприятия, и содержанием юридических норм. Данный момент эффективности права касается главным образом правотворчества (научная обоснованность правовых норм, их соответствие назревшим потребностям общественного развития, степень учета общественного мнения и т.д.).

Полезность — это фактическая эффективность, уточненная с точки зрения обоснованности и целесообразности правового регулирования. Здесь берется лишь степень «положительности» реально достигнутого эффекта. Иными словами, в данной плоскости цель и реальный результат рассматриваются с учетом тех положительных задач, которые вызвали к жизни юридические нормы. Такой анализ, конечно, возможен только после определения фактической эффективности юридических норм. Однако полезность (степень положительной эффективности) юридических норм является главным показателем, характеризующим активную роль права в жизни социалистического общества.

Экономичность — это положительная эффективность, скорректированная с учетом количества затраченных в процессе пра-

---

¹ Такой подход к эффективности права, когда она рассматривается как соотношение между целью и достигнутым результатом, подробно и обстоятельно обоснован в ряде работ И.С. Самошенко и В.И. Никитинского (см., в частности, их статью в журнале «Советское государство и право» (1969. № 8. С. 3–11)).

вового регулирования материальных средств, человеческой энергии и времени. Реальный эффект правовых мероприятий нельзя рассматривать безотносительно к тем средствам, которые были использованы в процессе правового регулирования. Главное здесь — деловая подготовка кадров, структура и штат государственных органов, их техническая оснащенность и т.д. И хотя в данной плоскости характеристика права связывается с освещением эффективности управления, такая «увязка» оказывается неизбежной, так как и само право является компонентом управления.

Реальные показатели эффективности права во многом зависят от его функций. Так, эффективность права в области осуществляемых им охранительной и регулятивной статической функций выражается главным образом в состоянии правопорядка (предупреждение правонарушений, результативность мер государственно-принудительного воздействия, динамика правонарушений и т.д.). Эффективность же права в области осуществляемой им регулятивной динамической функции нераздельно связана с результативностью социально-экономического или социально-культурного мероприятия, облекаемого в правовую форму. В последнем случае количественное измерение эффективности подчас может получить выражение в определенных экономических (социальных) показателях.

Изучение эффективности социалистического права в настоящее время приобрело значение одного из главных направлений в развитии социалистического правоведения. Весьма существенно, что вопросы эффективности ныне не только рассматриваются в качестве важнейшей научной проблемы, но и характеризуют известный поворот в профиле научных исследований, в их содержании и направленности. Нет сомнений в том, что этот «поворот» приближает юридические исследования к общему уровню социологических работ, проводимых в современных условиях, и, следовательно, обеспечивает подъем престижа юридической науки, ее действенной роли в жизни социалистического общества.

За последние годы существенные шаги в разработке вопросов эффективности права сделаны как в плане общей теории права (Д.А. Керимов, М.П. Лебедев, И.С. Самошенко и др.), так и в плане специальных юридических наук — уголовного права и криминологии (Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский и др.), трудового права (В.И. Никитинский, О.В. Смирнов и др.), семейного права.

Вместе с тем вопрос об общем понятии эффективности права все еще остается дискуссионным. Нередко отдельные авторы обосновывают такое понятие эффективности, которое сориентировано лишь на одном из моментов, характеризующих его содержание (например, полезность, экономичность, целесообразность и др.). Большой заслугой И.С. Самошенко и В.И. Никитинского

является освещение эффективности как соотношения между действительным результатом и целью правовых предписаний. Однако такого рода трактовка эффективности «в чистом виде» (необходимая для проведения социологических исследований) все же оказывается неполной, односторонней, так как она не дает возможности выявить все то, что показывает «эффект», «результативность» действия права.

Важной и, надо полагать, перспективной проблемой при изучении эффективности права является постановка вопроса о возможности и путях выявления результативности юридического инструментария как такового. В настоящее время — и это вполне обоснованно на современном этапе исследования — под эффективностью права по существу понимается результативность социально-экономических (политических, культурных) мероприятий, облеченных в правовую форму. Но ведь для юридической науки первостепенный интерес представляет результативность «самой» правовой формы, т.е. степень, величина юридической обеспеченности социально-экономических (политических, культурных) мероприятий при помощи данных норм и правоотношений, рассматриваемых с точки зрения их свойств и соответствия специально-юридическим принципам.

При таком подходе необходимо исходить из особенностей функций права, видов юридических норм, типов правоотношений и т.д. — всего того, что позволяет измерить соответствие целей правового регулирования его реальным результатам и возможностям юридической формы. Специфический характер имеют здесь и показатели эффективности: в зависимости от функций права, а также «подсистем» правового регулирования (например, правотворчества и применения права) они, видимо, должны выражать состояние организованности и упорядоченности социалистических общественных отношений, в частности, степень реального осуществления субъективных прав, уровень обеспеченности исполнения юридических обязанностей, быстроту и надежность ликвидации конфликтных ситуаций и т.д.¹

---

¹ Вот почему следует признать плодотворной позицию Е.П. Шикина, рассматривающего эффективность применения права в ином ракурсе, нежели эффективность права в целом. По мнению автора, «общим мерилем эффективности правоприменения во всех его видах является то, насколько полно и реально пользуются граждане и их объединения, а также все другие субъекты правами, предусмотренными законом, но предоставляемыми или обеспечиваемыми в каждом отдельном случае правоприменительными органами; насколько точно исполняют они возложенные на них в ходе применения права обязанности» (*Шикин Е.П.* Основные условия эффективного применения права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 6).

ГЛАВА VI

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

1. **Понятие принципов права.** *Это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни.* Принципы — это то, что пронизывает право, выявляет его содержание в виде исходных, сквозных «идей», главных его начал, нормативно-руководящих положений.

При рассмотрении принципов права наиболее существенными являются следующие их стороны и черты.

Принципы права — это его сквозные «идеи». Право является общественным явлением, принадлежащим к сфере надстройки, идеологических отношений. Поэтому содержание права как надстроечного, идеологического явления может быть выражено в некоторых идеологических категориях, т.е. определенных сквозных «идеях».

Принципы характеризуют *содержание права*. Если фактическое содержание, выраженное в конкретных юридических нормах, носит всегда конкретизированный характер, то классово-волевое (социально-политическое) и «правовое» содержание институтов, отраслей права в целом может быть представлено в виде обобщенных категорий — начал, «идей», т.е. принципов.

Принципы выражают *основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни*. Принципы — это такие начала, в которых проявляются законы общественного развития, главные «устои» жизни социалистического строя, его тенденции и потребности¹.

Иными словами, принципы выступают в качестве таких правовых явлений, которые непосредственно связывают содержание права с его

---

¹ Эта особенность принципов права верно подмечена В.П. Грибановым. Он пишет, что «правовые принципы — это руководящие положения социалистического права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение (Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1970. С. 10). Значение правовых принципов как юридического выражения основных начал и закономерностей общественных отношений отмечает также Е.И. Аюева (Советское государство и право. 1969. № 3. С. 16).

основами – теми закономерностями общественной жизни, на которых данная система права построена и которые она закрепляет. Принципы права – это его «одухотворяющие начала», выражающие главное и решающее в его содержании.

Именно потому, что принципы характеризуют содержание права, его основы, они являются наиболее ярким и выразительным показателем своеобразия классово-волевой (социально-политической) природы права, его качественных юридических особенностей в пределах определенной общественно-экономической формации. В них аккумулируются, кристаллизуются, собираются воедино характерные черты данного типа права. Вот почему для характеристики своеобразия социалистического права, его отличительных свойств, по сравнению с эксплуататорским правом, наша юридическая наука обращается прежде всего к правовым принципам.

Принципы права *реально выражены в самой материи права*. Они как бы «растворены» в праве, «разлиты» в нем, пронизывают собой многие правовые нормы.

Те начала, которые еще не закреплены в правовых нормах, не могут быть отнесены к числу правовых принципов. Они являются лишь идеями (началами) правосознания, научными выводами, но не принципами права.

В то же время принципы права, будучи исходными началами (связывающими содержание права с его основами), коренятся в более глубоких пластах общественной жизни и по своему источнику в определенной мере сохраняют внеправовой характер.

Хотя принципы права неотделимы от действующих юридических норм, вместе с ними существуют и функционируют, они имеют в праве и *самостоятельное регулирующее значение*, т.е. значение *нормативно-руководящих* начал. В развитых правовых системах принципы представляют собой своего рода «сгустки» правовой материи, выявляющие наиболее характерные черты содержания данной системы.

Принципы по большей части выступают в виде норм (норм-принципов): они либо формулируются законодателем как отдельные общие юридические нормы, либо существуют как «скрытые» («спрятанные») в конкретных нормах общие нормативные положения. В то же время в советской юридической литературе подмечено, что иногда формулируемый в преамбуле закона принцип является структурным звеном системы отрасли права, хотя он и не образует особой нормы¹.

---

¹ В качестве примера такого принципа О.С. Иоффе указывает на формулируемые в преамбуле Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик положения о задачах гражданского права, положение, которое раскрывает смысл ст. 5

Отсюда значение принципов права для юридического регулирования общественных отношений, для юридической практики.

Претворение требований права в жизнь — это прежде всего полная и последовательная реализация заложенных в нем принципов. На практике при решении юридических дел необходимо в первую очередь руководствоваться правовыми принципами, что позволяет точно и правильно применять юридические нормы, принимать обоснованные и законные решения.

Правовые принципы определяют линии судебной и иной юридической практики. Они помогают установить пробелы в законодательстве, необходимость отмены устаревших и принятие новых правовых норм. Правовые принципы — необходимая юридическая основа при восполнении «пробелов в праве». (Когда ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик говорит об «общих началах и смысле советского законодательства», то это и есть не что иное, как принципы права.)

Вот почему познание права, усвоение его «духа», его общих начал и смысла состоит помимо всего в том, чтобы раскрыть принципы права.

Один из решающих моментов, позволяющих выяснить значение принципов права, состоит в обосновании их единства с содержанием права. Это тем более важно подчеркнуть, что до настоящего времени высказывается мысль о том, что принципы выражают не содержание права, а представляют собой категории правового сознания¹.

Нераздельность принципов права и юридических норм, думается, убедительно доказана в ряде работ В.М. Семенова. Для того чтобы с большей силой оттенить эту нераздельность, автор, надо полагать, и определяет правовые принципы как «качественные особенности права». Он пишет, например, что отраслевые принципы «являются такими качественными особенностями, которые совершенно неотделимы от всего содержания отрасли права»².

Лишь два уточнения хотелось бы сделать в отношении выводов, защищаемых В.М. Семеновым.

Во-первых, вряд ли автор прав, когда отрицает возможность характеристики принципов права в качестве своего рода «идей». Ведь право — надстроечное явление, принадлежащее к сфере идеологических отношений. И поэтому те его начала, которые пронизывают (как бы освещают изнутри) содержание

Основ (Июффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 45).

¹ Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21—23.

² Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 193.

юридических норм, могут быть названы своего рода «идеями» (идеями справедливости, законности и т.д.). К тому же сам по себе термин «качественные особенности» не отражает специфику принципов права: не только принципы, но и свойства, и закономерности права — все то, что выделяет его как своеобразное явление социальной реальности, может быть названо «качественными особенностями».

Во-вторых, В.М. Семенов, на мой взгляд, несколько недооценил самостоятельное значение принципов в правовой материи. Правда, в одном месте он говорит о том, что «нередко нормы-принципы носят и регулятивный характер»¹. Однако в последующем он саму постановку вопроса о том, имеют ли принципы самостоятельное регулятивное значение, признает неправильной². Между тем в развитых правовых системах правовые принципы, функционируя как нераздельная часть единой структуры социалистического права, оказывают и непосредственное воздействие на регулирование общественных отношений, на юридическую практику.

И еще одно замечание. Связывая бытие правовых принципов непосредственно с содержанием права (юридических норм), нельзя ставить на этом точку. И дело не только в том, что принципы по своему источнику имеют внеправовой характер. Существовая *прежде всего* в юридических нормах, правовые принципы свойственны *всей* правовой материи, всему механизму правового регулирования. Они проявляются и в юридической практике, и в правосознании, и в правоприменительных актах. И хотя это лишь «формы проявления», они должны быть приняты во внимание при подробном освещении того или иного принципа. Впрочем, такой подход к правовым принципам сопряжен с той широкой трактовкой правовой формы, о которой (как о возможной постановке вопроса) упоминалось в предшествующем изложении.

2. Виды принципов права. Принципы права подразделяются на виды в зависимости от того, каково их значение при характеристике содержания социалистического права и, следовательно, на какую область правовых норм они распространяются. По этому признаку принципы права делятся на четыре группы.

1) *Общие принципы* — руководящие начала, характеризующие основные особенности социалистического права и в силу этого распространяющиеся на социалистическое право в целом. При этом не требуется, чтобы тот или иной общий принцип действовал с одинаковой силой во всех отраслях социалистического права. Важно, чтобы он характеризовал главные особенности содержания социалистического права в целом.

2) *Межотраслевые принципы* — руководящие начала, выражающие содержание определенных групп отраслей права. Такой, в частности,

---

¹ Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 189, 193.

² Там же. С. 194.

характер носят принципы судебной деятельности, пронизывающие собой ряд институтов административного права (судоустройство), уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. В отличие от общих принципов их роль ограничена сравнительно локальной сферой: они не выражают основных, ключевых особенностей социалистического права в целом.

3) *Отраслевые принципы* — руководящие начала, характеризующие содержание данной отрасли права (трудового права, гражданского права и др.).

4) *Принципы правовых институтов* — руководящие начала, выражающие содержание того или иного правового института или группы институтов (например, принципы жилищного права, страхового права и др.).

3. Общие принципы социалистического права. Общими принципами социалистического права являются «идеи», носящие в целом характер *социально-политических начал*. Они выражают классово-волевое содержание нашего права, т.е. его социалистическую природу. Право — органическая часть общественной системы социализма. И потому общие принципы социалистической системы распространяются также и на право. Хотя эти начала не являются специфическими только для права, они имеют существенное значение для понимания его социальной природы, его коренного отличия от иных исторических типов права.

Таким образом, общие социально-политические принципы социалистического права — это *принципы социализма*.

Среди принципов социализма непосредственное значение для понимания социалистической природы нашего права имеют следующие руководящие начала:

— *социально-экономические начала* — господство социалистической общественной собственности, антиэксплуаторская направленность экономики, принцип планирования, распределение по труду и т.д.;

— *политические начала* — принцип полновластия народа, социалистический демократизм, демократический централизм, равноправие граждан, сочетание убеждения и принуждения и т.д.;

— *идеологические начала* — господство марксистско-ленинской идеологии, руководящая роль Коммунистической партии;

— *политико-национальные начала* — принципы пролетарского интернационализма: идеи свободы, подлинного равноправия, дружбы между народами, национальностями, расами;

– н р а в с т в е н н ы е н а ч а л а – принципы гуманизма (человеколюбия), гармонического сочетания непосредственно личных и общественных интересов.

Эти общие начала свойственны социалистическому праву *в целом*. Иными словами, они являются «общими» и потому, что пронизывают собой всю общественную систему социализма, и потому, что отражаются во всех отраслях социалистического права.

Характеризуя общие принципы социалистического права как его социально-политические начала, необходимо видеть и то, что из их состава выделяется особая группа, которую условно можно назвать *правовые принципы* (или «специально-юридические»)¹.

На первый взгляд между выражениями «принцип права» и «правовой принцип» различий нет. Но это только на первый взгляд. Принципы права, т.е. социально-политические начала, пронизывающие содержание социалистического права, – и господство социалистической общественной собственности, и социалистический демократизм, и сочетание убеждения с принуждением, и пролетарский интернационализм и т.д., т.е. принципы социализма. Правовой же принцип – это лишь те социально-политические начала, которые свойственны самой правовой материи, «правовому» содержанию, органически связаны со свойствами права.

Если вся система общих принципов права говорит о том, почему наше право с точки зрения его содержания является *социалистическим*, то правовые принципы раскрывают другое – почему наше право с точки зрения его содержания является *правом*.

Правовые принципы (как и все принципы права) по своей основе являются социально-политическими началами. Более того, например, законность приобретает значение правового принципа лишь постоль-

---

¹ Мысль о необходимости разграничения «принципов права» и «правовых принципов» была высказана Г.С. Остроумовым (*Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности*. М.: Наука, 1969. С. 126).

Следует заметить, что необходимость разделения (точнее – выделения, обособления) специальных правовых принципов, так сказать, «висит в воздухе», в том или ином виде признается рядом авторов. Так, по мнению И. Сабо, следует разграничивать «основные» принципы и «специфические правовые принципы» (*Сабо Имре. Социалистическое право*. М.: Прогресс, 1964. С. 76). Да и Е.А. Лукашева, которая указала на непонятность критерия при разграничении социально-политических начал и специфических правовых принципов, по сути дела также обособляет от общеполитических принципов (свойственных и праву) специфические правовые принципы, к которым она относит «лишь то, что определяет непосредственно характер, организацию правового регулирования» (*Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право*. 1970. № 6. С. 22–23).

ку, поскольку она становится элементом демократического режима, т.е. явлением, по своей основе выходящим за пределы правовой сферы (гл. VII). Они лишь в отличие от других социально-политических начал, во-первых, относятся к специфическому правовому содержанию, раскрывают важные особенности права как воли, возведенной в закон¹, а, во-вторых, воплощаются в нормативно-правовом способе регулирования, непосредственно связываются с его свойствами.

К числу общих правовых (специальных юридических) принципов социалистического права следует отнести:

1) *Принцип законности*. Это наиболее общий, всеобъемлющий правовой принцип. Он концентрированно выражает в системе четких требований основные особенности права, его свойства, рассматриваемые в действии, в процессе практического осуществления правовых предписаний. Законность — это такой принцип (элемент) социалистической демократии, в соответствии с которым социалистическое право выступает как реальная регулирующая сила, обеспечивающая верховенство закона, равенство всех перед законом, строгое соблюдение и исполнение юридических норм и т.д.

2) *Принцип справедливости*. Справедливость, представляя по своей основе социально-нравственное явление в нашем обществе — в ее специфически-классовом, социалистическом выражении, приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах «соразмерности», «равного масштаба» и т.д., которые присущи самому построению правовых институтов (например, при определении размера санкций, порядка vindикации и т.д.). Справедливость имеет в юридической практике и самостоятельное значение: она является одним из ведущих начал при решении юридических дел, когда суду или иным компетентным органам предоставлена «свобода усмотрения», т.е. когда они осуществляют функцию по индивидуальному регулированию (например, при установлении размера алиментов, выплачиваемых на содержание родителей; при установлении точной меры наказания и т.д.).

---

¹ Таким образом, между всей системой общих принципов права и специфически-правовыми принципами есть весьма четкий критерий — это та «сторона» содержания права, которая проявляется в тех или иных принципах. Важно при этом указать, что в обоих случаях принципы выражают именно содержание права. Вот почему представляется необоснованным упрек в адрес защищаемой классификации, сводящийся к тому, что классификация «построена на отрыве формы от содержания» (Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 205).

3) *Принцип юридического равенства (всеобщности правосубъектности).*

Одно из ведущих начал социалистического права состоит в том, что все участники общественных отношений (все люди, все общественные образования и т.д.) выступают в качестве субъектов права, т.е. обладают правосубъектностью. Объем их прав и обязанностей нередко весьма различен (например, в областях административного подчинения, исправительно-трудовых отношений и т.д.). Но во всех случаях участники общественных отношений остаются субъектами права (и, в частности, лица, отбывающие уголовные наказания, подвергающиеся административному воздействию и пр., не становятся «объектами»; и они обладают известным комплексом субъективных прав).

4) *Принцип социальной свободы.* Правовое регулирование органически связано с наличием у лиц субъективных прав, выражающих их социальную свободу, и, следовательно, одно из главных начал социалистической демократии. Причем для права характерна не просто социальная свобода, а свобода, выступающая в виде субъективных прав, т.е. определенных по содержанию, гарантированных юридических возможностей субъектов.

5) *Принцип социального, гражданского долга (дисциплины).* «Правовое» сопряжено со строгим и четким порядком, общественной дисциплиной, ответственностью каждого за свои действия. Но и здесь перед нами не просто «долг» (это — категория морального порядка), а социальный долг, выраженный в строго определенных, категорических правовых обязанностях.

6) *Принцип объективной истины («правды»).* Правовое регулирование строится таким образом, чтобы решение всех юридических вопросов опиралось на точно установленные, добротные и достоверные факты. О ходе решения юридического дела во всех случаях должна быть установлена «правда» — объективная истина.

7) *Принцип ответственности за вину.* Вина является ведущим началом, определяющим основания юридической ответственности. Последовательное проведение начал вины в социалистическом праве выражает не только его гуманизм, но и связь права с задачами коммунистического воспитания.

Таковы основные общие правовые принципы¹. Они являются основными потому, что непосредственно выражают «правовое содер-

---

¹ Е.А. Лукашева относит к общим следующие принципы социалистического права: справедливость, равноправие, законность, неразрывную связь прав и обязанностей, сочетание убеждения и принуждения, ответственность за вину (Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 25–29).

жание», определяют самый строй, организацию права как воли, возведенной в закон.

Перечень общих правовых принципов (а также их обозначение в краткой формулировке) нуждается в уточнении. Причем здесь, по всей видимости, весьма важно правильно определить соотношение специально-юридических принципов: 1) со свойствами и 2) с закономерностями права.

Принципы и свойства права не могут быть отождествлены (первое — основополагающие идеи права; второе — его объективные качественные особенности). Вместе с тем определенные идеи приобретают значение юридических принципов лишь в той мере, в какой они характеризуются *в связи*, в единстве с его свойствами. Например, сами по себе начала справедливости — идея нравственного порядка, но, воплощенные в нормативно-правовом способе регулирования, они становятся правовым принципом.

Нет оснований и для отождествления принципов и закономерностей права. Разумеется, и в данном случае нужно видеть, что принципы отражают правовые закономерности (например, такие, как нераздельная связь права и обязанностей). Но все же закономерности выражают связи в правовой материи, а не основополагающие идеи, пронизывающие содержание права.

4. Отраслевые принципы. Существенное значение в праве имеют отраслевые принципы — руководящие начала, выражающие содержание главных подразделений правовой системы — отраслей права.

Принципы той или иной отрасли относятся к различным видам. Содержание отрасли выражают:

а) *общие принципы* (они «оборачиваются» для данной отрасли своеобразным сочетанием, при котором на первый план выступают либо социально-экономические начала, либо политические и т.д.);

б) *межотраслевые принципы* (они свойственны не всем отраслям, а тем из них, которые близки друг другу по источнику и содержанию);

в) *специфические отраслевые принципы* (они выражают юридическое своеобразие данной отрасли, особенности ее содержания)¹.

Отраслевые принципы являются одним из объективных показателей, выделяющих отрасль в правовой системе. Наряду с другими показателями (прежде всего методом регулирования) они характеризуют то особое место в правовой системе, которое занимает отрасль, представляют собой ориентир, позволяющий с достаточной полнотой раскрыть ее содержание, определить линии судебной (юридической) практики при реализации отраслевых юридических норм.

---

¹ Именно по этим трем рубрикам проанализировал принципы советского гражданско-процессуального права В.М. Семенов (Сборники научных трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1964. Вып. 2—4).

Вопросы отраслевых и межотраслевых принципов, а также принципов правовых институтов органически связаны с проблемами структуры (системы) права.

Принципы каждого вида «привязаны» к тем или иным подразделениям структуры права.

Даже *межотраслевые* принципы оказываются не где-то «между» отраслями: и они относятся к определенным («вторичным») подразделениям правовой системы. Например, межотраслевые принципы процессуальных отраслей представляют собой начало такого своеобразного вторичного структурного подразделения, каким является судебное право.

При более подробном изучении оказывается, что и *принципы институтов* (например, принципы обязательственного права, принципы жилищного права, принципы страхового права и др.) нередко являются либо руководящими началами подотраслей, либо таких специфических образований, которые могут быть отнесены к числу комплексных отраслей. Видимо, это не случайно. Принципы наиболее зримо и отчетливо обнаруживаются в тех подразделениях правовой системы, которые отличаются большей степенью правового своеобразия. Принципы и являются выразителем этого своеобразия в той мере, в какой оно охватывает содержание тех или иных подразделений структуры права.

5. Правовые аксиомы. Применительно к праву может быть сформулирован ряд аксиом, т.е. положений, имеющих характер исходных (элементарных) истин, не требующих в каждом случае особого доказательства.

В марксистско-ленинской юридической науке аксиоматический характер приобрел ряд фундаментальных теоретических положений, получивших всестороннее теоретическое обоснование и подтвержденных общественно-исторической практикой. Таковы, например, положения: «право — возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется экономическими условиями его жизни», «право — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению юридических норм», «законность — основа нормальной жизни общества» и др.

Характер правовых аксиом свойствен и ряду положений, выражающих правовые (специальные юридические) принципы. Это *положения, которые имеют для права значение непреложных истин*. Они в сущности представляют собой те же самые правовые принципы (законности, справедливости, юридического равенства, истины и др.), конкретизированные в связи с особенностями отдельного участка правовой материи, главным образом в сфере юридической практики.

Объективная основа правовых аксиом коренится в закономерностях, свойствах, специально-юридических принципах права. Отход от

них, их несоблюдение могут привести к тому, что право теряет свои черты воли, возведенной в закон, т.е. перестает быть «правом» (оставаясь мерами прямого принуждения, организационного воздействия и т.д.). Ряд правовых аксиом был сформулирован в прошлом. Но они являются аксиомами и для социалистического права; однако лишь в той мере, в какой они выражают специально-юридические принципы, да и к тому же в виде простейших, элементарных положений, касающихся специальных вопросов.

К правовым аксиомам социалистического права можно отнести такие, например, положения:

- никто не может быть судьей в своем собственном деле;
- закон (устанавливающий новую или более высокую ответственность) не имеет обратной силы;
- нельзя осуждать дважды за одно и то же правонарушение;
- лицо, привлекаемое к ответственности, признается невиновным до тех пор, пока вина не будет установлена актом компетентного юрисдикционного органа (презумпция невиновности), и др.

Вопрос о правовых аксиомах изложен в настоящем курсе в порядке постановки. Эта проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Наряду с исследованием аксиом, имеющих значение для права в целом, существенный интерес представляет анализ *отраслевых аксиом*. Как уже отмечалось в литературе, к их числу можно отнести основополагающие определения той или иной отрасли права¹. Конечно, при таком подходе аксиоматический характер приобретают определенные теоретические положения (определения права собственности, сделки исковой давности и пр. — в гражданском праве; преступления, наказания и пр. — в уголовном праве и т.д.). Но они, думается, выражают определенные черты и «самого» права, и прежде всего специфические отраслевые принципы.

---

¹ Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения права // Вопросы кибернетики и права. Наука, 1967. С. 94.

ГЛАВА VII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1. Понятие социалистической законности. *Законность, право, демократия.* Социалистическая законность — это принцип права, выражающий демократический режим жизни социалистического общества и состоящий в требованиях строгого и неукоснительного соблюдения всеми субъектами законов и основанных на них подзаконных актов, полного и реального осуществления субъективных прав, надлежащего, обоснованного и эффективного применения права при исключении малейшего произвола в деятельности государственных органов и должностных лиц.

Главное в законности — неуклонное соблюдение и исполнение законов и основанных на них подзаконных актов всеми без исключения участниками общественных отношений, полное соответствие их поведения предписаниям юридических норм¹.

Понятие «законность» характеризует право, взятое под углом зрения его практического осуществления, реального претворения в жизнь. Этот «угол зрения» важен для теории права в нескольких отношениях.

Во-первых, понятие «законность» выражает реалистическое отношение к праву в социалистическом обществе, к его силе и ценности. Если в буржуазном обществе правовые лозунги и формулы сами по себе играют служебную роль («юридически освещающая» фактическое господство эксплуататорского меньшинства), то в социалистическом обществе право рассматривается только в плоскости его реальных функций, а значит — реальном, осуществляемом виде. Именно поэтому в трудах В.И. Ленина, в документах Коммунистической партии, в законодательных актах правовые вопросы довольно часто характеризуются в качестве вопросов законности. О ней говорится всякий раз, когда нужно выразить состояние практического осуществления правовых предписаний, необходимость строжайшего соблюдения норм права.

Во-вторых, в рамках «законности» реально и зримо проявляются свойства права. Ведь требования законности (равенство всех перед законом, неукоснительное соблюдение юридических обязанностей и др.) — это в сущности выражение свойств «самого» права, его

---

¹ Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 352; *Строгович М.С.* Основные вопросы советской законности. М.: Наука, 1966. С. 11.

общеобязательности, нормативности, принудительности. Здесь при практическом осуществлении эти свойства «проступают» в виде четких политико-правовых требований. Вот почему при освещении законности происходит углубление наших представлений о праве, его свойствах, принципах.

В-третьих, понятие законности позволяет связать право с другими социально-политическими институтами, и прежде всего с социалистической демократией. Как самостоятельное социальное явление законность выступает в качестве элемента демократического политического режима.

Правда, по своим исходным элементам законность неотделима от права, представляет его «аспект», «проекцию», специфическое выражение его общеобязательности. В этом качестве законность не есть самостоятельное социальное явление. Здесь она (как и «само» право) может быть охарактеризована лишь в виде метода осуществления политической власти господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе).

Но в условиях демократического политического режима законность обретает свое, самостоятельное бытие. Она выступает в виде элемента демократии¹, включая не только упомянутые исходные элементы, но и развернутую *систему политико-правовых требований*. Законность в условиях демократического режима, будучи элементом демократии, становится важным принципом государственной деятельности, всей общественно-политической жизни, важнейшим правовым принципом. В социалистическом обществе этот принцип из формального превращается в реальный. Социалистический строй обогатил, сделал подлинными такие требования, как всеобщность права, верховенство закона, равенство всех перед законом и др.²

Законность в социалистическом обществе — это *ленинская* законность.

Само понятие «социалистическая законность» вытекает из ленинской идеи единства права и его практической реализации. В.И. Ленин говорил: «То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще ре-

---

¹ Положение о законности как элементе демократии подробно обосновано в ряде работ И.С. Самошенко (см., в частности: Общая теория советского права. М.: Юрид. лит. С. 346–350).

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 520.

альностью)»¹. Эта же мысль четко проводится в партийных документах сегодняшнего дня: «Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»².

В.И. Лениным разработаны и под его непосредственным руководством осуществлены решающие идеи и требования социалистической законности. К числу главных ленинских идей по вопросам законности принадлежат, в частности, положения о том, что:

– неуклонное, самое строгое соблюдение и исполнение законов социалистического государства – закономерность социалистической революции, всего социалистического строя;

– социалистическая законность предполагает суровую ответственность за нарушение законов, включает в себя беспощадную борьбу с контрреволюционерами, взяточниками, казнокрадами, хулиганами и другими злостными правонарушителями;

– в осуществлении требований законности важнейшая роль принадлежит широким трудящимся массам;

– борьба за законность неразрывно связана с борьбой за культурность;

– в пределах государства законность должна быть единой и др.³

Приведенные ленинские идеи положены в основу ряда решений руководящих органов Коммунистической партии и Советского государства. На XI, XIV партийных конференциях, на XX, XXII, XXIII, XXIV съездах партии, в целом ряде нормативных актов центральных органов Советского государства со всей решимостью подчеркивалась необходимость строжайшего проведения в жизнь начал социалистической законности, разрабатывались меры по обеспечению неукоснительного соблюдения законов.

Коммунистическая партия рассматривает нарушения законности в условиях культа личности как отступление от ленинских норм партийной и государственной жизни.

Современный этап коммунистического строительства характеризуется целенаправленной линией на полное и последовательное воплощение в жизнь ленинских идей и требований социалистической

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 182.

² Брежнев Л.И. Речь на собрании избирателей Бауманского района г. Москвы 12 июня 1970 г. // Правда. 1970. 13 июня.

³ Среди важнейших произведений В.И. Ленина по вопросам законности следует выделить: «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» (Полн. собр. соч. Т. 39); «Доклад на IX Всероссийском съезде Советов» (Полн. собр. соч. Т. 44); «О «двойном» подчинении и законности» (Полн. собр. соч. Т. 45); и др. Всего насчитывается свыше 200 работ Владимира Ильича, в которых затрагиваются вопросы социалистической законности.

законности. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС подчеркивается: «Укрепление законности — это задача не только государственного аппарата. Партийные организации, профсоюзы, комсомол обязаны делать все, чтобы обеспечить строжайшее соблюдение законов, улучшить правовое воспитание трудящихся. Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа»¹.

В юридической литературе законность характеризуется при помощи разных категорий. Одни определяют законность как «метод» или «принцип», другие — как «требование», третьи — как «режим».

На мой взгляд, было бы неправильным противопоставлять упомянутые категории: все они с разных сторон отражают свойства единого социально-политического явления — социалистическую законность.

Правильное же освещение взаимосвязи указанных сторон (свойств) законности предопределяется решением другого, более общего вопроса — соотношения законности, права, демократии.

По мнению И.С. Самощенко, законность как общественно-политический режим возникает вместе с демократией. «Законность, — пишет автор, — это общественное явление, связанное лишь с определенной формой государственного строя — с демократией»². В другой работе он утверждает: нет законности без демократии, нет демократии без законности»³.

В общем это правильно (тем более, если оттенить то обстоятельство, что речь идет о законности как особом политико-правовом явлении)⁴. В то же время, если рассматривать законность только с точки зрения ее исходных элементов, то следует признать, что эти элементы возникают вместе с правом. «Вначале возникают лишь отдельные элементы законности, в частности требования соблюдения закона, адресованное ...прежде всего угнетенным классам»⁵.

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. С. 80—81.

² *Самощенко И.С.* Охрана режима законности Советским государством. Госюриздат, 1960. С. 6—12.

³ *Самощенко И.С.* Ленинское учение о связи законности с демократией и его значение для разработки теоретических вопросов законности // Ученые записки ВИЮН. Вып. 13. М., 1961. С. 17.

⁴ Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 347.

⁵ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 507.

Вместе с тем авторы правильно обращают внимание на то, что и первоначально в эксплуататорских формациях «право было все-таки некоторым заслоном от прямого

В данном случае законность (как и «само» право) не может быть охарактеризована через такие категории, как «принцип», «требование», «режим»; она выступает лишь в виде метода осуществления классовой политической власти.

Возникновение же законности как особого политико-правового явления сопряжено с утверждением и развитием демократического политического режима. Тогда-то законность становится не только «методом», но и «принципом».

А принцип законности выражается в системе требований. «...Принцип, — пишут О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, — это определенное правило поведения, которое в понятии социалистической законности выражается в том, что все государственные органы, должностные лица, общественные организации и граждане обязаны строго соблюдать законы и основанные на них нормативные акты»¹. Но если правильнее говорить о требованиях законности, то, следовательно, существует и режим законности, так как режим это и есть система определенных требований².

2. Основные требования социалистической законности. Государственная дисциплина. Принцип законности раскрывается в системе *требований*, т.е. общих обязанностей, предъявляемых субъектам.

Основные требования социалистической законности таковы:

1) *Верховенство закона*. Законы как акты высших представительных органов социалистического государства занимают ведущее положение среди всех других нормативных (и индивидуальных) актов.

Правовые акты всех иных государственных органов (местных органов государственной власти, органов государственного управления, органов юстиции и прокурорского надзора) должны основываться на законах и им не противоречить. Определяющее значение в правовой системе занимают акты, издаваемые президиумами Верховных Советов и высшими органами государственного управления³.

произвола эксплуататоров, и при всей своей классовой ограниченности и урезанности законность рабовладельческого и феодального общества противопоставлялась прямому беззаконию и произволу эксплуататоров» (там же. С. 512).

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 294.

² Когда И.С. Самошенко утверждает, что «законность есть не требование, не обязанность, а фактически существующий режим, атмосфера общественно-политической жизни в стране» (Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 360), то он упускает из вида, что фактический общественно-политический режим выражается как раз в системе реально существующих требований (Он же. Охрана режима законности Советским государством. Госюриздат, 1960. С. 15).

³ Подчеркивая безусловную обязательность соблюдения законов, а также подзаконных актов, издаваемых президиумами Верховных Советов и высшими органами государственного управления, всеми без исключения субъектами, надо видеть и то, что акты, издаваемые другими органами власти и управления, должны соответствовать правотворческой подзаконной компетенции. Значит, любой из актов, изданных «другими

2) *Равенство всех субъектов перед законом.* На всех субъектов ложится равная обязанность соблюдать юридические нормы; все субъекты равны при осуществлении субъективных прав; все они в равной степени ограждены от произвола государственных органов и должностных лиц при применении юридических норм.

3) *Строгое и неукоснительное соблюдение норм права субъектами.* Это одно из наиболее общих требований законности, основанное на общеобязательности юридических норм, безусловной обязательности его предписаний для всех субъектов (государственных органов, должностных лиц, общественных организаций, граждан).

Требование общеобязательности юридических норм выражается в первую очередь в обязанности всех субъектов строго и неукоснительно соблюдать нормы Конституции СССР.

4) *Обеспечение для всех субъектов полного и реального осуществления субъективных прав.* Это требование социалистической законности ярко выражает глубоко демократический, всенародный характер социалистического права.

Было бы неправильным сводить содержание социалистической законности к одному лишь требованию неукоснительного «соблюдения субъектами возложенных на них обязанностей. Социалистическая законность характеризуется также и тем, что обеспечивается для всех субъектов полное и реальное осуществление субъективных прав (в том числе личных свобод, гарантий неприкосновенности личности граждан). Лишь в этом случае достигается соответствие действий субъектов содержанию правовых норм не только в отношении устанавливаемых ими обязанностей, но и в отношении предусмотренных нормами субъективных прав.

Рассматриваемое требование социалистической законности распространяется на всех субъектов. Принципиально важное значение принадлежит ему в области субъективных прав граждан: закрепленные законами и иными правовыми актами права и свободы граждан должны реально и полно проводиться в жизнь.

Этому требованию принадлежит существенная роль и в деле реального и полного обеспечения прав государственных органов. В част-

---

органами власти и управления», может стать необязательным для правоприменительного органа, в частности для суда, «при условии, если последний сочтет, что такой акт издан органом с превышением своей компетенции. Это положение, — пишет К.И. Комиссаров, — должно учитываться при определении понятия советской социалистической законности» (Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 13).

ности, не должно допускаться необоснованного вмешательства центральных органов государства в законную и целесообразную деятельность местных государственных органов.

5) *Надлежащее, обоснованное и эффективное применение права, последовательная борьба с нарушениями юридических норм.* Это требование социалистической законности осуществляется при помощи целой системы мер государственного и общественного контроля и надзора, предполагает обеспечение своевременного и правильного рассмотрения жалоб граждан, неразрывно связано с применением мер юридической ответственности к нарушителям норм права.

Социалистическая законность требует, чтобы любое нарушение закона своевременно вскрывалось и влекло за собой юридическую ответственность виновных лиц. Причем главное здесь состоит в достижении неотвратимости юридической ответственности.

6) *Исключение произвола в деятельности государственных органов и должностных лиц при применении норм права.* Наиболее яркая и существенная черта социалистической законности состоит в том, что она направлена на исключение произвола из общественных отношений, которые регулируются в правовом порядке. Не случайно в повседневной жизни слово «беззаконие» означает по существу «произвол». Ленинская законность — это антипод произвола, принцип права, несоместимый с произволом.

Малейший произвол совершенно несовместим с высокodemократической природой органов социалистического государства, в том числе органов, применяющих нормы права. Демократизм государственного аппарата, его связь с массами, общественный контроль обеспечивают проведение в жизнь вышеуказанного требования социалистической законности.

Недопущение произвола в деятельности государственных органов и должностных лиц имеет и непосредственное юридическое значение. Прежде всего оно состоит в строгом и неуклонном соблюдении возложенных на государственные органы и должностных лиц юридических обязанностей, выраженных, в частности, в их компетенции (уставах и положениях), т.е. в реальном осуществлении одного из указанных ранее требований социалистической законности. Наряду с этим недопущение произвола является особым требованием. Применение норм права опирается на властные полномочия государственных органов и должностных лиц.

Исключение произвола из деятельности правоприменительных органов и определяет (в рамках компетенции и конкретных юриди-

ческих обязанностей) пределы осуществления указанных властных полномочий.

Кроме приведенных требований, отраженных в определении, существенное значение имеет *всеобщность права*. Это требование, в соответствии с которым все основные общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании, должны получить нормативно-правовую регламентацию. Социалистическая законность предполагает существование законодательства, построенного на началах социалистической демократии.

Широкий демократизм законодательства в значительной степени устраняет возможность произвола в общественной жизни. Демократизм законодательства выражается в его социальном назначении, в тех целях, которым служит право и которое в конечном счете определяет главное содержание, суть законности. Важное значение принадлежит также и тому, каков круг реально обеспеченных прав и свобод граждан, включая гарантии неприкосновенности личности.

Направленность социалистического права на обеспечение интересов всего народа, интересов строительства коммунизма, широкий круг реально обеспеченных прав и свобод, дальнейшее совершенствование законодательства — все это предопределяет качественно новые черты социалистической законности.

Основные требования социалистической законности свидетельствуют о том, что законность представляет собой емкое, многостороннее социально-политическое явление, не сводимое к одной лишь всеобщности юридических норм.

Вместе с тем неуклонное соблюдение и исполнение законов и основанных на них подзаконных актов всеми субъектами остается главным в социалистической законности. Это главное отражается в понятии *«государственная дисциплина»*.

Государственная дисциплина в широком смысле — это строгое соблюдение установленных государством обязанностей всеми государственными и общественными организациями и всеми гражданами¹. Здесь внимание концентрируется на строгом исполнении обязанностей перед государством независимо от того, кто является субъектом обязанности.

Государственная дисциплина в узком смысле — это строгое соблюдение обязанностей со стороны органов государства и должностных лиц. Здесь внимание концентрируется на исполнении обязанностей

---

¹ Васильков П. Т. Государственная дисциплина в СССР. Госюриздат, 1960. С. 12–13.

лишь определенной группой субъектов — государственными и иными организациями в целом, их должностными лицами и руководителями этих организаций¹. Отдельные граждане при таком понимании государственной дисциплины не могут быть ее субъектами.

Если государственная дисциплина в широком смысле может рассматриваться как понятие, в большей степени совпадающее с понятием социалистической законности, то государственная дисциплина в узком смысле — это лишь *одно из частных проявлений, одна из форм социалистической законности* в пределах определенного участка общественных отношений (деятельности государственного аппарата). Такими же частными проявлениями (формами) социалистической законности являются трудовая дисциплина, договорная дисциплина, кредитно-расчетная дисциплина и др.

На мой взгляд, было бы целесообразным ограничить применение категории «государственная дисциплина» только тем кругом случаев, когда она понимается в узком смысле. Во всех же остальных случаях (т.е. случаях, когда содержание государственной дисциплины в большей степени совпадает с содержанием социалистической законности) вполне достаточно применять последнюю из указанных категорий (социалистическую законность). Помимо упорядочения терминологии это диктуется необходимостью с большей силой выделить отдельные формы социалистической законности и, в частности, ту из них, которая относится к деятельности государственного аппарата.

При узком понимании государственной дисциплины оказывается, что каждому крупному участку общественной жизни соответствует своя форма социалистической законности — своя дисциплина (государственная, финансовая, трудовая, воинская и др.). Соотношение их между собой в целом совпадает с соотношением между отраслями права.

3. Законность и целесообразность. Вопрос о законности и целесообразности имеет два аспекта²: а) целесообразность действующих юридических норм (и отсюда — допустимо ли отступать от требований закона по мотивам целесообразности); б) целесообразность применения юридических норм в пределах «свободы усмотрения», предоставлен-

---

¹ Студеникин С.С. Сущность и значение государственной дисциплины в советском обществе // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 16–17.

Автор подчеркивает: «Речь идет... о дисциплине тех кадров государственных и общественных организаций, которые по своему служебному положению призваны организовать и направлять совместную деятельность работников, выполняющих задания партии и государства в различных сферах государственной жизни».

² Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 393.

ной законом компетентным органам. Каждый из этих двух аспектов нуждается в особом рассмотрении.

Целесообразность действующих юридических норм. Советские законы издаются на основе научного познания фактов действительности, реальных требований общественного развития. Поэтому советское законодательство целесообразно; оно включает целесообразность в качестве существенного момента своего содержания. Социалистическая законность не противопоставляется целесообразности.

Но значит ли это, что между законностью и целесообразностью не может быть никаких различий? Вовсе нет. Главной чертой их взаимодействия «выступает не пр о т и в о п о с т а в л е н и е законности целесообразности (хотя факты такого рода на практике иногда и бывают), а единство и р а з л и ч и я между законностью и целесообразностью, поскольку даже самая правильная политическая линия, выраженная в нормах права, способна вступить со временем в противоречие с потребностями развивающихся общественных отношений»¹.

Известно, что отдельные нормативные акты в ходе развития общества устаревают, и если их своевременно не отменить или не заметить, они по своему содержанию перестают быть целесообразными. Кроме того, возможны отдельные случаи издания нормативных актов, недостаточно и полно отражающих потребности практики, потребности общественного развития.

Возможность определенных расхождений между законностью и целесообразностью вовсе не означает того, что можно отступать от содержащихся в нормативных актах предписаний. До тех пор пока нормативный акт не отменен или не изменен, его предписания должны неукоснительно проводиться в жизнь².

Иное решение рассматриваемого вопроса означало бы нарушение требований законности, оправдание возможных случаев произвола.

Другое дело, что при установлении случаев расхождения законности и целесообразности должны быть приняты незамедлительные

---

¹ Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства // Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960. С. 37.

² Вместе с тем следует иметь в виду, что «правовые положения, принятые в определенный период и сохранившие свою нормативную силу в последующие периоды, применяются лишь к тем новым фактам, которые обнимаются этими положениями. Они теряют свое практическое значение и их нельзя применять к фактам, ими не предусмотренным» (Недбайло П.Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права // Вопросы общей теории советского права. С. 333).

меры для их устранения в официальном порядке. Для этого должен быть поставлен вопрос перед соответствующими государственными органами о внесении изменений в нормативный акт или его отмене.

Нередко известную корректирующую роль, обеспечивающую соответствие начал законности и целесообразности, играет судебная (юридическая) практика. Однако это «корректирование» должно состоять не в исправлении закона, а только в его толковании.

Целесообразность применения юридических норм. Применение права представляет собой государственно-властную, творческую деятельность компетентных органов, в ходе которой в рамках данных индивидуальных отношений завершается их регулирование. Для обеспечения этого закон в ряде случаев предоставляет судам и иным правоприменительным органам известную «свободу усмотрения», т.е. возможность индивидуального регулирования тех или иных вопросов с учетом всех обстоятельств дела, особенностей ситуации. Вот здесь-то целесообразность приобретает иное значение — значение ведущего начала, обеспечивающего правильное, законное решение и, стало быть, последовательное проведение принципа законности.

Нужно, однако, подчеркнуть, что индивидуальное регулирование, выражающее «свободу усмотрения» компетентных органов, всегда строго ограничено законом (например, в уголовном законе указывается низший и высший предел наказания за данное преступление). Кроме того, в юридических нормах содержатся *оценочные понятия* (указания на «крупный ущерб», «производственный риск» и т.д.), которые служат своего рода ориентиром при вынесении правоприменительным органом целесообразного решения.

4. Социалистический правопорядок. Это *состояние упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований социалистической законности*. Правопорядок представляет собой именно «состояние порядка» в общественных отношениях, которое складывается *в результате* действия законности, претворения ее требований на практике, в реальной жизни¹.

Правопорядок является частью *общественного порядка*, т.е. того состояния упорядоченности (организованности) общественных отношений, которое наступает вследствие функционирования всей

---

¹ «Та часть общественного порядка, которая охватывает волевые отношения, складывающиеся в результате соблюдения (исполнения, применения) норм права, образует правопорядок» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 536).

системы общественного регулирования, действия всей системы социальных норм¹.

Главная отличительная черта правопорядка состоит в том, что здесь воплощаются свойства права, правовые принципы, требования социалистической законности. Свойства и принципы права, выраженные в режиме законности в виде системы требований, на уровне правопорядка как бы *материализуются² в системе реальных правовых отношений, субъективных прав и обязанностей³*.

Особенности правопорядка соответствуют свойствам права, правовым принципам, требованиям социалистической законности.

Социалистический правопорядок характеризуется: 1) единой организованностью, слаженностью общественных отношений, их устойчивостью; 2) определенностью их содержания; 3) их согласованностью, гармоничностью, системностью; 4) их крепостью, обеспеченностью; 5) возможностью их целенаправленного изменения (динамизмом). При этом специально следует указать на то, что социалистический правопорядок характеризуется устойчивостью, стабильностью складывающихся отношений: граждане, общественные и иные организации твердо уверены, что возникающие правовые отношения не будут отменены или изменены без законных оснований; вместе с тем действие нормативных актов принципиально не распространяется на отношения, возникшие до издания актов («закон обратной силы не имеет»).

В социалистическом правопорядке реально воплощаются специфическое «правовое» содержание и правовые принципы. Именно поэтому социалистическому правопорядку свойствен высокий уровень личных гарантий граждан, обеспечивающих их личную свободу. Среди этих гарантий следует указать на наличие таких институтов, как неприкосновенность личности, недопустимость привлечения к уголовной

---

¹ Правопорядок, по мнению Е.А. Фролова, является «правовой оболочкой» нормальных фактических отношений, служа формой их упрочения, неизблемости, средством их обеспечения «от просто случая и просто произвола» (Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и правопорядок // Проблемы советского уголовного права и криминологии. Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск, 1971. С. 15–16).

² В.В. Борисов верно отмечает, что «правовой порядок представляет собой итоговый момент, завершающее звено правовой системы» (Борисов В.В. Правопорядок советского общества и пути его укрепления // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 55).

³ «Законность непосредственно примыкает к закону и его соблюдению, правопорядок — к осуществлению субъективного права, юридической обязанности» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. С. 544).

ответственности без достаточных к тому оснований, недопустимость ареста без законных оснований и санкции прокурора, презумпция невиновности по уголовным делам, право граждан на защиту и др.

Важно подчеркнуть, что социалистическая законность в качестве закономерного, неизбежного результата своего действия предполагает наличие устойчивого, слаженного, подлинно демократического правопорядка. Это и понятно. Социалистическая законность характеризуется максимальным развертыванием требований, относящихся к содержанию этого принципа, к особенностям социалистического права в целом. Одним из таких требований является активная борьба за законность, борьба с нарушениями правовых норм. А при таких условиях законность неизбежно претворяется в фактических отношениях, полностью соответствующих свойствам и содержанию юридических норм.

Укрепление социалистической законности в период перехода к коммунизму означает в то же время и укрепление социалистического правопорядка. Как подчеркивается в Программе КПСС, в период коммунистического строительства «большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности».

5. Гарантии законности. *Это те средства, при помощи которых обеспечивается полное и последовательное проведение в жизнь требований социалистической законности.*

Гарантии — это не нечто внешнее к законности, а необходимый, конститутивный момент в самом ее существовании. Без надлежащих гарантий нет ни права, ни законности (в этом, в частности, и состоит глубокий смысл ленинского положения о том, что право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению юридических норм).

Все гарантии социалистической законности могут быть подразделены на две большие группы: а) общие (общественно-политические); б) специальные (юридические).

Общ е е (общественно-политические) — это экономические, идеологические, политические условия, в которых функционирует правовая система. Они определяют общую атмосферу («климат») существования и реализации норм права, престиж и авторитет права, его действенность и эффективность.

Общие гарантии законности могут быть подразделены на: а) экономические, б) идеологические, в) политические.

Экономические гарантии. К экономическим гарантиям относятся рост и расширение общественной социалистической собственности, неуклонное увеличение национального достояния в социалистическом обществе, дальнейший подъем материальной обеспеченности всего населения.

Идеологические гарантии. Сюда относится марксистско-ленинское воспитание широких масс, повышение коммунистической сознательности. Ленинское указание о неразрывной связи законности и культуры является ключом, позволяющим решать коренные вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности. Чем выше уровень идейно-воспитательных мероприятий, марксистско-ленинского образования, эмоционального воспитания и др., тем глубже внедряются в жизнь социалистического общества требования социалистической законности.

Политические гарантии. Среди политических гарантий первоочередное значение принадлежит деятельности Коммунистической партии, последовательному проведению в жизнь ленинских норм партийной жизни. Гарантиями законности является дальнейшее развертывание социалистической демократии и, в частности, вовлечение в работу государственного аппарата широких трудящихся масс, их общественных организаций. Существенной гарантией законности является общий подъем политической активности трудящихся.

С п е ц и а л ь н ы е (юридические) — это особые, закрепленные в юридических нормах правовые средства, непосредственно направленные на обеспечение социалистической законности. Они входят в самое содержание социалистического права, так или иначе охватываются действующими юридическими нормами. По своей природе юридические гарантии представляют собой такие «внутренние механизмы», назначение которых и состоит в гарантировании реального осуществления требований социалистической законности¹.

Решающим в правовых средствах обеспечения законности, их ядром является *государственное принуждение*, осуществляемое на основе юридических норм в необходимых процессуальных формах. Вместе с тем гарантии законности выражают также другие свойства и особенности права, охватывают и иные сложившиеся в праве обеспечительные меры.

---

¹ О юридических гарантиях см.: *Васьков П. Т.* Юридические гарантии социальной законности // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 год. Свердловск, 1968. С. 19–21.

Основные специальные гарантии социалистической законности могут быть подразделены на следующие шесть главных видов (в наиболее краткой формулировке): общее закрепление; обеспечение реализации; предупреждение; контроль и расследование; восстановление; воздействие.

Общее закрепление (прямое нормативно-правовое закрепление требований законности). Сам факт четкого и ясного закрепления требований законности (верховенства закона, равенства всех перед законом и др.), а также — что еще более важно — последовательное воплощение этих требований во всем нормативном материале является одним из существенных средств, обеспечивающих принцип законности.

Обеспечение реализации (организационные и юридические средства, направленные на обеспечение надлежащей реализации юридических норм). Немаловажное значение принадлежит здесь средствам, направленным на обеспечение совершенства законодательства, всей системы нормативных юридических актов.

Для того чтобы законодательство было совершенным, оно должно поспевать за жизнью, систематически обновляться и наряду с этим быть устойчивым. Это в большей мере исключает возможность нарушений норм права по мотивам «целесообразности», «устарелости закона» и т.п. Причем должно быть достигнуто настолько полное правовое урегулирование общественных отношений, чтобы не оставалось возможности творить произвол без нарушения действующих законов. Совершенство законодательства проявляется в степени кодифицированности законодательства, а также в том, насколько обеспечивается правильное и единообразное понимание норм права. Это зависит от ясности и определенности формулировок в нормативных актах, от четкости положений, регламентирующих рамки и объем толкования, от своевременности и полноты разъяснения нормативных положений, использования аналогии и ряда других моментов — т.е. всего того, что исключает саму возможность различного понимания содержания норм права, а отсюда неправильного или даже произвольного их применения.

Если подойти к рассматриваемой гарантии с несколько иных, более широких позиций, то она может быть охарактеризована как высокая юридическая культура в обществе, которая включает в себя не только совершенство законодательства, но и уровень, качество работы органов, применяющих юридические нормы, в частности соблюдение ими процессуальных правил, а также степень политической зрелости и специально-правовой подготовки кадров. Значение юридической

культуры для обеспечения законности выражается и в уровне знания и понимания права всем населением, в сложившемся чувстве уважения к закону, короче — в уровне правосознания народа.

Предупреждение (средства превентивного, обеспечительного характера). В социалистическом праве существует система таких гарантий, которые призваны предупредить возможные нарушения законности, оградить интересы заинтересованных лиц. К их числу относятся меры запрещения — в административном праве; меры обеспечения исполнения обязательств (гарантии, залог и др.) — в гражданском праве; обеспечительные меры — в процессуальных отраслях и т.д.

Контроль и расследование (средства наблюдения и надзора за соблюдением юридических норм, установления и расследования фактов правонарушений). Сюда относятся средства, при помощи которых обеспечивается своевременное и точное установление фактов нарушений социалистической законности. Достигается это при помощи контрольно-надзорных мер, призванных предупредить нарушения законности, а при нарушении — незамедлительно установить противоправной факт.

Контрольно-надзорные меры охватывают конституционный контроль высших органов государственной власти, народный контроль, ведомственный контроль, надзор, осуществляемый органами прокуратуры, контроль высших судебных органов.

К таким контрольно-надзорным мерам примыкают правовые средства, предоставленные гражданам и социалистическим организациям, а также специальным государственным органам и общественным организациям для охраны субъективных прав против правонарушителей. Такими средствами, в частности, являются жалоба потерпевшего, которую соответствующие государственные органы обязаны рассмотреть в установленный срок; иск, направляемый в судебные органы для защиты прав в установленных законом случаях; протест прокурора, заявляемый по просьбе потерпевшего или по инициативе прокуратуры; представления должностных лиц и общественных организаций в соответствующие государственные органы, решающие данное дело, и др.

Наконец, рассматриваемый вид гарантий законности включает меры расследования правонарушений, проводимые органами Министерства внутренних дел, прокуратурой, ведомственными инспекциями и органами дознания.

Восстановление (меры защиты, направленные на обеспечение восстановления нарушенного права, реального исполнения юри-

дической обязанности). Они применяются в качестве реакции за совершенное правонарушение, нацеленной на удовлетворение интересов потерпевшего. Главная задача здесь — восстановить нарушенное состояние, по возможности привести общественные отношения к такому положению, которое существовало до нарушения (изъятие у незаконного владельца по решению суда имущества; отобрание ребенка по решению суда; принудительное исполнение юридической обязанности и др.).

Штрафное воздействие (меры правовой ответственности, применяемые к правонарушителю за совершенное виновное противоправное деяние). В отличие от других государственно-принудительных средств, в том числе в отличие от мер защиты, меры ответственности преследуют цель в установленном законом объеме и порядке оказать на виновного штрафное воздействие — возложить на него обязанность претерпевать определенные лишения (наказание — в уголовном праве; штраф — в административном праве; неустойка — в гражданском праве и т.д.).

ГЛАВА VIII

СИСТЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

1. Структура и система права. Структура права — это *строение права, способ (закон) связи образующих его элементов — отраслей, институтов, норм.*

Право как единый «организм» имеет сложное строение. Будучи единым по своему социально-классовому, политическому и юридическому содержанию, оно вместе с тем характеризуется внутренней расчлененностью, дифференцированностью, разделенностью на части — отрасли, институты, нормы, элементы нормы. Структура права и выражает способ (закон) связи между внутренними подразделениями, из которых складывается сложный правовой организм.

Структура социалистического права свойственны следующие черты.

а) **Объективность.** Она не плод фантазии людей, не результат произвольного «конструирования», а реально существующее подразделение права на определенные части. Ведь структура предметов, явлений в природе и обществе всегда объективна. Структура — «не порождение сознания человека, но отражение характера соотношения реальных элементов»¹.

б) **Единство.** Структура права охватывает право в целом, связывает в дифференцированное целое все его подразделения. Разумеется, это единство не следует понимать упрощенно. Право представляет собой сложную систему. В праве можно выделить четыре основных уровня структуры, а именно: а) правового предписания (правовой нормы); б) правового института; в) отрасли права; г) отраслей права в их взаимосвязи (система права). Иными словами, в праве существуют свои «микроструктура» и «макроструктура».

Структура права на каждом из указанных уровней имеет свою модель связи образующих ее элементов. Так, для отдельного правового предписания свойственно сочетание таких «элементарных» частиц, как гипотеза и диспозиция, гипотеза и санкция. На следующем уровне соединяются в единую систему регулятивные, охранительные, дефинитивные и некоторые другие предписания. Для самого высокого

---

¹ *Свидерский В.И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С. 18.

уровня – системы права (в традиционном понимании этого термина) – характерно сложное сочетание отраслей. Но как ни разнообразны модели структуры права на различных уровнях, это структуры единой системы. Они выражают нечто общее и цельное – способ связи элементов правовой материи. Все они последовательно соединены в одну цепь: каждое звено со свойственной ему структурой является исходным элементом структуры следующего уровня.

в) **С п о с о б н о с т ь к р а з в и т и ю.** Право представляет собой устойчивую, стабильную систему общественного регулирования в классовом обществе. Вместе с тем эта система является подвижной, динамичной. Для права характерны не только постоянное изменение составляющих его норм, институтов, отраслей и не только умение приспосабливаться к изменяющимся общественным отношениям (при помощи институтов аналогии, субсидиарного применения норм, толкования и др.), но и определенные процессы внутреннего развития системы в целом, ее перестройки. В соответствии с этим и структура права наряду с ведущим началом – устойчивостью, стабильностью – выражает также начало динамизма. Следовательно, в структуре права необходимо видеть и то, что является в ней постоянным, определяющим его своеобразие как устойчивой, стабильной системы регулирования, и то, что присуще ей как развивающейся структуре.

Объективность структуры права вовсе не исключает того, что она способна изменяться (преобразовываться) под воздействием субъективных факторов. Так, путем развития соответствующей области законодательства, целенаправленного выявления качественных особенностей тех или иных юридических норм, закрепления их в общей части систематизированного нормативного акта, а также утверждения комплекса общих понятий и принципов возможно постепенное формирование новой отрасли права, что, несомненно, видоизменяет структуру права в целом.

Преобразование структуры права обусловлено не только тем, что изменение в содержании правового регулирования само по себе вызывает соответствующую перестройку в составе подразделений права, их связях и соотношении, но и тем, что через структуру права (ее изменения) осуществляется регулятивное воздействие на общественные отношения. Здесь нужно учитывать, что «право регулирует общественные отношения также определенной системой правовых норм, т.е. их взаимным расположением, соотношением и связью»¹.

---

¹ Васильев Ю.С., Естеев М.П. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 17.

Составной частью обширного комплекса вопросов о структуре права являются вопросы *системы права*.

Система права — это его *строение, способ (закон) связи между его отраслями и институтами*. Иными словами, вопросы системы права охватывают строение права на уровне «макроструктуры»¹. Характеристика же «микроструктуры» относится к проблемам специально-юридического («догматического») порядка, т.е. к вопросам юридических норм, их видов и внутренних элементов нормы.

Выделение вопросов системы права и их обособленное рассмотрение в настоящем разделе курса обусловлены тем, что «макроструктура» выражает существенные социальные и юридические особенности правового регулирования. Поэтому от надлежащей научной разработки системы права прямо зависит плодотворность исследования ряда других теоретических проблем. В частности, полная и всесторонняя характеристика правовых норм, видов субъективных прав, объекта правоотношения и других может быть достигнута при том неременном условии, что предварительно выяснены особенности системы права, его отдельных отраслей.

Выводы, полученные при исследовании системы права, являются необходимой предпосылкой при решении вопроса о наиболее целесообразной системе законодательства, правильной кодификации нормативного материала, а также при решении вопроса о системе юридических наук и юридических учебных дисциплин.

Теоретические положения, выработанные при исследовании системы права, имеют и непосредственное практическое значение. Так, в зависимости от того, к какой отрасли права принадлежат те или иные правоотношения, определяется в основном подведомственность юрисдикционных органов. Если, например, спор о праве вытекает из гражданских, трудовых, колхозных правоотношений, он, как правило, подведомствен судебным органам; споры же, возникшие из административных (финансовых, земельных) правоотношений, обычно рассматриваются в административном порядке. Аналогичным образом определяется подведомственность споров, регулируемых семейным законодательством. Те из

---

¹ На употребляемую в данной главе терминологию известное влияние оказывает сложившееся в юридической науке традиционное словоупотребление. Традиционно в юридической науке слово «система» употребляется для обозначения наиболее крупного деления в праве — деления на отрасли и институты. Между тем с точки зрения теории систем этим термином обозначается явление в целом, охватывающее все его структурные подразделения. Вот почему, помимо иных оснований, и потребовалось обозначение строения права как сложной системы при помощи термина «структура» (сохранив термин «система» для характеристики способа и характера связи между отраслями и институтами права).

них, которые вытекают из административных отношений, разрешаются, как правило, в административном порядке, а споры, вытекающие из брачно-семейных отношений, подведомственны судам¹.

От отраслевой принадлежности данных правоотношений зависит возможность применения к данному лицу той или иной совокупности правовых норм. Это особо важно, например, при решении вопроса о том, распространяются ли на лицо права, предусмотренные трудовым законодательством. Трудовые функции могут осуществляться тем или иным лицом не только в рамках трудовых правоотношений, но и в рамках отношений колхозного и гражданского права. Трудовое же законодательство распространяется только на рабочих и служащих – участников трудовых отношений.

2. Отрасль права. Это *самостоятельное, юридически своеобразное подразделение права, состоящее из компактной системы взаимосвязанных, распределенных по институтам норм, регулирующих специфический вид общественных отношений.*

Отрасли – это *главные* подразделения структуры права, подразделения на «самом высоком уровне». Данная национальная социалистическая система права складывается из совокупности отраслей – государственного права, административного права, гражданского права и т.д.

Для каждой отрасли характерны *три* основных признака: структурные особенности, юридическое своеобразие (особый метод регулирования), специфический предмет регулирования.

Структурные особенности. Отрасль – такая правовая общность, которая реально обособляется в самостоятельное, «суверенное», относительно замкнутое подразделение правовой системы. Иными словами, для нее свойственны структурные особенности, выделяющие ее в самой правовой материи. К ним относятся:

а) юридическая цельность данной общности норм, т.е. такая степень ее внутренней организации, единства, спаянности ее институтов, когда она выступает перед лицом других отраслей как «нерасчленимое» целое;

б) способность данной общности норм взаимодействовать с другими отраслями (например, способность процессуальной отрасли обслуживать не только «свою» материальную отрасль; возможность применения норм в субсидиарном порядке и др.)².

¹ *Осинов Ю.К.* Подведомственность и подсудность гражданских дел. Госюриздат, 1962. С. 7–8, 78–79.

² *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право – отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 13–14.

Ю р и д и ч е с к о е   с в о е о б р а з и е. Каждая отрасль отличается своей юридической «самобытностью», юридическими особенностями, пронизывающими ее содержание, действие. Это юридическое своеобразие отрасли выражается главным образом в том, что ей присущ *особый метод регулирования*, который является основным непосредственным юридическим критерием разграничения отраслей права. Метод, т.е. способ воздействия, складывается из совокупности приемов юридического опосредствования общественных отношений.

Основные элементы метода следующие:

а) характер общего юридического положения субъектов (т.е. правосубъектности, правового статуса) — находятся ли субъекты в состоянии власти и подчинения или они занимают равные, юридические однопорядковые позиции или связаны «трудовым режимом» и т.п.;

б) характер оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений (т.е. юридических фактов) — возникают ли, в частности, правоотношения на основе административных актов или договоров и т.п.;

в) характер способов формирования содержания прав и обязанностей субъектов — определяется ли оно непосредственно нормами права или административными актами, или соглашением субъектов и т.п.;

г) характер юридических мер воздействия (т.е. санкций), способов, оснований и процедуры применения санкций.

Значение различных элементов метода правового регулирования не одинаково. Наиболее устойчивым и определяющим элементом метода является *общее юридическое положение субъектов*. В этом элементе концентрируются особенности данного метода правового регулирования в целом. Указанный элемент и может быть с максимальной эффективностью использован при решении практических вопросов разграничения норм права по отраслям.

Другие элементы метода характеризуют в основном *конкретные правоотношения* (основания их возникновения, изменения и прекращения; способы формирования их содержания; юридические меры их обеспечения). Они в ряде случаев могут в значительной степени «отклоняться» от типических черт, присущих данной отрасли права. Так, например, гражданские правоотношения могут возникать на основании административных актов, в определенной мере обеспечиваться уголовно-правовыми санкциями и т.п.

Но все же в целом метод правового регулирования отличается единством всех своих элементов. Выражением этого единства является главный элемент метода — *общее юридическое положение субъектов*.

Преобразование (отклонение) всех или большинства элементов, касающихся конкретных правоотношений, неминуемо отражается на главном элементе — общем юридическом положении субъектов, что и свидетельствует с внешней стороны о преобразовании предмета правового регулирования. Когда, например, отношения по заготовке сельскохозяйственных продуктов стали возникать на основе договора контрактации и обеспечиваться гражданско-правовыми санкциями, то это сказалось и на общем юридическом положении субъектов: сельскохозяйственные предприятия (колхозы, совхозы) и заготовительные организации принципиально стали выступать друг перед другом на началах юридического равенства. А это явилось свидетельством преобразования в самой природе регулируемых отношений (переход от налоговых к имущественно-стоимостным отношениям).

Кроме метода правового регулирования, юридическое своеобразие отрасли выражается и в ряде других ее особенностей. К ним относятся:

- особый механизм правового регулирования, т.е. особое сочетание отраслевых норм, правоотношений, индивидуальных актов и др.;
- специфические отраслевые принципы, выражающие своеобразие правового содержания данной отрасли;
- наличие обособленного (как правило, кодифицированного) законодательства.

Каждой отрасли свойствен свой «набор» общих положений, категорий, терминов, выражающих ее юридическое своеобразие.

С п е ц и ф и ч е с к и й п р е д м е т р е г у л и р о в а н и я. Каждая отрасль права регулирует особый, качественно специфический вид однородных общественных отношений. Предмет регулирования — это внеправовой (находящийся вне права) признак, который позволяет *объяснить* деление права на отрасли.

Однако не всякому виду общественных отношений соответствует отрасль права.

Для признания совокупности юридических норм отраслью права необходим такой качественно специфический вид общественных отношений, который в данных условиях *объективно требует юридически своеобразной правовой регламентации, и прежде всего регламентации при помощи особого метода.*

И это вполне объяснимо. Отраслью права является совокупность норм, представляющая собой самостоятельную, относительно замкнутую часть системы права, которая отличается определенным юридическим своеобразием. Следовательно, тот или иной вид общественных отношений может быть признан самостоятельным предметом права

лишь постольку, поскольку он предопределяет юридическое своеобразие данной совокупности норм, в частности, поскольку он требует особого метода правового регулирования.

Рассматривая предмет правового регулирования, мы концентрируем внимание на тех объективных свойствах общественных отношений, которые выражают указанную выше черту — момент требования своеобразного правового регулирования. А это означает, что главным в предмете правового регулирования является *социально-экономическое, политическое содержание* общественных отношений.

Теоретическое положение о значении предмета правового регулирования как критерия деления права на отрасли прочно утвердилось в советской юридической науке. Правда, это теоретическое положение получило в первое время упрощенную трактовку.

Многие авторы первоначально исходили из того, что само по себе «неправовое» деление общественных отношений прямо предопределяет и деление юридических норм (имущественные отношения — гражданское право, организационные — административное, трудовые — трудовое и т.д.). Кажущаяся простота такого воззрения вскоре, однако, дала о себе знать многочисленными трудностями. Выяснилось, что «неправовые» деления общественных отношений, деления, которые могут быть осуществлены по самым различным перекрещивающимся основаниям, вовсе неадекватны объективно существующей структуре права. Не случайно поэтому в более поздних трактовках предмета правового регулирования в той или иной степени ощущалось стремление отдельных авторов как бы заранее подогнать якобы «неправовую» классификацию общественных отношений под реально существующее членение юридических норм на отрасли.

Но, пожалуй, наиболее уязвимым местом распространенных ранее воззрений на предмет правового регулирования являлась их бездоказательность. В самом деле, почему деление общественных отношений на виды «дает» систему права? Казалось, что именно здесь проявляются материалистический подход к системе права, обусловленность надстроечных, правовых явлений экономическим базисом¹. Но это только «казалось». И не только потому, что предметом правового регулирования являются во многих случаях общественные отношения, принадлежащие к сфере надстройки и, стало быть, неспособные сами по себе что-либо «определять», но и потому, что определяющее

---

¹ Известная дань такого рода представлениям была отдана и мною, в частности в статье о материалистическом подходе к изучению системы права (Правоведение. 1961. № 3). Вместе с тем в указанной выше статье предпринималась попытка отойти от упрощенной трактовки предмета правового регулирования. В ней в качестве основания деления юридических норм на отрасли рассматривались не «фактические» отношения, а их глубинное социально-экономическое, политическое содержание, выражающее требования экономического базиса.

воздействие базиса на надстройку не может быть подменено воздействием на право разнообразных видов общественных отношений, образующих непосредственный объект правовой регламентации. Тем более, как выяснилось в результате подробного изучения, многие — если не все — общественные отношения, являющиеся непосредственным объектом правового регулирования, имеют «правовую окраску» — в современных условиях немислимы, невозможны вне правовой формы.

Между тем реальное значение теоретического положения о предмете правового регулирования (при рассмотрении структуры права) состоит, надо полагать, в том, что предмет — это главная сфера сосредоточения системообразующих факторов. Следовательно, было бы ошибочным перечеркивать достижения советской юридической мысли по вопросу о предмете правового регулирования. Надо лишь преодолеть упрощенную трактовку рассматриваемого теоретического положения и тогда анализ разнообразных факторов, охватываемых понятием предмета правового регулирования, позволит определить специфику влияния каждого из них на структуру права. Такой подход представляется плодотворным еще и потому, что через некоторые отношения, являющиеся непосредственным предметом правовой регламентации, прямо проявляется действие экономического базиса и определяющее воздействие государства, а это значит, что здесь предмет правового регулирования приобретает значение решающего основания деления права на отдельные структурные подразделения.

Вместе с тем нужно учитывать, что понятие «предмет правового регулирования» охватывает системообразующие факторы в обобщенном, суммарном виде. При более детальном анализе структуры права оказывается необходимым дифференцированно подходить к обстоятельствам, входящим в предмет регулирования, выделяя, в частности, содержание и характер поведения, положение субъектов, объекты, условия возникновения и функционирования отношений и др. Кроме того, есть и такие системообразующие факторы, которые не входят в предмет. Сюда прежде всего относятся интересы, задачи и т.д.

Все признаки отрасли права необходимо рассматривать в единстве. Все они выражают единое — самостоятельное, обособленное существование данной правовой общности в качестве главного, относительно замкнутого подразделения системы права.

Особо важно подчеркнуть нераздельное единство предмета правового регулирования и юридического своеобразия той или иной отрасли, и прежде всего метода правового регулирования¹. В самом деле, если самостоятельным предметом может быть признан лишь такой вид общественных отношений, который требует своеобразного пра-

---

¹ Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 55 и сл.

вового регулирования (при помощи особого метода, специфических принципов и т.д.), то «разрыв» между предметом и методом немислим, невозможен. Причем тезис о единстве предмета и метода регулирования в отраслях права вовсе не означает «фатальности» правовой системы, невозможность выбора государством средств правового воздействия и др.¹

Заметим сначала, что лишь при известной степени абстрагирования можно говорить об отношениях по проектированию «вообще», об отношениях по заготовкам сельскохозяйственных продуктов «вообще» и т.д. Однако только при таких абстрактных конструкциях отношений «вообще» оказывается возможным утверждение о допустимости использования нескольких методов для регулирования одних и тех же отношений. И хотя такой анализ методов, которые, абстрактно рассуждая, возможно использовать для регулирования отношений в данной сфере общественной жизни, теоретически оправдан и практически полезен, нельзя все же забывать, что перед нами именно сфера отношений, т.е. рассматриваемый в общем плане участок общественной жизни (проектирование, заготовка, материально-техническое снабжение и др.).

Реально же существуют строго определенные виды отношений по проектированию, заготовкам и т.д., которые либо имеют управленческий, властно-организационный характер, либо строятся на началах известной автономии, юридического равенства и т.д. А вот эти реально существующие виды общественных отношений не допускают использования различных методов, они объективно требуют только одного, точно определенного правового метода.

И здесь, надо полагать, нет никакого «фатализма», принижения активной роли права. Напротив, положение об единстве предмета и метода регулирования дает возможность раскрыть механизм преобразо-

---

¹ Вот как, например, интерпретируют этот тезис Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир: «... получается, что все особенности метода правового регулирования спаяны с регулируемым ими базисными отношениями и так же, как последние, объективно реальны» (*Полянская Г.Н., Сапир Р.Д.* Соотношение объективного и субъективного в праве // Советское государство и право. 1969. № 6. С. 23). Почему же так «получается», становится ясным, если учесть тот прием, при помощи которого Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир излагают положения критикуемого ими автора. Они, например, утверждают: «Система права, пишет С.С. Алексеев, представляет собой «объективно существующую дифференциацию правовых норм», ее нельзя построить, создать, сконструировать» (там же. С. 23). Между тем в тексте книги, на которую они ссылаются, говорится о том, что систему права нельзя построить, создать, сконструировать не вообще, а в «процессе научного исследования...» (*Алексеев С.С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. Госюриздат, 1961. С. 9).

вания при помощи права структуры реальных общественных отношений. На основе объективных потребностей общественного развития государство использует смену методов регулирования в качестве рычага для преобразования общественных связей. Это оказывается возможным как раз в силу того, что предмет и метод правового регулирования едины. Вот почему, кстати, они не могут противоречить друг другу (методу могут противоречить назревшие потребности общественного развития): коль скоро произошла смена метода — причем метода целиком, а не «отклонение» его отдельных элементов, то это свидетельствует о преобразовании в самой структуре реальных общественных отношений.

3. Правовой институт. Объединения институтов. Смешанные институты. Правовой институт — это законодательно обособленный комплекс юридических норм, обеспечивающий цельное регулирование данной разновидности отношений или ее стороны.

Правовой институт — основа отрасли права. Это — «первичное самостоятельное структурное подразделение отрасли, первая и наиболее важная ступень в формировании отрасли, где правовые нормы группируются... по их юридическому содержанию...»¹. Юридические нормы образуют отрасль права не непосредственно, а *через* институты; причем юридическое своеобразие той или иной нормы обнаруживается с учетом особенностей всего комплекса норм.

Таким образом, если система права складывается из отраслей, то сами отрасли состоят из правовых институтов. Так, например, в трудовом праве выделяются «институт дисциплины труда», «институт материальной ответственности рабочих и служащих» и др., в гражданском праве — «институт исковой давности», «институт обязательств, возникающих вследствие причинения вреда», и т. п.

Правовому институту свойственны три признака:

а) *Однородность фактического содержания.* Каждый правовой институт посвящен регулированию строго определенной разновидности общественных отношений, охватываемых данной отраслью, либо стороне группы отношений. Отсюда однородность фактического содержания института.

б) *Юридическое единство (комплексность)* норм. Это главный признак института. Нормы, образующие институт, выступают как единый

¹ Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 66.

Автор далее пишет: «В результате создается стройная система сцементированных, связанных между собой внутренним содержанием правовых норм, обеспечивающих в процессе воздействия права достижение желаемого результата».

комплекс, цельная система, точнее — относительно обособленный «блок», «агрегат», в совокупности с другими институтами составляющие нормативный механизм отрасли. Каждый институт обеспечивает цельное (на своем участке «законченное») регулирование данной разновидности отношений или стороны группы отношений. Именно поэтому внутри института происходит специализация юридических норм: сложное сочетание разнообразных регулятивных, дефинитивных и иных норм призвано обеспечить цельное регулирование соответствующих отношений.

в) *Законодательная обособленность*. Как главные структурные подразделения отрасли институты получают внешнее обособленное закрепление в нормативных (законодательных) актах в виде самостоятельных глав, разделов и т.д.¹ Та или иная компоновка юридических норм, их объединение в главы, разделы, части — это и есть в большинстве случаев процесс дифференциации и интеграции нормативного материала, приводящий к формированию правовых институтов.

По своему месту и функциям правовые институты весьма разнородны. Так, могут быть выделены *общие* институты (содержащие «выведенные за скобки» нормативные положения, относящиеся к отрасли в целом или ее крупному подразделению), *материально-регулятивные* институты (содержание нормы, непосредственно регламентирующей поведение субъектов), *охранительные* институты (содержащие охранительные и связанные с ними иные нормы), *процедурно-процессуальные* институты и др. Иными словами, специализация, «разделение труда», происходит не только между отдельными нормами, но и между правовыми институтами.

Между институтами внутри отрасли могут существовать отношения субординации, соподчинения. «Дробные» части института нередко образуют самостоятельные подразделения, которые называются *субинститутами*². Вообще же в случаях, когда наблюдается подобная «многоэтажность», всегда существует, так сказать, завершающее звено — институт, объединяющий группу институтов и субинститутов, который может быть назван *генеральным институтом*. Таковы, например, институт дисциплины труда, институт преступлений против собственности, институт подряда и т.д.

Внутри отрасли складываются и специфические объединения институтов. Так, по мере развития законодательства, повышения

---

¹ Якушев В.С. Указ. соч. С. 65–67.

² Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 50–51.

уровня нормативных обобщений общие институты обособляются в укрупненное подразделение, которое в кодифицированных законодательных актах получает наименование «общая часть» или «общие положения».

Наряду с этим в развитых отраслях права генеральные и иные институты нередко также перерастают в укрупненные подразделения — *подотрасли*. Последние представляют собой такие обширные общности отраслевых институтов (генеральных субинститутов), в которых обособляется «своя» общая часть. Таковы, например, обязательственное право, наследственное право, авторское право и др. — в гражданском праве, административно-хозяйственное право — в административном праве, военно-уголовное право и т.д. Некоторые крупные отрасли права, например гражданское право, выступают в современных условиях в виде соединения «общей части» и группы подотраслей.

Каждый правовой институт — это в принципе юридически однородное правовое образование, т.е. он входит в состав строго определенной отрасли. Но деление социалистического права на отрасли вовсе не означает, что между ними существует «китайская стена», которая разделила бы отрасли на совершенно изолированные друг от друга сферы. Между отраслями права существуют не только отдельные точки соприкосновения, но и обширные области контактов, тесного взаимодействия. В этих пограничных областях складываются *смешанные институты*.

Смешанный институт — это институт данной отрасли, который включает некоторые элементы иного метода правового регулирования. В целом юридическое содержание смешанного института однородно; поэтому он входит в определенную отрасль права. Но в его содержание проникли, просочились элементы метода, свойственные другой отрасли права.

В качестве примера смешанного института можно назвать гражданско-правовые институты, опосредствующие кредитно-расчетные отношения. Госбанк СССР, выступая в отношениях со своей клиентурой в качестве юридического лица, в то же самое время выполняет властные, контролирующие функции органа государственного управления. Поэтому в пределах кредитных и расчетных правоотношений проявляются и некоторые административные полномочия Госбанка СССР. Смешанный характер носят также институты, регулирующие отношения, связанные с исполнением плана железнодорожной перевозки грузов, отношения в области почтового обслуживания, отношения по обязательному страхованию и др.

4. Виды отраслей права. Отрасли занимают неодинаковое положение в системе права. Между ними существуют сложные зависимости.

Самым общим образом отрасли права могут быть подразделены на основные и комплексные. Основные отрасли, в свою очередь, подразделяются на профилирующие (традиционные) и другие основные, а комплексные — на специализированные и интегрированные.

Профилирующие (традиционные) отрасли. Они образуют основу, обязательную часть системы права. Сюда входят государственное право, административное право, гражданское право, уголовное право. Они также находятся в известном соотношении, взаимозависимости. Определяющее и исходное значение среди них имеет государственное право — «корень» всей правовой системы. Вслед за государственным правом следует указать на две основные подсистемы — основную регулятивную (административное и гражданское право) и основную охранительную (уголовное право).

Другие основные отрасли. К ним относятся процессуальные отрасли, которые как бы надстраиваются над профилирующими, — административно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право, уголовно-процессуальное право. В эту группу входят также и специальные отрасли, сформировавшиеся на базе профилирующих (традиционных). Таковы, в частности, трудовое право, колхозное право, семейное право, финансовое право, земельное право, исправительно-трудовое право. Каждое из этих подразделений характеризуется всеми признаками отрасли — и структурными особенностями, и юридическим своеобразием, и спецификой предмета регулирования. В частности, всем специальным отраслям присущи свои методы правового регулирования. И хотя эти методы воспринимаются в качестве исходного элемента методов профилирующих отраслей, им свойственно свое, только им характерное, что выражается главным образом в общем правовом положении субъектов, их правовом статусе.

Комплексные (специализированные) отрасли. Это подразделения, складывающиеся на базе основных отраслей в связи с необходимостью специализированного регулирования отдельных специфических участков общественных отношений. К этой группе комплексных отраслей следует причислить также, в частности, подразделения правовой системы, как транспортные отрасли (право — морское, воздушное, железнодорожное, внутренневодное и др.), горное, лесное, «судоустройственное», прокурорское, банковское, страховое, налоговое, жилищное, бюджетное и др.

Формирование этой группы отраслей сопряжено с обособлением комплексных областей законодательства. Внешним выражением существования комплексных (специализированных) отраслей и является наличие так или иначе обособленных нормативных актов, содержащих специальные нормы, некоторые общие принципы и положения, отдельные специфические приемы регулирования.

Комплексные (интегрированные) отрасли. Процесс дифференциации права, возникновение новых комплексных (специализированных), а затем при наличии необходимых предпосылок основных отраслей порождает необходимость встречного процесса — известной интеграции структурных подразделений. Яркий пример этому дает развитие правового регулирования в сфере природоресурсовых и природоохранных отношений. Развитие земельного, административного, гражданского и колхозного права, а на их базе таких комплексных отраслей, как водное, лесное, горное, охотничье право, выдвинуло в качестве довольно острой проблемы необходимость объединения правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений. Поэтому здесь в качестве нового слоя комплексных структурных образований намечается выделение по мере развития законодательства перекрещивающихся интегрированных структур — природоохранительного и природоресурсового права (которые как комплексные «надотрасли» не исключают друг друга).

Такие же процессы происходят и в других сферах общественных отношений. В качестве своеобразного интегрированного структурного образования (надотрасли), по всей видимости, могут быть охарактеризованы судебное право, процессуальное право. Если в результате развития законодательства хозяйственное право не перерастет в основную отрасль (достаточных объективных предпосылок для такого перерастания наукой не установлено), оно сохранится в виде интегрированного вторичного образования. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении сельскохозяйственного права.

5. Соотношение основных и комплексных отраслей. Основные отрасли обладают *всеми* присущими им признаками (структурными особенностями, юридическим своеобразием, наличием специфического предмета), комплексные — только *частью* этих признаков. Комплексные отрасли имеют лишь особый предмет (рассматриваемый в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей) и некоторые черты юридического своеобразия, а именно — самостоятельную область законодательства, некоторые единые принципы, положения, приемы регулирования. У них нет главных черт юридического своеобразия — «своего» метода и механизма регулирования.

Все правовые институты и нормы, составляющие данную национальную социалистическую правовую систему, *в принципе распределяются по основным отраслям*. Это значит, что институты и нормы, входящие в состав комплексных отраслей, имеют «двойную прописку»: будучи институтами и нормами комплексной отрасли, они охватываются одновременно и соответствующими основными отраслями (государственным правом, административным правом, гражданским правом и др.). Но если это верно, то, быть может, существование комплексных отраслей излишне? Так данный вопрос и решается отдельными правоведами (в свое время и автором настоящего курса).

Между тем существование комплексных правовых общностей — это объективный факт! К тому же в них есть к нечто такое (особые принципы, некоторые приемы регулирования и др.), что не вмещается целиком в основные отрасли.

Думается, здесь мы встречаемся со своеобразным явлением — *удвоением структуры права*. Дело в том, что существует несколько показателей, выражающих объективную структуру юридических норм (структурные особенности, специфический предмет, юридическое своеобразие, в том числе особый метод и механизм регулирования, особые принципы и положения, обособленное законодательство). И вот нередко происходит так, что определенные группы норм по главным своим показателям, т.е. по структурным особенностям, методу и механизму правового регулирования, относятся к тем или иным основным отраслям, подчиняются их общим институтам. Они нераздельны с общими нормами, принципами и положениями основных отраслей. Их структурные признаки выражены в этих общих нормах, принципах и положениях, и, следовательно, в каждом случае можно совершенно точно определить, к какой основной отрасли относится данная специальная норма.

В то же время эти же группы норм (*как специальные*) получают некоторое объективное обособление *и в другой плоскости*, и прежде всего в виде особого комплексного законодательства. И хотя они разнородны по содержанию и в них не сформировалось особого, самостоятельного метода и механизма регулирования, этим специальным нормам свойственно и предметное единство, и некоторое юридическое своеобразие — известные общие принципы и положения, некоторые специфические приемы регулирования (например, в морском праве, в жилищном праве, в страховом праве и др.).

Удвоение структуры права объясняется следующим.

Существование основных отраслей права связано с системообразующими факторами, концентрирующимися главным образом (хотя

и не исключительно) в предмете правового регулирования. Своеобразный, качественно особый вид общественных отношений, требующий правового регулирования при помощи особого метода, на основе специфических принципов и т.д., — вот главный системообразующий фактор, определяющий формирование компактной, относительно замкнутой общности юридических норм, которая по мере развития законодательства приобретает свойства основной отрасли права. Таким главным системообразующим фактором, например, для административного права являются управленческие, властно-организационные отношения, для гражданского права — «товарные» имущественные отношения и т.д.

Главный фактор является объективным основанием выделения отраслей права. Он определяет лицо, общий фон, облик основной отрасли, ее «конструкцию», ее структурные и главные специально-юридические особенности.

Однако наряду с главным на структуру права влияют и многие другие системообразующие факторы и прежде всего особенности данной сферы общественных отношений (своеобразие условий морских перевозок, характер распределения жилья в домах государственного фонда и т.д.). Но эти дополнительные, вторичные факторы воздействуют на структуру, уже «построенную» в соответствии с действием главного фактора. Их влияние проявляется на основе главной структуры. Поэтому правовые общности, возникающие в ходе развития законодательства под влиянием дополнительных системообразующих факторов, имеют характер вторичных образований¹.

Таким образом, система права представляет собой сложную иерархическую структуру. Степень объективизации отраслей в этой структуре неодинакова. Если главный «массив» (самое «тело») данной национальной социалистической системы права образуют основные

---

¹ Вторичные образования могут быть обнаружены и на других уровнях структуры права. Таким вторичным образованием, например, является «хозяйственный договор».

Структура договорных обязательств определяется главным системообразующим фактором — особенностями построения «товарных» имущественных отношений. Отсюда и нормативное регулирование обязательств в гражданском праве осуществляется прежде всего по видам договоров — купля-продажа, подряд и т.д. Однако в области социалистического хозяйства на структуру гражданских правоотношений оказывают существенное влияние и такие важные факторы, как централизованное регулирование, планирование хозяйственных процессов, единство материального фонда и др. В силу этого через реальную структуру гражданско-правовых обязательств, т.е. через деление по главным юридическим типам, «прорывается» («проступает») вторичное структурное образование, выражающее упомянутые выше особенности социалистического хозяйства — хозяйственный договор.

отрасли, то комплексные отрасли как бы наслаиваются, надстраиваются над ними: они лишь «проступают» над главной структурой, объективируясь вовне в гораздо меньшей степени, чем основные отрасли.

Система права напоминает своеобразную пирамиду. «Во главе этой пирамиды, — пишут В.М. Чхиквадзе и Ц.А. Ямпольская, — конституционное право, от него идут вниз наиболее крупные, традиционные отрасли права, за ними по нисходящей — подотрасли»¹. Нужно лишь видеть, что завершают систему права не подотрасли (они выступают в качестве структурных подразделений внутри отрасли), а комплексные отрасли, которые к тому же являются правовыми общностями, менее прочными, менее объективированными, чем профилирующие и другие основные отрасли, образующие главные подразделения правовой системы.

Одним из решающих, ключевых моментов, позволяющих раскрыть сложные взаимозависимости, существующие между отраслями, является теоретическая конструкция — «комплексная отрасль».

Впервые в юридической литературе идея комплексных отраслей была выдвинута В.К. Райхером, по мнению которого система права вообще может строиться не только в одной плоскости². К сожалению, В.К. Райхер не дал объяснения такому разноплоскостному построению системы и это создало представление о том, что с точки зрения автора оправдывается произвольное конструирование отраслей по любому «самостоятельному предмету».

Важные положения по вопросу о комплексных отраслях были выдвинуты и Ю.К. Толстым³, который, однако, в отличие от В.К. Райхера не признал за ними значение объективных структурных образований, а рассматривал их в виде результатов систематики (систематизации). Автор не учел, что объективизация общностей юридических норм происходит по нескольким показателям (критериям). И есть такие группы норм, которые, относясь по главным своим признакам к определенным основным отраслям, в то же самое время получают достаточно четкую объективизацию в области системы законодательства.

Новую жизнь конструкция комплексной отрасли обрела на современном этапе изучения структурных подразделений права, когда она стала рассматриваться с точки зрения теории систем. При этом категория комплексной отрасли позволяет осветить систему права в качестве развивающейся структуры, вскрыть механизм воздействия на систему права субъективного фактора, развития законодательства.

---

¹ Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.А. О системе советского права // Советское государство и право. 1967. № 9. С. 34.

² Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. Изд-во АН СССР, 1947. С. 190.

³ Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 45.

Правильное уяснение соотношения между основными и комплексными отраслями зависит от полноты и четкости анализа системообразующих факторов, т.е. факторов, непосредственно обуславливающих структуру права.

Если внимательно проанализировать источник споров, ведущихся в литературе по вопросу о составе отраслей, то выясняется, что во многих случаях проблема сводится к тому, какой из системообразующих факторов рассматривать в качестве главного, доминирующего.

Например, если при рассмотрении процессуальных отраслей выделить в качестве главного фактора своеобразие положения правоприменительного органа (суда), то научный анализ пойдет по пути конструирования «судебного права». Но реальная структура социалистического права свидетельствует о том, что основные структурные подразделения в данной области строятся в соответствии с другим системообразующим фактором — особенностями материальной отрасли (административного, гражданского, уголовного права). Он и является главным для процессуальных отраслей.

Аналогичную же ситуацию можно наблюдать и в споре о «хозяйственном праве». До сих пор никому еще не удавалось доказать, что сфера хозяйства сама по себе является главным системообразующим фактором. Та общность правового регулирования, которая обусловлена сферой хозяйства, складывается на базе главной структуры — административного, гражданского, трудового права. Думается, справедливо мнение тех авторов, которые рассматривают хозяйственное право в качестве комплексной отрасли¹ и, следовательно, вторичной структуры со всеми присущими ей особенностями.

б. Система права и система законодательства. Система законодательства выражается в составе, соотношении и внутренней структуре источников права — законов, актов правительства и др. Система законодательства складывается исторически под влиянием комплекса объективных и субъективных факторов, из которых решающее значение имеют предмет регулирования и стремление (интерес) законодателя обеспечить наиболее целесообразное, комплексное, практически удобное регулирование данной группы общественных отношений².

Система права и система законодательства отличаются друг от друга.

¹ Толстой Ю.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1970.

² Васильев Ю.С., Естеев М.П. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 14—15. Авторы, в частности, пишут: «...опыт и труд «предшествующих» законодателей социалистического государства выступают как нечто данное, как внешняя реальность для действующих законодательных органов, которые связаны в процессе нормотворчества не только объективными законами общественного развития, но и уже сложившейся системой законодательства, которую они не могут произвольно «конструировать» и «переконструировать»».

Система права выражает деление «самого» права, юридических норм, а система законодательства — лишь его внешней формы: источников права. Поэтому строение законодательства является такой областью правовой надстройки, которая непосредственно связана с действием субъективных факторов, усмотрением законодателя.

Однако указанное различие не должно заслонять внутреннего единства этих двух систем. Дело в том, что система законодательства является *одним из проявлений системы права*. В силу единства внутренней и внешней форм в праве¹ *основные подразделения структуры законодательства его отрасли — это в то же время и отрасли права* (основные и комплексные). Конечно, полного совпадения здесь нет. Некоторые нормативные акты носят временный характер. Их издание вызвано преходящими причинами, факторами чисто субъективного порядка. Но все же в большинстве случаев, когда исторически формируется отрасль законодательства, это одновременно означает, что перед нами становление особой отрасли права².

Таким образом, система права и система законодательства находятся в сложной, диалектической взаимозависимости; между ними существуют различия, но они характеризуются и единством.

Учет и того, и другого моментов (и различий, и единства) имеет важное теоретическое значение.

Учет *различий* позволяет не только выявить в системе законодательства то, что является «чисто субъективным», «временным», но и, главное, раскрыть соотношение между системой законодательства и *основными* отраслями права. Это соотношение выражается в том, что система законодательства (в особенности кодифицированного законодательства) *тяготеет* к системе основных отраслей, опирается на них как на свою *объективную основу*. В этом отношении система права является объективной основой для системы законодательства.

---

¹ А.Ф. Шебанов пишет, что законодательство — «это форма самого существования правовых норм, средство их организации, придания им определенности, объективности» (Шебанов А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 31).

² Изложенные в настоящем курсе положения, как и положения ранее опубликованных статей, вовсе не свидетельствуют о том, что автор отказался от разграничения системы права и системы законодательства, внешней и внутренней форм права (так полагает Л.С. Явич. См.: Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 76). Разграничивать внутреннюю форму (систему права) и внешнюю форму (систему законодательства) необходимо, но их нельзя разделять непроходимым водоразделом. Надо видеть, в частности, что в системе законодательства выявляется, обнаруживается, проступает система «самого» права и что основные подразделения права и системы законодательства в принципе соответствуют друг другу.

В чем выражается «тяготение» системы законодательства к системе основных отраслей права?

Во-первых, каждая основная отрасль права требует самостоятельно кодифицированного нормативного акта. Это находит свое выражение в законодательной деятельности Советского государства. В настоящее время по всем основным отраслям советского права приняты или разрабатываются самостоятельные кодифицированные нормативные акты — Основы, Кодексы. Исключение составляет лишь советское административное право (если не считать Административного кодекса УССР, принятого в 1927 г.). Но именно потому, что необходимость издания Административного кодекса преопределена системой советского права, столь категорически настаивают на его издании ученые-административисты.

Во-вторых, при систематизации нормативного материала «первичное» значение имеет отраслевая кодификация. Иными словами, среди разного рода систематизированных нормативных актов ведущую роль играют акты, которые охватывают нормативный материал той или иной основной отрасли права в целом. Все иные акты вырабатываются с учетом положений, содержащихся в отраслевом систематизированном акте. Например, когда вырабатываются многочисленные систематизированные нормативные акты — уставы, положения и т.п. по гражданскому праву, то они строятся в соответствии с Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и республиканскими кодексами.

Существенно важно учитывать также *единство* системы права и системы законодательства, которое состоит в том, что сложившиеся, реально обособившиеся области законодательства — это в то же время и особые подразделения правовой системы, т.е. самостоятельные, основные и комплексные отрасли права¹.

Причем *вторичные структурные образования (комплексные отрасли) являются реальным выражением воздействия на структуру права субъективного фактора*. Само по себе обособление той или иной области законодательства уже означает (в силу единства внешней и внутренней форм) известное преобразование в «самой» правовой материи. Комплексная

¹ Интересные соображения о системе законодательства, о ее «горизонтальной» и «вертикальной» структурах, об отраслях законодательства высказаны А.Ф. Шебановым (см.: *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 30–38). Он, однако, едва ли прав, когда утверждает, что «отдельные отрасли законодательства могут быть выражением лишь какой-то подотрасли... или даже нескольких правовых институтов...» (С. 32). Если в рассматриваемых случаях перед нами не комплексная отрасль законодательства (и, следовательно, комплексная отрасль права), то, думается, правильнее говорить о *подотрасли законодательства*.

отрасль, складывающаяся в результате появления новых областей законодательства, представляет собой первый шаг в сложном процессе формирования отраслей права. История развития социалистической правовой системы показывает, что многие основные отрасли первоначально выступали в виде комплексных. Когда при наличии необходимых предпосылок в ходе объективного развития общественных отношений и соответствующего развития законодательства правовая общность достигает необходимой степени внутренней организации, складываются специфический метод регулирования, своеобразные правовые принципы и другие особенности отрасли, тогда происходит превращение вторичной структуры в главную, доминирующую. Это и является показателем завершения процесса формирования новой основной отрасли¹.

7. Некоторые итоги теоретической разработки вопросов системы права в советской юридической литературе. Система права — предмет довольно оживленных обсуждений в советской литературе. И это не случайно: от уровня разработки вопросов системы права, от их конкретного решения зависит не только уяснение ряда сложных теоретических проблем, но и правильность решения практических задач, относящихся к кодификации законодательства, организации научных исследований в области права, преподаванию юридических дисциплин.

История развития научных взглядов на систему права показывает, что первоначально наша наука решала в этой области довольно ограниченные задачи, связанные с необходимостью выделения основных сфер правового регулирования, обеспечивая тем самым решение практических вопросов по упорядочению советского законодательства, по определению основных направлений его научной разработки.

Вот почему во время первой дискуссии о системе права (1938–1940 гг.) научная мысль не пошла дальше фиксирования самых общих признаков отраслей права. В качестве ведущего (а иногда и единственного) критерия деления права на отрасли выдвигался изолированно рассматриваемый предмет регулирования.

Вскоре, однако, выяснилось, что признак предмета, обеспечив решение задач по выделению главных сфер правового регулирования, недостаточен. Ста-

---

¹ В статье Ю.С. Васильева и М.П. Евтеева «Кодификация и систематизация законодательства» предпринята попытка проследить взаимодействие системы права и системы законодательства (Советское государство и право. 1971. № 9. С. 13–19). Авторы правильно указывают на объективный характер системы законодательства. Они пишут: «...если система отраслей права является первым «измерением» права, то система законодательства — это второе «измерение»» (С. 16). Однако и они (как в свое время и автор этих строк) все же не преодолели упрощенного противопоставления указанных двух систем. Ю.С. Васильев и М.П. Евтеев, к сожалению, не видят, что в системе законодательства в определенной степени объективируется система «самого» права и что факт выделения комплексной сферы законодательства означает начало процесса формирования отрасли права. Недочет этого лишает возможности раскрыть сложные механизмы воздействия субъективного фактора на систему права.

ло очевидным, что если ограничиваться только этим признаком, то перед нами окажется необозримое множество отраслей. Любая более или менее компактная общность юридических норм, имеющая свой предмет, должна быть при «узкопредметном» подходе квалифицирована в качестве основной отрасли.

Тогда-то (в особенности в ходе второй дискуссии о системе права — 1956—1959 гг.) и было обращено внимание на значение метода правового регулирования. В соответствии с этим трансформировалось понятие «отрасль права». В качестве отраслей многие авторы стали рассматривать такие общности юридических норм, которые отличаются не только наличием своего, особого предмета (что характерно для любой общности норм), но особенностями в методе регулирования.

Несомненное достоинство подобного подхода состоит в том, что выясняется одна из решающих, а для некоторых отраслей самая яркая черта их юридического своеобразия. Представляется, что это знаменует собой значительный шаг вперед в познании структуры права, ее главных звеньев.

Однако и такая трактовка, как все более становится ясным теперь, имеет слабые стороны. Не все структурные звенья системы права имеют столь рельефные особенности в методе, как, например, административное и гражданское право. Отсюда попытки сузить номенклатуру отраслей, непризнание отдельными авторами в качестве отраслей даже таких подразделений правовой системы, как трудовое, колхозное, семейное, земельное и финансовое право¹. А это у многих юристов породило неверие в метод как классификационный критерий. К тому же и сам метод пришлось рассматривать как сложное, многоэлементное явление (особенности общего юридического положения субъектов, способов формирования содержания прав и обязанностей, мер их обеспечения и др.), что превратило метод в сгусток многих юридических особенностей отрасли, а не только в характеристику способа воздействия в строгом смысле.

Таким образом, понятие «отрасль права» нуждается в новом уточнении. Главное здесь — это освещение отрасли с точки зрения современных философских представлений о структуре явлений. Именно на уровне системно-структурных характеристик и началось в настоящее время новое обсуждение общетеоретических проблем системы права².

---

¹ По отношению к земельному и финансовому праву такой взгляд высказывался и автором курса (*Алексеев С.С.* Общие теоретические проблемы системы права. Госюриздат, 1961. С. 32—33).

² Первым шагом, намечающим такой подход к рассмотрению вопросов системы права, явилась опубликованная в 1967 г. статья В.М. Чхиквадзе и Ц.А. Ямпольской (Советское государство и право. 1967. № 9). Ряд интересных соображений в этом направлении высказали О.С. Иоффе (Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. 1968. С. 45—60), В.Д. Сорокин (Советское государство и право. 1969. № 8. С. 12—20), Д.А. Керимов (Советское государство и право. 1971. № 7. С. 14—24).

Углубление познания системы права продолжается и в теоретических исследованиях, посвященных отдельным отраслям советского права (см., в частности: *Ковалев М.И.* Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. I. Свердловск, 1971. С. 57 и сл.; *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972).

ГЛАВА IX

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. **Понятие механизма правового регулирования.** Это *взятая в единстве система правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов и др.), при помощи которых осуществляется правовое воздействие на отношения социалистического общества.*

Понятие «механизм правового регулирования» является одной из важнейших научных категорий марксистско-ленинской юридической науки. Ее особенности таковы:

Во-первых, это *широкая* (по объему) категория: она в единстве охватывает все правовые средства, при помощи которых осуществляется правовое воздействие. В самом деле, до сих пор социалистическое право, его различные стороны рассматривались как система юридических норм. Но ведь в «юридическом бытии» существуют и многие другие правовые явления — правоотношения, правовые акты и др. Куда их отнести? Понятие «механизм правового регулирования» и представляет собой такую научную категорию, которая как бы «собирает» все правовые явления и дает возможность выявить целостную картину всех звеньев юридической части надстройки.

Во-вторых, это *системная* категория: она не только «собирает» правовые явления, но и «расставляет их по своим местам» — позволяет охарактеризовать их в качестве *единой системы*. Перед нами оказываются не разрозненные явления (нормы, толкование, юридическая техника и т.д.), а целостный *механизм*, каждая часть которого, взаимодействуя с другими, выполняет свои специфические функции. Правда, многие правовые явления рассматриваются при этом лишь с одной («механизменной») стороны. Да и вообще понятие «механизм правового регулирования», совпадая в значительной мере с понятием «юридическая надстройка», существенно отличается от него тем, что обрисовывает элементы надстройки с динамической «механизменной» стороны.

Но такая «односторонность» (поскольку имеются в виду другие стороны) и дает возможность глубже охарактеризовать своеобразие права и других правовых явлений как динамической системы.

В-третьих, это категория, выявляющая *своеобразие* правового регулирования.

Выше при характеристике функций права отмечалась его идеологическая, воспитательная роль. Однако идеологическое воздействие права (если оно не проходит через механизм правового регулирования) по своему характеру в принципе не отличается от влияния на общественные отношения других идеологических средств (средств пропаганды, агитации, массовой политической информации и др.; морального воздействия). Оно, следовательно, не является специфическим только для права и не охватывается правовым регулированием как особым видом социального регулирования¹.

Для правового регулирования характерно как раз то, что оно *всегда* осуществляется при помощи *особого механизма* – взаимосвязанной системы специальных правовых средств.

Рассмотрение норм права и других правовых средств (правоотношений, актов и др.) под углом зрения механизма правового регулирования выражает своеобразие подхода марксистско-ленинской юридической науки при исследовании правовых явлений. Такой «угол зрения» (так же как и характеристика вопросов права под углом зрения законности) прямо вытекает из ленинского положения об единстве права и его практической реализации. Наша юридическая наука стремится увидеть в нормах права, правоотношениях и т.д. не обособленные, изолированные друг от друга правовые явления, а единый механизм регулирования, обеспечивающий активное воздействие права на общественные отношения, воплощение правовых предписаний в жизнь. А это позволяет сосредоточить освещение права вокруг того центрального, что объясняет существование права как социального института, – на осуществляемом им воздействии на отношения социалистического общества.

Понятие «механизм правового регулирования» близко к понятию «юридическая надстройка» (или юридическая часть надстройки). И в том, и в другом случае имеются в виду право, правоотношения, правосознание и другие правовые явления. Но когда они анализируются как элементы единого механизма, внимание концентрируется на динамической стороне надстройки, на составе и соотношении всей системы средств, при помощи которой осуще-

---

¹ В литературе высказан и другой взгляд. По мнению ряда авторов, в правовое регулирование входят все виды и формы воздействия права на общественные отношения (см., например: *Пиголкин А.С. Формы реализации норм общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 26*). Однако и при таком подходе в конечном счете оказывается все же необходимым выделение, с одной стороны, такого воздействия, которое выражает принадлежность права к идеологической сфере (и которое поэтому в принципе не отличается от влияния других идеологических средств), и, с другой стороны, специфически правового воздействия.

ствляется процесс правового воздействия¹. Таким образом, понятие «механизм правового регулирования» призвано раскрыть структурные особенности юридической части надстройки, рассматриваемой в динамике, в движении.

Системно-структурная («механизменная») характеристика права не замыкается анализом состава и соотношения элементов юридической части надстройки. Проблема «механизма» применительно к праву имеет еще несколько аспектов, к числу которых относятся:

1) *вопрос об обеспечении при помощи правовых средств юридического воздействия на общественные отношения и, следовательно, обеспечение его эффективности, результативности.* Анализ этой стороны правового регулирования, связанный с характеристикой объективных пределов регулирования, его целей, результатов и т.д., проводится в юридической науке в рамках самостоятельной проблемы — «эффективность права»;

2) *вопрос о социальном механизме действия права.* В этом случае под «механизмом» понимаются социальные процессы функционирования права. Правда, понятие «механизм» приобретает здесь своеобразный оттенок: оно выражает не целостную систему тесно связанных, взаимодействующих элементов правового регулирования, а скорее отдельные аспекты социальной характеристики права. Но коль скоро и в данном случае речь идет о процессе правового воздействия, то и здесь перед нами механизменный подход и, стало быть, вполне допустимо говорить о социальном механизме правового регулирования². Рассмотрение социального механизма соединяет воедино ряд аспектов функционирования социалистического права. К их числу принадлежат: а) уровень и характер правовой информации, б) правовые установки и ориентации субъектов, в) социальные последствия действия права, г) социальная среда, д) социально-правовой контроль и др.;

3) *вопрос о «психологическом механизме».* Посредствующим звеном, связывающим правовое регулирование с тем социальным эффектом, на который оно направлено, является волевое поведение людей — участников регулируемых правом общественных отношений. В этой плоскости открывается еще одно направление изучения механизма правового воздействия — того, что может быть названо «психологическим механизмом». Существенная черта «психологического механизма» воздействия права на общественные отношения состоит в том, что правовое регулирование способствует формированию и действию мотивов поведения, предписываемого или дозволяемого юридическими нормами.

Есть еще один аспект изучения строения правового регулирования. Это его анализ с точки зрения деятельности компетентных государственных и общественных органов. В этом случае предметом анализа становятся правовые формы (организационные стороны) деятельности органов государства и органов

---

¹ Вот почему нельзя признать убедительной позицию И.Е. Фарбера, по существу отрицающего самостоятельное значение понятия «механизм правового регулирования» (Советское государство и право. 1967. № 4. С. 143).

² Такая широкая постановка вопроса о механизме правового регулирования обоснована в статье В.П. Казмирчука «Социальный механизм действия права» (Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37–44).

общественности, осуществляющих правовое регулирование¹. Однако здесь вопрос о «механизме» в общем-то затрагивает те же процессы правового воздействия, которые с несколько иных позиций освещаются при рассмотрении состава и соотношения элементов правовой части надстройки (например, анализ правоприменительной деятельности компетентных органов — это, в сущности, и характеристика индивидуальных актов, в частности актов применения права). Вот почему достаточно полное рассмотрение механизма правового регулирования должно включать в необходимых случаях и исследование организационных сторон (правовых форм) деятельности компетентных органов в процессе правового регулирования — правотворчества и правоприменения.

2. Стадии правового воздействия и основные элементы механизма правового регулирования. Правовое воздействие во всех случаях проходит три основные стадии:

А) *стадию общего действия юридических норм*, на которой происходит регламентирование поведения субъектов, определение содержания этого поведения, условий возникновения прав и обязанностей и т.д.;

Б) *стадию возникновения субъективных прав и обязанностей (правоотношения)*, на которой конкретные субъекты становятся носителями субъективных прав и обязанностей;

В) *стадию реализации прав и обязанностей*, на которой права и обязанности воплощаются в жизнь, претворяются в фактическом поведении субъектов.

В соответствии с этими тремя стадиями четко выделяются три основных звена (элемента) механизма правового регулирования:

юридические нормы (нормативная основа);

субъективные права и обязанности (правоотношение);

акты реализации прав и обязанностей.

Кроме того, к числу основных элементов относятся *акты применения*, выражающие государственно-принудительное, индивидуализированное действие механизма правового регулирования. Общее значение в механизме имеют *правосознание*, а также *социалистическая законность*, являющиеся основой, стержнем всего механизма.

Все другие правовые явления — нормативные акты, толкования, юридическая техника, правовая ответственность и др. — примыкают (могут быть «привязаны») к тем или иным основным звеньям механизма.

При изучении механизма представляется недостаточным лишь «собрать вместе» все правовые явления — правотворчество, юридические нормы, пра-

¹ Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. Госюриздат, 1963. С. 33—38.

воотношения, индивидуальные акты и т.д., и указать на существующую между ними связь и взаимообусловленность¹. Самое существенное — это найти основу, главные агрегаты механизма, которые связывают все его элементы, определяют место каждого из них.

Такой основой, как уже говорилось, являются стадии процесса правового воздействия. Следует лишь подчеркнуть, что эти стадии позволяют выделить главные, узловые элементы, своего рода «пункты сосредоточения», ориентируясь на которые можно объяснить место и функции всех других элементов механизма. Но это вовсе не значит, что выделение на каждой стадии одного определяющего звена означает низведение всех других правовых явлений до уровня второстепенных. Так, несомненно, что социалистическое правосознание играет существенную роль в регулировании отношений социалистического общества. Однако эта роль может быть правильно понята, если характеризовать правосознание через функции формирования юридических норм (правотворчества) и их реализацию. А это означает, что и здесь в качестве исходного должны рассматриваться юридические нормы, их действие и воплощение в жизнь.

Каждый главный, узловой момент механизма вместе с примыкающими к нему звеньями представляет в свою очередь известную подсистему. Так, на стадии юридических норм некоторое единство образуют правосознание, нормативные юридические акты, нормы права, акты, выражающие развитие правотворческого процесса, интерпретационные акты, юридическая техника и др.; на стадии прав и обязанностей — правосубъектность, юридические факты, общие и конкретные правоотношения и др.; на стадии реализации — индивидуальные акты участников правоотношений, правоприменительные акты, правосознание и др.

В литературе была предпринята попытка несколько по-иному подойти к выделению главных звеньев механизма правового регулирования. По мнению В.М. Горшенева, необходимо различать, с одной стороны, способы воздействия — внешние по отношению к воле субъектов факторы (дозволения и запреты, выраженные в нормах права), а с другой — способы реализации права — результат реагирования субъектов на правовое воздействие (совершение дозволяемых действий, воздержание от запрещенных действий)². Таким образом, и В.М. Горшнев выделяет в качестве начального и завершающего звена юридические нормы и реализацию прав и обязанностей субъектов. А если учесть, что и он указывает на существование промежуточных элементов — правосубъектность, юридические факторы и правоотношения³, то становится

---

¹ Этого не учитывает В.А. Шабалин, когда, отказываясь от выделения главных звеньев механизма, различаемых в соответствии с этапами правового регулирования, рассматривает все основные элементы механизма в одном ряду (*Шабалин В.А.* Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 124–125).

² *Горшнев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 10–11.

³ Там же. С. 11.

ясным, что в конечном итоге автор также связывает механизм правового регулирования с процессом правового воздействия и в соответствии с этим обособляет три главных, узловых звена (только дает им несколько иное, отличное уже от принятого в литературе терминологическое обозначение).

3. Нормативная основа механизма правового регулирования. Юридические нормы — юридическая база правового регулирования — то, с чего в правовом воздействии «все начинается».

Но правовое регулирование имеет и свою, так сказать, «предысторию». Это *формирование права*, от которого зависят качество нормативной основы, правового регулирования, его сила и действенность. Вместе с тем процесс правообразования и сам по себе оказывает идеологическое воздействие на жизнь социалистического общества. Не только информация о подготавливаемых законопроектах, но даже сам факт назревшей потребности правового регулирования, изменения в правосознании ориентирует граждан, организации на определенный образ поведения.

Формирование права охватывает весь процесс складывания юридических норм, все этапы восхождения от реальных общественных отношений к юридическим нормам. Схематично этот процесс может быть выражен в виде трех основных этапов: 1) формирование воли народа, требующей опосредствования в нормах права; 2) ее юридическое выражение; 3) приданные ей качества действующих норм права.

По ряду своих исходных моментов, в особенности на стадии формирования воли народа, этот процесс имеет, так сказать, исторически необходимый «стихийный» характер.

В то же время здесь велика роль активно-творческого начала. С этой стороны, т.е. со стороны активно-творческих элементов, формирование права (правообразование) выступает в виде *правотворчества* (т. 2).

Специфическая функция юридических норм в механизме правового регулирования заключается в нормативном регламентировании общественных отношений. Это значит, что при помощи юридических норм *программируются* в соответствии с потребностями развития социалистического общества определенные отношения и вся та совокупность юридических средств, которая используется для осуществления государственной воли.

Юридические нормы прежде всего программируют и направляют поведение людей в соответствии с заложенной в норме идеальной моделью общественного отношения. Кроме того, в юридической норме предусматриваются юридические средства, с помощью которых обеспечивается возможное или должное поведение, в том числе субъек-

тивные права и юридические обязанности, тип их связи между собой, а также государственно-принудительные меры, применяемые к лицам при неисполнении или ненадлежащем исполнении юридических обязанностей (юридические санкции).

Существенное значение имеют особенности юридических норм в зависимости от того, активное или пассивное поведение субъектов они регламентируют. В этой плоскости, с одной стороны, обособляются обязывающие нормы, которые регламентируют активное поведение обязанных лиц, а с другой — управомочивающие и запрещающие нормы, которые возлагают на обязанных лиц пассивные обязанности воздерживаться от совершения определенных действий и в то же время управомочивают (дозволяют) совершение активных действий носителя субъективного права. Здесь, в этих подразделениях юридических норм, в определенной мере проявляются специально-юридические функции социалистического права, связь юридических норм с «психологическим механизмом» правового регулирования. Указанные разновидности юридических норм реально выражают характер регулирующего воздействия нормативной основы механизма правового регулирования, а именно — воздействует ли право путем *обязывающего предписания* или *дозволения*, или *запретов*.

Юридические нормы представляют собой определяющее звено механизма правового регулирования. Особенности норм, их свойства обуславливают значение права в жизни социалистического общества. Вместе с тем, рассматривая социалистическое право как систему общеобязательных, охраняемых государством норм, которые выражают государственную волю всего народа, мы тем самым указываем и на все специальные средства юридического воздействия, предусмотренные нормами. Таким образом, «нормативная» трактовка права в конечном счете оказывается достаточно широкой: она предполагает последовательное привлечение в круг научного анализа всех других элементов механизма правового регулирования.

Важным элементом механизма правового регулирования являются *нормативные юридические акты*, в которых выражаются и закрепляются результаты правотворческой деятельности компетентных органов.

Нормативные юридические акты представляют собой такое звено в механизме правового регулирования, которое *обслуживает* его нормативную основу.

Значение нормативных юридических актов в механизме правового регулирования может быть правильно понято лишь в связи с той ролью, которую играют юридические нормы. Их функции состоят главным об-

разом в том, чтобы обеспечить введение в правовую систему новых юридических норм, их изменение и отмену, а также действия норм права.

Вместе с тем функционирование нормативных актов в свою очередь сопряжено с рядом правовых явлений, также (теперь уже через нормативные акты) входящих в механизм правового регулирования: систематизация и кодификация, юридическая техника, толкование.

4. Правоотношения и их реализация. Формы реализации. Если юридические нормы образуют основу механизма правового регулирования, то его «рабочие», «движущиеся» части составляют два последующих звена: а) правоотношение и б) акты реализации прав и обязанностей.

П р а в о о т н о ш е н и е. Для того чтобы юридические нормы могли произвести реальный эффект в общественной жизни, они прежде всего должны как бы «конкретизироваться», т.е. воплотиться в правах и обязанностях конкретных субъектов. Это и есть правоотношение, которое выступает в качестве «конкретизатора» общих требований юридических норм применительно к данным лицам. Иными словами, правоотношение выражает первый шаг реального осуществления программы, заложенной в юридических нормах.

Особенности прав и обязанностей (а отсюда и особенности правоотношений) во многом зависят от характера регулирующего воздействия юридических норм, т.е. в конечном итоге от специально-юридических функций права. На основе обязывающих предписаний, дозволений и запретов, выраженных в юридических нормах, складываются разнообразные типы и виды правоотношений — регулятивные, охранительные, активные и пассивные и др.

А к т ы р е а л и з а ц и и п р а в и о б я з а н н о с т е й. Это действия субъектов, в которых осуществляются выраженные в правах и обязанностях возможности и требования. Нередко реализация прав и обязанностей состоит в чисто фактической деятельности. В то же время она может воплощаться и в обособленных актах (актах распоряжения вещами в правоотношениях собственности, уплата налога в налоговых правоотношениях и т.д.). Но какой бы облик ни приобретали акты реализации прав и обязанностей, они во всех случаях завершают действие механизма правового регулирования. Именно здесь происходит «перевод» предписаний юридических норм (сначала выраженных в правах и обязанностях) в то фактическое, реальное поведение участников общественных отношений, на которое было направлено правовое регулирование.

Реализация прав и обязанностей осуществляется в различных формах. Особенности этих форм как бы «замыкают» то своеобразие прав и обязанностей, а следовательно, и юридических норм, нити которых

тянутся от специально-юридических функций права (т.е. ближайшим образом от характера регулирующего воздействия нормативной основы механизма — обязывающих предписаний, запретов, дозволений).

Совершенно очевидно, например, что когда некооперированный кустарь строго следует запретам, не допускающим использование наемной рабочей силы, — он реализует (соблюдает) юридические нормы-запреты. Когда же некооперированный кустарь, исполняя возложенные на него законом о подоходном налоге обязанности, уплачивает суммы налога финансовому органу, перед нами уже другая форма реализации права, такая форма, когда субъект совершает положительные действия. С третьей формой мы встретимся в случае, когда тот же некооперированный кустарь, используя свое право на обжалование действий налогового инспектора, в установленный срок подает жалобу финансовому органу.

Ф о р м ы р е а л и з а ц и и п р а в и обязанностей следующие: соблюдение, исполнение, использование.

Соблюдение. Это такая форма реализации, которая выражается в том, что субъекты сообразуют свое поведение с юридическими нормами-запретами. Характерная черта данной формы — пассивное поведение субъектов: они *не* совершают действий, запрещенных юридическими нормами, т.е. выполняют возложенные на них пассивные обязанности. В большинстве случаев соблюдение юридических норм происходит незаметно, само собой, в ходе обычной повседневной деятельности лиц. Здесь не нужно каких-либо особых действий, только и специально направленных на реализацию юридических норм.

Исполнение. Это такая форма реализации, которая выражается в действиях субъектов по осуществлению обязывающего правового предписания. Характерная черта данной формы — активное поведение субъектов: они совершают действия, предписанные юридическими нормами, т.е. выполняют возложенные на них активные обязанности. Как правило, при исполнении обязанностей действия субъектов носят специальный характер; они нередко нуждаются в особом юридическом оформлении.

Использование. Это такая форма реализации, которая выражается в осуществлении возможностей, предоставленных субъектам нормами-дозволениями. Характерная черта данной формы реализации — активное поведение субъектов; однако в отличие от двух предшествующих форм оно касается субъективных прав — использования юридических возможностей, воплощенных в субъективных правах. Здесь действия субъектов, как правило, носят специальный, причем «на-

правленный» характер (например, использование права на защиту, права юридического распоряжения объектами личной собственности, избирательных прав и т.д.).

Приведенное деление форм реализации представляется принципиально важным не только потому, что оно в определенной мере выражает осуществление различных специально-юридических функций права (а отсюда действие различного юридического инструментария), но и потому, что оно связано (в принципе) с разными социально-политическими институтами. Так, соблюдение пассивных обязанностей в основном опосредствует требования общего социалистического правопорядка, те главные устои правовой системы, которые характеризуют общие пределы допустимого и дозволенного, основные начала социалистической морали. Исполнение активных обязанностей сопряжено в основном с активной, динамичной стороной общественной жизни, в частности с осуществлением хозяйственных и социальных функций государства. Наконец, использование — это такая форма реализации, которая опосредствует осуществление институтов социалистической демократии, социальной свободы, прав и свобод участников общественных отношений.

Да и само фактическое (точнее — социально-фактическое) содержание поведения субъектов в каждой из указанных форм реализации права отличается многими особенностями. Помимо иных моментов они выражают неодинаковую степень правовой активности участников общественных отношений.

Участники общественных отношений — это не «просто» адресаты юридических норм. Граждане, общественные организации, органы государства своими действиями, своей волей включаются в «работу» механизма правового регулирования. В особенности это характерно для правового регулирования в социалистическом обществе, где функционирование права опирается на широкие демократические основы. Степень же участия субъектов в «работе» механизма правового регулирования и выражает понятие *правовой активности*.

На стадии реализации права минимальная правовая активность характерна лишь для такой формы, как соблюдение: здесь субъекты воздерживаются от совершения действий определенного рода. Исполнение же требует значительной активности субъектов, в особенности в случаях, когда выполнение положительной обязанности должно выразиться в юридически оформленных действиях. Наиболее широкая правовая активность присуща использованию: «пользование» правом основывается на инициативе субъекта, на его усмотрении; иными сло-

вами, само действие механизма правового регулирования зависит здесь от воли носителя субъективного права.

Первоначально вопрос о формах реализации возник в связи с анализом применения права (см. п. 5 настоящей главы). Выделение такого случая реализации юридических норм, который связан с государственно-властной деятельностью компетентных органов, потребовало отграничения от него других случаев реализации, осуществляемых самими субъектами «без вмешательства» компетентных органов. В последующем, однако, в связи с характеристикой механизма правового регулирования рассматриваемый вопрос приобрел самостоятельное значение. Именно тогда наряду с применением права оказалось необходимым обособить форму реализации, выражающую осуществление субъективных прав (использование), и форму реализации, выражающую выполнение юридических обязанностей (соблюдение, исполнение)¹. Теперь, думается, все более становится ясным, что необходимо вообще отграничить вопрос о формах реализации от проблемы применения права. Если применение права связано с *процессом* претворения юридических норм в жизнь, то вопрос о формах реализации — с *итогом* действия механизма правового регулирования².

Самостоятельное рассмотрение реализации прав и обязанностей открывает широкие перспективы для исследования важных социологических аспектов действия механизма правового регулирования. К их числу относятся: а) анализ фактических последствий действия права, весьма существенно различающихся в связи с особенностями форм реализации, б) ценностная характеристика результатов действия права с точки зрения таких важнейших социальных

---

¹ В юридической литературе на различия между соблюдением (выполнением пассивных обязанностей) и исполнением (выполнением активных обязанностей) указал И.Я. Дюрягин (*Дюрягин И.Я. Формы реализации норм социалистического права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 год. Свердловск, 1968. С. 22–24*). «Соблюдение» и «исполнение» разграничивает также Л.С. Явич (*Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 264*).

² Ю.Г. Ткаченко справедливо обратила внимание на то, что «применение норм права не может являться самостоятельным способом осуществления права, а представляет лишь стадию сложного исполнения» (*Теория государства и права: Учебник / Под ред. К.А. Мокичева. М.: Юрид. лит., 1965. С. 447*). Близкую позицию занимает и Л.С. Явич. Он пишет: «Применение права — это специфический способ реализации его норм, не сводимый ни к соблюдению закона, ни к исполнению юридических обязанностей и использованию субъективных прав. Однако применение права нельзя считать и самостоятельной формой его осуществления. Это лишь стадия, звено, этап претворения правовых установлений в жизнь» (*Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 267*). Аналогичного взгляда придерживается Ф.А. Григорьев. Он пишет: «Применение — способ реализации. Соблюдение и использование — формы реализации, которые могут проходить с применением и без применения норм права» (*Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права как разновидность юридических актов социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 148*).

институтов, как демократия, социальная свобода, деятельность государства и т.д., в) освещение таких специфических правовых явлений, как, например, правовая активность субъектов и др.

5. Государственная власть и механизм правового регулирования. Применение права. «Энергию» механизму правового регулирования сообщает социалистическое государство, деятельность компетентных государственных органов (а по их полномочию и органов общественности).

Разумеется, в «движении» механизма правового регулирования весьма значительна роль участников общественных отношений, в том числе и граждан. Однако их правовая активность (в ряде отраслей права довольно существенная) базируется на тех возможностях, которые определены государством в юридических нормах.

Главный канал воздействия государственной власти на механизм правового регулирования — это правотворчество, издание юридических норм. Юридические нормы, «за спиной» которых стоит мощь государственной власти, выступают как властная, «авторитарная» сила. Именно поэтому «юридическое» вполне обоснованно воспринимается субъектами общественных отношений как общеобязательное, неукоснительное при исполнении.

Во многих случаях той силы, той властности, которые свойственны юридическим нормам (а также авторитета права, его идеологического содержания), вполне достаточно для того, чтобы не только «запустить» механизм правового регулирования, но и завершить его действие, т.е. обеспечить реализацию права в форме соблюдения, исполнения, использования. Здесь участники общественных отношений сами, «без вмешательства извне», претворяют требования юридических норм в своем поведении, осуществляют права и обязанности. Такая реализация права может быть названа *непосредственной реализацией*.

Но нередко для компетентных органов, наделенных государственно-властными полномочиями, оказывается необходимым *еще раз* включиться, «вклиниться» в действие механизма правового регулирования, в процесс реализации прав и обязанностей и на основе своих властных полномочий *применить право*. Здесь перед нами особый, более сложный случай реализации — *правоприменительная реализация*.

Содержание и характер деятельности компетентных органов, наделенных государственно-властными полномочиями, зависят от особенностей данных отношений и соответствующих им норм.

В некоторых случаях, в частности при возложении юридической ответственности, реализация юридических норм (охранительных, про-

цессуальных) с самого начала базируется на государственно-властных полномочиях компетентных органов и, следовательно, с самого начала носит правоприменительный характер.

Кроме того, содержание применения права зависит от своеобразия той или иной формы реализации. В процессе соблюдения юридических норм «вклинивание» исключается: компетентный орган может лишь прореагировать на нарушение запрета, т.е. применить правоохранительные нормы в ответ на совершенное правонарушение (юридическая ответственность). «Вторжение» в процесс реализации, строго говоря, может произойти лишь при исполнении и использовании: компетентный орган принимает меры к тому, чтобы в первом случае обеспечить выполнение активной обязанности (что может сопровождаться также и возложением юридической ответственности), во втором — устранить преграды к использованию возможностей, предоставленных субъективным правом.

Для чего необходимо такое включение, «вклинивание» компетентного органа в процесс правового регулирования? Каковы функции применения права?

Прежде всего применение права выполняет *правообеспечительную* (охранительную) функцию. Компетентный орган конкретизированно, по отношению к данному делу (случаю) властно подкрепляет действие юридических норм, обеспечивает при помощи системы государственно-принудительных мер достижение цели правового регулирования.

Однако самое главное состоит в том, что компетентный орган действительно *применяет* право; и это выражается в том, что он на основе своих государственно-властных полномочий осуществляет *индивидуальное регулирование* общественных отношений.

Такое индивидуальное регулирование носит поднормативный характер. Оно производится на основе юридических норм, в пределах, формах и направлениях, установленных ими. Его задача — главным образом конкретизирующая — урегулировать, решить такие вопросы, которые нецелесообразно, а то и невозможно заранее предусмотреть в юридических нормах (объем возмещения, точный размер алиментов и т.д.). В некоторых случаях правоприменительный орган в процессе индивидуального регулирования выполняет и правовосполнительную задачу (восполнение пробелов в праве путем аналогии закона и права; применение норм в субсидиарном порядке). Причем и там, и здесь регулирование индивидуальное: оно касается только данного дела.

Но оно все же — *правовое* регулирование. Ведь применение осуществляется компетентным органом, наделенным государственно-

властными полномочиями. В этой плоскости правоприменительные органы занимают в какой-то мере однопорядковое положение с правотворческими органами (конечно, с той принципиальной разницей, что лишь последние «творят право» – вырабатывать нормы – общие масштабы поведения, общие модели). Причем и в случае правотворчества, и в случае правоприменения – и только в этих двух случаях! – происходит государственно-властное воздействие на процесс правового регулирования. Правотворчество дает ему жизнь, а применение права как бы его «подхватывает» – поддерживает, подкрепляет, конкретизирует¹.

Таким образом, правоприменительные органы – не пассивные передаточные (просто реализующие, обеспечительные) звенья в процессе претворения юридических норм в жизнь, а органы, активно продолжающие на основе государственно-властных полномочий правовое регулирование данных фактических отношений.

Как показывает история права, индивидуальное регулирование в определенных исторических условиях может достигнуть весьма большой степени интенсивности. Оно может быть нацелено не только на обеспечение выполнения требований юридических норм и их исполнение, но и на уточнение самих норм, на их «исправление», т.е. на *корректирование* содержащейся в нормах государственной воли.

Ведь классовость права выражается не только в системе действующих юридических норм, но и во всем механизме правового регулирования. Господствующий класс заинтересован в конечном счете в том, чтобы добиться практической реализации классовых целей (хотя бы в отдельных случаях юридические нормы не в полной мере отражали его интересы). Стало быть, «вклинивание» компетентных органов в процесс правового регулирования при определенных исторических условиях обеспечивает не только последовательное, точное и полное воплощение в жизнь правовых предписаний, но и корректирование выраженной в нормах воли в соответствии с действительными классовыми интересами господствующего класса. Так, в буржуазных государствах в результате революционной борьбы трудящихся в ряде случаев добиваются принятия государственными органами частично прогрессивных законов. Тогда правоприменительные органы стремятся «выправить положение» при решении конкретных юридических дел –

---

¹ «Правоприменение, – пишет Е.П. Шикин, – словно бы принимает «эстафету» нормативного регулирования, продолжая его в казуальной форме» (Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 6).

отказывают в применении прогрессивных норм, наполняют их новым содержанием, истолковывают их сообразно действительным интересам класса буржуазии.

В социалистическом обществе в условиях последовательного проведения ленинских принципов законности правоприменительная деятельность не имеет (не может и не должна иметь) каких-либо корректирующих задач. Лишь при становлении, формировании социалистической правовой системы, когда в известных пределах допускается использование дореволюционного законодательства, последнее в ходе применения наполняется новым, социалистическим содержанием.

Однако сам факт значительных потенциальных возможностей правоприменительных органов в воздействии на ход правового регулирования обуславливает необходимость повышенного внимания к вопросам политических, организационных и юридических гарантий, которые обеспечивают осуществление индивидуального регулирования в строгих рамках социалистической законности. Это особо важно подчеркнуть потому, что влияние индивидуального регулирования и в социалистическом обществе в силу требований самой жизни остается довольно существенным: оно выражается не только в обеспечительной функции, но и в функции регулятивной, причем в последнем случае индивидуальное регулирование наряду с конкретизацией юридических норм выполняет иногда правовосполнительную задачу¹.

Таким образом, в целом акты применения права выступают в качестве дополнительного звена механизма правового регулирования (во многих случаях обычное, «нормальное» функционирование механизма обходится без них). В то же время значение государственной деятельности в механизме правового регулирования свидетельствует о том, что право как система общеобязательных норм должно рассматриваться в единстве с процессом реализации и в особенности с применением, осуществляемым компетентными органами. В данном отношении применение должно быть признано в качестве конститутивного момента в самом существовании права, а акты применения в качестве существенного элемента механизма правового регулирования.

В юридической литературе существует и более широкая трактовка применения права. С точки зрения некоторых авторов, применение права — это вся-

---

¹ Положения о функциях применения права (обеспечительной и регулятивной) разработаны автором курса совместно с И.Я. Дюрягиным и изложены в статье, опубликованной в журнале «Правоведение» (1972. № 2).

кая активная, сознательная деятельность по реализации юридических норм¹ или, по мнению других авторов, всякая деятельность по организации осуществления норм в правоотношениях². С рассматриваемых позиций правовые нормы на равных основаниях могут применять и государственные органы, и общественные организации, и отдельные граждане.

Конечно, абстрактно можно все «активные» формы реализации, а также государственно-властную деятельность назвать «применением права», более того, можно назвать «применением права» вообще все формы и разновидности реализации, как это уже предлагалось в литературе³. Но от этого суть вопроса не изменится. Своеобразие действий субъектов при различных формах реализации права настолько велико, что все равно придется затем выделить такую реализацию, которая сопряжена с властной деятельностью государственных (и в некоторых случаях общественных) органов. Только нужно будет назвать ее как-то по-другому. Иными словами, произойдет лишь перестановка терминов, а по существу мы по-прежнему будем различать формы реализации права и то, что в настоящем курсе именуется применением права.

Оказался недостаточно точным и взгляд (его в свое время придерживался и автор настоящего курса), согласно которому применение права рассматривалось как одна из форм реализации, находящаяся в «одном ряду» с другими формами – соблюдением, исполнением, использованием. Все же социальное и юридическое своеобразие государственно-властной деятельности в движении механизма правового регулирования настолько значительно, что необходимо *сначала* разграничить непосредственную и правоприменительную реализацию права и лишь *затем* выделять три ее формы: соблюдение, исполнение, использование.

Следует еще раз обратить внимание на то, что реализация юридических норм, основанная на властных полномочиях компетентных органов, *занимает особое место в механизме правового регулирования*. Если при соблюдении, исполнении и использовании завершается действие механизма правового регулирования (лица совершают фактические действия), то здесь в механизм правового регулирования включаются новые *дополнительные* элементы, которые применительно к данному случаю конкретизированно подкрепляют власть юридических норм, индивидуально регулируют общественные отношения и тем самым обеспечивают достижение целей правового регулирования.

Конечно, глубокий смысл кроется в утверждениях о принципиальном значении признания факта участия граждан и органов общественности в правовом регулировании, в борьбе за законность⁴. Да и вообще требует обособления деятельность любых лиц, которая «сопряжена с *организацией* осуществ-

¹ Теория государства и права: Учебник. Госюриздат, 1955. С. 384; Общая теория государства и права. Изд-во ЛГУ, 1961. С. 407.

² *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 129.

³ Теория государства и права: Учебник. Госюриздат, 1949. С. 413.

⁴ *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. Наука, 1966. С. 52–53.

вления правовых норм в правоотношениях и *воздействием* на обязанных лиц в этих отношениях»¹. (Видимо, она нуждается и в специальном терминологическом обозначении: всю «активную» реализацию права можно было бы называть осуществлением.) Однако участие граждан и органов общественности в «работе» механизма правового регулирования может быть с достаточной полнотой и точностью отражено в понятии «правовая активность» (она выражается и в организации осуществления юридических норм, и в совершении действий, имеющих юридическое значение). В то же время с социальной и юридической стороны крайне важно выделить такую деятельность, которая не просто сопряжена с организацией осуществления юридических норм, а выражает именно *государственно-властные функции компетентных органов, когда в механизм правового регулирования включаются качественно новые элементы, связанные с самой природой правового регулирования, его властными чертами.*

Такому пониманию применения права соответствует и смысловое значение используемой в данном случае терминологии. «Применить» — это не просто осуществить, реализовать на деле. Термин «применение» выражает нечто большее, а именно — распространение чего-либо на другое лицо². Слово «применение» означает такую деятельность, когда компетентный орган, как бы продолжая дело, начатое законодателем, решает вопросы, связанные с действием юридических норм по отношению к данному случаю. Компетентный орган «применяет», т.е. активно, конкретизированно распространяет общее правило на своеобразные фактические обстоятельства.

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 137.

² В редакционной статье журнала «Советское государство и право», посвященной подведению итогов дискуссии о применении права, правильно обращается внимание на то, что «норму права нельзя применять по отношению к собственному поведению, она всегда применяется по отношению к другому лицу органом, имеющим на то властные полномочия» (К итогам дискуссии о применении норм советского права // Советское государство и право. 1955. № 3. С. 51).

ГЛАВА X

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ

1. Понятие социалистического правосознания. Это совокупность представлений и чувств, выражающих субъективное отношение людей (индивидов, коллективов, классов, наций, народа) к действующему и желаемому праву.

Если право (о котором шла речь в предшествующих главах) представляет собой своего рода «юридическое бытие», то правосознание может быть определено как субъективная сфера, характеризующая реакцию людей «на право». Эта реакция может быть одобрительной или отрицательной. Люди оценивают право с точки зрения будущего или прошлого. Но во всех случаях люди как-то субъективно реагируют на действующее право, как-то представляют себе желаемое право. Причем наиболее специфическое, что свойственно правосознанию как субъективному отношению, состоит «в сознании необходимости особой, юридической структуры взаимоотношений людей, т.е. таких связей взаимного их поведения, которые опосредствуются государственной волей, правовыми нормами»¹.

Положение правосознания среди частей надстройки довольно своеобразно. Оно вместе с «самим» правом (и другими элементами механизма правового регулирования) входит в состав юридической части надстройки. В то же время оно является специфическим видом общественного сознания². (И в этом отношении находится в одном ряду с другими видами общественного сознания — нравственным, политическим, религиозным, эстетическим, философским.³) Иначе говоря, правосознание находится на стыке юридической части надстройки и общественного сознания, — там, где они перекрещиваются, частично совпадают. Вместе с тем правосознание тесно контактирует (и даже частично совпадает) с другими видами общественного сознания, и прежде всего с нравственным и политическим.

Правосознание — неизбежный спутник права: оно образует вместе с правом (и другими элементами механизма правового регулирования)

---

¹ *Остроумов Г.С.* Правовое осознание действительности. М.: Наука, 1969. С. 84.

² *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963.

³ *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М.: Мысль, 1968. С. 70–148.

*единую систему*¹. Это обусловлено тем, что существование права нераздельно связано с волей и сознанием людей. Требования общественной жизни не могут быть выражены в качестве юридических норм до тех пор, пока они не пройдут через волю и сознание людей, участвующих в осуществлении правотворческой деятельности органов государства. В то же время и воздействие права на общественные отношения также осуществляется через волю и сознание людей. Все это и вызывает к жизни известный комплекс правовых представлений и чувств.

В обществе с антагонистическими классами правосознание неоднородно. В нем наряду с правосознанием господствующего класса (которое в определенной мере включается в механизм правового регулирования) существует правосознание угнетенных классов (которое, напротив, выступает в качестве противоборствующей силы по отношению к действующему праву).

Социалистическое правосознание, начавшееся складываться еще до пролетарской революции, после победы социализма стало общенародным, единым. Отражая качественные особенности и преимущества социалистического права, правосознание нашего общества выражает принципы коммунистической нравственности, политические взгляды, марксистско-ленинское мировоззрение рабочего класса и всех трудящихся, руководимых Коммунистической партией. Отсюда активный, наступательный характер социалистического правосознания, его действенность и возросшая роль в жизни общества. Одним из аспектов (сторон) правосознания является *общественное мнение о праве*. Оно выражает господствующие в данной среде представления о законности, справедливости, эффективности действующих юридических норм. И хотя правосознание не сводится к общественному мнению, последнее выступает в качестве одного из важнейших показателей содержания и характера господствующих правовых представлений².

2. Структура правосознания. Здесь есть три плоскости: а) структура с точки зрения строения правосознания; б) структура с точки зрения социального уровня (содержания) правосознания; в) структура с точки зрения общности правосознания.

---

¹ О праве и правосознании как единой системе и присущих этой системе противоречиях см.: *Баймаханов М.Т.* Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата: Наука, 1972.

² См. по данному вопросу: *Сафаров Р.А.* Общественное мнение и общенародное право // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 80–90; *Остроумов Г.С.* Правовое сознание действительности. Наука, 1969. С. 148–157.

С точки зрения своего строения правосознание складывается из двух основных элементов: правовых представлений и правовых чувств (эмоций).

Правовые представления — это идеи, убеждения, понятия, выражающие отношения людей к действующему и желаемому праву. По своему содержанию они носят в основном оценочный характер (оценивают право, законность, юридическую практику как научную или ошибочную, эффективную или неэффективную и т.д.). Вместе с тем правовые представления включают волевой момент — момент требования, так как они выражают представление о правовых идеалах, о желаемом в праве.

Правовые чувства (эмоции) — это переживания, которые испытывают люди в связи с изданием (или неизданием) юридических норм, их реализацией (или отсутствием реализации, правонарушениями). Радость или огорчение после принятия нового закона, чувство удовлетворения или недовольства практикой применения юридических норм, нетерпимое или равнодушное отношение к праву — все это относится к правовым эмоциям. Во многих случаях переживания здесь имеют в той или иной степени моральный характер¹. Но им свойственно и «чисто» правовое содержание, которое может быть обозначено как *чувство права и законности*, т.е. такой социально-психический настрой, при котором люди непосредственно одобрительно реагируют на факты укрепления права и законности и отрицательно — на любой, даже малейший факт произвола и беззакония.

Правовые представления, понятия, идеи, идеалы в своем теоретическом выражении относятся к *правовой идеологии*. Правовые же чувства (а также настроения, психический настрой, традиции и т.д.) образуют *социально-правовую психологию*.

Социально-правовая психология, которая складывается стихийно и носит несистематизированный, неформальный характер, в известном отношении имеет в структуре правосознания «первичный» характер: нередко те или иные настроения и чувства возникают раньше соответствующих идеологических форм².

Вместе с тем роль главного и активного элемента в структуре правосознания принадлежит правовым представлениям (правовой идеологии). Это важно подчеркнуть еще и потому, что такие компоненты социально-правовой психологии, как правовые традиции и привычки, нередко консерватив-

¹ Именно со ссылкой на моральный характер переживаний «по поводу права» отдельные авторы отрицают существование правовых эмоций.

² Лукашева Е.А. Социально-правовая психология // Советское государство и право. 1971. № 8. С. 26–29.

ны. Правовая же идеология связана с господствующей идеологией в целом, с нравственным и политическим сознанием. Она по большей части выражает систематизированное и целенаправленное («концептуальное») отношение людей к действующему и желаемому праву.

Характерная особенность правосознания в социалистическом обществе состоит в том, что в ее структуре существенно возросло значение идеологического элемента. Это соответствует общей закономерности развития видов общественного сознания, росту сознательного момента в жизни социалистического общества, подъему политической активности трудящихся.

В то же время в ходе строительства коммунизма проявляется и другая тенденция. Она заключается в том, что постепенно упрочивается и эмоциональная сторона правосознания, крепнет чувство права и законности. Новые правовые чувства, вырабатываемые в ходе коммунистического строительства, характеризуют процесс внедрения норм социалистического права в привычку.

С точки зрения социального уровня (содержания) правосознание может быть подразделено на несколько слоев¹. В этой плоскости основными элементами являются²:

а) *обыденное правосознание*. Это массовые представления, чувства, традиции, настроения «по поводу» права и законности, возникающие стихийно под влиянием непосредственных условий жизни людей, жизненного опыта. Господствующее положение здесь занимает социально-правовая психология;

б) *профессиональное правосознание*. Это представления, понятия, идеи, убеждения, обычаи, традиции, чувства, складывающиеся у профессионалов-юристов. Оно имеет наиболее существенное значение при реализации юридических норм. В содержании профессионального правосознания главное — идеологический элемент. Понятия, идеи, убеждения юристов-профессионалов формируются на основе юридической практики под влиянием правовой науки;

в) *научное правосознание (правоведение)*. Это идеи, понятия, конструкции, выражающие теоретическое освоение права, всего меха-

---

¹ В.М. Чхиквадзе пишет: «В структуре правосознания неразрывно связаны элементы идеологии и обыденного сознания; индивидуальной, групповой и социальной психологии; политической направленности и общественного настроения» (*Чхиквадзе В.М.* Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 345).

² Социальная структура социалистического правосознания подробно проанализирована Е.В. Назаренко (*Назаренко Е.В.* Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Изд-во КГУ, 1968).

низма правового регулирования. И хотя правоведение не может быть сведено к правосознанию (юридическая наука включает методологию, естественнонаучные данные и пр.), теоретическое правосознание обладает наибольшей потенциальной (активной) силой.

С точки зрения о б щ н о с т и правосознание может быть подразделено на:

- *массовое* – *классов, наций, народа* (наиболее общее, «общесоциальное» правосознание);
- *групповое* (коллективные представления и настроения формальных и неформальных коллективов, временных социальных образований);
- *индивидуальное* (представления и чувства о праве и законности данного конкретного индивида)¹.

Особым, весьма своеобразным структурным элементом правосознания являются представления о праве, складывающиеся в результате толкования юридических норм в судебной (юридической) практике. Формируясь на основе научных и профессиональных взглядов, правоположения, вырабатываемые в судебной (юридической) практике, представляют собой своего рода «сгустки» правосознания – специфические правовые образования, находящиеся на грани перерастания в юридические нормы, в «юридическое бытие». Эти правоположения (поскольку они не входят в нормативные акты центральных юрисдикционных органов и, следовательно, не выступают в виде конкретизирующих юридических предписаний) являются «прообразами» юридических норм², включающимися в нормативную основу механизма правового регулирования.

3. Основные категории правосознания. Если содержание социально-правовой психологии сводится в конечном счете к правовым чувствам, то содержание другой (идеологической) стороны правосознания выражается в совокупности понятий. Наиболее общие из этих понятий могут быть названы *категориями правосознания*.

Категории правосознания могут быть подразделены на а) *простейшие*, б) *главные*, *узловые*.

---

¹ А.Р. Ратинов подразделяет правосознание по глубине (обыденное и теоретическое), по широте (массовое, специализированное, локальное), по субъектам (общества, группы, индивидуальное) (*Ратинов А.Р.* Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права. Вып. 1. Вильнюс, 1970. С. 184–186).

² *Венгеров А.Б.* Роль судебной практики в развитии советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 10; *Безина А., Лазарев В.* Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6–7; *Реутов В.П.* Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 12–13.

Простейшей категорией правосознания является понятие *правоотношения*, т.е. взятого в единстве субъективного права и юридической обязанности¹. По сути дела, другие категории правосознания могут быть «привязаны» к ней. Из категории простейшего правоотношения «как из зародыша могут быть развиты все более сложные категории: правосубъектность, право в объективном и субъективном смысле, правопорядок, законность и такие понятия, как правомерное и неправомерное, законное и противозаконное, юридическое и неюридическое»².

Главные, узловые категории правосознания — понятия, выражающие центральные, сущностные моменты развитой социалистической правовой системы. Причем они как бы вбирают в себя все «нижестоящие» понятия и содержат их в «скрытом виде».

Наиболее общим (глобальным) среди них является категория *права* в том его многогранном значении, в котором оно предстает в качестве социальной ценности, противостоящей режиму произвола и беззакония.

Следующий «ряд» главных категорий правосознания образуют *правовые принципы*: законности, справедливости, социальной свободы, социального долга, истины, ответственности за вину (в том виде, в каком они присущи праву).

Наконец, к числу главных, узловых категорий правосознания следует отнести и некоторые общие понятия, которые принадлежат к отдельным элементам механизма правового регулирования, — закон, правосудие, правовое принуждение, процесс, правовой акт, юридическая ответственность и др.

На основе этих категорий (а также некоторых общесоциологических, например, понятия эффективности) складываются представления, идеи, взгляды, которые оценивают действующее право, выражают идеалы и стремления в области права и законности.

4. Правосознание в механизме правового регулирования. В механизм правового регулирования наряду с теми частями, которые образуют «юридическое бытие» (юридические нормы, акты, правоотношения), входит и субъективная сторона — правосознание.

Характеризуя роль и место правосознания в механизме правового регулирования социалистического общества, необходимо отметить следующие основные моменты.

---

¹ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. С. 24–25; Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. С. 120.

² Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. С. 120.

Прежде всего правосознание само обладает известной *регулирующей силой*. Это относится главным образом к идеологическому элементу и в особенности к правовым представлениям о правовых идеалах, о желаемом праве. И хотя регулирующая роль правосознания не выходит за рамки идеологического воздействия, правовые представления в силу своей конкретности, определенности и связи с правом способны оказать существенное влияние на поведение людей. Немаловажна роль и социально-правовой психологии (традиций, обычаев и др.), которая также в той или иной степени определяет человеческие поступки. Таким образом, соотношение права и правосознания представляет собой взаимодействие двух основных элементов единой регулирующей системы (третьим элементом в этом сложном взаимодействии является объект регулирования — общественные отношения)¹.

Правосознание имеет в механизме правового регулирования *общее значение*. Оно не является какой-то обособленной частью механизма (такой же, как, например, правоотношения), а «пронизывает весь этот механизм, отражает его, воздействует на него в целом»². Правосознание и предшествует изданию юридических норм, и сопровождает нормы на всем протяжении их действия. Оно как бы окружает право со всех сторон, создает своего рода среду, общую атмосферу, в которой формируются и функционируют нормы права. Следовательно, от характера правосознания, уровня его зрелости во многом зависят «сила» самого права, его эффективность и роль в жизни общества. А отсюда и вывод практического порядка — дальнейшее укрепление социалистической законности и усиление действенной роли социалистической правовой надстройки состоят не только в совершенствовании права как такового, но и в развитии социалистического правосознания.

Структурные элементы правосознания *по-разному включаются* в механизм правового регулирования. Представляется недостаточным оценивать место и роль правосознания в правовом регулировании только в целом, недифференцированно. Наибольшее значение в механизме правового воздействия имеет «активная часть» правосознания, которая охватывает главным образом идеологический элемент — правовые представления. Причем и здесь нужен дифференцированный подход: непосредственно в «работу» механизма правового регулирования включают-

¹ По мнению В.М. Чхиквадзе, правосознание выступает «в качестве связующего звена между нормативным выражением воли законодателя и реальными общественными отношениями» (Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. С. 343).

² Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. С. 130.

ся в основном профессиональное, научное правосознание, в особенности правосознание, выраженное в юридической практике. Обыденное же правосознание, его главная (социально-психологическая) сторона касается лишь завершающего этапа правового воздействия – реализации субъективных юридических прав и обязанностей.

Наконец, правосознание *выполняет различные функции* по отношению к тем или иным частям механизма правового регулирования.

Велико значение социалистического правосознания при формировании и развитии нормативной основы правового регулирования, т.е. в *процессе правотворчества*. Экономические факты лишь тогда получают санкцию закона, когда они в каждом отдельном случае принимают форму юридического мотива¹. А такое принятие формы юридического мотива и происходит в результате обработки экономических фактов при помощи категорий правосознания. Правосознание дает тот «строительный материал», который используется для выражения государственной воли в виде юридических норм. Есть еще один момент, раскрывающий значение правосознания в процессе правотворчества. Государственные органы, издавая нормативный юридический акт, опираются на правосознание населения, инициативу трудящихся, их общественных организаций, учитывают ту возможную субъективную реакцию, которую вызывают издание и применение акта на практике, в жизни.

Следующее важное звено механизма правового регулирования, где правосознанию принадлежит существенная роль, – это индивидуальное регулирование и обеспечение прав и обязанностей, т.е. *применение права*. Трудно представить себе такой случай применения нормы права, когда бы не вступило в действие правосознание. Оно необходимо для того, чтобы понять, уяснить содержание нормы права, т.е. для толкования нормативных юридических актов. На основании правосознания производится оценка доказательств (например, ст. 19 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик устанавливает: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» (курсив мой. – С.А.).

Еще более возрастает роль правосознания, когда при решении юридического дела происходит частичное индивидуальное регулирование. Так, «при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасно-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

сти совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие обстоятельства» (ст. 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) (*курсив мой. — С.А.*). При «восполнении пробелов», когда возникает необходимость применения аналогии (ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик), правосознание служит ориентиром для отыскания сходного закона и выяснения общих начал и смысла законодательства.

Наконец, правосознание включается и на завершающем этапе функционирования механизма правового регулирования — *при реализации субъективных юридических прав и обязанностей*. Здесь социалистическое правосознание служит одним из факторов, приводящих к добровольному соблюдению и исполнению юридических норм. Сознание целесообразности и разумности действующих норм права, ясное представление о результатах надлежащего осуществления нормативных актов ведут к тому, что нормы социалистического права исполняются большинством граждан добровольно, без применения принудительной силы государства и даже без «оглядки» на возможность такого принуждения.

5. Правовая культура. Это состояние правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности. Иными словами, правовая культура представляет собой своего рода «юридическое богатство», достигнутый уровень воплощения в жизни социалистического общества социально полезных свойств права, тех черт и особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре.

Правовая культура принадлежит к той части духовной культуры нашего общества, которая имеет прикладную, практическую направленность (она в общем находится в том же самом ряду, что и «культура управления», «культура работы государственного аппарата» и т.д.). Вместе с тем наиболее важная черта правовой культуры состоит в том, что она реально выражает социальную ценность социалистического права.

Правовая культура складывается из ряда взаимосвязанных элементов. К основным из них относятся:

1) *уровень правосознания, который выражает знание и понимание права, сознание необходимости строгого выполнения требований законности, развитое чувство права и законности*. Таким образом, правовая культура — это не только более широкое, чем правосознание, правовое явление, но и явление более «качественно насыщенное». Правовая культура всегда связывается с оценкой уровня знания и понимания права, степени «веры в право», развитостью чувства права и законности.

Важным показателем правовой культуры являются уровень массового обыденного правосознания, объем и интенсивность общего правового воспитания. Не менее существенны и такие показатели, как масштабы и глубина юридического образования, профессиональной подготовки и переподготовки юристов, степень развития юридической науки, правового мышления.

Правовая культура социалистического общества, вобравшая прогрессивные элементы культуры прошлого, характеризуется марксистско-ленинским, подлинно научным пониманием права, осознанной необходимостью последовательного выполнения всех требований социалистической законности;

2) *уровень законности, который характеризуется степенью развертывания всех его требований, реальностью их осуществления (прочностью правопорядка)*. Состояние законности – это вообще одно из важнейших проявлений культуры общества. Правовая же культура невозможна, немыслима без строжайшей законности. Причем уровень юридической культуры в рассматриваемой плоскости в значительной степени зависит и от того, с каким уважением законодатель относится к издаваемым им нормам;

3) *уровень совершенства законодательства*. Культура законодательства выражает его совершенство с точки зрения содержания и формы. Она предполагает подлинно научное построение законодательства, нахождение наиболее оптимальных методов регулирования данных отношений, строгое соблюдение правотворческой процедуры, максимальное использование передовых средств и приемов юридической техники и т.п.;

4) *уровень совершенства юридической практики*. Культура работы суда, прокуратуры, милиции и других органов, применяющих право, также выражает степень использования передовых приемов, правил НОТ и др.

Значение правовой культуры в социалистическом обществе выходит за сферу права, юридической практики.

Правовая культура представляет собой неотъемлемую часть социалистической культуры в целом. Распространить высокую юридическую культуру на все население – это значит намного поднять общий культурный уровень граждан, утвердить такую ценностную ориентацию людей, которая затрагивает важнейшие стороны общественной жизни – высокую организованность, определенность прав и обязанностей, строгий порядок и ответственность, последовательную справедливость, гарантированность прав личности. А все эти, как и мно-

гие другие моменты правовой культуры, включаются в общую культуру поведения людей и, несомненно, сыграют существенную роль в формировании культуры коммунистического общества.

Вопросы правовой культуры в последние годы привлекают все большее внимание советских ученых (Л.С. Галесник, Е.А. Лукашева, О.А. Красавчиков, И.Ф. Рябко и др.). Причем, если первоначально определения правовой культуры были сориентированы главным образом на «чисто» субъективные элементы (уровень знания и понимания права и т.д.; подобного мнения в свое время придерживался и автор этих строк), то ныне центр тяжести переносится на характеристику правовой культуры как определенного «состояния». Высказано даже мнение, что она представляет собой «идейно-правовое состояние общества»¹. Конечно, определение правовой культуры должно быть достаточно широким, чтобы охватывать и ее «материализованные» проявления (такие как культура законодательства и юридической практики). Но все же, думается, приведенная выше формулировка слишком широка: она в сущности обнимает все правовые явления. Главное же состоит в том, что без ссылки на ценностный критерий характеристика правовой культуры лишается необходимой определенности по содержанию².

И еще. Сопоставляя (по объему) такие категории, как «право», «правосознание», «правовая культура», необходимо видеть, что ни одна из них не является по отношению к другим обобщающей (генерализующей). Назрела, видимо, необходимость введения в науку и других, более широких понятий — «правовая жизнь общества», «правовая организация общества». Вполне обоснована также в связи с характеристикой правовой культуры постановка вопроса (предложенная М.П. Рабиновичем) об использовании понятия «правовой прогресс».

6. Правовое воспитание. Это система организационно-идеологического воздействия, направленного на обеспечение высокой юридической культуры, развитие правосознания, подготовку кадров юристов, правовую пропаганду³.

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 110, 113.

² Существенное значение для понимания правовой культуры представляет то, что может быть названо «правовым развитием общества». Как справедливо пишет И.Ф. Рябко, «правовая культура — в значительной степени результирующая категория, показатель уровня и особенностей правового развития общества, зеркало его правового сознания» (Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе. Изд-во Рост. ун-та, 1969. С. 130).

³ О развернутом определении правового воспитания см.: Рябко И.Ф. Указ соч. С. 135.

Ряд интересных теоретических проблем, связанных с правовым воспитанием, поднял Т.И. Демченко (Демченко Т.И. Основные вопросы правового воспитания в социалистическом обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ВЮЗИ, 1971).

Правовое воспитание является неотъемлемой частью коммунистического воспитания трудящихся. Значение правового воспитания подчеркнуто XXIV съездом КПСС, обратившим внимание на важность мер по «воспитанию граждан в духе соблюдения законов и правил социалистического общежития»¹. В процессе правового воспитания происходит формирование таких качеств гражданина — строителя коммунизма, как стремление к высокой организованности, чувство дисциплины и ответственности и др. В процессе осуществления коммунистического воспитания важную роль играет также утверждение «правовых начал» — справедливости, законности, юридического равенства, нетерпимости к малейшему произволу и беззаконию, — всего того, что для коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, является делом принципа.

Главная задача правового воспитания — это превращение уважения к праву, к закону в личное убеждение каждого человека. «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека», — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду². А это, по сути дела, означает воспитание чувства права и законности. Иными словами, правовое воспитание в современных условиях должно быть настолько глубоким, чтобы оно не только способствовало формированию стойкой правовой ценностной ориентации у каждого человека, но и затронуло его эмоциональную сферу, его чувства.

Мошным фактором воспитания юридической культуры всего населения является сама жизнь социалистического общества, активное участие в ней граждан. Благотворное влияние на формирование социалистической правовой культуры оказывают политическая активность граждан, их участие в народных дружинах по охране общественного порядка, в товарищеских судах, в комиссиях местных Советов, в органах народного контроля, в народных судах в качестве народных заседателей и др.

Необходимость подъема юридической культуры требует проведения и особых мер правового воспитания.

Специальным правовым воспитанием (образованием) охватываются работники государственного аппарата, и прежде всего юридические работники — судьи, прокуроры, работники юридической службы и др., призванные участвовать в процессе применения норм права.

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. С. 80.

² Там же. С. 81.

Общее правовое воспитание граждан осуществляется путем лекционной пропаганды, публикации статей и материалов на юридические темы, издания популярной юридической литературы, консультаций по юридическим вопросам, преподавания юридических дисциплин в общеобразовательных школах, техникумах, экономических и технических вузах.

Основу специального и общего правового воспитания образует марксистско-ленинская юридическая наука. Выработываемые ею данные являются необходимым материалом в области юридического образования и правовой пропаганды, а кадры ученых-юристов (вместе с юристами-практиками) — одним из основных отрядов в осуществлении практической работы по правовому воспитанию.

Юрист в социалистическом обществе должен помнить, что успех его работы зависит не только от того, насколько успешно и качественно он выполняет свои должностные обязанности, но и от того, насколько его деятельность (в том числе и общественная) способствует правовому воспитанию, подъему юридической культуры в стране.

ГЛАВА XI

ПРАВО И КОММУНИЗМ

1. Социалистическое право — инструмент решения задач коммунистического строительства. Социалистическое право, будучи активным элементом в общественном организме, высокоэффективным и целесообразным регулятором общественных отношений (гл. V), выступает в качестве важного орудия в решении задач коммунистического строительства.

Здесь прежде всего необходимо оттенить то важное обстоятельство, что свойства и функции права позволяют ему «участвовать» в осуществлении *всех* задач, решаемых при переходе к коммунизму, — в создании материально-технической базы коммунизма, в постепенном преобразовании социалистических общественных отношений, в коммунистическом воспитании граждан в духе высокой коммунистической идейности, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству.

Эта роль социалистического права объясняется его связью с государством. Коль скоро социалистическое государство является основным орудием преобразования общества на коммунистических началах, то вполне естественно, что аналогичную (или близкую) характеристику может получить также и инструмент государства — право.

Вместе с тем социалистическое право и «само» *органически связано с идеалами социализма и коммунизма*. Представляется необходимым еще раз обратить внимание на положение Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду, в соответствии с которым укрепление законности, охрана прав и свобод граждан для коммунистов — сторонников самых гуманных идеалов — является делом принципа, делом, которое соответствует коренным устоям марксистско-ленинского мировоззрения, принципам коммунистического учения, идеалам коммунизма.

Указывая на значение оценки права с точки зрения государственно-правовых идеалов социализма и коммунизма, П.Е. Недабало правильно отмечает: «...оценка социалистического государства и права с точки зрения идеалов социализма и коммунизма есть определение потребности в государстве и праве для социали-

стического общества и его членов как в орудиях строительства нового общества»¹.

Характеристика социалистического права в связи с идеалами социализма и коммунизма включает два следующих существенных момента.

Во-первых, социалистическое право по своему содержанию *соответствует важнейшим ценностям социализма*. Такое значение имеет социалистическое право как существенный организующий и дисциплинирующий фактор, а также фактор морали и культуры. Выраженные в праве начала справедливости, правды, законности – ценности социалистической организации общественных отношений. С этой точки зрения специально следует указать на то, что правовое регулирование нераздельно связано с утверждением и охраной прав личности, человека – главной ценности социалистического общества. Ведь «высшей ценностью является человек, его свобода и счастье, достигаемые в борьбе против всех видов угнетения и порабощения. Человек как творец материальных и духовных благ является мерилем всех ценностей, и самая высшая оценка государства и права состоит в оценке их с точки зрения идеалов коммунистической личности»².

Во-вторых, социалистическое право направлено на *формирование существенных элементов коммунистической общественной системы*. Иными словами, «правовое» в перспективе соответствует важнейшим компонентам коммунизма, а именно:

- высокой организованности общественных отношений,
- началам подлинного гуманизма, действительной справедливости,
- расцвету прав и свобод личности и др.

Таким образом, коммунистическая общественная система вберет в себя существенные черты «правового» – в ряде своих черт явится полным и последовательным воплощением ленинских идей о социалистическом праве как социально полезном, эффективном и целесообразном регуляторе общественных отношений.

2. Закономерности развития социалистического права при переходе к коммунизму. Органическая связь социалистического права с идеалами социализма и коммунизма предопределяет и закономерности развития социалистического права. Если воплощение в жизнь идеалов социализма и коммунизма означает наряду с другими сторонами общественного развития последовательное осуществление ленинских идей о праве, то отсюда следует, что *главной* закономерностью разви-

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев: Вища школа, 1971. С. 106.

² Там же. С. 108.

тия социалистического права является *повышение его роли и укрепление законности во всех сферах общественной жизни*.

Действие этой главной закономерности обусловлено и другими факторами, всей системой объективных законов строительства социализма и коммунизма. Наиболее благоприятные возможности для ее действия складываются в условиях развитого социалистического общества, когда социалистическое право перестает быть орудием классового господства и в полной мере раскрывает свои возможности в качестве воли народа, возведенной в закон. Именно поэтому в современных условиях Коммунистическая партия и Советское государство рассматривают развитие права и дальнейшее укрепление законности в качестве *общегосударственной, общепартийной* задачи, принимают действенные меры по совершенствованию советского законодательства, по более широкому использованию юридических норм для решения задач коммунистического строительства, по повышению авторитета советских законов, воспитанию всех граждан в духе уважения к закону и праву.

Главная закономерность развития социалистического права имеет три основные стороны.

Во-первых, она выражается в тенденции *расширения сферы действия права в социалистическом обществе*. Конечно, на отдельных участках происходит и сокращение правового регулирования (отпадение необходимости регулирования некоторых отношений, сужения сферы применения «жестких» мер и др.). Но все же в целом в период строительства социализма и коммунизма основная тенденция правового развития такова, что нормативно-правовым регулированием охватывается все больше областей общественных отношений. Причем весьма характерно, что более широкое функционирование получают такие стороны правового регулирования, которые характеризуют возрастание нравственных начал в жизни общества, усиление организованности общественных отношений, порядка и ответственности во взаимоотношениях между людьми.

Во-вторых, в период строительства коммунизма происходит *дальнейшее развитие подлинно социалистического, демократического и гуманистического содержания права*. Закрепленная в Программе КПСС линия на расширение сферы морального фактора и на соответственное уменьшение административного регулирования ведет лишь к отпадению отдельных юридических установлений. В целом же эта линия проявляется в «самом» праве; она характеризуется изменением качества правового регулирования, постепенным преобразованием и обо-

гашением его содержания. Данный процесс выражается в повышении значения закона, в четком и строгом регламентировании применения государственно-принудительных мер, повышении уровня юридических гарантий прав и свобод граждан, в сокращении того, что называется «административными методами» — процесс, сопровождаемый развитием административно-правового регулирования, в частности его процессуальных форм, и т.д.

В-третьих, в условиях коммунистического строительства происходят изменения в правосознании, в правовой культуре — *повышается уважение к праву, крепнет чувство права и законности*. Весьма характерно, что по мере успехов строительства социализма и коммунизма неуклонно возрастает авторитет права в глазах людей.

Рассматриваемый процесс проявляется и в развитии юридической науки. За последние годы именно она в Советском Союзе сделала заметный шаг вперед, существенно продвинула теоретическую разработку важных проблем коммунистического строительства, укрепила связь с практикой. Возрос международный авторитет социалистической правовой науки в глазах прогрессивных общественных сил всего мира.

Право представляет собой субъективный фактор общественного развития. Поэтому повышение роли социалистического права и укрепление законности действует как тенденция, зависящая не только от объективных условий, но и от условий субъективного порядка (уровень развития юридической науки, субъективный «настрой» к праву и др.). Но все же рассматриваемую тенденцию следует характеризовать как *объективную закономерность*.

Ее использование, как и всякой иной объективной закономерности, способно принести значительный положительный эффект, выигрыш в общественной жизни. Глубина ленинских идей о праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития в том и состоит, что использование правовой формы общественного регулирования, строгое проведение начал социалистической законности являются требованием самой жизни, обеспечивающим эффективное выполнение задач коммунистического строительства.

Напротив, недоучет главной закономерности развития социалистического права, как и недоучет всякой иной объективной закономерности, «мстит за себя», порождает трудности, недостатки в общественной жизни, приводит к неоправданным издержкам и потерям. Весьма симптоматично, что отступление от принципов марксизма-ленинизма, выраженное в культе личности, неизбежно сопряжено с недооценкой права, с нарушением ленинских начал социалистической законности.

Ленинские принципы законности – неодолимое требование организации жизни социалистического общества. Объективные законы социалистического общества таковы, что повышение роли права и укрепление законности являются неизбежным процессом общественного развития. М.С. Строгович правильно пишет, что «в условиях социализма и строящегося коммунизма законность всегда сильнее беззакония, законность всегда победит беззаконие, а нарушители законности всегда будут разоблачены и на самих себе испытают силу и непобедимость законности»¹.

Все это, конечно, не говорит об автоматизме, фатальности данной закономерности или же о том, что ее осуществление не нуждается в целеустремленных активных действиях государственных органов, органов общественности, всех граждан. «Объективность» рассматриваемой закономерности характеризует ее действие с точки зрения исторической перспективы. Развитие социалистических общественных отношений неизбежно приводит к необходимости неуклонного и постоянного укрепления социалистической законности, расширения и углубления правовых начал во всех областях жизни. На практике же «в интересах социалистического государства и общества, всемерной охраны прав и свобод советских граждан требуется активная систематическая борьба за дальнейшее укрепление законности, за ликвидацию ее нарушений, совершенствование гарантий законности и устранение любых препятствий на пути полнейшего осуществления принципа законности»².

3. Объективная необходимость развитого общественного регулирования на высшей фазе коммунизма. Правильное понимание закономерностей и перспектив развития социалистического права при переходе к коммунизму предполагает выяснение того, каков тот «конечный пункт», который ждет право на высшей фазе коммунизма. Главное теоретическое положение по рассматриваемому вопросу состоит в том, что высшая фаза коммунизма *объективно требует развитого, развернутого общественного регулирования.*

Коммунизм – это общество, отличающееся высокой степенью организации складывающихся в нем отношений. «Коммунизм, – говорится в Программе КПСС, – представляет собой высшую форму организации общественной жизни. Все производственные ячейки, все само-

---

¹ Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 72.

² Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 382.

управляющиеся ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда». Коммунистическое производство потребует организованности, четкости и дисциплины и от каждого члена общества. Наряду с коммунистической сознательностью, трудолюбием, преданностью общественным интересам неотъемлемым качеством человека коммунистического общества станет высокая дисциплина.

Высокоорганизованный характер отношений коммунистического общества и означает, что коммунизм *объективно требует развитых, развернутых форм общественного регулирования*. Необходимость регулирования при коммунизме подкрепляется еще тем, что в коммунистическом обществе будут существовать органы самоуправления, деятельность которых сводится к регулированию общественных отношений.

Каков же характер общественного регулирования в коммунистическом обществе?

Общественное регулирование второй фазы коммунизма будет иметь по своей основе *нормативный характер*, т.е. выражаться в определенных нормах, общих правилах поведения. Программа КПСС, освещающая общественное регулирование во второй фазе коммунизма, указывает на «нормы коммунистического общежития», «общепризнанные правила коммунистического общежития».

Это вполне естественно. Нормативная форма — наиболее целесообразный способ организации общественной жизни. Она позволяет обеспечить на какой угодно длительный период максимально широкий охват общим регулированием тех или иных общественных отношений. Применение нормативной формы явится показателем высокой культуры общественного регулирования при коммунизме.

Правила коммунистического общежития, как подчеркивается в Программе КПСС, будут *едиными нормами*. Выражая требования коммунистического базиса, основанного на единой коммунистической собственности, они будут служить целям непрерывного, все возрастающего прогресса человечества в условиях полного социального равенства, уничтожения последних следов социальных антагонизмов и конфликтов в практической жизни людей, неуклонного проведения начал сотрудничества, дружбы и взаимопомощи.

Правила коммунистического общежития едины также по ряду своих *свойств*. У всех людей будут выработаны внутренняя потребность и привычка их неуклонного соблюдения. Все это обеспечит реализацию норм общежития без особого аппарата принуждения. Как указывается в Программе КПСС, организованность, четкость и дисципли-

лина при коммунизме «обеспечиваются не путем принуждения, а на основе понимания общественного долга, определяются всем укладом коммунистического общества». Правила коммунистического общежития соединяют в единство права и обязанности. «Вся система государственных и общественных организаций, – говорится в Программе КПСС, – воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития». Наконец, нормативность правил коммунистического общежития имеет такой характер, который обеспечит последовательно индивидуализированное действие норм. Примером этому служит известная нам высшая социальная норма второй фазы коммунизма: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям. Она такова по своей природе, что мыслима только как норма, сочетающая в себе высшую нормативность (безусловную обязательность ее для всех членов общества) и последовательно индивидуализированное действие (учет индивидуальных способностей и индивидуальных потребностей).

Внутренне единство правил коммунистического общежития не означает, однако, того, что нормативное регулирование в коммунистическом обществе будет однородным с точки зрения своего *строения*. Можно уверенно предположить, что при коммунизме сохранятся определенные разновидности неправовых социальных норм – единых правил коммунистического общежития. Различие задач при регулировании тех или иных сторон общественной жизни, неодинаковая природа разнообразных общественных отношений потребуют использования: 1) норм коммунистической нравственности, 2) коммунистических обычаев, 3) организационных норм, издаваемых органами общественного самоуправления. Последние в отличие от норм нравственности и обычаев обеспечат оперативное, целенаправленное регулирование, причем регулирование в тех областях общественной жизни, которые в неполной мере охватываются воздействием со стороны нравственных принципов, – в областях материального производства, организации общественного обучения и воспитания, функционирования органов общественного самоуправления и др.

При регулировании общественных отношений при коммунизме (в особенности в сферах хозяйства, управленческого труда), по-видимому, в значительных масштабах будут применяться кибернетика, электронные счетно-решающие и управляющие устройства. В коммунистическом обществе многие хозяйственные, управленческие отношения, касающиеся наиболее рациональной организации связей между предприятиями

ми, последовательности поставок, комплектования сложных изделий и некоторых других сторон хозяйственной жизни, будут, по всей вероятности, осуществляться при помощи кибернетических устройств. Уже в настоящее время при помощи электронной автоматики решаются задачи по отысканию оптимальных вариантов транспортировки грузов, организации кооперированных поставок в масштабе всей страны и др.

4. Марксизм-ленинизм об отмирании политических средств регулирования на высшей фазе коммунизма. Проблема отмирания права. Научный коммунизм обосновал необходимость использования в социалистическом обществе политических орудий регулирования общественных отношений — государства и права. Однако эта необходимость ограничена строго определенными целями и историческими рамками: политические средства регулирования общественных отношений требуются только для осуществления задач социалистической революции и построения коммунистического общества. С построением развитого коммунистического общества, победой и упрочением социализма на международной арене эта необходимость отпадет.

Развитому коммунистическому обществу политические средства регулирования не нужны. Грандиозный уровень развития производительных сил и на этой основе полное обеспечение здоровых материальных и духовных потребностей людей, полное социальное равенство в обществе, высокая сознательность всех членов общества, всесторонне развитая культура, окончательное утверждение начал сотрудничества, дружбы и взаимопомощи во всех областях жизни — эти, а также и другие черты развитого коммунистического общества исключают необходимость использования политических средств регулирования общественных отношений. **«Коммунизм, — подчеркивается в Программе КПСС, — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа».**

Теоретическое положение о закономерном характере отмирания политических средств регулирования в развитом коммунистическом обществе с предельной четкостью сформулировано К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным в отношении государства.

В какой же мере положения марксистско-ленинской теории, сформулированные в отношении государства, распространяются на право?

Государство и право — близкие, «родственные» части надстройки. Праву свойственно политическое содержание, его существование

и функционирование органически связано с государством. Право, учит В.И. Ленин, ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению юридических норм. Отсюда следует, что в той мере, в какой социалистическое право имеет политическое, классово-волевое содержание, оно разделит судьбу государства, т.е. право в развитом коммунистическом обществе (при наличии необходимых внешних условий) отомрет вместе с другими средствами классового, политического регулирования.

Вместе с тем рассматриваемая проблема имеет и другую сторону. Ведь право, будучи средством осуществления государственной политики, в то же время имеет специфически правовое содержание и выполняет самостоятельные функции. В связи с этим думается, что не случайно в произведениях основоположников научного коммунизма, в руководящих теоретических документах Коммунистической партии нигде *не говорится* об отмирании права при коммунизме. Характерно, что и В.И. Ленин, обосновывая положение о том, что в развитом коммунистическом обществе люди постепенно привыкнут к соблюдению норм общежития, вовсе не касается всех сфер жизни; он говорит лишь о соблюдении «элементарных условий общественности», о воспитании привычки к соблюдению правил «элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях»¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин показали, что право обладает социально полезными свойствами, обеспечивающими целесообразную и эффективную организацию общественных отношений, нормальное развитие всего общественного организма, функционирование социального управления. В ходе исторического развития сложилось и специфически правовое содержание, связанное с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости и т.п. — всего того, что характеризует право в качестве воли, возведенной в закон. «Правовое» с точки зрения его социально полезных свойств и специфического правового содержания не является синонимом политического, классово-волевого.

Конечно, необходимо видеть известную ограниченность, узость социально полезных свойств права, его специфически правового содержания. Правовые свойства сложились и существуют в связи с политической природой права, с возможностью государственного принуждения, без которого право «ничто». Взаимосвязаны и все стороны содержания права. Однако, сформировавшись в условиях классово-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 83, 89.

го общества, социально полезные свойства права, и прежде всего его нормативность, формальная определенность, динамизм, системность, имеют относительно самостоятельное значение. Известное относительно самостоятельное значение приобретает также специфически правовое содержание юридической формы общественного регулирования.

А это позволяет дифференцированно подходить к определению перспектив развития социалистического права. Если в развитом коммунистическом обществе право отомрет в плоскости его политического, классово-волевого содержания, то «правовое» в смысле тех особенностей правовой формы, которые характеризуют ее социальную ценность, имеет существенное значение и для коммунистического общества. *В этой плоскости* высшая фаза коммунизма и право — не антиподы.

Такой дифференцированный подход к определению перспектив развития социалистического права получает дополнительное подтверждение, если учитывать объективную необходимость на высшей фазе коммунизма развитого общественного регулирования. Высшая фаза коммунизма еще в большей степени, чем низшая, должна обеспечить высокую организованность и строгий порядок общественных отношений, сознательную дисциплину и ответственность каждого труженика за свое поведение, надлежащее закрепление и защиту великих прав и свобод трудящихся, утверждение высшей социальной справедливости, начал подлинной правды. Иными словами, общественное регулирование на высшей фазе коммунизма воспримет все социально полезное, все ценное, что свойственно социалистическому праву. Социалистическое право с этой точки зрения представляет собой *систему общественного регулирования, которая при переходе к коммунизму (вместе с неправовыми социальными нормами — нормами морали, нормами общественных организаций, обычаями) перестает в систему норм коммунистического общежития.*

Тенденция перерастания социалистического права в систему общественного регулирования коммунистического общества, таким образом, еще с одной стороны объясняет объективный, закономерный характер усиления правовых начал в жизни социалистического общества, повышения роли права и укрепления законности во всех сферах общественной жизни. Если принимать во внимание указанную тенденцию, то становится понятным, что повышение роли права и укрепление законности — *постоянно действующая закономерность* на весь период коммунистического строительства, закономерность, связанная с формированием важных элементов общественной системы высшей фазы коммунизма. Здесь не два разных процесса, а один и тот же: по-

вышение роли социалистического права и укрепление законности выражает собой с точки зрения исторической перспективы перерастание права в систему норм коммунистического общества.

Общепризнанное социалистическое право — важная веха на пути перерастания социалистического права в систему норм коммунистического общества. В общепризнанном праве уже сейчас содержатся такие элементы, которые в той или иной форме сохраняются и в коммунистическом обществе. Поэтому, рассматривая социалистическое право, определяя его социальную ценность, необходимо видеть в нем не только то, что на определенном этапе коммунистического строительства отпадет, но и то, что представляют собой постепенно развивающиеся ростки коммунистической системы общественного регулирования.

Проблема отмирания права нуждается в дальнейшем обсуждении.

Обоснованный в советской юридической науке вывод о перерастании социалистического права в систему норм коммунистического общественного регулирования уже принес существенную пользу: он способствовал подъему авторитета социалистического права, обосновал закономерный характер укрепления правовых начал в жизни социалистического общества.

В настоящее время, надо полагать, необходимо сделать еще шаг в данном направлении. Анализ социалистического права как социальной ценности позволяет с большей определенностью указать на те социально полезные свойства и другие элементы социалистического права, которые имеют существенное значение и для коммунистической системы общественного регулирования. С этой точки зрения речь, видимо, должна идти о восприятии системой коммунистического регулирования существенных элементов социалистической правовой формы, о «правовом характере» этой системы.

Есть здесь и трудные вопросы. Нужно еще выяснить, в какой мере возможно сохранение социально полезных свойств права при отсутствии государственного принуждения? Какие организационные обеспечительные средства необходимы, чтобы органы коммунистического самоуправления могли гарантировать проведение в жизнь издаваемых ими общеобязательных норм?

Но как бы ни были трудны вопросы, возникающие при рассмотрении перспектив развития социалистического права, проблема в целом нуждается в творческом подходе, который бы на базе основополагающих идей марксистско-ленинской теории способствовал решению актуальных задач современного этапа коммунистического строительства.

Утверждение в науке и на практике приведенных выше положений о перспективах развития социалистического права связано с осуществлением задач по дальнейшему укреплению социалистической законности, с преодолением остатков правового нигилизма, с полным и всесторонним использованием социально полезных свойств правового регулирования в целях коммунистического строительства.

И напротив, невозможно с необходимой степенью эффективности осуществлять намеченные Коммунистической партией и Советским государством меры по дальнейшему укреплению социалистической законности, если одновременно отстаивать (в недифференцированном виде) и тезис, согласно которому право обречено, его «все равно не будет»? Не здесь ли следует искать источник того, что к правовому, юридическому, в том числе и к юридической специальности, у некоторых людей существует пренебрежительное, чуть снисходительное отношение?

Провозглашение в общей форме (без необходимой дифференциации) положения об обреченности права в какой-то степени обесценивает его. И сколько бы при этом ни говорилось, что речь идет ни о ближайшем будущем, что сейчас право укрепляется и что само отмирание предполагает укрепление, все это не устраняет общего впечатления о праве и законности как явлениях временных, переходящих.

Между тем, как уже говорилось, принимаемые в социалистическом обществе меры по дальнейшему развитию права и укреплению законности характеризуют важную сторону процесса перехода к коммунизму, носят постоянный характер, сопряжены с формированием существенных элементов коммунистической общественной системы. Неуклонное повышение авторитета социалистического права, разворачивание всех сторон его социальной ценности, полное использование его достоинств в интересах строительства коммунизма — насущная задача сегодняшнего дня и в то же время задача дальнего, «стратегического» значения.

Дифференцированный подход к проблеме о перспективах развития социалистического права — действенный научный инструмент в борьбе против антикоммунизма.

Представления о несовместимости коммунистического строя с правом и законностью усиленно культивируются идеологами империализма, пытающимися «доказать», что коммунизм представляет собой режим «бесправия и произвола», ограничения прав и свобод, подавления личности.

В борьбе с антикоммунизмом необходимы не только кропотливая работа по разоблачению фальсификации буржуазными идеологами действительности, социально-классовой подоплеки их «теорий», но и противопоставление их «теориям» конструктивных теоретических концепций. Теоретические положения о социальной ценности права и перспективах его развития и являются одним из положительных решений, которое призвано содействовать активной наступательной борьбе против буржуазной идеологии.

5. Пути перерастания социалистического права в систему общественного регулирования коммунистического общества. Перерастание социалистического права в нормы коммунистического общества на современном этапе строительства коммунизма выражается главным образом в процессах *совершенствования и внутреннего преобразования правового регулирования.*

По своему главному направлению совершенствование и преобразование социалистического права в условиях коммунистического строительства характеризуется *дальнейшим развитием его качеств как всенародного права, заложенных в нем социалистических, демократических, гуманистических начал.*

Это в полной мере соответствует главному направлению развития государственности в современный период — всестороннему развёртыванию социалистической демократии. В то же время такое направление совершенствования и преобразования права выражает одну из существенных сторон основной закономерности развития права в современный период — повышение его роли и укрепление законности во всех сферах общественной жизни.

Не касаясь всех сторон совершенствования и внутреннего преобразования социалистического права, отметим следующие примечательные тенденции.

В период коммунистического строительства все более *развиваются особенности социалистических правовых норм, выражающие их моральное и непосредственно общественное действие.* Правовые нормы в социалистическом обществе по своему содержанию в значительной части совпадают с требованиями коммунистической нравственности и поэтому обладают большой моральной силой. В то же время им присуще и непосредственно общественное действие, т.е. действие, которое свойственно нормам общественных организаций. В период строительства коммунизма удельный вес и значение этих новых свойств юридических норм возрастают¹.

При переходе к коммунизму *растет и ширится непосредственное участие трудящихся масс и их общественных организаций в осуществлении правотворческой деятельности социалистического государства, а также в осуществлении его деятельности по применению юридических норм.* Всенародное обсуждение законопроектов, участие общественных организаций в подготовке и издании нормативных актов, усиление роли общественности в области контроля за отправлением правосудия, развитие таких специфических общественных организаций, как народные дружины по охране общественного порядка, това-

---

¹ Н.Г. Александров пишет: «В том, что предписания социалистического права обладают огромной силой морального авторитета в народных массах, заключается его внутреннее качество, содержащее возможность постепенного перерастания социалистических правовых норм в неюридические нормы коммунистического общества» (*Александров Н.Г. Развитие социалистического права в нормы коммунистического общества // Советское государство и право. 1961. № 9. С. 31*).

ришеские суды и др., — все это еще более усиливает моральное и непосредственное общественное действие правовых норм, еще дальше продвигает их по пути перерастания в нормы коммунистического общежития. В связи с усилением роли общественности в области права получают развитие *новые формы правового регулирования*, в основном рассчитанные на регламентацию отношений с участием общественности. Такой характер свойствен, в частности, правовой регламентации деятельности народных дружин по поддержанию общественного порядка, организации и деятельности товарищеских судов. Правовое регулирование в указанных случаях строится таким образом, чтобы ввести в определенные рамки деятельность общественных организаций по самостоятельному регулированию общественных отношений.

В период коммунистического строительства в ряде случаев *происходит переход от одной формы (метода) правового регулирования к другой форме (методу)*. Те или иные формы (методы) правового регулирования имеют неодинаковое значение в проведении мер государственного принуждения; неодинаковое значение в рассматриваемой области принадлежит и отдельным участкам правового регулирования в пределах данной отрасли права. Поэтому переход от «более жесткого» метода к «менее жесткому», обусловленный определенными сдвигами в экономическом базисе, является в то же время одним из существенных показателей внутреннего преобразования социалистического права в период строительства коммунизма. Так, например, в гражданском праве меры государственного принуждения менее остры, чем в административном праве, которому присущи начала власти и подчинения. А отсюда следует, что замена обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, имевших налоговый характер, договорными отношениями закупки, помимо определенной экономической необходимости, выражает одну из линий развития права в систему норм коммунистического общежития.

В современных условиях по отдельным группам отношений *происходит изменение самого «качества» правового регулирования*. Речь идет, в частности, об административном праве. В область административного права, которому свойственны начала власти и подчинения, во все большей степени проникают такие элементы, которые выражают самостоятельность и инициативу участников отношений, в том числе субъектов «подчинения». Например, в настоящее время получают все большее развитие такие формы планирования, как материально-техническое снабжение, грузовые перевозки на транспорте и др., которые в пределах административно-правовых отношений обеспечивают

всесторонний учет воли исполнителей плановых заданий. В направлении развертывания этих новых элементов административно-правового метода регулирования и намечается в последние годы дальнейшее развитие рассматриваемой отрасли права.

Один из наиболее знаменательных процессов внутреннего преобразования социалистического права состоит в *повышении роли мер общественного воздействия* как средств обеспечения юридических норм. Нормативные акты в ряде случаев устанавливают альтернативу, допускающую при наказании правонарушителя выбор между мерами государственного принуждения и мерами общественного воздействия. Характерно, что иногда здесь происходит своеобразное переплетение правовых и общественных начал. В частности, мерам общественного воздействия может быть придан своеобразный юридический характер: устанавливается более строгая юридическая ответственность в отношении лиц, повторно совершивших правонарушение после применения к ним мер общественного воздействия¹.

В период строительства коммунизма происходят определенные изменения и в *самых юридических санкциях*. Повышается удельный вес санкций, имеющих «моральный характер». К их числу относятся, например, определенные виды дисциплинарных взысканий (выговор, строгий выговор), некоторые административные и уголовно-правовые санкции (предупреждение, общественное порицание). В области гражданского права все большее значение приобретают такие меры воздействия, которые направлены на исправление недостатков, возникших вследствие ненадлежащего исполнения обязательства (меры защиты).

Наряду с рассмотренным аспектом (совершенствование и внутреннее преобразование правового регулирования) проблема формирования коммунистического общественного регулирования нуждается в исследовании и с более широких позиций. Это анализ процессов, происходящих во всей действующей при социализме системе социальных норм.

При таком более широком подходе на первое место выдвигается вопрос о взаимодействии и взаимопроникновении (в перспективе) норм права и норм морали, усиление нравственного регулирования, углубление нравственных начал социалистического права.

---

¹ *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. Госюриздат, 1961. С. 221 и сл.

Автор, в частности, пишет: «...меры общественного воздействия, применяемые вместо мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией соответствующей нормы права, в известном смысле приобретают юридическое значение и учитываются государственным органом при применении «штрафных, карательных санкций» к лицу, не исправившемуся под влиянием общественного воздействия и повторно совершившему аналогичный проступок» (С. 222–223).

В то же время необходимо учитывать, что функционирование и развитие каждого из звеньев системы общественного регулирования происходит не только во взаимодействии со своим ближайшим «соседом», но и со всеми другими звеньями системы. Поэтому целостная характеристика всей системы социальных норм является условием для углубленного анализа отдельных их видов, их соотношений, перспектив их развития.

Отсюда, в частности, следует, что при рассмотрении перспективы развития права и морали должны учитываться связи этих видов социальных норм также и с нормами общественных организаций. Укрепление и развитие нравственных начал в жизни социалистического общества не всегда выражается в том, что на смену юридическим нормам приходят нормы морали. Формирование правил коммунистического общежития выражается и в том, что все больший удельный вес в регулировании общественных отношений приобретают нормы общественных организаций — профсоюзных, комсомольских, добровольных обществ. Этот процесс тем более оправдан, что нормы общественных организаций имеют ряд преимуществ, которые свойственны правовым нормам (определенность, динамичность, гарантированность организационными мерами воздействия).

Немалое значение в формировании коммунистического общественного регулирования принадлежит также и обычаям. В период коммунистического строительства правила общежития, содержащиеся в нормах права и морали (а также в нормах общественных организаций), постепенно превращаются в привычку и, следовательно, приобретают такие черты, которые свойственны обычаям. Постепенное перерастание норм социалистического общежития — правовых, моральных и др. — в привычку представляет собой закономерный процесс развития общественного регулирования в современных условиях.

6. О судьбе профессии юриста. Какова же судьба юридической профессии в период коммунистического строительства?

Люди, далекие от юриспруденции, нередко высказывают пессимистические прогнозы о будущей профессии юриста. «Государство и право при коммунизме отомрут, — рассуждают они, — юристы будут не нужны; значит и юридическая профессия бесперспективна, она отмирает».

Такой взгляд на судьбу юридической профессии является глубоко ошибочным.

Можно с полной уверенностью утверждать, что в ближайший обозримый отрезок времени необходимость в высококвалифицированных юристах не только не ослабнет, но, по всей видимости, будет усиливаться. Укрепление правовых начал в жизни развитого социалистического общества предполагает более широкое участие юристов в решении общественных дел, в государственной работе, в охране обществен-

ного порядка, в народном хозяйстве. Не случайно в последние годы Коммунистическая партия и Советское государство приняли меры по дальнейшему развертыванию юридического образования, по усилению правового воспитания. На повестке дня — внедрение «юридического элемента» во все звенья высшей и средней школы, своего рода «юридический всеобуч». Высококвалифицированные кадры юристов, помимо обеспечения квалифицированного решения юридических дел, необходимы для осуществления задач по подъему юридической культуры населения, по правовому воспитанию как части коммунистического воспитания трудящихся.

Рассматривая более отдаленные перспективы профессии юриста, следует учитывать закономерности развития социалистического права при переходе к высшей фазе коммунизма. *В развитом коммунистическом обществе (при наличии необходимых внешних условий) юридическая профессия перерастет в особую общественную деятельность, связанную с изданием и применением правил коммунистического общежития.*

Это вполне понятно. Коль скоро в коммунистическом обществе будет функционировать система норм коммунистического общежития, то, значит, сохранятся и такие сферы общественной деятельности, которые сопряжены с функционированием норм общежития, в особенности организационных норм, издаваемых органами самоуправления.

Конечно, надо учитывать, что в развитом коммунистическом обществе значительное число норм общежития (принципы коммунистической морали, коммунистические обычаи) войдет в «плоть» людей, внедрится в качестве их неотъемлемых свойств. Да и регулирование хозяйственных, управленческих и иных отношений, осуществляемое при помощи организационных норм органов коммунистического самоуправления, будет иметь особые черты: в области хозяйства и управления оно приобретет преимущественно хозяйственно-организаторскую направленность, в области отношений между людьми — направленность преимущественно воспитательную. Весьма примечательно, что уже сейчас, на современном этапе коммунистического строительства, в деятельности советских юристов все больший удельный вес занимает воспитательная, профилактическая работа. Значительную экономическую работу ведут юристы в народном хозяйстве.

Вместе с тем нормативное регулирование на высшей фазе коммунизма должно обеспечить нормальное функционирование и развитие сложнейшего общественного организма, в том числе функционирование и развитие экономики, управления. Поэтому оно, как уже говорилось, также будет иметь развернутый, развитый характер, включать

в свое содержание сложные «механизмы», передовые приемы регулирования, формирующиеся ныне в рамках социалистического права. А это значит, что общественная деятельность, связанная с изданием и обеспечением организационных норм коммунистического общества, потребует глубоких знаний, квалифицированной подготовки, овладения всеми тонкостями механизма нормативного регулирования.

Советские юристы должны отчетливо представлять перспективы развития своей профессии. И не только потому, что это дает основание гордиться ее будущим, но и потому, что от этого во многом зависит успех работы юристов в настоящем. Задачи строительства коммунизма требуют от юристов напряженной работы, работы с полной отдачей сил и знаний. Их прямая обязанность — смело вторгаться в жизнь, использовать все средства воспитательной работы, в рамках своей должности заниматься непосредственно организаторской деятельностью, способствовать подъему юридической культуры всего населения, при осуществлении юридической службы на предприятиях участвовать в решении экономических вопросов, помогать в работе товарищеских судов, организации юридической работы профсоюзов и др.

В то же время в современных условиях еще с большей остротой, чем в предшествующие годы, дает о себе знать необходимость *глубокой и всесторонней профессиональной подготовки*, усвоения всех тонкостей юридической материи, всех «тайн» механизма нормативно-правового регулирования, передовых, прогрессивных приемов опосредствования общественных отношений. Глубокая и всесторонняя профессиональная подготовка юристов, отвечающая уровню современной науки (в том числе психологии, кибернетики и др.), — не только необходимое условие для обеспечения квалифицированного решения сложных вопросов сегодняшнего дня, но и необходимый элемент формирования специальности будущего, — специальности, которая явится своего рода преемницей нынешней профессии юриста.

Раздел второй. Нормы права и правоотношения

ГЛАВА XII НОРМА ПРАВА

1. Понятие нормы права. Юридическая норма – это *исходящее от социалистического государства и охраняемое им общеобязательное, формально-определенное правило поведения, которое (непосредственно или в сочетании с другими нормами права) предоставляет участникам общественного отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности.*

Норма права представляет собой исходную, первоначальную «клеточку» социалистического права. Из этих «клеточек» и складываются правовые институты, отрасли права, национальная система социалистического права в целом.

Юридические нормы являются одной из главных разновидностей социальных норм. Поэтому норма права, как и всякая социальная норма, характеризуется тем, что она выступает в качестве:

а) *правила поведения*, т.е. образца, масштаба поведения, которое призвано программировать, направлять поступки людей в соответствии с заложенной в норме моделью общественного отношения;

б) *общего правила*, т.е. общего образца, масштаба, рассчитанного на то, чтобы программировать, направлять поведение людей постоянно, непрерывно во многих, заранее нефиксированных случаях в рамках отношений данного вида;

в) *правила предписывающего характера*, т.е. образца, масштаба, «извне» регламентирующего поведение людей.

Наряду с общими признаками, свойственными всякой социальной норме, юридическая норма характеризуется *специфическими* признаками, выражающими особенности права как классового регулятора общественных отношений, действующего в единстве с государством и обладающего непосредственно политическим содержанием.

1) Норма права *исходит от государства*. Это не просто правило поведения, а правило поведения, выступающее в качестве *властного предписания, веления*. За нормой права стоят авторитет, мощь социалистического государства. Разумеется, «авторитарность» юридических норм

в социалистическом обществе носит особый характер. Нормы социалистического права обладают прежде всего моральным авторитетом, авторитетом всего народа, его Коммунистической партии. Но и при социализме они выступают всегда в виде властных предписаний (велений), обязательных суждений социалистического государства о должном, необходимом поведении людей.

2) Норма права *охраняется принудительной силой социалистического государства*. Если те или иные лица добровольно не исполняют норму права, ее требования проводятся в жизнь при помощи принудительной силы социалистического государства.

3) Норма права — это *общеобязательное* правило поведения. Неразрывная связь юридических норм с государством в определенной степени видоизменяет тот общий признак, который свойствен всем социальным нормам, признак, выражающий их общий характер. Юридическая норма представляет собой не просто правило поведения общего характера, а общеобязательное правило. Общеобязательность юридических норм означает, что они распространяются на участников отношений данного вида независимо от того, каково субъективное отношение к нормам тех или иных людей, согласны они с нормами или нет, одобряют их или нет и т.п.

4) Норма права представляет собой *формально-определенное* правило поведения. Юридические нормы отличаются точностью, детализированностью, категоричностью регламентирования поведения участников общественных отношений.

Эта точность, детализированность и категоричность обеспечиваются тем, что содержание правового предписания находит формальное закрепление. Иными словами, определенность содержания правовой нормы доведена до такой степени, что оно существует только в формально закреплённом виде.

5) Норма права (непосредственно или в сочетании с другими юридическими нормами) предоставляет участникам общественных отношений данного вида *субъективные юридические права и возлагает на них субъективные юридические обязанности*. Здесь проявляются особенности юридических норм как регулятора общественных отношений. Нормы права воздействуют на общественную жизнь через своеобразный механизм регулирования. Они не только указывают людям типические масштабы субъективно-должного поведения, но и предусматривают специфические средства для их осуществления. Нормы права реализуются в субъективных юридических правах и обязанностях участников отношений данного вида. А субъективные юридические

ские права и обязанности претворяются в поведении людей, причем в ряде случаев эта реализация производится при помощи индивидуальных актов органов государства и общественности, в том числе юрисдикционных актов, актов надзора и контроля и т.д.

2. Нормативность права. Юридические нормы воплощают ведущее объективное свойство права — его нормативность. Значение этого свойства прежде всего вытекает из той роли, которую играют нормы права в механизме правового регулирования.

Как уже говорилось (гл. IX), юридические нормы образуют *основу* механизма правового регулирования. По своей роли в механизме они нацелены на то, чтобы обеспечить *нормативное регламентирование* (нормирование) общественных отношений. При помощи юридических норм программируются (моделируются) те общественные отношения, которые соответствуют государственной воле народа, и вся та совокупность юридических средств, которая используется для осуществления этой воли.

В чем же конкретно состоит роль правовых норм как средств регламентирования общественных отношений? Юридические нормы определяют:

а) круг общественных отношений, на который распространяется действие норм, т.е. виды регулируемых отношений, а отсюда и субъектов отношений;

б) содержание общественных отношений, т.е. содержание поведения субъектов, а также объекты отношений;

в) обстоятельства, с которыми связывается возникновение, изменение и прекращение возможного или должного поведения субъектов;

г) юридические средства, обеспечивающие возможное или должное поведение, в том числе построение субъективных прав и юридических обязанностей, а также государственно-принудительные меры, применяемые к лицам при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей (правовые санкции).

Нормативность является именно тем свойством права, которое и предопределяет основные моменты его социальной ценности.

Дело в том, что социальные нормы позволяют решать коренные вопросы в налаживании и обеспечении организованности общественных отношений. При нормативном регулировании нет необходимости специально урегулировать каждый случай, который нуждается в регламентации со стороны общества, отдельных организаций. Здесь имеется целая система типовых масштабов, т.е. общих правил, распространяющихся на все случаи данного вида. Достигнутая таким путем общность регулирования, конечно, не исключает возможности индивидуальной регламентации общественных отношений (т.е. регламентации, рассчитанной толь-

ко на данный конкретный случай). Но последняя применяется на основе норм и носит дополнительный характер. Социальные нормы представляют собой необходимый и целесообразный регулятор общественных отношений, непрерывно действующий механизм типовых масштабов, способный обеспечить на единых началах их организованность в соответствии с «заданной программой» – требованиями экономического базиса, объективных экономических законов. Причем в праве социально полезные черты социальных норм усиливаются, «возводятся в степень». Праву свойственна *высшая* нормативность. Это выражается во всеобщности права, а именно в том, что правовым нормированием, во-первых, в принципе охватывается какой угодно объем общественных отношений, которые могут быть предметом права, а во-вторых, закрепляется порядок отношений, действующий как угодно долго и во времени. К тому же всеобщий характер права (и по предмету, и во времени) подкрепляется его всеобязательностью, категоричностью, властью¹.

Нормативность права делает возможным создание единой, экономической, непрерывно действующей всеобязательной системы типовых масштабов поведения, обеспечивающей целенаправленное и гармоничное функционирование и развитие социального организма в соответствии с объективными потребностями социалистического общества. А это дает значительный выигрыш в организации общественных отношений².

Указание на нормативность (в том виде, в каком она присуща праву) имеет первостепенное значение для общей характеристики права, его природы и роли в жизни общества. Здесь наглядно видно, что для права характерны единая упорядоченность общественных отношений, строгая гарантированность социальной системы, ее устойчивость и стабильность, обеспечение нормального, правильного функционирования и развития всего общественного организма. Нормативность как ведущее объективное свойство права выражает (отчасти в скрытом виде)

---

¹ Как правильно пишет А.Б. Венгеров, в праве масштаб (мера) поведения «в силу возможности государственного принуждения становится обязательным для лиц и организаций. Нормативность права проявляется в диалектическом единстве таких свойств правил поведения, как обобщенность и обязательность» (Венгеров А.Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 42).

² «Норма права – это установление, направленное не только в настоящее, но и в будущее. Содержание, смысл, цель нормы – упорядочить общественные отношения определенного вида, подчинить их определенному режиму, способствовать их развитию в том или ином направлении, внести в них необходимую с точки зрения государства систему» (Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 181).

специфические черты его содержания, основные требования социалистической законности. Таким образом, полная и всесторонняя характеристика нормативности права позволяет углубить общие представления о праве, выявить главные моменты его социальной ценности.

3. Нормы права и индивидуальные веления органов государства. Акты-директивы. Наряду с актами, содержащими нормы права, органы социалистического государства издают многочисленные индивидуальные акты, которые также содержат властные предписания (веления), обладающие «авторитарностью».

При кодификации законодательства, при решении конкретных дел в юрисдикционных органах нередко нужно определить, является ли данное государственное предписание индивидуальным или же оно носит нормативный характер.

Индивидуальные веления, исходящие от органов государства, могут выполнять двоякого рода функции.

Во-первых, они могут быть направлены на *индивидуальное (конкретизирующее) регулирование* общественных отношений. Таковы, в частности, плановые административные акты, при помощи которых осуществляется непосредственное планирование. Плановые акты, например, в области капитального строительства не только служат основанием возникновения административных и гражданских правоотношений, но и конкретизируют их содержание (характер возводимого сооружения, объем работ, сроки их выполнения и др.). Социалистическое планирование, основанное на требованиях закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, характеризуется тем, что оно всегда конкретно по своему содержанию. Отсюда и правовые акты, при помощи которых осуществляется непосредственное планирование, отличаются конкретностью, индивидуальностью.

Во-вторых, индивидуальные акты, исходящие от органов государства, могут выполнять *правообеспечительную* (охранительную) функцию. К числу правообеспечительных следует, в частности, отнести приговоры и решения юрисдикционных органов, акты надзора и контроля, исполнения приговоров и решений и др. Все эти индивидуальные акты направлены на то, чтобы обеспечить реализацию правоотношений, воплотить требования правовых норм в поведении субъектов.

Индивидуальные акты, исходящие от органов государства, принадлежат к актам *применения права*. Они издаются на основе властных полномочий компетентных государственных органов. Как уже упоминалось, эти акты обладают известной «авторитарностью»: они обязательны для всех лиц, на которых распространяются.

Каким же образом отграничить нормы права от индивидуальных велений, исходящих от органов государства? Здесь нужно использовать признаки, свойственные *всем* социальным нормам.

Нормы права в отличие от индивидуальных велений представляют собой правила поведения *общего характера*. Они всегда являются типовыми масштабами, направленными на такую регламентацию, при которой достигается общность регулирования, единая, непрерывно действующая система опосредствования общественных отношений, распространяющаяся на всех участников отношений данных видов.

Для решения же практических вопросов необходимо использовать *два взаимосвязанных внешних критерия*:

а) юридическая норма действует непрерывно, постоянно («периодично»), поэтому она рассчитана на неопределенное число случаев данного вида; каждый случай, который возник в настоящее время или может возникнуть в будущем, подпадает под действие нормы; следовательно, норма не прекращается после совершения предусмотренных ею фактических действий («неисчерпаемость» веления);

б) юридическая норма характеризуется неконкретностью адресатов: норма обращена не к строго определенным, а к любым лицам, которые выступают или могут выступать в качестве участников отношений данного вида¹.

Индивидуальные предписания — это предписания, которые, напротив, рассчитаны только на определенный, строго индивидуальный случай; они являются велениями, так сказать, «однократного действия», т.е. их сила исчерпывается наступлением тех фактов, последствий, которые ими предусмотрены; как правило, они персонифицированы — обращены только к данным, подчас поименно указанным лицам.

На основании приведенных выше критериев обычно без каких-либо затруднений удастся отграничить нормы права от индивидуальных предписаний.

Вместе с тем следует учитывать, что индивидуальные предписания нередко направлены на регламентацию (конкретизирующее регулирование) данных отношений. Причем есть такая специфическая разновидность индивидуальных актов, которые, как и нормы права, связаны с регламентацией целого вида данных общественных отношений. Такой характер носят акты-директивы.

---

¹ Подробную характеристику внешних критериев юридических норм см.: Мишкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 42–52.

Акты-директивы (или распорядительные акты¹) – индивидуальные по содержанию властные веления, направленные на регламентацию какого-то одного вида общественных отношений путем связывания определенных субъектов к комплексу действий. Так, приказ министра обороны СССР об увольнении из Вооруженных Сил военнослужащих, выслуживших установленные сроки службы, и об очередном призыве на военную службу обращен к целому виду общественных отношений; но содержащееся в нем предписание не является типовым масштабом: оно «исчерпывается» однократным исполнением (хотя они и складываются из целого комплекса действий).

Акты-директивы позволяют раскрыть юридическую природу властных предписаний, содержащихся в актах общего планирования.

В актах общего планирования (в законах и постановлениях правительства о пятилетних и годовых планах, планах материально-технического снабжения и распределения товаров народного потребления и др.²) могут содержаться отдельно предписания нормативного характера. Это общие пропорции и нормативы, которые действуют периодически, постоянно, вплоть до отмены; например, общий норматив прироста оборотных средств, нормы прибыли, соотношение развития отдельных подразделений хозяйства и др. Надо полагать, что по мере дальнейшего повышения научного уровня управления народным хозяйством и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий удельный вес нормативных предписаний в актах общего планирования будет возрастать.

Однако, как уже отмечалось, планирование конкретно по своему содержанию. Поэтому и акты общего планирования содержат в основном точные, конкретизированные плановые задания, касающиеся отрасли хозяйства, вида продукции, возводимых объектов и т.д. И хотя здесь планированием нередко охватывается вид общественных отношений и не указываются непосредственные исполнители, все же перед нами индивидуальные предписания, сила которых исчерпывается однократным исполнением. Они не выступают в виде типовых масштабов, общих образцов (моделей) поведения. Они являются специфическими индивидуальными велениями – актами-директивами, дающими общую установку и предполагающими совершение целого комплекса действий.

К тому же надо иметь в виду, что акты общего планирования (народнохозяйственного, бюджетного и т.д.), как и некоторые другие ак-

---

¹ См.: Общая теория советского права. С. 180.

² О видах планирования и их юридической природе см.: *Иоффе О.С.* План и договор в социалистическом хозяйстве. М.: Юрид. лит., 1971. С. 53 и сл.

ты-директивы, по своей основе принадлежат к сфере государственного права. Они обладают известными чертами «общности»: действуют более или менее длительный период времени, поименно не перечисляют всех исполнителей, предполагают согласованную и длительную деятельность многих людей, организаций, должностных лиц. Но это все же иная «общность», нежели общий характер юридических норм. Здесь лишь отражается то своеобразное, что характерно для нормативных и индивидуальных актов, издаваемых по линии основополагающей отрасли социалистического права — государственного права (общий характер закрепления общественных отношений, решение вопросов в принципе, в главном и др.).

Вопрос о понятии юридической нормы и ее отличиях от индивидуальных предписаний уже длительное время обсуждается в советской юридической литературе. Основной, положительный итог этих обсуждений состоит в признании большинством авторов того, что юридическая норма обладает *общим характером, общим действием*.

Если в свое время некоторые советские ученые указывали на существование индивидуальных¹ и конкретных норм², то в настоящее время этот взгляд справедливо рассматривается как ошибочный. Вместе с тем положение об общем характере юридических норм нашло в современной правовой литературе широкое теоретическое обоснование³.

Единственно, пожалуй, трудный вопрос, который остается здесь решить, относится к плановым актам. Дело в том, что ряд авторов стремится увидеть в плановых актах нормы права. Было высказано даже мнение, что все плановые предписания, включая адресные и конкретные плановые акты, являются юридическими нормами⁴. И хотя такая крайняя точка зрения не получила поддержки в литературе, ряд авторов с теми или иными оговорками предпринимал и предпринимает попытки квалифицировать плановые акты-задания в качестве правовых норм. Так, С.А. Голунский усматривал нормативность основных положений планов⁵, Н.Г. Александров относит к юридическим нормам акты, «предписывающие новые плановые задания или крупные реорганиза-

¹ Карева М.П., Айзенберг А.М. Правовые нормы и правоотношения. ВЮЗИ, 1949. С. 19.

² Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. Юриздат, 1940. С. 249–250.

³ Самощенко И.С. О понятии юридического нормативного акта // Советское государство и право. 1962. № 3; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 45 и сл.; Общая теория советского права. С. 180 и сл.; Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. С. 30 и сл.

⁴ Хайдаас Г.И. К вопросу о правовой природе государственных народнохозяйственных планов // Советское государство и право. 1961. № 1. С. 42.

⁵ Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 25.

ции в той или иной отрасли хозяйства или культуры»¹. По мнению И.С. Самощенко, основные предписания народнохозяйственных планов образуют сложные нормы².

На мой взгляд, эти попытки нельзя признать удачными. Народнохозяйственное планирование имеет конкретный характер; оно в большинстве случаев проводится в жизнь при помощи индивидуальных актов. Но сами индивидуальные акты *разнообразны* по своему содержанию и природе.

В частности, среди индивидуальных актов нужно выделить *акты-директивы*. Именно в форме индивидуальных актов-директив и выражаются основные и исходные плановые задания на определенный отрезок времени, решения о проведении крупных реорганизаций в той или иной области хозяйства и др. К числу же норм права относятся положения Конституции о планировании, правила о порядке и условиях составления и исполнения планов, содержащиеся в постановлениях правительства и ведомственных инструкциях, и т.д., а также общие пропорции и нормативы, которые, обладая всеми типическими признаками юридических норм, в ряде случаев входят в состав актов общего планирования.

Авторы, настаивающие на нормативности плановых актов в целом³, упускают из поля зрения ряд существенных моментов рассматриваемой проблемы.

Признание плановых заданий нормами права абсолютизирует их юридическую роль. Если плановые задания сами по себе являются нормами, то отсюда следует, что они и служат общим основанием хозяйственной деятельности. А это, вероятно, может в какой-то мере оправдывать практику «волевых решений». Получается, что любое «волевое решение», облеченное в форму плана, уже есть норма права. Между тем последовательное проведение научных основ планового руководства народным хозяйством требует выработки и закрепления в нормативных актах общих нормативов планирования, общих правил, определяющих плановую хозяйственную деятельность. С этой точки зрения нужно строго различать, с одной стороны, те юридические формы, в которых выражаются и закрепляются общие условия и нормативы, а с другой — плановые задания как таковые.

Рассмотрение плановых заданий в качестве юридических норм препятствует выяснению механизма действия планов. Если бы все плановые акты были нормами права, то они бы действовали «периодично»: всякое бы ли-

---

¹ Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 199.

² Самощенко И.С. О понятии юридического нормативного акта // Советское государство и право. 1962. № 3. С. 79–80; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 61–62.

³ Лантев В.В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. Изд-во АН СССР, 1963. С. 189–193; Правовые вопросы планирования промышленности в СССР. М.: Наука, 1964. С. 22–35; Берцинский С.М. Советская административно-правовая норма планового организационного руководства // Советское государство и право. 1965. № 1. С. 113–117.

цо, попавшее в ситуацию, предусмотренную актом, обязано было бы выполнять данные предписания. Но ведь этого нет (за исключением показателей, определяющих общие пропорции и нормативы). Государственные плановые задания обладают большой мобилизующей и организующей силой. Однако юридически они не обязывают «всякого и каждого», работающего в области социалистического хозяйства, выполнять предусмотренные показатели. Механизм действия государственных планов иной. Содержащиеся в государственном плане задания обязывают строго определенные организации (Советы Министров республик, Госплан СССР и др.), которые во исполнение государственного плана, облеченного в форму закона, издают целый ряд более конкретных плановых заданий¹. Затем плановые задания принимаются министерствами, главными управлениями, объединениями и т.д. Причем во всех случаях плановые задания имеют конкретных адресатов, исчерпываются исполнением предусмотренных в них действий и др., т.е. обладают типическими признаками индивидуальных актов.

С целью теоретического обоснования «нормативности» плановых заданий в литературе была выдвинута идея так называемых «сложных норм». И.С. Самощенко пишет: «Народнохозяйственные планы — комплекс конкретных предписаний, обращенных в конечном счете к конкретным предприятиям и организациям; они регулируют развитие всего народного хозяйства в целом, а потому имеют нормативный характер»². Таким образом, все же отдельные плановые задания не являются нормами! Вместе с тем оказывается, что в качестве юридической нормы выступает вся совокупность конкретных плановых актов в пределах страны. Не говоря об искусственности такого построения, представляется несомненным, что любая совокупность конкретных предписаний не образует юридическую норму. Будь то 2 или 22, или 222, или 2222 конкретных предписания, суть их юридической природы не меняется: они остаются только совокупностью конкретных предписаний и в своей сумме не образуют общего правила — нормы³.

Объявление плановых заданий нормами приводит к тому, что наряду с общим понятием юридической нормы формулируется особое понятие, распро-

---

¹ Таким образом, плановый акт, в том числе и плановый акт-директива, в отношении конкретных заданий является юридическим фактом. Все дело лишь в том, что обязанности, возникающие из первых звеньев цепи плановых актов, состоят не в выполнении «материальных» действий, а в составлении новых, более конкретизированных планов.

² Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 62.

³ Интересно, что А.С. Приблуда и Г.И. Хайдас, утверждая, что хозяйственные планы всегда конкретны, видят их «нормативность не непосредственно в актах планирования, а в общих началах, которые выступают за каждым индивидуальным плановым заданием» (См.: Правовые вопросы планирования промышленности в СССР. М.: Наука, 1964. С. 28). Что же, довод сам по себе справедлив. Существуют общие начала, которые выражены в нормах, предопределяющих планирование. Некоторые научно выработанные плановые пропорции, имеющие нормативный характер, закрепляются в плановых актах. Но сами-то плановые задания конкретны, индивидуальны!

странимое только на планы. Почти все авторы, отстаивающие подобные взгляды, говорят о том, что план представляет собой норму «не в традиционном понимании», «не обычную, а особую норму» и т.д. При этом приходится прибегать к сложнейшим конструкциям, объясняющим якобы «нормативность» планов («сложные нормы», «общие начала» в конкретном и т.д.). В ряде случаев авторы, формулируя общее понятие юридической нормы, выбирают такие признаки, которые заранее «рассчитаны» на доказательство нормативности планов. А это неизбежно сказывается на точности общего понятия нормы.

В определенной мере такой подход к нормативности планов характерен и для позиции, защищаемой О.С. Иоффе. Автор сделал существенный шаг вперед в разработке рассматриваемой проблемы; он четко разграничивает виды планирования и саму постановку вопроса о нормативности планов считает правомочной лишь в отношении актов общего планирования¹. Вместе с тем и О.С. Иоффе стремится обосновать взгляд, в соответствии с которым нормативный характер носят также общие, сводные показатели плана, установленные для социалистической экономики в целом или ее отдельных подразделений и носящие характер точно определенных заданий. Но вывод о том, что существуют нормы-задания, свидетельствует не о наличии существенных особенностей в рамках общих признаков нормы, а об отсутствии существенных черт нормы как общего правила, типового масштаба поведения. Не случайно поэтому автор утверждает, что планово-нормативное предписание обращено «не к определенному кругу лиц, а ко всем и каждому, кто входит в состав планируемой экономической системы» (причем «этот состав строго учитывается, оценивается и взвешивается при формулировании юридической нормы планового характера» и, стало быть, предписание не обращено одинаково и «ко всем и каждому»²). Надо полагать, что приведенные автором «особенности» на самом деле представляют собой черты такого понятия «нормы», которое существенно отличается от понятия, конструируемого в соответствии с общими признаками.

4. Юридическая норма и системность социалистического права. Логическая норма и норма-предписание. Социалистическое право является регулятором общественных отношений в единстве, в системе своих норм. В пределах единого социалистического права отдельные группы юридических норм выполняют различные функции; поэтому лишь в системе, в определенном сочетании, юридические нормы оказывают правовое воздействие на общественные отношения.

---

¹ Причем, как правильно пишет автор, «и эти акты не могут ограничиваться только нормативными правилами. Они обязательно включают в свой состав и конкретные плановые предписания, численность которых обычно намного превосходит количество включенных в тот же акт общих положений» (Иоффе О.С. План и договор в социалистическом хозяйстве. М.: Юрид. лит., 1971. С. 63).

² Иоффе О.С. План и договор в социалистическом хозяйстве. С. 64.

Эта черта социалистического права является очень важной для правильного понимания особенностей отдельной правовой нормы, ее признаков и содержания (элементов). Неверно представлять себе право только как некую однородную массу норм, каждая из которых по своим признакам и содержанию соответствует всем другим нормам и, следовательно, является как бы «правом в миниатюре».

Праву свойствен процесс специализации, «разделения труда», при котором обособляются отдельные группы норм, выполняющие те или иные функции при осуществлении правового регулирования. Наиболее существенное значение имеют обособление и развитие норм, регламентирующих основания применения, виды и объем государственно-принудительных мер — правовых санкций (правоохранительные нормы).

Развитие процесса специализации юридических норм усиливается с ростом юридической культуры, повышением уровня обобщений, используемых при формулировании юридических норм. Выделяются нормы, призванные только закреплять известные общественные отношения, их основы (в частности, конституционные нормы). Законодатель все больше выводит за скобки общие, повторяющиеся моменты, касающиеся определенной группы норм (например, правосубъектности, условий совершения тех или иных правомерных действий и т.п.). В виде отдельных норм права формулируются определения некоторых юридических понятий, принципы права.

Специализация юридических норм и приводит к тому, что действие отдельной юридической нормы оказывается неизбежно связанным с действием ряда других норм; лишь в своей совокупности в системе нормы права регулируют общественные отношения.

Таким образом, характеризуя отдельную юридическую норму, ее признаки и содержание (элементы), следует постоянно помнить, что право по своему юридическому строению *неоднородно*. Процесс специализации, своеобразного «разделения труда» между нормами обуславливает необходимость при анализе отдельной юридической нормы учитывать ее связи со многими другими нормами¹.

Видимо, в правовых системах, отличающихся высоким уровнем нормативных обобщений и, следовательно, сложной внутренней структурой, в какой-то

---

¹ А.Ф. Черданцев справедливо пишет, что система права «относится к системам функциональным, складывается с самого начала из разнородных норм... Объединение норм в единое целое (систему права) придает новые качества как целому, так и его частям. Следовательно, анализируя отдельную норму права, нельзя видеть в ней право в миниатюре, упускать из виду, что это лишь часть целого» (Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 42).

мере преобразуется и само свойство нормативности. Как неотъемлемое свойство оно становится присущим системе в целом. Поэтому в праве могут быть найдены и такие обобщающие принципы и положения, которые как таковые (т.е. рассматриваемые изолированно) лишены признаков «нормы». Но и они являются органическими составными частицами правовой системы в целом, выражают ее нормативность и в составе системы «участвуют» в правовом регулировании, а следовательно, являются *правовыми* положениями¹.

Наличие в нормативном материале общих принципов и положений не только не умаляет значения нормативности в праве, но, напротив, непосредственно выражает высокий уровень нормативных обобщений. Более того, в связи с развитием нормативности и многие другие частицы правовой системы, которые подпадают под признаки «нормы в общепринятом смысле», нередко довольно близко приближаются к общим положениям и принципам (это касается, в частности, многих конституционных норм, которые закрепляют отдельные стороны общественного и государственного строя). Вследствие высокого уровня нормативных обобщений конкретные нормы (предписания) нередко принимают как бы «усеченный» вид: отдельные элементы нормы оказываются выведенными из ее структуры и возведенными в самостоятельные нормы, общие положения и принципы.

Процесс специализации права приводит к тому, что понятие «норма вообще» не раскрывает в достаточной степени своеобразия правовой материи. В современных условиях существует необходимость расчленения единого понятия «норма вообще» и использования при характеристике права двух понятий: а) логическая норма и б) норма-предписание.

Логическая норма — это общеобязательное правило, которое непосредственно выражает государственно-властные, регулирующие функции. По сути дела, такое «правило» характеризует связи между реальными частицами права, дает такую интерпретацию данному предписанию, когда отыскиваются и условия его действия, и санкции, его обеспечивающие. Иначе говоря, здесь в результате логического анализа выявляется то, что свойственно природе, «логике» права — элементы и атрибуты, необходимые для осуществления в данном случае государственно-властного, нормативно-правового регулирования.

---

¹ Юридические нормы нередко устанавливают общие организационные основы и принципы для правового регулирования целого комплекса общественных отношений или всех общественных отношений в целом. В этом случае «правовая норма не о с р е д с т в е н н о не регулирует поведение субъектов права, но неразрывно связана с нормами, предусматривающими конкретные варианты поведения, и в конце концов через посредство их также направлена на регулирование человеческого поведения» (Общая теория советского права. С. 184).

Норма-предписание — это содержащееся в праве элементарно завершённое веление, сформулированное в тексте нормативного юридического акта. Здесь перед нами «живая» частица правовой материи, отражающая ее специализацию и реально выраженная во внешней форме (в нормативном акте).

Выявление логических норм имеет существенное познавательное и практическое значение. Таким путем устанавливается правовой характер правовых положений. Возьмем, к примеру, предписания, содержащиеся в гл. 8 Кодекса о браке и семье РСФСР. Каждое из этих предписаний (ст. 52 — обязанности родителей по воспитанию детей, ст. 53 — обязанности родителей по защите прав и интересов детей, ст. 54 — равенство прав и обязанностей обоих родителей и т.д.) является логически законченным положением. Но правовой характер каждого из них проявляется лишь во всей системе предписания главы 8, в том числе предписаний ст. 59—66 о лишении родительских прав, последствий лишения родительских прав и др.¹

В то же время значительный интерес представляет и характеристика права под углом зрения норм-предписаний. Таким путем оказывается возможным дать полное, исчерпывающее освещение всех сторон и деталей нормативного регулирования, всей суммы частиц правовой материи, отражающих данный уровень ее специализации.

5. Предоставительно-обязывающий характер юридических норм.

В юридической литературе ряд авторов утверждает, что каждая норма права имеет двусторонний, предоставительно-обязывающий характер: каждая норма предоставляет определенным лицам юридические права и в то же время возлагает на других лиц юридические обязанности².

Действительно, если отвлечься от особенностей отдельных разновидностей норм-предписаний и взять логическую норму права, то указанный вывод окажется вполне справедливым. Он отражает одну из существенных специфических черт норм права, вполне согласуется с ее признаками, в частности с действием нормы через определен-

¹ Впервые в советской литературе разграничение между нормой и предписанием провел А.В. Мицкевич. По его мнению, под правовым предписанием имеется в виду «то или иное логическое завершённое положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти» (*Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 34).

² См., например: *Шебанов А.Ф.* Нормы советского социалистического права. Изд-во МГУ, 1956. С. 42; *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. Госюриздат, 1955. С. 90; *Пыголкин А.С.* Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960. С. 163—164.

ный механизм регулирования, через субъективные юридические права и обязанности. Более того, анализ юридических норм показывает, что значительная часть из них реально отличается предоставительно-обязывающим характером. К такого рода нормам относятся прежде всего обязывающие нормы, т.е. нормы, которые возлагают на лиц положительные обязанности (совершить определенные работы, организационные действия, передать имущество и др.), и одновременно предоставляют другим лицам право требовать исполнения этих обязанностей.

Однако вывод о предоставительно-обязывающем характере норм права не имеет все же всеобщего значения. Как отмечает П.Е. Недбайло, «не всякая норма права имеет предоставительно-обязывающий характер»¹. В результате специализации права наряду с основной массой норм, имеющих предоставительно-обязывающий характер, сложились такие правоохранительные и специализированные нормы, которые не обладают отмеченной выше чертой (например, нормы, содержащие определения юридических категорий; нормы, закрепляющие отдельные элементы регулируемых отношений, и др.).

Как же осуществляется регулирующая роль тех юридических норм, которые не имеют двустороннего, предоставительно-обязывающего характера? Такие нормы действуют в сочетании, в совокупности с иными нормами. Вот почему при указании на признаки юридической нормы отмечалось, что свою регулирующую роль норма выполняет «или непосредственно, или в сочетании с другими юридическими нормами».

Вместе с тем нужно еще раз подчеркнуть, что предоставительно-обязывающий характер норм характеризует существенную черту юридической формы общественного регулирования и что значительная часть юридических норм реально обладает указанной чертой. Следует лишь ряд из этих норм также рассматривать в единстве, в сочетании (в частности, в единстве, в сочетании следует рассматривать управомочивающие и запрещающие нормы: управомочивающие нормы посвящены правам, а запрещающие — обязанностям).

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 76; см. также: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 63; Общая теория советского права. С. 185—186.

ГЛАВА XIII

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА НОРМЫ ПРАВА

1. **Содержание нормы права (интеллектуально-волевое, юридическое).** Юридические нормы способны выполнять роль «регламентатора» общественных отношений, потому что они обладают особым *интеллектуально-волевым содержанием*. В соответствии с этим каждая норма права характеризуется интеллектуальными и волевыми моментами.

Интеллектуальный момент представляет собой идеальное отражение в правовой норме регулируемого общественного отношения, т.е. той «модели» общественного отношения, которую «задал», запрограммировал законодатель. Главное здесь — это идеальное выражение того, каким моделирует, представляет законодатель поведение людей, т.е. каким оно может или должно быть. В социалистическом обществе это отражение регулируемого отношения носит научно обоснованный характер, опирается на познанные объективные законы развития общества. Вот почему оно представляет собой активную силу, направленную на дальнейшее развитие и совершенствование социалистических общественных отношений¹.

Волевой момент характеризует в юридических нормах активное («повелительное») начало. Юридические нормы — это не только идеальное отражение регулируемых фактических отношений (т.е. того, каким представляет себе законодатель поведение его участников); юридические нормы содержат в себе также стремление, активную направленность законодателя к тому, чтобы эти отношения реально возникли, осуществились.

Наряду с интеллектуально-волевым содержанием норма права имеет и *юридическое содержание* (в нем выражается значение права как государственной воли, возведенной в закон). Юридическое содержание как бы «оформляет» интеллектуальный и волевой моменты, при-

---

¹ Как подчеркивает В.М. Корельский, интеллектуальный момент советских правовых норм отчетливо проявляется в том, что «нормотворческие органы при разработке норм права не только сознают необходимость и целесообразность создаваемых ими норм, но и заранее предвидят, какие отношения возникнут в результате осуществления данных норм и какие изменения и желательные последствия наступят в будущем» (*Корельский В.М. Правовые нормы и нормы общественных организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 5*).

дает им «юридический облик». Достигается это при помощи категорий правосознания и прежде всего при помощи категорий «право» и «обязанность». Причем особо существенное значение принадлежит здесь, во-первых, степени и формам повеления, выраженного в юридических нормах (в частности, обязывается ли лицо к определенному положительному поведению или же лицу только дозволяются известные действия, а на всех иных лиц возлагается обязанность пассивного содержания — обязанность воздерживаться от действий известного рода), и, во-вторых, характеру и жесткости обеспечительных мер — правовых санкций.

2. Содержание нормы права и ее структура. Интеллектуально-волевое и юридическое содержание нормы права определенным образом организовано. Эта организация содержания с внутренней стороны (т.е. со стороны внутренней формы) состоит в том, что норма имеет *свою структуру*, которая выражает компоновку ее содержания, связь и соотношение ее элементов.

Вопрос о структуре нормы является составной частью более широкой проблемы — проблемы о структуре права в целом. Это обстоятельство важно подчеркнуть не только потому, что анализ структуры права на всех уровнях основывается на единых началах (гл. 8), но и потому, что между структурами разных уровней существует взаимозависимость и, в частности, структура отдельной нормы зависит от развития правовой системы в целом.

Глубокое, разностороннее влияние на структуру нормы права оказывает выделение правоохранных правовых предписаний. Изучение истории законодательства показывает, что развитие правовых систем неизбежно выражается в обособлении предписаний, регламентирующих юридические санкции. Такого обособления требуют дифференциация мер государственно-принудительного воздействия, необходимость учета при их применении разнообразных фактических условий.

Выделение правоохранных предписаний не только отражается на структуре регулятивных норм (из состава которых «выводятся» указания на государственно-принудительные меры обеспечения), но и влечет за собой формирование самостоятельных правоохранных институтов, а следовательно, влияет на структуру права более высоких уровней. Существенное влияние на структуру права оказывает и обособление «общих» правовых предписаний, т.е. таких предписаний, в которых закрепляются правовые понятия, принципы, правовое положение субъектов, общие условия совершения тех или иных юридических действий и т.д.

Во взаимосвязи различных уровней структуры улавливается известная закономерность. Чем сложнее становится структура на более высоких уровнях (отраслей, институтов и др.), тем больше упрощается структура первичного звена правовой системы – правовых нормативных предписаний. И это понятно. Развитая правовая система функционирует как регулятор общественных отношений в своей целостности, в единстве, в сочетании правовых норм, институтов, отраслей. Отдельные же нормативные предписания выступают в «усеченном» виде, т.е. «специализированных» нормативных положений, посвященных отдельным операциям в процессе правового регулирования. Как отмечалось ранее (гл. 12), это упрощение первичного звена правовой системы достигает порой такой степени, что нормативные предписания иногда теряют внешние признаки нормы.

Будучи составной частью более широкой проблемы, вопрос о структуре юридической нормы *имеет свое, вполне самостоятельное значение*. Здесь (как и при характеристике видов юридических норм) перед нами *микроструктура* права. В ней в отличие от системы права, т.е. *макроструктуры*, не столь зримо и рельефно проявляются социальные особенности правового регулирования. В то же время в вопросах структуры нормы и видов норм большее значение приобретают юридико-техническая сторона, «конструктивные» моменты организации содержания нормы.

Для структуры нормы права свойственна своя «типовая схема» (модель) связи образующих ее элементов. Главным в этой «типовой схеме» является *само нормативное построение* интеллектуально-волевого и юридического содержания государственной воли. Это нормативное построение состоит в том, что интеллектуально-волевое содержание выражается не только при помощи категорий правосознания (прав и обязанностей), но и при помощи норм-предписаний и логических норм.

Норма-предписание воплощает государственное веление в виде цельного нормативного положения, посвященного конкретному вопросу правового регулирования. Логическая же норма характеризует связь отдельных предписаний, их государственно-принудительное, регулирующее качество. Здесь, на уровне логических норм, складываются юридические конструкции – своеобразные нормативные «структуры», модели связи отдельных элементов и сторон логической нормы, института.

Следующий момент освещения структуры нормы касается ее *внутреннего строения, связи образующих ее элементов*. Особенности этой связи во многом зависят от того, является ли предметом анализа логическая норма или же норма-предписание. В последующем характеристика структуры той и другой нормы будет дана раздельно.

3. Внешнее выражение структуры нормы права в тексте нормативных юридических актов. С внешней стороны (т.е. со стороны внешней формы) нормы-предписания и логические нормы, а также содержащиеся в них юридические конструкции получают языковологическое воплощение в тексте нормативного юридического акта, его статьях.

Главное, что здесь необходимо отметить, — это *отличия между нормой и статьей нормативного акта*. Однако соотношение между нормой и статьей во многом зависит от того, что перед нами — логическая норма или же норма-предписание.

Логическая норма, призванная выразить связи между специализированными нормативными предписаниями, их государственно-принудительные, регулирующие свойства, в большинстве случаев обнаруживается в *нескольких статьях* нормативного акта или даже в статьях разных нормативных юридических актов. Например, норма, регламентирующая правовое положение колхозника, выражена в ст. 3, 4, 5, 6, 7 Примерного устава колхоза, а также в статьях Гражданского кодекса, устанавливающих недопустимость ограничения правоспособности граждан, в положениях Конституции о правах личности и нормах Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за нарушения прав личности. Усиливающийся процесс специализации права приводит к тому, что элементы логических норм все более рассредоточиваются по многим статьям нормативных актов.

Норма-предписание, как правило, *соответствует первичной структурной части текста нормативного акта* (статье, пункту, абзацу статьи и т.д.). «Дробление» нормы-предписания между разными статьями, пунктами статьи и т.д. вообще невозможно. Норма-предписание — это цельное, логически завершенное и формально закрепленное государственно-властное веление. По своему словесно-логическому построению оно представляет собой нерасчлняемое единство по формуле «если — то». Практика законодательства показывает, что выделение части нормы-предписания возможно только путем самостоятельного ее формулирования в виде особого правила (при этом качество самостоятельного правила сохраняет и «усеченная» норма).

Однако и здесь (при характеристике соотношения нормы-предписания и статьи) полного совпадения нет. И дело не только в том, что в одной статье во многих случаях содержится несколько предписаний, но главным образом в том, что предписание — это правило, веление, нормативно-властное суждение (хотя и нераздельно связанное со своей внешней формой), тогда как статья представляет собой только подразделение языково-логического изложения — текста нормативного юридического акта.

Чем выше уровень специализации права, тем более упрощаются по своему словесно-логическому построению правовые предписания, каждое из которых становится самостоятельным нормативным обобщением, посвященным лишь «отдельной операции» в процессе правового регулирования. При этом нередко статья нормативного акта содержит несколько взаимосвязанных правовых предписаний. Например, ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР включает по меньшей мере четыре предписания: предписание-принцип («тайна усыновления охраняется законом»), управомочивающую норму («для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя может быть изменено место рождения усыновленного ребенка...»), запрещающую норму («воспрещается без согласия усыновителей... сообщать какие-либо сведения об усыновлении...»), правоохранительную норму-предписание («лица, разгласившие тайну усыновления против воли усыновителя, могут быть привлечены к ответственности в установленном в законе порядке»).

4. Структура логической нормы. Эта структура выражается в связи таких элементов, которые в своей совокупности обеспечивают государственно-властное регулирование общественных отношений. Следовательно, «набор» элементов логической нормы должен позволять ей быть «автономным», относительно обособленным регулятором.

В соответствии с этим логическая норма включает в свой состав *три основных* элемента: гипотезу, диспозицию, санкцию.

Гипотеза — та часть нормы, которая указывает на условия ее действия.

Диспозиция — та часть нормы, которая указывает на содержание самого правила поведения, т.е. на юридические права и обязанности, возникающие у субъектов.

Санкция — та часть нормы, которая указывает на меры, применяемые при ее несоблюдении (юридические санкции)¹.

Элементы логической нормы условно можно расположить по такой схеме: «если — то — а в противном случае». Например, логическую норму из предписаний, содержащихся в ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР, можно представить в следующем виде: *если* имел место

¹ Гипотеза, диспозиция и санкция — лишь основные элементы логической нормы. При более строгом подходе следовало бы выделять в логической норме и четвертый элемент. В норме должна быть также такая часть, которая указывает на круг регулируемых отношений или, иными словами, на субъектов. И не случайно, что такого рода соображения уже высказывались в литературе. По мнению А.С. Пиголкина, в юридической норме существует часть, которая указывает на субъектный состав регулируемого отношения (Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1962. С. 5).

факт усыновления, *то* компетентные органы и лица обязаны обеспечить тайну усыновления, *а в противном случае* лица, разгласившие тайну усыновления, могут быть привлечены к ответственности.

В текстах нормативных актов, действующих в настоящее время, едва ли возможно найти пример такого построения нормативного материала, когда бы оно соответствовало приведенной выше словесной схеме. Однако, если перед нами *юридическое* предписание, оно в ходе логического анализа должно неизбежно вписываться в структуру логической нормы, в состав того или иного ее элемента. Только при наличии всех своих основных элементов норма может обеспечить государственно-властное регулирование общественных отношений. Отсюда следует, что «под структурой нормы права понимается только логическая обусловленность названных трех элементов независимо от того, где и как они изложены. Не может быть норм права, лишенных правил, условий их применения и не обеспеченных государственной охраной. Только в этом и состоит смысл признания трех элементов у каждой правовой нормы»¹.

В то же время структура логической нормы (как и сама логическая норма) — это реальное, объективное явление. «Структура юридических норм, как и структурность права, — пишет Л.С. Явич, — объективные свойства внутренней формы права, существующие в реальной действительности, а не выдуманные юристами для удобства пользования или изучения закона»². Наименование «логическое» в данном случае употребляется в условном смысле, т.е. для того, чтобы указать на способ обнаружения элементов нормы (логический анализ), их своеобразии (они выражают природу, «логику» права) и тем самым отграничить нормы со всеми элементами от норм-предписаний, реально выраженных и во внешней форме права.

Выявление логических норм с «тремя элементами» имеет важное теоретическое и практическое значение. Трехчленная схема позволяет видеть в юридической норме государственно-принудительный регулятор общественных отношений. В условиях все более усиливающейся специализации права только при таком подходе возможно раскрыть юридический, государственно-властный характер специализированных правовых предписаний (например, дефинитивных норм, норм-принципов и др.). Иначе может сложиться впечатление, что «норма исчезает» или что право состоит не только из норм, но также и из тео-

---

¹ Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 39.

² Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 72.

ретических положений, принципов и др.¹ Верно подмечено в юридической литературе: «ценность трехчленной формулы состоит в том, что она побуждает практических работников к тщательному и всестороннему анализу нормативного материала во всем его объеме, к сопоставлению неразрывно связанных между собой статей закона и нормативных актов, к выделению и сопоставлению «элементов», образующих одно правовоположение, к определению условий применения правовой нормы, ее содержания, последствий ее нарушения»². К этому следует добавить, что трехчленная схема побуждает и законодателя при формулировании правовых предписаний видеть, так сказать, перспективу — держать в поле зрения логическую норму с «тремя элементами» и, следовательно, в каждом случае четко решать вопрос о самом правиле и о государственно-принудительных мерах, которые призваны обеспечивать данное правовое положение.

5. Структура нормы-предписания. Эта структура реальных первичных частиц правовой материи. Будучи «клеточками» единого социалистического права, нормы-предписания, как и клетки любого единого организма, выполняют внутри него различные задачи, разные «операции». Поэтому трехчленная схема, имеющая существенное значение для характеристики логических норм, не соответствует структуре реальных, «живых» норм-предписаний. Как уже отмечалось, особо большое влияние на структуру юридических норм оказывает обособление охранительных предписаний, предусматривающих условия применения и объем правовых санкций. В результате обособления охранительных предписаний санкции оказываются обязательным элементом не всех, а только охранительных норм-предписаний. Иные же нормы («нормы без санкций»), конечно, также обеспечиваются принудительной силой государства и, следовательно, сохраняют юридический характер, но это происходит в силу системности права — связи, существующей между «нормами без санкций» и правоохранительными нормами. Нарушение «нормы без санкции» является обстоятельством, которое приводит в действие охранительные нормы. Например, нормы трудового права устанавливают обязанность рабочих и служащих беречь и сохранять вверенное им государственное имущество; нарушение этих норм приводит в действие ту или иную охранительную норму, предусматривающую в зависимости от характера нарушения соответствующую форму материальной или уголовной ответственности.

¹ К такому выводу пришла, например, Е.И. Аюева (Советское государство и право. 1969. № 3. С. 14).

² Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 197.

С учетом «специализации» права в юридической норме-предписании различаются *два основных элемента*:

а) *гипотеза* — часть нормы, указывающая на те условия — фактические обстоятельства, при наступлении или ненаступлении которых норма вступает в действие. В обычных регулятивных (правоустановительных) нормах к числу условий относятся по большей части такие юридические факты, как правомерные действия субъектов, юридические события. В охранительных нормах условием является то или иное нарушение правовых обязанностей — правонарушения;

б) *диспозиция (санкция)* — часть нормы, указывающая на те юридические последствия, которые наступают при наличии предусмотренных нормами условий. В обычных регулятивных (правоустановительных) нормах эта часть нормы называется «диспозицией»; она образует содержание самого правила поведения, указывает на права и обязанности, которыми наделяются участники регулируемого отношения. В охранительных нормах рассматриваемая часть носит название «санкции»; она указывает на государственно-принудительные меры, применяемые к правонарушителю.

Элементы нормы-предписания условно можно расположить по такой схеме: «если — то».

Указанные две части нормы-предписания являются ее *обязательными элементами*. Правовое веление (правило поведения) непременно должно содержать указания на его суть, т.е. на юридические последствия, и на условия их наступления. Следовательно, норм-предписаний без гипотез существовать не может. В любых, самых специализированных правовых предписаниях так или иначе указывается на условия, при которых они действуют. Иными словами, любое правовое предписание можно изложить по формуле: «если — то».

Необходимо обратить внимание на своеобразие наименования частей нормы в науке уголовного права. Последняя изучает разновидности уголовно-правовых норм, относящихся в целом к правоохранительным нормам. Советские криминалисты уже давно различают в уголовно-правовых нормах Особенной части только два элемента: условие действия нормы и санкции¹. Однако условие (которое с общетеоретических позиций следовало бы именовать «гипотезой») называется в уголовном праве «диспозицией», т.е. так, как в правоустановительных нормах называются правовые последствия. Указанный разнобой в терминологии

---

¹ См., например: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1968. С. 76.

создает известные неудобства. Но все же в наименованиях, принятых в науке уголовного права, есть и определенный смысл: здесь отражается связь, существующая между правоустановительными и охранительными нормами. В самом условии уголовно-правовой нормы в скрытом (снятом) виде содержится указание и на то правило, тот запрет, нарушение которого приводит данную охранительную норму в действие. Поэтому в отличие от наименований, принятых в отношении иных норм, условие здесь может быть названо и «диспозицией».

Двучленной классификации элементов норм-предписаний принадлежит важное значение. Она позволяет видеть в каждом предписании социалистического права только те элементы, которые в нем действительно существуют, и, следовательно, проводить четкий анализ норм. Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует законодателя. Он нацеливает его на то, чтобы четко формулировать в каждой норме-предписании два обязательных элемента — условие (гипотезу) и правовое последствие (диспозицию, санкцию). А это позволяет с предельной полнотой и определенностью регламентировать все стороны, все «нюансы» прав и обязанностей, правовых последствий, фактов, с которыми они связаны и т.д.

Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует и работников практики. Он требует, чтобы при анализе правовых предписаний, не упуская из поля зрения их связи с другими предписаниями (логической нормы), находить и условие и правовые последствия и, следовательно, с предельной полнотой и определенностью выявлять содержание предписаний.

Весьма симптоматично, что если попытаться свести структуру юридических норм только к трехчленной схеме (логическим нормам), то это приведет к обеднению содержания права, к выпадению из сферы анализа существенных моментов этого содержания. Так, выше было показано, что предписания ст. 110 Кодекса о браке и семье, посвященной обеспечению тайны усыновления, могут быть сведены в одну логическую норму с «тремя элементами». Однако при такой логической операции «выветриваются» следующие существенные моменты, относящиеся к отдельным предписаниям: а) тайна усыновления «охраняется законом» (абз. 1), т.е. является незыблемым принципом; б) изменение места рождения и даты рождения производится по просьбе усыновителя (абз. 2); в) это изменение только «может быть» произведено; г) об изменении места и даты рождения должно быть указано в решении об усыновлении (там же) и т.д. Совершенно очевидно, что втиснуть все эти важные моменты в схему логической нормы с «тремя элементами» невозможно.

Таким образом, только при параллельной характеристике *и* элементов логической нормы (при которой выявляются государственно-принудительные свойства права), *и* элементов норм-предписаний (при которой с необходимой полнотой раскрывается реальное фактическое содержание каждого из них) обеспечивается всесторонний анализ интеллектуально-волевого и юридического содержания норм.

Вопрос о структуре норм права относится к числу дискуссионных. Мнения правоведов разделились: одна группа авторов (П.Е. Недбайло, А.В. Мицкевич и др.) полагает, что норма права имеет три элемента, другая (С.В. Курьлев, Н.П. Томашевский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, А.Ф. Черданцев и др.) придерживается двучленной схемы.

Между тем, если с достаточной четкостью провести разграничение между логическими нормами и нормами-предписаниями, то становится ясным, что необходим анализ элементов нормы в обеих указанных плоскостях, т.е. и с точки зрения органической связи между гипотезой, диспозицией и санкцией, и с точки зрения элементов реальных, «живых» правовых предписаний. Не нужно только абсолютизировать каждый из указанных подходов и представлять двучленную схему или трехчленную схему в виде единственной и только возможной.

Ведь сторонники трехчленной классификации прямо подчеркивают, что при рассмотрении юридической нормы с точки зрения трех ее элементов (гипотезы, диспозиции и санкции) «речь идет о логической структуре нормы и логических ее элементах»¹. Но логическая структура — это структура нормы, выявляемая в процессе абстракции. Можно и полезно в результате мыслительной работы распределить весь (или почти весь) нормативный материал по логическим нормам и находить в каждой из этих норм три элемента. Очевидно, что подобные логические операции вовсе не устраняют реально существующую специализацию социалистического права и объективно существующего деления каждого *реального предписания* на два элемента.

Интересно, что попытки спасти трехчленную классификацию в качестве единственно возможной с одновременным признанием системности права привели к фактическому отрицанию возможности нахождения в норме реальной структуры. О.Э. Лейст полагает, что санкции (а также гипотезы) вообще не являются составными частями отдельно взятой нормы, а выступают в качестве ее необходимого атрибута². Но санкция как «атрибут» — это уже не структурная часть, а *свойство* нормы, которое может выражать действие других, в частности правоохранительных норм (заметим, что в отношении по-

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 67; см. также: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1966. С. 39, и др.

² Лейст О.Э. Санкции в советском праве. Госюриздат, 1962. С. 12; *Он же*. К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки ВЮОН. Вып. 15. М., 1962. С. 10–16; Общая теория советского права. С. 193 и сл.

следних отрицать существование санкции как особой части нормы было бы явно неправильным, как, впрочем, неправильно и отрицать наличие *в любом предписании гипотезы*). Таким образом, в конечном счете взгляд, согласно которому санкции и гипотезы являются лишь «атрибутами» правовой нормы, снимает вопрос о ее структуре, ибо это вопрос о частях ее содержания. Будучи последовательно развитой, позиция О.Э. Лейста оказывается наиболее крайним выводом из положения о системности права¹. По О.Э. Лейсту, каждая норма выступает в конечном итоге в качестве «бесструктурного» правила; гипотезы же и санкции представляют собой самостоятельные «диспозиции», самостоятельные правила, нормы².

Но может быть все же достаточно ограничиться при анализе структуры нормы права трехчленной классификацией, а нормы-предписания отнести к источникам права, к статьям нормативных актов? Так и рассуждают отдельные авторы, которые упрекают сторонников двучленной классификации в отождествлении норм права и статей закона³.

Но ведь норма-предписание — это и есть логически завершенное государственное веление, обособленно закрепленное в нормативном акте. Если в одной статье может быть несколько предписаний (и в этом отношении норму и предписание разграничивать необходимо), то разединить, разбить одно предписание по нескольким статьям невозможно. Немыслимо начать одну

¹ Автор правильно возражает против такого понимания права, когда оно «рассматривалось как «совокупность», «сумма» норм, причем в содержание каждой нормы входили все признаки права». Он пишет: «На деле отдельная правовая норма приобретает необходимые атрибуты, только включаясь в систему права, выступая в связи с другими нормами» (*Лейст О.Э.* К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки ВИЮН. Вып. 15. М., 1962. С. 20).

² Как пишет О. Э. Лейст, «и гипотезы, и санкции, рассматриваемые в определенном аспекте ...сводятся к «диспозициям»...» (*Лейст О.Э.* К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки ВИЮН. Вып. 15. С. 21).

Следовательно, то, что О.Э. Лейст называет «логической структурой нормы», по существу представляет собой связь между самостоятельными нормами (которые лишены внутренней структуры, но в силу связи друг с другом обладают «атрибутами»). Поэтому представляется неоправданной та решительность, с которой автор выступает в защиту трехчленной схемы. Неожиданным также представляется заявление автора о том, что теория, обосновывающая двучленную схему элементов нормы, подходит «к изучению права не с точки зрения системности права, взаимосвязи правовых положений, а с точки зрения их разрозненности, разобщенности, бессвязности» (там же. С. 30). Напротив, критикуемая автором теория только и может быть обоснована положениями о системности права. Но в отличие от позиции О.Э. Лейста она не ограничивается ссылками на свойства (атрибуты) нормы, а стремится выявить и структуру (внутреннее строение) реально существующих юридических норм-предписаний.

³ См., например: *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. С. 65 и сл.; *Общая теория советского права.* М.: Юрид. лит., 1966. С. 195.

В последней из указанных работ, в частности, отмечается: «Вопрос о структуре нормы относится к общей теории права; вопрос о структуре нормативного акта или статьи закона — к законодательной технике».

статью со слова «если...», затем оборвать изложение единого веления и в другой статье продолжать — «то...». Как уже отмечалось, «выделение» части нормы и ее формулирование в отдельной статье (абзаце, пункте) на самом деле представляет самостоятельное нормативное обобщение и образование обособленной нормы-предписания. В силу единства внешней и внутренней формы норма-предписание представляет собой нерасчленяемое целое¹. Первичному подразделению нормативного акта (статье, пункту, абзацу, иногда и отдельной фразе в абзаце) *в принципе соответствует* самостоятельное правовое предписание, в каждом из которых можно найти два элемента — указание на условия его действия и указание на правовые последствия².

Следует заметить, что концепция, сводящая структуру норм только к трехчленной схеме, помимо прочего, обедняет наши представления о праве. Если попытаться разложить все содержание права по нормам с «тремя элементами», то это приведет не только к «испарению» многих важных моментов в содержании регулирования, но и к устранению из права всех законодательных обобщений, выражающих достижения правовой культуры. Право окажется состоящим из описательных, повторяющихся формул, лишенных того влияния науки и результатов объективного процесса специализации, которые ему свойственны в настоящее время. Было бы ошибкой считать, что юридическая культура, правовая наука, внутреннее развитие самого права влияют только на форму изложения юридических норм, на распределение нормативного материала по статьям нормативных актов. Нет, указанные факторы через преобразование внешней формы влияют на самое содержание права, приводят к специализации юридических норм, к выделению таких норм-предписаний, которые связаны лишь с отдельной «операцией» процесса правового регулирования и, в частности, к выделению правоохранительных норм, регламентирующих меры государственно-принудительного обеспечения права, т.е. приводят к преобразованию внутренней формы — структуры права³.

---

¹ Примечательно, что в цитированной выше работе «Общая теория советского права» признается: «Каждая статья должна быть внутренне единой, должна выражать одну законченную мысль в ее полном объеме» (С. 217).

² Указывая на принципиальное единство нормативного предписания и статьи закона, А.Ф. Черданцев подчеркивает, что надо решительно возразить «против такого неприемлемого положения, при котором части единого целого (нормы права) разрываются, помещаются в разных отраслях права, в различных нормативных актах, издаваемых не одновременно, разными государственными органами и обладающих различной юридической силой» (Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 48—49).

³ В последнее время развернутую критику трехчленной структуры правовой нормы дал А.С. Пиголкин. Вместе с тем, по мнению автора, «различное назначение нормы (норма — принцип, легальное определение, норма — правило поведения и т.д.) определяет и разные связи внутри элементов нормы, несовпадающие ее части. Единой, универсальной структуры, свойственной всем нормам, нет и быть не может» (Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 23).

6. Строение элементов юридической нормы. Основными элементами нормы (и логической, и нормы-предписания) являются гипотеза, диспозиция, санкция. Каждый из этих элементов может иметь различное строение.

Строение элемента нормы зависит главным образом от того, каково их конкретное содержание, каков состав условий или правовых последствий, предусмотренных гипотезой или диспозицией (санкцией). А это, в свою очередь, обусловлено особенностями специализации права, тем, что в некоторых случаях законодатель как бы совмещает в одной норме части самостоятельных правовых предписаний.

Гипотезы юридических норм по своему строению могут быть: а) простыми; б) сложными; в) альтернативными.

Простая гипотеза — это гипотеза, которая ставит действие юридической нормы в зависимость от какого-либо одного условия, одного фактического обстоятельства. Такова, например, гипотеза нормы ст. 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, которая связывает возникновение гражданско-правовой деликтной ответственности только с одним фактом — причинением имущественного вреда. Простыми являются гипотезы (или по терминологии, принятой в науке уголовного права, — «диспозиции») норм Особенной части уголовного права.

Сложная (или кумулятивная) гипотеза — это гипотеза, которая ставит действие юридической нормы в зависимость от определенной совокупности условий, совокупности фактов. Иными словами, сложные гипотезы предусматривают тот или иной фактический (юридический) состав, необходимый для возникновения юридических последствий (см. гл. XIX настоящего тома). Примером юридических норм со сложной гипотезой могут служить нормы ст. 17 и 18 Основ законодательства о труде, согласно которым правовые последствия (расторжение трудового договора по инициативе администрации) наступают не только при наличии таких фактов, как ликвидация предприятия, прогул без уважительных причин и др., но и с согласия профсоюзного органа.

Альтернативная гипотеза — это гипотеза, которая ставит действие юридической нормы в зависимость от одного из нескольких указанных в норме условий, фактических обстоятельств. Так, норма, регламентирующая прекращение брака (ст. 30 Кодекса о браке и семье РСФСР), устанавливает, что брак прекращается смертью одного из супругов, объявлением его умершим в установленном порядке, а при жизни супругов — разводом по заявлению одного или обоих. Достаточно одного из указанных фактических обстоятельств (или смер-

ти супруга, или признания его умершим, или развода), чтобы наступили предусмотренные нормой правовые последствия – прекращение брака.

Диспозиции юридических норм по своему строению также могут быть: а) простыми; б) сложными; в) альтернативными. Различие (от одноименных гипотез) состоит лишь в том, что здесь строение диспозиции обусловлено составом правовых последствий, регламентированных нормой.

Простая диспозиция характеризуется тем, что она предусматривает одно, строго определенное правовое последствие, наступающее при наличии данных фактических обстоятельств. Так, например, выплата выходного пособия при увольнении работника (ст. 19 Основ законодательства о труде), административное выселение гражданина при самовольном занятии жилой площади (ст. 63 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) и др.

Сложная (или кумулятивная) диспозиция характеризуется тем, что она указывает на несколько правовых последствий, одновременно наступающих при наличии данных фактических обстоятельств. Например, при поставке недоброкачественной продукции поставщик обязан возвратить полученные суммы, уплатить штрафные санкции, возместить убытки и принять обратно бракованную продукцию.

Альтернативная диспозиция характеризуется тем, что она, указывая на несколько возможных правовых последствий, предполагает наступление только одного из них. Так, норма ст. 339 УПК РСФСР предусматривает, что в результате рассмотрения дела в кассационном порядке суд «принимает одно из следующих» решений: 1) оставляет приговор без изменения; 2) отменяет приговор и направляет дело на новое расследование или новое судебное рассмотрение; 3) отменяет приговор и прекращает дело; 4) изменяет приговор.

Приведенное деление диспозиций распространяется также и на ту часть правоохранительных норм, которая носит название «санкции». Так же, как и иные правовые последствия, санкции могут быть простыми, сложными и альтернативными.

И еще одно замечание. Нормы со сложными и альтернативными элементами в значительной степени носят «логический» характер. Каждое из них может быть расчленено на нормы-предписания с простыми элементами. Но именно – *расчленено*. Законодатель в силу частичного тождества их содержания формулирует в данном случае единые нормы.

В советской юридической литературе отдельные разновидности элементов юридической нормы получили освещение в статьях А.С. Пиголкина¹, И.П. Томашевского², в работах О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского³, П.Е. Недбайло⁴ и др., в книге «Общая теория советского права» (М.: Юридическая литература, 1966. С. 211 и след.).

Помимо приведенного деления элементов нормы на простые, сложные, альтернативные, в литературе используются и другие классификации.

Так, ряд авторов различает, с одной стороны, *казуальные* гипотезы и диспозиции (описывающие факты или правила путем перечисления), а с другой — *абстрактные* гипотезы и диспозиции (указывающие на типовые, родовые признаки фактов или правил). Различаются также простые, описательные, ссылочные и бланкетные диспозиции.

Однако эти классификации относятся не к особенностям самих элементов юридической нормы, не к их строению, а к своеобразию их *внешнего выражения в нормативных актах*. Они и будут рассмотрены в третьем разделе курса. Следует лишь заметить, что ссылочные, и в особенности бланкетные, нормы связаны также с процессом специализации права. В частности, бланкетные нормы, предусматривая обязанность соблюдать иные нормы, устанавливают за нарушение последних определенные меры воздействия (см., например, ст. 211, 212, 213 и др. УК РСФСР). Здесь, таким образом, тесная связь между правоустановительными нормами (к ним отсылает бланкетная норма) и охранительными нормами (сюда относится сама бланкетная норма) выражается наглядно, в самом построении бланкетных норм.

В литературе проводится также деление гипотез и диспозиций (санкций) по степени их определенности. Такое деление имеет важное значение. Оно отражает особенности норм в зависимости от их места в механизме правового регулирования. Поэтому указанное деление будет рассмотрено при общей классификации норм (гл. XIV).

---

¹ *Пиголкин А.С.* Нормы социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960. С. 172 и сл.

² *Томашевский Н.П.* О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. С. 226 и сл.

³ *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 160–169.

⁴ *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Изд-во Львовского ун-та, 1959. С. 60–68.

ГЛАВА XIV

ВИДЫ НОРМ ПРАВА

1. Структура права и виды юридических норм. Нормы социалистического права подразделяются на виды по самым различным основаниям (по форме их выражения, по сфере действия и т.п.). Какие же основания классификации юридических норм следует рассматривать в качестве ведущих, определяющих?

Проблему классификации юридических норм неправильно было бы решать только в формально логическом плане, преследуя лишь цель создания логически стройных, исчерпывающих делений юридических норм на виды.

Среди разнообразных делений норм на первое место должны быть выдвинуты те, которые выражают существенные особенности права как регулятора общественных отношений и, следовательно, позволяют глубже и полнее понять его черты, его действие. А это в свою очередь является прочной основой для того, чтобы с правильных теоретических позиций подойти и к решению вопросов практики, с необходимой эффективностью применять отдельные правовые нормы к конкретным случаям жизни.

Такой «угол зрения» на классификацию юридических норм означает, что *виды норм права рассматриваются прежде всего в качестве одного из выражений его структуры*. Перед нами, следовательно, не произвольно конструируемая классификация, а объективно существующее подразделение юридических норм, представляющее второй (после структуры отдельной нормы) уровень общей структуры права.

Подразделение юридических норм на виды хотя и относится к *микроструктуре* права, но характеризует более высокий уровень строения права. Поэтому здесь, при рассмотрении видов юридических норм, с большей отчетливостью проявляется зависимость структуры права от социальных особенностей правового регулирования.

Три фактора оказывают наиболее существенное влияние на деление юридических норм:

- а) функции социалистического права,
- б) специализация права,
- в) индивидуальное регулирование общественных отношений.

Первое место среди этих факторов принадлежит функциям права. Как уже отмечалось (гл. V), социально-юридические функции обуславливают строение права, важнейшие моменты его структуры. Главное подразделение функций – регулятивные и охранительные – предопределяет и главные виды юридических норм, исходные подразделения их *общей* классификации – деление норм на *регулятивные (правоустановительные)* и *охранительные*.

Но здесь же сразу нужно учитывать и действие второго из указанных выше факторов – специализацию права, обусловленную необходимостью максимально определенного, детализированного регламентирования, ростом юридической культуры и т.д. Из регулятивных и охранительных норм в развитых правовых системах обособляются *специализированные* нормы и потому общая классификация юридических норм дополняется третьим звеном и таким образом нормы подразделяются на регулятивные, охранительные и специализированные.

Влияние функций права проявляется и внутри одного из основных подразделений норм – регулятивных. Регулятивных функций две – статическая и динамическая.

Отсюда проистекает подразделение регулятивных норм по характеру прав и обязанностей, возлагаемых нормами на участников общественных отношений, – классификация норм на *обязывающие, запрещающие и уполномочивающие*.

Подразделяются и специализированные нормы по содержанию выполняемой ими функции (операциям); это нормы *общие, дефинитивные, декларативные, оперативные, коллизионные*.

Деление норм в соответствии с функциями и специализацией права образует общую классификацию (схема).

Общая классификация юридических норм в соответствии с функциями и специализацией права

Примечание. Прерывистой линией показаны функциональные связи между отдельными видами норм права.

На структуру права существенное влияние оказывает необходимость обеспечения индивидуального поднормативного регулирования. В связи с этим в праве обособляются, с одной стороны, *абсолютно-определенные и императивные нормы*, а с другой – *относительно-определенные и диспозитивные нормы*. Данное деление имеет особый характер. Оно выражает подразделение норм в *иной плоскости*, нежели общая классификация.

Надо заметить, что предметом классификации являются не логические нормы, а реальные, «живые» нормы-предписания. Логические

же нормы, как правило, вообще не подразделяются на какие-либо виды (разве только по сфере действия, юридической силе и некоторым другим критериям). «Собираемые» из суммы предписаний, они призваны отразить связи в правовой материи.

2. Регулятивные (правоустановительные) и правоохранительные нормы. Это главное деление юридических норм, соответствующее делению специально-юридических функций на регулятивные и охранительные.

По мере развития специализации права к двум главным видам норм присоединяется третий – специализированные нормы (п. 4). Впрочем, и правоохранительные нормы с точки зрения своего источника представляют собой результат специализации (в некоторых областях права и сейчас можно наблюдать процесс обособления правоохранительных предписаний). Но правоохранительные нормы приобрели в структуре права самостоятельное значение, в принципе равное с регулятивными. Выражая действие самостоятельной функции права, они образуют в праве обширную подсистему, охватывающую все отрасли.

Регулятивные и охранительные нормы в отличие от специализированных служат самостоятельной нормативной основой возникновения правоотношений – регулятивных и охранительных.

К регулятивным (правоустановительным) принадлежат нормы, которые непосредственно направлены на регулирование общественных отношений путем предоставления участникам прав и возложения на них обязанностей. Рассматриваемый вид юридических норм является «правоустановительным», потому что роль норм в регулировании общественных отношений сводится главным образом к тому, чтобы установить субъективные юридические права и обязанности.

Регулятивные (правоустановительные) нормы образуют основное содержание, костяк социалистического права в целом. Именно через эти нормы непосредственно осуществляются основные функции права как регулятора общественных отношений. Конечно, та или иная регулятивная норма не регламентирует данное общественное отношение в полном объеме. В соответствии с достигнутым уровнем специализации действие регулятивных норм сочетается с действием охранительных, а также дефинитивных и иных специализированных норм. Но все же нормы рассматриваемого вида непосредственно выражают регулятивные функции права и поэтому выделяются среди других юридических норм.

Примеров регулятивных норм можно привести множество. По существу любая норма, которая в своей диспозиции содержит указание на субъективные юридические права и обязанности, не связанные

с правовой ответственностью или защитой права, является регулятивной (правоустановительной).

Правоохранительные нормы — нормы, направленные на регламентацию мер юридической ответственности, а также специфических государственно-принудительных мер защиты субъективных прав и превентивных средств (обобщенно — санкций). Необходимость обособленной и притом дифференцированной регламентации государственно-принудительных мер обусловлена различной тяжестью нарушений обязанностей, возлагаемых регулятивными нормами. Так, общая обязанность не нарушать право общественной социалистической собственности является единой. Но нарушения этой обязанности могут быть различными не только по своему фактическому содержанию (кража, грабеж, присвоение и т.п.), но и по степени опасности данных противоправных действий для общества (уголовное преступление, административный проступок и др.).

Охранительные юридические нормы выражают правоохранительную функцию права. Своеобразие охранительных норм состоит в том, что они всегда содержат юридическую санкцию. Они в процессе специализации права потому и выделились в самостоятельную разновидность норм, что при установлении государственно-принудительных мер оказалось необходимым учитывать разнообразие особенности правонарушений (степень и форму вины правонарушителя, последствия деяния и др.), влияющих на вид и величину санкций.

Последующее деление юридических норм (распространяющееся только на регулятивные нормы) связано с существованием двух регулятивных функций — динамической и статической¹.

3. Разновидности регулятивных норм. Значение регулятивных норм в механизме правового регулирования состоит в том, чтобы регламентировать поведение субъектов путем установления субъективных юридических прав и обязанностей. Но характер прав и обязанностей, устанавливаемых регулятивными нормами, различен. Отсюда и про-

---

¹ Охранительная функция — единая, она не подразделяется (как регулятивная) на самостоятельные направления правового воздействия. Поэтому и правоохранительные нормы не имеют внутренних структурных подразделений. Приводимые в уголовно-правовой литературе деления норм, содержащихся в уголовном законодательстве, касаются, по сути дела, отграничения уголовных охранительных норм от норм, носящих специализированный характер, — декларативных (т.е. норм-принципов), определительных (т.е. дефинитивных), отдельных закрепительных норм (*Герцензон А.А.* Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 182; *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 39–41; *Курс советского уголовного права.* Часть Общая. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1968. С. 72–73).

истекают те отличительные черты, которые приводят к размежеванию регулятивных норм на обязывающие, запрещающие и управомочивающие.

Для того чтобы лучше разобраться в рассматриваемом вопросе, нужно припомнить особенности тех юридических средств, при помощи которых осуществляются регулятивные функции права – статическая и динамическая.

Начнем с динамической функции. Основным юридическим средством проведения динамической функции является возложение на лиц *активных* обязанностей – совершать определенные положительные действия. Например, по нормам трудового права рабочий или служащий должен осуществлять известные трудовые функции. Эта обязанность соответствует субъективному праву администрации. Причем право администрации (в рамках данных правоотношений) выражается в праве требования от рабочего или служащего исполнения трудовых функций. Следовательно, субъективное право не обладает здесь каким-либо самостоятельным фактическим содержанием: достаточно указать на содержание обязанности, как в то же время будет раскрыто и содержание права (требовать совершения положительных действий, возложенных на рабочего или служащего). Вот почему регулятивные нормы, устанавливающие права и обязанности данного типа, называются *обязывающими*.

Другую картину мы видим в правоотношениях, возникающих при осуществлении статической регулятивной функции. Основным юридическим средством проведения статической функции является такое построение правовых связей, в соответствии с которым на лицо возлагаются *пассивные* обязанности – воздерживаться от действий известного рода. Типический пример: правоотношения собственности, в силу которых третьи лица обременены обязанностью воздерживаться от нарушения прав собственника. В правоотношениях этого типа фактическое содержание субъективного права не может быть раскрыто только одним указанием на содержание обязанности. Управомоченный не только вправе требовать от третьих лиц воздержания от действий известного рода, но и сам может совершать определенные положительные действия (например, собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом). Иными словами, и субъективное право, и юридическая обязанность имеют в правоотношениях данного типа самостоятельное содержание. И они могут быть урегулированы «раздельно», в особых регулятивных нормах. В одних нормах могут быть установлены правомочия собственника, а в других – общая

обязанность (запрет) не нарушать эти правомочия. Вот почему наряду с обязывающими нормами существуют еще два вида регулятивных норм – *запрещающие*, направленные на регламентацию пассивных обязанностей, и *управомочивающие*, направленные на регламентацию субъективных прав с положительным содержанием.

Итак, в зависимости от характера субъективных прав и юридических обязанностей регулятивные нормы подразделяются на три вида:

обязывающие – это юридические нормы, устанавливающие обязанность лица совершать определенные положительные действия;

запрещающие – это юридические нормы, устанавливающие обязанность лиц воздерживаться от действий известного рода (запреты);

управомочивающие – это юридические нормы, устанавливающие субъективные права с положительным содержанием, т.е. права на совершение управомоченным тех или иных положительных действий.

Нетрудно заметить, что приведенное деление органически связано не только с особенностями регулятивных функций, но и с характером регулятивного воздействия, которое осуществляется при помощи обязывающих предписаний (обязывающие нормы), запретов (запрещающие нормы) и дозволений (управомочивающие нормы)¹.

Конечно, если отвлечься от конкретного нормативного материала и не принимать во внимание содержание прав и обязанностей, то может сложиться впечатление, что данное деление является условным: в этом случае норма одновременно предоставляет право (и, следовательно, является «управомочивающей»), возлагает обязанность (и, следовательно, является «обязывающей»), запрещает не исполнять обязанность (и, следовательно, является «запрещающей»). С этой точки зрения может показаться, что деление регулятивных норм на обязывающие, запрещающие, управомочивающие лишено теоретического и практического значения.

Однако, разграничивая виды регулятивных норм, необходимо прежде всего обращать внимание на *содержание* субъективных юридических прав и обязанностей. Обязывающие – это нормы, возлагающие на лицо не просто юридическую обязанность, а обязанность *положительного* содержания (совершать известные действия). Запрещающие нормы, казалось бы, тоже устанавливают юридическую обязанность, но все дело в том, что это обязанность *воздерживаться от действий*

---

¹ В литературе при обосновании этого деления правильно указывается на то, что «существует три основных метода правового воздействия на поведение людей – позитивное обязывание, запрет и дозволение» (Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 213).

известного рода. А управомочивающие нормы предоставляют лицу не просто субъективное право, а субъективное *право на положительные действия самого управомоченного*¹.

Делению юридических норм на обязывающие, запрещающие и управомочивающие принадлежит существенное значение для понимания своеобразия воздействия права на общественные отношения. Как правильно пишет П.Е. Недбайло, «это вопрос о функциях нормы в общественной жизни, методах ее воздействия на поведение людей в обществе...»².

Рассматриваемое деление имеет и практическое значение. Оно не только способствует лучшему усвоению содержания прав и обязанностей, устанавливаемых той или иной регулятивной нормой, но и позволяет с надлежащей четкостью формулировать правовые положения в нормативных актах. Когда в нормативных актах употребляются выражения «возложить обязанность», «запретить», «предоставить право», то это делается не по произвольному усмотрению составителей акта, а в соответствии с содержанием данных юридических норм. Не случайно в одном и том же нормативном акте при указании на права и обязанности употребляются различные словесные формулировки. Так, в постановлении Совета Министров СССР от 15 мая 1962 г. № 442 «О товарных знаках» в ст. 1 содержится обязывающая норма и ее формулировка начинается со слова «обязать» («обязать государственные, кооперативные и общественные предприятия и организации помещать на выпускаемых ими изделиях или на упаковке товарные знаки...»), в ст. 3 содержится запрещающая норма и ее формулировка начинается со слов «запретить» («запретить использование...» определенных товарных знаков), а в ст. 4 и 5 содержатся управомочивающие нормы и их формулировки начинаются со слов «предоставить право» (ст. 4: «Предоставить право торговым организациям... по-

¹ Указанных особенностей обязывающих, запрещающих и управомочивающих норм не учитывают авторы, которые считают это деление формальным, относящимся к форме изложения норм, а не к их содержанию (см., например: *Пиголкин А.С.* Нормы советского социалистического права и их структура // *Вопросы общей теории советского права.* Госюриздат, 1960. С. 163–164; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 177). Тем более непонятным представляется заявление А.С. Пиголкина о том, что «вышеуказанное деление ...лишь запутывает советскую юридическую науку» (*Вопросы общей теории советского права.* С. 164). Правильные соображения в защиту рассматриваемого деления юридических норм приведены П.Е. Недбайло (см.: *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Изд-во Львовского ун-та, 1959. С. 68–74; *Он же.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 74–75).

² *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. С. 69.

мешать на реализуемых ими товарах, изготовленных по их специальным заказам... свой товарный знак»)¹.

4. Разновидности специализированных норм. Специализированные нормы в отличие от регулятивных и охранительных носят дополнительный характер. Они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений. При регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и правоохранительным, образуя в сочетании с ними единый регулятор.

Специализированные нормы отграничиваются друг от друга в зависимости от того, какую функцию (операцию) они выполняют в процессе правового регулирования. По этому критерию они подразделяются на пять основных разновидностей: общие (закрепительные), дефинитивные, декларативные (нормы-принципы), оперативные, коллизионные.

Общие (закрепительные) – нормы, направленные на фиксирование в обобщенном виде определенных элементов регулируемых отношений. Развитие этой разновидности норм связано с ростом законодательной культуры, законодательных обобщений и, в частности, с «выведением за скобки» некоторых общих моментов в правовом опосредствовании общественных отношений. К их числу относятся, например, нормы, регламентирующие условия правосубъектности граждан, общие условия исполнения обязательственных отношений в гражданском праве, нормы общей части уголовного права, указывающие на некоторые единые признаки преступления, наказаний, условий освобождения от наказания и др.

Общие нормы «выводят за скобки» повторяющиеся моменты в регулировании, выражают их в обобщенном виде. Из общих норм (а также дефинитивных и декларативных) складывается основное содержание общих институтов и «общих частей» отраслей права. Именно в этих нормах проявляются главные черты отраслевых методов правового регулирования.

Дефинитивные – нормы, направленные на закрепление в обобщенном виде признаков данной правовой категории. По сути дела дефинитивные нормы представляют собой как бы продолжение закрепительных норм. В отличие от последних они закрепляют не отдельные элементы регулируемых отношений, а научно сформулированные *определения понятий*, юридические категории (понятия преступления, гражданского судопроизводства, юридического лица и т.д.).

---

¹ СП СССР. 1962. № 7. Ст. 59.

Декларативные (нормы-принципы) – нормы, в которых сформулированы правовые принципы (см., например, ст. 11–20 УПК РСФСР), а также задачи данной совокупности юридических норм (см. первые статьи Основ гражданского судопроизводства, Основ гражданского законодательства, УК РСФСР, УПК РСФСР и др.).

Дефинитивные нормы и нормы-принципы сами по себе, разумеется, детализированно не регулируют общественные отношения. Но, формулируя те или иные правовые категории, правовые принципы, задачи, они органически входят в данную совокупность норм, способствуют их правильному применению и поэтому выступают в качестве необходимого элемента нормативного механизма правового регулирования общественных отношений. В то же время нормы-принципы имеют и известное самостоятельное регулирующее значение: они, как уже говорилось (п. 1 гл. VI), направляют юридическую практику, определяют общие линии-решения юридических дел.

Оперативные – нормы, роль которых в процессе регламентации общественных отношений выражается в отмене действующих нормативных положений или в распространении данных норм на новый круг общественных отношений, в пролонгации норм на новый срок и др. Они называются «оперативными» потому, что обеспечивают регламентацию общественных отношений оперативным путем – не через издание новых регулятивных (правоустановительных) норм, а через изменение сферы и сроков действия уже функционирующих юридических норм или через прекращение их действия вообще.

Коллизионные – предписания, указывающие на нормы (закон, правовую систему), которые должны быть применены в данном случае, т.е. предписания, регулирующие выбор между нормами. Они призваны решать «коллизии» – столкновения норм, законов, связанные с особенностями в республиканском законодательстве, а также с особенностями правового регулирования в разных государствах. По своей структуре коллизионные предписания, как и иные нормы-предписания, состоят из двух частей – гипотезы и диспозиции, которые здесь носят своеобразные названия – «объема» (указание на те отношения, к которым норма применяется) и «привязки» (указание на норму, закон, правовую систему, подлежащие применению к данным отношениям)¹.

Таким образом, значение отдельных разновидностей специализированных норм в процессе правового регулирования отличается рядом особенностей. Некоторые из них (общие, дефинитивные, декларатив-

---

¹ Луц Л.А. Международное частное право. М.: Юрид. лит., 1970. С. 138.

ные) выражают высокий уровень законодательных обобщений; другие (оперативные, коллизионные) являются как бы «нормами о нормах». Но во всех случаях они являются результатом дифференциации и интеграции нормативного материала, результатом того объективного процесса специализации, который присущ современному социалистическому праву.

5. Разновидности юридических норм, различаемые по характеру их связи с индивидуальным регулированием (абсолютно определенные и относительно определенные; императивные и диспозитивные). Это специфическая плоскость деления юридических норм на виды, иной (по сравнению с общей классификацией) «разрез» права.

Индивидуальное регулирование в праве носит поднормативный характер. Оно не только осуществляется на основе, в пределах и формах, предусмотренных нормами, но в той или иной степени ими *направляется*. А это значит, что в праве существуют особые разновидности норм, которые призваны как бы «опекать» индивидуальное регулирование, обеспечивать его поднормативность, пределы «усмотрения» и т.д.

Индивидуальное регулирование независимо от его вида предполагает, во-первых, наличие известного простора для самостоятельного решения субъектом того или другого вопроса в соответствии с особенностями данной ситуации, а, во-вторых, наличие полномочий у лиц на такое решение. Каждая норма, направленная на обеспечение индивидуального регулирования, выражает оба эти момента: она не дает исчерпывающего, абсолютно определенного решения, оставляя в регулировании как бы некоторые «пустоты» и в то же время позволяет определенным лицам самим решать (конкретизированно урегулировать) данные вопросы. Однако соотношение указанных двух моментов в конкретных нормах зависит от вида индивидуального регулирования.

Здесь следует различать: а) индивидуальное регулирование, осуществляемое компетентными правоприменительными органами на основе предоставленных им государственно-властных полномочий; б) «автономное» регулирование, осуществляемое самими участниками регулируемых отношений на основе предоставленной им свободы распоряжения своими правами (диспозитивности).

В первом случае, когда индивидуальное регулирование осуществляется компетентными органами, момент дозволенности не является в норме решающим: он предопределен наличием у правоприменительных органов государственно-властных полномочий. Поэтому на первый план в норме выступает *степень определенности* ее содержания, т.е. указание на то, в какой мере, по каким вопросам правопримени-

тельный орган может принимать самостоятельные решения. Вот почему в данной плоскости различаются абсолютно определенные и относительно определенные нормы.

Во втором случае, когда индивидуальное регулирование осуществляют участники данного отношения, на первый план выступает момент дозволенности, допустимости «автономного» урегулирования. Ведь участники общественного отношения в принципе обладают лишь правовой активностью; они могут участвовать в правовом регулировании на основе дозволения, опираясь на которое лица действуют «диспозитивно» — сами определяют свои взаимоотношения. Вот почему в области «автономного» регулирования деление норм осуществляется под несколько иным углом зрения — они подразделяются на императивные и диспозитивные.

А б с о л ю т н о о п р е д е л е н н ы е и о т н о с и т е л ь н о о п р е д е л е н н ы е н о р м ы.

Абсолютно определенные — это нормы, которые с необходимой конкретностью и полнотой устанавливают условия действия нормы, права и обязанности ее адресатов и не предусматривают возможность конкретизации общественных отношений с помощью индивидуальных правоприменительных актов. Например, норма ст. 270 УПК предписывает, что «явившиеся свидетели до начала их допроса удаляются из зала судебного заседания». Какого-либо права суда на решение вопроса о том, удалять или не удалять свидетелей, норма не предоставляет.

Относительно определенные — это нормы, которые не содержат достаточно полных указаний об условиях действий нормы, правах и обязанностях сторон или юридических санкциях и предоставляют право государственным и иным правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств. Указанная разновидность норм выражает наличие определенных пределов «свободы усмотрения» компетентного органа. Эти пределы могут быть различными и, следовательно, может быть различной и степень определенности норм.

В связи с этим относительно определенные нормы подразделяются на три основные группы: ситуационные, альтернативные, факультативные.

Ситуационные — это нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации¹.

---

¹ Впервые в юридической литературе на факт существования ситуационных норм указал К.И. Комиссаров (см.: *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51). Автор, однако, допускает неточность, когда помещает ситуационные нормы в один ряд с императивными и диспозитивными нормами. Он более точен, когда (применительно к одному из

Вместе с тем и в рамках ситуационных норм пределы усмотрения, предоставляемые компетентным органам, весьма различны.

Так, довольно значительные пределы усмотрения допущены, например, в нормах с формулировками «в случае надобности» (СУ РСФСР. 1934. № 13, п. 19 ст. 81), в нормах, предусматривающих право государственного органа решать данный вопрос и не содержащих конкретных указаний на условия того или иного решения (см., например, нормативные положения гражданских кодексов, согласно которым суд при определении размера возмещения за вред должен учитывать имущественное положение обеих сторон), и др.

К числу ситуационных принадлежат также нормы, предусматривающие более узкие пределы усмотрения, — нормы, которые содержат указания об условиях их действия, правах и обязанностях сторон, но которые в то же самое время позволяют конкретизировать их в установленных пределах. Так, в соответствии с действующим брачно-семейным законодательством судебные органы во многих случаях устанавливают объем уплачиваемых алиментов; при расторжении брака — порядок раздела имущества и т.д.¹

Альтернативные и факультативные нормы выражают сложное (кумулятивное) или альтернативное построение их элементов (гл. XIII), которое в большинстве случаев обусловлено необходимостью определенным образом регламентировать пределы усмотрения правоприменительного органа.

Альтернативные — это нормы, предусматривающие возможность применения правоприменительным органом одного из нескольких точно обозначенных в норме вариантов, в том числе вариантов санкций (см. указанную ранее ст. 339 УПК РСФСР, ст. 246, 364 ГК РСФСР и др.).

Факультативные — это нормы, предусматривающие наряду с главным вариантом, который применяется, «как правило», факультативный вариант. Он может быть применен правоприменительным органом в порядке замены основного варианта при определенных усло-

---

элементов нормы) различает три разновидности относительно-определенных санкций: альтернативные, факультативные, ситуационные (*Комиссаров К.И.* Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 74–75). Впрочем, попытки дополнить деление норм на императивные и диспозитивные следует признать «традиционными»: в качестве «третьего члена» этого деления пытались обрисовать и рекомендательные и даже поощрительные нормы.

¹ О разновидностях административного усмотрения см.: *Корнев А.П.* Применение норм советского административного права. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ленинград, 1971. С. 26–27.

виях. Так, согласно ч. 1 ст. 47 ГК РСФСР несоблюдение обязательной нотариальной формы сделки влечет за собой ее недействительность. В то же время ч. 2 этой же статьи предоставляет суду право признать сделку, совершенную с нарушением нотариальной формы, действительной при условии, если она не содержит ничего противозаконного, одна из сторон полностью или частично исполнила ее, а другая уклоняется от нотариального оформления¹.

Пределы усмотрения, предусматриваемые альтернативными и факультативными нормами, не столь широки, как в случаях, регламентированных ситуационными нормами. Здесь с большей наглядностью проявляется направляющая роль юридических норм в индивидуальном регулировании: нормы прямо устанавливают варианты, которые (и только которые) может выбрать правоприменительный орган. Однако и здесь перед нами индивидуальное регулирование, выражающее государственно-властные полномочия компетентных органов.

Императивные и диспозитивные нормы.

Императивные — это нормы, выраженные в категорических предписаниях, которые не могут быть заменены по усмотрению лиц иными условиями их поведения. Если участники общественного отношения все же заключили соглашение, устанавливающее иной порядок, то оно (соглашение) все равно признается недействительным, ничтожным; следовательно, и в этом случае действует категорическое предписание, выраженное в императивной норме. Так, например, если стороны включили в договор условие, направленное на ограничение правоспособности (допустим, предусмотрели обязанность одной из сторон не вступать в брак до достижения тридцатилетнего возраста), то подобное соглашение лишено какой-либо юридической силы, ибо нормы, регламентирующие правоспособность граждан, носят императивный характер.

Диспозитивные — это нормы, которые действуют лишь постольку, поскольку стороны своим соглашением не установили иных условий своего поведения. Диспозитивные нормы иногда называются также «восполнительными»: они восполняют отсутствующее соглашение, функционируют лишь тогда, когда стороны не договорились между собой по данному вопросу. На практике они и распознаются по таким формулировкам, как «при отсутствии иного соглашения», «если иное не установлено в договоре» и др. (см., например, норму ст. 53 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

---

¹ Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 30–31.

Таким образом, диспозитивные нормы однотипны с относительно определенными нормами: и те, и другие предусматривают возможность регламентации общественных отношений при помощи индивидуальных актов. Но они отличаются друг от друга тем, что в диспозитивных нормах на первый план выступает момент дозволения: они устанавливают такую степень диспозитивности, в соответствии с которой лица сами («автономно») решают определенный вопрос; правило же в норме предусматривается только на тот случай, если субъекты данный вопрос «автономно» не урегулируют¹. Относительно определенные нормы функционируют в *сочетании* с индивидуальными актами (актами органов государственного управления, актами судебных органов). Диспозитивные же нормы действуют *при отсутствии* индивидуальных актов-соглашений между сторонами по данному вопросу.

Диспозитивные нормы встречаются главным образом в гражданском праве. Особенности имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, предполагают необходимость известной децентрализованной регламентации содержания отношений при помощи гражданско-правовых договоров. Изредка диспозитивные нормы можно встретить и в других отраслях права. Такой нормой является, например, правило ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР, предусматривающее, что по ряду дел, возбужденных по жалобе потерпевшего, приговор может быть вынесен судом только в том случае, если до удаления суда в совещательную комнату не достигнуто примирение сторон.

Более широкой категорией, чем диспозитивные нормы, является *принцип диспозитивности*, характеризующий самостоятельность, свободу субъектов в распоряжении своими правами, в том числе и процессуальными средствами. Этот принцип выражается не только в диспозитивных, но и в императивных нормах².

---

¹ «Диспозитивная норма — сложная норма, где органически сочетаются два самостоятельных правила. Одно правило — это предоставление правомочия сторонам действовать в конкретных условиях по собственному усмотрению. Другое же правило, имеющее самостоятельное значение,— это предписание на случай, если стороны правоотношения сами не определили права и обязанности» (Общая теория советского права. С. 215). Вместе с тем следует учитывать, что правило, устанавливаемое на случай отсутствия соглашения, все же служит известным образом, ориентирующим стороны на «предпочтительный» вариант.

² Известное смещение диспозитивных норм и принципа диспозитивности допускает Б.А. Галкин, по мнению которого «в тех случаях, когда возможность выбора определенного способа действия в зависимости от индивидуальной воли субъекта правоотношения закон адресует к гражданину, можно говорить о диспозитивных процессуальных нормах» (Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962. С. 65).

6. Другие виды юридических норм. Деления юридических норм, выраженные в общей классификации, а также в классификации, связанной с индивидуальным регулированием, отражают существенные стороны структуры права, особенности его регулятивного воздействия на общественные отношения.

Существуют и другие деления юридических норм, которые хотя и не имеют столь глубоких оснований, но им также принадлежит важное значение при решении практических вопросов.

Таким, в частности, делением является классификация юридических норм на общие и специальные по признаку объема (сферы) их действия¹.

Общими называются юридические нормы, которые распространяются на род данных отношений в целом, а *специальными* — нормы, действующие только в пределах отдельного вида отношений. Например, нормы Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ГК союзных республик, посвященные договору поставки, являются общими, а нормы Особых условий, регламентирующие поставку продукции определенных видов, — специальными.

В качестве особой разновидности норм, различаемых по сфере действия, могут быть выделены *исключительные* нормы, т.е. нормы, устанавливающие иной порядок, нежели общие и специальные нормы (например, нормы, устанавливающие порядок бездоговорной поставки продукции, идущей на экспорт).

При классификации юридических норм по объему действия угол зрения может быть несколько изменен и нормы могут быть разграничены по кругу лиц. В этом случае в число общих опять-таки входят нормы, распространяющиеся на род данных отношений, а в число специальных — на вид отношений. Все дело лишь в том, что особенности тех или иных норм непосредственно связываются с определенной категорией субъектов. Так, в трудовом праве общие нормы, распространяющиеся на всех работников, сочетаются со специальными нормами, дифференцированными сначала отдельно в отношении рабочих и служащих, а затем еще и по особым категориям рабочих, и по особым категориям служащих.

Разграничение норм по объему их действия может быть проведено не только по родам и видам отношений (кругу лиц), но и по другим признакам.

---

¹ См. по этому вопросу: *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Изд-во Львовского ун-та, 1959. С. 85—86.

По признаку сферы действия юридические нормы могут быть подразделены на *общие и местные (ведомственные)*. Здесь общие — это нормы, распространяющиеся на лиц независимо от того, на какой территории лица находятся или в состав какой организации они входят; а местные (ведомственные) — нормы, действующие в отношении лиц только в том случае, если эти последние находятся на определенной территории или же входят в состав данной организации. Необходимо специально указать на *локальные (внутриорганизационные) нормы*, т.е. нормы, действующие только в пределах определенного предприятия, колхоза и т.д. (например, правила внутреннего распорядка данного предприятия, нормы устава данного колхоза и др.)¹.

По времени действия юридические нормы могут быть подразделены на *общие и временные*. Общие — это нормы, установленные на неопределенный срок действия до их отмены или изменения; временные — нормы, установленные только на определенный срок (например, на время военного положения, на время стихийного бедствия и др.).

Некоторые виды юридических норм выделяются в рамках отдельных стадий процесса правотворчества, правового регулирования. Такими, в частности, *рекомендательные нормы*. Рекомендации, содержащиеся, например, в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, представляют собой совет, предложение, пожелание компетентных органов, обращенное к кооперативным и общественным организациям. Их нормативное, правовое значение состоит в том, что они: а) уполномочивают кооперативную или общественную организацию принять определенное решение; б) обязывают ее обсудить рекомендацию и в) предварительно санкционируют решение организации по данному вопросу (что является основой для последующей регистрации или утверждения соответствующих актов колхоза в государственных органах²).

Рекомендации нужно рассматривать в связи с теми локальными нормами, которые принимает колхоз или иная организация. В этом отношении рекомендации и являются *этапом* в нормотворческом процессе, осуществляемом колхозами и иными кооперативными и общественными организациями, организуют и направляют его³, обеспечивают единство локальных норм в масштабе всей страны.

---

¹ По вопросу о социальной и правовой природе локальных норм см. статьи Л.Б. Гальперина, Р.И. Кондратьева, С.С. Каринского (Правоведение. 1971. № 5. С. 36–55).

² См. по этому вопросу соображения З.С. Беляевой в работе «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства» (Госюриздат, 1962. С. 456–458).

³ Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 50.

В юридической литературе иногда выделяются в самостоятельный вид *поощрительные* нормы, т.е. нормы, устанавливающие меры поощрения за совершение действий, особо полезных для общества. По своему фактическому содержанию эти нормы могут быть выделены в особую группу. Но с юридической стороны поощрительные нормы не представляют собой чего-либо специфического. Они являются императивными нормами, обращенными к государственным органам. Причем поощрительные нормы относятся либо к числу управомочивающих, относительно определенных норм (когда они, например, устанавливают право награждать тех или иных лиц орденами, медалями, почетными званиями, почетными грамотами), либо к числу обязывающих, абсолютно определенных норм (когда они, например, устанавливают премии для клиентуры на некоторых видах транспорта — железнодорожном, морском).

Среди проблем классификации юридических норм, еще не решенных нашей правовой наукой, следует указать на проблемы так называемых «отраслевых» норм, т.е. норм, разграничиваемых друг от друга по отраслям права. Действительно, если отрасли права размежевываются не только по предмету, но также по методу регулирования и структурным особенностям, то это означает, что в самих юридических нормах могут быть найдены признаки, которые указывают на принадлежность норм к той или иной отрасли. Правда, особенности данной отрасли выражаются прежде всего в определенных видах норм (в частности, норм, регламентирующих общее юридическое положение субъектов), а также в самом сочетании норм между собой. Однако едва ли можно сомневаться в том, что особенности отраслей права отражаются и на отдельных юридических нормах. Не случайно, например, в советской юридической литературе многие авторы проводят разграничения санкций норм по отраслям права (административные, уголовные и другие санкции). Более тщательный анализ, вероятно, позволит обнаружить специфические черты в диспозициях норм той или иной отрасли, их гипотезах, в сочетании элементов и т.д. Эта проблема еще ждет своего исследователя.

ГЛАВА XV

ПРАВООТНОШЕНИЕ

(общая характеристика)

1. Понятие правоотношения. Это возникающая на основе норм социалистического права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой социалистического государства.

Правоотношение всегда представляет собой известную связь. Это значит, что его участники занимают по отношению друг к другу определенное положение, так или иначе «связаны» между собой. Причем правоотношение является не просто связью, а связью общественной, т.е. связью между лицами — отдельными людьми, их коллективами, государством, органами государства. Правоотношения, так же как и всякие отношения между лицами, обладают общественной природой, общественным содержанием.

Специфические признаки правоотношения таковы.

1) Это связь между лицами, возникающая *на основе норм права*. Правоотношения потому и представляют собой особые общественные связи, что они складываются на базе юридических норм. Через правоотношения требования юридических норм реализуются, превращаются в поведение людей.

Известно, что «правовые отношения... не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»¹. Обусловленность правоотношений материальными условиями жизни общества проявляется главным образом через волю государства, через издаваемые им юридические нормы. Следовательно, характеристика юридических норм как основы правоотношений неизбежно приводит в ходе дальнейшего анализа к решающим экономическим факторам, обуславливающим правоотношения, — к экономическому базису.

2) Это возникающая на основе норм права связь между лицами *через их субъективные юридические права и обязанности*. Весьма важно об-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

ратить внимание на то, что между лицами складывается связь именно потому, что данные лица являются носителями прав и обязанностей. Рассматриваемая особенность правоотношений иногда ускользает из поля зрения, и тогда общие положения о правовых отношениях теряют необходимую четкость.

В самом деле, почему на основе юридических норм между лицами возникает связь? Да потому, что юридические нормы предоставляют одному лицу (или лицам) право, на другое же лицо (или лиц) возлагают обязанность. А право и обязанность (и в этом суть правоотношения!) едины. Например, когда по договору купли-продажи на одну сторону – райпотребсоюз – возложена *обязанность* отгрузить к установленному сроку детали и конструкции индивидуального жилого дома, а другая сторона – гражданин Петров – имеет *право* на получение деталей и конструкций, то совершенно очевидно, что право и обязанность по своему фактическому содержанию в значительной степени совпадают. И то, и другое посвящено одному и тому же предмету – предоставлению в собственность деталей и конструкций жилого дома. Но гражданин Петров наделен правом, т.е. «может» (может требовать от продавца отгрузки ему изделий), а райпотребсоюз обременен обязанностью, т.е. «должен» (должен произвести отгрузку). И именно в силу единства права и обязанности, которыми наделены разные лица, они (лица) связаны между собой.

3) Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая *поддерживается (гарантируется) принудительной силой социального государства*. Как только те или иные лица становятся носителями субъективных юридических прав и обязанностей, так сразу же они попадают в специфическое положение по отношению к государству. Ведь это не просто субъективные права и обязанности, а юридические права и обязанности. Государство поддерживает, гарантирует действия носителя субъективного права (управомоченного), обеспечивает исполнение обязанностей.

Таким образом, можно сказать, что правоотношение, будучи связью между лицами, вместе с тем всегда представляет собой также и связь данных лиц с государством.

4) Это возникающая на основе норм права связь между лицами, которая в той или иной степени носит *индивидуализированный, определенный характер*.

Правоотношение прежде всего так или иначе индивидуализировано по своим субъектам. Причем в одних случаях существует полная, двусторонняя индивидуализация, когда все участники правоотношения точно,

«поименно» определены (таковы, например, обязательственные отношения в гражданском праве), в других случаях индивидуализация является односторонней, когда точно фиксируются лишь субъекты одной из сторон правоотношения (таковы, например, правоотношения собственности, где индивидуализированы только носители права собственности). Наконец, существуют и такие правоотношения, где индивидуализация выражается в строго определенной всеобщности прав и обязанностей, в том, что *все* лица являются носителями данных субъективных прав и обязанностей (конституционные, государственно-правовые отношения).

Правоотношениям свойственна определенность содержания прав и обязанностей, т.е. того поведения, которому должны (или могут) следовать участники правоотношения¹.

2. Правоотношение в системе отношений социалистического общества. Правоотношения в нашем обществе являются составной, необходимой частью всей системы социалистических общественных связей. На современном этапе развития социалистического общества складывающиеся в нем отношения могут существовать и функционировать постольку, поскольку они в значительной своей части выступают также в виде (форме) правовых. Это обеспечивает всеобщность, слаженность, определенность и гарантированность всей системы социалистических общественных отношений.

Правоотношения, следовательно, так же как и нормы права, играют функционально-связующую, «управленческую» роль — роль звена, связывающего общественные отношения в единый слаженный организм.

Правоотношениям в социалистическом обществе как неотъемлемой части нашего общественного строя свойственны все те специфические черты, которые характерны для социалистического права в целом, в том числе и принципы, присущие социалистическому праву. Они основываются на общественной социалистической собственности на орудия и средства производства, исключают эксплуатацию человека человеком, строятся в соответствии с началами социалистической демократии, складываются и осуществляются в условиях строжайшей социалистической законности и т.д.

Будучи составной, необходимой частью системы социалистических общественных отношений, правовые отношения занимают в этой системе особое место.

---

¹ В ряде случаев правоотношения приобретают полную (законченную) определенность лишь на известной стадии своего развития. Например, уголовные правоотношения возникают в результате совершенного правонарушения. Но полную определенность они приобретают только после вынесенного обвинительного приговора.

Правоотношения представляют собой *надстроечные* явления, обусловленные в своем существовании и развитии экономическим базисом социалистического общества. «Надстроечные» потому, что они являются связью между лицами через их права и обязанности, выражают, опосредствуют государственную волю, закрепленную в юридических нормах.

Правда, вывод о «надстроечном» характере правовых отношений нуждается в определенных уточнениях. Как будет показано в дальнейшем, правоотношения далеко не всегда могут быть реально отделены от самих фактических отношений. Однако, если рассматривать правоотношения только как связь между лицами через их субъективные права и обязанности, если, иными словами, видеть в правоотношениях прежде всего идеологическую форму, то их характеристика в качестве «надстроечных» окажется единственно возможной и правильной.

Правоотношения носят *волевой характер*. Если и регулируемые правом общественные отношения можно рассматривать в качестве волевых или, во всяком случае, имеющих «волевою сторону» (хотя это положение продолжает оставаться дискуссионным), то тем более оправдана постановка вопроса о волевом характере правовых отношений.

О волевом характере правоотношений, возникающих на основе договоров, а также правоотношений собственности говорил К. Маркс¹. Этот вывод последовательно проводится и в советской юридической литературе².

Но что значит «волевой характер» правовых отношений? Применительно к предмету правового регулирования термин «волевые» означает только одно, а именно то, что регулируемые правом отношения неразрывно связаны с волей и сознанием людей, так или иначе выражаются в волевых актах и потому способны реагировать на правовое воздействие.

Применительно же к правовым отношениям это положение имеет иной смысл. Оно означает в первую очередь *обусловленность правовых отношений государственной волей, содержащейся в юридических нормах*. Правоотношения являются волевыми прежде всего потому, что в природе и содержании субъективных юридических прав и обязанностей, в особенностях их сочетания выражается воля социалистического государства. Ни одно правоотношение не может возникнуть до того, как пер-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 94 и др.

² Следует, однако, отметить, что разные авторы вкладывают в приведенное положение неодинаковый смысл. Ср. позиции по рассматриваемому вопросу Ц.А. Ямпольской (Советское государство и право. 1951. № 9. С. 44) и С.Ф. Кечекьяна (Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 40–44).

воначально не сформировалась и не закрепились в источниках права государственная воля народа. Эта воля и воплощается в правоотношениях.

Правоотношения связаны и с индивидуальной волей. Многие правоотношения *возникают* на основе волевых актов (например, административных, гражданско-правовых сделок). Но если даже правоотношения и возникают без влияния индивидуальной воли, то их подавляющее большинство *реализуется* при помощи волевых действий участников правоотношения, а также (при отсутствии добровольного исполнения обязанностей) волевых действий компетентных государственных органов. Связь правоотношений с индивидуальной волей имеет принципиальное значение. В частности, в актах реализации прав и обязанностей выражаются материальное содержание правоотношений, процесс претворения предписаний правовых норм в поведении людей¹.

Но все же связь правоотношений с индивидуальной волей нельзя абсолютизировать. Главным остается обусловленность правоотношений государственной волей, выраженной в юридических нормах. Эта государственная воля и предопределяет, помимо всего прочего, формы и степень связи данных правоотношений с индивидуальной волей. Следовательно, даже в тех случаях, когда от воли отдельных лиц зависит возникновение правоотношений (например, в случаях договорных обязательств), такая зависимость носит вторичный, производный характер.

Подтверждением того, что главным в правоотношениях является их обусловленность государственной волей, могут быть такие факты, как возможность расхождения между волей и волеизъявлением (например, при несущественном заблуждении, когда правоотношение все-таки возникает), а также отдельные факты «прекращенных» правоотношений, когда субъективные юридические права и обязанности не только возникают, но и прекращаются без какого-либо влияния индивидуальной воли (например, при прекращении в силу пресекающей давности охранительных правоотношений, в рамках которых применяются меры государственно-принудительного воздействия; при прекращении наследственных правоотношений по закону в связи со смертью наследника).

3. Правоотношение в механизме правового регулирования. Если нормы права образуют основу правового регулирования, то правоотношения выступают в качестве *главного средства*, при помощи которого требования юридических норм претворяются в жизнь, воплощаются в поведении людей.

---

¹ Таким образом, можно утверждать, что в правоотношении как бы «взаимодействуют» две воли — воля государства и индивидуальная воля лиц (*Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 26–29).

Особенности правоотношений как индивидуализированных связей между лицами, гарантированных принудительной силой социалистического государства, позволяют им выступать в качестве своеобразных «конкретизаторов» («индивидуализаторов») требований юридических норм применительно к данным субъектам, своеобразных «фиксаторов» того конкретного поведения, которое им предписывают (или дозволяют) нормы.

Правоотношения в механизме правового регулирования выполняют *три основные функции*. Правоотношения, во-первых, определяют круг лиц, на которых в тот или иной момент распространяется действие данных юридических норм; во-вторых, закрепляют конкретное поведение, которому должны или могут следовать лица, и, в-третьих, являются условием для возможного приведения в действие специальных юридических средств обеспечения субъективных прав и правовых обязанностей.

Таким образом, правоотношения в механизме правового регулирования могут быть охарактеризованы как *средства «перевода» («переклечения») общих предписаний юридических норм в плоскость индивидуализированных связей, т.е. в плоскость субъективных юридических прав и обязанностей для данных субъектов*.

Правоотношения являются важнейшим и необходимым этапом в процессе воплощения свойств права (его нормативности, формальной определенности, системности и др.) в организованность и упорядоченность общественных отношений и, следовательно, этапом в процессе достижения целей, результатов правового регулирования.

Значение правоотношений как главных средств «рабочей части» механизма правового регулирования является *всеобщим*. Реализация *всех* юридических норм неизбежно проходит стадию субъективных юридических прав и обязанностей, образующих правоотношения.

Рассмотрение юридических норм в нераздельной связи с субъективными юридическими правами и обязанностями, образующими правоотношения, представляет собой одну из важнейших, принципиальных особенностей марксистско-ленинской доктрины права¹. Не случайно буржуазная наука либо вовсе игнорирует понятие правоотношения, либо

¹ Р.О. Халфина пишет: «В правовой науке социалистических стран необходимость понятия правоотношения как одного из основных, фундаментальных понятий определяется как творческой ролью социалистического права, так и задачами правовой науки в условиях социализма, ее марксистско-ленинской методологией, раскрывающей глубинные закономерности соотношения государства и права с другими явлениями общественной жизни, а также собственные закономерности развития государства и права» (Халфина Р.О. Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 22).

использует его к весьма ограниченному кругу явлений (главным образом применительно к обязательственным отношениям гражданского права)¹.

Причем для марксистско-ленинской правовой доктрины вовсе не безразлично, освещать ли реализацию права «только» через правоотношения или также через субъективные права и обязанности «вне» правоотношений. Диалектико-материалистический подход к характеристике субъективных юридических прав к обязанностям проявляется лишь тогда, когда права и обязанности рассматриваются именно как правоотношение. Почему?

Прежде всего рассмотрение субъективных прав и обязанностей как правоотношения позволяет выявить их *социальную природу*. В соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии каждое явление в обществе существует как отношение. Ведь «право может воздействовать только на общественные отношения и поэтому такие юридические явления, как правоспособность, дееспособность, общая обязанность соблюдать общественный порядок, закрепленные в конституции основы общественного и государственного строя, есть юридическое оформление различных общественных отношений»². Субъективное право и юридическая обязанность вне социальных связей («вне» правоотношений) — это «социальный ноль»³.

Если рассматривать субъективное право и юридическую обязанность в единстве (т.е. как правоотношение), может быть раскрыта и их особенность как *юридических* явлений. В реальной жизни нет субъективного права (как юридического явления), если оно не «право» по отношению к кому-либо, т.е. если оно так или иначе не связано с обязанностями. Нет и обязанности (как юридического явления), если ей не корреспондирует право требования. Право, не обеспеченное обязанностями, и обязанности, не подкрепленные правом требования, превращаются в «юридическую пустышку», в декларацию, лозунг.

Характеристика правоотношений в качестве «всеобщего» средства в процессе реализации юридических норм требует дифференцированного подхода к правоотношениям, признания их многообразия. Наряду с *конкретными*, полностью индивидуализированными правовыми связями, свойственными материальным и процессуальным отраслям, существуют и общие (общерегулятивные) правоотношения. В области государственного права они выступают в виде *состояний*, выра-

---

¹ Халфина Р.О. Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 21.

² Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 277.

³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 229.

жающих положение данного лица *по отношению* к другим лицам, обществу, государству.

Теоретическое положение о субъективных юридических правах и обязанностях как правоотношениях призвано утвердить диалектико-материалистический подход к правовым явлениям. Оно решает проблему в принципе, с точки зрения коренных исходных методологических предпосылок, позволяющих раскрыть социальную природу и юридическое существо субъективных прав и обязанностей. Но оно вовсе не означает, что права и обязанности замыкаются «рамками» правоотношений, являются только их «элементами». Субъективные юридические права и обязанности по своему содержанию (а тем более по своему значению) выступают в качестве явлений более богатых, многогранных, обладающих самостоятельной ценностью, нередко выходящих за «рамки» правовых связей как таковых (гл. XVIII).

В последние годы получил определенное распространение взгляд, согласно которому значительное число субъективных прав и обязанностей существует «вне» правоотношений. Причем этот взгляд обычно трактуется как передовой, прогрессивный, противостоящий «традиционному» воззрению, сводящему средства правового воздействия к правоотношению.

Позитивное значение такого «нового» подхода, помимо некоторых иных моментов, состоит в том, что было обращено внимание на многообразие правовых средств воздействия (правовой статус, запреты, общие права и обязанности), которые невозможно втиснуть в рамки конкретных правоотношений такого типа, как обязательства гражданского права.

Однако, думается, факт многообразия правовых средств воздействия не должен приводить к отказу от такой их характеристики, которая позволяла бы выявить их социальную природу и юридическое существо, т.е. от характеристики в качестве правовых отношений. Как показала Р.О. Халфина, именно категория правоотношения показывает своеобразие трактовки правовых явлений социалистической правовой наукой в отличие от буржуазной правовой мысли¹.

К тому же «новый» подход, который выступил против «узкоцивилистических» представлений при освещении средств правового воздействия, на самом деле оказался в плену этих, да притом самых крайних, «узкоцивилистических» представлений. Дело в том, что отказ от признания всеобщего значения правоотношений в механизме правового регулирования основывается на том, что правоотношения рассматриваются *только* в виде конкретных, полностью индивидуализированных правовых связей, в которых субъекты взаимодействуют друг с другом. Но ведь это же конструкция правоотношений, сориентированная на модель обязательств гражданского права! Таким обра-

---

¹ Халфина Р.О. Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 21–22.

зом, «новый» подход на поверку оказывается возвращением к «традициям», в общем преодоленным нашей наукой. Одна из фундаментальных категорий социалистического правоведения — категория правоотношения — оказывается (при подобном взгляде) весьма ограниченной по своему значению: из ряда обширных областей социалистического права, и прежде всего из сферы государственного права, конструкция правоотношения устраняется.

Вот почему, несмотря на настойчивые усилия и категоричность суждений сторонников «нового» подхода, большинство правоведов, в особенности в отраслевых науках, продолжает рассматривать правоотношение в качестве категории, позволяющей раскрыть социальное содержание и юридическое существо субъективных прав и обязанностей¹. И это вполне закономерно. Наряду с соображениями методологического, общетеоретического порядка здесь существенна и практическая сторона проблемы. Дальнейшие развертывание и углубление социалистической демократии предполагают не только создание условий для беспрепятственной реализации общих прав и обязанностей, правового статуса и т.д. (эта сторона реализации важна для всех субъективных прав)², но прежде всего для их *юридической обеспеченности*, т.е. обеспеченности при помощи корреспондирующих им юридических обязанностей.

В настоящее время намечаются пути сближения теоретических позиций по данной проблеме. «Общим знаменателем» здесь, видимо, является признаваемое всеми положение о *многообразии* юридических средств, обеспечивающих юридическое воздействие права на общественные отношения. Не случайно при обосновании вывода о существовании прав и обязанностей «вне» правоотношений сейчас по большей части говорят не о правоотношении «вообще», а о *конкретных* правоотношениях³. Что ж, вот это совершенно правильная постановка вопроса. Тем более, что ряд авторов, отстаивающих взгляд о существовании прав и обязанностей «вне» правоотношений, вполне последовательно полагает, что и в этом случае существуют общие и абсолютные правовые связи⁴. Но связь и есть отношение! Задача, следовательно, состоит в том, что-

---

¹ В курсе «Теории государства и права» правильно указывается, что «в отраслевых юридических науках до сих пор продолжает господствовать мнение, что правоотношения являются единственной формой реализации права» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 557). Жаль только, что авторы не сочли возможным воспроизвести приведенные в литературе общетеоретические аргументы, обосновывающие конструктивное значение этого «господствующего мнения», — аргументы, выражающие важные методологические требования.

² Между тем именно ссылкой на необходимость обеспечения условий реализации предпринимаются попытки обосновать практическое значение мнения о существовании прав «вне» правоотношений (см. указ. выше курс. С. 560–561).

³ См., в частности: *Явич Л.С.* Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 103 и сл.

⁴ *Генкин Д.М.* Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 92–102; *Витрук Н.В.* Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1965. С. 5.

бы раскрыть природу и особенности общих и абсолютных правовых связей, не сводя все многообразие правоотношений к той их конструкции, которая сориентирована на модель обязательств гражданского права¹.

4. Правоотношение и регулируемое правом общественное (фактическое) отношение. Правоотношение находится в определенной взаимосвязи с тем общественным отношением, которое регулируется юридическими нормами (оно условно именуется «фактическим» или общественным отношением в «реальной форме»). Какова эта взаимосвязь?

Если рассматривать механизм правового регулирования схематично (в «чистом» виде), то неизбежен вывод о том, что правоотношение и фактическое отношение представляют собой различные социальные явления. Действительно, правоотношения образуют элемент «рабочей части» механизма правового регулирования, т.е. средство правового воздействия, а фактическое отношение — предмет регулирования, т.е. ту область социальных явлений, на которую воздействует право.

Самостоятельное, обособленное рассмотрение правоотношения и фактического отношения позволяет увидеть основные этапы процесса правового регулирования, наглядно и четко отнести одну группу социальных явлений к предмету регулирования, а другую — к средствам регулирования, его механизму.

Однако указанное разграничение правоотношения и фактического отношения можно проводить только в том случае, если рассматривать предмет и механизм правового регулирования в общем виде, отвлекаясь от сложного переплетения социальных явлений. В действительности же столь резкого водораздела между правовым и фактическим отношениями не существует². *В реальной жизни они неразрывно связаны друг с другом и во многих случаях друг от друга неотделимы.*

Правоотношение — это не что иное, как та форма или тот вид, который приобретает фактическое отношение, будучи урегулированным нормами права. Реальные жизненные отношения, урегулированные нормами социалистического права, представляют собой прочное единство фактического (материального) содержания и юридической формы.

¹ Подробное обоснование взгляда о существовании разнообразных правоотношений см.: Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 47–73.

² Ю.К. Толстой, последовательно отстаивающий идею «чистых» правовых связей, в то же время пишет: «...общественное отношение — предмет правового регулирования — возникает в такой «среде», в какой оно иначе как в форме правоотношения появиться не может. Правовая энергия, излучаемая нормой права, охватывает общественное отношение в тот самый момент, когда оно образуется» (Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении // Правоведение. 1969. № 1. С. 33–34).

Многие правоотношения (в том числе выражающие статическую функцию права) с момента своего возникновения и на протяжении всего своего существования нераздельно связаны с фактическими отношениями. Так, например, правовые отношения по авторству складываются сразу же, как только создан продукт духовного творчества (произведение науки, литературы или искусства). Таковы же правоотношения собственности. Единство фактического содержания и юридической формы выражается здесь в том, что авторские правоотношения и правоотношения собственности сразу же после своего возникновения непрерывно осуществляются в поведении обязанных лиц (все третьи лица воздерживаются от нарушения прав авторства и от нарушений правомочий собственника).

В правоотношениях, выражающих динамическую функцию права, можно обнаружить такие моменты в их развитии, когда они *сначала* реально существуют в виде «чистых» правовых связей. Так, налоговые отношения обычно возникают только как правовая связь, в силу которой налогоплательщик обязан уплатить сумму налога, а финансовый орган вправе требовать уплаты налога. В этом случае еще нет никакого фактического (материального) содержания: перед нами «чисто» правовая, «чисто» идеологическая связь между лицами.

Но именно такое расхождение между правовой формой и фактическим (материальным) содержанием позволяет понять механизм активно-творческой роли социалистического права. Правовая форма имеет активный характер. Она как бы «притягивает» к себе фактическое (материальное) содержание, т.е. лица совершают те действия, которые они обязаны совершать. *Возникнув без определенного фактического (материального) содержания, юридическая форма затем обретает это содержание (совершаются положительные действия) и тем самым достигается цель правового регулирования — складываются фактические отношения, которых раньше не было*¹.

Конечно, следует помнить, что возникновение самих юридических форм обусловлено потребностями общественного развития, требованиями экономического базиса социалистического общества. Но чтобы

---

¹ С таким подходом, надо думать, согласуется и мнение Л.С. Явича, полагающего, что «по форме правоотношения — это явления еще юридического характера, по своему непосредственному содержанию они уже выходят за чисто юридические рамки, относятся не к правовому долженствованию, а к действиям фактического порядка, осуществляемым на основе предоставляемых правомочий и возложенных юридических обязанностей» (Явич Л.С. Право и общественные отношения. С. 117 (в тексте цитированная фраза выделена курсивом. — С.А.)).

сложилась конкретные фактические отношения, нужно использовать правовые рычаги. Поэтому на базе созревших общественных потребностей юридические нормы предусматривают сначала возникновение правовых связей в «чистом» виде и лишь затем данные идеологические отношения «материализуются» в конкретном поведении субъектов.

Таким образом, и в правоотношениях, выражающих динамическую функцию права, в конечном счете существует определенное единство юридической формы и фактического (материального) содержания. Но это не абсолютное единство; оно может быть правильно понято, если рассматривать правоотношения в движении, в процессе «материализации» субъективных прав и обязанностей в поведении людей; своеобразие же сочетания юридической формы и фактического (материального) содержания в правоотношении указанного типа объясняется активно-творческой ролью социалистического права.

В советской юридической литературе ряд авторов рассматривает правоотношение только как особую идеологическую связь, которая существует наряду с фактическими отношениями, как бы надстраивается, «витает» над ними¹. Выше уже отмечалось, что в теоретическом плане такое обособление правоотношений от фактических отношений вполне оправдано. Однако в реальных жизненных отношениях фактическое (материальное) содержание и юридическая форма находятся в единстве. «Правоотношение есть вид или форма самого реального отношения и отдельно от него, вне этого отношения такая форма вообще существовать не может»².

Еще более определенно по рассматриваемому вопросу пишет А.Г. Певзнер. По мнению автора, «правоотношение существует как единство идеологической формы и общественно-экономического содержания, как средство связи между базисом и надстройкой, как единство базиса и надстройки, и в этом своем качестве оно выступает как сочетание идеологического и материального отношений»³. Такой взгляд в принципе представляется весьма плодотворным:

---

¹ См. высказывания по этому вопросу Ю.К. Толстого (Вестник ЛГУ. 1952. № 3. С. 118–125), особо обстоятельно в кн. «К теории правоотношения» (Изд-во ЛГУ, 1959. С. 18–23), а также в статье «Еще раз о правоотношении» (Правоведение. 1969. № 1. С. 32–36); *Стальгевич А.К.* Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 24–25; *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 16–18, и др.

² *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 183. Авторы не учитывают лишь существование правоотношений, выражающих динамическую функцию, — правоотношений, которые сначала могут выступать в виде «чистых» правовых связей. По рассматриваемому вопросу см. также: *Щеглов В.Н.* Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966. С. 7–13.

³ *Певзнер А.Г.* Понятие гражданского правоотношения и некоторые вопросы теории субъективных гражданских прав // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 5. М., 1958. С. 7.

он дает возможность объяснить экономическую роль правового регулирования. Право, оставаясь надстроечным явлением, может на стадии правоотношения (в силу единства материального содержания и юридической формы) «включиться» в экономические процессы в качестве непосредственного фактора экономического развития, компонента механизма осуществления экономических законов¹.

С особой яркостью единство фактического материального содержания и юридической формы сказывается в таких общественных отношениях, которые вообще вне правовой формы немислимы. Речь идет о разнообразных видах властеотношений, в том числе отношений, регулируемых нормами административного, уголовного, процессуального права. Вот почему трудно согласиться с предпринятой в литературе попыткой увидеть в области уголовного права также «два ряда» отношений — властные отношения как таковые и правоотношения². Между тем первые из указанных отношений не могут существовать вне юридической формы: коль скоро в результате уголовного правонарушения возникло отношение, то оно с самого начала неизбежно выступает в юридической форме. Обвинительный же приговор лишь фиксирует существование этого правоотношения и конкретизирует его по содержанию³.

5. Строение (элементы) правоотношения. Правоотношение, будучи первичной элементарной клеточкой «рабочей части» механизма правового регулирования, является в то же время сложным образованием. Оно имеет определенное внутреннее строение. Составные части, из которых складывается правоотношение, называются его «элементами».

Если рассматривать правоотношение только как идеологическую форму, то в этом случае ему свойственно «чисто юридическое» строение, складывающееся из субъективных юридических прав и обязанностей. Ничего иного в правоотношении как особой идеологической форме нет и быть не может.

---

¹ О единстве материального содержания и юридической формы в правоотношении см. также: Общая теория советского права. С. 279–281; *Халфина Р.О.* Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 25; *Явич Л.С.* Право и общественное отношение. С. 117 и сл.

² *Смирнов В.Г.* Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. 1961. № 3. С. 92–95. Критические соображения в отношении позиции, отстаиваемой В.Г. Смирновым, см.: *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 16–20.

³ Интересно, что Ю.К. Толстой — наиболее последовательный сторонник «двух рядов» отношений — применительно к властеотношениям проводит указанное разграничение путем использования теоретических абстракций. Он пишет: «И здесь — путем абстракции — необходимо различать правоотношения и те фактические отношения, процессы, явления, которые лежат в их основе» (*Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. С. 43).

По-иному характеризуется строение правоотношения, если оно — правоотношение — понимается как единство фактического (материального) содержания и юридической формы. В этом случае в правоотношении наряду с субъективными юридическими правами и обязанностями (составляющими его юридическое содержание) могут быть выделены еще два основных элемента: субъекты правоотношения и его объекты. В частности, как бы ни решался вопрос об объекте правоотношения, объекты это всегда внешние к правоотношению явления, в том числе определенные явления материального мира — вещи, результаты действий ила же, по мнению других авторов, сами действия. Кроме юридического содержания правоотношения, его субъектов и объектов, ряд ученых усматривает в правоотношении еще и материальное содержание. Причем в материальном содержании охранительных правоотношений специально могут быть выделены «санкции».

Стремление при анализе правоотношения выйти за пределы одной юридической формы нужно признать вполне правильным. Оно продиктовано не только практическими соображениями, задачами полного и всестороннего анализа субъективных юридических прав и обязанностей, но и неразрывной связью юридической формы в правоотношении с его фактическим содержанием.

Широкий подход к строению правоотношения основан не только на изложенном выше понимании правоотношения как единства юридической формы и фактического (материального) содержания. Существенное значение принадлежит здесь характеристике правоотношения как *динамического, развивающегося* социального явления.

Так, в правоотношениях, выражающих динамическую регулятивную функцию, субъективные юридические права для того и возникают, чтобы затем обязанными лицами были совершены определенные положительные действия. Без этих действий и неразрывно связанного с ними объекта в правоотношении вообще ничего не может быть понято: оно превратится в одну бессодержательную форму. Между тем в момент возникновения правоотношения положительных действий еще нет. Значит, нужно рассматривать правоотношение в динамике, в движении, т.е. в процессе его «материализации» в поведении субъектов. Тогда в правоотношении могут быть найдены все его элементы.

Итак, в правоотношение (при указанном выше широком подходе) входят следующие основные элементы:

- а) *субъекты права*, т.е. участники правоотношения;
- б) *содержание правоотношения* — причем отдельно различаются *материальное* содержание, т.е. поведение субъектов (включая «санкции»

в охранительных правоотношениях), и *юридическое* содержание, т.е. субъективные юридические права и обязанности;

в) *объекты правоотношения.*

В последующих главах после характеристики видов правоотношений рассматриваются отдельные элементы – сначала субъекты права (гл. XVII), а после этого – содержание правоотношения (гл. XVIII) и его объекты (гл. XIX).

Проблемы правоотношения принадлежат к таким вопросам теории права, по которым уже давно в юридической науке идут споры. Едва ли найдется другой вопрос теории, который бы породил такое обилие разных точек зрения, взглядов и их оттенков. Не случайно существует мнение о том, что проблемы правоотношения запутаны, схоластичны, оторваны от жизни.

В такого рода суждениях имеется значительная доля преувеличения. Не следует забывать, что проблемы правоотношения весьма сложны по своему характеру. Это абстрактные теоретические проблемы. Для их овладения нужно не только усвоить значительный нормативный материал и все время держать его перед мысленным взором, но и выработать у себя «юридическое мышление» – умение оперировать специальными юридическими понятиями. При помощи одних примеров и ссылок на общие положения науки государства и права проблемы правоотношения решать невозможно.

Однако преодоление, «снятие» многочисленных разногласий по вопросам правоотношений является очередной задачей советской юридической науки. По ряду вопросов уже сейчас обнаруживаются точки соприкосновения разных позиций; это со временем, вне сомнения, позволит еще более сблизить разношерстные взгляды. Успех в этой работе во многом зависит от того, насколько принимается во внимание все положительное, накопленное советской юридической наукой, и не ставится отдельными авторами задача во что бы то ни стало отстоять однажды высказанное мнение.

Существенное значение принадлежит также следующим принципиальным положениям:

а) в правоотношении юридическая форма и материальное содержание находятся в единстве, и, следовательно, проблемы правоотношений нужно решать с учетом того, идет ли речь о правоотношении в целом или же только об одной юридической форме;

б) свойства правоотношений разных видов и типов нередко значительно отличаются друг от друга и, следовательно, при конструировании общих понятий нужны ясные представления о том, какие черты являются общими для правоотношения «вообще» и какие черты свойственны лишь тому или другому типу правоотношений;

в) правоотношение составляет часть механизма правового регулирования и, следовательно, проблемы правоотношения нужно решать в связи с разработкой более общих вопросов – функций права, своеобразия правового регулирования и т.п.;

г) правоотношение — это развивающееся, динамическое правовое явление и, следовательно, вопросы правоотношений необходимо рассматривать с учетом развития субъективных юридических прав и обязанностей, их «материализации» в поведении людей.

В целом же категория правоотношения, выражающая диалектико-материалистический подход к праву, призвана не «замкнуть» обсуждение вопросов теории рамками общих положений, а *приблизить теорию к жизни, практике, к реальным проблемам сегодняшнего дня*. Рассмотрение субъективных юридических прав и обязанностей под углом зрения этой категории не только раскрывает социальное содержание и юридическое существо прав и обязанностей, но и намечает пути для решения важных социальных вопросов. Как правильно отмечено в литературе, «одна из задач дальнейшей разработки теории правоотношения заключается в том, чтобы определить возможности и формы использования социологических исследований, статистики, социальной психологии для суждения об эффективности правового регулирования, о путях его совершенствования»¹.

---

¹ *Халфина Р.О.* Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 26.

Плодотворность разработки проблем правоотношения, значение этой разработки для решения коренных вопросов отраслевой юридической науки и общей теории права в последнее время убедительно показаны М.И. Ковалевым (см.: *Ковалев М.И.* Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. I. Свердловск, 1971. С. 86 и сл.).

ГЛАВА XVI

ВИДЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ

1. Основания классификации правоотношений. Ключом к классификации правоотношений (так же как и к классификации юридических норм) являются специально-юридические функции права. Это и понятно. Специально-юридические функции обуславливают своеобразие главных пластов правовой материи. Правоотношения же являются основными средствами, обеспечивающими реализацию юридических норм. Следовательно, те особенности юридических норм, которые выражены в главных подразделениях их общей классификации, как бы продолжают, проецируются и на область правовых отношений.

Двум главным подразделениям юридических норм соответствуют два главных подразделения классификации правоотношений:

— подразделению норм на регулятивные и охранительные соответствуют два одноименных вида правовых отношений — *регулятивные и охранительные*;

— подразделению регулятивных норм на обязывающие, запрещающие и уполномочивающие соответствует классификация правоотношений на *отношения активного и пассивного типов*.

Вместе с тем правоотношения имеют и «собственное» основание классификации, связанное со своеобразием правоотношений как индивидуализированных общественных отношений. По составу субъектов правоотношения подразделяются на *относительные, абсолютные, общерегулятивные*.

Наконец, правоотношения подразделяются на виды по отраслям права.

2. Регулятивные и охранительные правоотношения. Это главное деление правоотношений, соответствующее основному делению специально-юридических функций и такому же подразделению юридических норм¹.

¹ В советской юридической литературе на плодотворность выделения охранительных отношений указал впервые Н.Г. Александров (см.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. Госюриздат, 1955. С. 91–92, 109–110). Значение указанной классификации подчеркнул С.В. Курьлев (см.: Курьлев С.В. О структуре юридической нормы // Труды Иркутского университета. Т. 27. Сер. юридическая. Вып. 4. Иркутск, 1958. С. 186–188), а также О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский (см.: Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 193–195).

Регулятивные правоотношения — это отношения, проводящие регулятивные функции права — статическую и динамическую. Складываясь на основе регулятивных юридических норм, они устанавливают субъективные юридические права и обязанности. Поэтому регулятивные правоотношения так же, как и соответствующие юридические нормы, могут быть названы «правоустановительными»¹.

Регулятивные (правоустановительные) правоотношения непосредственно направлены на упорядочение, закрепление и развитие социалистических общественных отношений. Они возникают на основе правомерного поведения субъектов и образуют естественную, нормальную ткань социалистического правопорядка. Социалистическое общество прямо заинтересовано в развитии регулятивных правоотношений. Своевременное и беспрепятственное их возникновение, полное и надлежащее осуществление — свидетельство реального претворения в жизнь требований социалистической законности, эффективного использования права в целях коммунистического строительства.

Охранительные правоотношения — это отношения, проводящие охранительную функцию права. Они складываются на основе охранительных юридических норм и представляют собой правоотношения, при помощи которых осуществляются меры юридической ответственности, меры защиты субъективных прав, превентивные средства государственного принуждения.

Охранительные правоотношения направлены на вытеснение из жизни социалистического общества отношений, чуждых нашему строю. Они возникают на основе противоправных действий, отражают известную «аномалию» в процессе правового регулирования. Поэтому социалистическое общество не заинтересовано в увеличении числа охранительных правоотношений. Режим социалистической законности требует лишь того, чтобы все факты правонарушений устанавливались с необходимой быстротой и точностью; возникающие в связи с этим охранительные правоотношения осуществлялись и, следовательно, защищались субъективные права, а виновные лица неотвратимо подлежали юридической ответственности. Сокращение же числа охранительных правоотношений при обеспечении эффективной работы правообеспечительных органов — свидетельство роста сознательности тружеников социалистического общества, сокращения количества правонарушений.

---

¹ См. соображения по рассматриваемому вопросу С.В. Курьлева (Указ. соч. С. 186–188).

Регулятивные и охранительные правоотношения отличаются друг от друга рядом особых юридических черт. Они разные не только по основаниям возникновения (т.е. по признаку того, возникают ли они на основе правомерного или же неправомерного поведения субъектов), но также и по содержанию субъективных юридических прав и обязанностей, по их соотношению между собой. В частности, охранительные правоотношения всегда являются властеотношениями; юридические обязанности по этим правоотношениям требуют от лица прежде всего «претерпевания», в их содержание входят «санкции» и т.п.

3. Правоотношения активного и пассивного типов. Данное деление распространяется только на регулятивные правоотношения. Их характерные черты прямо зависят от того, какую из двух основных регулятивных функций права (статическую или динамическую) они выражают¹.

Правоотношения активного типа — это отношения, выражающие динамическую функцию права. Они складываются на основании обязывающих норм и характеризуются тем, что возлагают на лицо обязанность положительного содержания, т.е. совершить определенные действия (произвести ту или иную работу, передать имущество и т.п.). Интересы управомоченного удовлетворяются только в результате совершения положительных действий обязанным лицом.

Правоотношения пассивного типа — это отношения, выражающие статическую функцию права. Они складываются на основании управомочивающих и запрещающих норм (рассматриваемых в единстве)

---

¹ Разграничение правоотношений на два типа приводит и О.С. Иоффе (см.: *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения правоотношений // *Очерки по гражданскому праву.* Изд-во ЛГУ, 1957. С. 32–34). Но он берет иной начальный критерий для размежевания типов правоотношений — способ конкретизации правоотношений по составу обязанных лиц. Лишь затем автор указывает на особенности поведения, возложенного на обязанных лиц.

Конечно, правоотношения могут быть подразделены и по способу индивидуализации субъектов правоотношения (см. п. 4). Однако это деление лишь в определенной степени совпадает с делением по признаку характера поведения, выполняемого обязанным лицом. Поэтому у О.С. Иоффе получилось, что лица в правоотношениях одного и того же типа могут быть обязанными и к активному, и к пассивному поведению. Между тем юридические особенности правоотношения и, в частности, особенности субъективных прав зависят не от состава обязанных лиц, а от характера их поведения (и, следовательно, от того, какую из двух регулятивных функций права — статическую или динамическую — опосредствуют данные правоотношения). Интересные соображения о разнообразных видах сочетания субъективных прав и обязанностей, в том числе об обязанностях пассивного и активного типов, высказал А.С. Пиголкин (см.: *Пиголкин А.С.* Правовая норма — регулятор общественных отношений // *Ученые записки ВИЮН.* Вып. 17. М., 1963. С. 19–21; см. также: *Общая теория советского права.* М.: Юрид. лит., 1966. С. 214).

и характеризуются тем, что положительные действия совершаются управомоченным (ему предоставлено право на положительные действия), а на обязанное лицо возлагается обязанность пассивного содержания, т.е. воздерживаться от поведения известного рода (правоотношения собственности, многие конституционные правоотношения и др.). Управомоченный удовлетворяет интересы своими же действиями. Обязанности же по этим правоотношениям играют, так сказать, вспомогательную, «оградительную» роль.

В предшествующем изложении уже затрагивались существенные отличительные черты правоотношений активного и пассивного типов (при характеристике функций права; при разграничении юридических норм на обязывающие, запрещающие и управомочивающие). В дальнейшем учет особенностей этих правоотношений позволит наметить пути и для решения других вопросов – содержания правоотношения, их объектов. Важно подчеркнуть – перед нами *два различных типа правоотношений, отличающихся друг от друга существенными юридическими свойствами*. Поэтому при рассмотрении тех или иных проблем правоотношения нужно постоянно иметь в виду присущие им отличительные черты (а также, добавим, отличительные черты еще и охранительных правоотношений). Многие споры в юридической науке вызваны как раз тем, что не учитываются особенности правоотношений разных типов. Это и приводит к попыткам выработать такие «общие» понятия, которые на самом деле распространяются лишь на один из типов или видов правоотношений.

Четкое уяснение того, к какому типу принадлежит данное правоотношение, важно и для практического применения юридических норм. В частности, в каждом случае применения норм права необходимо со всей определенностью выяснить, где центр тяжести правоотношения (в юридических обязанностях или же в субъективных правах), каково содержание субъективного права (сводится ли оно к содержанию обязанности или же предоставляет управомоченному совершать известные положительные действия) и др. Например, когда анализируются правоотношения по жилищному найму, мало сказать, что эти правоотношения принадлежат к числу относительных, обязательственных. Необходимо углубить анализ с точки зрения типов правоотношений. При таком подходе сразу же выясняется, что в жилищных правоотношениях имеются определенные элементы отношений пассивного типа. Поэтому квартиросъемщик может удовлетворять свои интересы не только через действия обязанного лица, когда наймодатель исполняет свои обязанности (по предоставлению услуг, по капиталь-

ному ремонту и др.), но и через свои собственные положительные действия (обмен жилплощадью, «подыскание соседа», сдача части помещения в поднаем).

4. Относительные, абсолютные, общерегулятивные правоотношения.

Регулятивные правоотношения могут быть подразделены не только в зависимости от того, какие функции права они выражают, но и по другим признакам. Среди них существенное значение принадлежит *способу индивидуализации субъектов в правоотношении*. Как указывалось ранее, все правоотношения представляют собой так или иначе индивидуализированные, определенные общественные связи. Но способ индивидуализации субъектов может быть различным. В зависимости от этого признака правоотношения могут быть подразделены на три основные группы:

- относительные,
- абсолютные,
- общерегулятивные.

Относительные (или двусторонне индивидуализированные) — это правоотношения, в которых точно, «поименно» определены все субъекты. Таковы, в частности, относительные правоотношения в гражданском праве (в том числе обязательственные), в трудовом, административном и т.д.

Относительные правоотношения являются по большей части активными (хотя иногда в относительном правоотношении лицо может быть обязано и к пассивному поведению, к воздержанию от действий; например, по постановочному договору автор обязуется не передавать драматическое произведение другому театру в том же городе). При помощи относительных правоотношений опосредствуются динамика социалистической экономики, отправление общественных функций и др. Именно путем исполнения обязанностей с точно фиксированными субъектами граждане выполняют определенные работы по созданию материальных ценностей, государственные и общественные организации предоставляют материальные и духовные блага и т.п.

Абсолютные (или односторонне индивидуализированные) — это правоотношения, в которых точно, «поименно» определена лишь одна сторона — носитель субъективного права¹. Обязанными же по таким правоотношениям являются все другие лица — «всякий и каждый». К правоотношениям указанного вида принадлежат отношения,

---

¹ Об индивидуализированном характере абсолютных правоотношений см.: Общая теория советского права. С. 299–301. Авторы, в частности, пишут: «Абсолютное право индивидуализирует... отношения общества (всех ее членов и организаций) с управомоченным лицом (или организацией) по поводу данного объекта» (С. 300).

закрепляющие право собственности отдельных лиц на ту или иную вещь, авторские и изобретательские права, право данного лица на открытие. Рассматриваемые права именованы «абсолютными» потому, что все субъекты («всякий и каждый») обязаны воздерживаться от нарушения данного конкретного субъективного права.

Абсолютные правоотношения являются, как правило, отношениями пассивного типа. При помощи их закрепляется ряд очень важных общественных отношений, в том числе отношения по обладанию материальными благами (собственность).

Относительные и абсолютные отношения отличаются существенными своеобразными чертами, специфическими свойствами. Ярко и образно эти особенности охарактеризовал В.К. Райхер. Связь между людьми в правоотношении, пишет он, «устанавливается либо по типу прямых проводов, протянутых между определенными точками пространства, либо по типу «беспроволочной» связи, соединяющей данную точку пространства с абсолютно неопределенным числом всех «прочих» точек. В первом случае (относительные правоотношения) правовая энергия струится лишь по данному проводу, хотя и рассеивается вместе с тем в окружающем пространстве (косвенное, отраженное действие по адресу трех лиц). Во втором случае (абсолютные правоотношения) право излучает энергию из одной точки волнообразно, непосредственно во все стороны социальной среды»¹.

Общерегулятивные (или общеиндивидуализированные) — это правоотношения, в которых субъектами прав или обязанностей являются в принципе все субъекты («всякий и каждый»). Общерегулятивные правоотношения также — хотя и «по-своему» — индивидуализированы. Например, из того обстоятельства, что политическими конституционными правами и свободами пользуются *все* совершеннолетние граждане, вовсе не следует, что правоотношение здесь не вносит нужной определенности и индивидуализации. Субъектами государственно-правовых отношений являются *все* граждане, но именно граждане СССР или другой социалистической страны. «Все» в данном случае означает строгую индивидуализацию по субъектам, выраженную в соответствии с особенностями метода государственного права.

---

¹ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. 1 (XXVIII). С. 304.

Как правильно пишет М.А. Гурвич, идеи, развитые в этой статье, к сожалению, не получили «должной, на наш взгляд, оценки и какого-либо развития или применения» (Гурвич М.А. Обязательность и законная сила судебного решения // Советское государство и право. 1970. № 5. С. 42).

Если относительное правоотношение может быть обозначено формулой «один к одному», абсолютное — «один к каждому», то общерегулятивное — «каждый к каждому». Здесь уже право излучает энергию из каждой точки, непосредственно во все стороны. А это приводит к тому, что каждый субъект *сразу по отношению ко всем другим субъектам* находится в особом состоянии; причем «все другие» противостоят ему как единое, нерасчлененное целое (что, строго говоря, реально и выражает существование правового *отношения*).

Ряд общерегулятивных правоотношений принадлежит к активному типу. Таковы, в частности, государственно-правовые отношения, предусматривающие общие конституционные обязанности (обязанности беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, блюсти дисциплину труда и др.). Большинство же общерегулятивных правоотношений является отношениями пассивного типа. Это отношения, закрепляющие общие конституционные права — на труд, на образование, на отдых, права, гарантирующие неприкосновенность личности, тайну переписки, и др. Сюда же относятся те общие права, которые выражают правоспособность и компетенцию субъектов.

Общерегулятивные правоотношения, так же как и абсолютные отношения, направлены на закрепление существующих общественных порядков. Вместе с юридическими нормами обе эти группы отношений образуют ту основу (остов), на которой затем складываются многочисленные и разнообразные относительные правоотношения, опосредствующие динамику общественной жизни. Таким образом, общерегулятивные правоотношения образуют основу социалистического правопорядка, характеризуют его главные черты.

Общерегулятивные правоотношения *представляют собой очень своеобразные правовые явления*. Они не имеют точной, «поименной» индивидуализации по субъектам. Для их возникновения не требуется иных обстоятельств (юридических фактов), кроме существования самого субъекта — носителя общего права или общей обязанности. По сроку действия они соответствуют сроку существования юридических норм.

Вместе с тем общерегулятивные правоотношения являются именно *правовыми отношениями*. В тех случаях, когда лицо выступает в качестве носителя общего субъективного права, это означает, что *оно находится в специфическом положении ко всем другим лицам*. Общее субъективное право потому и является «субъективным», что имеет *личный* характер, т.е. принадлежит не только всем субъектам, но и каждому *субъекту в отдельности*. Точно так же наличие общих обязанностей означает, что каждое лицо находится в специфическом положении ко всем другим лицам.

Это специфическое положение выражается, в частности, в том, что общему праву всегда корреспондируют определенные юридические обязанности, а общим обязанностям — определенные субъективные юридические права. Здесь так же, как и в других областях правоотношений, действует общее марксистское положение: «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»¹. Если не видеть, что общим правам корреспондируют обязанности воздерживаться от нарушения субъективных прав, а общим обязанностям — права требований исполнения этих обязанностей, то окажется совершенно непонятным, в чем состоит юридический характер субъективных прав и обязанностей. Нетрудно заметить, что в этом случае общие субъективные права и обязанности будут выглядеть в качестве одной лишь декларации.

Между тем достаточно учесть своеобразие общерегулятивных правоотношений, как станут ясны их общественная природа и юридическое существо. Здесь каждый находится в отношении с каждым. Данному гражданину, например, вовсе необязательно знать, какие конкретные субъекты наделены общими конституционными правами. Он обязан не нарушать эти права, кто бы то ни был их носителем. Иными словами, данный гражданин находится в отношении со всеми субъектами права, взятыми вместе. Общерегулятивные отношения, следовательно, — это не конкретные связи между неопределенными лицами, а *специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем другим лицам.*

Таким образом, общерегулятивное правоотношение, как и всякое иное, выражает реальную общественную связь. «Ценность понятия правоотношения, — пишет Р.О. Халфина, — заключается, в частности, и в том, что оно обозначает конкретное, реальное общественное отношение, облеченное в форму права, являющееся реализацией нормы»². Конструкция общерегулятивного отношения в полной мере соответствует этому требованию. А если учесть особенности метода государственно-правового регулирования (в сфере которого в основном и складываются общерегулятивные отношения), а также особенности «общих» связей в иных отраслях, то конструкция общерегулятивного правоотношения для выражения правового положения субъектов окажется вообще единственно возможной³.

5. Отраслевые правоотношения. Правоотношения подразделяются по отраслям права. Различаются: государственно-правовые (конституционно-правовые), административно-правовые, семейно-правовые и другие виды отношений.

По особенностям фактического содержания могут быть обособлены правоотношения, соответствующие любому подразделению пра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 13.

² Халфина Р.О. Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 23–24.

³ Коток В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № 1. С. 42–43.

вовой системы, в том числе комплексным отраслям (так могут быть выделены страховые, горные, природоохранные и им подобные правовые отношения). Некоторые из них обладают известными чертами юридического своеобразия.

Но «отраслевыми» в строгом смысле могут быть названы только правоотношения, соответствующие *основным* отраслям (т.е. главным подразделениям правовой системы, которым свойственны структурные особенности и существенное юридическое своеобразие, и прежде всего специфический метод регулирования). Более того, *именно в отраслевых правоотношениях и выражаются главные черты метода правового регулирования данной основной отрасли.*

Наиболее важные юридические особенности отраслевых правоотношений концентрируются в «общих» правовых связях, выражающих правовое положение субъектов, их исходные юридические позиции (такие общие связи складываются в рамках правосубъектности — на «стыке» с государственно-правовыми отношениями). Существенные юридические особенности свойственны также иным — абсолютным и относительным — отраслевым правоотношениям, хотя некоторые их элементы нередко отражают факт взаимодействия между отраслями или «отклонения» отдельных сторон метода от его типических черт.

Своеобразие метода той или иной отрасли, выраженное в особенностях отраслевых правоотношений, может быть охарактеризовано особым понятием — «структурный тип правоотношения»¹. Наличие такого «структурного типа» является одним из ярких показателей того, что перед нами самостоятельная основная отрасль.

---

¹ Это понятие было с успехом использовано С.И. Аскназием и О.С. Иоффе при разграничении гражданских и административных правоотношений (*Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права // Вестник ЛГУ. 1947. № 12. С. 95 и сл.; Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949*). Причем значение понятия «структурный тип» состоит в том, что оно позволяет выявить общие, «конструктивные» черты отраслевых правоотношений. Отметив ряд признаков гражданских правоотношений, О.С. Иоффе в указанной работе пишет, что ни один из этих «признаков не является специфическим для всех гражданских правоотношений или только для них одних. И если, несмотря на это, гражданские правоотношения все же практически отграничиваются от других, и прежде всего от административных, правоотношений, то объясняется это тем, что отношения гражданского права обладают определенными типическими чертами, являясь правоотношениями особого структурного типа...» (С. 32).

ГЛАВА XVII СУБЪЕКТЫ ПРАВА

1. Понятие субъекта права. Правосубъектность. Субъекты права — это *индивиды, организации, общественные образования, которые в силу юридических норм могут выступать в качестве носителей субъективных юридических прав и обязанностей.*

Для понятия субъекта права характерны следующие два основных признака.

Во-первых, субъекты права — это лица, участники общественных отношений (индивиды, организации, общественные образования), которые *могут быть* носителями субъективных юридических прав и обязанностей. Для этого они должны обладать определенными свойствами, к числу которых относятся: а) известная внешняя обособленность; б) персонификация (выступление вовне в виде единого лица — «персоны»); в) способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю.

Во-вторых, субъекты права — это такие лица, которые приобрели свойство субъекта права *в силу норм права.* Иными словами, юридические нормы образуют обязательную основу выступления индивидов, организаций, общественных образований как субъектов права.

Содержание особого свойства, сообщаемого юридическими нормами субъектам права, состоит в том, что лица обладают способностью быть носителями юридических прав и обязанностей. Эта способность (свойство) называется *правосубъектностью.*

«Субъект права» и «правосубъектность» по своему основному содержанию совпадающие категории.

Правосубъектность включает в себя два основных момента: во-первых, способность обладания правами и несения обязанностей (право-способность) и, во-вторых, способность к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей (дееспособность). Поэтому иногда правосубъектность называется «праводееспособностью».

Правосубъектность является *общественно-юридическим свойством,* которое нормы права придают лицам в соответствии с потребностями общественного развития. Характеристика правосубъектности как общественно-юридического свойства важна во многих отношениях.

Прежде всего она позволяет устанавливать социальные, в конечном счете экономические основания правосубъектности. Последняя не может рассматриваться в качестве прирожденного, «естественного» свойства тех или иных лиц. Это свойство сообщают лицам юридические нормы в соответствии с потребностями общественного развития. Известно, например, что в рабовладельческом обществе не все индивиды признавались субъектами: рабы были объектами, а не субъектами права. Субъектами права во всех общественно-экономических формациях признаются далеко не все организации. По-разному, в зависимости от многих экономических и политических факторов, определяется объем правосубъектности тех или иных индивидов, организаций, общественных образований. Так, в социалистическом обществе широта правосубъектности граждан, ее реальный характер обусловлены экономическим и политическим строем нашего общества, действием экономических законов социализма, требованиями социалистической демократии.

Характеристике правосубъектности как общественно-юридическому свойству принадлежит существенное значение и для определения ее правовых особенностей. Это именно *свойство* лица. Юридические нормы, выражая потребность общественного развития, могут сузить или расширить круг субъектов права, могут сузить или расширить объем правосубъектности. Но коль скоро те или иные лица признаны объективным правопорядком субъектами права, их правосубъектность является неотъемлемым свойством. Вот почему в нормативных актах, где специально регламентируются вопросы правосубъектности, введены нормативные положения, предусматривающие неотчуждаемость правосубъектности, недопустимость отказа от нее (ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

И еще замечание в отношении терминологии. Выражения «субъект права» и «субъект правоотношения» в общем являются тождественными. Вместе с тем каждое из них имеет известный смысловой оттенок. Субъект права — это лицо, обладающее правосубъектностью, т.е. лицо, потенциально способное быть участником правоотношений. А субъект правоотношения — это реальный участник данных правовых отношений¹.

2. Правосубъектность в механизме правового регулирования. В механизме правового регулирования правосубъектность является таким

---

¹ *Бойцов В.Я.* Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. С. 32–36.

звеном в «юридическом инструментарии», которое относится к правоотношениям. По своей роли, специфическим функциям в механизме она выступает в качестве средства *конкретизации (закрепления) круга субъектов — лиц, обладающих способностью быть носителями субъективных юридических прав и обязанностей.*

Круг *возможных* субъектов общим образом определяется в юридических нормах. При наличии же известных жизненных обстоятельств (рождение человека, достижение им установленного возраста и т.д., а в отношении организации — образование организации, ее регистрация и др.) круг лиц, обладающих способностью участвовать в правоотношениях, определяется и *конкретно*. Эти лица и являются субъектами права. Следовательно, наделение лиц правосубъектностью представляет собой известную ступень в процессе правового регулирования. Здесь уже нормы права в какой-то степени реализуются — определяют круг лиц, которые могут быть субъектами прав и обязанностей.

Еще в большей степени конкретизирующая роль правосубъектности проявляется в отдельных отраслях права. Отраслевая правосубъектность (гражданская, трудовая, административная и т.п.) конкретизирует область законодательства, действующую применительно к лицу, и, следовательно, конкретизирует круг правоотношений, в которых лицо может участвовать.

Именно таким путем (т.е. путем наделения отраслевой правосубъектностью) определяется *общее юридическое положение* лиц. Уже в силу своей правосубъектности лица становятся в то или иное положение по отношению друг к другу. Отсюда та роль, которую играет правосубъектность при характеристике методов регулирования, свойственных отраслям советского права. Определяя общее юридическое положение участников общественных отношений, правосубъектность выступает в качестве главной черты соответствующего метода регулирования. Например, в гражданском праве лица занимают юридически равные, одинаковые позиции, а в административном праве выступают и качестве субъектов «власти» и «подчинения». И в том, и в другом случаях речь идет об общем юридическом положении лиц и, следовательно, о их правосубъектности.

Итак, правосубъектность является *первым звеном* конкретизации предписаний юридических норм, где определяется общее юридическое положение субъектов: субъекты становятся в то или иное отношение друг к другу. Следующее звено конкретизации юридических норм — конкретные правоотношения. Они опираются не только на нормы права, но и на правосубъектность.

Будучи предпосылкой конкретных правоотношений, правосубъектность «сама» является *особым субъективным правом*, входящим в состав общерегулятивных правоотношений. Ведь такие категории, как «способность», «свойство», не характеризуют правосубъектность с точки зрения специальных юридических понятий.

«Способность» в иной словесной формулировке означает возможность, — такую возможность, которая неотъемлемо принадлежит данному лицу и которая проявляется в его деятельности. А если вспомнить, что правосубъектность представляет собой не естественное, а общественно-юридическое свойство, то, следовательно, перед нами известная юридическая возможность. Юридические же возможности суть не что иное, как субъективные права.

Правосубъектности как субъективному праву противостоят определенные юридические обязанности. Поскольку лицо наделено правосубъектностью, оно тем самым *ставится в специфическое отношение ко всем иным субъектам*. В силу этого лицу принадлежит правомочие требовать известного поведения и от других лиц, а именно — признания его субъектом права, воздержания от любых действий, которые могут нарушить правосубъектность, умалить или нарушить ее. Государственные органы обязаны обеспечить все необходимое для беспрепятственного и полного осуществления правосубъектности.

Рассматривая правосубъектность как субъективное право, не следует упускать из вида, что это *специфическое* право. Оно входит в состав общерегулятивных правоотношений. Те особенности правосубъектности, которые указывались выше (в частности, ее неотделимость от субъекта), соответствуют характерным чертам общерегулятивных правоотношений.

Весьма важно, что и *другие* общерегулятивные правоотношения примыкают к правосубъектности, а многие входящие в их состав субъективные права *непосредственно характеризуют содержание правосубъектности*. Речь, в частности, идет о таких конституционных правах, как право на труд, право на образование, право на социальное обеспечение и др.¹

Дело в том, что правосубъектность обладает определенным конкретным содержанием. Лишь по своим исходным элементам она может

---

¹ Б.В. Пхаладзе правильно обращает внимание на то, что «право участия в общественных отношениях (правоспособность) обеспечивается путем предварительного закрепления за всеми гражданами основных прав и обязанностей, характеризующих исходную позицию граждан в урегулированных правом общественных отношениях» (Пхаладзе Б. В. Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1968. С. 18).

быть охарактеризована как «бланкетная» возможность — возможность данного лица быть субъектом права вообще, а в пределах отдельных отраслей — вообще субъектом трудовых, гражданских, административных и иных правоотношений. В советском законодательстве наряду с нормами о правосубъектности вообще существует значительное число норм, регламентирующих содержание правосубъектности. Этой цели служат, в частности, государственно-правовые нормы, устанавливающие основные конституционные права и обязанности граждан.

Таким образом, общую предпосылку конкретных правоотношений образует не только правосубъектность как «бланкетная» возможность, но и конституционные права и обязанности (право на труд, на образование и др.), которые характеризуют содержание правосубъектности.

Учитывая изложенное, можно определить и понятие *правового статуса*. Правовой статус в социалистическом обществе характеризуется в первую очередь общерегулятивными правоотношениями. В него включаются: а) правосубъектность и б) конституционные права и обязанности, определяющие содержание правосубъектности. Следовательно, правовой статус по своей основе так же, как и общерегулятивные правоотношения в целом, включает субъективные права, неотъемлемые от личности¹.

Взятый Коммунистической партией Советского Союза курс на всемерное развитие прав и свобод советских граждан относится в первую очередь к тем субъективным правам, которые образуют правовой статус. Путем расширения субъективных прав, характеризующих содержание правосубъектности, а также иных общих субъективных прав и происходит дальнейшее упрочение правового положения личности в социалистическом обществе.

Нет ли противоречия в изложенных выше положениях — правосубъектность и примыкающие к ней конституционные права и обязанности рассматриваются, с одной стороны, как общая предпосылка конкретных прав и обязанностей, а с другой — как особые субъективные права? Нет, противоречие здесь отсутствует. Нужно только учитывать *особенности отраслей права и прежде всего государственного права*.

Государственное право является ведущей, основополагающей отраслью социалистического права, в значительной степени предопределяющей содержание других отраслей. А правосубъектность и примыкающие к ней кон-

---

¹ Ямтольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959. С. 162; Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 286; *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 156 и сл.

ституционные права и обязанности носят «публичный» характер, — принадлежат к числу субъективных прав и обязанностей по линии государственного права. Но будучи подлинными субъективными правами и обязанностями (по линии государственного права), они одновременно являются общей предпосылкой конкретных правоотношений, устанавливаемых на основе норм других отраслей, — административного, гражданского, трудового права. В этом как раз и проявляется ведущее значение государственного права по отношению к другим отраслям.

Итак, правосубъектность является субъективным правом по линии государственно-правовых норм и в то же время — предпосылкой конкретных административных, гражданских, трудовых и иных правоотношений. Точно так же, например, конституционное право на труд является субъективным правом по линии государственного права и одновременно «элементом» гражданской, трудовой, колхозной правосубъектности.

Вопрос о том, является ли правосубъектность, а также общие конституционные права *только* общей предпосылкой конкретных правоотношений или же они могут быть охарактеризованы *также* в качестве специфических субъективных прав, нуждается в дальнейшем обсуждении.

Следует, однако, заметить, что в советской юридической литературе все большее количество авторов склоняется к тому, что правосубъектность (правоспособность) является своеобразным субъективным правом («правом на право»). «Правоспособность,— писал еще в 1950 г. С.Н. Братусь, — это право быть субъектом прав и обязанностей»¹. Аналогичную в сущности позицию занимают О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, которые указывают: «...самою правосубъектность тоже можно рассматривать как право. Действительно, раз мне принадлежит правосубъектность, то это, по-видимому, означает, что я «имею право» обладать правами и обязанностями и осуществлять их»². По мнению М.А. Карпушина, правосубъектность (правоспособность) входит в состав особых «первичных» правоотношений³. «...Правоспособность, — пишет А.В. Мицкевич, — заключается в том, что субъект права обладает некоторыми о б щ и м и п р а в а м и, неотделимыми от него и означающими возможность иметь определенный круг конкретных прав и обязанностей, предусмотренных нормами советского права для участников данного вида правоотношений...»⁴.

Такая же эволюция происходит во взглядах на природу конституционных прав и обязанностей. Если в свое время ряд авторов рассматривал их только

---

¹ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 6.

² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 260. Сходные положения выдвинул и Н.Г. Александров (см.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 230).

³ Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. Госюриздат, 1958. С. 77–78.

⁴ Общая теория советского права. С. 284. Автор замечает там же: «В настоящее время уже трудно отрицать, что между правоспособностью и субъективными правами имеются не только различия, но и сходные черты».

как «элементы» правосубъектности, то в настоящее время настойчиво пробивает себе дорогу взгляд, в соответствии с которым они представляют собой *подлинные* субъективные права и обязанности. Характеризуя смысл ст. 127 и 128 Конституции СССР, Е.А. Флейшиц справедливо пишет, что они «вовсе не содержат норм, которые закрепляли бы за гражданами не субъективные права, а что-то «входящее в правоспособность» и не поддающееся не только определению, но и наименованию при помощи принятых юридических категорий и обычной юридической терминологии»¹. В литературе были высказаны и другие положения в обоснование того, что конституционные права являются специфическими субъективными правами, входящими в состав общих (общерегулятивных) правоотношений².

3. Виды правосубъектности. Правосубъектность подразделяется на виды в зависимости от того, каков круг и каково содержание предусмотренных ею прав и обязанностей. По этому признаку различается правосубъектность: а) общая, б) отраслевая, в) специальная.

Общая правосубъектность — это способность лица быть субъектом права вообще. Вопрос об общей правосубъектности представляет собой социальный вопрос: признает ли правопорядок данных индивидов, организации, общественные образования субъектами права или нет? Так, в социалистическом обществе все люди с момента рождения обладают общей правосубъектностью, содержание которой конкретизируется в правосубъектности отдельных отраслей права.

Отраслевая правосубъектность — это способность лица быть, участником правоотношений той или иной отрасли права. Различаются, в частности, правосубъектности политическая (государственно-правовая), гражданская, трудовая, семейная, процессуальная и т.д.

Специальная правосубъектность — это способность лица быть участником лишь определенного круга правоотношений в пределах данной

---

¹ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960. С. 279.

Нужно лишь учитывать диалектику взаимодействия между правосубъектностью (правоспособностью) и общими правами и обязанностями. Эта диалектика состоит в том, что общие права и обязанности, осуществляясь на основе правосубъектности (правоспособности), в то же время в плоскости «встречной» зависимости являются правовой категорией, раскрывающей содержание правосубъектности (правоспособности).

² Матузов Н.И. К вопросу о понятии субъективных прав граждан // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 105.

В другой работе автор пишет: «Права, образующие правовой статус, являются *субъективными* правами, так как принадлежат лицам (субъектам) Они также находятся в составе правовых отношений, только особых, общих, длящихся» (Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 93).

отрасли права. Специальной правосубъектностью, например, обладают юридические лица в советском гражданском праве, органы государственного управления и должностные лица — в рамках административных правоотношений и др.

Специфические разновидности имеет правосубъектность в отраслях права, регулирующих *властеотношения* (это касается прежде всего административной правосубъектности). Здесь нужно различать: а) *активную правосубъектность*, т.е. правосубъектность, которой наделены субъекты «власти» — органы государственной власти и государственного управления, и б) *пассивную правосубъектность*, т.е. правосубъектность, которой наделены субъекты «подчинения»¹. Если пассивная правосубъектность в данном круге отношений является одинаковой в равной для всех субъектов «подчинения», то активная правосубъектность (именуемая компетенцией) неодинакова для различных органов власти и управления, а главное — всегда конкретизирована по содержанию.

Особенности правосубъектности в отдельных отраслях права еще недостаточно изучены. Многие авторы, рассматривая правосубъектность в административном, трудовом, колхозном, процессуальном праве, строят ее по такому же образцу, как и гражданскую правосубъектность, т.е. как общую, абстрактную предпосылку правообладания и несения юридических обязанностей.

Между тем гражданская правосубъектность (правоспособность) представляет собой специфическую правовую категорию, отражающую своеобразие предмета гражданско-правового регулирования. В соответствии с требованиями товарного производства и обращения гражданская правосубъектность имеет общий, абстрактный характер. Она выражает общую, принципиально равную возможность тех или иных лиц быть субъектами имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства и обращения.

В других отраслях правосубъектность является общей, равной для всех предпосылкой правообладания лишь по своим исходным элементам, где правосубъектность представляет собой «бланкетную» возможность быть субъектом соответствующего круга правоотношений (административных, трудовых и т.п.). По другим же своим элементам правосубъектность в упомянутых отраслях имеет конкретизированный характер.

В юридической литературе на своеобразие правового положения субъектов в ряде отраслей права обратила внимание Е.А. Флейшиц. Она убедительно показала, что в таких, например, отраслях, как административное право, правоспособность не может быть определена как общая абстрактная предпо-

---

¹ Это разграничение, как показал Б.К. Бегичев, имеет существенное значение и для правосубъектности в трудовом праве (*Бегичев Б.К.* Особенности правового положения служащих как субъектов трудового права // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск, 1964. С. 161).

сылка правообладания¹. Но из этого верного положения сделан, на мой взгляд, неправильный вывод. По мнению Е.А. Флейшиц, в административном праве правоспособности вообще не существует, ибо «правоспособность... всегда абстрактна и должна быть абстрактной возможностью правообладания и несения обязанностей»². Но почему? Не будет ли правильнее сделать другой вывод: поскольку в административном праве правосубъектность (правоспособность) не исчерпывается «бланкетной» возможностью — такая возможность, разумеется, есть и в административном праве, — постольку, очевидно, в административном праве и ряде других отраслей необходимо несколько по-иному понимать эту правовую категорию.

Так, даже в такой близкой к гражданскому праву отрасли, как трудовое право, правоспособность граждан не может быть исчерпана только одной лишь возможностью вступить в трудовой договор. Трудовая правоспособность — это более емкая категория, конкретное содержание которой зависит от целого ряда факторов, выражающих осуществление лицом конституционной обязанности трудиться, в частности от трудового стажа, квалификации³.

Конкретизированный характер имеет правосубъектность (правоспособность) в процессуальном праве. Этого не учитывает А.Ф. Козлов. Он отрицательно относится к самой возможности использования категорий правоспособности и дееспособности для характеристики положения субъектов гражданско-процессуального права⁴. Между тем при устранении из научного анализа указанных категорий исчезают основания и для исследования субъектов права, так как категория правосубъектности (охватывающая в единстве правоспособность и дееспособность) не означает ничего иного, как признание за определенными лицами свойств субъектов. Те же реальные общие права, которые, по мысли автора, включаются в правовой статус любого государственного органа⁵, выражают конкретизированное содержание правосубъектности.

4. Правосубъектность, правоспособность, дееспособность. Деликтоспособность. Общая правосубъектность, а также правосубъектность в ряде отраслей права существует как единая «праводеспособность», одновременно охватывающая два момента: 1) возможность обладания правами и обязанностями и 2) возможность их самостоятельно-

¹ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективного права // Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960. С. 281—282.

² Там же. С. 282.

³ Развернутый анализ трудовой правосубъектности дан в работах Б.К. Бегичева (см., в частности: Сборники ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 1—4, 6, а также: Бегичев Б.К. Трудовая правосубъективность советских граждан. М.: Юрид. лит., 1972). В этих работах содержится ряд интересных положений, имеющих общетеоретическую ценность.

⁴ Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1970. С. 12—14.

⁵ Там же. С. 14.

го осуществления. Такой характер носят, за определенными исключениями, трудовая, колхозная, брачно-семейная правосубъектность. Правосубъектные организации, а также иные общественные образования во всех случаях одновременно обладают возможностями иметь и осуществлять субъективные права и обязанности.

В некоторых же других отраслях (прежде всего в гражданском праве) правосубъектность как бы «разъединяется». Гражданское законодательство отдельно различает правоспособность и дееспособность, которые представляют собой относительно обособленные проявления правосубъектности. *Правоспособность* — это способность лица иметь субъективные права и юридические обязанности; *дееспособность* — самостоятельно, своими личными, «осознанными» действиями их осуществлять (ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Гражданское законодательство признает субъектами права не только тех лиц, которые одновременно обладают правоспособностью и дееспособностью, но также и лиц, наделенных одной лишь правоспособностью (т.е. малолетних детей и душевнобольных).

«Разъединение» правоспособности и дееспособности объясняется природой гражданских и некоторых иных имущественных субъективных прав. Имущественные права могут принадлежать одному лицу, а осуществлять их могут другие лица. Процесс осуществления имущественных прав не имеет столь тесной непосредственной связи с носителем права, как это свойственно другим видам субъективных прав (политическим, брачно-семейным и т.п.).

Дети и душевнобольные являются подлинными субъектами права, так как гражданское законодательство признает достаточным для этого одной лишь правоспособности. Но и в гражданском праве правоспособность как бы стремится «воссоединиться» с дееспособностью с тем, чтобы был ликвидирован указанный выше «разрыв». Вот почему недееспособность детей и душевнобольных восполняется в гражданском праве при помощи дееспособности других лиц — опекунов, попечителей или родителей¹.

---

¹ О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский пишут: «Гражданская правосубъектность, как и всякая правосубъектность вообще, включает в себя спорность как обладания правами и обязанностями, так и их осуществления. Ее особенность заключается только в том, что обе названные способности здесь необязательно должны совпадать в одном лице и могут быть воссоединены благодаря способностям, принадлежащим другим лицам. Однако, поскольку они так или иначе должны быть воссоединены, отмеченная особенность субъектов гражданского права ни в какой мере не опровергает общей определения правосубъектности...» (Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 211).

Наряду с правоспособностью и дееспособностью в некоторых случаях обособляется еще одно проявление правосубъектности — *деликтоспособность*.

Деликтоспособность — это способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения (деликты).

В отношении большинства субъектов права нет необходимости специально выделять деликтоспособность. Если данное лицо обладает правосубъектностью (т.е. способностью иметь субъективные права и обязанности, а также их самостоятельно осуществлять), то оно тем самым и деликтоспособно. Здесь деликтоспособность представляет собой в сущности одну из сторон правосубъектности, точнее — дееспособности, выражающую возможность самостоятельного исполнения юридических обязанностей (в конечном счете ответственность и есть один из видов несения юридических обязанностей).

Но в некоторых случаях возникает необходимость обособления деликтоспособности. Так, в гражданском праве лица в возрасте от 14 до 18 лет деликтоспособны (хотя они еще не приобрели полную дееспособность). Категория деликтоспособности (вменяемости) имеет самостоятельное значение в уголовном праве.

В настоящее время большинство советских ученых с необходимой четкостью различает правосубъектность и правоспособность. Первая (правосубъектность) рассматривается как сложное явление, состоящее из двух возможностей, а вторая (правоспособность) — как обособляющаяся в гражданском праве одна из этих возможностей — возможность иметь субъективные права и обязанности¹.

Нужно, однако, заметить, что до недавнего времени в учебниках по теории государства и права «разъединение» правосубъектности на правоспособность и дееспособность трактовалось как общее явление, относящееся ко всем отраслям права. Такого рода цивилистический подход до сих пор еще полностью не преодолен; в работах отдельных авторов и сейчас можно найти утверждения о том, что правоспособность (отграничиваемую от дееспособности) следует понимать как категорию, тождественную правосубъектности². С.Ф. Кечекьян также не различает правосубъектность и правоспособность, но по другим основаниям. Он полагает, что «понятие правоспособности включает в себя по-

¹ *Пергамент А.И.* К вопросу о правовом положении несовершеннолетних // Ученые записки ВИЮН. Вып. 3. Госюриздат, 1955. С. 4–5; *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 37–38; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Указ. соч. С. 208–212, и др.

² *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 9–11. Замечания по этой точке зрения см.: *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Указ. соч. С. 211.

нятие дееспособности»¹. Между тем дело как раз в том, что этот «вид правоспособности» (дееспособности) не всегда выделяется из правосубъектности. К тому же автору «все же надлежало бы ответить на вопрос: тождественна ли правосубъектность правоспособности в тех случаях, когда последняя не охватывает такого ее «вида», каким, по мнению автора, является дееспособность?»².

Своеобразную позицию занимает А.В. Мицкевич, который полагает, что дееспособность следует рассматривать «как одно из условий осуществления правоспособности, а не как элемент ее содержания»³.

По мнению А.В. Венедиктова, понятие правосубъектности не может рассматриваться как однозначное: в тех отраслях и институтах права, для которых закон устанавливает одинаковые предпосылки правоспособности и дееспособности, правосубъектность включает в себя обе указанные возможности; в тех же отраслях и институтах, для которых закон устанавливает различные предпосылки правоспособности и дееспособности (имеется в виду гражданское право), правосубъектность равнозначна правоспособности⁴. Это в общем правильная постановка вопроса. В гражданском праве действительно закон признает субъектом права даже тех лиц, которые обладают одной правоспособностью. Однако и в гражданском праве, как уже отмечалось, правоспособность «тяготеет» к объединению с дееспособностью. Следовательно, в конечном счете общее понятие правосубъектности (как единства двух возможностей) распространяется и на гражданское право.

5. Виды субъектов права. Субъектами права могут быть только участники общественных отношений, т.е. люди (индивиды), создаваемые ими общественные организации, общественные образования.

По степени «общности» (и особенностям людского субстрата) все субъекты права могут быть подразделены на три основные группы:

- а) физические лица, т.е. индивидуальные субъекты;
- б) организации, т.е. коллективные субъекты;
- в) общественные образования, т.е. персонифицированные подразделения общества в целом (государство, административно-территориальные единицы и др.).

Индивидуальные субъекты (физические лица) именуется иногда «гражданами». Действительно, граждане образуют основную разновидность индивидуальных субъектов. Однако наряду с гражданами субъектами нашего права являются иностранцы и лица без гражданства, кото-

---

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 85.

² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 212.

³ Общая теория советского права. С. 283.

⁴ Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 20.

рые, вне сомнения, относятся к индивидуальным субъектам. Поэтому для обозначения индивидуальных субъектов целесообразнее употреблять условный термин «физические лица». Следует лишь учитывать, что этот термин вовсе не связывает признание правосубъектности за индивидуальным лицом только с его физическим существованием¹. Правосубъектность — это общественно-юридическое свойство, хотя в социалистическом обществе каждый человек уже в силу факта своего физического существования является субъектом права. Термин же «физическое лицо» имеет условное значение: им обозначаются все индивидуальные субъекты, т.е. граждане СССР, иностранцы, лица без гражданства.

Своеобразное положение занимают лица, которые в данных правоотношениях являются субъектами права, потому что выступают в особом качестве: в виде представителей организации — должностных лиц. В данных правоотношениях, т.е. в тех правоотношениях, в которых лицо осуществляет функции должностного лица, гражданин является не физическим лицом, а подразделением той или иной организации². Должностное лицо продолжает выступать в правоотношении и после того, как на соответствующей должности один гражданин заменит другого. Следовательно, «единоличные должностные лица» не могут рассматриваться как особая категория индивидуальных субъектов советского права — физических лиц. Свои должностные полномочия они получают от той или иной организации, из ее правового статуса³.

Среди нетипичных субъектов правоотношений в социалистическом обществе следует указать на *церковные организации и иностранные частнокапиталистические и государственные фирмы*. Первые (церковные организации) пользуются правосубъектностью в строго установленных законом пределах; вторые (иностранные фирмы) действуют в силу международных соглашений и коллизионных норм международного частного права⁴.

¹ В свое время термин «физическое лицо» имел особый смысл. Он отражал натуралистическую трактовку субъекта права как только психофизиологической особи. Ныне этот термин, потеряв свой первоначальный смысл, сохраняется для обозначения индивидуальных субъектов. Несмотря на это, некоторые авторы предлагают все же отказаться от его применения (например: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 32).

² Этого не учитывают некоторые авторы, которые относят должностных лиц к индивидуальным субъектам (*Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Указ. соч. С. 207).

³ *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. Госюриздат, 1962. С. 37; см. также: *Общая теория советского права.* С. 290.

⁴ *Луниц Л.А.* Международное частное право. Общая часть. Госюриздат, 1959. С. 50–51.

В юридической литературе широко распространено деление субъектов права на две основные группы: 1) индивидуальные субъекты – физические лица, граждане и 2) организации – коллективные субъекты¹. Такое деление с точки зрения логической стройности следует признать последовательным. Однако, думается, что «логика жизни» сильнее. Она требует обособления в особую рубрику таких специфических социальных образований, как государство, административно-территориальные единицы, избирательные округа и др.² Конечно, и государство является «организацией» политической власти. Но применительно к государству, охватывающему все население страны, слово «организация» употребляется в ином смысле, нежели применительно к коллективам граждан (общественным организациям) и даже к организационно-обособленным подразделениям государства (государственным организациям). Вот почему, если отойти от чисто формальных критериев и обратиться к существенным признакам (особенностям людского субстрата; степени «общности»), то трехчленное деление субъектов права оказывается не только логически последовательным, но и полностью адекватным реальному положению участников правовых отношений в социалистическом обществе.

В литературе по колхозному и земельному праву к числу особых субъектов права причисляют колхозный двор³. Действительно, в некоторых земельных и финансовых отношениях субъектами являются не отдельные индивиды, а известное их единство – колхозный двор. Однако колхозный двор не достиг такой степени организационного единства, которая необходима для организации как субъекта права. Поэтому правильнее говорить не о том, что колхозный двор является субъектом права, а о том, что он обладает *некоторыми (незавершенными) элементами правосубъектности*. В остальном же колхозный двор представляет собой группу лиц – носителей общей совместной собственности.

К особым субъектам права отдельные авторы относят не только персонафицированные социальные образования, но и социальные общности людей в целом. Так, В.Я. Бойцов предпринял попытку развернутого обоснования того, что субъектами советского государственного права являются такие социальные общности, как народ, нации, коллективы трудящихся⁴. Мысль

---

¹ Мицкевич А.В. Субъекты советского права. С. 33–47. Сходное (хотя и не совсем тождественное) деление субъектов права отстаивают и другие авторы. С.Ф. Кечекьян делит всех субъектов права на индивидуальных и комплексных (Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 91). По мнению О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, все субъекты подразделяются на индивидов и коллективных субъектов (Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 203–208).

² Категорию субъектов – «социальные образования» – обособляет В.Я. Бойцов (см.: Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. С. 77 и сл.).

³ Павлов И.В. Колхозный двор и его правовое положение. Госюриздат, 1954. С. 17 и сл.; Аксененко Г.А. Земельные правоотношения в СССР. Госюриздат, 1958. С. 124; Рускол А.А. Колхозные правоотношения в СССР. Госюриздат, 1960. С. 114–124, и др.

⁴ Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. С. 76, 89 и сл.

о том, что народ, нации как таковые могут быть субъектами права, высказывалась и ранее¹.

Стремление осмыслить место и роль главных социальных общностей людей (народа, классов, наций, коллективов) в политической жизни, конечно же, заслуживает поддержки. Народ, классы, нации, коллективы являются основными *субъектами социально-политических отношений*. Это помимо всего иного отражается в содержании многих государственно-правовых норм и прежде всего в содержании конституционных положений². Но именно потому, что главные социальные общности людей выступают в качестве решающих институтов политической жизни, выражающих ее глубинные связи, они не обладают и не могут обладать свойствами внешне формального порядка, которые позволили бы им быть *субъектами правовых отношений* (иначе пришлось бы охарактеризовать народ, нации и т.д. не только как субъектов юридических прав, но и как субъектов обязанностей, ответственности и т.д.). Главные социальные общности выступают в сфере правовых отношений не непосредственно, а опосредованно — *через* персонифицированные социальные образования (государство, корпус избирателей и др.) и разнообразные организации, в том числе партии, профессиональные союзы, кооперативы и т.д.³

6. Физические лица. Индивидуальными субъектами в социалистическом обществе являются: а) граждане, б) иностранцы, в) лица без гражданства.

Граждане — основная, абсолютно преобладающая разновидность физических лиц. Граждане в социалистическом обществе — это полноправные индивидуальные субъекты. Их правовое положение характеризуется через правовой статус, отличающийся широтой прав и свобод, их реальностью, материальной обеспеченностью и высоким уровнем государственной защиты.

Высокий демократизм правового статуса граждан выражается и в том, что их правосубъектность по своим исходным, началь-

¹ См., например: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношение в социалистическом обществе. С. 92.

² Все примеры, приведенные В.Я. Бойцовым в подтверждение его мысли о социальных общностях как субъектах права (см.: *Бойцов В.Я.* Указ. соч. С. 89 и сл.), на самом деле указывают на другое — на то, что в *содержании* юридических норм закрепляется решающая роль народа, нации, коллективов в политической жизни. Такие же положения, как «право нации на самоопределение», касаются не юридических правомочий, а *социальных принципов*, которые в сфере юридических отношений воплощаются в субъективных юридических правах (и обязанностях), носителями которых являются субъекты, обладающие для этого необходимыми свойствами, т.е. персонифицированные социальные (государственные) образования.

³ *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 60; *Кабыев В.Т., Миронов О.О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 40—41.

ным элементам во всех случаях является, безусловно, равной, совершенно одинаковой для всех граждан, без какого бы то ни было исключения. Все граждане наделены равными возможностями обладания юридическими правами и несения юридических обязанностей независимо от пола, национальности и расы, социального происхождения, имущественного положения, прошлой деятельности и вероисповедания.

При достижении совершеннолетия на объеме правосубъектности сказывается выполнение гражданином конституционных обязанностей, в частности конституционной обязанности трудиться. Так, граждане, честно выполняющие свой трудовой долг, и граждане, уклоняющиеся от общественно полезного труда, имеют неравные возможности в области пенсионного обеспечения, приусадебного землепользования, налогового законодательства и др. Советский народ, его Коммунистическая партия ставят задачу обеспечить максимум прав гражданам, честно выполняющим свой долг перед обществом.

Однако начальные, исходные элементы правосубъектности граждан остаются во всех случаях равными. И это обеспечивает возможность того, что гражданин, который в данный момент не выполняет свой долг перед обществом, все же может приобщиться к честному труду и в конечном счете пользоваться всеми благами, которые дает наше общество.

Что же касается различий в объеме правосубъектности в зависимости от возрастных, физических и физиологических особенностей отдельных категорий лиц (специальные права и льготы для женщин в связи с материнством, охраной здоровья женщин; освобождение от воинских и трудовых обязанностей престарелых граждан и инвалидов и др.), то и в данном случае указанные различия не затрагивают начальных, исходных элементов правосубъектности: они относятся к дополнительным правам и льготам.

Правосубъектность граждан может быть ограничена только по решению специально уполномоченных на то государственных органов и в случаях, особо предусмотренных в законе (например, применение в качестве меры уголовного наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; известные ограничения правосубъектности наступают для лиц, изолированных от общества за совершенное уголовное преступление). Наше законодательство не допускает каких-либо ограничений правосубъектности граждан по соглашению лиц в результате вступления в правоотношение или же по распоряжению не уполномоченных на

то организаций. В частности, гражданское законодательство признает недействительными сделки, клонящиеся к ограничению гражданской правоспособности или дееспособности (ст. 8 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Условиями общей правосубъектности граждан в социалистическом обществе являются: а) сам факт физического существования человека, б) принадлежность к гражданству данной социалистической страны.

Для приобретения большинства видов отраслевой правосубъектности (политической, трудовой, брачной и др.) нужны, кроме того, и дополнительные условия — достижение определенного возраста, а также нормальное состояние психики. Необходимость таких дополнительных условий вполне объяснима: отраслевая правосубъектность конкретизирована по содержанию — она характеризует не только возможность лица участвовать в правоотношениях вообще, но и возможность реализовать их своими личными действиями. Последняя же из указанных возможностей осуществима только при наличии здоровой психики, достижения известного возраста.

Именно в отношении граждан возможно «разъединение» отдельных видов отраслевой правосубъектности на правоспособность и дееспособность. Указанное «разъединение» правосубъектности касается главным образом тех ее видов, которые охватывают имущественные права и обязанности, т.е. в основном гражданской правосубъектности, а также гражданско-процессуальной и отчасти трудовой, финансовой и земельной правосубъектности.

В случаях «разъединения» правосубъектности особо различаются условия правоспособности и условия дееспособности. Условия правоспособности те же, что и условия общей правосубъектности, т.е. сам факт физического существования человека и принадлежность его к гражданству данной страны. К условиям же дееспособности относятся указанные выше дополнительные факты — достижение определенного возраста и нормальное состояние психики.

Иностранцы сохраняют связь с государством, гражданами которого они являются, и, следовательно, в определенных отношениях подпадают под действие соответствующего иностранного законодательства. В то же время на иностранцев, поскольку они находятся на территории социалистического государства или иным образом вступили в социалистические правоотношения (например, в связи с открытием в СССР наследства), распространяется и действие законодательства социалистического государства.

Лица без гражданства (апатриды), находящиеся на территории социалистического государства, подпадают только под действие социалистического права.

Социально-экономические и личные права иностранцев и лиц без гражданства в общем приравнены к правовому положению советских граждан. В принципе они несут и уголовную ответственность наравне с гражданами (особые правила действия законов в пространстве и по кругу лиц будут рассмотрены в третьем разделе). Однако на иностранцев не распространяются некоторые конституционные права и обязанности (в частности, право избирать и быть избранным), они не могут быть субъектами некоторых гражданских и трудовых правоотношений (например, иностранцы и лица без гражданства не могут входить в состав экипажей гражданских воздушных судов).

7. Организации. «Организациями» называются коллективы индивидов, которые могут самостоятельно, от своего имени, выступать в качестве субъектов права.

Обязательной предпосылкой правосубъектности организаций является их персонификация, выраженная в *организационном единстве* данного коллектива индивидов. Все организации – государственные и общественные – имеют внутреннюю структуру; их внутренние подразделения слиты в нераздельное целое. Вот это нераздельное целое, т.е. организация как таковая, и наделяется правосубъектностью.

Организация – субъект права *выступает от своего имени*. Это относится, в частности, к государственным организациям: будучи частями государства, они как самостоятельные субъекты действуют от своего имени.

Одна из важных особенностей правосубъектности организации состоит в том, что ее содержание всегда носит *специальный характер*, т.е. определяется кругом тех задач, которые стоят перед данной организацией; поэтому нередко правосубъектность даже одноименных организаций отличается по своему содержанию и объему.

Характерная черта правосубъектности организаций состоит также в том, что здесь нет и не может быть «разъединения» правосубъектности на правоспособность и дееспособность. В отношении организаций немислима такая ситуация, когда организация обладала бы способностью иметь субъективные юридические права и обязанности, но была бы лишена способности самостоятельно их осуществлять.

Самостоятельными субъектами права являются не только организации в целом, но и в ряде случаев их *органы и должностные лица*, выполняющие властные функции (директор предприятия, народный су-

дья, коллегия министерства и т.п.). Необходимо еще раз подчеркнуть, что в этих случаях органы и должностные лица являются своеобразными единоличными или коллегиальными подразделениями организации, выражающими ее волю.

Организации как субъекты права по своей общественной природе могут быть подразделены на две группы:

- 1) *государственные организации*, которые являются частями государства, но выступают в правоотношениях от своего имени;
- 2) *общественные организации*, которые образуются коллективом людей и выражают его волю.

Государственные и общественные организации выступают в двух основных качествах. Они могут быть: а) *субъектами* властных функций руководства; таковы органы государственной власти и управления; организации общественности, наделенные властной компетенцией, и др.; б) *субъектами оперативно-хозяйственной и социально-культурной деятельности*; к ним, в частности, относятся государственные, промышленные и торговые предприятия, колхозы, потребительская кооперация и др.¹

Приведенное деление («а» и «б») является в определенной степени условным потому, что органы, выполняющие властные функции (например, исполкомы местных Советов), также в какой-то мере ведут и хозяйственную деятельность. Существуют, кроме того, такие организации, которые вообще в своей деятельности сочетают властные и хозяйственно-оперативные функции (например, Госбанк СССР). Наконец, в составе хозяйственных предприятий и социально-культурных учреждений есть органы (администрация), которые осуществляют властные функции управления. Таким образом, правовое положение администрации хозяйственных предприятий и социально-культурных учреждений довольно своеобразно: администрация является частью данного предприятия или учреждениями и в то же время низшим звеном государственного аппарата².

Правосубъектность органов, *выполняющих властные функции государственного руководства*, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией – компетенцией.

Компетенция – это круг властных прав (и неразрывно связанных с ними обязанностей), которыми обладает государственный орган в целях выполнения возложенных на него задач государственного управле-

¹ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 621–654; *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. С. 38–39, 109.

² *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. С. 119–120.

ния (руководства). Компетенция выражает активную административную правосубъектность (правоспособность). Своеобразие компетенции в отличие от гражданской правосубъектности состоит в том, что, во-первых, права и обязанности, составляющие компетенцию, распределяются между подразделениями государственного органа и отдельными должностными лицами; во-вторых, в компетенции властные права тесно связаны с обязанностями¹.

С юридической стороны главное в компетенции составляют *властные права* государственных органов — права на определенные положительные действия. Права и обязанности в компетенции нельзя отождествлять и трактовать их как единые «правообязанности». Обязанность государственного органа состоит в том, чтобы выполнять возложенные на него задачи и, следовательно, осуществлять в установленном порядке предоставленные ему властные права. А эти права имеют свое содержание. Они состоят в предоставленной государственному органу возможности своими односторонними действиями (актами) порождать, изменять или прекращать конкретные правоотношения. Вот почему законодатель при регламентации компетенции тех или иных государственных органов в нормативных актах не ограничивается одним лишь указанием на их задачи (обязанности), а специально предусматривает также объем и конкретное содержание предоставленных им прав.

Субъектами властных функций руководства являются по большей части государственные органы. Вместе с тем и некоторые общественные организации могут обладать активной административной правосубъектностью. Это прежде всего общественные организации, которые в установленном порядке наделены властными правами по осуществлению функций, выходящих за пределы внутренней деятельности общественных организаций. Такими властными правами наделены, например, профессиональные союзы (права в области социального страхования, инспекции по охране труда, по решению трудовых споров и др.), народные дружины по охране общественного порядка, товарищеские суды и некоторые другие органы общественности. Источником властных прав и здесь в конечном счете является социалистическое государство, которое делегирует (передает) свои права органам общественности, устанавливая при этом строгий порядок их использования. Существенное значение в компетенции общественных организаций занимают властные права по осуществлению контроля за работой государственных организаций.

---

¹ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. С. 120—130.

Правовую компетенцию общественных организаций не следует смешивать с их, так сказать, «общественной компетенцией» — кругом неюридических прав и обязанностей по руководству делами данной организации. Общественная компетенция, регламентируемая неюридическими нормами общественных организаций, строится на внутренней дисциплине, моральном авторитете, обеспечивается системой мер общественного воздействия. Внутрисоюзные отношения в общественных организациях в подавляющей своей массе не имеют юридического характера.

Однако и здесь, в области внутрисоюзного руководства, социалистическое государство в некоторых случаях делегирует общественным организациям отдельные властные юридические права. Так, юридический характер носят права и обязанности органов профсоюзов и добровольных обществ в отношении работников их штатного аппарата, в области руководства подведомственными предприятиями и др. Юридический характер имеют многие правомочия руководящих органов колхозов и иных хозяйственных кооперативных организаций. Оперативно-исполнительными и контрольными правомочиями властного содержания обладают и центральные органы кооперативных систем и правления союзов кооперации.

Правосубъектность организаций, *осуществляющих оперативно-хозяйственную и социально-культурную деятельность*, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией — юридическим лицом.

Юридическими лицами являются «организации, которые обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитраже или в третейском суде» (ч. 1 ст. 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Категория юридического лица в отличие от компетенции выражает гражданскую правосубъектность (правоспособность).

Особенности товарного производства и обращения требуют того, чтобы организации — участники имущественных отношений — действовали «как таковые», т.е. выступали в гражданском обороте от своего имени и несли самостоятельную имущественную ответственность. Хотя объем правосубъектности организаций, участвующих в гражданском обороте, может быть неодинаков, все они по отношению друг к другу, а также к физическим лицам занимают юридически равные, одинаковые позиции. И это существенным образом отличает их от организаций, наделенных компетенцией.

Категория юридического лица, сложившаяся в гражданском праве, в определенной мере используется и в некоторых других отраслях¹. Она применяется, например, в трудовом и колхозном праве для характеристики правосубъектности государственных и общественных организаций в области трудовых отношений. Юридическими лицами являются также организации – субъекты финансовых и земельных правоотношений. Словом, юридическое лицо выражает в настоящее время правосубъектность организаций в сфере их оперативно-хозяйственной деятельности.

Таким образом, категория юридического лица применяется не для обозначения правосубъектности государственных и общественных организаций в целом, а только для обозначения *части* правосубъектности организаций – прежде всего их гражданской правосубъектности. Отсюда следует, что не все организации – субъекты права – являются юридическими лицами (например, не являются юридическими лицами такие организации, как цех завода, народные дружины по охране общественного порядка и др.). Иные же организации, хотя и являются юридическими лицами, имеют более широкую правосубъектность (например, главное управление министерства, переведенное на хозрасчет, будучи юридическим лицом, обладает и административной правосубъектностью).

Юридическое лицо, как особый субъект права, имеет дополнительные признаки. Наряду с организационным единством решающей предпосылкой признания той или иной организации юридическим лицом служит *имущественная обособленность* этой организации².

8. Общественные образования. Это персонифицированные подразделения общества в целом. В отличие от организаций они представляют собой не коллективы людей, а внешнее, организационно-юридическое выражение социальных общностей в целом, в социалистическом обществе – народа, социалистических наций.

В общественных образованиях – качественно иная (более высокая) общность людей, нежели в организациях; именно это позволяет социальным образованиям выступать от имени социальной общности – народа, нации, народности.

---

¹ Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 23–25.

² По вопросу о правосубъектности организаций, в частности по вопросу о содержании понятия «компетенция», в юридической литературе высказаны и другие взгляды. Так, сторонники концепции хозяйственного права (В.В. Лаптев, В.К. Мамутов и др.) охватывают этим понятием всю правосубъектность участников хозяйственной деятельности, в том числе и их правосубъектность как юридических лиц.

Общественные образования как субъекты права выражаются в важнейшем субъекте политической организации общества – в *государстве*.

В социалистическом обществе к социальным образованиям – субъектам права – относятся социалистическое государство, субъекты социалистической федерации (республики, автономные области и др.), административно-территориальные единицы, избирательные округа, корпус избирателей.

Государство может действовать и, следовательно, выступать в правоотношениях только через свои органы – государственные организации. Как правило, государственные организации действуют от своего имени, т.е. в качестве особых субъектов права. Но в ряде случаев эти органы выступают не от своего имени, а от имени государства в целом. Именно тогда государство как таковое и является субъектом права.

Специфическая черта, характеризующая правосубъектность государства, состоит в том, что оно всегда остается субъектом политической организации общества. Вот почему даже в гражданских правоотношениях государство как особый субъект права может проявить свои властные функции (например, по гражданским правоотношениям государственного займа произвести конверсию займов).

Каковы же основные области общественных отношений, где государство является особым субъектом права? Таких областей четыре:

1) *Межгосударственные отношения, регулируемые международным правом*. В межгосударственных отношениях, возникающих в силу международно-правовых договоров и на основе общепризнанных обычаев, субъектом является непосредственно социалистическое государство. В этих отношениях органы Министерства иностранных дел и иные государственные органы действуют не от своего имени, а от имени социалистического государства в целом.

2) *Межгосударственные (федеративные) отношения, регулируемые государственным правом*. В социалистическом государстве, построенном на началах федерации, возникают отношения между членами федерации. Так, в Союзе ССР субъектами федеративных отношений являются союзное государство в целом (Союз ССР), союзные и автономные республики.

3) *Отношения государства с гражданами и общественными организациями, выражающими начала государственного суверенитета*. В социалистическом государстве существует весьма обширная область отношений, также регулируемых государственным правом, отношений, где субъектом права является социалистическое государство. Это отношения, непосредственно выражающие начала государственного суверенитета.

Социалистическое государство прежде всего является субъектом права государственной социалистической собственности. Государство не только сосредоточивает в своих руках вещественные объекты, не распределенные между отдельными государственными организациями, но через свои высшие органы власти и управления определяет в общенародном масштабе предпосылки, порядок, формы и результаты процесса социалистического производства, распределения и обмена. Это, в частности, выражается в утверждении высшими органами государственной власти государственного бюджета и народнохозяйственных планов.

Социалистическое государство, далее, является субъектом государственно-правовых отношений, связанных с институтами гражданства, основных конституционных прав и обязанностей граждан, с наделением правосубъектностью.

Наконец, социалистическое государство является субъектом уголовно-правовых охранительных правоотношений. Особенность уголовно-правовых отношений состоит в том, что они возникают в результате совершения лицом противоправных действий, представляющих опасность личности для общества в целом. Поэтому общество в целом в лице своего государства и является субъектом уголовно-правовых отношений.

4) *Некоторые имущественные отношения, регулируемые административным и гражданским правом.* Изредка социалистическое государство непосредственно выступает в имущественных отношениях, регулируемых административным и гражданским правом. Так, государство является субъектом: внешнеторговых обязательственных отношений, когда внешнеторговые сделки заключены торгпредством от имени СССР; отношений, связанных с выпуском, оплатой выигрышей и погашением государственных займов и денежно-вещевых лотерей; отношений, связанных с переходом к государству бесхозного, выморочного, задавненного, завещанного государству и конфискованного имущества.

Выступление государства в некоторых конкретных имущественных отношениях, а также в качестве субъекта государственных имуществ, не распределенных между отдельными государственными организациями, обозначается условным термином «казна». «Средства казны» это и есть как раз те имущества, которые входят в государственный бюджет и ими непосредственно распоряжается социалистическое государство через свои финансовые органы.

ГЛАВА XVIII

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

1. Материальное и юридическое содержание правоотношения. В правоотношении могут быть выделены материальное и юридическое содержание.

Юридическое содержание правоотношения — это его составные юридические элементы, т.е. субъективное право и обязанность. Юридическое содержание выражает то специфическое, что свойственно правоотношению как своеобразной идеологической форме фактических общественных отношений.

Материальное содержание правоотношения — это то фактическое поведение (действие и бездействие), которое управомоченный может, а правообязанный должен совершить.

Материальное содержание правоотношения складывается из дозволенного поведения управомоченного и должного поведения правообязанного.

Дозволенное поведение управомоченного в любом правоотношении выражается в требовании исполнения обязанности. В ряде же правоотношений (правоотношениях пассивного типа; например, правоотношений собственности) управомоченный прежде всего совершает положительные действия, которые состоят в обладании и фактическом использовании материальных и духовных объектов, в действиях юридического характера, в частности в актах распоряжения объектами, и др.

Должное поведение правообязанного может быть трех основных видов:

а) положительные действия — организационные акты государственных органов, передача вещей по гражданско-правовым обязательствам, выполнение рабочими или служащими трудовых функций по трудовым правоотношениям и т.п.;

б) воздержание от действий — воздержание от нарушений права собственности, конституционных прав и др.;

в) претерпевание — «принятие» обязанностью лицом осуществляемого в отношении его воздействия.

Претерпевание, казалось бы, представляет собой бездействие¹. Но это недостаточно точно. Претерпевание главным образом состоит в «при-

---

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 156.

нятии» того воздействия, которое оказывает управомоченный. Выделение претерпевания (наряду с положительными действиями и воздержанием от действий) важно для полной характеристики многих охранительных правоотношений, в том числе уголовно-правовых. Лицо, к которому обращены меры юридической ответственности, обязано соотносить свое поведение с применяемыми к нему правовыми санкциями. Оно не просто бездействует, а скорее «согласует» свое поведение с мерами правовой ответственности. Кроме того, в ряде случаев претерпевание сопряжено и с положительными действиями (например, возмещение убытков, уплата штрафов и др.).

Должное поведение может быть охарактеризовано и по другим признакам. В частности, выделяются: 1) однократные действия, например, уплата суммы штрафа по административным правоотношениям; 2) периодически повторяющиеся действия, например, внесение предприятиями сумм налога с оборота в финансовые органы; 3) непрерывное исполнение обязанности — воздержание от действий по правоотношениям пассивного типа, а также претерпевание по ряду охранительных правоотношений.

Специфическим, свойственным только правоотношению содержанием являются субъективные права и обязанности, т.е. юридическое содержание. Материального же содержания в момент возникновения правоотношения реально может и не быть. Это с особой яркостью наблюдается в правоотношениях активного типа, где материальное содержание — положительные действия правообязанного — наступает в результате исполнения юридической обязанности.

Разграничение в правоотношении юридического и материального содержания позволяет понять механизм воздействий права на общественную жизнь (см. выше, п. 4 гл. XV). Необходимо подчеркнуть, что по существу юридическое содержание является *правовым средством формирования материального содержания*. В соответствии с государственной волей народа, выраженной в нормах права, субъективные права и обязанности в процессе реализации «обретают» материальное содержание, что и приводит к формированию фактических общественных отношений. Как правильно отмечено в литературе (применительно к гражданскому праву), «только при понимании правоотношения как единства правовой формы и экономического содержания, учитывая, что форма и содержание взаимодействуют друг с другом, мы сможем объяснить механизм воздействия базиса на надстройку и обратного воздействия надстройки на базис»¹.

---

¹ Певзнер А.Г. Понятие гражданского правоотношения и некоторые вопросы теории субъективных гражданских прав // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 5. М., 1958. С. 6.

Как и по ряду других проблем правоотношения, главная линия теоретической разработки содержания правоотношения в конечном итоге привела к определенному «синтезу» крайних точек зрения.

Если отдельные авторы при рассмотрении содержания правоотношения концентрировали внимание либо на действиях (поведении)¹, либо на субъективных правах и обязанностях², то разграничение материального и юридического содержания позволило включить в поле зрения одинаково и то, и другое.

Необходимость разграничения материального и юридического содержания правоотношения показана в работах О.С. Иоффе³. Поддержано оно и другими авторами. Так, по существу такую же позицию отстаивает Ю.К. Толстой, по мнению которого «вслед за признанием субъективных прав и обязанностей содержанием правоотношения необходимо определить содержание самих прав и обязанностей»⁴.

Конечно, вопрос о «двойном» (материальном и юридическом) содержании общественных отношений нуждается в дальнейшем изучении⁵. Во всяком случае, нужно учитывать, что с философских позиций выделение в правоотношении материального и юридического содержания является условным. Содержание каждого явления едино. Точнее было бы рассматривать материальное и юридическое в содержании правоотношения как его (содержания) «элементы» или «стороны». Кроме того, то, что называется материальным и юридическим содержанием, с философских позиций само связано как форма и содержание (юридическая форма фактического общественного отношения, его материального содержания). Понятие «юридическое содержание» правоотношения, строго говоря, означает *содержание юридической формы*.

В настоящей работе термин «содержание» при характеристике фактического и юридического в правоотношении применяется с учетом сложившейся в юридической науке терминологии, позволяющей, как мне кажется, обеспечить полное освещение всех сторон правоотношения.

---

¹ Например: *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961. С. 120–121; в работе «Право и общественные отношения» (М.: Юрид. лит., 1971. С. 116–118) автор указывает на диалектику формы и содержания в правоотношении.

² *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 63.

³ *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 37 и сл.

⁴ *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 35.

⁵ Наряду с материальным и юридическим О.С. Иоффе выделяет в правоотношении также и волевое (или идеологическое) содержание, под которым автор понимает выраженную в правоотношении государственную волю, волю господствующего класса (см. указ. выше статью. С. 37). Однако выделение этого «третьего содержания» вызвало в литературе справедливые возражения. «...Как объект правового исследования, — отмечает Ю.Г. Басин, — воля не существует в отрыве от норм либо действий участников правоотношений, в которых она также проявляется» (*Басин Ю.Г.* Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963. С. 112).

2. Субъективное право. Право и интерес. Субъективное юридическое право — это *принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц.*

Характерные черты субъективного права таковы.

Субъективное право состоит из *юридических возможностей*, которыми обладает данное лицо. Носитель этих возможностей имеет известный «юридический плюс». В рамках субъективного права юридические нормы не предписывают лицу какого-либо поведения. Здесь выражается определенная свобода: лицо *может* (но вовсе не обязательно) действовать.

Юридические возможности, характеризующие содержание субъективного права, состоят в *мере дозволенного поведения*. Слова «мера поведения» означают, что закрепленные за лицом юридические возможности не беспредельны, они *дозволены* правопорядком — имеют известные границы (меру), в этих границах лицо и может действовать.

Предоставленная управомоченному мера дозволенного поведения обеспечивается государством при помощи *возложения юридических обязанностей на других лиц*. Конечно, социалистическое государство обеспечивает реальность субъективных прав широкой системой экономических, политических и организационных гарантий. Но с юридической стороны охрана субъективных прав гарантируется главным образом тем, что на определенных лиц возлагаются юридические обязанности. Их неисполнение (правонарушение) служит основанием для применения мер государственного и общественного принуждения, в частности для применения мер юридической ответственности. Следовательно, с юридической стороны *государственное гарантирование субъективных прав осуществляется не непосредственно, а через возложение на определенных лиц юридических обязанностей*.

Значение субъективных прав в *механизме правового регулирования* выражается в той их роли, в какой они (вместе с юридическими обязанностями) обеспечивают функции правоотношений, т.е. функции по индивидуализированию предписаний юридических норм применительно к данным субъектам. Причем права требования, входящие в состав субъективного права, являются инструментом «внутренних механизмов» в самом правоотношении: они — права требования — выступают в виде средств, нацеленных на обеспечение юридических обязанностей. Когда, например, финансовый орган требует от налогоплательщика уплаты суммы налога, то его право (право требования) само по себе не может удовлетворить финансовые интересы государства;

при помощи реализации права требования финансовый орган добивается исполнения обязанностей налогоплательщика и на этом роль права требования исчерпывается.

В то же время субъективные права имеют в механизме правового регулирования и «свою» особую функцию. Они *закрепляют свободу, инициативу и самостоятельность лиц — носителей права*. Управомоченный в рамках субъективного права (в случаях, когда право не осложнено соответствующей обязанностью) может совершать или не совершать дозволенные действия, совершать их в полном объеме или частично, в порядке, наиболее удобном для него, и т.д.

Особые функции субъективных прав в механизме правового регулирования связаны с их *самостоятельной социальной ценностью*.

Характерные черты (свойства) субъективного права позволяют ему не просто обеспечивать порядок и организованность общественных отношений, а такой порядок и организованность, которые сопряжены с развитием самостоятельности, инициативы и свободы в том конкретном классовом содержании, которое свойственно системе социально-классовых отношений социалистического общества на данном этапе его развития. В частности, применительно к гражданам «совокупность принадлежащих гражданину субъективных прав устанавливает сферу его индивидуальной автономии, свободы...»¹.

Социальная ценность субъективного права с еще большей полнотой может быть раскрыта, если рассматривать его в *единстве с интересами*.

Ведь управомоченному предоставляется мера дозволенного поведения *в целях удовлетворения его интересов*. Момент «интереса» является весьма существенным для субъективного права. Обязанное лицо также имеет известную меру поведения. Однако в отличие от управомоченного обязанное лицо строит свое поведение не в своих интересах, а в интересах носителя субъективного права.

Учет момента интереса в понятии субъективного права позволяет с большей полнотой определить значение права в системе общественных отношений, его роль как юридического средства обеспечения жизненных интересов и таким путем связать анализ субъективных прав с реальными отношениями, а в конечном счете — с экономическим базисом общества. В интересе управомоченного может выражаться его личный интерес, а также общенародный интерес общества в целом².

¹ Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М.: Юрид. лит., 1968. С. 65.

² Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 225—226. Освещение субъективного права через момент

Здесь, следовательно, наглядно проявляется значение интереса как «мостика», связывающего право с реальными жизненными отношениями, с их глубинными социально-классовыми основами. Право воздействует на жизненные (экономические) отношения не непосредственно, а прежде всего через интересы¹. Интересы же в свою очередь способны выполнять такого рода посредствующую роль, потому что они органически связаны с субъективным правом².

В настоящее время теоретическая разработка понятия субъективного права все в большей степени связывается с задачей нахождения в субъективном праве своего, положительного содержания. Если в свое время субъективное право в целом сводилось к праву требования, а его содержание отождествлялось с содержанием юридической обязанности, то в настоящее время советские ученые-юристы единодушно рассматривают субъективное право как право на действия самого управомоченного.

Несомненная заслуга в разработке положительного содержания субъективного права принадлежит С.Н. Братусю, который впервые в советской литературе определил субъективное право как меру возможного или дозволенного поведения самого управомоченного³.

Определение субъективного права, разработанное С.Н. Братусем, пытался усовершенствовать ряд авторов. Так, по мнению О.С. Иоффе, субъективное право состоит из двух возможностей — из меры дозволенного управомоченному поведению и из возможности требовать известного поведения от обязанного лица⁴. Еще дальше пошел Н.Г. Александров, который полагает, что субъективное право складывается из трех возможностей: меры дозволенного

интереса является одним из перспективных направлений разработки проблем общей теории. Этим, помимо прочего, объясняется то повышенное внимание к проблеме интереса, которое дает о себе знать в юридической литературе последнего времени (см., в частности: *Чхиквадзе В.М.* Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 306–308).

¹ *Чхиквадзе В.М.* Указ. соч. С. 306. По мнению Г.В. Мальцева, «в обществе возникает следующая связь: объективные интересы — общественное сознание — право» (*Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности. М.: Юрид. лит., 1968. С. 101).

² О направлениях использования категории «интерес» при рассмотрении правовых проблем см.: *Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 18–21. Крайнюю позицию по данной проблеме занимает В.Л. Суховерхий: он по сути дела отождествляет право и юридически охраняемый интерес (*Суховерхий В.Л.* О соотношении субъективного гражданского права и интереса // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 г. Свердловск, 1968. С. 12–16).

³ *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 8–21.

⁴ *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 41–42.

поведения самого управомоченного, возможности требовать известного поведения от обязанного лица и, кроме того, возможности прибегнуть в необходимых случаях к содействию государственного аппарата¹.

Однако едва ли приведенные дополнения к *общему* определению субъективного права являются необходимыми. Вторая и третья возможности без остатка охватываются первой. В частности, возможность требовать известного поведения от обязанного лица — это тоже мера дозволенного поведения самого управомоченного. «Как в тех случаях, когда управомоченный требует от обязанного лица совершения предписанных ему действий, так и в тех случаях, когда управомоченный обращается за содействием к аппарату государственного принуждения, действует все же он сам, а не кто-либо другой»².

Другой вопрос, что при более детальной характеристике субъективного права необходимо расчлнить общую формулу (мера дозволенного поведения) на отдельные правомочия — право требования, право на положительные действия управомоченного. При этом чрезвычайно важно учитывать, какой перед нами *тип* правоотношения. Как будет показано в последующем, в правоотношениях пассивного типа мера возможного поведения управомоченного действительно складывается из двух возможностей. Зато в правоотношениях активного типа эта «мера» состоит лишь из одной возможности — возможности требовать предписанного поведения от обязанного лица. Что же касается возможности прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата, то в качестве особого правомочия (притязания) она включается в содержание субъективного права лишь при нарушении юридических обязанностей.

С.Ф. Кечекьян, соглашаясь в принципе с определением субъективного права, предложенным С.Н. Братусем, полагает, однако, что неудачным является выражение «мера поведения», так как мера понятие количественное, предполагающее соизмеримость различных величин, а субъективные права разнообразны и несоизмеримы³. Однако, как уже отмечалось, выражение «мера» употребляется при определении субъективного права для указания границ дозволенного поведения управомоченного⁴.

3. Правомочие. Это *входящая в содержание субъективного права конкретная юридическая возможность*.

Субъективное право, взятое в самом общем виде, представляет собой «меру дозволенного поведения». В ряде случаев эта «мера» сводится к праву требования и к потенциальной возможности притязания (правоотношения активного типа). Здесь понятия субъективного

¹ Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 225.

² Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 42.

³ Кечекьян С.Ф. Правоотношения а социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 56–57.

⁴ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 41.

права и правомочия являются в принципе тождественными, совпадающими. В то же время нередко субъективное право отличается сложным строением, имеет «дробные» части. Тогда различие между субъективным правом и правомочиями проявляется весьма отчетливо. Это, например, относится к субъективному праву собственности, которое складывается из трех правомочий – прав владения, пользования, распоряжения (да плюс еще и правомочия требовать от всех других лиц поддержания от определенных действий).

Таким образом, при характеристике субъективного права наблюдается явление, сходное с тем, которое мы видели при рассмотрении юридической нормы. Подобно правовым предписаниям, которые оказались первичным звеном нормативной системы, и здесь первичным является не субъективное право, а правомочие. Если «молекулой» в ткани правовых отношений может быть признано субъективное право, то «атомами» – правомочия.

Правомочия, входящие в состав субъективного права, могут быть *трех основных видов*:

- а) право требования;
- б) право на положительные действия;
- в) притязание.

Приведенного разграничения между субъективным правом и правомочием придерживаются многие правоведы. Однако по этому вопросу в литературе высказаны и другие мнения.

Так, с точки зрения Д.А. Керимова, «правомочие... есть реализация, осуществление субъективного права в действиях лица, вступившего в конкретное правоотношение»¹. Ц.А. Ямпольская, рассматривая развитие субъективных прав граждан, различает три стадии: 1) стадию правоспособности, 2) стадию субъективного права как элемент правового статуса гражданина и 3) стадию правомочия в конкретном правоотношении².

Подобное разграничение субъективного права и правомочия вызывает ряд возражений. Прежде всего оно построено на ошибочной, на мой взгляд, предпосылке, согласно которой субъективное право может существовать вне правоотношения. Это не только приводит к утрате субъективным правом его общественной природы и юридического характера (субъективное право вне связи с юридическими обязанностями не может быть обеспечено мерами государственной защиты), но и вызывает непреодолимые затруднения практического порядка. Ведь разграничение субъективного права и правомочия осо-

---

¹ Керимов Д.А. Обеспечение законности в СССР. Госюриздат, 1956. С. 26.

² Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959. С. 161.

бенно важно применить к тем субъективным правам, которые упомянуты выше и некоторые другие авторы как раз причисляют к категории субъективных: прав «вне правоотношений» (например, к субъективному праву собственности). Каким же образом, спрашивается, обозначать отдельные дробные юридические возможности в составе субъективных прав, если термин «правомочие», по мнению этих авторов, означает лишь субъективное право в рамках конкретных правоотношений?

4. Право требования. Это правомочие, содержание которого состоит в *возможности требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности*. По своему юридическому значению право требования может быть охарактеризовано в качестве правомочия на «чужие» действия; оно является своего рода вспомогательным средством: призвано обеспечить исполнение или соблюдение юридической обязанности другим лицом, вызвать к жизни «чужие» действия.

Хотя право требования и не выражает в полной мере положительное содержание субъективного права, оно для него является обязательным элементом. *Юридическое* существо любого субъективного права заключается в том, что объективный правопорядок предоставляет управомоченному средство, при помощи которого он может проявить свою волю и инициативу с целью побудить другую сторону правоотношения исполнить или соблюдать юридическую обязанность.

Права требования с корреспондирующей ему юридической обязанностью образует «остов», «скелет» всякого правоотношения. Именно от права требования тянутся «провода», по которым идет активная правовая энергия к юридической обязанности.

Права требования подразделяются на две основные разновидности:

а) право требовать исполнения активной обязанности (оно может быть названо *позитивным*). Позитивное право требования свойственно правоотношениям активного типа;

б) право требовать соблюдения субъектами возложенных на них пассивных обязанностей (оно может быть названо *негативным*). Негативное право требования свойственно правоотношениям пассивного типа.

5. Право на положительные действия. Это правомочие, содержание которого состоит в *возможности лица «самому» совершать положительные действия*. В отличие от права требования данное правомочие представляет собой право не на «чужие», а на «свои» действия. Иными словами, здесь такое дозволенное поведение, которое прежде всего касается самого управомоченного: жизненный интерес удовлетворяется при помощи его собственных акций — действий активного, положительного характера.

Отсюда своеобразие механизма осуществления рассматриваемого правомочия: его реализация не нуждается в содействии каких-либо других лиц. Необходимый эффект (удовлетворение интереса) достигается либо путем фактической деятельности (например, при фактическом использовании вещи собственником), либо «автоматическим» наступлением обязательных юридических последствий (например, при принятии наследства).

Права на положительные действия в ряде случаев также отличаются сложным строением и, следовательно, сами слагаются из нескольких правомочий. Например, право автора включает такие правомочия, как право на авторство, право на авторское имя, право на опубликование и на распространение произведения и др.

Правомочия данного вида непосредственно и наиболее полно выявляют положительное содержание субъективного права. Именно с ними связаны самостоятельное значение субъективного права в механизме правового регулирования, его самостоятельная ценность.

Вместе с тем крайне важно обратить внимание на то, что субъективное право как *право* не может состоять только из одних правомочий на положительные действия. Оно непременно должно включать и негативное право требования (право требовать от других лиц воздержаний от действий известного рода). Субъективное право в данном случае представляет собой органический сплав и тех, и других правомочий. *Через негативное правомочие субъективное право в целом «связывается» с юридическими обязанностями* и, следовательно, через него оно входит в состав правоотношений — правоотношений пассивного типа¹.

---

¹ Вот почему представляется бесплодной постановка вопроса о том, соответствуют ли правомочиям на положительные действия определенные юридические обязанности.

Подобная постановка вопроса признается весьма важной при рассмотрении проблемы — существуют ли субъективные права вне правоотношений. Сторонники существования такого рода прав обычно ссылаются на то, что правомочиям на положительные действия не корреспондируют какие-либо обязанности. Другие же авторы, отстаивая противоположное мнение, стремятся показать, что и здесь могут быть найдены юридические обязанности в виде «связанности», «обязанности не препятствовать» и т.д.

Между тем сама по себе указанная выше постановка вопроса бесплодна, ошибочна. *Правомочиям на положительные действия и не могут, не должны соответствовать какие-либо обязанности* (кроме правомочий в охранительном правоотношении). Ведь это права на *собственные* действия управомоченного. Они обеспечивают удовлетворение интереса управомоченного без какого-либо содействия со стороны обязанных лиц.

Но это ни в коей мере не означает, что субъективное право вообще не связано с юридическими обязанностями и находится «вне правоотношения». Связаны с обязанностями и правомочия на положительные действия. Только связь эта не прямая, а опосредованная: она проходит через негативные права требования — правомочие требовать от других лиц воздержания от действия известного рода.

Иногда правомочие на положительное действие включается и в состав правоотношений активного типа (секундарные правомочия гражданского права). Однако эти правомочия носят дополнительный, вторичный характер, выражают «внутренние механизмы» в развитии правоотношения; к тому же и они сопряжены с негативным правомочием требовать от других лиц воздержаний от действий известного рода.

Правомочия рассматриваемого вида весьма разнообразны. Формула «права на положительные действия» в обобщенном виде отражает лишь их внешние черты. В реальных же отношениях указанные правомочия (и в особенности субъективные права, в состав которых они входят) отличаются богатым, самобытным содержанием.

Наиболее своеобразными разновидностями правомочий на положительные действия являются следующие:

1) *Право на фактическое обладание и использование социальных благ.* Сюда относятся правомочия, входящие в состав важнейших социально-значимых субъективных прав, — конституционные, личные права гражданина, права собственности, права автора и т.д. Именно эту группу субъективных прав, несомненно, имеет в виду М.С. Строгович, когда пишет: «Субъективное право — очень богатое и содержательное понятие, и его сущность заключается в обеспеченной законом возможности пользоваться и распоряжаться материальными и духовными общественными благами, ценностями, пользоваться свободой в обществе, определять на основе закона свои действия и действия других людей. Именно поэтому борьба за право есть борьба за улучшение положения людей в обществе, за их более широкий доступ ко всему тому, что в области экономической, политической и культурной достигнуто совокупными усилиями людей»¹.

Особенность данной разновидности правомочий состоит в том, что они всегда связаны с реальным, наличным объектом — материальным или духовным благом². Само по себе фактическое обладание и использование этих благ и выражает реализацию рассматриваемых правомочий.

2) *Право на государственно-принудительное воздействие в рамках охранительного правоотношения.* Право компетентного государственного ор-

---

¹ *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 170–171.

² Применительно к данной группе правомочий (субъективных прав) необходимо признать справедливым следующее теоретическое положение, сформулированное М.С. Строговичем: «Субъективное право... есть всегда право на что-то, на какую-то ценность — материальную или духовную...» (Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. М.: Наука, 1969. С. 224).

гана применить санкцию (меру ответственности, меру защиты, превентивное средство) — это тоже право на положительное действие; но право особого рода, специфическое. Оно сопряжено с непосредственным вторжением компетентного органа в личную сферу субъекта, с непосредственным воздействием на его имущество, его поведение и т.д. Поэтому в отличие от других случаев здесь праву на положительное действие соответствует обязанность другой стороны правоотношения — обязанность претерпеть меры государственно-принудительного воздействия.

3) *Правообразовательные правомочия, вытекающие из административной и процессуальной правосубъектности (компетенции)*. Права на положительные действия могут носить характер отдельных проявлений административной и процессуальной правосубъектности. Когда, например, гражданин предъявляет гражданский иск в суде или же обращается с жалобой в орган государственного управления, то он реализует правомочия, выражающие содержание его гражданско-процессуальной и административной правосубъектности. Равным образом государственный орган, обязывая подведомственных ему лиц к тем или иным действиям, реализует правомочия, выражающие его компетенцию (активную административную правосубъектность).

Рассматриваемые специфические правомочия могут быть названы «правообразовательными». Они реализуются в односторонних положительных действиях лица, которые приводят к возникновению определенных юридических последствий. Причем одни из них, исходящие от государственных органов, носят властный характер (правообразовательные правомочия, входящие в состав компетенции); другие, обращенные к государственным органам, не имеют властного характера (правообразовательные правомочия, входящие в состав пассивной административной и процессуальной правосубъектности отдельных лиц).

Своеобразие правомочий рассматриваемого вида в обоих случаях состоит в том, что они «автоматически» порождают юридический эффект — влекут за собой возникновение обязательных юридических последствий.

4) *Секундарные (правообразовательные) правомочия в правоотношениях активного типа*. В правоотношения активного типа, в частности в обязательства гражданского права, могут включаться правомочия дополнительного характера. Это, например, право на зачет встречных однородных требований, право стороны прекратить обязательство своим односторонним волеизъявлением, право на принятие наследства и др.

В отличие от правообразовательных правомочий, вытекающих из административной и процессуальной правосубъектности, для воз-

никновения правомочий данной группы необходимы дополнительные юридические факты. Обычно они существуют на базе основных правоотношений, входят в их состав в качестве вторичных элементов. Отсюда их название «вторичные» (вторичные) правомочия.

Их действие касается «внутренних механизмов» развития правоотношения, его возникновения, прекращения. В зависимости от того, относятся ли рассматриваемые правомочия к возникновению правоотношения или же к его прекращению, они могут быть подразделены на две подгруппы: во-первых, «правообразовательные» в строгом смысле, т.е. связанные с возникновением правоотношения (право на акцепт при заключении договора, право на принятие наследства и др.), и, во-вторых, иные «вторичные» (право на зачет, право на прекращение обязательства односторонним волеизъявлением и др.).

Однако и в том, и в другом случае их содержание сводится к одному — к праву на «собственные» действия, в данном случае — к возможности совершить одностороннее волеизъявление (сделку), которая «автоматически» порождает обязательные юридические последствия.

Поэтому, как и большинству других прав на положительные действия, правомочиям рассматриваемой разновидности не корреспондируют какие-либо особые, самостоятельные обязанности. Их юридический характер выражен в «автоматизме» наступающих юридических последствий, а также в связанных с ними негативных правомочиях — требовать от других лиц воздержания от действия известного рода¹.

---

¹ Проблема вторичных правомочий относится к числу «тонких» специальных юридических проблем. Правильное понимание вторичных правомочий предполагает не только прочное усвоение общих понятий, связанных с характеристикой субъективного права, но и знание конкретного нормативного материала, в особенности норм обязательственного права.

В юридической литературе вопрос о вторичных правомочиях решается по-разному. Так, М.М. Агарков считал, что вторичные правомочия не относятся к категориям субъективных прав, а являются лишь отдельными проявлениями правоспособности (см.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1947. С. 70–73). Напротив, по мнению С.Н. Братуся, вторичные правомочия являются «настоящими» субъективными правами (см.: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. С. 9–11).

Позиция С.Н. Братуся представляется более правильной. Необходимо лишь различать субъективное право и правомочия и видеть специфику прав на положительные действия. В частности, по соображениям, приведенным выше, нет необходимости отыскивать для каждого вторичного (правообразовательного) правомочия особую юридическую обязанность. Их юридические функции в основном исчерпываются теми обязательными юридическими последствиями, которые «автоматически» наступают в рамках внутренних механизмов развития правоотношения. Юридические же обязанности соотносятся не непосредственно с правомочиями на положительные дейст-

Как уже отмечалось ранее (гл. XV), обсуждение вопроса о том, существуют ли субъективные права вне правоотношений, хотя и не повлекло за собой существенных изменений во взглядах на механизм правового регулирования, все же оказалось полезным. В частности, стало несомненным, что правовые связи, «сцепляющие» права и обязанности, весьма многообразны.

Другим важным положительным следствием научного обсуждения рассматриваемой проблемы явилось признание того, что субъективное право играет в механизме правового регулирования специфическую и в какой-то степени самостоятельную роль. Собственно говоря, попытки «вывести» субъективное право из пределов правоотношений и объясняются тем, что значение субъективных прав оказалось невозможным охарактеризовать только в рамках понятия «элемент» правоотношения.

В чем здесь суть вопроса? Субъективное право немыслимо, невозможно вне правовых связей (правоотношений). Однако *по своему содержанию* оно нередко выходит за пределы того, что находится *внутри* правоотношения.

Только в правоотношениях активного типа юридические возможности управомоченного в основном не выходят за пределы внутреннего содержания правовой связи; они выражены лишь в праве требования управомоченного, обращенного к обязанному лицу. Вот почему при анализе права требования управомоченного в обязательственных и иных правоотношениях активного типа категория «субъективное право» употребляется с известной натяжкой: эта категория необходима для того, чтобы отразить то общее, что свойственно правовому положению управомоченного в любом правоотношении (хотя при этом своеобразное, свойственное субъективному праву в строгом смысле слова, несколько теряется).

Иной характер носят правовые возможности управомоченного в правовых связях, выражающих конституционные права граждан, право собственности и др., т.е. в правоотношениях пассивного типа. Здесь уже юридические возможности управомоченного не исчерпываются тем, что находится «внутри» правовой связи, т.е. возможностями требовать от всех лиц воздержания от действий, сохранения данного правового состояния. Да и сами обязанности в правоотношениях данного типа играют вспомогательную, «оградительную» и в этом смысле пассивную роль. Главное здесь — это правомочия на *положительные действия*. В данном случае содержание субъективного права в значительной степени выходит за пределы внутреннего содержания правоотношения, дает простор и определяет рамки для «собственного» поведения управомоченного. Удовлетворение интереса управомоченного и достигается при помощи его «собственных» действий, а не при помощи положительных действий обязанного лица.

вия, а со связанными с ними негативными правами — правами требовать от других лиц воздерживаться от действий известного рода, в том числе не препятствовать действиям носителя секундарного правомочия.

Надо полагать, что категория «субъективное право» сложилась главным образом для характеристики такого рода правовых возможностей управомоченного. Субъективное право в строгом смысле слова — это нечто большее и значимое, чем просто «право требования», это — право «на что-то», т.е. имеющее известный реальный наличный объект, которым можно обладать, пользоваться.

6. Притязание. Это входящее в состав субъективного права (при нарушении юридической обязанности) правомочие, выраженное в *возможности привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица*¹.

Притязание является своего рода продолжением обязательного элемента любого субъективного права — права требования. В отличие от последнего оно имеет иного непосредственного адресата (органы, обеспечивающие государственно-принудительное воздействие) и качественно иное содержание (требование об исполнении обязанности при помощи этого государственно-принудительного воздействия).

Притязание является материально-правовой основой соответствующих процессуальных прав, в частности права на иск. Последнее представляет собой процессуальное субъективное право, состоящее в возможности обращения к компетентному юрисдикционному органу. И хотя право на иск в сфере процессуальных отношений имеет вполне самостоятельное значение, оно в своем содержании отражает материально-правовую основу (притязание). Отсюда, в частности, становятся возможными и «признание» иска, и иные проявления материально-правового значения этого процессуального права.

Таким образом, притязание является особым правомочием — своеобразной юридической возможностью, которая включается в состав субъективного права для обеспечения правового воздействия на нарушителя юридической обязанности.

Включение в субъективное право указанного выше нового правомочия (притязания) свидетельствует о том, что субъективное право перешло в новую стадию развития и его содержание обогатилось новым моментом — возможностью привести в действие аппарат госу-

---

¹ Л.С. Явич определяет притязание как «меру (вид) требования управомоченного к обязанному лицу, не исполнившему своей юридической обязанности, обращенного к последнему через орган государства, компетентный применять санкции юридических норм» (Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. С. 126).

дарственного принуждения. Субъективное право на стадии притязания приобретает «боевой» характер, оно выступает в качестве права, непосредственно способного к принудительному осуществлению¹.

Возможность перехода субъективного права на стадию притязания выражает одну из его особенностей, его своеобразие как юридического права, опирающегося на силу государственного принуждения. Однако не следует абсолютизировать это качество субъективного права². Так, осуществление прав на положительное действие производится путем односторонних актов самого управомоченного; здесь также возможно обращение к компетентным органам государства, но не для принуждения лица к исполнению обязанности, а лишь для признания юридических последствий, возникших в силу односторонних действий. Да и вообще защита субъективного права осуществляется государственными органами не в рамках данного правоотношения, а в рамках особых, охранительных правоотношений. Притязание же является звеном, связывающим регулятивные (правоустановительные) и охранительные правоотношения.

7. Юридическая обязанность. Это *предписанная обязанному лицу мера необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов.*

Характерные черты юридической обязанности таковы. Юридическая обязанность состоит в определенной, предписанной юридическими нормами необходимости поведения³. «Необходимость» здесь понимается не в смысле объективной закономерности, а в смысле долженствования, основанного на требованиях юридических норм. Обязанное лицо должно поступить только «так», а не иначе: иного выбора в пределах данного правоотношения у него нет. Таким образом, если содержание субъективного права образует дозволенное поведение, то содержание обязанности — должное (необходимое) поведение в правоотношении. Причем это должное поведение обращено в будущее, так как юридическая обязанность вообще может простирается лишь на будущее время⁴.

---

¹ Гурвич М.А. Право на иск. Изд-во АН СССР, 1949. С. 142–146.

² Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 9; Курылев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета. Т. 22. Сер. юридическая. Вып. 3. Иркутск, 1957. С. 203–210.

³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. С. 46; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 223–224.

⁴ Кечекян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 61.

Долженствование, характеризующее содержание юридической обязанности, выражается *в мере* необходимого поведения. Лицо обязано не «вообще», а именно в пределах данного правоотношения. При этом нормы права устанавливают точные границы (меру) должного поведения. Вне этих границ (меры) лицо может действовать по своему усмотрению.

Обязанному лицу предписана мера должного поведения *в целях удовлетворения интересов управомоченного*. Конечно, исполняя юридическую обязанность, лицо может удовлетворять и свои интересы. В социалистическом обществе исполнение, например, трудовых, административных и иных обязанностей соответствует интересам всего народа, всех трудящихся. Однако в пределах данного правоотношения поведение обязанного лица непосредственно направлено на обеспечение интересов управомоченного, выражающих либо его личные, либо также и общенародные интересы, интересы общества в целом. Таким образом, если субъективное право закрепляется за лицом для обеспечения его интересов, то юридическая обязанность — в интересах управомоченного.

Предписанная обязанному лицу мера должного поведения *обеспечивается возможностью требования этого поведения* — возможностью, предоставленной управомоченному. При этом управомоченный опирается на аппарат государственного принуждения: в случае неисполнения юридической обязанности он может обратиться к компетентным органам государства для применения к неисправному лицу мер государственного принуждения. Обеспеченность поведения в правоотношении мерами государственно-принудительного воздействия (санкциями) является необходимым свойством, атрибутом юридической обязанности.

Юридическая обязанность отличается безусловностью, категоричностью. Данное поведение властно предписано лицу. В содержание юридической обязанности, следовательно, включается властный императив, запрещающий лицу уклоняться от предписанного поведения.

На указанные черты юридической обязанности следует обратить внимание, в частности, потому, что в законодательстве термины «обязанность», «должен», «ответственность» иногда обозначают не юридическую обязанность в точном смысле, а лишь необходимость совершения определенных действий, если лицо желает избежать неблагоприятных последствий или же достичь определенного результата. В таком, например, значении термин «обязанность» употребляется

в гражданско-процессуальном законодательстве, когда указывается на обязанность каждой стороны в процессе доказать те обстоятельства, на которые она ссылается для обоснования своих требований и возражений¹. Аналогичный характер имеет «обязанность» сторон облечь договорное соглашение в установленную законом форму, «обязанность» покупателя осмотреть полученное от продавца имущество и некоторые другие. Во всех указанных случаях несоблюдение «обязанности» само по себе еще не является противоправным поведением; оно имеет лишь правопрепятствующее значение, т.е. препятствует наступлению искомого юридического эффекта, приводит к некоторым неблагоприятным последствиям, не связанным с применением к лицу мер государственно-принудительного воздействия (санкций)².

Юридические обязанности имеют неодинаковое содержание и в соответствии с этим выполняют различные функции в правоотношениях.

В правоотношениях *пассивного типа* (например, в правоотношениях собственности) юридические обязанности играют «оградительную» роль. На лиц возлагается обязанность воздерживаться от действия известного рода и это с юридической стороны создает необходимые условия для того, чтобы управомоченный мог совершать дозволенные ему положительные действия и тем самым удовлетворять свои законные интересы.

В правоотношениях *активного типа* (например, в трудовых правоотношениях, в гражданско-правовых обязательствах и др.) юридические обязанности имеют более существенное значение. Совершение положительных действий обязанным лицом непосредственно приводит к удовлетворению интересов управомоченного.

В *охранительных* правоотношениях юридические обязанности также играют существенную роль. Претерпевание правонарушителем применяемых к нему мер государственно-принудительного воздействия (санкций) выражает тот непосредственный юридический эффект, который в данной области отношений соответствует интересам общества, государства.

---

¹ Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 35.

² Лейст О.Э. Санкции в советском праве. Госюриздат, 1962. С. 53–62. Автор правильно связывает существование упомянутых выше «обязанностей» с вопросом о фактическом составе. Он пишет: «Невыполнение «обязанности» совершить действия, направленные на достижение того или иного юридического результата, в установленной законом форме, в течение определенного срока и т.д. означает лишь, что ввиду неполноты фактического состава не достигнут тот юридический эффект, достижение которого является правом, но не обязанностью лица» (С. 58).

Каково место юридических обязанностей в механизме правового регулирования? Юридические обязанности относятся к той стороне правового регулирования, которая характеризует *требования* к субъектам права. Следовательно, если субъективные права выражают свободу, инициативу и самостоятельность субъектов, то юридические обязанности — другую сторону правовых предписаний: правовые требования к субъектам.

Как бы ни различались друг от друга правоотношения, юридические обязанности во всех случаях выражают *долг лица перед другими лицами* — лицами, в интересах которых устанавливаются правоотношения. Юридические обязанности характеризуют утверждение общих моральных запретов, гражданскую общественную дисциплину в нашей стране. «Соблюдение обязанностей, — пишет С.Ф. Кечекьян, — это и есть та дисциплина, общественная дисциплина, которая столь необходима в условиях строительства социализма и коммунизма»¹.

В правовой литературе юридические обязанности характеризуются разными авторами в общем одинаково. Правда, некоторые советские ученые-юристы определяли обязанность как само должное поведение². Между тем обязанность есть «долженствование определенного, предписанного нормами права поведения, а не само должное поведение...»³. Впрочем, авторов, определяющих обязанность через должное поведение, можно скорее упрекнуть в редакционных неточностях, чем в ошибке по существу. Никто из них прямо не отрицает того, что обязанность представляет собой определенную необходимость должного поведения.

Неприемлемую, на первый взгляд, позицию по вопросу о юридической обязанности занимает Б.С. Никифоров. По мнению автора, юридическую обязанность целесообразно определить как «правовую невозможность поведения, выражающегося в воспрепятствовании другому лицу в реализации обеспеченной ему возможности или в необеспечении реализации такой возможности другим лицом»⁴. Однако неприемлемость позиции Б.С. Никифоро-

---

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. С. 67; об обязанности как долге см. также: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М.: Юрид. лит., 1968. С. 71–74.

² Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. Госюриздат, 1955. С. 111.

³ Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 60; см. также: Назаров В.Л. Некоторые вопросы советских социалистических правоотношений // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 11. М., 1960. С. 76–77.

⁴ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1960. С. 62.

ва, на что обращалось внимание в литературе¹, оказывается кажущейся. Такое впечатление вызвано нечеткой редакцией процитированной формулировки. На самом же деле автор справедливо указывает на важную особенность юридической обязанности — ее императивность (правовую невозможность иного поведения, чем это предписано обязанному лицу).

Аналогичный в сущности взгляд отстаивает и О.Э. Лейст, который считает, что к юридической обязанности в точном смысле (т.е. обязанности, обеспеченной санкцией) можно отнести только ту, «которая имеет *категорический* характер, соблюдение которой властно предписано государством, *запрещающим* уклонение от определенного правила поведения безотносительно к целям, которые преследует то или иное лицо»².

Большинство авторов, изучающих юридические обязанности, рассматривает их в единстве с субъективными правами (правомочиями требования). Правда, С.Ф. Кечекьян, ссылаясь на конституционные обязанности, обязанности в уголовном праве, в административном праве и т.д., считает, что такого рода обязанности могут существовать вне правоотношения. При этом автор возражает против «узкоцивилистической», на его взгляд, концепции, согласно которой «всякая обязанность существует ради чье-либо права»³.

Однако всем тем обязанностям «вне правоотношения», на которые ссылается С.Ф. Кечекьян, корреспондируют права требования определенных лиц — требования исполнения обязанностей. Вместе с тем верно и то, что в правоотношениях активного типа (где обязанное лицо должно совершить положительные действия) эта обязанность существует не «ради права». Юридическая обязанность здесь осуществляется «ради» интересов управомоченных, в том числе и таких, которые выражают общественные интересы, интересы правопорядка в целом. Следовательно, сочетаясь определенным образом с субъективным правом, юридические обязанности в правоотношениях активного типа имеют в значительной мере самостоятельное значение.

8. Закономерности связи субъективного права и юридической обязанности в правоотношении. Субъективное право и субъективная обязанность — это *противоположности*. Они противоположны не только потому, что их носители разные лица (управомоченный и правообязанный); они противоположны прежде всего по своему содержанию. Субъективное право призвано удовлетворить интерес его носителя — управомоченного, а обязанность, напротив, так или иначе обременяет своего носителя — правообязанного. Осуществление субъективно-

---

¹ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. С. 51–52.

² Там же. С. 61.

³ Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 63.

го права гарантируется государством, т.е. государство может прийти на помощь к управомоченному, а в отношении правообязанного государство при наличии необходимых оснований может применить принудительные меры.

Вместе с тем субъективное право и субъективная обязанность — это также и *единство*. Они едины потому, что служат в конечном счете одной цели — удовлетворению интересов управомоченного (его личных интересов или же интересов всего общества). Они в определенной мере совпадают и по своему фактическому содержанию: управомоченный вправе требовать от обязанного лица именно то, что должен совершить (или от чего должен воздержаться) правообязанный.

Субъективное право и обязанность — это две стороны единого целого, единого юридического содержания правового отношения.

Связь между правом и обязанностью в правоотношении носит характер *объективной закономерности*. Нетрудно заметить, что здесь перед нами яркое проявление диалектического закона единства противоположностей. Субъективное право и юридическая обязанность — это такие «противоположности», которые вне единства (правоотношения) существовать как юридические явления не могут.

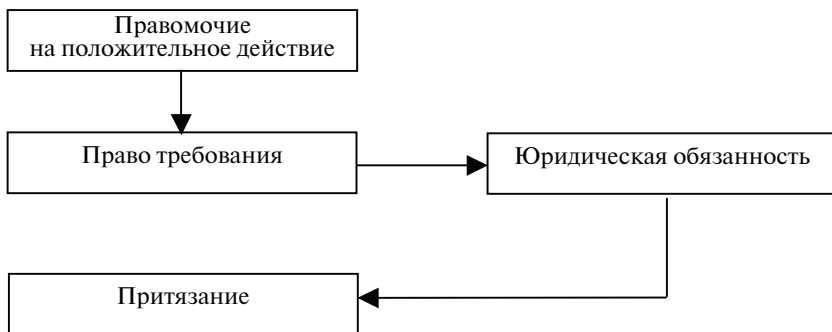
Характеристика субъективных прав и юридических обязанностей «вне» правоотношений омертвляет их, лишает общественной природы и юридического существа. «Право», не обеспеченное юридическими обязанностями других лиц, становится юридической «пустышкой»: оно не может быть гарантировано принудительной силой государства (последняя может быть применена лишь за неисполнение обязанности). А «обязанность» вне права становится бесцельной, безадресной: немислимо существование обязанности, когда какое-либо лицо не может требовать ее исполнения.

Характер объективной закономерности имеет не только сама по себе связь между субъективным правом и обязанностью в правоотношении, но и «сцепления» между отдельными правомочиями и обязанностями, переходы от одного правомочия к другому. Связи здесь «жесткие», неразрушимые, т.е. такие, которые свойственны объективным закономерностям.

Закономерностью является перерастание субъективного права в состояние притязания при неисполнении юридической обязанности. В данном случае можно наблюдать интересный переход, когда «правовая энергия», движущаяся от права требования к юридической обязанности, при неисполнении последней получает как бы «обратный

ход», что и приводит к появлению в субъективном праве нового правомочия – притязания (схема 1).

Схема 1. Закономерности связи правомочия на положительное действие, права требования, юридической обязанности и притязания

Весьма наглядно «жесткие» сцепления между правомочиями и обязанностями прослеживаются в правоотношениях активного и пассивного типов и охранительных правоотношениях. В любом из этих правоотношений одна из сторон, а в охранительном правоотношении обе стороны совершают положительные действия. Но в каждом из них это положительное поведение опосредствуется таким своеобразным сочетанием правомочий и обязанностей, которое может быть охарактеризовано как своего рода «закон» данного вида или типа правоотношения.

«Жесткие сцепления» между правомочиями и обязанностями в разных типах и видах правоотношений можно изобразить графически (схема 2). Из приведенной схемы, помимо прочего, видно, что в правоотношениях имеется центр сосредоточения всех его элементов – центр, который находится там, где опосредствуется положительное поведение того или иного субъекта.

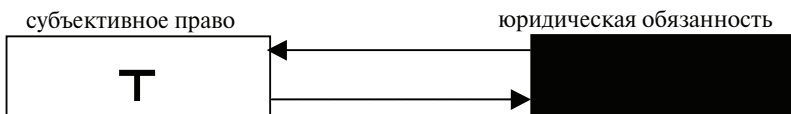
В правоотношениях пассивного типа решающая роль принадлежит субъективному праву: интерес управомоченного удовлетворяется посредством собственных положительных действий управомоченного. Юридические же обязанности выполняют вспомогательные функции: они призваны оградить возможность беспрепятственного, полного осуществления прав на положительные действия.

Схема 2. Закономерности связи прав и обязанностей в правоотношениях пассивного и активного типов и в охранительных правоотношениях

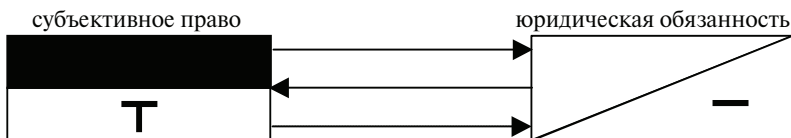
ПРАВООТНОШЕНИЕ ПАССИВНОГО ТИПА

ПРАВООТНОШЕНИЕ АКТИВНОГО ТИПА

ОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Т право требования
- активные (положительные) действия
- воздержание от действий
- / — претерпевание
- направление активной фактической деятельности
- направление «юридической активности» (осуществление права требования)

Иная картина в правоотношениях активного типа. Здесь центр тяжести в юридической обязанности. Осуществление обязанностей приводит к достижению цели правоотношения, к удовлетворению

интереса управомоченного. Право же требования, закрепленное за управомоченным, выполняет вспомогательную функцию: оно обеспечивает точное, полное и своевременное исполнение обязанности.

В охранительном правоотношении есть две линии правовой связи; причем положительным действиям органа, осуществляющего государственно-властное воздействие, корреспондирует специфическое поведение обязанного — претерпевание.

9. Структура правоотношения. Это *строение взаимосвязанных субъективных прав и юридических обязанностей в правоотношении*. Структура правоотношений может быть простой и сложной.

Правоотношения с *простой* структурой характеризуются тем, что их содержание состоит из одного права и одной обязанности. В жизни такого рода элементарные правовые связи встречаются крайне редко. В качестве примера можно сослаться на гражданско-правовое обязательство займа, где займодавец имеет право требовать погашения долга, а заемщик обязан сделать это в установленный срок (но и правоотношение займа является простым лишь постольку, поскольку стороны не наделены дополнительными правами и обязанностями). Все правоотношения с простой структурой являются односторонними, т.е. «роли» между сторонами правоотношения строго распределены: за одной стороной (управомоченным) закреплены только права, а за другой (правообязанным) — только обязанности.

Правоотношения со *сложной* структурой характеризуются тем, что их содержание состоит из нескольких взаимосвязанных субъективных прав и обязанностей. Причем большинство структурно сложных правоотношений принадлежит к числу взаимных (двусторонних), где обе стороны одновременно являются носителями и субъективных прав, и субъективных юридических обязанностей.

Каждое структурно сложное правоотношение может быть в результате анализа расчленено на ряд элементарных правоотношений с простой структурой. Например, правоотношение по охране труда в трудовом праве может быть расчленено на несколько правоотношений (предприятие обязано обеспечивать безопасность работ, а работник имеет право требовать указанного обеспечения; работник обязан овладеть правилами по технике безопасности, а администрация предприятия имеет право требовать этого и др.). Однако структурно сложное правоотношение не есть механическое соединение элементарных правоотношений. Последние тесно связаны между со-

бой, взаимно обусловлены, образуют нераздельное целое — единое правоотношение со сложной структурой.

К структурно сложным правоотношениям принадлежат, в частности, относительные правоотношения, опосредствующие экономический (товарный) оборот в нашей стране. Возмездные гражданско-правовые обязательства в области товарного оборота складываются по крайней мере из двух элементарных обязательственных отношений: а) «товарного» обязательства, по которому поставщик или подрядчик обязуется поставить товары, произвести работы или оказать услуги, и б) денежного обязательства, по которому покупатель или заказчик обязуется уплатить за это определенную денежную сумму.

Структура правоотношения может быть сложной и потому, что в содержание правоотношения включаются *дополнительные правомочия и юридические обязанности*.

К числу дополнительных относятся, например, секундарные правомочия, предоставляющие одной из сторон (или одновременно обеим) возможность односторонним волеизъявлением изменить или прекратить правоотношения в целом.

Дополнительный характер носят правомочия, которые призваны обеспечить надлежащее осуществление основного субъективного права. Так, в силу налоговых правоотношений финансовый орган вправе требовать от некооперированного кустаря «декларацию о доходах». Это дополнительное правомочие, при помощи которого финансовый орган добивается полного и точного исполнения некооперированным кустарем налоговых обязанностей.

Дополнительными являются «кредиторские обязанности», т.е. основанные на началах сотрудничества и взаимопомощи обязанности управомоченного содействовать другой стороне в исполнении основной обязанности¹.

От правоотношений со сложной структурой необходимо отличать случаи, когда *в определенной связи находится группа правоотношений*.

К этим случаям, в частности, относятся:

а) *Связь регулятивных (правоустановительных) и охранительных правоотношений*. Нарушение обязанным лицом возложенной на не-

---

¹ О сложной структуре гражданско-правовых обязательств см.: *Агарков М.М.* Обязательства по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 60–73. В процессуальной литературе см.: *Юков М.К.* Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972.

го обязанности приводит к возникновению охранительных отношений. Причем нередко сохраняется и основное, правоустановительное отношение. Например, при нарушении права собственности, не связанном с уничтожением вещественного объекта права, может сложиться целый ряд охранительных отношений, опосредствующих уголовную, административную или гражданско-правовую ответственность. Охранительные отношения в данном случае как бы наслаиваются над основными, правоустановительными отношениями, не сливаясь, однако, с ними.

б) *Связь отношений административного права и других отраслей, опосредствующих плановые хозяйственные процессы.* В силу «первичности» административных правоотношений, основанных на ведущей роли планирования в социалистическом народном хозяйстве, административные правоотношения нередко выступают в совокупности с гражданскими, трудовыми, колхозными правоотношениями. Участники хозяйственных отношений наряду с гражданскими, трудовыми, колхозно-правовыми обязанностями несут и административно-правовые обязанности перед государственными органами. Например, на железную дорогу возложена гражданско-правовая обязанность по перевозке грузов перед клиентом и в то же время — аналогичная по содержанию административно-правовая обязанность перед компетентным плановым государственным органом.

в) *Связь трудовых (колхозных) правоотношений.* На основе норм трудового права складываются разнообразные трудовые отношения: отношения по выполнению работником определенных функций и оплате труда, отношения по охране труда, отношения по дисциплине труда и пр. Каждое из указанных отношений возникает на основе самостоятельных юридических фактов (правомерных действий, событий и др.), имеет обособленное юридическое содержание. Вместе с тем все трудовые правоотношения связаны между собой: все они выражают особенности правового положения работника как рабочего или служащего, его связанность особым «трудовым режимом».

В аналогичной связи находятся и правоотношения в колхозном праве. Разница состоит лишь в том, что «связующим звеном» разнообразных колхозно-правовых отношений является членство, которое также характеризует особенности правового положения колхозника в рамках данной артели.

В литературе по трудовому праву все права и обязанности работника в социалистической организации рассматриваются нередко как составные части

единого сложного трудового правоотношения¹. Концепция единого сложного правоотношения развивается и в науке колхозного права².

Против концепции единого трудового и колхозного правоотношения в литературе высказаны и определенные возражения³. Действительно, разве допустимо громадное количество субъективных прав и обязанностей, носителем которых может быть рабочий или служащий, включать в одно-единственное правоотношение? Трудовое правоотношение (а также колхозное правоотношение) становится в этом случае совершенно неопределенным по своей структуре. Не спасает теорию «единого правоотношения» и ссылка на существование структурно сложных правоотношений, основанных на сложных, развивающихся фактических составах. Ведь из части сложного состава фактов могут возникнуть лишь некоторые (незавершенные) правовые последствия. Между тем конкретные трудовые правоотношения – правоотношения по выполнению трудовых функций и оплате труда, правоотношения по дисциплине труда и др. – имеют вполне «законченный» характер. К тому же каждое из них само имеет сложную структуру, складывается из ряда прав требований и корреспондирующих им обязанностей, а также дополнительных правоотношений.

Концепция единого трудового правоотношения подрывает идею самостоятельности трудового права как особой отрасли, позволяет рассматривать трудовой договор в той же самой плоскости, что и отдельные гражданско-правовые договоры (и там, и здесь договор является основанием возникновения единого правоотношения).

В то же время отказ от концепции единого сложного трудового и колхозного правоотношения позволяет более глубоко и всесторонне исследовать отдельные виды трудовых и колхозных правоотношений и, следовательно, на более обширном материале решить и общие вопросы трудового и колхозного права.

г) *Связь процессуальных правоотношений.* Специфическая черта процессуальных правоотношений состоит в том, что они находятся в непрерывном движении. При рассмотрении и решении гражданских дел, расследовании, рассмотрении и решении уголовных дел образуется непрерывная цепь взаимозависимых процессуальных пра-

¹ Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. Юриздат, 1948. С. 260 и сл.

² Рускол А.А. Колхозные правоотношения в СССР. Госюриздат, 1960. С. 145–146.

³ По мнению А.Е. Пашерстника, «о едином колхозном правоотношении, как, впрочем, и о едином трудовом, гражданском, административном и т.д., можно говорить только как об абстрактном понятии, созданном наукой исключительно в познавательных целях и дающем лишь схематическое представление о правоотношениях данного вида, основанное на их внешних реквизитах и структурных чертах» (Пашерстник А.Е. О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. 1957. № 10. С. 94).

воотношений. «Гражданские процессуальные правоотношения, — пишет Н.А. Чечина, — находятся в постоянном движении, так как возможность возникновения каждого отношения обусловлена возникновением, существованием или прекращением другого, предшествующего ему по времени отношения, и само это отношение в свою очередь предопределяет возможность возникновения, развития или прекращения иных самостоятельных процессуальных правоотношений»¹. Такая же особенность свойственна и уголовно-процессуальным правоотношениям².

---

¹ Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во ЛГУ, 1962. С. 56. О сложном строении гражданского процессуального правоотношения см. также: Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966. С. 29 и сл.

² Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 21. По мнению автора, «сложные и многогранные процессуальные правоотношения... предполагают возможность связи участников судопроизводства и с компетентным органом государства (по вертикальной линии), и между собой (по горизонтальной линии)» (там же. С. 31). Аналогичное мнение высказано и другими авторами (см., например: Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962. С. 76).

ГЛАВА XIX

ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ

1. Понятие объекта правоотношения. Это те явления (предметы) окружающего нас мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности.

Объект правоотношения — всегда нечто *внешнее* к юридическому содержанию правоотношения, т.е. то, что находится *вне* субъективных прав и обязанностей. Правоотношение существует в системе реальных жизненных явлений, предметов окружающего нас мира. При характеристике правоотношения как единства юридической формы и фактического содержания мы уже включили в состав правоотношения субъектов, а также в качестве материального содержания — поведение людей. Теперь круг явлений окружающего нас мира, связанных с правоотношением, освещается еще шире — в поле зрения включаются явления (предметы), на которые направлены права и обязанности.

При этом следует подчеркнуть, что определенные явления (предметы) рассматриваются в качестве объектов именно *применительно к правоотношениям*. В философии термин «объект» используется главным образом для характеристики соотношения материи и сознания. Объект в этом случае понимается как материя — объективная реальность, находящаяся вне познающего ее субъекта, т.е. человека, его сознания («субъект — объект»). В юридической же науке категория объекта связывается не непосредственно с субъектом, а понимается в ином, специальном плане — рассматриваются объекты применительно к правоотношению.

Причем в качестве объектов правоотношений выступают явления (предметы), которые *признаны таковыми государством, социалистическим правом порядком*. Так, несовместима с самой сущностью социалистического строя возможность признания объектом правоотношения «самого» человека, человеческой личности. В области имущественных отношений объектами прав и обязанностей могут быть лишь те вещи, которые не изъяты из гражданского оборота.

В юридической литературе предложен ряд определений объекта правоотношения. Одни авторы называют объектом *«то, на что направлены субъектив-*

ные права и юридические обязанности», другие — *«то, по поводу чего складывается правоотношение»*. Причем нередко в оба эти выражения вкладывается один и тот же смысл. И действительно, в ряде случаев тот внешний предмет, который является поводом установления правоотношения, может указывать и на направленность прав и обязанностей сторон.

Однако все же более точным является первое из указанных определений объекта (то, на что направлены субъективные права и обязанности). В какой-то степени и это выражение неопределенно. С тем чтобы уточнить его, в приведенной выше формулировке указывается, что к объектам принадлежат *явления (предметы) окружающего нас мира*.

Ряд авторов рассматривает в качестве объекта правоотношения то, на что воздействуют субъективные права и юридические обязанности¹, или же «то, на что воздействует субъект правоотношения»². Момент «воздействия», как мы увидим, действительно помогает уяснению особенностей объекта *правового регулирования*. Однако применительно к объекту *правоотношения* (субъективных прав и обязанностей) момент «воздействия» не может способствовать решению рассматриваемой проблемы, так как термин «объект» понимается здесь в ином, специальном для правоотношения значении.

2. Объект правового регулирования и объект правоотношения. Объект правоотношения нельзя смешивать с объектом правового регулирования.

Объектом (предметом) правового регулирования являются общественные отношения, акты волевого поведения людей — участников общественных отношений, на которые *воздействует* право.

Сами же по себе субъективные права и обязанности не воздействуют на поведение людей. Их воздействующая роль проявляется лишь в связи с другими звеньями механизма правового регулирования, в частности в связи с юридическими нормами. Значение правоотношений в механизме правового регулирования сводится главным образом к «переводу» предписаний юридических норм в плоскость конкретных субъективных прав и обязанностей. Поэтому, если уж и связывать какую-либо часть механизма с объектом правового регулирования в целом (т.е. с поведением людей), то нужно обратиться к юридическим нормам, образующим основу правового регулирования, а не к правоотношениям.

Но дело не только в этом. Объект образует элемент правового отношения только при широкой трактовке правоотношения, когда

---

¹ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 81–82.

² Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963. С. 136.

оно рассматривается как единство юридической формы и материального содержания. Но тогда место поведения людей в строении правоотношения оказывается уже определенным: оно образует материальное содержание правоотношения. Если же и при освещении объекта еще раз сослаться на поведение людей, то это окажется простым повторением, которое, естественно, ни на шаг не продвинет нас вперед.

При характеристике объекта правоотношения нужно исходить не из того, что правоотношение вместе с другими частями механизма правового регулирования воздействует на общественные отношения, а из *особых функций* субъективных прав и обязанностей. С этой точки зрения объектом являются не общественные отношения (поведение людей), а те явления (предметы окружающего нас мира), на которые направлены права и обязанности, а следовательно, и *направлено самое поведение участников правоотношения*. Таким образом, вопрос об объекте правоотношения представляет собой *специальную проблему*, решение которой должно помочь нам еще дальше продвинуться в освещении содержания субъективных прав и обязанностей и отсюда с еще большей глубиной раскрыть «фактическую сторону» правоотношения¹.

В юридической литературе наряду с другими теориями распространена теория «объекта-действия», согласно которой объектом правоотношения является волевое поведение обязанного лица².

Сторонники этой теории правильно подчеркивают, что правоотношение включается в состав механизма правового регулирования, участвует в воздействии на общественные отношения, на волевое поведение людей. Однако они не учитывают того, что проблема объекта правоотношения является специальной проблемой, призванной отразить связь правоотношений с системой материальных и нематериальных благ в обществе.

Теория «объекта-действия» может иметь определенное значение только при том условии, если не видеть в правоотношении материального содержания. Тогда, действительно, нужно установить, на что направлены «бессодержательные» права и обязанности, и вовлечь в сферу юридического анализа хотя бы поведение людей. Но при широком подходе к правоотношению, когда оно рассматривается как единство юридической формы и материального

---

¹ О различиях между объектом правового воздействия и объектом правоотношения см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 552–553.

² Особо обстоятельное обоснование см.: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 82–91.

содержания и, стало быть, когда особо выделяется материальное содержание правоотношения (волевое поведение людей), вновь возвращаясь к поведению людей при характеристике объекта нет никакой нужды.

Но может быть подобное повторение необходимо для того, чтобы указать в правоотношении на специфический «юридический объект»? Ведь материальные и нематериальные блага не принадлежат к чему-то «чисто» юридическому. Однако и реальное волевое поведение людей – это тоже «фактическое», а не «юридическое». Когда, например, отдельные авторы объявляют сначала фактическое отношение (волевое поведение людей) материальным содержанием правоотношения, а затем это же волевое поведение рассматривают в качестве юридического объекта¹, то объяснить такого рода «поворот событий» невозможно. Сама постановка вопроса об «юридическом объекте» является крайне спорной. Объект, характеризуя «фактическую сторону» правоотношения, выступает в качестве внешнего, «внеправового» явления окружающего нас мира.

Если внимательно проанализировать те споры, которые велись по вопросу об объекте правоотношения², то нетрудно заметить, что они главным образом касались того, следует ли при анализе правоотношения ставить точку на поведении людей (определяя его в качестве объекта), либо, причислив поведение к материальному содержанию правоотношения, идти дальше и тогда определять в качестве объекта разнообразные материальные и нематериальные блага.

В последнее время здесь произошло явное сближение теоретических позиций. Так, О.С. Иоффе, рассматривая правоотношение как единство юридической формы и фактического содержания, вполне логично выделяет в правоотношении материальное содержание, а затем и материальный объект³. Правда, О.С. Иоффе продолжает считать, что в правоотношении есть и «юридический объект». Но это уже не меняет существа дела. Что ж, в конечном счете можно останавливаться на волевом поведении людей и дважды: видеть в нем и материальное содержание правоотношения, и «юридический объект». Главное состоит в том, что материальные и нематериальные блага вовлечены в область юридического анализа, используются при характеристике «фактической стороны» правоотношения.

3. Общее определение объекта правоотношения. Объект в правоотношениях активного и пассивного типов. Объектами правоотношений

¹ *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 48 и сл.

² Сводку основных позиций по вопросу объекта правоотношения см.: *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 53–64.

³ *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. С. 44–53; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 229–242; *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. С. 216–217.

выступают явления (*предметы*) материального и духовного мира, способные удовлетворять потребности субъектов — интерес управомоченного. Обобщенно говоря — это разнообразные материальные и нематериальные блага¹.

Круг объектов правоотношения очерчивается через интерес управомоченного. Тем самым характеристика объекта согласуется с понятием субъективного права, важным моментом которого является интерес. Одновременно правоотношение «привязывается» к системе реальных жизненных отношений, к материальным и духовным ценностям общества. Различные блага (политические, духовные, личные, материальные), способные удовлетворять потребности людей, общества, оказываются вовлеченными в круг юридического анализа. И это позволяет с большей обстоятельностью рассмотреть «фактическую сторону» правоотношений, выяснить их реальную ценность и значение в жизни общества².

Вместе с тем здесь необходим дифференцированный подход. Материальные и нематериальные блага, являющиеся объектами правоотношений, необходимо рассматривать в связи с поведением субъектов, т.е. материальным содержанием правоотношения.

Поведение субъектов различно в правоотношениях активного и пассивного типов. Вот почему, определяя объект правоотношения как материальные или нематериальные блага, необходимо сразу же уточнить это общее определение.

В правоотношениях *пассивного типа* главное составляет субъективное право — право на положительные действия самого управомоченного. Поэтому объектом правоотношения пассивного типа является *объект права*, т.е. материальные и нематериальные блага, на которые направлены положительные действия управомоченного.

Важная особенность объектов в правоотношениях пассивного типа состоит в том, что они во многих отраслях являются *наличными, существ-*

---

¹ Красавчиков О.А. Теория юридических фактов по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. С. 4; Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник Московского университета. Сер. экономика, философия, права. 1956. № 1. С. 129–140; Юрченко А.К. Объект изобретательского права // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 225–243; Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 311, 315; Советское гражданское право. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1971. С. 55 и др.

² «Связь объекта с интересами участников правоотношения, — пишет А.В. Мицкевич, — выводит нас за пределы анализа юридической формы правоотношения и позволяет установить связь этой формы с различными материальными, организационными и культурными средствами удовлетворения потребностей личности и общества» (Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 311).

вующими в данный момент материальными и нематериальными благами. В конечном счете правоотношения рассматриваемого типа и служат цели закрепления данных фактических отношений и, следовательно, закрепления системы наличных, реально существующих материальных и духовных объектов. Таковы, в частности, конституционные правоотношения, закрепляющие политические, социально-экономические, личные блага и свободы; правоотношения собственности, закрепляющие систему материальных благ на началах собственности; отношения авторского и изобретательского права и др. Во всех указанных случаях имеется наличное, реально существующее материальное или нематериальное благо, в отношении которого управомоченный может совершать те или иные положительные действия, в частности, пользоваться благами, а в некоторых случаях и распоряжаться ими (право собственности).

Другой особенностью объектов в правоотношениях пассивного типа является то, что материальные и нематериальные блага здесь всегда отделимы, обособлены от материального содержания правоотношения, от действий управомоченного. Они всегда представляют собой внешне ограниченные, в данный момент существующие явления (предметы) окружающего нас мира.

В правоотношениях *активного типа* вопрос об объекте решается иначе. Главное в правоотношениях активного типа — юридическая обязанность, состоящая в необходимости совершения положительных действий. Право же требования, закрепленное за управомоченным, выполняет подчиненную роль: оно призвано обеспечить полное, точное и своевременное исполнение юридической обязанности. Какого-либо своего, особого материального и нематериального блага право требования не имеет. Поэтому объектом правоотношений активного типа является *объект обязанности*, т.е. материальные и нематериальные блага, на которые направлено положительное поведение обязанного лица.

Существенная особенность объектов в правоотношениях активного типа состоит в том, что они всегда выступают в виде *результата действий обязанного лица*. Ведь по большей части правоотношение активного типа сначала возникает только как идеологическая, «чисто» юридическая связь между лицами. Права и обязанности как раз и устанавливаются для того, чтобы обеспечить формирование или развитие конкретного фактического отношения, а отсюда и становление, формирование или развитие того или иного материального или нематериального блага¹.

---

¹ В некоторых правоотношениях (например, в гражданско-правовых обязательствах купли-продажи, имущественного найма и др.) с самого начала существует определенный материальный предмет, существует он и как объект права собственности.

Особенностью объектов в правоотношениях активного типа является и то, что в ряде случаев объект (результат действий) лишь в процессе теоретической абстракции может быть отделен, обособлен от материального содержания правоотношения, от положительных действий обязанного лица. Речь идет об объекте трудовых правоотношений, объекте отношений, оформляющих деятельность художников-исполнителей, ораторов и пр., объекте гражданских правоотношений по оказанию услуг и др. В этих отношениях, говоря словами К. Маркса, «производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится...»¹. К. Маркс, рассматривая отношения в области транспорта, подчеркивал: «То, что продает транспортная промышленность, есть само перемещение. Доставляемый ею полезный эффект нераздельно связан с процессом перевозки... Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, обращается как товар»². Разумеется, и в такого рода отношениях есть «производимый продукт», «полезный эффект», т.е. опять-таки определенный результат деятельности, который и является материальным или нематериальным благом — объектом правоотношений. Но этот объект можно обособить от самой деятельности лишь мысленно, при помощи научной абстракции. В реальных же жизненных отношениях рассматриваемый вид деятельности и ее результат образуют нераздельное единство³.

Вопрос о разграничении содержания правоотношения и его объекта является трудным вопросом. Для теории же «объекта-действия» он и вовсе неразрешим. Стремясь отыскать грань между тем и другим, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский пишут: «...Содержание правоотношения составляют права и обязанности, т.е. в о з м о ж н о е поведение, а объект — это реально совершаемые

Но как объект данного *обязательственного* отношения материальный предмет выступает лишь в той мере, в какой он может быть охарактеризован в качестве нового блага — результата действий обязанного лица (переданной в собственность вещи, возведенного строения и т.п.).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 421.

² Там же. Т. 24. С. 64.

³ А.В. Мицкевич справедливо указывает на то, что «различные услуги, труд человека имеют то же значение «блага», т.е. средства удовлетворения материальных и культурных потребностей других лиц или общества в целом, что и овеществленные продукты труда, предметы природы и т.п.» (Общая теория советского права. С. 314). Автор отмечает, что в данном случае объект и содержание правоотношения совпадают (С. 315).

действия, т.е. действительное поведение»¹. Приведенное положение, вне сомнения, справедливо, если сопоставить юридическое содержание правоотношения и его «юридический объект». Ну, а как же быть, когда перед нами материальное содержание и «юридический объект»? Ведь в том и другом случае сторонники теории «объекта-действия» указывают на реальное, действительное волевое поведение!

Если же рассматривать в качестве объекта материальные и нематериальные блага, то разграничение между содержанием правоотношения и его объектом можно провести с необходимой четкостью: содержание правоотношения – это поведение его участников, а его объект – материальные и нематериальные блага. Единственное затруднение, как мы видели, возникает лишь в тех случаях, когда «производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится». Но и в этом случае мы рассматриваем поведение людей не как таковое (содержание правоотношения), а берем его с точки зрения «полезного эффекта», т.е. с точки зрения *результата* деятельности. В принципе верную мысль высказывает С.Ф. Кечекьян, когда пишет: «...действие лица как объекта права рассматривается в аспекте тех возможностей, какие оно дает управомоченному лицу, а не с точки зрения необходимости действовать...»².

Интересно обратить внимание на то, что во многих распространенных примерах, приводимых для обоснования теории «объекта-действия», указывается на правоотношения, где результат деятельности неотделим от самой деятельности. Когда, скажем, спрашивают, что является объектом в правоотношении с полотером, с певицей и др., то нетрудно увидеть, что речь здесь идет как раз о правоотношениях с указанным выше специфическим объектом.

С учетом изложенного нужно признать, что сделанное мною в статье «Об объекте права и правоотношения» категорическое заявление, согласно которому поведение людей «ни при каких условиях» не может быть отнесено к объекту³, не является точным. Категоричность этого утверждения, как показала последующая проверка, не согласуется с существованием благ, неотделимых от процесса их производства (хотя в статье и была предпринята попытка такого рода «согласования»). Тем более, что в некоторых случаях (например, в государственном праве) материальные и нематериальные блага могут выступать в виде общественных отношений.

Общее определение объекта правоотношения как материальных и нематериальных (духовных) благ обогащает наши представления о правоотношениях, позволяет охарактеризовать их с новых

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 238.

² Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 142.

³ Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1961. С. 293.

сторон, а главное — «увязывает» существование правоотношений с системой материальных и духовных ценностей социалистического общества.

Первостепенное значение принадлежит анализу объектов в государственно-правовых отношениях, оформляющих конституционные свободы и личные блага гражданина социалистического общества. Смысл и истинное значение права на свободу слова, свободу собраний, тайну переписки и другое раскрываются лишь тогда, когда первоначально установлено, что из себя представляют соответствующие объекты права, т.е. сами свобода слова, свобода собраний, тайна переписки.

В правоотношениях собственности ничего нельзя понять, если не видеть того, что объектом этих правоотношений являются материальные блага (вещи) — средства производства и предметы потребления. Характерные особенности собственности в социалистическом обществе, различия между видами и формами собственности, конкретное содержание правомочий в каждом из этих видов и форм, порядок их осуществления, способы защиты субъективного права собственности — все эти, как и многие другие вопросы, так или иначе связаны с объектами.

Таким образом, проблема объекта правоотношения имеет существенное социально-политическое значение. Полная характеристика особенностей социалистического права, его коренной противоположности праву эксплуататорских обществ предполагает подробный анализ объектов социалистических правоотношений. Именно таким путем можно наиболее ярко показать последовательное проведение в нашем праве важнейшего начала социалистической организации общественных отношений, закрепленного в Программе КПСС: «Все во имя человека, все для блага человека».

Вопрос об объекте имеет и практическое значение. В особенности это касается тех правоотношений, где материальные или нематериальные блага отделены от самого поведения субъектов. Здесь объекты (а в конечном счете связанные с ними волевые действия людей) могут получить самостоятельную, обособленную регламентацию в юридических нормах.

В частности, гражданско-правовое законодательство специально регламентирует правовой режим вещей как объектов права собственности; правовой режим объектов авторских и изобретательских прав; вопросы, связанные с результатом работ подрядчика по правоотношениям подряда и др.

В ряде имущественных правоотношений с наличием объекта связывается существование самого субъективного права. В этих правоотношениях уничтожение или умаление объекта приводит к нарушению субъективного права и влечет за собой возникновение охранительных правоотношений, направленных на ликвидацию последствий правонарушения и на принятие мер воздействия к нарушителю. Например, при уничтожении объектов права собственности могут возникнуть уголовные и гражданские охранительные правоотношения, в рамках которых нарушитель несет уголовную и гражданскую ответственность.

Таким образом, применительно к правоотношениям, где имеется «отделимый объект», при решении юридических дел необходим в ряде случаев конкретный анализ объектов и тех юридических норм, которые регламентируют их правовой режим. Сложившееся в законодательстве и практике понятие «правового режима объектов» (вещей, продуктов духовного творчества, отделимых результатов работ) и отражает то влияние, которое оказывают свойства объектов на содержание прав и обязанностей.

4. Особенности объекта правоотношения в отдельных отраслях права. При решении вопроса об объекте необходимо учитывать, к какой отрасли права принадлежит то или иное правоотношение.

Наибольшее, пожалуй, значение вопрос об объекте приобрел в *гражданском праве*. И это не случайно. Гражданское право регулирует имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства и обращения. Товарное же обращение предполагает существование таких материальных и нематериальных благ, которые в качестве товаров по большей части обособляются от самой производительной деятельности. Да и сами имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, «связаны с вещами и проявляются как вещи»¹. Все многообразие объектов гражданских правоотношений может быть сведено к следующим основным группам:

а) вещи;

б) результаты действий, отделимые от поведения обязанного лица (например, результат работ по подрядным обязательственным отношениям);

в) результат действий, реально не отделимых от поведения обязанного лица, в том числе разнообразные услуги;

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 498.

г) продукты духовного творчества (объекты прав автора и изобретателя);

д) личные неимущественные блага (имя, честь и пр.).

Весьма существенное значение вопрос об объекте имеет в *государственном праве*. При помощи государственно-правовых отношений закрепляются основные материальные и нематериальные блага, в том числе блага, составляющие объект конституционных прав граждан. Среди иных объектов государственно-правовых отношений выделяются: а) социально-экономические и социально-политические блага — собственность, национальное равноправие и др.; б) социальные и политические свободы граждан — труд, отдых, свобода слова и др.; в) личные блага — неприкосновенность личности, здоровье и др. Так же как и государственно-правовые отношения в целом, объекты этих отношений имеют в значительном числе случаев «общий» характер, выступают не в виде конкретных вещей и результатов действий, а в виде основных социальных — экономических, политических, культурных — ценностей¹.

В других отраслях права вопрос об объекте менее значим. Если, например, в таких отраслях права, близких к гражданскому, как *колхозное право и семейное право*, он требует специального внимания (в колхозном праве выделяются вещи как объекты права собственности, в семейном — личные блага гражданина, семьи), то уже в *трудовом праве* материальные блага, по существу, неотделимы от самой трудовой деятельности рабочих и служащих и не могут рассматриваться изолированно от материального содержания трудовых правоотношений.

Вообще проблему объекта правоотношения при всей ее важности не следует преувеличивать, рассматривать как одинаково значимую для всех отраслей социалистического права. При теоретическом анализе в любом правоотношении может быть найден особый объект. Но не следует упускать из вида практическую сторону вопроса, степень и характер урегулирования отношений, связанных с объектом в нормативных актах. Следует думать, что в тех отраслях права,

¹ По своему характеру объекты ряда государственно-правовых отношений выступают в виде самих общественных отношений (труд, собственность и др.). Однако последние нетождественны фактическому содержанию государственно-правовых отношений: это *другие* отношения, которые закрепляются при помощи норм государственного права. По-иному к вопросу об объекте подходит Ю.К. Толстой, по мнению которого «норма права и правоотношение имеют один и тот же объект, каковым является фактическое общественное отношение» (Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 64).

где результат деятельности обязанного лица неотделим от самой деятельности, нет и специальной проблемы объекта правоотношения. В этих случаях при освещении материального содержания правоотношения одновременно в достаточной мере раскрывается и его объект, т.е. результат деятельности обязанного лица.

Именно с таких позиций, вероятно, следует подходить к вопросу об объекте многих правоотношений в *административном праве* и в отраслях *процессуального права*¹. Конечно, и здесь, в процессе теоретического анализа, могут быть найдены объекты в виде результатов действий обязанного лица². Однако они неотделимы от самой деятельности; в законодательстве же результаты деятельности специально не регламентируются и поэтому характеристика материального содержания административных и процессуальных правоотношений почти полностью исчерпывает и проблему их объекта.

По вопросу об объекте правоотношения к настоящему времени накопилось весьма обширная литература; высказан целый ряд взглядов, в которых по-разному решается эта сложная теоретическая проблема.

Указанное обстоятельство, видимо, и послужило поводом к тому, что иногда в устных выступлениях проблема объекта приводится в виде примера «отрыва» юриспруденции от живой жизни, примера схоластических, никому ненужных споров.

Это, конечно, неправильно. Перед нами не проблема, оторванная от жизни, а, напротив, проблема, разработка которой может и должна еще более приблизить юридическую науку к жизни, к пониманию реального смысла и значения правовых отношений, к «увязке» правоотношений с системой материальных и духовных благ социалистического общества. При рассмотрении объекта делается еще один шаг в выяснении «фактической стороны» правоотношений, — выясняются те явления (предметы) окружающего нас мира, при помощи которых удовлетворяется интерес управомоченного (его личный интерес, интерес всего общества).

Другой вопрос, что теоретическое обсуждение проблемы объекта должно быть поставлено на прочную научную основу. Представляется, в частности, необходимым: а) не дублировать в проблеме объекта материал других проблем, в том числе не дублировать здесь характеристику материального содержания

---

¹ М.А. Гурвич отрицательно относится к самой постановке проблемы объекта процессуальных отношений (Советское государство и право. 1955. № 9. С. 86).

² Элькинд Н.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 14–15.

Автор справедливо указала на ошибочность высказанного мною ранее взгляда, согласно которому объектом процессуальных правоотношений являются субъективные права материально-правового характера.

правоотношения; б) использовать вопрос об объекте для более полного освещения «фактической стороны» правоотношения, т.е. материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих интерес управомоченного; в) принимать во внимание особенности объектов в правоотношениях пассивного и активного типов; г) отчетливо представлять практическое значение проблемы объекта и своеобразии ее постановки в отдельных отраслях социалистического права. В тех отраслях права, где в правоотношениях результат действий обязанного лица неотделим от самой действительности и где объект не получает специальной нормативной регламентации, вряд ли необходимо искусственно «вымучивать» особую проблему объекта.

Весьма отраднo, что в последние годы теоретическая разработка вопросов объекта правоотношения из области общих рассуждений все более переключается на изучение тех конкретных материальных и нематериальных благ, которые удовлетворяют интерес управомоченного. Конечно, в теоретическом плане есть основания для продолжения дискуссии об «юридическом объекте». Но едва ли может вызвать сомнение, что действительная научная и практическая ценность рассматриваемой проблемы кроется именно в *материальном объекте* правоотношения.

ГЛАВА XX

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

1. Понятие юридического факта. Это конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение правовых отношений).

Правоотношения выполняют свою функцию «конкретизатора» («индивидуализатора») общих предписаний юридических норм потому, что они «живут» во времени: возникают, изменяются, прекращают свое действие. Общей основой такого движения являются нормы права. Однако юридические нормы сами по себе не могут ни вызвать, ни изменить, ни прекратить правоотношение. Для этого нужны конкретные обстоятельства, которые и именуются в правовой науке *юридическими фактами*.

По своему «материальному содержанию» (субстрату) юридическими фактами являются обычные, самые разнообразные *жизненные обстоятельства*, относящиеся как к области природы (явления стихийного характера, рождение человека и др.), так и к области социальной жизни (индивидуальные акты государственных органов, действия людей и др.).

Вместе с тем к числу юридических фактов принадлежат лишь такие жизненные обстоятельства, *которые предусмотрены правом*.

Именно поэтому наступление (отсутствие) фактов, принадлежащих к числу юридических, *влечет за собой юридические последствия* — возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. Если без нормы права нет *юридического факта*, то в равной степени без юридического факта не может наступить никаких *юридических последствий*.

Юридические факты в ряде случаев просты и «незаметны». Таковы, в частности, многие факты в области государственно-правовых отношений (отношений по гражданству, правосубъектности, конституционных прав и обязанностей и др.); наличие этих правоотношений связывается лишь с фактом существования человека. Однако факт существования человека — также юридический факт. «Незаметность» многих фактов, их «обыденность» и порождают иллюзию, что

некоторые правоотношения вытекают «непосредственно из закона». Между тем ни одно юридическое последствие (возникновение, изменение, прекращение правоотношения) непосредственно из нормы права не вытекает. Здесь везде необходим юридический факт — конкретное жизненное обстоятельство, предусмотренное юридической нормой.

Юридические последствия, наступающие на основании юридических фактов, самым общим образом могут быть сведены к главным фазам существования правоотношения — его возникновению и прекращению, а также изменению (с той, разумеется, оговоркой, что правоотношениями являются *все* правовые связи, в том числе и общерегулятивные правоотношения, включая правосубъектность, правоспособность¹). В то же время при более детальном анализе в круг юридических фактов должны быть включены жизненные обстоятельства, которые влекут и всякие иные юридические последствия, связанные с «жизнью» правоотношений. Юридическими фактами, в частности, являются обстоятельства, приводящие к возникновению лишь отдельных правомочий (например, секундарных), к переходу субъективного права в новое состояние (например, состояние притязания). Значение юридических фактов имеют обстоятельства, порождающие и прекращающие такие специфические правовые последствия, как юридическая ответственность, меры защиты.

2. Юридические факты в механизме правового регулирования. Юридические факты принадлежат к той части механизма правового регулирования, ядром которого является правоотношение. Понятие юридического факта призвано выразить существование реальных обстоятельств, с которыми сопряжена «жизнь» правоотношений (его возникновение, изменение, прекращение). Что это значит?

Прежде всего юридические факты выполняют функцию «рычажков», которые приводят в действие нормы права. Причем они выступают в качестве связующего звена не только между нормой права и субъективными правами (обязанностями) конкретного субъекта², но и между этими последними и реальными фактическими отношениями.

---

¹ О многообразии правовых последствий, порождаемых юридическими фактами, см.: *Иванова З.Д.* Некоторые вопросы теории юридических фактов // Ученые записки Казанского университета. Т. 117. Кн. 7. Казань, 1957. С. 43; см. также: *Юков М.К.* Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 8.

² *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 27.

Эти общие положения о роли юридических фактов в механизме правового регулирования нуждаются в уточнениях двоякого рода.

Прежде всего разные юридические факты занимают *неодинаковое место* в механизме правового регулирования. Факты, влекущие возникновение правовых отношений, принадлежат к начальным звеньям механизма, когда только устанавливаются субъективные права и обязанности; те же факты, которые влекут прекращение правоотношений, образуют заключительное звено механизма. Правопрекращающие факты — это по большей части акты реализации субъективных прав и обязанностей, акты, при помощи которых правовое регулирование достигает своих целей¹.

Таким образом, понятие юридического факта «вообще» представляет собой обобщающую категорию, которая отражает только одну из сторон правового регулирования — обусловленность правовых отношений (их возникновения, изменения, прекращения) конкретными жизненными обстоятельствами.

Из всех юридических фактов особое место принадлежит фактам, влекущим возникновение правоотношений. С правообразующих фактов, так сказать, «все начинается»: лица становятся носителями субъективных прав и обязанностей, а это свидетельствует о том, что механизм правового регулирования приведен в действие. Вот почему наука права при анализе юридических фактов преимущественное внимание обращает на «основания возникновения правоотношений», т.е. на правообразующие юридические факты.

Другое уточнение приведенных положений о роли юридических фактов в правовом регулировании сводится к следующему. Выше было указано на две основные предпосылки возникновения правовых последствий — нормы права (общая предпосылка) и юридические факты (частная предпосылка). Однако применительно к *конкретным* правоотношениям социалистического права следует указать еще на одну предпосылку — правосубъектность лиц. Точнее, за исключением самой правосубъектности, все иные правоотношения складываются в результате взаимодействия *трех* предпосылок — нормы права, правосубъектности, юридического факта (или нескольких фактов)². Юридические

---

¹ Следует вместе с тем иметь в виду, что факты, которые для одних отношений играют правопрекращающую роль, могут в то же время служить основанием для возникновения других правоотношений. Здесь, иными словами, сразу же начинается «новый оборот» механизма правового регулирования.

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 50; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 3.

нормы вместе с правосубъектностью (и другими общими субъективными правами и обязанностями) образуют ту общую базу, на которой при помощи юридических фактов происходит движение конкретных (абсолютных и относительных) правоотношений, их возникновение, изменение, прекращение.

Конкретные жизненные обстоятельства, выступающие в качестве юридических фактов, могут одновременно выполнять и другую функцию в механизме правового регулирования — *функцию индивидуального регламентатора регулируемых правом общественных отношений*. Речь идет о таких правомерных действиях-актах, как индивидуальные акты органов государственного управления, акты юрисдикционных органов, акты участников регулируемого общественного отношения (договоры, односторонние сделки).

На основе юридических норм, в пределах, формах и направлениях, предусмотренных ими, индивидуальные акты (в том числе плановые акты, договоры и др.) могут конкретизировать содержание общественных отношений. Они, следовательно, служат основанием для возникновения последствий, предусмотренных в нормах права, и в то же время в индивидуальном порядке регламентируют содержание данных отношений. Например, при железнодорожной перевозке грузов содержание перевозочных правоотношений определяется не только нормами права, но и, кроме того, актами планирования и договором перевозки¹.

Полной и всесторонней характеристике юридических фактов принадлежит существенное теоретическое и практическое значение.

Теоретическое значение проблемы юридических фактов вытекает из той роли, какую они играют в механизме правового регулирования. Юридические факты — это та область действия права, где юридиче-

---

¹ Обусловленность содержания ряда отношений индивидуальными актами отражается на наименовании соответствующих правовых институтов. Так, «наследование по завещанию» — это институт, названный так не только потому, что завещание является юридическим фактом, но и потому, что завещание (односторонняя сделка) выполняет функцию конкретизатора содержания наследственных правоотношений. Напротив, «наследование по закону» характеризуется тем, что юридические факты (родство, иждивение и др.) в данном случае не играют никакой роли в конкретизации содержания правоотношения: последнее определяется только нормами права, законом. Таким образом, выражение «правоотношения из закона» имеет право на существование, однако лишь постольку, поскольку закон (норма права) рассматривается не в качестве юридических фактов, а в качестве единственного средства регламентации содержания данных отношений.

ские нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, с конкретными фактами нашей действительности.

А это существенно важно для понимания «фактической стороны» правоотношения. Здесь перед нами еще один «выход» правоотношения (после материального содержания и объекта) в область реальных фактических явлений. Следовательно, юридические факты позволяют еще в одном пункте вывести правоотношения на плоскость фактических отношений. (Надо заметить, что выяснение всех «выходов» правоотношений на фактическую плоскость, возможно, откроет путь к конструированию его «фактической модели», а отсюда — к принципиальному повороту в самом характере изучения правоотношения, обеспечивающему увязку этого изучения с социологией, теорией управления.)

Рассмотрение юридических фактов дает возможность с большей глубиной раскрыть социалистическую природу правоотношений, складывающихся в нашем обществе.

Правда, нормы права связывают возникновение правоотношений не только непосредственно с «экономическими фактами», но и со множеством самых разнообразных жизненных обстоятельств. К тому же ввиду системности права движение конкретных правоотношений может зависеть от второстепенных, нетипических для социалистического общества обстоятельств, к числу которых принадлежат правонарушения, события и др.

Но как бы ни была пестра вся совокупность юридических фактов, они в конечном счете (через нормы права) связаны с экономическим базисом, отражают его особенности. Поэтому в самом составе юридических фактов социалистического общества, в их соотношении между собой проявляется своеобразие социалистического права, его противоположность праву эксплуататорских обществ¹.

Практическое значение проблемы юридических фактов вытекает из того, что решение любого юридического дела связано с вопросом: возникли или нет данные юридические последствия? Следовательно, решение любого юридического дела сопряжено с установлением юридических фактов. А это предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств дела и уста-

---

¹ Подробнее о противоположности юридических фактов в социалистическом и эксплуататорском обществах см.: *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 244–245.

новление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой. С практической точки зрения применение юридических норм и представляет в значительной своей части деятельность юрисдикционных органов, направленную на анализ юридических фактов. Отсюда необходимость для работников практики точных и полных знаний о юридических фактах, их особенностях, разновидностях, составах.

3. Особенности отдельных видов юридических фактов. Юридические действия. Обобщенная характеристика юридических фактов позволяет указать на главные моменты, выражающие функции юридических фактов, — на их роль «рычажков», приводящих в действие юридические нормы, связующих звеньев между юридическими нормами, реальными жизненными обстоятельствами и правоотношениями.

Вместе с тем обобщенная характеристика должна быть дополнена дифференцированным анализом отдельных видов юридических фактов. В рамках некоторых общих моментов функции отдельных видов юридических фактов отличаются существенными особенностями. Именно поэтому рассмотрение значения юридических фактов в механизме правового регулирования сразу же потребовало обособления функций правообразующих и правопрекращающих фактов¹.

Еще более важное значение для понимания природы и функции юридических фактов имеет их подразделение по связи факта с индивидуальной волей — подразделение на юридические действия и юридические события.

В правоотношении как волевом отношении происходит определенное взаимодействие социальной воли, выраженной в юридических нормах, и индивидуальной воли участников правоотношений. Связь же правоотношений с индивидуальной волей и происходит через «волевые» юридические факты-действия субъектов. Дейст-

---

¹ Не случайно деление юридических фактов по порождаемым ими последствиям признается в юридической литературе одной из важных классификаций.

Обычно, кроме фактов, обуславливающих главные фазы в жизни правоотношений (их возникновение и прекращение), выделяются правоизменяющие факты. Изменение правоотношения является промежуточной и необязательной стадией его существования. Оно выражается либо в смене субъектов (например, уступка права требования в гражданском праве, смена субъектов административных правоотношений при реорганизации данной системы управления и др.), либо в изменении содержания правоотношения (например, замена исполнения при заготовках сельскохозяйственных продуктов и др.).

вия субъектов в громадном количестве случаев являются основанием возникновения правоотношения. При помощи действий (волевых актов исполнения юридических обязанностей) происходит осуществление и, следовательно, прекращение правовых отношений во всех отраслях права.

Отграничивая действия от событий и устанавливая формы связи между правоотношениями и индивидуальной волей, мы тем самым выясняем одну из важных особенностей юридических фактов и правоотношений.

Юридические действия — это волевое поведение людей, внешнее выражение воли и сознания физических лиц, воли организаций и общественных образований. Отличительная черта этого вида юридических фактов состоит в том, что нормы права связывают с ними юридические последствия именно в силу их волевого характера.

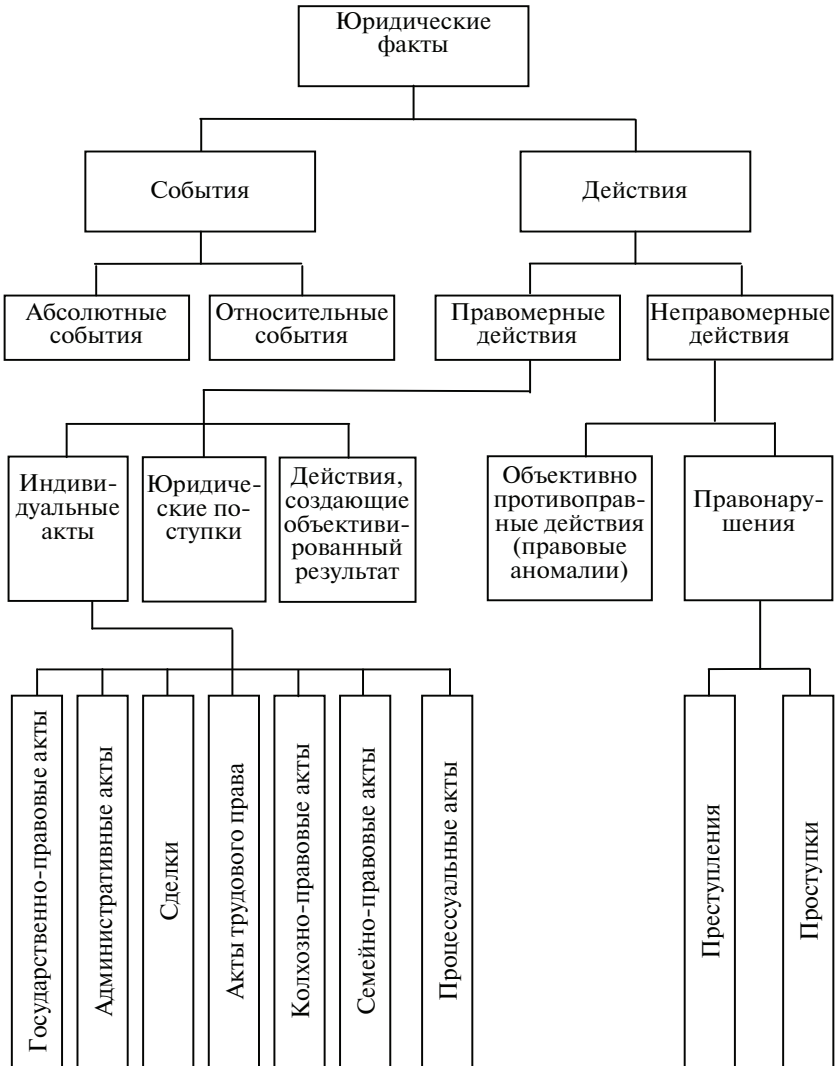
Через волевое поведение людей юридические нормы и оказывают свое воздействие на общественные отношения. При помощи правового регулирования можно добиться либо сокращения числа действий, не соответствующих интересам общества, либо, напротив, достигнуть увеличения числа действий, отвечающих интересам социалистического государства, народа. Волевое же поведение людей лишь тогда может быть предметом правового регулирования, когда оно так или иначе соприкасается с движением правоотношений, т.е. выступает в виде юридических фактов-действий.

Юридические действия весьма разнообразны и поэтому они играют далеко неодинаковую роль в процессе правового регулирования.

Юридические факты-действия прежде всего разграничиваются по признаку того, как они согласуются с предписаниями юридических норм, требованиями правопорядка. По этому признаку юридические факты-действия разграничиваются на две основные разновидности: а) правомерные действия и б) неправомерные действия (правонарушения).

Таким образом, важное теоретическое и практическое значение принадлежит не только отграничению юридических действий от событий, но и последующему делению внутри этих двух главных рубрик, в особенности делению действий на правомерные и неправомерные (см. схему классификации юридических фактов по волевому признаку).

Классификация юридических фактов по характеру их связи с индивидуальной волей

Примечание. Классификация индивидуальных актов не является исчерпывающей; в схеме указаны лишь основные виды актов.

4. Правомерные действия. Это *волевое поведение, которое соответствует правовым предписаниям, согласуется с содержанием прав и обязанностей субъектов.* Через правомерные действия, и прежде всего через индивидуальные акты, осуществляется положительное воздействие права на общественные отношения, обеспечиваются укрепление, совершенствование и развитие социалистических общественных отношений. На основе правомерных действий возникают, изменяются и прекращаются регулятивные правовые отношения. Они представляют собой основную разновидность юридических фактов-действий.

Правомерные действия могут быть подразделены на три основные группы: а) индивидуальные акты; б) юридические поступки; в) правомерные действия, создающие указанный в законе объективированный результат, имеющий хозяйственное или культурное значение (результативные действия).

Индивидуальные акты представляют собой правомерные действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия в силу волевой *направленности* действий на эти последствия. Правовые последствия наступают здесь потому, что на них направлена воля лица, совершающего гражданско-правовую сделку, индивидуальный административный акт и др.

Юридические поступки представляют собой правомерные действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия в силу *самого факта* действия независимо от того, были ли направлены действия на данные последствия или нет. Здесь, таким образом, юридические последствия связываются непосредственно с самим фактом действия лица безотносительно от его волевой направленности. К этой группе правомерных действий, в частности, относятся признание долга, заявления об отказе принять исполнение и др. в гражданском праве, заявления об определенных фактах в административном праве и т.д. Например, когда гражданин делает заявление о фактах нарушения правил торговли в магазине, то подобное заявление порождает целый комплекс юридических последствий, на которые воля гражданина может быть и не направлена. В данном случае важен сам факт заявления.

*Результативные действия*¹ представляют собой действия, с которыми нормы права связывают правовые последствия в силу достижения известного практического *результата* деятельности, выраженного в объективированной форме. Такова, в частности, деятельность ав-

---

¹ Термин «результативные действия» предложен С.Ф. Кечекьяном (*Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1959. С. 176).

тора, изобретателя или рационализатора, а также деятельность людей по созданию новых вещественных объектов собственности. Поскольку субъектом творческой, созидательной деятельности является дееспособное лицо, эта деятельность имеет известную направленность на юридический результат¹. Но нормы права связывают правовые последствия именно с объективированным результатом деятельности — продуктом духовного или материального творчества, созидания.

Таким образом, разграничение указанных трех групп правомерных действий производится по признаку того, с каким «элементом» правомерных действий нормы права связывают юридические последствия — с направленностью воли на правовой результат (индивидуальные акты) или же с самим фактом волевого действия (юридические поступки), или, наконец, с объективированным результатом деятельности (результативные действия).

В юридической литературе обосновывается и другое, более широкое понятие «юридического поступка». По мнению О.А. Красавчикова, к юридическим поступкам принадлежат правомерные действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия независимо от того, были ли направлены действия на указанные последствия или нет². Здесь, следовательно, все правомерные действия подразделяются на две группы в зависимости от того, связываются или нет правовые последствия с направленностью воли на правовой результат.

Такое деление правомерных действий имеет определенное познавательное значение, тем более что О.А. Красавчиков в порядке последующей классификации различает материальные и нематериальные юридические поступки³.

Однако более детальной классификацией правомерных действий является рассмотренное выше трехчленное деление, которое впервые было предложено М.М. Агарковым⁴. Оно строится по иному классификационному основанию — за исходное берется тот конкретный «элемент» правомерного действия, с которым связываются юридические последствия. Таким «элементом» может быть и указанная выше направленность воли, и сам факт действия, и его результат. Иными словами, в рассматриваемой классификации не оставляется открытым вопрос, с чем же связываются правовые последствия в том случае, когда такого рода элементом не является волевая направленность, — с самим ли фактом действия или его результатом?

¹ Юрченко А.К. Проблемы советского изобретательского права. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 90—91; см. также: Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 305.

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 156.

³ Там же. С. 157—159.

⁴ Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 51—52.

Дифференцированный, более детальный подход к характеристике правомерных действий позволяет не только с большей глубиной раскрыть их юридическую природу, но и с необходимой четкостью решать возникающие здесь практические вопросы.

Так, юридические поступки в отличие от результативных действий могут быть совершены лишь дееспособными субъектами. С другой стороны, решение ряда важных юридических вопросов авторского и изобретательского права зависит от правильной квалификации творческой деятельности — того, что юридическое значение придается ее результатам (к тому же, как уже отмечалось в литературе, сам термин «поступок» едва ли может быть применен для обозначения творческой деятельности)¹.

По изложенным соображениям в настоящем курсе, так же как и в работах ряда других авторов², от юридических поступков обособлена специфическая группа правомерных действий — действия, создающие объективированный результат (результативные действия).

Среди указанных трех видов правомерных действий решающее значение принадлежит индивидуальным актам.

Значение актов в процессе правового регулирования не исчерпывается тем, что они являются «рычажками», приводящими в действие нормы права, да притом такими «рычажками», которые зависят от воли лиц. Индивидуальные акты, кроме того, могут выполнять и иные функции. Как уже отмечалось, индивидуальные акты на основе, в пределах и в направлениях предусмотренных нормами права, выполняют в ряде случаев функцию индивидуального регламентирования общественных отношений (плановые административные акты, договоры). Ряд индивидуальных актов, будучи юридическими фактами, вместе с тем играет правоохранительную роль, обеспечивая реализацию иных правоотношений.

С характеристикой индивидуальных актов связан и ряд практических вопросов. В частности, в актах возможно расхождение содержания воли и ее изъявления (например, в случаях обмана, насилия, заблуждения). Но так как юридические последствия сопрягаются с волевым моментом, необходимо иногда решить, чему же должно быть отдано предпочтение — воле или ее внешнему изъявлению. Соответствующие проблемы решаются в науках гражданского и административного права.

---

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958. С. 176.

² Агарков М.М. Указ. соч. С. 51–52; Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 175–176; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. С. 16 и др.

Индивидуальные акты подразделяются по ряду признаков. По структуре и содержанию содержащейся в них воли различаются: а) *коллективные* акты – акты, исходящие от коллектива людей и принятые по большинству голосов; например, индивидуальное решение колхозного собрания; б) *двусторонние и многосторонние соглашения* – акты, содержащие волю двух или более конкретных субъектов; например, административные соглашения, гражданско-правовые договоры; в) *односторонние акты* – акты, исходящие от одного субъекта; например, односторонние административные акты, односторонние гражданско-правовые сделки.

По юридическому содержанию воли индивидуальные акты разграничиваются в зависимости от того, к какой основной отрасли права они относятся.

Наиболее широкое распространение имеют следующие разновидности индивидуальных актов:

1) *Государственно-правовые акты* – акты органов государственной власти (Верховного Совета СССР и союзных республик, Президиумов Верховных Советов и др.), направленные на возникновение, изменение и прекращение государственно-правовых отношений. Это, в частности, утверждение Верховным Советом СССР состава союзного правительства, внесение в списки избирателей и др. К рассматриваемой группе актов примыкает ряд актов надзора и контроля (например, акты прокуратуры, совершенные в порядке общего надзора).

2) *Административные акты* – властные акты органов государственного управления, направленные на возникновение, изменение и прекращение административных правоотношений. Своеобразие административных актов состоит в том, что они могут служить первичным основанием правовых последствий и в некоторых других отраслях (гражданском праве, трудовом праве и др.). В рамках административного права есть и невластные акты-заявления, в частности жалобы граждан, которые также влекут административно-правовые последствия.

3) *Сделки* (многосторонние, двусторонние, односторонние) – акты участников имущественных отношений, направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений.

4) *Акты трудового права* – акты субъектов трудового права, направленные на возникновение, изменение и прекращение трудовых правоотношений. Наряду с трудовым договором, имеющим общее значение, сюда должны быть причислены акты, влияющие на движение отдельных трудовых правоотношений, в частности наряд на работу, начисление заработной платы и др.

5) *Колхозно-правовые акты* — акты, совершенные во внутриколхозной сфере и направленные на возникновение, изменение и прекращение колхозных правоотношений. Это прием в члены колхоза, начисление трудодней и др.

6) *Семейно-правовые акты* — акты, направленные на возникновение, изменение и прекращение семейных правоотношений. В их число входят заключение брака, требование о его расторжении, принятие опеки и др.

7) *Процессуальные акты* — акты, направленные на возникновение, изменение и прекращение процессуальных правоотношений. Процессуальными являются как акты следственных и юрисдикционных органов (приговоры, решения, определения и др.), так и акты иных участников процесса, в том числе и граждан (иски, жалобы и др.).

Кроме перечисленных разновидностей индивидуальных актов, существует еще ряд специфических групп, также относящихся к основным отраслям права. Среди них выделяются правомерные волевые действия, совершаемые в области земельных и финансовых отношений (земельно-правовые и финансово-правовые акты), а также акты, совершаемые в процессе исполнения уголовных приговоров (акты исполнительно-трудового права) и др.

5. Неправомерные действия (правонарушения). Это *волевое поведение, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями.*

Социалистическое государство заинтересовано в сокращении числа неправомерных действий, а в конечном счете и в полной их ликвидации. Они служат основанием возникновения охранительных правоотношений, в рамках которых осуществляется юридическая ответственность, применяются меры защиты, превентивные средства государственного принуждения.

Если рассматривать неправомерные действия только как разновидность юридических действий «вообще» (т.е. только в порядке их противопоставления правомерным действиям), то вполне допустимо ограничиться приведенной выше краткой обобщенной характеристикой.

Но неправомерные действия, выделенные по формально-юридическому признаку (несоответствие правовым предписаниям), на самом деле весьма разнообразны. Их социальное содержание и юридическая природа нередко отличаются существенными особенностями.

Так, особое место занимают *объективно противоправные действия*, т.е. такие акты волевого поведения, которые имеют чисто «внешний»

характер, вызваны незнанием закона, противоречивостью отдельных норм и т.д.¹ Сюда же относятся акты поведения, выражающие невинное неисполнение юридических обязанностей, «объективные» нарушения субъективных прав (неосновательное обогащение и др.), т.е. все то, что под несколько иным углом зрения может быть названо *правовой аномалией*². Такого рода неправомерные действия влекут за собой правовые последствия, которые, как правило, ограничиваются восстановлением нарушенного правового положения, исполнением юридической обязанности (меры защиты).

Основное значение среди неправомерных действий имеют правонарушения — действия, порождающие юридическую ответственность (гл. XXI).

Правонарушения — это виновные противоправные действия, приносящие вред социалистическому обществу. Они представляют собой особую, главную группу неправомерных действий, выделенную не только по специфическим правовым признакам (прежде всего по наличию, как правило, вины правонарушителя), но и по «внутренним», глубинным социальным признакам (причинение вреда социалистическому обществу)³.

Противоправность — это по сути дела юридическое проявление общественной вредности деяния. Признаки правонарушения находят выражение в *составе правонарушения*, т.е. в совокупности закрепленных в юридических нормах его сторон, элементов.

В принятой в юридической науке конструкции «состава правонарушения» (в особенности состава преступления) отражаются не только признаки самого правонарушения как юридического факта, но и одна из юридических предпосылок ответственности — правосубъектность (субъект правонарушения), а также предмет правовой охраны — общественные отношения, правопорядок⁴ (объект правонарушения).

---

¹ Категория «объективно противоправное действие» разработана И.С. Самошенко (см.: *Самошенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963. С. 39 и сл.; *Общая теория советского права.* С. 392).

² *Ардашкин В.Д.* Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 7–8; *Он же.* О принуждении по советскому праву // *Советское государство и право.* 1970. № 7. С. 37.

³ Подробнее о внешних признаках правонарушения и его социальной сущности см.: *Самошенко С.И.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. С. 7 и сл.

⁴ *Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и правопорядок // *Проблемы советского уголовного права и криминологии: Сборник ученых трудов СЮИ.* Свердловск, 1971. С. 10–16.

Если же рассматривать правонарушение только как «чистый» юридический факт, то оно имеет две стороны — объективную и субъективную.

Объективная сторона правонарушения — содержание самого противоправного деяния со стороны его объективных элементов. Сюда наряду с противоправностью, которая является юридическим выражением общественной вредности правонарушения в целом¹, относятся:

— деяние как акт волевого поведения (в том числе и в форме бездействия);

— вредоносный результат деяния (прежде всего в виде дезорганизации социалистических общественных отношений, а также в ряде случаев реального материального вреда и др.);

— причинная связь между деянием и наступившим вредоносным результатом².

Субъективная сторона правонарушения — вина правонарушителя, т.е. его психическое отношение к противоправному деянию и его возможному результату.

Правонарушения в социалистическом обществе, как правило, являются следствием антиобщественных взглядов и побуждений отдельных лиц. Вина и выступает в качестве такой категории, которая отражает наличие такого рода взглядов и побуждений или, во всяком случае, — наличие неуважительного, пренебрежительного отношения правонарушителя к нормам общественной жизни, к правам и интересам других лиц, словом, изъянов в его идейно-волевой позиции. Применение к правонарушителю государственно-принудительных мер воздействия основано как раз на том, что лицо могло противостоять действию различных неблагоприятных факторов, но оно не сделало

---

¹ Общая теория советского права. С. 402.

² Причинная связь в праве — одна из сложных философских проблем правоведения. Применительно к вопросам юридической ответственности она имеет и непосредственно практическое значение. Вполне закономерно, что причинной связи как элементу объективной стороны правонарушения уделено в литературе сравнительно много внимания. Вместе с тем здесь, думается, есть ряд аспектов проблемы, которые до последнего времени ускользают из поля зрения. К ним относятся:

а) дифференциация отдельных «элементов казуальности». Факторы, влияющие на возникновение данного результата, могут быть подразделены на ряд групп, в том числе на: 1) общие условия, 2) непосредственную причину, 3) сопутствующие факторы, 4) поводы. Каждый из этих «элементов казуальности» по-своему связан с результатом;

б) своеобразии причинной связи в сфере правовой ответственности; применительно к поведению людей юридическое значение приобретают не только непосредственные причины, но и сопутствующие факторы, а также поводы; характеризуя здесь объективную связь, мы должны заранее учитывать возможность ее осознания, предвидения, сознательного использования, т.е. заранее «делать расчет» на вину.

этого, а, напротив, противопоставило себя обществу, с пренебрежением, неуважительно отнеслось к нормам общественной жизни, к правам и интересам других лиц¹.

Действующий в социалистическом обществе принцип, согласно которому юридическая ответственность устанавливается за виновное правонарушение, обосновывает роль ответственности как мощного средства воспитания людей, преодоления в сознании людей пережитков прошлого.

Правонарушения по характеру общественной вредности (опасности) подразделяются на два основных вида:

1) *преступления* — правонарушения, выражающие общественную опасность личности для общества в целом;

2) *проступки* — правонарушения, выражающие общественную опасность данного действия, в том числе административные деликты, дисциплинарные проступки, гражданские правонарушения и др.

Таким образом, считая проступки, как и преступления, общественно опасными правонарушениями («вредность» и «опасность» — понятия однозначные²), следует отметить, что главным при их разграничении является не степень опасности, а ее «качество», характер: проступки в отличие от преступлений не выражают общественной опас-

¹ Причины правонарушений изучаются в конкретных юридических науках, в том числе причины преступлений в особой науке — криминологии. Вместе с тем здесь есть и общетеоретические проблемы. Во всяком случае, причины правонарушений, очевидно, следует рассматривать в качестве одного из аспектов более широкой проблемы — причинности в праве.

Отсюда помимо прочего следует, что некоторые исходные положения теории причинности в праве должны быть в полной мере использованы и при изучении причин правонарушений. Так, по всей видимости, и здесь нужно разграничивать «элементы казуальности», т.е. общие условия, непосредственную причину, сопутствующие факторы и поводы. Лишь при такой дифференциации оказывается возможным раскрыть механизм формирования и действия причин правонарушений.

Наиболее существенное общетеоретическое значение при рассмотрении причин правонарушений имеет установление правильного соотношения между факторами объективного и субъективного порядка. Видимо, факторы объективного порядка могут быть охарактеризованы лишь в качестве общих условий. В формировании же непосредственной причины решающая роль принадлежит субъективному фактору, которым, надо полагать, является *идейно-волевая позиция* данного лица. Нетрудно заметить, что при таком подходе вопросы причин правонарушений органически связываются с вопросами состава правонарушения, его субъективной стороны. Идейно-волевая позиция лица (его правовой негативизм, настрой «мне все дозволено» и т.д.) как раз и находит свое выражение в субъективной стороне состава правонарушения — в вине.

² *Лунев А.Е.* Административная ответственность за правонарушения. Госюриздат, 1961. С. 34–35; *Матвеев Г.К.* Основания юридической ответственности // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 31, и др.

ности данного лица перед обществом в целом. Это и предопределяет своеобразие мер государственно-принудительного воздействия в том и другом случаях.

6. Юридические события. Это *обстоятельства, не зависящие от воли людей*. Таковы смерть и рождение человека, истечение времени, явления стихийного характера и др.

Выше было показано, что и некоторые виды действий являются основанием правовых последствий не в силу их направленности на юридический результат, а в силу самого факта их совершения или же достигнутого объективированного результата деятельности (юридические поступки, результативные действия). Вместе с тем в указанных случаях все же требуется, чтобы существовали волевые действия, внешнее выражение воли и сознания физических лиц, воли организаций. События же не нуждаются и в этом. Они могут быть связаны с волей людей. Но нормы права в рамках данных правоотношений не принимают такую связь во внимание.

Юридические факты-события — это по большей части естественные, природные явления. Даже если они так или иначе и вызваны волей человека (поджог, убийство), то юридические нормы в рамках данных правоотношений связывают правовые последствия не с упомянутыми неправомерными действиями, а с последующим процессом протекания, «развертывания» их результатов¹. В частности, каковы бы ни были причины смерти (естественные причины, убийство, самоубийство), смерть представляет собой объективный, закономерный процесс угасания жизненных функций в организме человека и в этом своем качестве выступает независимо от его воли². В рассматриваемых случаях значение юридическо-го факта придается именно смерти, а не убийству, пожару, а не поджогу³.

В зависимости от того, связано или не связано возникновение события с волей людей, они могут быть подразделены на две группы:

а) *относительные события* — обстоятельства, вызванные деятельностью людей, но выступающие в данных правоотношениях независимо от породивших их причин;

б) *абсолютные события* — обстоятельства, которые не вызваны волей людей и не выступают в какой-либо зависимости от нее.

Практическое значение разграничения этих двух групп событий заключается в том, что если явления, выражением которых выступают аб-

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 245–246.

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 165.

³ Вильянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Часть первая. Изд-во Харьков. ун-та, 1958. С. 84.

солютные события, порождают только один ряд юридических последствий, то явления, выражением которых выступают относительные события, могут порождать два ряда последствий. В последнем случае нормы права могут связывать правовые последствия не только с событиями как таковыми, но и с причиной их породившей, в частности с такими неправомерными действиями, как убийство, поджог. Иногда правовые последствия одного ряда влияют на правовые последствия другого ряда. Например, лицо, признанное виновным в убийстве наследодателя (первый ряд последствий, вызванных убийством), исключается из числа наследников (второй ряд последствий, вызванных событием — смертью).

События приобретают юридическое значение не сами по себе, а потому, что они могут так или иначе влиять на волевое поведение людей, на общественные отношения. В частности, события становятся юридическими фактами потому, что обуславливают существование самого субъекта права — физического лица (рождение или смерть человека), могут воспрепятствовать поведению людей в том или другом направлении (землетрясение, обвалы и др.), приводят к уничтожению или повреждению материальных благ (пожар, наводнение и др.), лишают практического или юридического значения определенные действия (истечение времени) и др.

По большей части события занимают зависимое и подчиненное положение по сравнению с действиями. Как правило, они порождают юридические последствия не изолированно, а в совокупности с правомерными действиями, т.е. в пределах единых фактических составов¹. В гражданском праве события в большинстве случаев приводят к юридическим последствиям в рамках уже существующих правоотношений или, во всяком случае, в связи с уже существующими правоотношениями.

Большой удельный вес занимают события в пределах государственно-правового регулирования, где они могут самостоятельно приводить к возникновению правоотношений, в том числе правосубъектности физического лица (рождение человека). Это и понятно. Для государственного права характерен метод общих закреплений, при помощи которого и обеспечивается нормативное урегулирование основ социалистического общественного и государственного строя. В ряде

---

¹ «...Даже тогда, — пишет П.С. Элькинд, — когда уголовно-процессуальные отношения обусловлены событием или состоянием, последние обязательно должны быть опосредствованы определенными действиями, без которых невозможно реальное возникновение, изменение и прекращение правоотношений» (*Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963. С. 27*).

случаев необходимый эффект наступает в силу самого существования субъекта права, которое также является юридическим фактом. А это, в частности, означает, что применительно к гражданам такие отношения, как правосубъектность, возникают в связи с событиями, связанными с жизнью человека, — рождением, достижением определенного возраста.

7. Иные виды (классификации) юридических фактов. В предшествующем изложении уже были охарактеризованы две главные классификации юридических фактов. Это деления:

а) по последствиям, к которым приводит юридический факт, — правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие факты;

б) по характеру связи факта с индивидуальной волей — юридические действия и юридические события (с последующими более дробными подразделениями).

Юридические факты могут быть классифицированы и по иным основаниям. Это деления по форме проявления юридического факта и по характеру его действия.

Деление юридических фактов по форме их проявления. По форме своего проявления юридические факты подразделяются на два вида: положительные и отрицательные¹.

Положительные — это факты, которые представляют собой реально существовавшее и/или существующее в данный момент явление действительности. Таковы, например, изданные административные акты, явления стихийного характера и др.

Отрицательные — это факты, выражающие отсутствие определенных явлений. Норма права связывает здесь определенные юридические последствия не с наличием того или иного обстоятельства, а с его отсутствием. Таковы, например, некоторые из условий, необходимые для регистрации брака (отсутствие другого зарегистрированного брака, отсутствие определенной степени родства и др.). Отрицательный факт следует отличать от положительного факта, который изложен в негативной форме; например, такой факт, как «невысокая степень общественной опасности», является положительным фактом, получившим негативное словесное изложение.

Разграничение юридических фактов на положительные и отрицательные имеет существенное значение для решения некоторых вопросов, связанных с процессом доказывания в судебных и иных юрисдикционных органах, в частности с распределением бремени доказывания.

---

¹ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 90–93.

Деление юридических фактов по характеру их действия. Юридические факты подразделяются также на а) факты ограниченного (однократного) действия и б) факты непрерывного или повторяющегося юридического действия, т.е. состояния.

Факты ограниченного (однократного) действия – это обстоятельства, с которыми нормы права связывают юридические последствия только в данном конкретном случае. Факты рассматриваемого вида существуют лишь в данный момент или известный отрезок времени, а потом исчезают, порождая те или иные юридические последствия. К числу такого рода фактов по существу относятся подавляющее большинство юридических действий, многие события (например, смерть, истечение срока, наводнение и др.).

Состояние – это обстоятельства, которые существуют длительное время, непрерывно или периодически порождая юридические последствия. Таковы, например, состояние в браке, нетрудоспособность, стаж и др. Состояния нередко выражаются в виде правоотношений. Они могут определять содержание отраслевой правосубъектности (в частности, брачной, трудовой). Некоторые из состояний имеют волевой характер и в принципе могут быть отнесены к числу действий (например, состояние в браке); другие состояния носят неволевой характер и в принципе могут быть отнесены к числу событий (например, состояние в кровном родстве).

В юридической литературе существование состояний замечено давно¹. Однако, исходя из ошибочного предположения, что юридические факты могут быть подразделены лишь по одному волевому признаку (действия и события), некоторые авторы, в частности А.К. Стальгевич, пытались изобразить их в качестве третьего звена классификации вслед за событиями и действиями.

Это, конечно, неправильно. «Если ...использовать только волевой признак подразделений, то факты-состояния должны быть отнесены или к событиям, или к действиям, ибо событие и действие могут иметь одинаковую завершенность, обладать одинаковой длительностью... Следовательно, факты-состояния не могут быть выделяемы наряду (т.е. в одной классификации) с событиями и действиями»². Но факты-состояния могут быть выделены в особую группу, если классифицировать юридические факты по другим основаниям.

¹ *Курылев С.В.* Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права) // Труды Иркутского государственного университета. Сер. юридическая. Т. 13. Иркутск, 1955. С. 45–46; *Стальгевич А.К.* Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 31; *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. С. 14.

² *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. С. 85–86.

О.С. Иоффе первоначально рассматривал состояния («юридические обстоятельства») в качестве особой группы фактов, существующей наряду с событиями и действиями¹. В книге же «Вопросы теории права» указанные обстоятельства, к которым авторы относят естественные свойства вещей, характеризуются в качестве разновидности только событий². Между тем состояния («юридические обстоятельства») могут носить и неволевой и волевой характер. Они, повторю еще раз, образуют звено в особой классификации юридических фактов.

8. Фактический состав. Это *система юридических фактов, необходимая для наступления юридических последствий (возникновения, изменения, прекращения правоотношения)*.

Во многих случаях наступление юридических последствий связывается юридическими нормами не с одним, обособленным фактом, а с их комплексом, системой. Эта система фактов и называется «фактическим (или юридическим³) составом».

---

¹ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 122–123.

² *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. С. 246.

³ В настоящее время для обозначения системы фактов, необходимой для возникновения юридических последствий, разными авторами применяются два термина: «фактический состав» и «юридический состав».

Термин «юридический состав» предложен О.А. Красавчиковым, по мнению которого принятый в науке термин («фактический состав») неудачен; при его использовании «создается неправильное представление о том, что правовое значение имеет только отдельный факт, а совокупность — юридически безразлична, она носит фактический характер» (*Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. С. 66; *Он же.* Теория юридических фактов в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. С. 5).

Ряд ученых-юристов воспринял новый термин. Другие же авторы и, в частности, многие специалисты в области общей теории права продолжают пользоваться термином «фактический состав». Против предложения О.А. Красавчикова были высказаны и возражения по существу (*Новицкий И.Б.* Сделки. Исковая давность. Госюриздат, 1954. С. 16; *Общая теория советского права.* С. 306).

В данном случае терминологическое разногласие не имеет принципиального значения. И его можно было бы не касаться, если бы в связи с рассматриваемым не возникла возможность затронуть более широкий вопрос — об условности юридической терминологии.

Да, термин «фактический состав» условен. Но ведь условными являются и многие другие юридические термины («субъективное право», «гражданское право», «юридический факт» и др.). Более того, предложенный О.А. Красавчиковым термин также условен. Все, что относится к праву и носит сложный (составной) характер, может быть названо «составом» и даже «юридическим составом» (например, состав юридической науки, состав правоотношения и др.). Это ведь тоже «юридические составы»!

Следовательно, если предпослать каждому из упомянутых терминов необходимые объяснения, то можно использовать любой из них. Из такого предположения, очевидно, и исходят разные авторы, использующие либо ту, либо другую формулировку (что, разу-

Фактический состав представляет собой комплекс *разнородных, «самостоятельных» жизненных обстоятельств, каждый из которых может иметь особое юридическое значение*. По этой черте фактический состав следует отличать от сложного юридического факта, т.е. от факта, который имеет сложное строение и, следовательно, может быть выражен в разных характеристиках, но который все время остается «одним» фактом. Таким сложным юридическим фактом, имеющим целую совокупность взаимосвязанных характеристик, является, например, правонарушение. Не может быть признан фактическим составом также единый длящийся факт, складывающийся из совокупности однородных обстоятельств, каждое из которых не имеет, однако, юридического значения (например, обстоятельства, выражающие аморальный облик и недостойное поведение родителей как основание для лишения родительских прав).

Следующая важная черта фактического состава состоит в том, что входящие в него жизненные обстоятельства образуют *цельную систему*. Как и в любой системе, элементы фактического состава находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Причем конечный эффект (данное правовое последствие) является результатом фактического состава в целом, в единстве всех его элементов — всего комплекса фактов. Поэтому для данных правовых последствий каждый факт выступает в качестве юридического лишь постольку, поскольку он является элементом системы — частью состава.

Наиболее ярко «системный» характер фактического состава проявляется в тех случаях, когда в соответствии с требованиями юридических норм отдельные факты должны собираться в единый состав в строго определенном порядке, в жесткой последовательности (сложные, «связанные» составы — примеры см. ниже).

Чем объяснить существование фактических составов?

Одна из причин существования фактических составов коренится в сложности общественных отношений, необходимости дифференцирования правового регулирования, учета разнообразных, разнородных жизненных обстоятельств. Так, сама природа пенсионного обеспечения такова, что для наступления правовых последствий она требует наличия ряда разнородных обстоятельств, свидетельствующих о не-

---

меется, создает определенные неудобства и свидетельствует о необходимости проявлять большую осторожность при рационализации терминологии).

В дальнейшем для удобства изложения будет использован только один из указанных терминов, наиболее часто встречающийся в литературе по общей теории права, — «фактический состав».

трудоспособности лица или о его пожилом возрасте, а также о мере его участия в общественном производстве (стаже). Обычно в рамках фактических составов законодатель учитывает существование юридических событий – истечение срока, факт смерти и т.д.

Однако разнородность общественных отношений – не главная причина существования фактических составов. Составы в большинстве случаев призваны с юридико-фактической стороны *обеспечить интересы субъектов, их правовую активность, индивидуальное регулирование общественных отношений.*

Эта обеспечительная функция выражается в том, что, как правило, наступившая часть фактического состава уже порождает некоторые промежуточные правовые последствия, которые гарантируют интересы лиц, дают возможность учета воли субъектов, воли правоприменительных органов.

Так, само по себе наступление определенного возраста и наличие необходимого стажа еще не порождают пенсионных правоотношений. Эти факты лишь дают возможность требовать от органов социального обеспечения назначения пенсии, т.е. возникают некоторые (промежуточные) правовые последствия. Пенсионные же правоотношения возникают на основе всей совокупности фактов: наступления определенного возраста, необходимого стажа, властного акта компетентного органа государства о назначении пенсии.

Таким образом, фактические составы с юридико-фактической стороны выражают наличие в праве «внутренних механизмов», опосредствующих движение, динамику правоотношений с учетом правовой активности субъектов, индивидуального регулирования общественных отношений.

В и д ы фактических составов отражают особенности факторов, их обуславливающих, их обеспечительные функции.

Прежде всего необходимо указать на деление фактических составов на виды в зависимости от того, предусматривают ли они наступление промежуточных правовых последствий, обеспечивающих интересы лиц, их правовую активность. Это деление по *характеру связи элементов состава.* Данная классификация включает виды составов: а) простые, б) сложные, в) смешанные.

Простые («свободные») – это комплексы фактов, между которыми существует «свободная», нежесткая связь; факты в составе могут накапливаться в любом порядке, важно лишь, чтобы в некоторый момент они оказались все вместе. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 85 ГК РСФСР приостановление течения срока исковой давности наступает в силу сле-

дующего комплекса фактов (причем совершенно безразлично, в каком порядке они накапливались): нахождение истца или ответчика в составе Вооруженных Сил СССР + переводение этих сил на военное положение + течение последних шести месяцев срока исковой давности. По сути дела этот вид фактических составов довольно близок к сложным юридическим фактам. Причиной существования таких составов является лишь разнородность фактов. Каких-либо промежуточных последствий наступившая часть состава не порождает.

Сложные («связанные») — это системы фактов, между которыми существуют взаимообусловленность, жесткая зависимость; факты в составе должны накапливаться в жестком, строго определенном порядке¹. Здесь элементы состава должны следовать один за другим в строгой, установленной нормами последовательности, причем наступившая часть состава открывает юридические возможности для накопления следующих элементов. Так, в соответствии со ст. 141 ГК РСФСР бесхозное обращение с домом открывает для исполкома юридическую возможность назначить собственнику срок для ремонта, что, в свою очередь, открывает юридическую возможность для накопления следующего элемента и т.д. Этот вид состава нацелен на то, чтобы с юридико-фактической стороны обеспечивать интересы заинтересованных лиц, по мере развития социальных связей открывать возможности для проявления их правовой активности. Наступившие части составов данного вида и порождают определенные промежуточные правовые последствия.

Смешанные — это системы фактов, связь между которыми является частично «свободной», а частично — жесткой, «связанной». Так, при пенсионном обеспечении до известного момента факты могут накапливаться в любом порядке (не имеет значения, наступит ли ранее пенсионный возраст или же приобретен необходимый стаж), а затем факты должны накапливаться в строго определенной последовательности — односторонний акт гражданина с заявлением о назначении пенсии + властный акт компетентного органа социального обеспечения.

Следующая группировка фактических составов отражает возможность (и пределы) индивидуального регулирования общественных отношений компетентными органами. Это деление по *степени опреде-*

---

¹ Теоретическое положение о необходимости разграничения фактических составов со свободным и строго установленным порядком накопления элементов, а также об известной независимости состояния связанности и вторичных (правообразовательных) правомочий, порождаемых частью составов второго вида, выдвинуто В.Б. Исаковым в дипломной работе «Фактический состав в механизме правового регулирования» (Свердловск, 1971. С. 36–39, 66).

ленности, — деление составов на: а) определенные и б) относительно определенные (или бланкетные)¹. Это деление составов соответствует одноименному делению юридических норм (гл. XIV).

Определенные — это составы (или отдельные юридические факты), все элементы которых предусмотрены в гипотезах юридических норм.

Относительно определенные (бланкетные) — это составы, которые не полностью предусмотрены в юридических нормах; в норме указаны лишь некоторые обобщенные признаки тех или иных фактических обстоятельств; юрисдикционным же органам предоставляется возможность в порядке индивидуального регулирования решать юридические вопросы, относящиеся к данным правовым последствиям с учетом конкретных обстоятельств дела. Следовательно, бланкетные составы характеризуются тем, что фактические обстоятельства, обобщенно указанные в норме, порождают юридические последствия лишь в совокупности с актом юрисдикционного органа. Например, фактический распад семьи приводит к расторжению брака лишь в совокупности с определением суда о разводе; уважительные причины пропуска срока исковой давности являются фактом, продолжающим срок исковой давности лишь в совокупности с определением суда по этому вопросу и т.д.

Наконец, по своему объему фактические составы могут быть подразделены на: а) завершенные и б) незавершенные.

Завершенные — это составы, в которых закончен процесс накопления юридических фактов. Они порождают полные юридические последствия — происходит возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Незавершенные — это составы, в которых процесс накопления юридических фактов не закончен. Они могут порождать лишь незавершенные, «промежуточные» правовые последствия.

Обстоятельства, относящиеся к ненаступившей части фактического состава, носят название *правопрепятствующих фактов* — фактов, препятствующих возникновению полных юридических последствий. К правопрепятствующим относятся также факты, которые «погашают» юридическую силу других фактов (например, недееспособность лица, заблуждение, обман, принуждение при заключении сделки).

В юридической литературе были предприняты попытки рассматривать правопрепятствующие обстоятельства как особую разновидность юридиче-

---

¹ На существование «бланкетных составов» указано О.А. Красавчиковым (*Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 73–75*).

ских фактов, существующую наряду с фактами, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению правоотношений¹.

Для такой квалификации правопрепятствующих фактов нет оснований. Они *не влекут* юридических последствий и поэтому не охватываются понятием «юридического факта»². Правопрепятствующие обстоятельства — это как бы «антиюридический» факт. Но, не причисляя правопрепятствующие обстоятельства к категории юридических фактов, следует иметь в виду, что их учет необходим при применении юридических норм. В частности, при определении основания иска должно быть установлено отсутствие правопрепятствующих фактов.

9. Правовые последствия, порождаемые незавершенными фактическими составами. Правовые последствия, возникающие из части сложного фактического состава, имеют промежуточное, внутреннее значение; они обслуживают динамику правоотношения, действие его «внутренних механизмов». Выполнив свою временную миссию (обеспечив накопление следующих элементов состава и, следовательно, движение, динамику правоотношения), они сходят со сцены, уступая место конечным правовым последствиям, порождаемым фактическим составом в целом.

Правовые последствия, возникающие из части сложного фактического состава, таковы: а) правовая связанность, б) право на положительные действия.

П р а в о в а я с в я з а н н о с т ь. Это промежуточное правоотношение, выраженное в обязанности, которая направлена в основном на сохранение *status quo*, т.е. на обеспечение нормального, «естественного» развития сложного фактического состава. Ярким примером такой связанности является обязанность сторон условной сделки не способствовать и не препятствовать наступлению условия. Связанности корреспондирует право других лиц требовать соответствующего поведения, т.е. главным образом воздержания от действий. В некоторых случаях связанность имеет хотя и минимальный, но все же активный характер (поддерживать вещь, подлежащую передаче, в нормальном состоянии; предупредить продавца о правах третьих лиц на продаваемую вещь). Правовая связанность является наиболее общим правовым последствием, порождаемым частью фактического состава. Функция этого «промежуточного» правоотношения носит в основном обеспечительный ха-

¹ Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. Изд-во АН СССР, 1950. С. 34–35.

² Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. С. 172; а также: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 90.

ракти: оградить интересы заинтересованных лиц, гарантировать нормальный порядок возникновения главного правового последствия, т.е. последствия, порождаемого фактическим составом в целом.

Право на положительное действие. Это правомочие, которое дает возможность лицу проявить правовую активность — своим односторонним действием оказать влияние на развитие фактического состава. В отличие от правовой связанности, имеющей в основном охранительный характер, здесь обеспечивается возможность для субъектов проявить инициативу, волю, активность в проведении своих интересов.

Правомочия на положительное действие, возникающее из части фактического состава, имеют различную юридическую природу, неодинаковую юридическую силу.

Наиболее ярко характерные особенности данной разновидности промежуточных последствий проявляются в *секундарных (правообразовательных) правомочиях*. Те особенности секундарных правомочий, которые были отмечены ранее (гл. XVIII), обусловлены как раз тем, что рассматриваемое правомочие — например, право принять наследство, право на зачет и др. — призвано предоставить возможность лицу своим односторонним действием повлиять на развитие фактического состава и, следовательно, на развитие правоотношения. Осуществление секундарного правомочия само по себе, автоматически вводит в фактический состав новый, нередко завершающий элемент и тем самым порождает обязательные юридические последствия.

Вместе с тем в ряде случаев правообразовательное правомочие по сути дела выражает лишь возможность формирования начального или «серединого» элемента фактического состава. Таковы, в частности, правомочия, входящие в состав пассивной, административной и процессуальной правосубъектности (право на жалобу), правомочия, вытекающие из «свободной» части фактического состава (право на заявление о назначении пенсии). Здесь нет автоматического наступления юридических последствий при осуществлении правомочия: соответствующее одностороннее действие является лишь условием для последующего властного акта, совершаемого компетентным органом. Аналогичным образом в области гражданского права одностороннее действие (например, предложение заключить договор) порождает лишь секундарное правомочие (право на акцепт).

Своеобразные промежуточные правовые последствия складываются при формировании правоотношений, опосредствующих плановые хозяйственные процессы. Планово-договорные обязательства (поставки, подряда на капитальное строительство, грузовой перевозки) скла-

дываются на основе фактического состава, элементами которого являются плановый административный акт и гражданско-правовой договор. На основании одного лишь планового акта возникают только промежуточные правовые последствия, в частности при поставке продукции и подряде на капитальное строительство — право и обязанность исполнителей планового задания заключить договор. Следовательно, то, что в науке гражданского права рассматривается как «обязательство заключить договор» и подчас трактуется в качестве вполне самостоятельного обязательства, на самом деле является лишь правовым последствием незавершенного фактического состава — промежуточной стадией формирования обязательства поставки и подряда на капитальное строительство. Осуществление этого «промежуточного обязательства» и приводит к завершению соответствующих составов в целом.

Таковы два ряда правовых последствий, порождаемых частью сложного фактического состава. Обладая некоторыми общими чертами и в определенной мере взаимодействуя, они вместе с тем представляют собой самостоятельные правовые явления, каждое из которых обладает своеобразными функциями и своим, особым содержанием. Поэтому вряд ли можно признать плодотворными попытки увидеть в указанной выше «связанности» коррелят секундарному правомочию как таковому: последнее, как было показано ранее, для своего осуществления не нуждается в обеспечении обязанностью; оно соотносится со «связанностью» через сопряженное с секундарным правомочием право требования (гл. XVIII).

В советской юридической литературе обосновываются и иные взгляды на фактический состав, а также на юридическую природу его промежуточных правовых последствий.

Так, по мнению С.Ф. Кечекьяна, далеко не весь фактический состав имеет юридическое значение; юридическим фактом, с его точки зрения, является только последний факт состава, который и порождает правоотношение: «Юридически релевантный фактический состав шире той его части, которая именуется юридическим фактом»¹.

Нетрудно заметить, что позиция, отстаиваемая С.Ф. Кечекьяном, сориентирована лишь на одну из разновидностей фактического состава с несложной, элементарной структурой (простые составы) и не может претендовать на всеобщее значение. Видимо, поэтому взгляд С.Ф. Кечекьяна встретил в литературе серьезные возражения².

¹ Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. С. 162.

² Толстой Ю.К. К теории правоотношения. С. 16–17; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 253.

Сходную позицию занимает О.А. Красавчиков. По его мнению, незавершенный фактический состав не может влечь каких-либо правовых последствий. Связанность же оферента своим предложением рассматривается автором в качестве правоотношения предварительного, служебного характера¹. Несмотря на то что О.А. Красавчиков, как и С.Ф. Кечекьян, строит общее понятие фактического состава лишь на основе одного из его видов, отстаиваемая им идея о том, что предварительная связанность по своей юридической природе представляет собой правоотношение, заслуживает поддержки.

С точки зрения Ю.К. Толстого, «наступление части юридического состава лишь тогда вызывает действительные правовые последствия, когда одним из элементов состава является правоотношение»². Автор подробно не аргументирует этого положения. Но из примера, приведенного в другой связи, видно, что он фактически признает существование незавершенных правовых последствий в виде отдельных правомочий. Разбирая указанную выше позицию С.Ф. Кечекьяна и отмечая, что «ошибка С.Ф. Кечекьяна связана с недооценкой им значения юридических составов в образовании правоотношений»³, автор затем анализирует фактический состав, порождающий обязанность освободить специальное жилое помещение. В этот состав, пишет Ю.К. Толстой, следует включать не только прекращение трудовых правоотношений, но и помимо иных фактов также и то, что «наймодателем заявлено требование об освобождении помещения...»⁴. Значит, уже из части состава возникает правомочие наймодателя заявить требование об освобождении помещения, а осуществление этого правомочия и истечение месячного срока приводят к завершению состава — к возникновению «полных» правовых последствий.

Правильную в принципе позицию по рассматриваемому вопросу занимают О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский. Они пишут: «Когда для возникновения субъективного права требуется не отдельный юридический факт, а их известная совокупность (юридический состав), то наступление уже некоторых фактов, входящих в данный состав, может вызвать определенный эффект»⁵.

Правда, авторы не дают достаточно точной характеристики этого эффекта (не учитывая при этом, как в свое время и автор этих строк, существования простых составов). Но когда они утверждают, что «наступившая часть юридических фактов иногда создает возможность породить своим действием правоотношение не для всех, а лишь для данного лица»⁶, то по сути дела указанная возможность и есть отдельное правомочие, которое может быть названо секундарным (правообразовательным).

---

¹ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 59–60.

² Толстой Ю.К. К теории правоотношения. С. 17.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 254.

⁶ Там же. С. 258.

В последнее время все более утверждается мысль о том, что ключом к правильному пониманию юридической природы правовых последствий, возникающих из незавершенных фактических составов, является дифференцированный подход к последним. В этом направлении идут рассуждения А.В. Мицкевича, который правильно указывает на то, что по рассматриваемому вопросу «не может быть дано одного общего ответа»¹. Как уже отмечалось, существенный шаг в этом же направлении сделал В.Б. Исаков, разграничивший два основных вида составов по способу накопления юридических фактов. Следует лишь иметь в виду, что простые составы, отдельные части которых не порождают каких-либо правовых последствий, по сути дела представляют собой «низшую» их разновидность, весьма близкую по строению к сложным юридическим фактам. «Развитые» же фактические составы — составы, представляющие собой «систему» фактов в строгом смысле, — обладают жесткой структурой и это сопряжено как раз с тем, что часть состава порождает промежуточные правовые последствия.

---

¹ Общая теория советского права. С. 307. Здесь же правильно обращено внимание и на то, что «категория правовой связанности» имеет значение для отличия этого вида «незавершенных прав» от обязательственных, но не говорит о наличии особых последствий, не являющихся правами или обязанностями (С. 308).

ГЛАВА XXI

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

1. Понятие юридической ответственности. Ее функции и место в механизме правового регулирования. Юридическая ответственность — это *обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение.*

Юридическая ответственность представляет собой разновидность более широкого общественного явления — морально-политической (общесоциальной) ответственности.

Морально-политическая ответственность может быть охарактеризована в качестве осознанной и воспринятой лицом социальной необходимости выполнения долга, всей суммы лежащих на лице обязанностей — политических, правовых, моральных, внутрисоюзных и др. Именно в этом смысле понятие ответственности употребляется в партийных и государственных документах (например, «воспитание чувства ответственности», «повышение ответственности за выполнение планов и заданий» и т.д.). Ответственность в таком широком морально-политическом смысле имеет прежде всего «активный аспект» — неуклонное, строгое, предельно инициативное осуществление всех обязанностей, в том числе обязанностей, получивших юридическое выражение и закрепление. Входит в нее также и «ретроспективный аспект» — неизбежность «ответа» за неисполнение обязанностей, претерпевания неблагоприятной реакции общества, партии, государства за допущенные лицом нарушения, упущения, недостатки¹.

Юридическая ответственность является *своеобразной разновидностью* морально-политической (общесоциальной) ответственности. Главные черты этого своеобразия заключаются в том, что она:

---

¹ О разграничении активной и ретроспективной ответственности см.: *Самощенко И.С., Фарушкин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. С. 6–11.

Вместе с тем, на мой взгляд, представляется неточным рассмотрение активной и ретроспективной ответственности в качестве самостоятельных (хотя и «тесно связанных между собой») явлений. Общесоциальная, морально-политическая ответственность необходимо охватывает оба указанных аспекта. Причем и в своем активном аспекте она связана с правом — включает осознанную и воспринятую необходимость строжайшего соблюдения и выполнения юридических обязанностей, т.е. включает начала социалистической законности.

во-первых, имеет только ретроспективный аспект, т.е. представляет собой «ответ» за прошлое поведение — правонарушение (в области права ответственность в активном ее аспекте получила особое выражение: она выступает в виде законности¹);

во-вторых, носит государственный характер, т.е. представляет собой реализацию правоохранительной государственной деятельности, государственно-властного принуждения²;

в-третьих, обладает особенностями правового явления, включается в механизм правового регулирования, связано с правовыми категориями — санкциями, обязанностями и др.

Вместе с тем эти черты своеобразия не устраниют того общего, глубинного, что свойственно юридической ответственности как составной части морально-политической ответственности в целом. Во всех случаях она остается осознанной и воспринятой социальной необходимостью выполнения лицом своего долга. И это проявляется в ее особенностях как правового явления (в частности, в неразрывном единстве юридической ответственности и общественного осуждения, вины).

Признаки юридической ответственности как *правового* явления таковы:

1) По своему содержанию юридическая ответственность — это *применение к лицу мер государственно-принудительного воздействия — санкций преимущественно штрафного характера*. Например, уплата сумм неустойки или возмещение убытков, на первый взгляд, представляют собой «обычное» исполнение положительной обязанности, казалось бы, ничем не отличающейся от исполнения обязанности по денежным обязательствам. На самом же деле здесь перед нами «претерпевание», характерное для правовой ответственности. И это происходит потому, что уплата сумм неустойки или убытков осуществляется в качестве государственно-принудительной меры воздействия — санкций преимущественно штрафного характера³.

2) По своему непосредственному выражению юридическая ответственность — это *претерпевание*. Претерпевание состоит в том, что для

---

¹ Вот почему нельзя согласиться с В.Г. Смирновым, который и по отношению к юридической ответственности пытается разграничить «два аспекта» (Смирнов В.Г. *Функции советского уголовного права*. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 78).

² Государственная природа юридической ответственности подробно обоснована в литературе (Галаган И.А. *Административная ответственность в СССР* (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 24 и сл.).

³ Слово «мера» применительно к санкциям используется в ином смысле, чем в отношении субъективных прав и обязанностей. Здесь и в последующем оно понимается как средство государственно-принудительного характера.

правонарушителя наступают известные штрафные отрицательные последствия — лишения личного, имущественного или организационного характера, — последствия, которые он должен «принимать», «сообразовывать с ними свое поведение». «...Если бы, — пишут О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, — ответственность сводилась только к осуществлению в принудительном порядке обязанности, которая и ранее лежала на правонарушителе, у последнего не было бы никаких сдерживающих юридических мотивов к тому, чтобы не совершать правонарушений, так как исполнить лежащую на нем обязанность он должен независимо от того, последует или не последует привлечение к ответственности»¹.

Иными словами, в рассматриваемом признаке проявляется особенность юридической ответственности как средства воздействия на правонарушителя. Вот почему, в частности, не является ответственностью изъятие имущества у добросовестного приобретателя в пользу собственника, принудительное исполнение юридической обязанности и др. Не принадлежат к ответственности и те случаи применения государственного принуждения, когда юрисдикционные органы решают вопрос о расторжении брака, назначении алиментов, разделе общей собственности и т.д.

3) По своему основанию юридическая ответственность — это реакция, «ответная мера» *за совершенное правонарушение*, т.е. за виновное противоправное действие, приносящее вред социалистическому обществу. Именно особенности правонарушения как виновного, социально вредного (и, следовательно, социально опасного) деяния и определяют особенность реакции государства — применение санкций, связанных с претерпеванием правонарушителем определенных лишений. Данный признак юридической ответственности имеет существенное значение и для решения практических вопросов. Дело в том, что к лицам в ряде случаев могут быть применены и иные государственно-принудительные меры, не являющиеся мерами ответственности. Большинство из них также связано с правоохранительной деятельностью социалистического государства. Таковы принудительные меры медицинского характера, предусмотренные ст. 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; обеспечительные меры — обыск, опись и арест имущества, выемки и т.п. Меры государственно-принудительного характера, не охватываемые понятием ответственности, могут быть и не связаны с правоохранительной деятельностью государства (например, реквизиция). Во всех этих слу-

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 318.

чаях государственно-принудительные меры не являются реакцией на совершенное правонарушение. Они характеризуют содержание властных правомочий, являющихся мерами защиты, превентивными мерами, или даже входящих в содержание регулятивных правоотношений.

Функции юридической ответственности обусловлены ее социальной природой и юридическими особенностями, и прежде всего тем, что она является реакцией государства на правонарушение – виновное, социально вредное деяние.

В соответствии с этим главной, основной функцией правовой ответственности является *штрафная, карательная*¹. Она направлена на то, чтобы обеспечить предупреждение (превенцию) возможности совершения новых правонарушений. Применение мер государственно-принудительного воздействия к данному лицу «настраивает» его против новых правонарушений (частная превенция). Вместе с тем возможность применения мер государственно-принудительного воздействия способствует выработке у лиц, зараженных антиобщественной психологией, мотивов к соблюдению юридических норм (общая превенция). Таким образом, правовая ответственность, включаясь в механизм правового регулирования через охранительные правоотношения (на стадии их реализации), действует в основном через правосознание, через «психологический механизм» выработки мотивов правомерного поведения, привычки соблюдать нормы права.

Как средство штрафного, карательного воздействия, правовая ответственность играет существенную роль в воспитании, переделке сознания людей. Наступающие при ответственности лишения («кара») не являются самоцелью. Штрафной, карательный элемент государственно-принудительных мер воздействия выступает в качестве средства, при помощи которого достигается общая и частная превенция, борьба с пережитками прошлого.

Наряду со штрафной, карательной функцией правовая ответственность выполняет в ряде случаев еще одну функцию – *правовосстановительную*. Эта функция не имеет общего значения и не распространяется на все меры государственно-принудительного воздействия. Она свойственна главным образом мерам воздействия в области имущественных отношений, и прежде всего гражданско-правовым санкци-

---

¹ Правильную мысль высказывает С.Н. Кожевников, когда пишет, что «суть ответственности проявляется не в том, что она сопровождается вообще какими-либо лишениями, а в том, что эти лишения носят штрафной характер и направлены на личность правонарушителя» (Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 12).

ям. Большинство санкций гражданского права органически сочетает штрафную и правосстановительную (компенсационную) функции. К ним относятся, в частности, возмещение правонарушителем убытков, уплата многих неустоек и др.

Меры юридической ответственности, выполняющие правосстановительную задачу, играют в механизме правового регулирования и дополнительную роль. Обязанность претерпевания государственно-принудительного воздействия выражена здесь не только в виде пассивного претерпевания государственного воздействия, но и в виде определенных положительных действий. Последние либо заменяют действия по прежней обязанности (например, возмещение убытков при неисполнении обязательства), либо присоединяются к ним (например, уплата неустойки при ненадлежащем исполнении обязательства). И в том, и в другом случаях в механизм правового регулирования включаются новые элементы, призванные обеспечить нарушенный интерес управомоченного.

Вместе с тем следует еще раз обратить внимание на то, что юридическая ответственность всегда выражается в особых, *в новых* обременительных для лица обязанностях (например, лишении ранее существовавшего права, лишении свободы и др.). Даже в случаях, когда правонарушитель, на которого возложена юридическая ответственность, не обязан совершать какие-либо положительные действия (в частности, в случаях дисциплинарной ответственности), он несет новую юридическую обязанность, состоящую в претерпевании известных лишений — личных, имущественных, организационных¹.

В последние годы понятие юридической ответственности получает все более углубленную разработку в советской правовой литературе.

Следует признать плодотворной главную линию, намечившуюся в этой разработке, — линию на характеристику юридической ответственности как применение к лицу санкций — мер государственно-принудительного воздействия, являющихся реакцией на совершенное правонарушение. «Юридическая ответственность, — пишут О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, — есть прежде всего санкция за правонарушение, последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения. Эта санкция выражается в применении мер принуждения к пра-

---

¹ Этого не учитывает И.С. Самошенко, по мнению которого, например, при дисциплинарной ответственности отсутствует присоединение к нарушенной обязанности новой (Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 420). Между тем при наложении «выговора», «предупреждения» и т.д. лицо, совершившее дисциплинарный проступок, становится носителем именно новой обязанности — обязанности претерпеть меру дисциплинарного воздействия.

вонарушителю. Иными словами, ответственность есть мера принуждения к соблюдению норм права, применяемая органами государства к тем, кем эти нормы нарушаются»¹. Близкую позицию по рассматриваемому вопросу занимает и И.С. Самощенко, который полагает, что ответственность представляет собой реализацию правовых санкций и, как правило, государственное принуждение к исполнению требований советского права². Такого же мнения придерживается и ряд других правоведов (О.Э. Лейст³, С.Н. Кожевников и Р.К. Русинов⁴ и др.).

В то же время в разработке понятия юридической ответственности определились и крайние позиции, стремление некоторых авторов придать той или иной черте ответственности доминирующее, а то и единственное, всепоглощающее значение. Так, высказан взгляд, в соответствии с которым на первое место в ответственности выдвинут психологический момент — момент «претерпевания», а с правовой стороны ответственность вообще «переведена» в сферу регулятивных отношений — правосубъектности, способности лиц⁵.

Надо полагать, что главная линия, намечившаяся в разработке понятия юридической ответственности (применение к лицу санкций за совершенное правонарушение), не только имеет для нашей науки важное теоретико-конструктивное значение, но и выражает последовательное воплощение в теории юридической ответственности существенных методологических принципов, отражает в самих юридических понятиях органическую связь права с государственным принуждением⁶.

Другой вопрос, что в пределах указанной выше единой линии вполне допустимо при определении ответственности делать ударение на той или иной стороне этого сложного, многогранного явления.

В конечном счете не имеет решающего значения, какой «элемент» правовой ответственности выдвинут в формулировках разных авторов на первый план — сами меры воздействия, реализация санкции, осуществление «права на наказание, взыскание» и т.д. Все упомянутые «элементы» с разных сторон отражают единое — содержание охранительного правоотношения, в рамках которого осуществляется ответственность.

¹ *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. С. 314.

² Общая теория советского права. С. 419–420.

³ *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. Госюриздат, 1962. С. 94.

⁴ Основы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 355.

⁵ *Горшенев В.М.* К вопросу о понятии юридической ответственности в советском праве // Вопросы теории советского права. Новосибирск, 1966. С. 38–46. Аргументированную критику этого взгляда см.: *Самощенко И.С., Фарушкин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. С. 44–48.

⁶ Ряд теоретически глубоких, полемически заостренных положений об ответственности в праве и ее важнейших характеристиках сформулирован в статье О.С. Иоффе «Вина и ответственность по советскому праву» (Советское государство и право. 1972. № 9. С. 34–43). Особый интерес представляют мысли автора о видах лишений, характерных для юридической ответственности (С. 39), и об условиях введения ответственности «без вины» (С. 33).

Вместе с тем, надо полагать, наиболее ярко специфические черты правовой ответственности выражаются в том случае, когда ее характеристика начинается с указания на *обязанность* претерпевания мер государственно-принудительного воздействия, т.е. обязанность «отвечать» за деликт.

Такой ракурс при определении юридической ответственности позволяет не только сразу же выделить ее решающую, сущностную черту (обязанность претерпевания государственно-принудительных мер), но и четко обрисовать ответственность как *юридическое* явление, причем как такое явление, которое существует *в рамках особого охранительного правового отношения*¹.

2. Юридическая ответственность и государственное принуждение. Санкции. Меры защиты. Государственное принуждение — это внешнее воздействие на поведение людей, основанное на организованной силе государства и обеспечивающее безусловное утверждение воли государства. Оно выступает в виде вспомогательного (в условиях социалистического общества) способа подавления отрицательных волевых устремлений отдельных субъектов для обеспечения подчинения этих лиц государственной воле.

Государственное принуждение и юридическая ответственность неделимы. Однако в юридической ответственности выражается не всякое и любое государственное принуждение (в определенных исторических условиях государственная принудительная деятельность может выражаться и в прямых актах революционного насилия, и в актах фактического принуждения). Юридическая ответственность опосредствует только *правовое* принуждение, т.е. такое принуждение, которое впитало в себя «правовые начала» — черты и свойства права. В сфере права принуждение отличается единством и всеобщностью, строгой регламентацией объема, оснований и процедуры применения принудительных мер и т.д. Оно является наиболее развитой разновидностью государственного принуждения, полностью соответствующей гуманистической природе социалистического общества, ленинским принципам государственного и правового строительства.

---

¹ Представляет существенный интерес высказанное в литературе мнение, в соответствии с которым правовую ответственность следует рассматривать как «определенное правовое состояние наказанного правонарушителя, его ущербный правовой статус» (Смирнов В.Н. Понятие дисциплинарной ответственности // Правоведение. 1969. № 3. С. 54). Вряд ли только оправдано противопоставлять такое определение юридической ответственности ее характеристике через юридическую обязанность. Ведь «ущербное правовое состояние» субъекта и выражается в несении им юридической обязанности по претерпеванию государственно-принудительных мер.

Указывая на единство юридической ответственности и правового принуждения, необходимо сделать еще одно уточнение. Юридическая ответственность является важнейшей (но все же — только) *разновидностью правового принуждения*. Помимо юридической ответственности существуют и другие способы правового государственного принуждения. К их числу относятся:

— *превентивные принудительные средства*, в том числе предупредительно-обеспечительные меры (обыски, выемка, наложение ареста), а также меры, выражающие предупреждение возможности причинения обществу необратимого вреда (профилактическое изъятие огнестрельного оружия у лиц, страдающих хроническим алкоголизмом и др.);

— *меры защиты (восстановления)*, включая специфические для административного права меры пресечения¹.

Все эти меры (средства), включая меры ответственности, охватываются понятием *санкции*. «Санкции», следовательно, это широкая категория, характеризующая всю систему средств правового принуждения. В этом смысле санкции являются необходимым элементом содержания всех охранительных правоотношений².

Сопоставляя разновидности правового принуждения, особо важно провести достаточно точные разграничительные линии между юридической ответственностью и мерами защиты (восстановления).

Указанные способы правового принуждения имеют определенные черты сходства. И юридическая ответственность, и меры защиты являются правовыми последствиями, порождаемыми неправомерными действиями. Причем эти последствия охватываются одним понятием — «санкции». И то, и другое в одинаковой степени может быть

---

¹ В литературе по административному праву вполне основательно различаются, с одной стороны, меры административного взыскания (ответственности), а с другой — меры административного пресечения и административные меры предупредительного характера (Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. Госюриздат, 1961. С. 52–53, 90 и сл.).

Более подробную классификацию мер государственного принуждения отстаивает и С.Н. Кожевников, который наряду с ответственностью, мерами предупредительного характера разграничивает меры защиты и меры пресечения (Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 9–11).

² Как видно из изложенного, термин «санкция» в юридической науке имеет несколько значений. Он обозначает одну из частей правоохранительных норм, а также государственно-принудительные меры, применяемые в случае правонарушения. Кроме того, термином «санкция» обозначается придание юридической силы нормативным актам. Термином «санкция», наконец, обозначаются некоторые индивидуальные акты (например, санкция прокурора на совершение принудительных действий).

охарактеризовано в качестве государственного принуждения к исполнению требований права¹.

Вместе с тем между юридической ответственностью и мерами защиты существуют качественные различия.

Прежде всего они разграничиваются по своим основаниям. Если основанием юридической ответственности является правонарушение (виновное, осуждаемое обществом деяние, приносящее вред обществу), то для применения мер защиты достаточно объективно противоправного действия — того, что под несколько иным углом зрения может быть названо «правовой аномалией», в том числе и отклонения от нормального порядка в области административного права². Иными словами, вина не входит в фактическое основание мер защиты; это основание ограничивается фактом нарушения права, интереса управомоченного.

Отсюда вытекает и различие в функциях и содержании рассматриваемых мер правового принуждения. Если главная функция юридической ответственности — штрафная, карательная (виновное лицо «держит ответ»), то функция мер защиты сводится к восстановительным задачам, к тому, чтобы обеспечить исполнение юридической обязанности, защиту права. Меры защиты могут быть охарактеризованы в качестве «первичных» правоохранительных санкций, имеющих ограниченную программу — «восстановление нарушенного (нарушаемого) правового состояния. «Образно выражаясь, мера ответственности преследует более глубокую, «стратегическую» цель: нравственно-психологическое преобразование сознания правонарушителя; непосредственная же цель меры защиты исчерпывается ее «тактическим» действием...»³. Здесь, при применении мер защиты, оказывается вполне достаточно одного только принуждения к исполнению возложенной на лицо обязанности или восстановления нарушенного (нарушаемого) состояния.

Меры защиты широко применяются в гражданском праве. Яркими примерами использования мер защиты являются принудительное изъятие вещи на основе виндикационного иска, исключение имущества из описи, «восстановление чести» по ст. 7 ГК РСФСР и др. Используют-

---

¹ Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 54.

² Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968. С. 7–8.

³ Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 38.

ся меры защиты и в других отраслях социалистического права. К числу мер защиты относятся, в частности, признание акта недействительным, меры пресечения в административном праве и т.п.

Надо, разумеется, видеть, что в определенной степени функции и содержание ответственности и мер защиты могут совпадать.

Так, при применении мер защиты определенное лицо (например, добросовестный приобретатель при изъятии у него вещи в порядке виндикации) также может претерпеть известные лишения личного или имущественного порядка. Но такого рода отрицательные последствия не являются «ответной реакцией» на правонарушение. Если подобные последствия и наступают, то это происходит «попутно». Главное здесь защита права, принадлежащего управомоченному, обеспечение его интересов.

Необходимо также учитывать своеобразие юридической ответственности и мер защиты, связанное с особенностями свойственных им методов в отдельных отраслях права. Это прежде всего касается гражданского права – отрасли, которая со стороны своих правоохранительных задач нацелена прежде всего на восстановление нарушенного состояния. Гражданско-правовая ответственность так же, как гражданско-правовые меры защиты, «приспособлена» для обеспечения не только штрафных, но и право-восстановительных функций. В некоторых гражданско-правовых санкциях (например, в возмещении убытков, выплате компенсационной неустойки) штрафная и компенсационная функции занимают, по-видимому, однопорядковое, «равное» положение. Этим в значительной степени и объясняется такое специфическое правовое явление, как «ответственность без вины».

Своеобразие меры защиты находит все большее признание в советской юридической литературе, причем не только в общетеоретической, но и в отраслевой (В.Д. Ардашкин, Ю.Г. Басин¹ и др.). И это вполне закономерно. Дифференцированный анализ средств правового принуждения позволяет глубже познать их специфические функции, заложенные в них программы, а отсюда дать верный ориентир и для решения ряда практически важных вопросов (в частности, для решения вопросов о соединении различных правоохранительных санкций, их замены друг другом, учета вины при их применении). Ведь именно с разграничением рассматриваемых разновидностей правового принуждения связано главное деление правоохранительных санкций на: а) штрафные и б) праввос-

---

¹ Басин Ю.Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (сборник материалов). Саратов, 1971. С. 32–37.

становительные. Причем имеет существенное практическое значение то, что штрафные санкции могут быть заменены мерами общественного воздействия, а правосстановительные не могут. Штрафные санкции в принципе устанавливаются за виновные правонарушения, а правосстановительные меры защиты могут быть применены за объективно-противоправные деяния; когда штрафные санкции не обеспечивают восстановления нарушенного состояния, широко допускается соединение штрафных и право-восстановительных санкций, т.е. соединение мер ответственности и мер защиты¹.

Против теоретической конструкции «меры защиты» высказаны и определенные возражения. Главным аргументом (кроме указания на некоторые неудачные примеры) является ссылка на то, что сторонники «мер защиты» дают различное объяснение отрицательному реагированию государства «на одни и те же факты»². Но это же не так! Факты здесь разные: в одном случае правонарушение, в другом — объективно-противоправное деяние (правовая аномалия). Не выдерживает критики также утверждение, согласно которому и в случае мер защиты лицо претерпевает определенные лишения³. Многие меры защиты не связаны с претерпеванием (исключение имущества из описи, «восстановление чести», признание акта недействительным и др.). А главное — при применении мер защиты такой цели и не ставится. Государственное принуждение применяется здесь потому, что нет иного пути для защиты права, для восстановления нарушенного (нарушаемого) состояния; причем отрицательные последствия, которые могут наступить для лица, оказываются «попутными», вынужденными, лежащими вне сферы программы, заложенной в данной группе правоохранительных санкций.

Конечно, необходимо проанализировать то общее, что свойственно всем мерам правового государственного принуждения, выявить их особенности в качестве инструментов, обеспечивающих исполнение требований права. Но ведь это анализ только на уровне «первичных» правоохранительных санкций — санкций (мер защиты и мер ответственности), выполняющих восстановительные функции. Для такого анализа не требуется обособления правонарушения от «просто» неправомερных действий. С целью же выяснения глубинных, «стратегических» функций юридической ответственности нужно идти дальше, дифференцируя не только разновидности неправомερных действий, но и сообразно этому различные виды правового государственного принуждения.

3. Юридическая ответственность и охранительное правоотношение.

Юридическая ответственность представляет собой правовое явление

---

¹ Необходимость деления санкций на правосстановительные и штрафные получила широкое обоснование в книге О.Э. Лейста «Санкции в советском праве» (Госюриздат, 1963. С. 102–184). Автор, однако, отождествляет «санкции» с мерами ответственности.

² Общая теория советского права. С. 421; Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 60.

³ Общая теория советского права. С. 421.

(последствие), которое *существует и реализуется в рамках особого, охранительного правового отношения*. Выражение «возложить юридическую ответственность» означает установление правовой обязанности претерпевать, «принимать» воздействие государственно-принудительного характера, а выражение «нести ответственность» означает исполнение, реализацию этой обязанности по правоотношению.

Характеристика юридической ответственности (а также всех других средств государственного принуждения) *через* категорию охранительного правоотношения является чрезвычайно важной по ряду существенных моментов.

Прежде всего юридической ответственности может быть найдено четкое и определенное место в общей системе правовых явлений. В качестве узловых категорий, выражающих механизм правового регулирования, выступают такие понятия, как «право», «правоотношения», «правовые акты». Одна из них (категория «правоотношения») может быть использована и для характеристики юридической ответственности.

С большей четкостью может быть определено и содержание правовой ответственности. Когда, например, утверждается, что правовая ответственность это «санкция за правонарушение», «применение и осуществление санкции» и т.д., то подобные положения, в общем правильные, все же не вскрывают содержание правовой ответственности при помощи общих юридических понятий.

Рассмотрение же юридической ответственности как такой «санкции за правонарушение», которая осуществляется в рамках правоотношения, позволяет определить ответственность как своеобразную обязанность и тем самым раскрыть юридическое существо правовой ответственности. Тем более что при таком подходе сразу же подчеркивается значение ответственности как обязанности и, следовательно, правовой меры, сопряженной с лишениями, носящими штрафной, карательный характер.

И, наконец, самое главное, что имеет социально-политическое значение при характеристике правовой ответственности. Если юридическая ответственность, а также иные средства государственного принуждения существуют и реализуются в рамках правоотношений, то это означает, что осуществляемое органами социалистического государства принудительное воздействие опирается на прочные *правовые основания*. Иными словами, категория правового отношения реально выражает то обстоятельство, что перед нами правовое принуждение, воплощающее все то ценное, что свойственно правовым началам

в жизни социалистического общества, — гуманизм и справедливость, всеобщность и строгую определенность и т.п.

Освещение юридической ответственности через охранительное правоотношение дает возможность правильно определить и правовое положение носителя ответственности — правонарушителя. Его положение не исчерпывается одним лишь претерпеванием мер государственно-принудительного воздействия. Правонарушитель несет по охранительному правоотношению определенные, подчас довольно жесткие обязанности штрафного характера, но он является не объектом государственно-правового воздействия, а именно субъектом правоотношения. Он вправе требовать, чтобы применяемые к нему меры воздействия реализовались в объеме и порядке, предусмотренных в нормах права. Он выступает в ряде случаев в качестве носителя правомочий, имеющих дополнительный характер (например, правомочий, основанных на нормах исправительно-трудового права). Аналогичным образом должно быть оценено правовое положение лиц, в отношении которых применяются меры защиты, а также превентивные принудительные меры. Таким образом, характеристика правовой ответственности в неразрывной связи с правоотношениями способствует утверждению начал социалистической законности в такой важной области деятельности государственных органов, какой является применение государственного принуждения.

Отмечая тесную связь, единство между охранительным правоотношением и юридической ответственностью, было бы неверным, однако, отождествлять эти правовые явления. И дело не только в том, что в рамках охранительного правоотношения реализуются и все другие средства государственного принуждения (превентивные принудительные меры, меры защиты).

Юридическая ответственность — это *особое правовое явление*, которое выражает *содержание* охранительного правоотношения, да притом взятого лишь в определенном аспекте. Охранительное правоотношение, как и любое правовое отношение, складывается из ряда элементов. Юридическая же ответственность характеризует юридическое и материальное содержание охранительного правоотношения главным образом с точки зрения положения правонарушителя, его обязанностей, возникающих вследствие совершенного правонарушения.

В связи с этим важно подчеркнуть, что в ряде случаев правовая ответственность *возникает лишь на определенной стадии развития охранительного правоотношения*. Так, уголовные правоотношения возникают в момент совершения преступления, а уголовная ответствен-

ность — лишь после того, как данное охранительное правоотношение (в результате расследования преступления, разбирательства уголовного дела и вынесенного по делу обвинительного приговора) полностью развернулось, конкретизировалось. В сущности, юридическая ответственность выражает *реализующееся, осуществляемое* охранительное правоотношение, т.е. правоотношение в таком его состоянии, когда в его рамках *реально* применяются санкции, а правонарушитель *фактически несет* юридические обязанности по претерпеванию определенных лишений штрафного характера. В юридической ответственности уже проявляется материальное содержание охранительного правоотношения — санкции. Оно, стало быть, представляет собой единый сплав материального и юридического содержания.

Таким образом, охранительное правоотношение — категория более широкая и емкая, нежели категория юридической ответственности. В то же время юридическая ответственность более богатое явление; оно выражает глубокие основания и «стратегические» задачи правового регулирования в случаях, когда государство реагирует на правонарушения — виновные, социально вредные противоправные действия. Юридическая ответственность потому и обособилась как самостоятельное правовое явление, что она характеризует юридическую обязанность по претерпеванию, нацеленную на обеспечение нравственного преобразования психики правонарушителя.

4. Юридическая ответственность и общественное осуждение правонарушителя. Ответственность «без вины». Юридическое своеобразие ответственности, выполняемые ею «стратегические», нравственно-психологические цели органически связаны с тем, что юридическая ответственность устанавливается за *правонарушение*. Правонарушитель здесь потому и претерпевает принудительные меры штрафного характера, что он виновен: он мог противостоять действию объективных обстоятельств, но он не сделал этого, а, напротив, противопоставил себя обществу, с пренебрежением отнесся к нормам общественной жизни, к правам и интересам других лиц или даже намеренно пошел на совершение антиобщественного поступка (гл. XX).

А это значит, что юридическая ответственность *включает в свое содержание общественное (юридическое и государственное) осуждение правонарушителя*. Общество осуждает правонарушителя (ибо он виновен!). И потому правонарушитель «держит ответ» — несет юридическую ответственность. Таким образом, в основаниях и содержании юридической ответственности реально выражается ее принадлежность к морально-политической (общесоциальной) ответственности, один из ка-

налов ее связи с нравственностью в социалистическом обществе. Глубокие социальные основы юридической ответственности (связь ее со свободой воли¹), ее воспитательная, превентивная роль, ее цели — все это предопределяет такую трактовку юридической ответственности, когда она рассматривается в качестве юридической обязанности претерпевания государственно-принудительных мер, устанавливаемых за виновное противоправное действие.

Именно так (в единстве с общественным осуждением) и понимается в большинстве случаев юридическая ответственность в законодательстве, на практике, в правовой науке. С особой последовательностью такой линии придерживается уголовное законодательство, которое виды и объем наказания за преступление соотносит прежде всего с видами, характером и степенью вины. По этой же линии идет и гражданское законодательство, которое в последнее время в общей форме указало на вину как на элемент основания гражданско-правовой ответственности (ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Такова общая линия, общая тенденция, выражающая глубокие основания и цели юридической ответственности, ее связь с общественным осуждением.

Вместе с тем в законодательстве и в юридическом мышлении сохраняется конструкция ответственности «без вины». Подчеркнув, что речь идет не о термине², а о конструкции, т.е. о штрафном характере построения принудительных мер (термином «ответственность» в законодательстве нередко обозначаются обязанности³), надо сразу же оговориться, что такого рода конструкция встречается в основном в области гражданского права. И это, думается, сразу же должно прояснить суть проблемы. Ведь именно в гражданском праве санкции подчас «на рав-

---

¹ *Фарушкин М.Х.* Свобода воли и юридическая ответственность // Вестник МГУ. Сер. 10: Право. 1965. № 1. С. 14 и сл.

² В литературе были сделаны попытки связать понятие ответственности с используемой в области правоохранительной деятельности государственных органов терминологией. По мнению Г.К. Матвеева, «судебно-арбитражная практика не дает повода изменять давно установившуюся терминологию. Перед судом и арбитражем одинаково «отвечают» все, хотя среди ответчиков есть и невиновные лица, а также такие лица, действия которых не находились в необходимой связи с ущербом, либо же лица, вообще не причинившие никакого реального ущерба или же причинившие его правомерно» (*Матвеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. С. 7). См. обоснованные возражения против такого подхода О.А. Красавчикова (Правоведение. 1971. № 1. С. 123–124).

³ *Самощенко И.С., Фарушкин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. С. 43.

ных» сочетают штрафные и компенсационные задачи. Таковы, в частности, возмещение убытков, компенсационные неустойки. И поэтому в некоторых случаях во имя сохранения единства в содержании правового регулирования (например, в случаях возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности; взыскания штрафов за невыполнение месячных планов на железнодорожном, водном и морском транспорте) используется конструкция ответственности, хотя государственно-принудительные меры нацелены прежде всего на обеспечение компенсационных функций.

Стало быть, по чисто практическим соображениям в нынешних условиях иногда невозможно ограничить ответственность только случаями «чистых» виновных правонарушений. В современных условиях еще имеет право на существование понятие ответственности «без вины».

Однако, надо полагать, такое положение является временным. Существование конструкции ответственности «без вины» связано не только с наличием указанных выше «пограничных» санкций (в общем-то не очень многочисленных), но и с укоренившейся традицией, господствовавшими ранее представлениями, сводившими все средства государственного принуждения к одной лишь ответственности. Существенную роль должно сыграть здесь утверждение категории «меры защиты». Не случайно в последнее время даже возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности (наиболее часто приводимый классический пример ответственности «без вины») получает объяснение через иные категории¹ и, в частности, через конструкцию мер защиты². Некоторые же другие случаи ответственности «без вины» могут, думается, получить трактовку с точки зрения общих оснований ответственности³.

В настоящее время в юридической литературе многие авторы связывают юридическую ответственность только с виновным противоправным деянием, с общественным осуждением⁴. При этом отдельные авторы возражают про-

¹ Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. С. 139 и сл.; Малеев Н.С. Вина — необходимое условие имущественной ответственности // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 28—35.

² Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 13 и сл.

³ Такая попытка была предпринята, в частности, в работе «Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов» (Госюриздат, 1959. С. 128 и сл.).

⁴ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. С. 318, а также: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1968. С. 221—222 (глава М.Д. Шаргородского).

тив самой постановки вопроса об ответственности «без вины»¹. В принципе эти возражения основательны. Однако не следует упускать из вида особенности существующих мер государственно-принудительного воздействия в области имущественных отношений, а также сложившиеся на практике и в науке представления. Мало категорически заявить: «Ответственность, не основанная на вине, не есть ответственность». Нужно, чтобы такого рода представления утвердились в законодательстве, на практике и в науке. А для этого необходимо, чтобы все другие случаи применения мер государственно-принудительного воздействия за правонарушение получали иное нормативное решение, теоретическое истолкование и терминологические обозначения, в частности через категорию мер защиты.

Как видно из изложенного, особые трудности при характеристике понятия ответственности возникают применительно к гражданскому праву. Ведь даже ст. 37 Основ допускает ответственность без вины (ответственность наступает за вину, «кроме случаев, предусмотренных законом или договором»).

Видимо, решающим фактором явится здесь углубление наших теоретических представлений о средствах правового принуждения, внесение необходимой четкости в терминологию, а также уточнение ряда конструкций, используемых в гражданском законодательстве².

5. Основания юридической ответственности. Юридическая ответственность так же, как и иные виды правовых последствий, возникает в силу предписаний норм права на основании правообразующих юридических фактов³.

Фактическим основанием юридической ответственности (при самой общей характеристике) является *правонарушение* — виновное, социально вредное деяние деликтоспособного лица.

Без правонарушения нет юридической ответственности. Это принципиальное положение, соответствующее социальной и правовой природе правового принуждения, является главным и определяющим, непосредственно выражающим требования социалистической законности.

Однако при решении практических вопросов одного лишь указания на правонарушение как на фактическое основание юридической ответственности оказывается недостаточным. Правонарушение как

---

¹ Шаргородский М.Д., Керимов Д.А., Толстой Ю.К. Рецензия на сб. «Вопросы общей теории советского права» // Советское государство и право. 1961. № 7. С. 142.

² Интересные соображения об особенностях гражданско-правового принуждения (включая гражданско-правовую ответственность) в связи со своеобразием метода гражданского права высказаны В.Ф. Яковлевым (*Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 112 и сл.).

³ О смысловом значении «основания ответственности» см.: Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 70–72.

такое является правообразующим фактом только для возникновения охранительного правоотношения. Юридическая же ответственность наступает по большей части лишь после известного «внутреннего развития» правоотношения, после вынесения компетентным органом правоприменительного акта, например, вынесения судом обвинительного приговора по уголовному делу. Причем правовое значение приобретает здесь большое количество разнообразных жизненных обстоятельств, в том числе особенности деликтоспособности (вменяемости) данного лица, своеобразии и значении регулируемых отношений, факты, характеризующие личность правонарушителя, разного рода извинительные обстоятельства и т.д. Да и само правонарушение оказывается сложным фактом, имеющим с объективной и субъективной сторон ряд характеристик (элементов).

Таким образом, при более детализированном подходе выясняется, что фактическое основание юридической ответственности образует значительное число жизненных фактов, ядром которых является правонарушение. Эти жизненные факты объединяются в два основных звена:

- а) состав правонарушения,
- б) правоприменительный акт.

С о с т а в п р а в о н а р у ш е н и я. Это фактическая конструкция, выражающая главные стороны (элементы) правонарушения, а также наличие общей предпосылки ответственности – правосубъектность (деликтоспособность правонарушителя) и особенности предмета правовой охраны – объект правонарушения. Таким образом, состав правонарушения – это конструкция обобщающая, широкая; она вбирает не только элементы самого правонарушения, но и ряд других существенных фактов, предопределяющих юридическую ответственность (что, помимо прочего, устраняет необходимость специального выделения общих юридических оснований ответственности, в частности правосубъектности).

Состав правонарушения – такое звено фактического основания, без которого не возникает охранительного правоотношения и, следовательно, отпадает сама возможность юридической ответственности. К тому же в ряде случаев юридическая ответственность возникает только на основе одного факта правонарушения. Такова, в частности, деликтная ответственность в гражданском праве. Здесь основание ответственности по существу сводится к составу правонарушения. Но и во всех других случаях состав правонарушения является единственным фактическим основанием *для возложения* юридиче-

ской ответственности, т.е. единственным основанием для правоприменительных органов.

П р а в о п р и м е н и т е л ь н ы й а к т¹. Это решение правоприменительного органа, которым *возлагается* юридическая ответственность. Правоприменительный акт является завершающим фактом, который «приводит в действие» правоохранительное правоотношение и, следовательно, заканчивает накопление обстоятельств, необходимых для возникновения юридической ответственности.

Важно подчеркнуть, что правоприменительный акт среди обстоятельств, предопределяющих ответственность, не имеет всеобщего значения: некоторые разновидности ответственности возникают сразу же в силу факта правонарушения, и здесь привлечение к ответственности совпадает с ее осуществлением и производится самим управомоченным лицом. Далее, нужно отметить и то, что в системе фактов, предопределяющих юридическую ответственность, правоприменительный акт имеет зависимое положение: он призван прежде всего внести определенность в охранительное правоотношение, с предельной точностью констатировать факт правонарушения, его особенности субъекта правонарушения². В то же время он в пределах, установленных законом, конкретизирует содержание мер ответственности (например, устанавливает точную меру наказания). Иначе говоря, в правоприменительном акте, как бы в едином «фокусе», собираются все фактические обстоятельства, предопределяющие юридическую ответственность, и на их основании формулируется государственная воля об ответственности конкретного лица.

Через правоприменительный акт на правоотношение, складывающееся в области юридической ответственности, оказывает влияние еще одна группа фактических обстоятельств, которая называется **о с н о в а н и я м и о с в о б о ж д е н и я о т о т в е т с т в е н н о с т и**. Это обстоятельства, которые в соответствии с указаниями юридических

---

¹ *Галаган И.А.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 154–155.

² «Положение о том, что юридическая ответственность возникает с момента признания факта правонарушения и установления лица, его совершившего, отнюдь не противоречит правильному положению о том, что единственным в принципе ее основанием в советском обществе является совершение правонарушения. Из этого положения лишь следует, что основанием ответственности конкретного лица является не просто правонарушение, а *установленное* правонарушение с его стороны. Пока наличие в деянии конкретного лица конкретного правонарушения не установлено, ответственность этого лица невозможна» (*Самоценко И.С., Фарушкин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. С. 69).

норм выступают при издании правоприменительного акта в качестве фактических оснований для полного или частичного освобождения от юридической ответственности. Такими обстоятельствами могут служить решения директивных государственных органов об освобождении предприятий от ответственности за невыполнение обязательств, разнообразны извинительные обстоятельства и др.

Таким образом, если для данного вида отношений предусмотрены подобные обстоятельства, то юридическая ответственность связывается с двумя рядами фактов: с *наличием* состава правонарушения (положительный факт) и – через правоприменительный акт – с *отсутствием* оснований освобождения от ответственности (отрицательный факт). Следует, однако, иметь в виду, что в советском законодательстве выработаны такие приемы полного и частичного освобождения от ответственности, при которых сохраняется определенное государственно-правовое воздействие на правонарушителя. Так, при полном освобождении от уголовной, административной, дисциплинарной ответственности происходит переход к применению мер общественного воздействия (см. ст. 10, 51, 52 УК РСФСР, ст. 56 Основ Союза ССР и союзных республик о труде и др.). При частичном же освобождении от ответственности (например, в соответствии с нормами ст. 191, 458 ГК РСФСР) имеет место лишь уменьшение правоограничений¹.

Основания освобождения от ответственности являются обстоятельствами, которые приобретают реальную юридическую силу в сочетании с актом правоприменительного органа. Они, следовательно, являются своего рода ориентирами, которые указывают правоприменительным органам на факты, которые могут быть приняты во внимание при решении вопроса о необходимости возложения ответственности и об ее объеме. А это значит, что данная категория фактов (так же как и сложные фактические составы) связана с индивидуальным регулированием (усмотрением), осуществляемым компетентными правоприменительными органами на основании и в пределах юридических норм.

«Роли» между составом правонарушения и основаниями освобождения от ответственности распределены так: состав правонарушения призван обеспечить строгое проведение начал законности, неотвратимость ответственности, исключение произвола из сферы государ-

¹ Сухоруков Г.К. Основания правовой ответственности и освобождения от нее // XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы демократии и законности: Сборник ученых трудов. Свердловск, 1972. С. 159–167.

ственного принуждения; основания освобождения от ответственности призваны обеспечить учет разнообразных индивидуализированных обстоятельств, ориентиры для конкретизационных решений, область и рамки усмотрения.

Проблема оснований юридической ответственности нуждается в дальнейшем всестороннем обсуждении. Здесь необходимо найти такое конструктивное решение, которое бы позволило с достаточной полнотой отразить в четких юридических категориях всю сумму фактических обстоятельств, которые должны быть приняты во внимание при возложении юридической ответственности. Возможно, выделение в основании ответственности указанных звеньев (состава правонарушения, правоприменительного акта, а также оснований освобождений от ответственности) открывает путь к поиску наиболее оптимального варианта такого конструктивного решения. Вместе с тем, какие бы сложные очертания ни принимали теоретические положения об основаниях юридической ответственности, они не должны заслонять главного: *юридическая ответственность устанавливается за совершенное правонарушение* и поэтому решающая роль в системе фактов, предопределяющих юридическую ответственность, всегда остается за составом правонарушения.

Ряд трудных вопросов возникает при попытке рассмотреть основание юридической ответственности с точки зрения теории фактического состава, да притом такого, где одни из обстоятельств имеют значение положительных юридических фактов (состав правонарушения, правоприменительный акт), другие — отрицательных (основания освобождения от ответственности). Но все дело в том, что один из упомянутых основных элементов — правоприменительный акт — как бы «впитывает» в себя совокупность иных фактических обстоятельств — основания освобождения от ответственности (так что перед нами оказывается «многоэтажная» система со сложными связями). Что же касается другого основного элемента, то он не только имеет сложное строение, но и, строго говоря, является не фактическим обстоятельством, а своего рода «фактической конструкцией» (охватывающей, кроме юридического факта, момент правосубъектности и объект правонарушения). Не свидетельствует ли это о том, что в данном случае мы встречаемся с иным, более сложным соединением фактических и иных обстоятельств, нежели «обычный» фактический состав? И еще трудный вопрос: какова в данном случае связь объективных обстоятельств с субъективным фактором, выраженным в правоприменительном акте? Существуют ли эти обстоятельства *для права* независимо от правоприменительного акта? Или же, что, на мой взгляд, более вероятно, промежуточное правовое значение имеет лишь часть фактических обстоятельств: факты «возможного правонарушения», которые порождают правомочие у компетентных органов на рассмотрение и изучение всех обстоятельств дела и вынесение правоприменительного акта? Все эти вопросы нуждаются в изучении.

6. Порядок возложения юридической ответственности. Многообразие фактических обстоятельств, предопределяющих юридическую ответственность, требует учета существующих между ними связей, а отсюда установления *порядка*, в котором они приобретают юридическое значение при возложении ответственности, т.е. при вынесении компетентным органом правоприменительного акта.

В соответствии с началом социалистической законности юридическая ответственность может быть возложена на лицо лишь при наличии состава правонарушения. Поэтому в социалистическом праве действует *презумпция неотвечтственности*: лицо предполагается неотвечтственным до тех пор, пока отсутствуют необходимые и законные основания для применения к нему мер государственно-принудительного воздействия. Таким основанием является только состав правонарушения.

Презумпция неотвечтственности выражается в презумпции невиновности.

Презумпция невиновности — это предположение, согласно которому лицо (даже при наличии фактов, свидетельствующих о существовании объективной стороны правонарушения) предполагается невиновным до тех пор, пока не будет доказано противное. Презумпция невиновности последовательно применяется в тех областях права, где ответственность выражена в жестких карательных, штрафных санкциях, и прежде всего в уголовном праве. Она является важной гарантией неприкосновенности личности, одним из необходимых выражений социалистического правопорядка, социалистической демократии. Практическое значение презумпции невиновности состоит в том, что она освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность. Его вина должна быть доказана государственными органами, которые обладают необходимыми для этого средствами и возможностями. Если же вина лица не доказана, ответственность не наступает.

В гражданском праве действует другая презумпция — *презумпция виновности*. Согласно рассматриваемой презумпции лицо при наличии объективной стороны правонарушения предполагается виновным до тех пор, пока не будет доказано противное. В гражданском праве задача санкций состоит не только в штрафном воздействии, но и в том, чтобы восстановить нарушенное имущественное состояние, обеспечить интересы потерпевшего. Поэтому было бы несправедливым возлагать на потерпевшего обязанность по доказательству состава правонарушения в целом. И закон распределяет бремя доказывания между обеими сторонами: потерпевший доказывает факты, свидетельствующие

щие о наличии объективной стороны правонарушения, т.е. деяние, наличие материального вреда, причинную связь, а лицо, привлекаемое к ответственности, доказывает факты, свидетельствующие о том, что оно не могло предотвратить наступление вредоносных последствий, неисполнение обязанности, т.е. доказывает свою невиновность.

Таким образом, и презумпция виновности является гарантией социалистической законности: она облегчает защиту интересов потерпевшего в юрисдикционных органах. Вместе с тем она побуждает к определенной активности и причинителя материального ущерба. Не только потерпевший, но и причинитель обязаны представлять доказательства по делу. Это — с учетом активности суда или иного юрисдикционного органа — обеспечивает установление объективной истины, достижение целей социалистического правосудия по гражданским делам.

7. Виды юридической ответственности. Уже в предшествующем изложении дала о себе знать необходимость деления юридической ответственности на виды. Так, существенное значение имеют деления, разграничиваемые по порядку привлечения к юридической ответственности и по ее основаниям.

По порядку привлечения к ответственности различаются: а) ответственность, возлагаемая компетентными государственными органами, и б) ответственность, к которой правонарушитель привлекается непосредственно управомоченным.

К первому виду относится ответственность, характеризующаяся наиболее жесткими мерами государственно-принудительного воздействия (уголовная, административная). При этом здесь специально различается, во-первых, ответственность, возлагаемая судебными органами, и, во-вторых, ответственность, возлагаемая административными органами социалистического государства.

Ответственность, к которой правонарушитель привлекается самим управомоченным, встречается главным образом в гражданском, трудовом и колхозном праве. Здесь государственно-принудительный характер ответственности нередко выражен в «скрытом виде». Например, при добровольном возмещении причиненного вреда мера государственно-принудительного воздействия реализуется без деятельности соответствующих государственных органов.

С рассмотренным делением по существу совпадает и деление ответственности по ее *основаниям*.

Ответственность, к которой правонарушитель привлекается самим управомоченным, возникает непосредственно в силу факта правонарушения, т.е. одновременно с самим охранительным правоотношением.

Для возникновения же ответственности, к которой правонарушитель привлекается компетентным государственным органом, необходимо, кроме факта правонарушения, правоприменительный акт компетентного органа, устанавливающий вину правонарушителя, а в ряде случаев и определяющий точную меру государственно-правового воздействия (санкцию). Здесь же принимают во внимание основание освобождения от ответственности. Правовая ответственность этого вида возникает лишь на определенной стадии развития охранительного правоотношения.

Таким образом, различия между указанными видами правовой ответственности отражают в конечном счете тяжесть мер государственно-принудительного воздействия, функции ответственности. Там, где мера ответственности носит более жесткий характер, необходимо особо строгое проведение начал социалистической законности, а стало быть, и точное установление факта правонарушения, решение вопроса о соразмерности вины нарушителя и меры воздействия. Ответственность же, возникающая в силу факта правонарушения, выполняет в значительной степени правовосстановительную функцию. Но и в этом случае управомоченный может обратиться за защитой своего права в компетентные государственные органы, в частности в судебные органы, которые осуществляют тщательное исследование фактических обстоятельств правонарушения, а нередко с учетом обстоятельства дела конкретизируют и меру возмещения причиненного ущерба.

Главным делением юридической ответственности является классификация ее на виды в зависимости от того, к *какой отрасли права она относится*. В особенностях ответственности выражаются своеобразие того или другого метода правового регулирования, характерные черты данной отрасли права¹. Поэтому деление видов ответственности в зависимости от того, к какой отрасли права они относятся, является основным классификационным подразделением.

В социалистическом праве отчетливо выделяются такие виды ответственности: 1) уголовно-правовая; 2) административно-правовая; 3) дисциплинарная; 4) гражданско-правовая; 5) материальная ответственность рабочих, служащих, а также колхозников. В некоторых отраслях (в том числе в семейном праве, в отраслях процессуального права) ответственность хотя и имеет некоторые специфические черты, но все же не выкристаллизовалась в своеобразные виды.

---

¹ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 112 и сл.

Отмечая это обстоятельство (частично связанное с особенностями формирования отдельных основных отраслей), необходимо учитывать, что особенности отрасли выражаются не только в мерах ответственности, но и в других правоохранительных санкциях, во всей их системе.

Правоохранительные санкции той или иной отрасли (меры ответственности, меры защиты, превентивные средства) образуют *единую систему* отраслевых средств государственного принуждения. Особенности, свойственные данной отрасли, проявляются во всей этой системе, т.е. не только в каждом из видов санкций, но и в удельном весе каждого из них, в их соотношении между собой. Так, в уголовном праве санкции — это только меры ответственности; в гражданском праве значительную (а возможно, и преобладающую) роль играют меры защиты; административному праву характерно своеобразное сочетание мер ответственности, мер пресечения (защиты), превентивных средств; процессуальным отраслям — несколько иное соотношение этих санкций и т.д.

Таким образом, разграничивая отраслевые виды юридической ответственности, необходимо в то же время постоянно иметь в виду всю систему санкций данной отрасли, соотношение мер ответственности с другими отраслевыми средствами правового принуждения.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
Курс лекций

Том второй

Нормативные юридические акты. Применение права.
Юридическая наука (правоведение)

1973

Раздел третий. Нормативные юридические акты

ГЛАВА XXII

ПРАВOTВOPЧЕСТВО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Понятие правотворчества. Это *государственная деятельность, в результате которой воля государства возводится в закон, в нормы права.* По своему содержанию правотворчество представляет собой такую государственную деятельность, которая направлена на создание правовых норм, а также на их дальнейшее усовершенствование, изменение и отмену¹.

Общее определение правотворчества охватывает все формы и способы формирования права, в том числе санкционированный обычай, судебный или административный прецедент. В социалистическом обществе правотворчество связано с нормативными юридическими актами. Поэтому в социалистическом обществе правотворчество — это *государственная деятельность, направленная на выработку, издание и совершенствование нормативных юридических актов.*

Правотворчество выражает процесс формирования права. Но правотворчество и процесс формирования права (правообразования) нельзя отождествлять.

Формирование права включает в себя все этапы правообразования. Как уже отмечалось (гл. IX), в процесс правообразования входят: а) формирование воли народа, руководимого рабочим классом; б) ее юридическое изложение; в) придание ей качества действующих юридических норм. Правотворчество же охватывает деятельность соответствующих органов (государственных, а в некоторых случаях — общественных организаций) по возведению государственной воли в закон, по подготовке, изданию и совершенствованию нормативных юридических актов.

---

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 573.

В курсе указывается, что «можно определить правотворчество как форму государственного руководства обществом, завершающую процесс формирования права и отражающую социальные факторы этого процесса в виде возведения воли классов, стоящих у власти, в общеобязательные правила — правовые нормы» (С. 576. В тексте определение выделено курсивом. — С.А.); см. также: *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 69–74.

Иными словами, правотворчество начинается тогда, когда потребности общественного развития уже определились, воля народа в той или иной степени сформировалась и на этой основе в процесс правообразования вступают органы, правомочные на издание нормативных юридических актов.

Основные черты правотворчества состоят в следующем.

Правотворчество всегда является *активной* деятельностью государственных органов (а в некоторых случаях — общественных организаций). Если формирование воли народа до определенной степени может происходить стихийно (хотя в социалистическом обществе всегда сильно сознательное творческое начало, которое выражает прежде всего целенаправленную деятельность Коммунистической партии, ее научно обоснованную политику), то правотворчество на всех своих стадиях выражается в активных, «рассчитанных» действиях. Его конечный итог — издание нормативного акта, выраженного в письменном документе. Это именно творчество права, происходящее при наличии определенных объективных предпосылок.

Правотворчество представляет собой *государственную* деятельность. Даже в случае, когда нормативные юридические акты издают общественные организации, источником юридической силы актов является воля государства — та «санкция», которая исходит от компетентного государственного органа. Значит, правотворчество образует государственную монополию и относится к одному из проявлений государственного суверенитета.

Правотворчество — специальная деятельность, основным содержанием которой является *возведение государственной воли в закон*¹. Правотворчество не сводится только к организационным мероприятиям, связанным с прохождением законопроектов в правотворческих органах. Оно включает также юридическое изложение государственной воли в проектах нормативных актов и завершающую фазу формирования воли народа.

---

¹ На эту черту правотворчества (в отличие от правообразования) обратила внимание Л.И. Антонова (Некоторые вопросы теории правотворчества // Правоведение. 1963. № 3. С. 17).

Интересные соображения о функциях правотворчества высказаны В.М. Горшеневым. Он полагает, что «можно выделить *три* различные по своему характеру *функции* советского правотворчества: а) функцию обновления нормативно-правового материала; б) функцию восполнения пробелов в нормативно-правовом материале; в) функцию упорядочения действующего нормативно-правового материала» (Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 131).

Юридическое изложение (оформление) государственной воли, нуждающейся в правовом опосредствовании, состоит в переводе экономических отношений в юридические принципы¹. Перевод общественных, в частности экономических, отношений в юридические принципы или, как еще говорят, перевод отношений на «язык права» состоит в таком изложении государственной воли, при котором она формулируется в *качестве норм права*. При этом используются все средства юридической техники — юридические конструкции, особые формы изложения и построения норм права, юридическая терминология и др.

Здесь, таким образом, интеллектуально-волевым положениям, имеющим ценностно-ориентационный характер², *придаются свойства права*. Они: а) конструируются в качестве нормативных положений; б) закрепляются в виде точных, обычно детализированных правил; в) оснащаются необходимыми мерами государственно-принудительного обеспечения; г) ограничиваются при необходимости по своему действию во времени, в пространстве, по лицам; д) согласовываются с другими нормативными положениями с тем, чтобы в результате этого установить гармоническую правовую систему. Нормативное положение необходимо включить в проект того или иного нормативного акта, увязать его со всеми ранее изданными актами и прежде всего с актами обобщающего характера (основами, кодексами и др.).

2. Правотворчество как разновидность государственной деятельности (социального управления). По своему социальному содержанию правотворчество представляет собой *управленческую деятельность* — одну из разновидностей социального управления. Оно нацелено на то, чтобы

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

² А.Ф. Черданцев правильно отмечает: «В законотворческом процессе сочетаются познавательная и ценностно-ориентационная деятельности. Первая призвана обслуживать вторую. На основании познания действительности законодатель оценивает те или иные факты действительности, общественные отношения, поведение людей. В зависимости от их ценностной характеристики и оценки законодатель использует различные формы регулирования...» (Черданцев А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 21). Вместе с тем представляется неожиданным, не вытекающим из изложенного, завершающий вывод автора, противопоставляющий познавательную и ценностно-ориентационную деятельность. «...В нормах права, — пишет А.Ф. Черданцев, — фиксируется не познавательное, а ценностно-ориентационное отражение действительности». Да, в нормах права *фиксируется* ценностно-ориентационное отношение законодателя к действительности, но в них же, в юридических нормах, *отражается* и его познавательная деятельность. И поэтому *интеллектуальные моменты* в содержании норм права могут быть охарактеризованы с позиций истинности и ложности.

создать систему решений общего (программного) характера¹ — нормативную, «директивную» основу управления социальными процессами².

Вместе с тем правотворчество — это *специфическая* разновидность социального управления. Его своеобразие прежде всего состоит в том, что ему присущ государственно-властный характер. Причем это такая государственная деятельность, которая выражается в «творчестве права», в активных действиях, направленных на создание юридических норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение и отмену.

П р и н ц и п ы правотворчества выражают и общие начала, характерные для любой управленческой, государственной деятельности, и его своеобразные черты.

Как и всякая управленческая государственная деятельность в социалистическом обществе, правотворчество пронизано *ленинскими началами организации и деятельности социалистического государственного аппарата*. В этой плоскости особо важно указать на такие принципы, как: а) научный характер правотворчества, б) его демократизм, в) законность, г) интернационализм, д) связь с практикой, е) руководство правотворчеством со стороны Коммунистической партии³.

К специфическим, только правотворчеству присущим, принципам относятся: 1) использование наиболее оптимальных, совершенных форм выражения государственной воли — нормативных юридических актов и прежде всего законов; 2) тщательность составления и обсуждения проектируемых актов; 3) оперативность правотворчества; 4) максимальный учет предшествующего законодательства, всех функциональных связей правовых норм; 5) применение прогрессивных средств и приемов юридической техники⁴.

Одним из существенных общих принципов правотворчества в социалистическом обществе является его демократизм, который проявляется и в содержании правотворческой деятельности органов

¹ *Лебедев М.П.* Государственные решения в системе управления социалистическим обществом // Советское государство и право. 1972. № 1. С. 82–83.

² О научных основах правотворческой деятельности (как специфической сферы управления), об использовании для ее оптимизации философских знаний, правильно познанных объективных законов общественного развития см.: *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. Мысль, 1972.

³ *Горшенев В.М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. Госюриздат, 1963. С. 47–53.

⁴ *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 73; *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 7.

социалистического государства, и в его формах, и в его процедуре (процессе)¹.

Демократизм правотворчества в социалистическом обществе выражается и в том, что при формировании государственной воли народа важное значение принадлежит *прямому волеизъявлению трудящихся*, их общественных организаций.

Трудящиеся и их общественные организации:

а) выступают в качестве субъектов правотворческого почина и инициативы;

б) активно обсуждают проекты нормативных актов, вносят в них поправки и дополнения;

в) непосредственно участвуют в издании нормативных юридических актов, в том числе и санкционированных нормативных юридических актов, принимают нормативные акты совместно с государственными органами и др.²

3. Формы правотворчества. Органы правотворчества. Правотворчество, являясь управленческой, государственной деятельностью, всегда связано с определенными действиями государственных органов. Но роль государственных органов в правотворчестве может быть неодинаковой. С этой точки зрения различаются две формы: а) непосредственная правоустановительная деятельность органов государства, б) деятельность органов государства по санкционированию юридических норм.

Непосредственная правоустановительная деятельность характеризуется тем, что весь процесс выявления воли народа, ее юридическое изложение и «возведения ее в закон» осуществляется государственными органами и вспомогательными коллективами, действующими под непосредственным руководством и контролем государственных органов. Здесь нормативные юридические акты непосредственно исходят от государства.

Деятельность органов государства по санкционированию норм характеризуется тем, что нормы формулируются и издаются общественными организациями, а государство путем санкционирования придает им юридическую силу. Здесь нормативные акты непосредственно исхо-

---

¹ Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 365–367.

² О формах участия общественных организаций в правотворческой деятельности социалистического государства см.: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 39–107; Он же. О роли общественных организаций в советском правотворчестве // Советское государство и право. 1962. № 8. С. 115–120; Он же. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 34–38.

дят от общественной организации. Вместе с тем опосредованно (через государственную «санкцию») они выражают также и государственную волю всего народа. Кроме нормативных актов общественных организаций государство может санкционировать обычаи.

В социалистическом обществе получает развитие специфический вид правотворчества. Это *непосредственное правотворчество народа*, выраженное в референдумах и народных собраниях, сходах¹. С точки зрения особенностей государственной деятельности этот вид правотворчества охватывается второй из указанных форм — санкционированием. Однако санкционирование здесь имеет особый характер: оно является предварительным и выражается в установлении общего порядка, его нормативной регламентации в конституционных и иных юридических нормах.

В настоящее время в социалистическом обществе ведущее значение имеет непосредственная правоустановительная деятельность органов государства. Основная масса нормативных юридических актов является результатом непосредственного правотворчества государственных органов. По мере дальнейшего развития социалистической демократии, усиления роли общественности в жизни социалистического общества возрастают санкционированная правотворческая деятельность общественных организаций, а также непосредственное правотворчество народа.

В соответствии с двумя основными формами правотворчества различаются и два основных вида органов, осуществляющих издание юридических норм. Это: а) органы государства, б) общественные организации.

Органы, издающие юридические нормы, называются *правотворческими органами*.

4. Правотворческая компетенция. Правотворческое делегирование. Каждый правотворческий орган имеет круг полномочий, определяющих пределы и юридическую силу издаваемых им нормативных юридических актов. Этот круг полномочий образует *правотворческую компетенцию*.

В условиях строгой социалистической законности правотворческая компетенция характеризуется четкой *определенностью*. Объем правотворческой компетенции устанавливается в соответствии с тем местом, которое занимает данный государственный орган или общественная организация, их функциями в системе социального управления. Правотворческая компетенция обычно закрепляется в нормативном порядке (конституциях, положениях, уставах и др.).

---

¹ Соколов Н.Я. Формы правотворчества в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 126–130.

В принципе неограниченный характер имеет лишь правотворческая компетенция высших представительных органов государственной власти. Так, Верховный Совет СССР вправе издавать законы по любым вопросам жизни Советского государства.

В некоторых случаях орган, наделенный правотворческой компетенцией, передает часть своих полномочий на издание нормативных юридических актов другому органу. В указанных случаях происходит правотворческое делегирование.

Правотворческое делегирование — это передача компетентным органам части своих полномочий на издание нормативных актов (акта) другому органу или организации. Такую передачу нужно отличать от простого поручения вышестоящего органа нижестоящему издать нормативный акт. При делегировании в отличие от простого поручения другой орган или организация получает такие правотворческие полномочия, которых ранее у него не было. Причем и тот орган, который производит передачу (делегацию), не теряет своей компетенции на издание нормативных юридических актов по данному кругу вопросов.

По своему назначению в правовом регулировании правотворческое делегирование может быть двух видов:

а) делегирование правотворческих полномочий в процессе санкционирования государством норм, издаваемых общественными организациями; такое делегирование относится к предварительному санкционированию;

б) делегирование правотворческих полномочий одним государственным органом другому (например, делегирование полномочий на издание нормативных актов Советом Министров СССР Государственному арбитражу, Госплану СССР и др.).

Делегированное правотворчество (в строгом смысле) в теории и на практике рассматривается главным образом применительно ко второй группе случаев. «Под делегированным правотворчеством, — пишет А.Ф. Шебанов, — следует понимать установление правовых норм тем или иным органом по поручению вышестоящего органа и по вопросу, входящему в его компетенцию. При этом акт подчиненного органа приобретает юридическую силу, равную акту делегирующего органа»¹.

---

¹ Шебанов А.Ф. Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 105; *Он же*. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1965. С. 38.

В юридической литературе правильно указано на то, что правотворческое делегирование может иметь место лишь в узком круге случаев¹. Строгое проведение начал социалистической законности в правотворческой деятельности и отсюда — требование определенности правотворческой компетенции обуславливают необходимость того, чтобы передача полномочий на издание нормативных актов от одного органа к другому носила исключительный характер².

5. Правотворческая деятельность. Ее процедурно-организационные формы. Правотворчество — сложное социальное явление, имеющее управленческую природу. Если же рассматривать правотворчество только с точки зрения его фактического содержания, образующих его организационных действий, то оно охватывается понятием «правотворческая деятельность» или «правотворческий процесс»³.

Правотворческий процесс (в указанном выше смысле) представляет сложную систему организационных действий. «Это процесс, так сказать, технологии создания нормативно-правового акта, состоящий из последовательных операций, в результате осуществления которых в правовую систему вливается новый официально действующий акт»⁴. Правотворческий процесс представляет собой длящуюся во времени, регламентированную юридическими нормами деятельность.

От правотворческой деятельности следует отличать ее *процедурно-организационные формы*. Последние выражаются в регламентированном правовом порядке совершения правотворческих операций. Они

---

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 615.

Вместе с тем авторы попытались доказать, что конструкция правотворческого делегирования не относится к актам, издаваемым органами управления (которые, по мнению авторов, и здесь действуют на основании закона и своей компетенции; С. 615—616). Думается, однако, что подобный подход устраняет саму возможность использования важного теоретического понятия для решения вопросов законности в правотворческой деятельности органов управления.

По мнению В.М. Горшенева, функциональное качество делегированного правотворчества состоит в том, что оно является вспомогательным, а не основным (*Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 140).

² Проблема допустимости (или пределов допустимости) делегированного правотворчества, его соответствие требованиям социалистической законности нуждается в особом всестороннем рассмотрении. В советской юридической литературе эта проблема только лишь поставлена, но еще не получила достаточно полного освещения.

³ Такая постановка проблемы правотворчества и правотворческой деятельности предложена А.С. Пиголкиным (Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 6 и сл.).

⁴ *Пиголкин А.С.* Указ. автореф. С. 6.

имеют некоторые черты сходства с процессуальными формами, функционирующими в области применения права, социалистического правосудия (длящийся процедурный характер порядка, его нормативная регламентированность). И то и другое может быть охвачено единым понятием «процедура» или «юридический процесс». Вместе с тем надо видеть и качественное отличие юридических процедур в сфере правотворчества и в сфере правосудия. В частности, процедурно-организационные формы правотворчества не связаны с необходимостью «правовой организации» государственного принуждения и не нуждаются в таких процессуально-правовых институтах, которые свойственны правосудию; в то же время процедурно-организационные формы правотворчества призваны обеспечить начала научности, компетентности, порядка согласования и др.

В связи со сказанным следует затронуть вопрос терминологического порядка.

Позволяет ли сходство юридических процедур в области правотворчества и социалистического правосудия обозначать то и другое одним термином — «процессуальная форма» или даже — «процессуальное право»? Думается, нет, нельзя. Понятие «процессуальная форма» сложилось в юридической науке, в законодательстве и на практике для обозначения правовой процедуры особого рода, — процедуры, обеспечивающей осуществление государственного принуждения в строгих правовых рамках, отыскание истины и охрану прав лиц. Объединение всех видов юридических процедур одним термином «процессуальная форма» (как предлагают отдельные авторы) приводит к выхолащиванию, обескровливанию этого богатого и содержательного понятия¹.

Поэтому, сохраняя категорию «процессуальная форма» для выражения особой процедуры в области правосудия, необходимо утвердить в теории права дру-

---

¹ В.М. Горшенев полагает, что такого рода утверждение звучит «несколько странно» (*Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 214). Он считает, что «обеднение процессуальной формы как раз больше состоит в самом отрицании возможности более широкого распространения ее свойств...» (там же). Но ведь иные виды государственной деятельности, кроме правоохранительной, не нуждаются в том, чтобы на них «распространялись» свойства процессуальной формы, выработанной именно для обеспечения строго правового характера государственного принуждения (порядка отводов, кассационно-надзорных производств и т.п.). В высшей степени важная мысль автора о надобности строжайшей «процедурной регламентации» всех видов государственной деятельности должна вести к обогащению понятийного аппарата (к введению наряду с понятием «процессуальная форма» понятия «юридическая процедура»), а не к простому расширению области использования и, следовательно, к обеднению по качественной определенности — весьма четкой по содержанию юридической категории, сопряженной со значительными юридическими ценностями.

гое понятие — «процедура», «юридический процесс» — понятие, отражающее всякую длящуюся деятельность, регламентированную юридическими нормами.

6. Основные стадии правотворческого процесса (процедуры). Правотворческая деятельность как сложный, длящийся во времени процесс разбивается на ряд стадий.

Если рассмотреть наиболее типические случаи правотворчества применительно к *отдельным нормативным* юридическим актам, то его стадии могут быть подразделены на две основные группы, на два этапа: а) подготовка проекта нормативного юридического акта и б) официальное возведение воли народа в закон.

Подготовка проекта нормативного юридического акта включает принятие решения о необходимости подготовки официального проекта акта и подготовку текста проекта. При подготовке последнего происходит его предварительное обсуждение, в том числе нередко всенародное, а также доработка, согласование и предварительное одобрение проекта компетентными органами.

Официальное возведение воли народа в закон состоит прежде всего из стадий прохождения проекта в правотворческом органе: 1) внесение проекта в правотворческий орган и принятие его на рассмотрение этого органа; 2) обсуждение проекта в правотворческом органе; 3) принятие решения по проекту. Здесь же следует указать и на особую, самостоятельную стадию — официальное опубликование (оглашение) принятого нормативного акта¹.

Выделение стадии официального опубликования важно потому, что она во многих случаях имеет значение для приобретения нормативным актом юридической силы, которая является свойством, характеризующим его реальное, фактическое действие². Юридическую силу нормативные акты могут приобрести сразу же в момент принятия, однако многие из них вступают в действие после истечения определенного срока, исчисляемого с момента официального опубликования³.

---

¹ *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 7–15.

² Понятие «юридическая сила» акта имеет и другое значение: нередко оно выражает не сам факт правового действия акта, а его место в общей системе актов (т.е. «силу» по сравнению с другими актами).

³ В юридической литературе высказан взгляд, согласно которому опубликование нормативного акта не входит в правотворческий процесс (*Ковачев Д.А.* Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 3 (20). 1964. С. 202; *Антонова Л.И.* Правотворческая деятельность высших органов государственной власти РСФСР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 8).

Издание нормативных юридических актов не всегда проходит все указанные стадии. В полном виде их можно наблюдать при издании наиболее важных нормативных актов — законов, постановлений Совета Министров СССР и некоторых других. В иных же случаях, в частности при принятии ведомственных нормативных актов, правотворческий процесс менее сложен.

Так, при издании ведомственных актов нередко выпадают стадии внесения акта на рассмотрение правотворческого органа и обсуждения проекта: руководитель ведомства после подготовки проекта сразу же утверждает его в качестве нормативного юридического акта. Издание ведомственных нормативных актов оперативного характера вообще осуществляется как единый процесс, в котором действия по вынесению решения о необходимости подготовки проекта, составлению проекта и его принятию непосредственно следуют одно за другим.

Но все же в большинстве случаев указанные выше основные стадии правотворческого процесса проявляются с достаточной отчетливостью. При этом существенное значение имеют не только прохождение проекта в правотворческом органе, его принятие и, наконец, официальное опубликование нормативного акта, но и стадии подготовки проекта. Было бы ошибкой рассматривать их только как простую подготовительную работу. Нет, это юридически существенные стадии, связанные с важнейшим этапом правообразования — формированием самой государственной воли народа.

Демократизм правотворческого процесса в социалистическом обществе проявляется не только в демократической, подлинно народной процедуре обсуждения и принятия нормативных актов, но также в «предварительных» стадиях, когда принимается решение о необходимости подготовки проекта акта и готовится проект. Широкое участие трудящихся и их общественных организаций в этих стадиях следует рассматривать в качестве одного из ярких проявлений глубоко народного характера правотворчества в социалистическом обществе.

Однако вряд ли может вызывать сомнения, что «правотворческий процесс не завершен, если нормативный акт утвержден, но его содержание не доведено в официальном порядке до сведения исполнителей». Подчеркивая это обстоятельство, А.С. Пиголкин формулирует более широкую (нежели опубликование) категорию — официальное оглашение актов, включая сюда «опубликование актов, вывешивание текстов на видных местах, передачу по радио и телеграфу (обнародование), а также официальную рассылку для сведения исполнителей актов, которые не подлежат официальному опубликованию» (*Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 15*).

Таковы основные стадии правотворческого процесса, рассматриваемого применительно к отдельным нормативным юридическим актам. Если же расширить угол зрения и рассматривать правотворческий процесс в отношении *всей правовой системы*, то тогда в нем выделяются не два, а три главных этапа: наряду со стадиями подготовки проекта и издания нормативного акта надлежит выделить стадию, выражающую «функцию *последующего упорядочения норм права*, состоящую в официальной систематизации законодательства, в официальном признании утратившими силу тех норм, которые «перекрыты», но формально не отменены действующими актами»¹.

В юридической литературе до недавнего времени вопрос о стадиях правотворческой деятельности рассматривался в большинстве случаев только применительно к нормативным актам, обладающим высшей юридической силой — законом. При этом обычно указывалось на четыре стадии, характеризующие прохождение проектов законов в законодательном органе: 1) внесение законопроекта в законодательный орган; 2) обсуждение законопроекта; 3) принятие закона; 4) опубликование закона².

В настоящее время становится все более ясным, что рассматриваемый вопрос является общим в теории права. Процесс издания *всех* нормативных актов может быть подразделен на определенные стадии. Разумеется, нельзя упускать из поля зрения и то, что издание некоторых нормативных актов (в том числе ведомственных) проходит более простую процедуру. Однако основные стадии являются все же общими для правотворческого процесса в целом. И обоснование этого положения, помимо всего прочего, очень важно для утверждения начал последовательной социалистической законности в области правотворчества. Регламентация процедуры издания нормативных юридических актов, ее строгое соблюдение являются одной из гарантий социалистической законности, обеспечивающих правомерность самих нормативных актов.

В юридической литературе все более утверждается мысль и о недопустимости сведения правотворческого (законотворческого) процесса только к стадиям, связанным с прохождением законопроекта в законодательном органе. Конечно, была бы неправильной и другая крайность — рассматривать в качестве правотворческого процесса все этапы формирования права. Как уже отмечалось, правотворчество следует отличать от формирования права (правообразования). Однако правотворчество *начинается еще до внесения проекта нормативного акта в правотворческий орган*. Правотворческий почин, принятие решения о необходимости подготовки официального проекта норматив-

---

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 579—580.

² Общая теория государства и права. Изд-во ЛГУ, 1961. С. 355—357; Александров Н.Г., Калинин Ф.И., Карев Д.С. и др. Основы теории государства и права. Госюриздат, 1963. С. 386—388.

ного юридического акта, составление проекта, предварительное обсуждение и рассмотрение проекта — это существенные стадии правотворческого процесса, неразрывно связанные с возведением государственной воли в закон.

В то же время едва ли правильно рассматривать все стадии правотворчества в «одном ряду». Между стадиями, выражающими подготовку проекта нормативного акта, и стадиями, выражающими прохождение проекта в правотворческом органе (стадиями издания), существуют *качественные* различия. Отсюда необходимость подразделения всех стадий по двум главным этапам (дополняемым третьим этапом, если освещать правотворческий процесс применительно ко всей правовой системе).

7. Правотворческая (законодательная) инициатива. Это *деятельность компетентного органа, состоящая в юридически значимом предложении об издании нормативного юридического акта, т.е. в решении о необходимости подготовки его проекта и внесении проекта на рассмотрение правотворческого органа.*

Правотворческая (законодательная) инициатива представляет собой такое начальное звено правотворческой процедуры, которое придает ей официальный, юридически обязательный характер¹. Этим правотворческая инициатива отличается от *правотворческого почина*, т.е. от неофициальной инициативы — предложения об издании нормативного акта, исходящего от любого лица и не порождающего обязательных юридических последствий в области правотворчества.

Содержание правотворческой инициативы состоит в юридически значимом предложении об издании нормативного юридического акта. Оно складывается из совокупности организационных действий, охватывающих и первые стадии подготовки проекта, и первую стадию издания нормативного акта. В него входят:

а) решение о необходимости подготовки официального проекта нормативного юридического акта, которое выражается в акте органа официальной правотворческой инициативы (например, в отношении законов — в решении Верховного Совета, его Президиума, Совета Министров СССР и т.д.).

Такое решение не определяет ни самого факта издания нормативного акта, ни его содержания. Все это входит в компетенцию правотворческого органа. Юридическое значение рассматриваемого решения состоит главным образом в том, что оно кладет начало правотвор-

---

¹ Об юридическом содержании правотворческой (законодательной) инициативы см.: Андрианов Н.Е. О законодательной инициативе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 63; Колдаева Н.П. Законодательная инициатива как правовой институт // Советское государство и право. 1970. № 9. С. 122–123.

ческому процессу. Вместе с тем надо полагать, что значение данного решения не исчерпывается одной лишь организационной стороной правотворческой процедуры; здесь все же в предварительном порядке решается вопрос о *необходимости* издания нормативного юридического акта и в ряде случаев определяются основные линии его разработки;

б) внесение подготовленного проекта на рассмотрение правотворческого органа. Юридическим последствием такого действия является принятие правотворческим органом проекта к рассмотрению.

Правом на внесение проекта нормативного акта на рассмотрение правотворческого органа пользуются субъекты официальной правотворческой инициативы, т.е. органы, которые принимают решение о необходимости подготовки проекта акта. Конечно, в социалистическом обществе любой гражданин, любая организация могут обратиться непосредственно в правотворческий орган с предложением об издании акта. Однако в этом случае (если предложение признано правильным) последний не сразу же принимает предложение к рассмотрению, а, как показывает практика, лишь выносит решение о необходимости подготовки его проекта.

Юридический характер правотворческой инициативы определяется тем, что она является реализацией особого *субъективного права* на правотворческую инициативу. Это право имеет структурно сложный характер — включает два правомочия на положительные действия: правомочие вынести решение о подготовке официального проекта нормативного акта и правомочие внести проект на рассмотрение правотворческого (законодательного) органа.

Реализация этого права порождает обязательные юридические последствия (обязанность соответствующих органов приступить к работе по подготовке официального проекта нормативного юридического акта; обязанность правотворческого органа рассмотреть проект).

Понятие правотворческой (законодательной) инициативы трактуется в нашей литературе нередко слишком узко. Между тем это не только право внести проект нормативного акта на рассмотрение правотворческого органа. Право «на внесение» (и возникающая при его реализации обязанность компетентных лиц по рассмотрению проекта) потому и существует, что соответствующим организациям и должностным лицам предоставлено право в предварительном порядке решать вопрос о необходимости подготовки проекта данного нормативного юридического акта. Отсюда, собственно, и начинается правотворческая (законодательная) инициатива и весь официальный правотворческий процесс. Таким образом, действия, подпадающие под понятие правотворческой (законодательной) инициативы, весьма разнообразны. В соот-

ветствии с этим структурно сложное строение имеет и субъективное право, охватываемое понятием правотворческой (законодательной) инициативы: оно состоит из двух связанных между собой, но все же разнородных правомочий.

В последнее время мысль о более широком содержании и более глубокоом юридическом значении правотворческой инициативы все более утверждается в юридической литературе. Так, в частности, Н.П. Колдаева подчеркнула, что реализация права на законодательную инициативу связана «с подготовкой законопроекта (как внутри законодательного органа, так и вне его) и внесением законопроекта в высший законодательный орган» и что сообразно этому «основная деятельность по созданию законопроекта сосредоточивается в руках субъектов права законодательной инициативы»¹.

8. Правотворческий акт. Это *юридическое действие правотворческого органа, совершаемое в процессе, а также и в результате правотворчества.*

Действия, совершаемые субъектами в ходе и в результате правотворческого процесса, имеют значение актов, т.е. правомерных действий, направленных на возникновение, изменение и прекращение определенных юридических последствий².

Все эти акты могут быть разбиты на две главные группы:

- а) процедурные (процессуальные) акты;
- б) акты правотворчества.

Процедурные акты — юридические действия, совершаемые субъектами в *ходе* правотворческого процесса: решение о подготовке проекта акта, предварительное одобрение его, внесение в правотворческий орган и т.д. Они имеют промежуточное, чисто «внутреннее» значение, касаются в основном процедурных отношений, складывающихся по мере их движения, развития.

Акты правотворчества (т.е. правотворческий акт в строгом смысле) — юридическое действие, выступающее в качестве *результата* правотворческого процесса³. По своей главной функции он представляет собой действие правотворческого органа, содержащее волю

---

¹ Колдаева Н.П. Законодательная инициатива как правовой институт // Советское государство и право. 1970. № 9. С. 123; Антонова Л.И. О стадиях правотворческого процесса в СССР (Правоведение. 1966. № 1); Андрианов Н.Е. Указ. соч.

² Необходимо обратить внимание на то, что в юридической науке слово «акт» имеет, по крайней мере, два основных значения. В настоящем месте, как и в главе об юридических фактах, этот термин обозначает одну из разновидностей юридических фактов — правомерные юридические *действия*. В последующем же (гл. XXIII и сл.) указанным термином будет обозначаться *акт-документ* — форма, в которой выражаются правомерные действия.

³ Беляева З.С. Источники колхозного права. Наука, 1972. С. 11.

государства, *направленную на установление (санкционирование), изменение или отмену юридических норм.*

Среди актов правотворчества следует особо выделить:

1) вспомогательные акты-действия, которые хотя и не воплощают новых норм права, но имеют значение для их утверждения, изменения, отмены, установления сферы и времени их действия и т.д. (оперативные предписания); сюда же следует отнести и акты санкционирования. Они придают юридическую силу нормам общественных организаций;

2) производные акты-действия об изменении норм, содержащие изложение определенной части или условий действия изменяемой ими правовой нормы¹.

Акты правотворчества воплощаются главным образом *в нормативных юридических актах*².

Акты правотворчества (нормативные акты) являются *юридическими источниками правовых норм*, выступают в качестве способа, при помощи которого государство воздействует на правовую систему: вводит в нее новые нормы, осуществляет в правовой системе определенные преобразования, исключает из нее устаревшие нормативные предписания.

Указывая на принципиальное единство актов правотворчества и нормативных актов, нужно видеть и существующие между ними различия. И дело не только в том, что не всякий акт правотворчества является нормативным (например, акт санкционирования, прецедентный индивидуальный акт) или может быть признан таковым с очень большой натяжкой (например, акт об отмене действующих норм), а главным образом в их функциональных различиях. Функция акта правотворчества — разовое, конкретное воздействие на правовую систему: ввести новую норму, отменить устаревшую и т.д. Функция нормативного акта — быть формой существования, реального бытия действующих юридических норм. Конечно, обе эти функции взаимосвязаны. Как правильно пишет И.С. Самошенко, «нормативный акт не может служить внешней формой бытия права, если не имеет правоустанавливающего значения»³. К тому же та и другая функции внешне выра-

¹ *Мицкевич А.В.* Вспомогательные и производственные акты правотворчества // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 8. 1966. С. 27 и сл.; *Он же.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 22–25.

² В правовых системах, в которых в качестве юридического источника функционируют судебные и административные прецеденты, правотворческими являются индивидуальные акты.

³ *Самошенко И.С.* Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 30.

жены в едином нормативном документе – законе, акте правительства и др. И все же эти функции особые, самостоятельные.

В кодифицированных областях законодательства правотворческая функция и функция внешнего бытия права в какой-то мере обособляются и реально, в самой структуре нормативных актов или, во всяком случае, в их внутреннем построении.

В правотворческой практике Советского государства выработался такой порядок, при котором различается «акт утверждения», т.е. вспомогательный акт, выполняющий преимущественно правотворческую функцию, и сам по себе кодифицированный акт – форма существования, реального бытия данной системы норм (к ним присоединяется еще и третий акт – акт, устанавливающий порядок введения в действие основ или кодексов). Например, Кодекс законов о труде РСФСР был принят Верховным Советом РСФСР в декабре 1971 г. путем издания особого закона, который так и озаглавлен: «Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР». В последующем издаваемые в данной области нормативные акты выполняют в основном правотворческую функцию: они производят преобразования в правовой системе путем внесения дополнений или изменений в кодифицированном акте. Носителем же данной системы норм, их внешней формой остается преимущественно кодифицированный акт¹.

В советской юридической литературе все более прочные позиции завоевывает взгляд, в рамках которого делается ударение на правотворческую функцию нормативных юридических актов. Заслуга в таком подходе к определению природы нормативных актов принадлежит А.В. Мицкевичу².

---

¹ Интересно, что в областях законодательства, отличающихся высоким уровнем кодификации, указанное выше относительное размежевание нормативных актов приобретает общее значение. Вот, к примеру, постановление Совета Министров РСФСР от 21 августа 1971 г., озаглавленное «Об изъятиях из правила об ограничении совместной службы родственников» (СП РСФСР. 1972. № 19. Ст. 119). Содержит ли это постановление как таковое изложение упомянутых изъятий? Нет. В нем лишь со ссылкой на ст. 20 КЗоТ РСФСР указывается, что исключение из правила об ограничении совместной службы родственников «могут допускаться в отношении отдельных категорий работников согласно прилагаемому перечню». «Перечень» же сформулирован в виде особого нормативного документа. И хотя этот «Перечень» выступает в качестве составной части постановления Правительства РСФСР, надо видеть, что функции нормативных актов получили здесь известное внешнее обособление.

² Кроме указанных работ А.В. Мицкевича см.: *Он же*. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. 1965. № 11. С. 49–57; *Общая теория советского права*. М.: Юрид. лит., 1966. С. 136 и сл.

Вместе с тем в последние годы становится ясным, что указанный подход не должен приводить к умалению другой (специфической) функции нормативных актов, их значения в качестве формы реального бытия права. Вот почему представляется оправданным и теоретически перспективным мнение И.С. Самощенко, в соответствии с которым «нельзя ни отождествлять характеристики нормативных актов как «источника» и «формы» права, ни отдавать предпочтение одной из них»¹. Подчеркнув, что «здесь речь идет о функциях нормативных актов в различных аспектах», автор тут же замечает: «Как «юридический источник права» нормативный акт представляет собой неотъемлемую часть правотворчества... В качестве же «формы права», «формы выражения правовых норм» он означает внешний образ, в котором правовые нормы выступают в реальной жизни, внешнюю форму бытия права»². К этому следует лишь добавить, что в кодифицированных областях законодательства происходят известное структурное размежевание актов в соответствии с указанными функциями: внешней формой бытия права являются в основном кодифицированные акты, а преимущественно правотворческая функция выражается в актах утверждения, в актах, вносящих изменения и дополнения в кодексы, и др.

Думается, в настоящее время назрел вопрос о необходимости самостоятельного юридического анализа нормативных актов с точки зрения каждой из указанных двух функций. Нормативный акт как форма права — это именно *нормативный акт*, противопоставляемый индивидуальным актам применения права. Здесь все ясно.

Ну а что представляет собой нормативный акт в плоскости выполняемой им правотворческой функции? В этой плоскости нормативный акт решительно ничем не отличается от всех иных актов правотворчества.

И здесь напрашивается внешне парадоксальное предположение. Не является ли любой акт правотворчества (в том числе и правотворческое действие, выраженное в нормативном акте) своеобразным государственно-правовым индивидуальным актом? Парадокс? В нормативном акте выражен индивидуальный акт!

А может быть, никакого парадокса здесь нет? Нужно лишь учитывать, что речь идет о нормативном акте, рассматриваемом *только* в рамках правотворческой функции, т.е. речь идет о правотворческом действии. Но его-то (правотворческого действия) юридический эффект — разовый, однократный! Его юридическое значение исчерпывается тем, что в правовую систему вводятся новые нормы, исключаются устаревшие и т.д. И все! А существование юридических норм утверждается и сохраняется при помощи нормативного акта как формы права³.

---

¹ Самощенко И.С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 29.

² Там же. С. 29–30.

³ А.В. Мицкевич пишет о вспомогательных актах правотворчества: «Они не могут рассматриваться как действующие однократно, поскольку их правовое значение сохра-

Необходимо, кроме того, обратить внимание на разнообразие индивидуальных актов. Так, в предшествующем изложении (гл. XII) уже было отмечено своеобразие актов-директив, т.е. государственно-правовых актов, предметом которых является вид отношений. Видимо, и здесь нужно учитывать особенности метода государственно-правового регулирования. Правотворческий акт посвящен лишь конкретному, строго определенному, индивидуальному случаю. Только этот «случай» — не фактическое явление повседневной жизни, а явление из государственно-правовой жизни: введение в правовую систему данных юридических норм, изменение точно определенных норм и т.д.

Вообще проблема правотворческих актов (их природа, юридическое значение, разновидности) требует самостоятельной и обособленной разработки. В данном курсе по этой проблеме в порядке постановки вопроса высказаны лишь предварительные соображения.

няется до тех пор, пока действует основной акт... Акты об отмене правовых норм... тоже не являются актами применения к одному или нескольким случаям, а прекращают раз и навсегда действие отменяемой нормы, делают невозможным ее применение вообще» (*Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 24). Но ведь эти соображения вовсе не доказывают, что указанные акты являются нормативными, а не индивидуальными. Всякий правообразующий юридический факт «сохраняет юридическое значение» до тех пор, пока существуют данные отношения; всякий правопрекращающий факт «раз и навсегда» погашает данные субъективные права и обязанности.

ГЛАВА XXIII

НОРМАТИВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ (общая характеристика)

1. Понятие нормативного юридического акта. Это *официальный документ-акт правотворчества компетентного органа, содержащий юридические нормы (предписания).*

Наиболее существенные черты нормативного юридического акта таковы.

1) Это *официальный акт компетентного органа, выражающий волю государства.* Он издается только правотворческим органом — государственным органом или (по уполномочию государства, с его санкции) общественной организацией. При этом во всех случаях он выражает волю государства. Отсюда его властность, официальность, «авторитарность».

Как официальный акт, в котором заключена воля государства, нормативный юридический акт должен: во-первых, издаваться в пределах компетенции данного органа, во-вторых, облекаться в документальную форму, предусмотренную для актов данного органа, в-третьих, соответствовать актам вышестоящих органов — в конечном счете конституции, законам страны, в-четвертых, быть официально опубликованным, «приведенным» в действие¹.

Рассматриваемая черта является общей и для нормативных юридических актов, и для индивидуальных актов применения права. Вместе с тем своеобразие нормативного акта как официального, государственного-властного веления проявляется с особой отчетливостью.

2) Это *акт правотворчества, т.е. акт, направленный на установление, изменение или отмену юридических норм.* В отличие от индивидуальных велений нормативный акт выступает в качестве юридического источника права — акта, являющегося средством развития, изменения правовой системы и прежде всего способом введения в нее новых юридических предписаний. В данной черте выражается одна из главных специфических функций нормативных юридических актов. Не-

---

¹ Самоценко И.С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 23—28.

достаточно сказать, что в нем содержится воля государства; в нормативном акте воля государства нацелена на обеспечение общей регламентации общественных отношений.

3) Это акт, содержащий юридические нормы (предписания). В этой черте выражается другая главная функция нормативного юридического акта — его значение в качестве формы реального бытия, существования правовых предписаний.

Нормативный акт — это не только способ изменения, развития правовой системы. По своему непосредственному содержанию он является носителем, хранилищем, фактическим источником юридических норм. Нормы права реально существуют только в этих источниках. В социалистическом обществе нормы права реально функционируют в форме нормативных актов. Только в них мы можем черпать информацию, сведения об юридических нормах.

Акт правотворчества является нормативным лишь в той мере, в какой он является носителем правовых предписаний. В частности, акты правотворчества, направленные на изменение и отмену юридических норм, могут быть признаны нормативными не потому, что они выполняют правотворческую функцию, а потому, что они содержат специализированные нормативные предписания (оперативные нормы).

В системе официальных актов социалистического государства встречаются смешанные акты, где одновременно закреплены и нормативные, и индивидуальные предписания. Такие акты являются нормативными в той их части, в какой они имеют правотворческий характер и в соответствии с этим являются носителями юридических предписаний — формой права¹.

4) Это акт-документ, в котором формально закрепляется содержание правовых предписаний. Нормативные акты в социалистическом обществе всегда имеют письменную форму. Поэтому, когда говорят о нормативном акте, то имеют в виду не только его содержание, его функции, но и его документальную форму. Более того, такие вопросы, как юридическая техника, толкование, касаются в значительной мере именно документальной формы выражения и закрепления нормативных актов.

Указание на то, что нормативные акты представляют собой документы, формально закрепляющие содержание нормативных предписаний, имеет принципиальное значение. Под источником права сле-

---

¹ Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 28–30; Самощенко И.С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 32–33.

дует понимать «не само правотворческое действие, а его обязательную форму, с помощью которой воля господствующего класса, а у нас воля народа возводится в закон, в норму права»¹.

Коль скоро при характеристике нормативного акта сделано ударение на то, что он, будучи правотворческим решением, является вместе с тем реальной формой бытия права, то, следовательно, здесь на первый план вообще выдвигается «формальная сторона». Поэтому нормативный юридический акт выступает как нераздельное единство содержания и формы — единый акт-документ.

Свойство права и в особенности свойство формальной определенности реально воплощаются в нормативных юридических актах. Как уже неоднократно подчеркивалось, для права характерно глубокое единство внутренней и внешней формы. Это единство и проявляется в том, что нормативный акт выступает в качестве акта-документа.

Таковы наиболее существенные черты нормативных юридических актов, отраженные в кратком определении. В последующем эти черты будут рассмотрены подробнее (п. 2—5).

Какова роль нормативных юридических актов в механизме правового регулирования?

Здесь важно отметить два момента, соответствующих основным функциям нормативных юридических актов.

Во-первых, нормативные акты — *инструменты развития, изменения* нормативной основы механизма; при помощи нормативных актов обеспечиваются введение в правовую систему новых норм, их изменение, отмена устаревших предписаний.

Во-вторых, нормативные акты — *формы реального существования юридических норм*.

Таким образом, нормативные юридические акты обеспечивают существование, функционирование и развитие самой основы механизма правового регулирования — системы юридических норм.

Характеристика нормативных актов, если рассматривать последнее в единстве с их документальной формой (т.е. актов-документов), может быть дополнена еще рядом моментов.

---

¹ Мицкевич А.В. Указ. соч. С. 27. Автор отмечает здесь же необходимость «отразить и в самом определении нормативно-правового акта его «реальное бытие» в виде письменного документа, закрепляющего правотворческое решение государственного органа. Тем самым, — продолжает А.В. Мицкевич, — будет преодолен тавтологический недостаток ранее данных определений, всегда начинавшихся словами «нормативный акт есть акт...» (там же).

Существенная функция актов-документов состоит в том, что они призваны обеспечить полное и точное выражение содержащейся в них воли. Эффективность нормативной регламентации общественных отношений во многом зависит от того, насколько полно и точно выражена воле (т.е. в правовых актах) воля государства.

Другая важная специфическая функция нормативных актов-документов состоит в том, что они обеспечивают осуществление одного из условий правового регулирования — доведение государственной воли народа до сведения всех, кого она касается (до всеобщего сведения). Для того чтобы государственная воля произвела необходимое действие, заинтересованные субъекты должны быть ознакомлены с ее содержанием. Отсюда значение полного, быстрого и широкого опубликования (оглашения) нормативных актов, которое представляет собой не просто техническую операцию, завершающую процедуру возведения воли государства в закон, а необходимое внешнее условие воздействия права на общественные отношения.

Наконец, функции актов-документов связаны с идеологическим, воспитательным воздействием права на сознание людей. Правовые акты — это одно из важнейших средств и источников правовой пропаганды и правового воспитания. Сила и эффективность идеологического воздействия права зависят не только от полноты и точности выражения государственной воли в нормативных актах, но и от соответствующего их оформления, в частности от ясности и четкости изложения, включения в содержание актов призывов, рекомендаций и др. Право действует с большим эффектом тогда, когда субъекты полнее ознакомлены с юридическими нормами, глубже представляют содержание, смысл и социальное значение правовых предписаний.

В свое время в юридической литературе определение нормативного юридического акта ограничивалось указанием на то, что он содержит юридические нормы. Однако при более глубоком анализе обнаружилась известная недостаточность такого рода определения. Оно не вполне согласуется с общим понятием правового акта, суть которого раскрывается через волевой момент. А главное — оно не подчеркивает значения нормативного акта как источника юридических норм — акта правотворчества. В нормативном акте не просто содержатся юридические нормы; нормативный акт вводит их в правовую систему, является непосредственным способом выражения и закрепления воли государственной воли.

Указанную особенность нормативных актов, как уже говорилось, отметил А.В. Мицкевич. Вслед за ним и автор настоящего курса (в первом его издании) определил нормативный акт как правовой акт, который выражает во-

лю государства, направленную на установление, изменение или отмену юридических норм.

Однако последующая проверка показала, что в такого рода определении все же неоправданно выделяется лишь одна функция нормативного акта — его правотворческая роль. И.С. Самошенко правильно указал на то, что и функция юридического источника, и функция нормы права являются в нормативном акте «равноправными»¹. Если же учесть, что нормативный акт — это не само по себе правотворческое решение, а форма возведения государственной воли в общеобязательные предписания, форма их существования, то в *кратком* определении целесообразно оттенить непосредственное содержание нормативного акта — его роль в качестве носителя, хранилища, формы бытия юридических норм (хотя, разумеется, в определении должно быть отражено и его правотворческое значение).

Такой акцент на функции внешней формы права важен при определении нормативного акта с учетом достигнутого в настоящее время уровня кодификации законодательства. Если некоторые акты в кодифицированных областях законодательства (акты об утверждении кодексов, о внесении в них изменений и др.) все более специализируются на выполнении правотворческой функции, то нормативные акты в строгом и точном смысле — основы, кодексы, иные кодифицированные акты — это преимущественно внешние формы бытия юридических норм, их «официальные носители».

2. Нормативный акт как разновидность правовых актов. Правовую форму можно рассматривать не только применительно к правотворческой деятельности (нормам права), но и по отношению ко всем действиям, имеющим юридическое значение. Правовая форма выражается в этом случае в более широком явлении — в правовом акте.

Правовой акт — это внешнее выражение воли, волевых действий (государства, отдельных лиц), направленных на достижение определенного юридического эффекта. К ним относятся и нормативные акты, и иные акты правотворчества, и плановые акты, и акты правосудия и т.д. Общими чертами правовых актов являются: 1) волевое содержание действия, 2) внешний характер выражения воли, 3) правовая направленность волевого действия.

Правовые акты — это «осязаемая реальность права», т.е. такие явления окружающей нас действительности, которые могут быть непосредственно восприняты человеком. Более того, именно в актах и через акты люди получают первичные знания о самом праве, правовых нормах, правоотношениях.

---

¹ Самошенко И.С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 29; *Он же*. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 23.

Применительно к правовым актам строится и практическая правовая деятельность граждан, должностных лиц и прежде всего юристов. Практическая деятельность в области права, какой бы большой удельный вес ни занимал в ней анализ фактических обстоятельств, в конечном счете выражается в выработке, оформлении многочисленных актов – приговоров, решений, протестов, исковых заявлений и т.п.

Нормативные юридические акты – это *разновидность* правовых актов. Такой «угол зрения» на нормативные юридические акты позволит установить при их освещении все те признаки и характеристики, которые свойственны правовым актам (волевое содержание действий, внешний характер выражения воли, ее правовая направленность). Здесь могут быть найдены некоторые общие вопросы, которые имеют значение для всех правовых актов, в том числе и нормативных, – вопросы расхождения воли и волеизъявления, способов выражения и закрепления волеизъявления, толкования правовых актов-документов и др.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что нормативные акты – это *особая* разновидность правовых актов. Они принадлежат к специфическому типу актов – к официальным актам компетентных органов, выражающих волю государства. При такой, более «суженной» квалификации (когда нормативные акты рассматриваются в одном ряду со всеми другими властными актами государства) оказывается возможным распространить другой круг общих вопросов, в том числе о законности актов, о их «компетентности», об обязательности формы их выражения и др.

Далее, выделяя нормативные юридические акты, следует отграничивать их от *индивидуальных актов*. Критерием для такого выделения являются специфические функции нормативных актов, их роль в качестве актов правотворчества и формы права. При решении практических вопросов здесь должны быть использованы те признаки юридических норм, которые были рассмотрены ранее (гл. XII). Причем на практике затруднения возникают не при отграничении нормативных актов от индивидуальных актов «вообще», а от *актов применения права*, т.е. от индивидуальных юридических документов компетентных органов, выражающих волю государства.

Своеобразие нормативных юридических актов не устраняет того общего, что объединяет их со всеми другими правовыми актами и в особенности с официальными индивидуальными актами компетентных органов, выражающими волю государства, – актами применения права. А это открывает возможность для выработки *общей теории правовых актов*.

В юридической науке проблема правовых актов до сих пор еще остается «белым пятном». В учебниках по теории права нормативные акты и индивидуальные акты рассматриваются изолированно, разобщенно. Первые – в теме «Источники (формы) права», вторые – в темах «Правоотношение (юридические факты)» и «Применение права». Обособленно рассматриваются вопросы, неразрывно связанные с правовыми актами, как, например, их толкование, стиль, юридическая техника и др.

Между тем обобщенная характеристика правовых актов – насущная задача нашей юридической науки. Она позволит глубже и полнее осветить особенности права, правовых норм, правоотношений, их волевою природу. К тому же и сам анализ отдельных разновидностей актов (нормативных и индивидуальных) окажется более точным, если будут выяснены общие черты правовых актов. Наконец, правовые акты представляют собой такой раздел теории права, который непосредственно связан с вопросами юридической практики. Полное и всестороннее изучение правовых актов способствует правильному и точному применению юридических норм, правильному и квалифицированному решению некоторых юридических вопросов.

Слабо изучены в советской правовой литературе также и индивидуальные веления и их место в механизме правового регулирования. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что нередко функции регламентации общественных отношений и властно-принудительные свойства правового регулирования связываются исключительно с юридическими нормами.

Конечно, юридические нормы являются общим регламентатором отношений в социалистическом обществе, они указывают также и на меры государственно-властного воздействия.

Однако на основе и в пределах, установленных юридическими нормами, регламентация общественных отношений может осуществляться также при помощи индивидуальных велений. В особенности это касается актов-директив. Недоучет этого обстоятельства и базирующаяся на этом абсолютизация норм как регламентатора общественных отношений и приводит к ошибочному решению некоторых других вопросов (в частности, к признанию «нормативным» всякого акта, который направлен на регламентацию общественных отношений).

Такую неточность, думается, допускает Д.А. Керимов, который деятельность по установлению границ, пределов, масштабов поведения людей связывает исключительно с нормами права. Между тем сам же автор отмечает, что и предписания ненормативного характера «...подчиняют конкретные отношения (или их группу) существующей системе, приводят эти отношения в порядок, установленный нормами права»¹. «Приведение же конкретных отношений в порядок» – это и есть не что иное, как их регламентация, осуществляемая на основе и в пределах юридических норм.

Неверно также связывать властно-принудительные свойства правового регулирования только с юридическими нормами. Такой взгляд связан с не-

---

¹ Керимов Д.А. Философские проблемы права. Мысль, 1972. С. 171.

правильными «представлениями», согласно которым социалистическое право (юридические нормы) характеризуется только как некая властно-принудительная сила. Между тем сами по себе юридические нормы предусматривают лишь *возможность* государственного принуждения. Реально же властно-принудительные свойства правового регулирования концентрируются в применении права и в особенности в правообеспечительных (правоохранительных) актах.

3. Нормативный акт как юридический источник права. В социалистическом обществе нормативный юридический акт является единственным, по существу, способом возведения государственной воли в закон — актом правотворчества, юридическим источником права.

Истории известно несколько разновидностей юридических источников права. Главными среди них (наряду с нормативными юридическими актами) являются санкционированный обычай и судебный прецедент¹.

Санкционированный обычай — это признанная государством норма, исторически сложившаяся непосредственно в силу данных фактических отношений и в результате многократного повторения вошедшая в привычку. Исторически первым, «классическим» способом санкционирования обычая является вынесение государственным органом властного индивидуального акта (судебного решения, решения административного органа), основанного на обычае. В дальнейшем, по мере развития нормотворческой деятельности государства, санкционирование обычая происходит путем отсылки к нему в нормативных актах.

Судебный и административный прецедент — это решение юрисдикционных и административных органов по конкретному делу, которое принимается за общее обязательное правило при разрешении всех аналогичных дел.

Санкционированный обычай и судебный прецедент принадлежат к архаичным источникам права, отличающимся в принципе застойно-

---

¹ В курсе общей теории указывается на следующие разновидности источников права: 1) закон, 2) нормативные акты органов государственного управления, 3) обычай, 4) судебная практика и судебный прецедент, 5) юридическая наука, 6) нормативные акты общественных организаций, 7) нормативные акты частных организаций, 8) договор (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 584—591). Нетрудно заметить, что перечисленные виды источников права укладываются в трехчленную классификацию (нормативные акты, санкционированный обычай, прецедент); исключение составляет только юридическая наука, которая в некоторые исторические периоды (например, *ius respondendi*, в римском праве) действительно выступала в виде источника права.

стью, консерватизмом¹. Санкционированный обычай имел широкое распространение при возникновении права, а также в период медленного экономического развития, основанного на примитивных эксплуататорских способах производства — рабовладельческом, феодальном. В настоящее время в странах Азии и Африки империалистические силы используют старые обычаи для того, чтобы воспрепятствовать развитию национальной государственности и прогрессу. Судебный прецедент — также детище эксплуататорских формаций, таких общественных систем, где характерны консерватизм, раздробленный, казуистический характер правового регулирования. И тот и другой виды источников права сохранились и в буржуазном обществе. Они служат защите старых порядков, в особенности в тех капиталистических странах, где буржуазия пришла к власти в результате компромисса с классом феодалов (например, в Англии)².

В социалистическом обществе ни санкционированный обычай, ни судебный прецедент не являются источниками права.

Этот вывод без каких-либо оговорок распространяется прежде всего на судебный прецедент. Практике судебных, административных и иных правоприменительных органов социалистического государства принадлежит существенное значение в процессе издания юридических норм, толкования нормативных актов, а также в развитии юридической науки. Но решения органов государства по конкретным делам не

---

¹ Вильянский С.И. Обычаи и правила социалистического общежития // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 5. Изд. Харьков. гос. ун-та, 1956. С. 6 и сл.; Шебанов А.Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 46—48.

² Вместе с тем в современных империалистических государствах наблюдается падение удельного веса прецедентов. В ряде случаев они в силу своей громоздкости, нестабильности, противоречивости и неопределенности не удовлетворяют потребностям монополистического капитала, его стремлениям обеспечить единообразную правовую систему. Важнейшим правовым средством обеспечения интересов монополий в экономике становится правотворческая деятельность правительственных органов. В настоящее время прецедентное право в значительной части превратилось «в совокупность актов, определяющих принципы толкования и применения норм, закрепленных в актах законодательных или правительственных органов» (Зивс С.Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. Изд-во АН СССР, 1960. С. 108).

Однако и сейчас прецеденты продолжают служить интересам империалистической буржуазии. Они обеспечивают консерватизм в буржуазном праве. На их основе достигается произвольное применение права — подыскание из массы противоречивых прецедентов «нужного» для данного решения. Будучи архаичным источником права, прецеденты в то же время находятся в постоянном развитии и представляют собой продукт приспособления права к изменениям в социальной жизни (Зивс С.Л. Указ. соч. С. 110 и сл.; Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 588, 590).

могут рассматриваться в качестве обязательных общих правил. Начала социалистической законности требуют, чтобы при сохранении единства правовой политики каждое конкретное дело решалось с учетом всех индивидуальных обстоятельств, которые во многих случаях являются неповторимыми, характерными только для него. Да и к тому же бурное развитие социалистического общества, предполагающее в ряде случаев необходимость оперативного и вместе с тем единого развития юридических норм, несовместимо с приданием нормативной силы решениям органов государства по отдельным делам.

В принципе аналогичным образом решается и вопрос о санкционированных обычаях. Правда, и на первых этапах развития социалистического государства, и в настоящее время в отдельных нормативных актах можно найти отсылки к обычаям. В качестве примера следует указать на ст. 66 Конституции РСФСР 1918 г., ст. 134, 135, 149 ныне действующего Кодекса торгового мореплавания СССР и др. Отсылки к обычаям можно встретить и в отдельных нормативных актах зарубежных социалистических стран¹.

Однако и обычай, по существу, не может быть признан источником права в социалистическом обществе.

Те немногочисленные случаи отсылок к обычаям, которые встречаются в отдельных нормативных актах, со временем фактически теряют свое значение. Но дело не только в этом. Главное состоит в том, что и в тех отдельных случаях, когда в нормативных актах содержатся отсылки к обычаям (деловым обыкновениям), последние не могут быть признаны источником права. Основу правового регулирования и здесь образуют нормативные юридические акты (Земельный кодекс, Гражданский кодекс и др.). Отсылки же к обычаям или деловым обыкновениям связаны с индивидуальным регулированием, осуществляемым правоприменительными органами и субъектами данного отношения: они выполняют функцию *оценочных предписаний*, призванных ориентировать правоприменительный орган и субъектов на наиболее предпочтительный вариант индивидуального решения.

Таким образом, обычаи могут «участвовать» в процессе правового регулирования, которое осуществляется на основе юридических норм, выраженных в нормативных актах. Функция обычаев сводится к тому, чтобы быть фактическим критерием для конкретизации субъективных прав и обязанностей на основе юридических норм в процессе индивидуального регулирования.

---

¹ *Сабо Имре*. Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 210 и сл.

Кроме того, рассматривая вопрос о санкционированном обычае как источнике права, не следует смешивать его с другим вопросом — с ролью обычаев в регулировании общественных отношений. Обычай не является в социалистическом обществе источником права. Но обычаи и другие неправовые социальные нормы охватывают своим регулированием разнообразные общественные отношения, включая те из них, в которых участвуют различные организации. Так, в области деятельности высших и местных органов государственной власти складываются определенные обычаи, которые регламентируют некоторые отношения (например, открытие сессии старейшим депутатом).

Указанные обычаи не носят правового характера. Практика не знает случаев, когда бы на их основе были приняты властные, государственно-обязательные акты. Государственные органы соблюдают их в силу сложившихся обыкновений, т.е. в силу тех же причин, которые определяют соблюдение обычаев и в других областях общественных отношений.

Вместе с тем правила, выработанные в качестве обычаев, затем нередко закрепляются в нормативных актах (регламентах, положениях). В этом случае они становятся юридическими нормами. Кроме того, эти правила даже тогда, когда они не закреплены в нормативных актах, в какой-то степени влияют и на действия, имеющие юридический характер. Но и здесь их влияние сводится к тому, что они выступают в качестве фактических критериев, которые служат одним из ориентиров для принятия решения в порядке индивидуального регулирования.

В юридической литературе был высказан взгляд, согласно которому обычаи являются довольно распространенным источником права и прежде всего государственного права¹. При этом, по мнению Б.Ф. Котока, санкционирование обычая может производиться не только путем отсылки к нему в нормативном акте, но и другим способом. Он пишет: «В других случаях многократно повторяющаяся практика, образовавшая обычай, молчаливо, без прямого указания в законе признается государством как источник права»².

Б.Ф. Коток, однако, не учитывает того, что признание обычаев в качестве источников права происходит не тогда, когда государственные органы «просто» руководствуются в своей практической деятельности обычаями (как уже отмечалось, государственные органы руководствуются не только юридическими нормами, но также и неправовыми нормами), а тогда, когда на осно-

---

¹ Коток В.Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран: Сб. Изд-во АН СССР, 1963. С. 97–105.

² Там же. С. 99.

ве обычаев «решаются юридические дела», т.е. выносятся властные, государственно-обязательные решения¹.

Исключительное положение нормативных актов как источников права в социалистическом обществе объясняется рядом причин. Социалистическая правовая система — качественно новый исторический тип права. Она решительно рвет с правовыми системами эксплуататорских обществ, в том числе, разумеется, с теми правовыми формами, в которых закреплялись наиболее старые, реакционные устои эксплуататорского общества. С другой стороны, право при построении социализма и коммунизма отличается динамизмом — оно не должно отставать от быстро меняющихся условий хозяйственной жизни, общественного, политического прогресса, и в то же время обеспечивать устойчивость и стройность правового регулирования, твердое и последовательное проведение начал социалистической законности.

Нормативные же акты по сравнению с санкционированными обычаями и судебными прецедентами обладают рядом преимуществ, обеспечивающих достижение указанных выше задач. Они позволяют с максимальной полнотой выразить, воплотить в жизнь свойства права.

Во-первых, нормативные акты отличаются, так сказать, «оперативностью»: они могут быть быстро изданы, в любом объеме изменены и отменены. Это позволяет использовать нормативные акты для установления принципиально новой правовой системы, быстрого и эффективного реагирования на изменение потребностей общественного развития и, следовательно, обеспечить динамизм социалистического права.

Во-вторых, нормативные акты исходят в конечном счете из единого центра — нормотворческих органов социалистического государства. Это дает возможность установить единую и цельную правовую систему в пределах всей страны и, следовательно, с максимальной полнотой провести в жизнь нормативность права.

В-третьих, нормативные акты позволяют точно и определенно фиксировать в документах содержание юридических норм. Это обеспечивает надлежащую, разумную, формальную определенность права, является одним из условий последовательного проведения начал социалистической законности, преградой для «местничества», произвольного толкования и применения норм права (что как раз характерно для применения юридических норм, закрепленных в санкционированных обычаях и судебных прецедентах).

---

¹ См. по этому вопросу: *Лепешкин А.И., Махненко А.Х., Шетинин Б.В.* О понятии, предмете и источниках государственного права // Правоведение. 1965. № 1. С. 31–32.

В-четвертых, нормативные акты выражаются в письменных документах. Это позволяет быстро доводить содержание новых нормативных положений до сведения всего населения, использовать правовые акты для правовой пропаганды и правового воспитания, осуществления задач коммунистического воспитания¹.

Исключительное положение нормативных актов как источников права вовсе не суживает возможности для проявления местного почину, учета местных условий, самостоятельности населения.

Нормативные акты в социалистическом обществе разнообразны. Среди них значительный вес занимают акты, издаваемые местными органами, специальными ведомствами. Они нередко отсылают к нормам коммунистической нравственности. В последнее время все большее значение приобретают нормативные юридические акты, издаваемые массовыми общественными организациями трудящихся. Действие норм права сочетается с действием новых социалистических обычаев². Все это, а также активное участие трудящихся и их общественных организаций в правотворческой деятельности социалистического государства свидетельствует о подлинном демократизме социалистического права, о полном соответствии принципам демократии существующих у нас источников права — нормативных актов.

И еще один момент. Как уже отмечалось, в кодифицированных областях законодательства функции юридического источника права в основном сосредоточиваются в актах об утверждении кодексов, о внесении в них изменений и дополнений и т.д. Это вовсе не значит, что кодифицированные акты лишаются своего качества юридического источника правовых норм. Выполняя преимущественно функцию внешней формы бытия права, кодифицированные акты — это именно источник нормативных предписаний, акты правотворчества. Но все же активными, подвижными элементами в структуре нормативных актов становятся в кодифицированных областях законодательства указанные выше разновидности актов.

4. Нормативный акт как форма права. Будучи единственным юридическим источником социалистического права, нормативные юридические акты в социалистическом обществе являются и единственной внешней формой существования юридических норм, формой их реального бытия.

---

¹ О преимуществах нормативных юридических актов см.: *Шебанов А. Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 45 и сл.

² *Кулажников М. Н.* Советское право, традиции и обычаи в их связи и развитии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев, 1972.

Диалектические категории «содержание» и «форма» могут быть использованы при рассмотрении права довольно широко¹. Как отмечалось ранее (гл. I), наиболее важными аспектами, в которых может быть использована категория «форма», будут:

- а) внутренняя форма, т.е. структура содержания права, и
- б) внешняя форма, т.е. источники права.

Нормативные юридические акты — это форма права во втором из указанных значений, т.е. внешняя форма юридических норм — форма их выражения, существования, бытия.

Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на то, что *нормативные акты являются формой права именно потому, что они выполняют функцию юридических источников права*. По сути дела, юридический источник права, взятый в «содержательно-документальном» ракурсе, т.е. как носитель юридических норм, и есть форма существования права. Это, помимо прочего, объясняет допустимость и целесообразность использования термина «источник права» для обозначения нормативных актов и как способов выражения и закрепления юридических норм, и как форм права. К тому же форма права для лиц, применяющих и изучающих право, является и *фактическим источником*: нормативные акты и другие источники — это тот резервуар (источник), из которого люди черпают сведения об юридических нормах².

Характеристике нормативных актов (источников права) в качестве формы права принадлежит существенное значение. Из того обстоятельства, что нормативные акты могут рассматриваться в качестве «формы», следуют два важных вывода.

---

¹ Так, с точки зрения Б.В. Шейндлина, следует различать пять форм права: «1. Внутренняя форма строения системы права — разделенность на отрасли и институты. 2. Внешняя форма группирования норм непосредственно по воле законодателя — систематика права, различные виды кодификации. 3. Внутренняя форма строения каждой нормы права — общий и обязательный характер правила. 4. Внешняя форма выражения отдельной нормы права в актах государственных органов — нормативные акты. 5. Внешняя форма изложения нормы права — логическая формулировка закона и других нормативных актов» (*Шейндлин Б.В. Сущность советского права*. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 95).

² Отсюда становится понятным, почему предложения о замене термина «источник права» термином «форма права» не были восприняты ни наукой, ни практикой. См. по этому вопросу: *Общая теория советского права*. М.: Юрид. лит., 1966. С. 129—132; *Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия*. М.: Юрид. лит., 1970. С. 581. В последней из указанных работ подчеркивается, что термин «источник права» «является емким, он выражает комплексное понятие, включающее в себя не только указание на форму выражения правовой нормы, но и ограничивающий признак, отражающий специфику понятия, а именно, что форма служит основанием признания данного правила поведения правовой нормой».

Во-первых, *нормативные акты, так же как и любая форма, зависят от своего содержания — социалистического права, отражают его принципиальные социальные особенности.* Глубокий демократизм социалистического права, последовательное проведение в нем начал социалистической законности, использование права в качестве средства коммунистического воспитания определяют существенные особенности правовых актов в социалистическом обществе. Непосредственно с социалистической природой нашего права связаны такие особенности актов, как доступность их содержания, строгая процедура издания и систематизация нормативных актов, недопустимость изменения их содержания путем толкования и др.

Во-вторых, *нормативные правовые акты так же, как и любая форма, обладают известной относительной самостоятельностью и отсюда требуют применения с ним специальных средств и приемов изложения.* Полнота и точность выражения в правовых актах государственной воли не приходят сами по себе: они должны быть достигнуты при помощи использования специальных средств и приемов обработки и оформления актов (юридической техники).

Ведь праву свойственно не только интеллектуально-волевое, но и специфическое правовое содержание (гл. XIII). Поэтому воля государства должна быть изложена не только в языковой и логической форме¹, но и обязана получить специфически правовое изложение (в виде логических норм и норм предписаний, в правовых конструкциях и др.). Это особое правовое изложение и образует содержание нормативно-го акта как внешней формы права.

5. Нормативный акт как акт-документ. Освещение нормативного акта в качестве формы права не исчерпывается указанием на то, что государственная воля в нем получает особое (нормативное, специально-юридическое) изложение. *Нормативный акт характеризуется, кроме того, особой документальной формой выражения изложенного в акте государственного волеизъявления*².

---

¹ На это правильно указывает В.М. Корельский (Правовые нормы и нормы общественных организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 6).

² На необходимость четкого разграничения формы изложения и формы выражения обратил внимание В.М. Корельский (Указ. автореф. дис.). Это мнение поддержано И.С. Самошенко, который правильно подметил, что оба эти момента относятся к нормативному акту как к внешней форме права (*Самошенко И.С.* Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 28—30). Таким образом, «внешняя форма» права, которая в предшествующем изложении рассматривалась как нечто единое, на самом деле имеет *два аспекта*: форму юридического изложения и форму документального выражения.

Нормативный юридический акт может быть формой существования юридических норм потому, что является актом-документом. Акт как «голое» юридическое действие (акт правотворчества) никаких норм содержать не может: как таковой, он направлен на установление, изменение или отмену норм. Только в своем «документально-содержательном» ракурсе нормативный акт может рассматриваться в виде формы права, носителя юридических норм.

Средства и приемы документального выражения нормативного акта, так же как средства и приемы специально-юридического изложения их содержания, относятся к *юридической технике*. Они и будут рассмотрены в последующем (гл. XXIX).

Сейчас же следует затронуть лишь вопрос об определенности документальной формы нормативных юридических актов. Эта определенность связана с наименованием того или иного акта.

Наименование акта формулируется вместе с заголовком письменного нормативного документа. Наименование акта включает: а) название акта — «закон», «постановление», «циркулярное письмо» и т.д.; б) наименование органа, принявшего акт, — постановление Совета Министров РСФСР, циркулярное письмо Министерства финансов и т.д.

Юридическая сила нормативного акта определяется главным образом по второму из указанных признаков, т.е. в зависимости от того, какой орган издал акт. Вместе с тем существует тенденция «привязывания» к определенным видам актов «собственных» названий, присвоенных только им. С особой отчетливостью эта тенденция проявилась в Конституции СССР 1936 г. Здесь все законодательные акты получили название закона, акты правительства — постановлений и распоряжений, акты министерства — приказов и инструкций и т.д.

Такое «узаконивание» названий нормативных юридических актов является положительной тенденцией. Это и обеспечивает определенность документальной формы нормативных актов, способствует последовательному проведению твердой социалистической законности. В частности, если всем законодательным актам присвоено название законов, то отсюда следует, что никакой акт иного наименования не может быть им равным по своей юридической силе; все иные акты являются подзаконными.

Определенность документальной формы нормативных актов, связанная с «узакониванием» их названий, в настоящее время не является абсолютной. Государственные органы иногда издают и такие акты, которые не соответствуют установленным наименованиям. Например, некоторые ведомства наряду с актами «узаконенных» наименований

(приказов и инструкций) издают также циркулярные письма. Акты одних и тех же наименований (постановления, распоряжения, приказы и др.) могут выполнять различные функции, в частности быть как нормативными, так и индивидуальными.

Кроме того, актам еще не всех государственных органов присвоены заранее установленные наименования. Так, не регламентированы названия актов главных управлений ведомств, некоторых государственных комитетов. Наконец, до настоящего времени сохраняют действие отдельные нормативные акты, принятые еще до того, как были регламентированы названия актов, а также акты таких органов, которые впоследствии были ликвидированы или реорганизованы. Например, до сих пор действуют некоторые законодательные акты, облеченные в форму постановления ЦИК СССР или СНК СССР, постановления и распоряжения Экономического совета при СНК СССР, инструкции и разъяснения Наркомтруда СССР и др.

Следует думать, что определенность документальной формы и связанный с ней принцип узаконивания названий нормативных документов получит в дальнейшем более последовательное развитие. Необходимо не только регламентировать названия всех актов правотворческих органов, но совершенствовать и упорядочивать уже установленные наименования. Так, целесообразно, чтобы там, где это необходимо и возможно, нормативные акты были по названиям обособлены от индивидуальных актов, а наименования актов разных государственных органов не дублировали друг друга¹.

---

¹ См. предложения по рассматриваемому вопросу в статье: *Шебанов А.Ф.* Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 102–104; *Он же.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 189 и сл.; *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 24–25.

ГЛАВА XXIV

ВИДЫ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

1. Структура законодательства и виды нормативных юридических актов. Вся совокупность нормативных юридических актов, действующих в данной социалистической стране, образует единую цельную систему, которая обычно именуется *системой законодательства*.

В систему законодательства входят все нормативные акты (законы, указы, акты правительства и др.), а также вспомогательные и производные акты правотворчества, в том числе акты санкционирования (утверждения), акты ведомств и республиканских органов, излагающих содержание общесоюзных норм, акты об утверждении перечня актов, утративших силу, и др.

Система законодательства данной социалистической страны отличается *глубоким единством, органической цельностью*. Единство системы законов и иных нормативных актов обусловлено единством их содержания — выраженных в них юридических норм, идеологических положений (призывов, общих деклараций и т.д.). Внешне оно характеризуется взаимосвязанностью актов, объединяющей функцией кодифицированных актов, а также верховенством закона — основы стержня всей системы нормативных актов.

Вместе с тем система законодательства характеризуется *внутренней расчлененностью, дифференцированностью*. В литературе правильно отмечено: «Советские законы и подзаконные нормативно-правовые акты в их совокупности можно представить как гигантскую структурно-сложную, динамическую систему, состоящую из большого числа взаимосвязанных звеньев, которые сами представляют самостоятельные, причем тоже сложные правовые системы»¹.

Структура законодательства — это явление объективного порядка², своего рода «второе измерение» права³. Причем главные подраз-

---

¹ *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 33. Автор далее указывает на то, что в советском законодательстве можно различать вертикальную структуру (акты общесоюзных органов, акты республиканских органов, акты местных органов) и горизонтальную структуру — систему отраслей законодательства. Именно в горизонтальной структуре автор различает виды актов — законы, указы, ведомственные акты и т.д.

² *Поленина С.В.* Система советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 33.

³ *Васильев Ю.С., Естеев М.П.* Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 16.

деления структуры (исторически складывающиеся отрасли законодательства) по своей основе соответствуют структуре «самого» права, делению права на основные и комплексные отрасли (горизонтальная структура). Здесь, таким образом, членение и соотношение структурных подразделений системы законодательства осуществляется в принципе по тем же самым признакам, что и дифференциация отраслей и институтов системы права.

«Собственная» структура законодательства проявляется в вертикальной плоскости. Она выражается в *иерархическом построении нормативных юридических актов*, в их соподчинении, при котором каждый акт занимает строго определенную ступень в иерархической структуре¹.

Главным признаком, определяющим место того или иного акта в иерархической структуре, является его *юридическая сила*, которая является сопоставительным свойством²: выражает степень подчиненности данного нормативного акта актам вышестоящих органов, осуществление принципа верховенства законов и конституции³.

Виды юридических актов — это их подразделение в соответствии с объективно существующей иерархической структурой. Следовательно, исходным критерием для отнесения нормативного акта к тому или иному виду является его юридическая сила. Однако последняя проявляется по-разному в связи с теми или иными сторонами функционирования нормативных актов. Отсюда различия в основаниях их деления на виды.

Юридическая сила, рассматриваемая в связи с решающим принципом иерархического построения нормативных актов — верховенством закона, является основанием для деления нормативных юридических актов на две группы — *законы и подзаконные акты*. Последние, как будет показано в последующем (гл. XXV), в свою очередь, подразделяются на ряд групп, при обособлении которых опять-таки исходным критерием является их юридическая сила.

Если же взять юридическую силу в связи со сферой действия акта, перед нами оказывается иное основание классификации, по которо-

¹ Самощенко И.С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 15. 1968. С. 3–17; Поленина С.В. Взаимосвязь нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 63 и сл.

² Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 70 и сл.

³ Самощенко И.С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 25.

му все акты могут быть подразделены на *акты внешнего и акты внутреннего действия*.

Юридическая сила, рассматриваемая в связи с особенностями правотворческого органа, является основанием для деления на *государственные нормативные акты и нормативные юридические акты общественных организаций*.

Юридическая сила акта может быть охарактеризована в связи со степенью обобщенности нормативного материала; это предопределяет деление актов на *кодифицированные и акты текущего правотворчества*.

Известное влияние на иерархическую структуру актов оказывает строение воли, выраженной в акте; отсюда деление на *акты отдельных правотворческих органов и совместные нормативные акты*; особо в этом классификационном подразделении должны быть выделены нормативные договоры.

Таковы основные виды нормативных юридических актов, различаемые в соответствии с их местом в иерархической структуре системы законодательства.

Особенности иерархической структуры нормативных актов, своеобразии свойственных ей связей определяются иерархией правотворческих органов¹, содержанием нормативных актов, осуществлением требований законности. Так, нормы уголовного права облекаются только в форму закона; в ряде случаев законодатель прямо регламентирует, каким видом актов должны регулироваться данные отношения².

2. Законы и подзаконные нормативные юридические акты (общая характеристика). Это основное деление нормативных юридических актов в социалистическом обществе.

Законы — это акты, обладающие высшей юридической силой. Все иные правовые акты основаны на законах и не могут им противоречить; по своей юридической силе они занимают подчиненное по отношению к законам положение в системе источников права.

На первый взгляд рассматриваемое деление может показаться формальным (классификационный критерий — юридическая сила акта в связи с принципом верховенства закона). И оно действительно становится формальным в странах, где нарушаются начала законности,

---

¹ Самощенко И.С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 15. 1968. С. 4.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 609–610.

отменяются элементарные демократические права. Так, в современных империалистических государствах нормативные акты, принимаемые правительственными органами, нередко противоречат законам, в том числе конституциям¹. Причем в этих актах в большинстве случаев и содержатся нормативные положения, направленные на ограничение или полную ликвидацию элементарных демократических прав, завоеванных трудящимися в революционной борьбе.

В социалистическом обществе деление нормативных актов непосредственно по их юридической силе выражает и особенности их содержания. В условиях последовательного социалистического демократизма, строгого проведения твердой социалистической законности в законах, принимаемых высшими органами государственной власти, содержатся главные (первичные, «изначальные») нормативные положения по основным вопросам жизни социалистического государства, которые лежат в основе всей социалистической правовой системы. Поэтому неуклонное соответствие законам всех иных нормативных актов, их «подчинение» законам (верховенство закона) является одним из важнейших условий и требований социалистической законности.

Более подробно законы и подзаконные нормативные акты будут рассмотрены в следующей главе.

3. Нормативные юридические акты внешнего и акты внутреннего действия. Это деление по юридической силе в связи со сферой (кругом лиц), на которую распространяется действие нормативного юридического акта.

Нормативные акты внешнего действия распространяются на всех лиц, к которым они адресованы (независимо от того, в какую организацию или ведомство эти лица входят). Акты рассматриваемого вида обычно издают государственные органы общей компетенции, в том числе Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик, правительство и др. В некоторых случаях указанные акты могут издавать и органы специальной компетенции, а также общественные организации.

Нормативные акты внутреннего действия распространяются только на лиц, которые входят в данную организацию или ведомство. Это,

---

¹ Л.С. Зивс подчеркивает, что «расширение нормотворческой деятельности правительства сказывается на системе источников буржуазного права, выражаясь в отказе от принципов верховенства закона, в фактическом (переходящем в формальное) уравнении правительственных нормативных актов с законом» (Зивс Л.С. Развитие формы права в современных империалистических государствах. Изд-во АН СССР, 1960. С. 25).

так сказать, «внутренние» акты, издаваемые ведомствами и организациями «для себя», т.е. для своих подчиненных организаций, рабочих и служащих. Сюда относятся ведомственные и внутриорганизационные акты, содержащие локальные нормы (например, правила внутреннего трудового распорядка данного учреждения).

Основное значение в процессе правового регулирования имеют нормативные акты внешнего действия: в них содержится основная масса юридических норм, обеспечивающих целенаправленное и глубокое воздействие социалистического государства на основные области жизни общества. Вместе с тем было бы неправильно упускать из поля зрения также и нормативные акты внутреннего действия: они играют немаловажную роль в налаживании внутриорганизационных отношений, в обеспечении дисциплины труда и др. Их значение сопряжено с функциями и юридическими особенностями локальных норм — специфического нормативного инструмента, призванного обеспечить учет местного почину, особых условий деятельности и инициативу оперативных звеньев социального (государственного) управления.

4. Государственные нормативные юридические акты и нормативные юридические акты общественных организаций. Нормативные акты, исходящие непосредственно от государственных органов, занимают ведущее место среди источников права не только в количественном отношении, но и по своему значению в иерархической структуре социалистической правовой системы. Государственные нормативные акты в конечном счете являются юридической базой и для юридических нормативных актов, издаваемых общественными организациями трудящихся.

Издание нормативных юридических актов массовыми общественными организациями трудящихся представляет собой одно из проявлений социалистической демократии. Происходящий в настоящее время процесс дальнейшего развития и углубления социалистической демократии выражается, в частности, в расширении нормотворческой деятельности общественных организаций¹.

В современных условиях общественные организации издают довольно широкий круг нормативных актов, содержащих юридические нормы. Это акты центральных органов профсоюзов (ВЦСПС) по вопросам охраны труда, социального страхования, санаторно-ку-

---

¹ Баймаханов М.Т. Нормотворческая деятельность общественных организаций в процессе выполнения переданных им государственных функций // Советское государство и право. 1963. № 9. С. 94—101.

рортного обслуживания и др.; акты руководящих органов кооперативных систем (Центросоюза) и отдельных кооперативных организаций — колхозов.

Нужно подчеркнуть, что далеко *не все нормы*, содержащиеся в актах общественных организаций, являются юридическими. Значительное число из них относится к разряду неюридических социальных норм, которые действуют параллельно, во взаимодействии с правовыми нормами.

Правовыми могут быть признаны лишь те нормы общественных организаций, которые так или иначе санкционированы социалистическим государством, поддерживаются его принудительной силой. Таким образом, непосредственно в юридических нормах общественных организаций выражается воля этих организаций; но вместе с тем в них опосредованно (т.е. преломлено через волю данной организации) выражается и государственная общенародная воля. С особой выразительностью такой характер юридических норм общественных организаций проявляется в тех случаях, когда деятельность организации связана с переданными ей объектами общенародной социалистической собственности (например, домами отдыха, санаториями и курортами, переданными профсоюзам; средствами государственного социального страхования и др.).

В нормативных актах общественных организаций могут содержаться как нормы внутреннего действия, так и нормы внешнего действия¹.

Юридические нормы *внутреннего действия* сравнительно немногочисленны: большинство их носит неправовой характер. К числу юридических могут быть отнесены нормы, содержащиеся в актах руководящих органов потребительской кооперации (Центросоюза) по вопросам структуры кооперативной системы, образования отдельных кооперативных организаций, имущественных взаимоотношений между отдельными звеньями системы и др.; локальные нормы уставов колхозов по вопросам организации, дисциплины и оплаты труда; нормы руководящих органов профсоюзов и добровольных общественных организаций по вопросам деятельности и оплаты штатного аппарата и некоторые другие. В качестве примера можно указать на постановление Президиума ВЦСПС от 10 июня 1960 г. «О порядке утверждения структуры, штатов и окладов заработной платы работников курортных управлений профсоюзов, туристско-экскур-

---

¹ Корельский В.М. О характере норм, создаваемых общественными организациями // Советское государство и право. 1963. № 9. С. 101.

сионных управлений и подведомственных им учреждений, организаций и предприятий»¹.

Юридические нормы общественных организаций *внешнего действия* распространяются не только на членов данной организации, но и на ее взаимоотношения с государственными органами, другими общественными организациями, гражданами. Именно этот вид юридических норм получает в последние годы развитие, выражает расширение и углубление социалистической демократии. Здесь с большей отчетливостью проявляются общие признаки норм права и прежде всего такой существенный признак, как их общеобязательность.

Основой для издания норм внешнего действия является наличие у общественных организаций определенных «внешних» властных полномочий, переданных им органами государства. Такие полномочия имеют органы профсоюзов по вопросам регулирования трудовых отношений и организации отдыха трудящихся. К нормативным актам внешнего действия можно отнести, например, утвержденные постановлением Президиума ВЦСПС от 19 августа 1960 г. «Правила распределения путевок в санатории, дома отдыха и на курортно-амбулаторное лечение»².

Нормативные акты общественных организаций, содержащие юридические нормы, по названию не отличаются от иных актов этих же организаций. Они именуется постановлениями Президиума или Секретариата ВЦСПС, постановлениями Центросоюза, уставами и т.д. Носят или нет закрепленные в них правила юридический характер, это можно определить по их содержанию, по тому, поддерживает ли их государство своим государственным аппаратом.

Нормативные юридические акты общественных организаций — это всегда акты *санкционированные*³. Они так или иначе получили санкцию от органов государства, «санкцию» в том смысле, что государство не только одобряет их, но и считает «своими», вкладывает в них и свою государственную волю. Санкционирование государством нормативных актов общественных организаций является источником их юридической силы.

Санкционирование нормативных актов общественных организаций может быть предварительным и последующим.

---

¹ Сборник постановлений Президиума и Секретариата ВЦСПС. Январь — сентябрь 1960 г. Профиздат, 1961. С. 249.

² Там же. С. 224.

³ Горшенев В.М. Санкционирование как вид нормотворческой деятельности органов Советского государства // Правоведение. 1959. № 1. С. 11 и сл.

Предварительное санкционирование выражается в том, что государственный орган заранее передает (делегирует) общественной организации полномочие на издание юридической нормы или ряда юридических норм. Основные формы предварительного санкционирования таковы:

а) разовое поручение (разрешение) издать нормативный акт. Так, согласно постановлению Совета Министров СССР от 22 января 1955 г. Президиум ВЦСПС принял постановление, которым утвердил Положение о порядке назначения и выплаты пособия по государственному социальному страхованию¹.

Разовое, а иногда и общее разрешение может быть выражено в форме рекомендации колхозу, иной кооперативной или общественной организации. В данном случае правотворческое делегирование сочетается с советом (рекомендацией) государства по существу вопроса. Оно касается такой нормы, которая уже в общих чертах в предварительном порядке формулируется в рекомендательном акте. Санкционирование в форме рекомендации является основой для последующей регистрации или утверждения соответствующих нормативных актов общественных организаций в компетентных государственных органах;

б) общее делегирование полномочий на издание юридических норм по определенному кругу вопросов. Например, в соответствии с постановлением СНК СССР от 21 августа 1934 г. «О порядке издания инструкций, правил и разъяснений по применению законодательства о труде» высшие органы профсоюзов наделены полномочиями на издание нормативных юридических актов по регулированию некоторых видов трудовых отношений². Правда, в ряде случаев ВЦСПС получает дополнительную санкцию на издание того или иного конкретного акта. По некоторым их видам необходимо дополнительное согласование содержания акта с государственными органами. Согласно постановлению СНК СССР и ВЦСПС от 10 сентября 1933 г. «правила и нормы по технике безопасности и производственной санитарии устанавливаются центральными комитетами соответствующих профсоюзов по согласованию с заинтересованными ведомствами»³;

в) делегирование полномочий на издание юридических норм в силу признания данного органа общественных организаций в качестве

---

¹ Бюллетень ВЦСПС. 1955. № 5.

² СЗ СССР. 1934. № 43. Ст. 342.

³ СЗ СССР. 1933. № 157. Ст. 333.

руководящего. Так, центральные органы профсоюзов и системы потребительской кооперации издают нормы по регулированию труда штатного аппарата в силу самого своего положения центральных органов. Советское государство самим фактом признания данных общественных организаций разрешило их центральным органам издавать нормативные акты, которые неизбежно приобретают юридический характер.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что термин «предварительное санкционирование» неудачен, так как «санкционировать можно только разработанные нормы»¹. С точки зрения М. Геновски и Л.И. Антоновой, лучше употреблять в соответствующих случаях термин «правотворческое делегирование»².

В предыдущем изложении уже говорилось об условности юридической терминологии. К тому же в данном случае термин «санкционирование» имеет обобщающее значение: он отражает все случаи придания государством юридической силы социальным нормам иных видов. Более широкое значение (но уже в другой плоскости) имеет и термин «правотворческое делегирование»: как уже отмечалось выше, он охватывает все случаи передачи правотворческих полномочий от одного органа другому, в том числе и государственному органу. Поэтому термин «предварительное санкционирование» целесообразно сохранить. Вместе с тем необходимо использовать и выражение «правотворческое делегирование», не забывая, разумеется, того, что в данном случае перед нами лишь одна из разновидностей делегирования правотворческих полномочий.

Последующее санкционирование — это придание нормативному акту общественной организации юридической силы после его разработки. Оно выражается в издании компетентным государственным органом особого правотворческого акта — «акта утверждения», вместе с которым он и действует.

Последующее санкционирование следует отличать от контрольных актов, в частности от актов проверки законности принятых колхозами уставов. «Акты-утверждения» лишь тогда являются государственной санкцией, когда в уставе или ином нормативном акте содержатся нормы, по своему характеру являющиеся нормами права.

---

¹ Антонова Л.И. Некоторые вопросы теории правотворчества // Правоведение. 1963. № 3. С. 18.

² Геновски М. Преминоване функции на държавни органи в ржд обществени организации. София, 1962. С. 67; Антонова И.Л. Указ. соч. С. 18.

Предварительное и последующее санкционирование нередко сочетаются: разработанные на основании предварительной санкции нормативные акты затем в последующем порядке утверждаются (одобряются) компетентным государственным органом.

Юридическая сила санкционированных нормативных актов общественных организаций в значительной степени определяется в зависимости от того, какова юридическая сила акта, в котором выражена санкция. Нормативные акты общественных организаций, утвержденные государственными органами, в сущности довольно близки к соответствующим государственным нормативным актам¹.

5. Акты отдельных правотворческих органов и совместные нормативные акты. Конкретное содержание (строение) воли в нормативных актах может быть различным. Одни акты могут исходить от отдельных правотворческих органов, другие — от нескольких органов (совместные акты).

Большинство нормативных актов издается отдельными правотворческими органами. Как правило, они согласовываются с компетентными и заинтересованными организациями и лицами в процессе подготовки проекта. Некоторые акты согласовываются и на стадии принятия (в этом случае при опубликовании акта указывается на факт согласования)². Однако и в том и другом случае нормативный акт издается только данным правотворческим органом, исходит только от него.

Совместные нормативные акты — это акты, исходящие от двух или более правотворческих органов. Основания для их издания различны. Вместе с тем совместный акт во всех случаях призван так или иначе выразить бóльшую юридическую силу данного нормативно-го решения.

Некоторые совместные акты прямо издаются для *увеличения их юридической силы*. Таковы, например, акты ЦИК и СНК СССР, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Юри-

---

¹ З.С. Беляева справедливо указывает на то, что «принятие колхозами правовых нормативных актов может быть квалифицировано как колхозно-государственное правотворчество или как колхозно-государственное правовое регулирование» (Беляева З.С. Источники колхозного права. Наука, 1972. С. 63).

² Например, в самом наименовании «Правила применения единых тарифов на перевозку грузов автомобильным транспортом» указано, что они утверждены Министерством автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР и согласованы с Министерством финансов СССР и Госэкономкомиссией СССР (Транспорт и перевозки в торговле. 1959. С. 466); см. также п. «а» и «б» ст. 6 УЖД СССР от 6 апреля 1964 г. (СП СССР. 1964. № 5. Ст. 36).

дическая сила нормативного акта упрочивается и тогда, когда в его издании принимают участие органы юстиции (постановление НКЮ и НКЗ РСФСР 1929 г. «О мерах борьбы с нарушениями национализации земли»)¹.

Совместные акты издаются также *для расширения сферы их действия*. Для этого принимаются совместные акты двух ведомств (п. «в» ст. 6 Устава ж.д. СССР от 6 апреля 1964 г.).

В ряде случаев совместные акты издаются для того, чтобы *обеспечить большую «компетентность» акта*. Так, Типовое положение о головном проектно-институте утверждено на основании постановления Совета Министров СССР от 20 февраля 1959 г. тремя органами — Госстроем СССР, Госпланом СССР и Министерством финансов СССР.

Наконец, совместные нормативные акты принимаются *для соединения силы юридических норм с силой норм общественных организаций*. Такое значение имеют нормативные акты, издаваемые совместно государственными органами и массовыми общественными организациями трудящихся.

Особое значение принадлежит в социалистическом обществе нормативным актам, которые исходят от государственных органов и Коммунистической партии. В них соединены характерные признаки правовых актов и актов общественных организаций, правовых норм и партийных директив². Такое соединение существенно увеличивает общественное значение и общественный авторитет нормативных актов. Как справедливо подчеркнуто о литературе, «волевое содержание партийно-правовых норм образует единство воли партии и государства. Прямое и непосредственное выражение воли партии в партийно-правовых нормах придает им политическую заостренность, научную обоснованность, повышает их интеллектуальное содержание»³.

---

¹ Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР. 1934. С. 48.

² *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 180.

³ *Корельский В.М.* Правовые нормы и нормы общественных организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 16; *Он же.* Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров // Правоведение. 1957. № 8. С. 23–24. Положение В.М. Корельского о партийно-правовых нормах встретило в литературе известные возражения. Отдельные из них справедливы. Действительно, без дополнительных пояснений указанное положение «может быть понято так, что нормы совместных постановлений придают юридический характер внутрипартийным отношениям или партийному руководству государственным и хозяйственным строительством» (*Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 130). В то же время вряд ли основательны возражения, сводящиеся к отрицанию особой юридической силы совместных постановле-

В Советском Союзе совместные нормативные акты рассматриваемого вида иногда исходят одновременно от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. В большинстве случаев они издаются Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР и сочетают в себе признаки норм высшей общественно-политической организации — КПСС и признаки правовых норм высшего исполнительно-распорядительного органа нашего государства. В ряде случаев в этих актах участвует еще одна общественная организация: высший орган профессиональных союзов — ВЦСПС.

Совместные нормативные акты издаются также государственными органами и массовыми общественными организациями трудящихся. Для совместного принятия нормативных юридических актов государство нередко привлекает профсоюзные организации, органы потребительской кооперации, комсомол, отдельные добровольные общества.

Практика издания совместных нормативных актов имеет большое общественно-политическое значение. В особенности это относится к совместным постановлениям ЦК КПСС и Правительства СССР — такой специфической форме руководства, своеобразии которой «состоит в соединении государственного руководства с партийным, в подкреплении правовых норм авторитетом и директивой ЦК КПСС»¹.

Вместе с тем совместные акты должны приниматься по таким принципиальным вопросам, которые действительно требуют единых решений государственных органов и общественных организаций, в частности партийных. На XXII съезде КПСС была признана неправильной практика принятия местными партийными и советскими органами многочисленных совместных постановлений по второстепенным вопросам; «подобная практика насаждает безответственность, приучает советские и хозяйственные кадры по любому поводу заручаться решениями партийных органов»².

6. Нормативные договоры. Специфической разновидностью совместных актов являются нормативные договоры. Конечно, издание

ний. Именно потому, что государственный акт подкрепляется авторитетом и директивой партии, он, формально не отличаясь от государственных актов такого же ранга, все же с точки зрения своего юридического авторитета выделяется среди соответствующих нормативных актов.

¹ Мицкевич А.В. Указ. соч. С. 128.

² XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. 3. С. 24. По рассматриваемому вопросу см. также: Лепешкин А.И. Назревшие вопросы развития науки советского государственного права // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 11.

любого совместного акта связано с определенным соглашением правотворческих органов, согласованием их воли. Но все же, как правило, совместный акт оформляется как обычный юридический акт; лишь по его наименованию и юридической силе можно определить, что он принят несколькими органами.

Нормативные договоры — это совместные акты-документы, выражающие в своем нормативном содержании взаимное изъявление воли правотворческих органов, встречное принятие на себя каждым из них юридических обязанностей.

Для признания договора источником права требуется, чтобы он был *нормативным* — содержал правила поведения общего характера, юридические нормы. Большинство же договоров являются договорами-сделками. Они выступают в качестве юридических фактов; их регулирующая роль носит индивидуальный характер: она ограничена только данными правоотношениями. Это договоры в гражданском праве: договоры купли-продажи, найма, комиссии и др., трудовые соглашения, трудовые договоры, административные соглашения и др.

Нормативные договоры как источник социалистического права встречаются сравнительно редко. Можно указать на два основных случая:

а) *нормативные договоры в государственном праве*. Это, в частности, соглашение между четырьмя Советскими Социалистическими Республиками об образовании единого федеративного государства — СССР и др.;

б) *нормативные соглашения в трудовом праве*. Это коллективные договоры, заключаемые между местными профсоюзным комитетом и администрацией предприятия или учреждения. Основное содержание коллективного договора образуют конкретные обязательства, носящие индивидуальный характер, — обязательства по выполнению и перевыполнению государственных планов, улучшению материально-бытового и культурного обслуживания работников и др. Вместе с тем в договоре в ряде случаев содержатся и нормативные положения, которые регулируют отдельные условия труда. В коллективных договорах, кроме того, нередко воспроизводятся нормативные положения, исходящие от государства и включаемые в договор с целью ознакомления с ними работников¹.

Более широкое распространение получили нормативные договоры в *международном праве*. Там они — основной источник права. Из самой

---

¹ *Левинт Ф.М.* Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих. Изд-во ЛГУ, 1960. С. 93–104.

сути международного права, регулирующего межгосударственные отношения, следует, что юридические нормы в большинстве случаев устанавливаются путем согласования воли между государствами¹.

7. Кодифицированные акты и нормативные акты текущего правотворчества. Специальные акты. Кодифицированные акты – это не просто результат систематизации юридических норм, но прежде всего результат одного из важнейших видов правотворчества, существенной отличительной чертой которого являются нормативные обобщения, формулирование общих норм.

Общие нормы, выраженные в кодифицированном акте, закрепляют юридические особенности данной отрасли, подотрасли, правового института². А это и придает особую юридическую силу кодифицированным актам. Все иные нормативные акты должны издаваться *применительно* к кодифицированным, хотя бы в них изменялись или отменялись те или иные предписания кодифицированного акта³. Отсюда некоторые формально-юридические особенности кодифицированных актов. Они принимаются в виде законов или нормативных актов правительства, носят специфические наименования (основы, кодексы, уставы и др.). Главный из кодификационных актов – конституция – принимается и изменяется в особом порядке.

Акты текущего правотворчества включают, как правило, небольшое число конкретных норм-предписаний, которые принимаются в соответствии с кодифицированными актами. Нередко они издаются в виде указов, постановлений правительства и имеют характер правотворческих действий, вносящих изменения и дополнения в кодифицированные акты⁴.

---

¹ Минасян Н.М. Источники современного международного права. Изд. Ростов. ун-та, 1960; Лукашук И.И. Источники международного права. Киев, 1966; Курс международного права. Т. 4. Наука, 1969 и др.

² Весьма важно обратить внимание на то, что самое построение системы законодательства, ее основные подразделения определяются *составом и соотношением кодифицированных актов*. А если учесть, что в кодифицированных актах закрепляется юридическое своеобразие отраслей права, то станет ясным, что перемещение юридических норм из одного подразделения системы законодательства в другое, как правило, *означает известное преобразование в природе, юридическом своеобразии данных норм*. Вот почему нельзя признать точной мысль о том, что «выражающую данную норму статью закона можно, используя различные ее признаки, расположить в разных подразделениях системы законодательства, и выбор конкретного из таких подразделений целиком зависит от усмотрения законодателя». (Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 49–50).

³ Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 40 и сл.

⁴ Существенно важное деление нормативных актов (под несколько иным углом зрения) вводит А.С. Пиголкин. Он различает «три самостоятельных вида нормативных ак-

Таким образом, кодифицированные акты образуют ядро, центр той или иной области законодательства. Следует напомнить, кроме того, что именно кодифицированные акты выполняют преимущественно функцию внешней формы, внешнего бытия юридических норм. Другие же акты, находящиеся в «силовом поле» основ или кодекса, воплощают главным образом правотворческую функцию: с их помощью вносятся изменения и дополнения в содержание кодифицированных актов.

Большинство кодифицированных актов может быть отнесено к числу *сводных*¹. Общие нормы образуют в них основу и объединяют в систематизированном порядке разнообразные нормативные предписания (регулятивные, охранительные, специализированные).

Некоторые кодифицированные акты и большинство актов текущего правотворчества носят специальный (специализированный) характер.

Специальные (специализированные) — это нормативные юридические акты, в которых сосредоточена какая-либо одна разновидность норм права. Как правило, специальными являются акты, содержащие сравнительно небольшое количество норм. Нередко они вообще включают одно-два нормативных предписания, хотя встречаются и такие специальные акты, которые закрепляют множество однородных норм (например, прейскуранты цен на те или иные виды продукции).

Из многих видов специальных актов можно указать такие:

общеукрепительные — акты, содержащие закрепительные (общие) юридические нормы. Такой характер носят, например, нормативные акты, закрепляющие административно-территориальное деление; нормативные акты, закрепляющие цены (прейскуранты), качество продукции (ГОСТы, технические условия) и др.;

оперативные — акты, содержащие юридические предписания — акты правотворчества, в том числе нормы о пролонгации действия другого акта, о распространении ранее принятого акта на новую сферу отношений и др.

8. Другие виды нормативных юридических актов. Наряду с рассмотренными основными разновидностями нормативных актов необхо-

---

тов: 1) нормоустанавливающие акты (устанавливают новые правовые нормы); 2) акты вспомогательного или корректирующего регулирования (вносят изменения в общую систему правового регулирования, не устанавливая при этом новых самостоятельных норм); 3) акты консолидации» (Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 37).

¹ О своеобразии сводных актов см.: Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 66.

димо указать и на другие виды, отражающие иерархическую структуру законодательства.

Так, важное значение имеет деление нормативных актов на *общесоюзные, республиканские и местные*.

В теоретическом и практическом отношении целесообразно проводить классификацию нормативных юридических актов по их действию во времени, в пространстве, по кругу лиц.

Например, в зависимости от срока действия во времени необходимо различать *акты неопределенно-длительного действия и акты временные*.

Временные – акты, действие которых ограничено строго определенным периодом: либо календарным сроком, либо временем, необходимым для осуществления конкретной задачи (ликвидации стихийного бедствия, проведения сева, уборки урожая и др.). От временных нужно отличать акты, которые только и могут быть приняты на определенный срок (например, решения, местных Советов с административной санкцией), а также нормативные акты, принятые на неопределенный срок, которые правотворческие органы называют «временными», потому что в будущем предполагается заменить их «постоянными» или же вовсе отказаться от правового регулирования данных отношений.

В зависимости от сферы действия в пространстве нормативные юридические акты могут быть подразделены *на общие и местные (партикулярные), а по действию в отношении круга лиц – на общие, специальные и исключительные*¹.

И еще одно существенное обстоятельство. Рассматривая систему законодательства как сложную иерархическую структуру («вертикальный» разрез), необходимо постоянно учитывать деление этой системы по отраслям («горизонтальная» структура). Каждый нормативный акт – это всегда акт определенной основной или комплексной отрасли и, следовательно, соответствующей отрасли законодательства. Отсюда одним из решающих делений нормативных актов (хотя и в иной плоскости, нежели деление по иерархической струк-

---

¹ Эти виды нормативных юридических актов выделены и обстоятельно рассмотрены А.Ф. Шебановым (см.: *Шебанов А.Ф.* Формы советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 89–91). Автор, кроме того, указывает на деление актов на первичные и вторичные (там же. С. 93–94). Думается, однако, что это деление в сущности является общим выражением иерархических связей во всей системе нормативных актов. Реально же оно проявляется во всех рассмотренных ранее классификационных подразделениях и вне их не существует.

туре) является подразделение на законодательство конституционное, административное, гражданское, трудовое, семейное, уголовно-процессуальное и др., а также транспортное, бюджетное, «судостроительственное» и т.д.

Отрасли законодательства имеют свою, нередко весьма специфическую структуру, причем как горизонтальную, так и вертикальную¹. «Обязательные признаки системы актов, составляющих ту или иную отрасль законодательства, — пишет А.Ф. Шебанов, — следующие: иерархичность ее структуры, соподчиненность, согласованность и взаимодополняемость указанных актов, последовательное развитие и конкретизация вышестоящих актов нижестоящими актами. Для каждой отрасли законодательства характерно также наличие основного (иногда ряда основных) закона, содержащего основные нормы этой отрасли, и дополняющих его нижестоящих актов разных уровней»².

Теоретические и практические вопросы структуры нормативных актов той или иной отрасли рассматриваются в соответствующей отраслевой юридической науке³.

---

¹ О структуре законодательства (на материале гражданского права) см.: *Поленина С.В.* Система советского гражданского законодательства и основные тенденции ее развития: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971.

² *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 34; *Беляева З.С.* Источники колхозного права. Наука, 1971. С. 12–13.

³ И.С. Самощенко правильно указывает на нецелесообразность включения в сферу общей теории права детального рассмотрения системы нормативных актов конкретного социалистического государства. Он пишет, что в предмет общей теории «входит разработка понятия нормативного акта, закономерностей построения системы нормативных актов, признаков, свойственных их основным разновидностям, пределов действия нормативных актов во времени, пространстве и по кругу лиц» (*Самощенко И.С.* Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 28).

ГЛАВА XXV

ЗАКОНЫ И ПОДЗАКОННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АКТЫ

1. Понятие закона. Это *принятый в особом порядке первичный правовой акт по основным вопросам жизни социалистического государства, непосредственно выражающий общую волю всего народа и обладающий высшей юридической силой.*

Конкретизируя приведенное определение, можно указать на следующие пять признаков закона.

1) По своему источнику закон — это правовой акт, *непосредственно выражающий общую государственную волю всего народа.*

Издание законов входит в исключительную компетенцию высших представительных органов государственной власти. В СССР — Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик (ст. 32 Конституции СССР, соответствующие статьи Конституций союзных и автономных республик). Законы могут издаваться и в порядке референдума.

Концентрация законодательной деятельности в руках высших органов государственной власти или непосредственно в руках народа имеет глубокие социально-политические и юридические основания. В условиях социалистической демократии именно представительные органы государственной власти непосредственно и прямо выражают суверенную волю всего народа. Такой же характер носит выражение воли народа при референдумах. Поэтому законы и выступают в качестве правовых актов, содержащих «непосредственную и прямую» общую суверенную волю всего народа в целом (хотя бы и в пределах отдельной союзной или автономной республики).

2) По своему материальному содержанию закон — это правовой акт, *посвященный основным вопросам жизни социалистического государства*, т.е. регулированию наиболее важных отношений в социалистическом обществе.

В законах содержатся юридические предписания, в которых закрепляется общественный и государственный строй, принципы организации и формы деятельности государственного аппарата, основные права и обязанности граждан и т.д. При помощи законов осуществляется

регулирование хозяйственного и культурного строительства финансовой деятельности социалистического государства (законы о народно-хозяйственных планах и государственных бюджетах).

Весьма показательно, что нормы государственного права — основополагающей отрасли социалистического права — выражаются главным образом в законодательных актах. Как уже отмечалось, в законодательном порядке устанавливаются, изменяются и отменяются нормы уголовного права, а также большинство других норм, регламентирующих юридическую ответственность. Законы — основной источник права и в других отраслях: общие кодифицированные акты отдельных отраслей (основы, основные начала, кодексы) и некоторые другие важные нормативные постановления, выражающие основные подразделения законодательства, облекаются в форму закона.

3) По своему значению закон — это правовой акт *первичного* характера.

В законах содержится первичное, «изначальное» право — юридические предписания, которые «дают отправные начала всей правовой системе Советского государства, развивая, дополняя и изменяя ее основы»¹, придают ей единство².

Юридические предписания, закрепляемые в иных актах социалистического государства, основываются на законах; они как бы носят производный характер, т.е. базируются на тех началах, которые установлены в законах. Отмеченная особенность свойственна не только тем законам, содержание которых исчерпывается формулированием принципов регулирования данной области отношений, но и законам, которые в той или иной мере полно и детально регламентируют определенную группу отношений (например, кодексам). Здесь в ряде случаев нет нужды в издании иных актов, детализирующих и конкретизирующих законы. Однако и в данном случае юридические предписания включаются в самую основу нашей правовой системы. Поэтому все иные правовые акты по своему содержанию строятся в соответствии с законами.

Первичный характер законов выражается, в частности, в том, что они применяются только для закрепления юридических норм, а также

---

¹ *Васильев А.М.* О классификации актов Верховного Совета СССР // Советское государство и право. 1953. № 8. С. 19.

² Как правильно подчеркивает С.Г. Дробязко, единство правового регулирования в стране «реально возможно только при наличии единой правовой основы, абсолютной непрерывности высшего юридического авторитета, четкой «иерархии» правовых форм» (*Дробязко С.Г.* Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. Минск: Изд-во БГУ, 1971. С. 70).

актов высшей юридической силы — актов-директив (важнейших государственных планов развития народного хозяйства, государственных бюджетов). Это и понятно. Именно юридические нормы обеспечивают единую, устойчивую, непрерывно действующую систему регулирования общественных отношений, что как раз и необходимо для выполнения основной функции законов — регулирования важнейших, типических и устойчивых отношений социалистического общества. Таковую же функцию выполняют акты-директивы, определяющие основы хозяйственной, культурной и финансовой деятельности социалистического государства на определенный период времени. И в данном случае в законах содержатся юридические предписания, имеющие первичное значение в социалистической правовой системе. Все иные индивидуальные акты, в том числе и акты верховного управления и надзора, принимаемые Верховным Советом, не облакаются в форму закона.

4) По своим юридическим свойствам закон представляет собой правовой акт, *обладающий высшей юридической силой*.

Это выражается в том, что: а) все остальные правовые акты должны в принципе издаваться на основе законов и не противоречить им; б) как высшее выражение государственной власти законы не подлежат контролю или утверждению со стороны какого-либо другого органа государства; в) законы могут быть отменены или заменены только законами или же актами, имеющими законодательное значение (указами Президиума Верховного Совета, изданными по отдельным вопросам компетенции Верховного Совета в период между его сессиями).

5) По особенностям правотворческой процедуры закон — это правовой акт, *принятый в особом порядке*.

Законы принимаются общегосударственными представительными органами власти (Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных и автономных республик), а также в порядке референдумов.

Внесение законопроектов, их обсуждение, рассмотрение, принятие и опубликование законов подчинено строгой процедуре, специально регламентированной в особых нормативных актах. Законы по действующей конституции получают адекватное терминологическое обозначение: все они называются законами.

Рассмотренные признаки закона могут быть подразделены на две группы. Это *материальные признаки* (первый, второй, третий) и *специфическиправовые признаки* (четвертый, пятый).

И материальные, и специфическиправовые признаки закона тесно связаны между собой, последовательно предопределяют друг друга. Именно потому, что в условиях общенародной социалистической

демократии решающая роль в правовой системе придается общей воле всего народа, законы посвящены основным вопросам жизни социалистического государства. А отсюда, в свою очередь, следуют первичность законов, их высшая юридическая сила, а также особый порядок их принятия. В конечном счете специфическиправовые признаки закона — это выражение его социального и материального содержания, его первичного значения в правовой системе¹.

Единство материальных и специфическиправовых признаков закона облегчает решение практических вопросов, связанных с отграничением законов от иных нормативных актов. По действующей Конституции СССР к законам относятся все правовые акты, принятые в установленном порядке высшими органами государственной власти (а в перспективе также и в порядке референдумов) и официально именуемые «законами». Несколько иной подход требуется в отношении законодательных актов, принятых до Конституции 1936 г. (п. 2).

Законы — это не единственный вид правовых актов, издаваемых высшими органами государственной власти (Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных и автономных республик). Так, Верховный Совет СССР, кроме законов, издает: 1) нормативные и индивидуальные акты палат Совета, направленные на регулирование внутренней работы палат и их комиссий, т.е. по вопросам внутриорганизационного характера, например Положение о комиссии законодательных предположений Совета Союза и др.; 2) постановления-акты верховного управления, связанные с формированием персонального состава органов, подотчетных Верховному Совету; например, постановления об образовании правительства, о назначении Генерального прокурора и др.; 3) постановления-акты вер-

---

¹ В буржуазном праве существует (и оправдывается правовой доктриной) разрыв между законом в «формальном смысле» и законом в «материальном смысле». Это объясняется тем, что в период империализма правительственные нормативные акты все более оттесняют законы в «формальном смысле». Буржуазные парламенты нередко издают законодательные акты по второстепенным вопросам жизни государства. В то же время правительственные органы принимают законы в «материальном смысле», т.е. акты, определяющие основы данной правовой системы, причем подчас вразрез с действующим законодательством. В буржуазной же теории права прямо обосновывается уравнение правительственных нормативных актов и законов и, в частности, обосновывается вывод о том, что любая абстрактная общая норма является законом в «материальном смысле» (*Зивс С.Л.* Развитие формы права в современных империалистических государствах. Изд-во АН СССР, 1960. С. 26—31). Все это является ярким выражением крушения буржуазной законности в период империализма. В силу единства всех признаков закона в социалистическом обществе наша наука отвергает деление законов на законы в «формальном смысле» и законы в «материальном смысле».

ховного надзора, например, акты об одобрении внешней политики правительства, об утверждении отчета о выполнении государственного бюджета и др.¹

Указанные правовые акты не обладают признаками закона. В соответствии с этим им присваиваются иные наименования («постановления», «положения»). Для них свойственны некоторые юридические особенности. Так, постановления-акты верховного управления вступают в действие немедленно независимо от форм и сроков их публикации; они могут быть приняты голосованием на совместных заседаниях палат Верховного Совета².

В настоящее время большинство авторов, изучавших особенности закона, пришло к обоснованному мнению о том, что закон характеризуется совокупностью признаков, отражающих его материальное содержание и его особые юридические черты. Однако не все еще вопросы получили здесь достаточно убедительное, единодушное решение.

Так, многие авторы указывают на то, что закон — это юридический акт, принимаемый только высшим представительным органом государственной власти. Действующий порядок законодательства в СССР такое мнение отражает правильно: в настоящее время законы принимаются только высшими органами государственной власти. Но приведенное положение не учитывает возможности принятия законов в ином порядке — в порядке референдумов. Вот почему при рассмотрении закона целесообразно ограничиться указанием на то, что в законе «непосредственно выражается общая воля всего народа». Этот признак общим образом характеризует его источники: «непосредственное выражение общей воли всего народа» охватывает оба указанных случая: и принятие закона высшим представительным органом государственной власти, и принятие закона в порядке референдумов.

В специальном обсуждении нуждается вопрос о том, во всех ли случаях в форму закона облекаются юридические нормы.

Признак «нормативности» закона иногда не указывается при его определении³. Было высказано также мнение о том, что в форму закона могут быть облечены также и индивидуальные предписания⁴. Но все же большинство авторов настойчиво подчеркивает «нормативность» закона. «В системе юридических актов закон, — пишет И.Н. Кузнецов, — всегда и во всех случаях вы-

---

¹ *Васильев А.М.* О классификации актов Верховного Совета СССР // Советское государство и право. 1953. № 8. С. 20—27; *Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 82—85.

² *Керимов Д.А.* Законодательная деятельность Советского государства. Госюриздат, 1955. С. 104—105.

³ Там же. С. 99—105.

⁴ *Петров Г.И.* Источники административного права // Правоведение. 1958. № 4. С. 38.

ступает в качестве нормативного акта». С его точки зрения, «нормативность — это специфическая особенность содержания закона»¹.

Мнение о том, что закон — это всегда нормативный акт, настолько прочно укоренилось в литературе, что подчас рассматривается в качестве непререкаемого постулата. Отсюда и несколько необычный характер разработки общих вопросов юридических норм: не делается даже попыток вскрыть юридические особенности содержащихся в законах предписаний, все они объявляются только «нормами» (в том числе акты планирования); поэтому вся проблема оказывается здесь поставленной на голову — некоторые авторы стремятся охарактеризовать признаки «нормативности» таких предписаний, в отношении которых следовало бы сначала все же выяснить, являются ли они нормами права или же особыми индивидуальными актами.

Авторов, настаивающих на «нормативности» закона, в принципе можно понять. Законы занимают ведущее место в системе правовых актов социалистического государства, они характеризуются первичностью, издаются по основным вопросам жизни социалистического государства. И подобных целей лучше всего достигают законы, содержащие нормы. Так к данному вопросу и подходит А.В. Мицкевич. Он пишет: «...решения высшего органа государственной власти призваны прежде всего служить постоянной основой для установления в стране *порядка отношений*. А такой основой могут быть лишь нормы...»². Но почему «лишь нормы»? Почему отдельные разновидности индивидуальных актов также не могут иметь определяющего значения в социалистической правовой системе?

Ведь некоторые индивидуальные акты, издаваемые в области государственного права, регулируют такие «отдельные» общественные отношения, которые лежат *в основе* многих других отношений. Речь идет о государственных общих актах планирования, в том числе об общих планах развития народного хозяйства, финансовых планах (бюджетах).

Следует заметить, что указание на нормативность как на отличительный признак закона ничего решительно не дает. Нормативность — это общая черта многих актов (в том числе ведомственных, изданных по специальным вопросам). Существенное значение имеет не то, что в законах закрепляются юридические нормы, а то, *какие* это нормы, *какова* их роль в социалистической правовой системе. Ссылкой на нормативность вовсе не подчеркивается и значение плановых актов. Здесь опять-таки нужно выяснить, *какие* перед нами акты. Некоторые индивидуальные акты, принятые в области государственного права, могут иметь основополагающее значение по отношению ко многим другим актам, издаваемым в области материальных и процессуальных отраслей (например, акт-директива о строительстве химических предприятий мо-

---

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 93, 97.

² *Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 79.

жет предопределить издание не только иных, более конкретных плановых актов, но и ведомственных инструкций о порядке комплектования поставляемого химического оборудования и др.).

Итак, мнение о безусловной «нормативности» закона нельзя признать бесспорным. Вместе с тем следует подчеркнуть еще раз: в большинстве случаев законы имеют нормативный характер; к тому же далеко не все индивидуальные акты, в том числе плановые, могут быть облечены в форму закона; законами могут быть только акты-директивы, т.е. акты, которые играют определяющую роль в социалистической правовой системе. В дальнейшем, если развитие социалистического планирования приведет к тому, что в общих планах, облакаемых в форму закона, будут закрепляться только общие пропорции и нормативы, то все без исключения законы станут нормативными актами. Тогда окажется возможным включить признак «нормативности» в определение закона.

2. Закон в системе нормативных актов социалистического государства.

Законы занимают ведущее, определяющее положение в системе нормативных актов социалистического государства.

Ведущее положение закона состоит не в том, что большинство нормативных актов — законы. Напротив, в количественном отношении они не образуют основной массы источников права. Действующих законов в социалистической правовой системе не так уж много.

Ведущее, определяющее положение законов проявляется, так сказать, в качественном отношении. Оно основано на том, что законы посвящены основным вопросам жизни социалистического государства и в соответствии с этим содержат первичное, «изначальное» право¹. Законы как бы «ведут» за собой всю правовую систему, «определяют» ее. Это выражается в том, что законы:

а) являются основой для *развития* социалистической правовой системы: от того, каково содержание законов, какие устанавливаются ими принципы, прямо зависят объем и характер всей правотворческой деятельности государственных органов, ее конкретные направления;

б) предопределяют основное *содержание* всех иных нормативных актов: последние строятся в соответствии с законами, некоторые из них специально принимаются с целью детализации и конкретизации нормативных положений, содержащихся в законах;

---

¹ С.Г. Дробязко пишет: «В самой природе закона неизбежно отражаются такие объективные потребности юридического и материального характера, которые в совокупности своей и предопределяют его особое положение, его верховенство» (Дробязко С.Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. Минск: Изд-во БГУ, 1971. С. 68).

в) обуславливают *структуру* всей совокупности нормативных актов, юридическую силу каждого из них, субординацию нормативных актов по отношению друг к другу.

Следовательно, законы образуют *ядро, стержень* всей правовой системы.

Ведущее и определяющее положение законов среди нормативных актов выражает одно из основных требований социалистической законности — *требование верховенства закона*. В соответствии с началами социалистической демократии все правовые акты в государстве — нормативные и индивидуальные — должны основываться на законах и им не противоречить. Иными словами, начала законности предполагают не только строгое соблюдение всеми субъектами юридических норм вообще, но прежде всего строгое соблюдение юридических норм, закрепленных в законах, в том числе соблюдение законов со стороны самих правотворческих органов. Отсюда и указанное выше своеобразное построение законодательства, основанного на началах законности, когда законы образуют ядро, стержень всей правовой системы.

Ведущая и определяющая роль закона в социалистическом государстве — это не автоматически действующий факт, который существует сам по себе. Поскольку верховенство законов является выражением социалистической законности, от состояния последней зависит фактическое положение законов среди нормативных юридических актов. Существенное значение здесь имеют уровень демократического развития общественного строя, степень совершенства и культуры законодательства, культуры работы правоприменительных органов.

Верховенство законов — это именно *требование* социалистической законности. И оно должно соблюдаться в практической работе правотворческих органов. Соблюдение требования верховенства закона охватывает, в частности, следующие основные моменты: а) *существенность* законодательства — законы должны быть посвящены действительно решающим, коренным вопросам жизни страны; б) *полнота* законодательства — в законах должны быть с максимальной полнотой урегулированы все вопросы, требующие законодательного решения; в) *непререкаемость* законодательства — строгое соблюдение высшей юридической силы закона, в том числе недопущение издания подзаконных актов, противоречащих закону; г) *совершенство* законодательства по содержанию — его устойчивость, систематическое обновление и др.; д) *культура* законодательства (юридическое совершенство) — его кодифицированность, широкое применение достижений юридической техники, обеспечивающей правильное и единообразное понимание законов.

Соблюдение требования верховенства закона нуждается в определенных юридических гарантиях¹. В социалистической правовой литературе правильно обращается внимание на то, что верховенство закона означает, что «возможные расхождения или противоречия между законом и направленными на его исполнение нормативными подзаконными актами делают необходимым предварительное создание соответствующих гарантий законности в области правотворчества; эти гарантии призваны обеспечить положение, при котором основные общественные отношения регулировались бы законом, а возможные нарушения принципа главенствующей роли закона незамедлительно исправлялись»².

Характерно, что нарушения режима законности и ограничения демократии сопряжены с несоблюдением верховенства законов.

Напротив, в условиях дальнейшего развития социалистической демократии, всемерного укрепления социалистической законности верховенство законов выступает в качестве *объективной закономерности* социалистического общественного строя. В настоящее время в Советском Союзе роль закона неуклонно повышается (все важнейшие государственные мероприятия, затрагивающие основные вопросы жизни страны, облекаются в форму законов; обновляется действующее законодательство и др.). Эта тенденция, несомненно, определит развитие правотворческой деятельности органов социалистического государства и в будущем³.

Вопрос о ведущей роли законов среди других нормативных актов нельзя решать абстрактно, в отрыве от исторической обстановки, этапа и конкретных условий развития социалистического права.

Так, при *становлении* социалистической правовой системы, когда происходит интенсивное правотворчество и практически невозможно сосредоточить издание норм по основным вопросам жизни государства в руках одного государственного органа, нормативные юридические акты законодательного характера издает ряд органов государства. В Советском Союзе такими органами были съезд Советов СССР, ЦИК СССР, его Президиум, СНК, СССР и Совет труда и обороны СССР, в Российской Федерации — Всероссийский

---

¹ О гарантиях верховенства закона см.: *Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 65 и сл.

² *Сабо Имре.* Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 168.

³ «Тенденция к усилению роли законов в государственном руководстве — общая закономерность развития социалистической демократии и государственности, свойственная вообще социалистическому государству и праву» (*Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 143).

съезд Советов, ЦИК РСФСР, его Президиум и СНК РСФСР. Указанным актам присваивались различные наименования. Они назывались «декретами», «постановлениями», «распоряжениями». Но все они, кроме постановлений административного и хозяйственно-административного характера, не имеющих общего значения, официально рассматривались в качестве законов¹.

В период завершения строительства социализма наблюдалась иная картина. Конституция 1936 г. установила строгий порядок, в соответствии с которым издание законов входит в исключительную компетенцию Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик (ст. 32).

Однако указанные особенности в законодательной деятельности органов социалистического государства не ломают общего понятия закона и не уstraняют его ведущей роли в социалистической правовой системе.

Свидетельством этому является то, что и в условиях множественности законодательных органов фактически выделялись нормативные юридические акты, соответствующие общим признакам закона. Так, в СССР нормативные акты всех указанных выше государственных органов (съезда Советов СССР, ЦИК, его Президиума, СНК и СТО), хотя официально и рассматривались в качестве законов, но их значение в правовой системе было неодинаково и в соответствии с этим была неодинаковой их юридическая сила. Согласно ст. 18 Конституции СССР 1924 г. и ст. 52 Положения о ЦИК СССР постановления органов государственного управления — СНК и СТО — не должны противоречить актам высших органов государственной власти — съезда Советов СССР, ЦИК СССР, его Президиума². Как справедливо отметил С.Ф. Кечекьян, «наличие нескольких органов, наделенных правом издавать акты законодательного значения, не исключало существенных различий в их компетенции, а также подчинения одних органов другим, что, в свою очередь, обуславливало закрепление права издавать некоторые законодательные акты (конституционные законы, кодексы, акты, содержащие общие нормы политической и экономической жизни) за высшими органами государственной власти (съезд Советов, ЦИК СССР)»³.

Таким образом, даже в условиях, когда нормативным актам ряда государственных органов официально придано законодательное значение, отмеченная выше объективная закономерность, действующая при строгом соблюдении требований социалистической законности (верховенство законов), пробивала себе дорогу. Здесь как бы сталкиваются две линии в правотворческой деятельности органов государства: с одной стороны — необходимость опера-

---

¹ См. ст. 1, 2, 4 и 5 постановления ЦИК «О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР» (СЗ СССР. 1924. № 7. Ст. 71).

² В связи с этим в юридической литературе было высказано мнение о том, что постановления СНК и СТО не являются законами (*Рейхель М.О.* Очерк конституционных взаимоотношений советских республик. Харьков, 1925. С. 82 и сл.).

³ *Кечекьян С.Ф.* Советский закон // Вестник МГУ. 1952. № 4. С. 127; *Шебанов А.Ф.* Социалистическая законность и нормативные акты социалистического государства // Вестник МГУ. 1957. № 3.

тивного правотворчества и отсюда необходимость издания актов законодательного характера несколькими органами, а с другой — основанное на режиме законности объективное требование верховенства законов. Этот противоречивый процесс в развитии правотворчества на первом этапе развития социалистического права в достаточной степени еще неосмыслен в нашей литературе. Во всяком случае, следует признать недостаточным, когда после утверждения о множественности законодательных органов ставится точка. Необходимо продолжить анализ и показать те объективные тенденции в развитии правотворчества, которые выражают требования социалистической законности.

Рассматриваемый вопрос имеет и практическое значение. Следует думать, что при систематизации действующего законодательства было бы неправильным включение в число законов всех сохранивших свою силу постановлений и распоряжений СНК СССР и СТО СССР. Такой систематизации подлежат, видимо, только те нормативные акты, посвященные основным вопросам жизни социалистического государства, которые обладают высшей юридической силой, т.е. декреты и постановления органов государственной власти (съезда Советов, ЦИК СССР, его Президиума), а также совместные постановления ЦИК и СНК.

3. Конституционные и обыкновенные законы. Отмечая верховенство законов в системе нормативных актов, необходимо видеть и то, что среди законов существует дифференциация. Все законы — это правовые акты, принимаемые по основным вопросам жизни социалистического государства. Но различные законы имеют неодинаковое значение в социалистической правовой системе. Отсюда деление законов на конституционные и обыкновенные.

Конституционные законы посвящены самим основам общественного и государственного строя, основам организации государственной системы, основам правового положения личности, общественных организаций. Они не просто занимают ведущее положение в правовой системе, а играют ведущую роль в силу того, что содержащиеся в них нормы регулируют основы всех важнейших отношений в социалистическом обществе. Например, Основы законодательства по той или другой отрасли права (уголовного права, гражданского права и др.) хотя и занимают ведущее положение в социалистической правовой системе, но все же не являются конституционными. Конституционные законы содержат преимущественно нормы государственного права. Основным законом рассматриваемой группы, в обобщенном виде закрепляющий государственно-правовые нормы, так и называется — конституция. Среди других конституционных законов можно назвать законы, направленные на регулирование судеустройства, бюджетных прав Союза ССР, союзных и автономных республик, гражданства и др.

Обыкновенные законы, как правило, содержат нормы, регулирующие общественные отношения в рамках отдельных материальных и процессуальных отраслей.

Определенные различия имеются и в юридической силе обыкновенных законов. Здесь существенную роль играет подразделение актов на кодифицированные и текущие. А.В. Мицкевич правильно указал на то, что «среди общесоюзных законов различаются основы законодательства Союза ССР и законы, принимаемые «в соответствии с Основами». Именно эти последние и следует называть «текущим законодательством», учитывая, что речь идет о законах по отдельным вопросам, не кодифицированным и не играющим той основополагающей роли, которая принадлежит Основам законодательства»¹.

4. Законодательные указы. Среди нормативных указов, издаваемых Президиумом Верховного Совета СССР, Президиумами Союзных и автономных республик, выделяются указы, которые вносят изменения и дополнения в действующее законодательство, т.е. носят законодательный характер.

Значительное число указов Президиум издает в пределах своей компетенции. Эти акты относятся к числу подзаконных. Но своеобразие Президиума как государственного органа состоит в том, что он является не только высшим органом государственной власти — коллегиальным главой государства, наделенным специфической компетенцией, но и неотъемлемой частью другого высшего органа государственной власти — Верховного Совета. Поэтому Президиум может в определенных пределах частично исполнять компетенцию самого Верховного Совета, в том числе и в области законодательной деятельности. Такой порядок формально не закреплен в Конституции СССР 1936 г., но он является неизбежным следствием той особой роли, которую играет Президиум в системе органов государственной власти.

Фактическое осуществление Президиумом части компетенции Верховного Совета (в период между сессиями) и предопределяет особое положение нормативных указов, в которых выражается компетенция Верховного Совета в области законодательной деятельности.

Эти указы могут вносить изменения и дополнения в действующее законодательство и, следовательно, имеют характер законодательных актов. Как правильно отмечено в литературе, «нормативные указы Президиума Верховного Совета (как Союза ССР, так и союзных рес-

---

¹ *Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 76.

публик), издаваемые им по компетенции Верховного Совета, в течение определенного срока... фактически выполняют роль закона, т.е. являются законодательными актами»¹. При коллизии между общесоюзным указом и республиканским законодательством законы союзной республики автоматически прекращают свое действие, а вместо них действуют нормы указа. Затем в установленном порядке органы государственной власти союзной республики вносят соответствующие изменения в республиканское законодательство.

Однако юридическое значение нормативных указов, издаваемых по компетенции Верховного Совета (их и можно назвать «законодательными»), все же отличается от юридической силы законов. Это именно «законодательные акты» – акты, близкие и по юридической силе к законам, но им нетождественные. Особенность юридической силы законодательных указов выражается в следующем.

Во-первых, как показывает практика работы Президиума, последний издает законодательные указы не по всем вопросам компетенции Верховного Совета, а по вопросам, требующим, как правило, срочного решения в период между сессиями. Следует думать, что указы не могут вносить изменения и дополнения в конституционные законы (кроме административно-территориального деления и отдельных изменений в структуре органов государственного управления). В форме указов не могут приниматься кодифицированные законодательные акты, издание которых относится к исключительной компетенции Верховного Совета.

Во-вторых, указ лишь прекращает действие закона, в который вносится изменение или дополнение. Это значит, что изменения и дополнения в законодательстве не являются еще окончательными. Верховный Совет может не одобрить указ, что влечет за собой восстановление действия прежнего закона (без какой-либо новой процедуры его принятия).

В-третьих, нормативные указы, вносящие изменения и дополнения в законодательство, подлежат обязательному утверждению Верховным Советом на его очередной сессии. Это утверждение имеет двойное юридическое значение: оно, с одной стороны, не только прекращает действие прежних законоположений, но и отменяет их, а с другой – сообщает нормам, содержащимся в законодательном указе, такую же юридическую силу, какую имеют нормы закона. Поэтому официальные изменения в текст закона вносятся только после одобрения указа Верховным Советом.

---

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 118.

Утвержденный указ обладает силой закона. Причем, как правило, если данные вопросы еще не урегулированы в законодательстве, то сохраняется юридическая форма указа без замены ее законом. Содержание же тех указов, которые вносят изменения и дополнения в действующие законы, как правило, поглощается законом, в котором производятся официальные изменения. Указ в этом случае имеет в основном правотворческое значение.

В социалистических странах издание законодательных указов (или иных по наименованию законодательных актов) является объективной необходимостью¹. В соответствии с ленинским принципом соединения законодательства и управления высшие представительные органы государственной власти работают в сессионном порядке, поэтому неизбежно существование органа, который в период между сессиями мог бы вносить необходимые изменения и дополнения в законодательство (с последующим их одобрением со стороны представительного органа).

Вопрос об юридической природе указов, вносящих изменения и дополнения в законодательство, еще не нашел в нашей литературе окончательного решения.

Нередко в литературе, в том числе учебной, все нормативные указы рассматриваются в едином плане, т.е. в качестве единой разновидности нормативных актов. Едва ли это правильно. В соответствии с началом социалистической законности все нормативные акты, кроме законов, имеют подзаконный характер. Это относится и к указам, изданным в пределах компетенции Президиума Верховного Совета. Между тем указы, в которых частично реализуется (в период между сессиями) компетенция самого представительного органа, вносят изменения и дополнения в законодательство, т.е. их юридическая сила одностипна с юридической силой законов. Следовательно, к законодательным указам нужен иной подход, нежели к указам, относящимся к группе подзаконных нормативных актов.

Этот вывод не колеблется от того, что юридическая сила законодательных указов уступает юридической силе законов. Как правильно отмечалось в литературе, «при наличии двух органов, осуществляющих законодательные полномочия, неизбежно различие в юридической силе издаваемых ими актов»².

Очевидно, необходимо особенности указов, вносящих изменения и дополнения в законодательство, закрепить в конституционном порядке. При этом было бы целесообразно и терминологически отграничить их от указов, издавае-

---

¹ Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 103.

² Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 119.

мых в пределах компетенции Президиума, присвоив им официальное наименование законодательных указов или декретов, как предлагает А.С. Пиголкин.

В литературе не нашел еще окончательного решения и вопрос об юридическом значении указа в отношении прежнего законодательства. Высказано мнение, согласно которому указ приостанавливает действие закона¹. Возражая против него, И.Н. Кузнецов пишет, что «в буквальном смысле слово «приостановление» действия какого-либо акта означает временное прекращение его применения органами государства, но отнюдь не замену его новым актом, вступающим в действие вместо приостановленного»².

Приведенное соображение заслуживает внимания. Однако нельзя признать убедительной и позицию самого И.Н. Кузнецова, полагающего, что указ отменяет ранее действовавшие законоположения. Замена старого акта после принятия указа еще не является окончательной: такого рода последствия наступают лишь после утверждения указа Верховным Советом. До этого же момента указ только *прекращает действие закона*, но не отменяет его.

Обосновывая конструкцию «прекращение действия» закона, следует обратить внимание на то, что и принятые нормативные акты могут определенный промежуток времени не действовать, т.е. существовать, но пока еще не обладать юридической силой. Такое своеобразное состояние нормативных актов наблюдается в случаях, когда они вступают в действие не сразу в момент их принятия. Здесь до вступления в силу нормативный акт существует, хотя и не действует. Аналогичную в принципе картину мы встречаем при издании указа, изменяющего или дополняющего закон (с той лишь разницей, что в данном случае идет процесс отмены закона).

Защищаемая конструкция «прекращения действия» закона важна и в практическом отношении: если считать, что указ непосредственно отменяет или изменяет закон, то при отказе Верховного Совета в утверждении указа пришлось бы не восстанавливать его действие, а заново принимать прежний закон, а изменения в действующее законодательство вносить сразу же после издания указа.

5. Понятие подзаконного нормативного акта. Это *нормативный юридический акт компетентного органа, который основан на законе и закону не противоречит.*

Необходимо сразу же подчеркнуть главное: самое существование категории подзаконных актов обусловлено требованием верховенства закона. В условиях строгой социалистической законности все юридические акты (нормативные и индивидуальные) без какого-ли-

---

¹ Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. Госюриздат, 1960. С. 181–182.

² Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 120.

бо остатка подразделяются на две соподчиненные группы — законы и подзаконные акты. Если последовательно соблюдаются требования законодательной деятельности (обеспечивается при помощи законов регламентация основных вопросов жизни государства; законы принимаются только высшими представительными органами власти или в порядке референдума и др.), то подзаконность всех иных правовых актов является реальной гарантией высокого демократизма всей системы правовых актов, неуклонного проведения в ней общих принципов социалистического права. Иными словами, подзаконность как бы распространяет на всю систему правовых актов те демократические принципы, которые выражены и закреплены в законах.

Начала подзаконности должны быть особо строго осуществлены в области *нормативных* юридических актов. Дело в том, что все индивидуальные акты носят поднормативный характер, т.е. принимаются на основе и в соответствии с юридическими нормами. Следовательно, подзаконность нормативных актов является необходимым условием того, что и акты индивидуальные будут основываться на законе и закону не противоречить.

Подзаконные нормативные акты в отличие от законов, во-первых, всегда являются актами вторичного порядка (хотя содержащиеся в них нормы могут дополнять закон и, следовательно, иметь первичное значение) и, во-вторых, являются ограниченными в том смысле, что принимаются правотворческим органом в пределах его заранее определенной компетенции¹.

С точки зрения соотношения с законом подзаконные нормативные акты могут быть двух видов: а) акты, которые в подзаконном порядке дополняют закон; б) акты, которые конкретизируют закон.

Нормативные акты, в подзаконном порядке *дополняющие* закон, содержат «новые» нормы в точном и строгом смысле, т.е. нормы первичного значения. Они на основе закона дают новое решение в рамках компетенции данного правотворческого органа, осуществляющего подзаконную деятельность.

Дополнения, производимые в подзаконном порядке, следует отличать от дополнений в самом законодательстве. В последнем случае пополняется и развивается законодательство, иными словами, решаются вопросы, которые находятся в ведении законодательных органов. Здесь же решаются вопросы, не нуждающиеся в законодательной регламентации и отнесенные к ведению органов государственного

---

¹ Шибанов А.Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 89.

управления, местных Советов. Например, в законах (в Основах гражданского законодательства, в законах по управлению промышленностью и др.) установлены общие принципы правового регулирования хозяйственных взаимоотношений между предприятиями. На основе этих общих принципов Совет Министров СССР устанавливает такие нормы, которые в подзаконном порядке «дополняют» действующее законодательство, конкретно и детально регламентируют данные виды хозяйственных отношений (по капитальному строительству, материально-техническому снабжению и т.д.). Следовательно, в данном случае закон как бы оставил «пустые места» в системе нормативного регулирования, предоставив возможность заполнить их органам, осуществляющим подзаконную деятельность.

Нормы, *конкретизирующие* закон, не содержат ничего принципиально нового. Они лишь уточняют, конкретизируют применительно к данной конкретной обстановке то, что уже дано в законе, или же делают логические выводы из закона. Нередко они касаются только отдельных элементов регулируемых отношений либо определений юридических понятий. Конкретизирующие (конкретизационные) нормы не могут выходить за пределы закона, его содержания. В частности, они не могут устанавливать каких-либо юридических санкций.

Конкретизирующие подзаконные нормы, как правило, встречаются в тех случаях, когда данные вопросы регламентированы в законе с достаточной полнотой и возникает лишь необходимость детализировать положения закона. В качестве примера можно указать на Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, которое на основании закона о государственных пенсиях утверждено Советом Министров СССР¹.

Наиболее существенное значение имеют те подзаконные нормативные акты, которые дополняют закон. К их числу принадлежат, в частности, многие постановления правительства. Важное место в системе нормативного регулирования занимают также и акты, содержащие конкретизирующие нормы. Как справедливо отмечено в литературе, абстрактно сформулированная норма права зачастую не может быть непосредственно применена к конкретному жизненному случаю. Для своего применения она нуждается в опосредствовании другими, более детализированными правилами².

---

¹ СП СССР. 1957. № 1. Ст. 1.

² Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 152. Аналогичную мысль высказывает и П.Е. Недбайло. Он отно-

Конечно, грань между «дополнением» и «конкретизацией» закона довольно условна. Тем более что в одних и тех же подзаконных актах нередко встречаются нормы обоих видов. Но практически всегда можно разграничить нормы, которые на основе закона дают новое решение того или иного вопроса, и нормы, которые только конкретизируют в данной конкретной обстановке закон, являются его прямым и непосредственным продолжением.

6. Виды подзаконных нормативных актов. Понятие подзаконных актов отражает только одну черту их содержания — то, что они основываются на законе, а также одну особенность их юридической силы — то, что они закону не противоречат. В остальном же отдельные разновидности рассматриваемой группы актов во многом отличаются друг от друга, имеют существенные особенности и по своему содержанию, и по своей юридической силе.

Рассматривая разновидности подзаконных нормативных актов, следует видеть в них подразделения единой иерархической структуры («вертикальная» плоскость). Следовательно, и здесь исходный классификационный критерий — это юридическая сила того или иного акта. Применительно к подзаконным актам данный критерий берется в связи с двумя признаками:

а) компетенцией правотворческого органа и б) сферой (областью) действия акта.

По указанным признакам все подзаконные нормативные акты могут быть подразделены на четыре основные группы: 1) общие, 2) местные, 3) ведомственные, 4) внутриорганизационные (локальные).

Иногда подзаконные нормативные акты отождествляют с актами государственного управления. Действительно, акты исполнительно-распорядительных органов, принимаемые в целях практического осуществления функций социалистического государства (акты управления), составляют основную массу подзаконных актов. Но именно «основную», а не всю. Как будет показано в дальнейшем, подзаконные нормативные акты издают органы государственной власти, а также органы юрисдикции, контроля и надзора.

сит конкретизирующие (производные) нормы к юридическим средствам правильного применения норм права. Конкретизация норм права, по мнению П.Е. Недбайло, «может быть произведена путем установления другой, более детальной нормы, т.е. путем установления нового, более конкретного правила на основе общей нормы применительно к условиям места и времени» (*Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 493). Об актах, конкретизирующих нормы закона, см. также: *Мицкевич А.В.* Акты высших органов Советского государства. 1967. С. 96 и сл.

В юридической литературе нормативные юридические акты (в частности подзаконные) классифицируются по органам издания и соответственно этому — по наименованиям актов. Например, широко распространена классификация нормативных актов на такие виды: а) закон; б) указы; в) акты местных органов государственной власти; г) акты государственного управления.

Классификация по органам издания не является, однако, достаточно точной, полной и юридически последовательной. Она не может быть признана достаточно точной потому, что один и тот же государственный орган нередко обладает компетенцией на издание нормативных актов с различной юридической силой (например, Президиум Верховного Совета может издавать указы законодательного значения и указы, которые являются «чистыми» подзаконными актами). Такая классификация не является также полной, ибо она не вмещает всех разновидностей нормативных актов (например, здесь из поля зрения выпадают ведомственные акты, издаваемые органами юстиции, надзора и контроля, внутриорганизационные акты органов власти и др.). Наконец, рассматриваемая классификация юридически непоследовательна, так как она не всегда отражает юридическую силу нормативных актов (например, под рубрику «пактов государственного управления» попадают и общие акты, и ведомственные акты, и внутриорганизационные акты).

Проблема видов подзаконных актов нуждается в дальнейшем тщательном изучении. Однако и сейчас с полной определенностью можно признать: классификация актов только по органам издания и тем более по названиям актов не выдержала проверки временем. Она должна быть заменена классификацией, отражающей признаки самих подзаконных актов.

Общие подзаконные акты. Это нормативные подзаконные акты, издаваемые органами общей компетенции и распространяющиеся на всех лиц в пределах страны. По своему значению они занимают второе после законов место в социалистической правовой системе.

Данные акты посвящены общим вопросам государственного руководства делами общества, в том числе общим вопросам государственного управления. Они издаются органами государственной власти, высшим исполнительно-распорядительным органом (правительством), а также в некоторых случаях и отдельными ведомствами, наделенными в тех или иных пределах общей компетенцией.

Общий характер юридических свойств рассматриваемой группы подзаконных нормативных актов выражается в особенностях сферы их действия, а именно — они обладают внешним действием, причем юридическая сила их такова, что они принципиально распространяются на всех лиц в пределах страны.

Подобно законам общие акты могут устанавливать субъективные права и обязанности в отношении всех субъектов в пределах страны; причем даже акты, принятые по отдельным вопросам, имеют «общую» юридическую силу: они должны признаваться обязательными всеми субъектами.

Наличие единых черт, свойственных всем общим подзаконным актам, не исключает существования важных различий между отдельными их разновидностями.

К общим подзаконным актам относятся:

а) *акты высших (постоянно действующих) органов государственной власти*. В Советском Союзе к ним принадлежат указы (и постановления) Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов союзных республик, принятые в рамках их «собственной» компетенции (ст. 49 Конституции СССР, ст. 33 Конституции РСФСР и др.). Правда, акты, принимаемые Президиумом по предмету собственного ведения, носят в основном индивидуальный характер. Издаются также указы (постановления), направленные на толкование законов, и указы законодательного значения. Вместе с тем Президиум может издавать и общие подзаконные нормативные акты, имеющие целью конкретизацию и детализацию законов. В качестве примера можно отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР жителей Бессарабии...», который детализировал для данного случая положение закона о гражданстве;

б) *акты высших исполнительно-распорядительных органов (правительства)*. Основное значение среди общих подзаконных актов имеют нормативные постановления и распоряжения правительства — Советов Министров. Правительство в социалистических странах возглавляет практическую работу по осуществлению функций социалистического государства. Отсюда и роль издаваемых им нормативных актов, призванных обеспечить четкую и бесперебойную работу всей системы государственного управления.

Правительство издает правовые акты различного наименования. В Советском Союзе Совет Министров СССР и Советы Министров союзных республик оформляют свою правовую деятельность в виде «постановлений» и «распоряжений». Как общее правило, нормативный характер носят в основном постановления; такой же характер могут иметь и отдельные распоряжения.

В постановлениях Совета Министров СССР нередко содержатся первоначальные нормы. По отношению к актам, издаваемым органа-

ми управления, и местным актам постановления правительства обладают *превосходящей* юридической силой¹;

в) *общие акты отдельных ведомств*. В некоторых случаях отдельным ведомствам предоставляется право издавать акты не только внутреннего (ведомственного) значения, но и акты внешнего действия — общие подзаконные акты.

К таким ведомствам принадлежат, например: 1) Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, который издает постановления, правила и инструкции, а также дает министерствам и ведомствам разъяснения по вопросам труда и заработной платы; 2) Министерство путей сообщения СССР, которое вправе издавать правила перевозки отдельных видов грузов, а также правила перевозок пассажиров и багажа, обязательные для клиентуры; 3) Министерство финансов СССР, издающее приказы и инструкции, обязательные по финансовым вопросам для всех участников финансовых отношений; 4) Госбанк СССР, инструкции которого по денежным расчетам, банковскому кредитованию, кассовым операциям и другим обязательны для банковской клиентуры; 5) Министерство здравоохранения СССР, издающее обязательные гигиенические нормы, санитарно-гигиенические и санитарно-противоэпидемические правила по вопросам гигиены и эпидемиологии.

Общее значение может принадлежать также актам отдельных Государственных комитетов (например, по внедрению новой техники). Нормативные акты последних в рамках предоставленных им прав могут быть обязательными для иных ведомств и организаций.

Акты отдельных ведомств могут иметь общее значение лишь в тех пределах, в каких этим ведомствам в установленном порядке предоставлены полномочия на издание такого рода актов. Причем иногда ведомственные акты (например, инструкции Госбанка СССР) могут иметь, так сказать, «отраженное» внешнее действие, т.е. они в принципе распространяются на данное ведомство, но поскольку с этим ведомством вступают в определенные взаимоотношения другие субъекты, последние не могут не соблюдать ведомственных правил. Во всех указанных случаях основы взаимоотношений между данным ведомством и иными субъектами должны быть урегулированы в законах и других общих нормативных актах (указах Президиума Верховного Совета, постановлениях Правительства).

---

¹ Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 122–123.

Местные подзаконные акты. Это нормативные подзаконные акты, издаваемые территориальными органами государственной власти и управления и распространяющиеся на лиц, находящихся на данной территории. Местные акты имеют известные черты сходства с предшествующей группой: и те и другие обладают внешним действием — распространяются на всех лиц на данной территории (страны, административно-территориальной единицы). Но в отличие от общих рассматриваемая группа актов имеет местное значение.

Они посвящены «местным вопросам», т.е. вопросам местной жизни в пределах той или иной административно-территориальной единицы — края, области, района, города, поселка, села и др.

Отсюда и своеобразие их юридической силы. Местные акты принципиально имеют внешнее действие — распространяются на всех лиц, но только в пределах данной территории.

В Советском Союзе местные акты издают местные Советы и их исполкомы. В соответствии со ст. 98 Конституции СССР местные Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и союзных республик¹. Местные Советы и их исполкомы могут издавать так называемые «обязательные» постановления-решения, т.е. решения с административными санкциями. В соответствии с действующим законодательством эта санкция может состоять в штрафе до 10 рублей. Нормативные акты местных Советов издаются на строго определенный срок — не свыше двух лет.

Ведомственные акты. Это подзаконные нормативные акты, издаваемые органами специальной компетенции (ведомствами) и распространяющиеся на организации и лиц, входящих в данное ведомство². Они в отличие от общих и местных актов посвящены «ведомственным вопросам», т.е. вопросам, имеющим «внутреннее» значение именно для определенного ведомства — министерства, государственного комитета, системы государственных органов. Поэтому в принципе они обладают внутренним действием: распространяются только на организации и лиц в пределах данного ведомства.

---

¹ Как показала практика, «решения — результат коллегиального обсуждения вопроса на заседании исполнительного комитета, распоряжение — акт, издаваемый в оперативном порядке единолично председателем или его заместителем от имени исполкома» (Агеева Е.А. К вопросу об издании актов исполнительных комитетов // Вестник ЛГУ. 1965. № 5. С. 95—102).

² О ведомственных актах см.: Ноздрачев А.Ф. Место ведомственных актов в иерархии нормативных актов Советского государства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 19. 1969. С. 76—92.

Ведомственные акты издают многие государственные органы (а также общественные организации в тех пределах, в каких они наделены государством правотворческими функциями).

Большое количество разнообразных ведомственных актов издают исполнительно-распорядительные органы — *органы государственного управления*. Ведомственные акты в области государственного управления, помимо иных вопросов, регулируют взаимоотношения между отдельными звеньями данной системы государственного управления, правовое положение нижестоящих органов управления, отдельных должностных лиц и т.д.

Ведомственные акты в государственном управлении сами подчас образуют определенную систему, отличаются друг от друга по своей юридической силе. Наибольшей (преобладающей) юридической силой среди ведомственных актов государственного управления отличаются акты центральных органов отраслевого или функционального управления. К их числу относятся, например, ведомственные приказы и инструкции министров, председателей государственных комитетов и др.

Ведомственные нормативные акты издают также *органы юстиции, надзора и контроля*. Подчас эта группа ведомственных актов не принимается во внимание. Принято считать, что органы юстиции, надзора и контроля не обладают правотворческими функциями: они призваны обеспечить действие права, а не творить его. В общем это правильно, но только в отношении лишь общих нормативных актов. Между тем не может вызывать сомнений, что для решения возложенных на них задач центральные органы юстиции, надзора и контроля должны издавать ведомственные акты, регламентирующие внутреннюю деятельность судебной системы, прокуратуры, органов государственного контроля. Так, министр юстиции издает приказы и инструкции. Ведомственные нормы могут быть найдены в приказах и циркулярах Генерального прокурора, в инструкциях Комитета народного контроля и т.д.

Некоторые ведомственные акты одновременно могут быть отнесены к разряду местных актов. Они обособляются не только по признаку ведомства, но и по территориальной сфере действия.

Ведомственными актами местного значения являются, например, приказы, инструкции, распоряжения и иные акты ведомственного характера, исходящие от управлений и отделов исполкомов местных Советов, в том числе финансовых отделов (областного, городского и т.д.), управлений местной промышленности, торговли и др.

Ведомственные нормативные юридические акты имеют весьма различные наименования. Они называются приказами, инструкциями,

циркулярами, положениями, правилами, указаниями и т.п. Такое разнообразие наименований ведомственных актов создает известные неудобства. Было бы целесообразно, как и в других случаях, узаконить наименования ведомственных актов.

Внутриорганизационные (локальные) подзаконные акты. Это нормативные подзаконные акты, издаваемые организацией только для решения своих внутренних вопросов и действующие лишь в ее пределах. Они имеют много черт сходства с ведомственными актами. Так же как и последние, они обладают внутренним действием. Однако их содержание и юридическая сила еще более ограничены. Они являются «внутренними» в строгом смысле этого слова, выражают начала децентрализации в правовом нормативном регулировании¹.

Внутренний характер рассматриваемой группы актов выражается в компетенции организаций (предприятий, колхозов), которые вправе их издавать. Они посвящены организационным отношениям, которые складываются на данном предприятии, в колхозе. В большинстве случаев эти акты касаются вопросов дисциплины труда, порядка взаимоотношений между отдельными подразделениями данной организации и т.д.

По своей юридической силе внутриорганизационные акты характеризуются локальной сферой действия. Это соответствует и их содержанию: в них выражаются и закрепляются локальные юридические нормы.

К внутриорганизационным актам относятся, в частности, правила внутреннего распорядка, действующие в пределах определенного предприятия, уставы колхозов и др. Локальные нормы могут содержаться также в отдельных приказах директора предприятия или руководителя учреждения, устанавливающих ведомственные правила для данного коллектива рабочих и служащих.

7. Подзаконные нормативные акты и акты толкования (интерпретационные акты). Подзаконные акты, содержащие конкретизирующие нормы, могут быть одновременно охарактеризованы в качестве *интерпретационных*, т.е. актов, выражающих официальное толкование законов и других общих норм.

Ведь конкретизация закона и достигается путем его толкования, уяснения, при котором положения закона детализируются примени-

---

¹ В особом изучении нуждается проблема соотношения начал централизации и децентрализации в правовом нормативном регулировании. Она имеет не только общетеоретический интерес, но и интерес для ряда отраслевых наук (см., в частности: *Беляева З.С.* Источники колхозного права. Наука, 1972. С. 155, 250 и др.).

тельно к данному кругу общественных отношений, в специфичной сфере деятельности¹.

Отмеченная особенность подзаконных актов, содержащих конкретизирующие нормы, относится, в частности, ко многим ведомственным актам, в содержании которых тесно переплетаются моменты разъяснения и конкретизации законов и актов правительства².

Такая «двойная» характеристика подзаконных актов (одновременная квалификация их и в качестве нормативных актов, и в качестве актов интерпретационных) не должна, однако, заслонять того, что они прежде всего являются актами правотворчества. Толкование здесь входит в качестве существенного момента в содержание правотворчества и, следовательно, является своеобразной разновидностью толкования, несущей на себе «печать» целого (правотворчества). Это дает возможность провести грань между подзаконными нормативными актами, содержащими момент интерпретации закона, и теми, которые входят в систему интерпретационных актов. Так, нормативные акты, специально направленные на разъяснение «вышестоящих» норм (например, указы или акты правительства), а также акты аутентического толкования, хотя и имеют правотворческую природу, все же прежде всего выполняют интерпретационную функцию (п. 8 гл. XXX).

---

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 121, 123–126.

² См. позицию по данному вопросу А.В. Мицкевича (*Ученые записки ВНИИСЗ*. Вып. 3 (20). М., 1964. С. 198).

ГЛАВА XXVI

ЮРИДИЧЕСКАЯ (СУДЕБНАЯ) ПРАКТИКА, ЕЕ РОЛЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

1. Понятие юридической (судебной) практики. Это объективированный опыт реализации права, складывающийся в результате деятельности компетентных органов по применению юридических норм.

Необходимо четко различать «практику» как конкретную организаторскую деятельность в области права и «практику» как *итог, результат этой деятельности*¹. Первая — это основа научного познания, критерий истинности юридической науки (п. 5 гл. XL); вторая — одна из форм правовой реальности, связанной с правовым регулированием, с правотворчеством. Хотя объективированный опыт реализации права и выражает «практику» в первом из указанных смыслов, — это все же не сама по себе деятельность, а ее итог, результат. Вот этот итог, результат организаторской деятельности в области права и понимается под словом «практика» в настоящей главе.

Юридическая практика формируется в *связи с применением юридических норм*². Конечно, и при непосредственной реализации права (когда субъекты соблюдают, исполняют и используют нормы) также может накапливаться известный опыт, имеющий чисто фактический характер. Значение юридической практики он приобретает лишь в той мере, в какой его воспринимают и воплощают в своей деятельности правоприменительные органы.

Ведь применение права представляет собой творческую, активно организующую деятельность. Правоприменительные органы уполномочены на основании и в рамках закона реализовать юридические нормы «применительно к данному случаю». С этой целью они решают дела, причем нередко осуществляют индивидуальное регулирование конкретных отношений. Поэтому и опыт, накапливаемый в процес-

---

¹ Такого различия не проводит В.П. Реутов, по мнению которого юридическую практику образует деятельность субъектов права, выражающаяся в совершении правовых актов (*Реутов В.П.* Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 5).

² *Венгеров А.Б.* Роль судебной практики в развитии советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 8.

се такого творческого, конкретизированного применения, приобретает *известное юридическое значение для будущего*, для решения других юридических дел.

Рассматриваемая особенность юридической практики позволяет понять, почему наибольшее значение в правовом регулировании имеет судебная практика. Суд — орган социалистического правосудия, который действует в формах, обеспечивающих максимальные условия для достижения истины по юридическим делам и для защиты субъективных прав, и который в соответствии с этим обладает наибольшими возможностями по творческой, индивидуализированной реализации норм права. Именно в судебной практике с наибольшей полнотой проявляются роль и функции юридической практики в целом.

Юридическая (судебная) практика имеет так или иначе *объективированный характер*. А это значит, что наряду с юридическими нормами и правосознанием существует внешне объективированная, весьма специфическая, подвижная и гибкая сфера правовой реальности, «участвующая» в правовом регулировании. Она (сфера) примыкает к нормативной основе механизма правового регулирования, является производной от нее, выполняя по отношению к юридическим нормам вспомогательные, подсобные функции.

2. Юридическая (судебная) практика как форма конкретизации юридических норм. Необходимость юридической (судебной) практики как специфической разновидности правовой реальности вызвана главным образом высокой нормативностью, свойственной праву, и возникающей отсюда неизбежностью конкретизации нормативных предписаний в процессе их применения. «Закон всеобщ, — писал К. Маркс. — Случай, который должен быть определен на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и *судья*. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»¹.

Диалектическое единство высокой нормативности и необходимости конкретизации нормативных предписаний носит характер объективной закономерности.

С.Н. Братусь убедительно показал, что «норма права (если она сформулирована не казуистически) — это такое общее правило, которое неизбежно в своем применении конкретизируется в других, под-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 66–67.

чиняющихся этой норме, правилах. Чем абстрактнее норма права, тем большее количество отношений и жизненных ситуаций она охватывает. Такая норма зачастую не может быть непосредственно применена к конкретному жизненному случаю. Она нуждается для этого в опосредствовании другими нормами, являющимися также общими, но более детализированными правилами»¹.

Повышение уровня нормативных обобщений вызывает в качестве неизбежного следствия усиление роли юридической (судебной) практики в процессе правового регулирования. В ходе практики постепенно намечаются направления в решении юридических дел, определяются ориентиры, раскрывающие смысл норм и значение терминов, вырабатываются определенные образцы, типовые решения той или иной категории дел.

Необходимость юридической практики обусловлена также наличием известных пробелов в праве (гл. XXXIV). В таких случаях правоприменительный орган решает юридические дела в порядке индивидуального регулирования при помощи аналогии, в том числе аналогии права, а также субсидиарного применения юридических норм. Такого рода «правовосполнительная» деятельность правоприменительных органов приводит со временем к выработке определенных ориентиров, типовых решений, входящих в состав юридической практики.

Таким образом, глубинное социальное значение юридической практики состоит в том, чтобы *обеспечить более тесную связь права с жизнью, с практической деятельностью*. Судебная практика «способствует снятию возможной напряженности между стабильностью правопорядка и состоянием действующего права»². Она, следовательно, обеспе-

---

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 152; см. также: *Венгеров А.Б.* О применении конституционных норм судебными органами СССР // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 44. Автор указывает, в частности: «Способ регулирования общественных отношений при помощи масштабов (мер), общих правил поведения порождает и такое неотъемлемое свойство права, как конкретизация права. Нормативность и конкретизация – две диалектически взаимосвязанные стороны, характеризующие правовой способ регулирования общественных отношений».

² *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. Наука, 1971. С. 299.

В литературе правильно обращено внимание на то, что существуют такие социально-правовые «компенсирующие» механизмы, которые способны «привести систему в состояние устойчивого равновесия путем своевременного исправления... параметров в сторону их приближения к требованиям социальной реальности» (*Яковлев А.М.* Предмет социально-правового исследования // Советское государство и право. 1970. № 8. С. 53). Такого рода «компенсирующим» механизмом и является юридическая практика.

чивает динамизм социалистического права — такое положение, при котором право как система стабильных норм, не изменяясь по содержанию, способно в определенной степени учитывать изменяющиеся условия общественной жизни.

Но здесь возникает такой вопрос. Не следует ли стремиться к тому, чтобы все потребности общественной жизни через четко отработанный механизм обратной связи сразу же получали отражение в законах и иных нормативных юридических актах, издаваемых компетентными правотворческими органами?

Все дело, однако, в том, что создание такого рода идеального механизма обратной связи едва ли возможно, да и нецелесообразно. Не все образцы и типовые решения по применению законодательства оказываются готовыми для того, чтобы их можно было сразу включить в общие нормы. Нередко здесь нужна длительная «обработка» непосредственно в ходе конкретно-практической деятельности. Да и не все образцы и типовые решения в силу их частного и подвижного характера нуждаются в том, чтобы их закреплять в общих нормах. Ведь законодатель, «как правило, реагирует на происходящие изменения уже в критический момент, когда окончательно созревают условия перехода количественных изменений к качественным преобразованиям»¹. Лишь после более или менее длительной проверки самой жизнью выясняется, какие из правоположений нуждаются в дальнейшем развитии и закреплении в общих юридических нормах. При этом, как учит опыт, оказывается целесообразным первоначально закреплять типовые решения в актах центральных органов юрисдикции, в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Здесь они проходят своего рода «вторичную» проверку, причем уже в виде подзаконных норм правоприменения, конкретизирующих общие юридические нормативные предписания.

Указывая на то, что юридическая (судебная) практика представляет собой особую сферу правовой реальности, необходимо подчеркнуть ее безусловную зависимость от нормативной основы механизма правового регулирования — действующей системы юридических норм. Это явление строго подзаконного порядка, выражающее толкование действующих нормативных юридических предписаний. Юридическая практика в условиях социалистической законности не должна дерогировать закон, т.е. корректировать нормы права, устанавливать первоначальные

---

¹ *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 125.

нормы, вносить дополнения и исправления в общие нормативные предписания, словом, вырабатывать положения, которые бы противоречили закону, общим нормам («контрзаконы»). Ее роль чисто служебная, вспомогательная — конкретизировать юридические нормы в процессе толкования с учетом особенностей данной обстановки в рамках применения права. Воздействовать же на нормативную основу механизма правового регулирования юридическая (судебная) практика может только опосредованным путем — через деятельность компетентных правотворческих органов.

В юридической науке значение судебной практики не получило до сих пор достаточно полной и точной оценки.

До недавнего времени самостоятельное юридическое значение судебной практики многими юристами вообще отрицалось¹. Непризнание нашим законодательством судебного прецедента, т.е. общеобязательности судебного постановления при рассмотрении аналогичных дел в будущем, породило мнение о том, что решение судами уголовных и гражданских дел представляет собой формально-логический процесс, в результате которого происходит простое «приложение» закона к тем или иным жизненным обстоятельствам.

Между тем фактически давно всем ясно, что без учета судебной практики невозможны ни деятельность судов, ни функционирование законодательства, ни плодотворность выводов науки.

Поворот в научных представлениях о значении юридической (судебной) практики наметился в последние годы.

Так, А. Безина и В. Лазарев высказали взгляд о том, что судебные органы осуществляют деятельность по конкретизации закона, причем эта деятельность не сводится к одному лишь толкованию юридических норм, а выражается в выработке правоположений, которые хотя и не могут быть поставлены на одну плоскость с юридическими нормами, тем не менее вносят в правовое опосредствование общественных отношений новые элементы². Необходимость конкретизации юридических норм и как следствие этого самостоятель-

---

¹ Вместе с тем ряд авторов (С.Н. Братусь, С.И. Вильнянский, И.Б. Новицкий, П.Е. Орловский, А.А. Пионтковский и др.) указывали на роль судебной практики. Крайнюю позицию занимал здесь С.И. Вильнянский, который признавал судебную практику особым источником права, причем таким, который может корректировать общие нормы (*Вильнянский С.И.* К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. 1939. № 4; *Он же.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. Вып. 9. Юриздат, 1947).

² *Безина А., Лазарев В.* Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6–7. Авторы пишут: «При конкретизации... существующие правила преобразуются в более детальные, более усовершенствованные, более «подготовленные» для применения к данному типу своеобразных обстоятельств» (там же. С. 6).

ное правовое значение юридической (судебной) практики признано и рядом других авторов (А.Б. Венгеровым, В.П. Реутовым и др.). Глубокий анализ правового значения постановлений Пленума Верховного Суда и инструктивных писем Государственного арбитража проделан С.Н. Братусем. Думается, в настоящее время накоплен достаточный фактический и научный материал для того, чтобы в полной мере раскрыть значение юридической (судебной) практики в процессе правового регулирования. Проблема, так сказать, «созрела» и ждет развернутого исследования.

3. Функции юридической (судебной) практики. Это те направления, в которых проявляются правовое значение юридической практики, ее роль в процессе правового регулирования. Таких функций две:

а) *правоконкретизирующая* — функция, выражающая конкретизацию юридической практикой содержания правовых предписаний. Она воплощается в так или иначе объективированных образцах, типовых решениях юридических дел, выработанных применительно к своеобразной конкретной жизненной ситуации. Как правильно отмечено в литературе, различаются три вида конкретизации: общего смысла законодательства; содержания нормы права, сформулированной в общем виде; понятий (терминов, дефиниций), включенных в правовую норму¹. Каждый из этих видов имеет свои специфические пределы и по-разному проявляется в тех или иных отраслях права;

б) *сигнально-информационная* — функция, выражающая назревшие требования об изменении, развитии, совершенствовании юридических норм. В.П. Реутов пишет: «Юридическая практика есть составная часть процесса правового регулирования и одновременно она является «поставщиком информации» для канала обратной связи между нормами права и общественными отношениями»². Причем юридическая практика — это не пассивный сигнальный аппарат. Она выражает назревшие потребности, ее сигналы носят активный, побудительный характер; к тому же они во многих случаях объективируются в противоположениях и подзаконных нормах правоприменения, которые выступают в виде прошедших известную проверку прообразов юридических норм.

Обе функции юридической практики взаимосвязаны. В частности, во многих случаях конкретизация является этапом на пути формирования норм права (п. 8).

¹ Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 8.

² Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. 1970. № 3. С. 115.

4. Особенности правоприменительной конкретизации норм права и формы юридической (судебной) практики. Юридическая (судебная) практика выражает такие результаты конкретизации норм права, которые *вырабатываются и существуют* в рамках применения права.

Это обстоятельство необходимо специально подчеркнуть потому, что конкретизация права выступает и в другом виде — в виде подзаконных конкретизирующих нормативных актов, исходящих от компетентных правотворческих органов (правотворческая конкретизация)¹. Здесь же конкретизация представляет собой объективированный опыт, который не выходит за пределы иной разновидности властно-государственной деятельности — применения права (правоприменительная конкретизация).

Различая правотворческую и правоприменительную конкретизацию норм права, необходимо видеть, что именно здесь, в области конкретизации, правотворчество и применение права тесно соприкасаются, взаимодействуют.

Не случайно акты аутентического и легального толкования имеют «двойную» природу: выражая правотворческую деятельность соответствующих органов, они в то же время включаются в систему интерпретационных актов (п. 8 гл. XXX).

Весьма близко с правотворчеством соприкасается деятельность центральных юрисдикционных органов (Пленумов Верховных Судов). Формулируемые ими подзаконные правила имеют иную природу, нежели подзаконные конкретизирующие нормы правотворческих органов: они являются нормами правоприменения, вызванными потребностями судебной практики. Но они все же являются нормами, формально-определенными правилами, которые нередко в «готовом виде» воспринимаются в актах правотворческих органов.

Итак, правоприменительная конкретизация представляет собой *особую деятельность*, существующую «рядом» с правотворчеством, к нему примыкающую, его обслуживающую, с ним взаимодействующую, но — деятельность, которая с правотворчеством не сливается².

Отсюда своеобразие форм юридической (судебной) практики.

---

¹ *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971. С. 175–179.

² Отграничивая конкретизацию от правотворчества, А.Б. Венгеров пишет, что первая представляет собой «совершенно особый процесс реализации и развития права, существующий в действительности» (*Венгеров А.Б.* Указ. автореферат. С. 8).

К этим формам относятся:

- а) конкретизирующие суждения, входящие в профессиональное и научное правосознание;
- б) правоположения;
- в) подзаконные нормы правоприменения.

Характеризуя эти формы, важно еще раз обратить внимание на то, что юридическая практика складывается в результате правоприменительной (властно-государственной) деятельности компетентных органов. Она — результат официального толкования, входящего в состав применения права. Лишь одна из начальных, первичных форм юридической практики выражается только в конкретизирующих суждениях, включающихся в правосознание. Но и здесь она приобретает юридическое значение, так как это — суждения правоприменительных органов, которые через профессиональное и научное правосознание входят в механизм правового регулирования. Другие же, более развитые формы юридической практики (правоположения, нормы правоприменения) только и могут существовать в виде объективированных результатов конкретизирующей деятельности компетентных правоприменительных органов¹.

Юридическая практика выражается и закрепляется в определенных *внешних формах*, в актах. Это: а) индивидуальные акты применения права, включая акты кассационной и надзорной инстанций; б) подзаконные интерпретационные акты центральных юрисдикционных органов (в частности, нормативные постановления Пленума Верховного Суда СССР). Профессиональное и научное правосознание, кроме того, внешне выражается в специальной научной литературе, в комментариях практики.

---

¹ Правоприменительную природу конкретизации юридических норм не учитывает *Черданцев А.Ф.* Он рассматривает конкретизацию только как одну из «мыслительных операций» толкования права, в результате которой могут быть получены, с одной стороны, более конкретные нормы, а с другой — в определенной степени конкретные суждения о содержании нормы права» (*Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 35). Конкретные суждения о содержании права — это, действительно, результат всякого — официального и неофициального — толкования, продукт чисто мыслительных операций. «Более же конкретные нормы» не могут быть результатом чисто мыслительных операций. Они вырабатываются при помощи толкования, но толкования не всякого, а лишь официального, входящего в состав применения права. Источник конкретизации — властно-государственная деятельность компетентных органов, а не само по себе толкование. Вряд ли поэтому у автора были основания использовать для обозначения указанной «мыслительной операции» терминологию и критически оценивать положения, выработанные в отношении правоприменительной конкретизации.

5. Конкретизирующие суждения, входящие в профессиональное и научное правосознание. Это первоначальная форма юридической (судебной) практики, которая объективируется в правосознании.

В ряде случаев акты применения (например, судебные приговоры или решения) не содержат каких-либо обобщенных положений, разъяснений, указаний. Однако и в таких актах проявляется то *понимание* действующих юридических норм, которым руководствовался правоприменительный орган. В них незримо как бы «спрятан» образец применения нормативных предписаний к данным фактическим обстоятельствам.

В рассматриваемых случаях вполне оправданно говорить о *прецеденте толкования*. В отличие от судебного и административного прецедента (который является источником права), прецедент толкования «связан с разъяснением уже существующей нормы права, с выработкой определенного, «устоявшегося» положения о применении нормы права по аналогичному делу»¹.

Но если акты применения не содержат каких-либо обобщенных положений, разъяснений, указаний, то где же реально существует, накапливается опыт применения законодательства? Формой существования судебной практики является здесь профессиональное и научное правосознание.

Своеобразие профессионального правосознания в том и состоит, что оно, формируясь на основе практической деятельности юристов-профессионалов, вбирает в себя опыт применения юридических норм. Хранилищем юридической практики является и юридическая наука. Одна из важных задач специальных юридических исследований, посвященных конкретным правовым институтам и нормам, заключается в теоретическом освоении практики применения законодательства. Взаимодействуя и взаимообогащаясь, профессиональное и научное правосознание создают общую атмосферу применения юридических норм, юрисдикционной деятельности.

Профессиональное и научное правосознание имеет общее, универсальное значение как средство выражения и закрепления юридической (судебной) практики: усваивает опыт применения права, выраженный также и в правоположениях, и в подзаконных нормах правоприменения центральных юрисдикционных органов. В то же время они выступают и в качестве единственной формы существования практики. И это имеет место в случаях, когда образец применения незримо «спрятан» в конкретном правоприменительном акте.

---

¹ Венгеров А.В. О прецедентном толковании правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 6. 1966. С. 3.

Рассматриваемая форма юридической (судебной) практики является первичной, наиболее простой. Нередко здесь только намечается линия решения определенной категории дел, постепенно накапливается опыт (на данном этапе особенно важна роль науки не только как хранилища практики, но прежде всего как активного инструмента ее формирования). По большей части вырабатываемые в правоприменительных актах образцы касаются правовой квалификации фактов, условий действия нормы (гипотез) и выражаются в оценках фактических обстоятельств, имеющих (или не имеющих) юридическое значение. Для понимания практики здесь важны детали фактических обстоятельств. Решение же правоприменительного органа обычно состоит в указании на то, охватываются или нет те или иные обстоятельства нормой. Отсюда формулировки решений: «при таких обстоятельствах администрация имела право уволить...», «эти фактические обстоятельства не имеют правового значения для решения спора...», «при таких обстоятельствах дело подлежит прекращению...» и т.д.

Но все же это опыт применения норм, состоящий в известных образцах и накапливающийся в профессиональном и научном правосознании. Причем и такого рода образцы могут формулироваться в рамках правосознания в виде некоторых обобщенных формул. Примером подобных формулировок служат заголовки судебных решений и приговоров, публикуемых в сборниках судебной практики, а также общие положения, содержащиеся в научных исследованиях и ведомственных обобщениях практики.

6. Правоположения. Это *устоявшиеся типовые решения применения юридических норм, которые реально приобретают черты общих правил.* Правоположения представляют собой более высокую ступень юридической практики (прецедентного толкования): являются устоявшимися типовыми решениями, которые касаются не только фактических обстоятельств, но и в определенной мере конкретизируют *содержание прав и обязанностей.*

В качестве примеров такого рода правоположений можно указать на действующие на практике (до принятия новых гражданских кодексов) показатели, на основании которых определялся круг «членов семьи нанимателя», понятие опасности как предпосылки для признания данных услуг «оказанием помощи» в смысле ст. 164 Кодекса торгового мореплавания СССР и др. В настоящее время значение правоположений приобрели критерии, определяющие юридическую силу гарантийных писем жилищных органов (в одном из постановлений Вер-

ховного Суда РСФСР говорится: «Что касается гарантийного письма жилищного органа о предоставлении истице другой комнаты, то оно не может иметь правового значения, если жилищные права нанимателя нарушаются»¹.

Правоположения — это еще не нормы. Они лишены строгой определенности по содержанию, не закреплены формально. Но они уже выходят за пределы правосознания и в определенной степени внешне объективируются в актах правоприменительных органов. Правоположения могут быть охарактеризованы в качестве объективированных «сгустков» правосознания, т.е. специфических правовых явлений, находящихся на грани правосознания и норм.

Иначе говоря, правовоположения — это *формирующиеся конкретизирующиеся нормы*, которые в данный момент выступают как типовое решение при применении права, своего рода обычай². Отсюда вполне оправданно видеть в правовоположениях *прообразы норм*³.

Правоположения нераздельно связаны с действующими юридическими нормами, со смыслом, «духом» действующего законодательства, носят подзаконный, поднормативный характер. Они не могут служить самостоятельным основанием возникновения прав и обязанностей. Во всех случаях они остаются типовыми решениями при применении права, формой практики. Но будучи объективированным результатом прецедентного толкования, правовоположения не сливаются с действующими нормами, а представляют собой *относительно самостоятельные правовые явления*, специфическую разновидность правовой реальности.

Отсюда бóльшее юридическое значение правовоположений, их более существенная регулятивная роль. Они не только намечают линии решения определенной категории дел, но непосредственно направляют практическую деятельность юрисдикционных органов, судебную практику. Вот почему Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 6 октября 1970 г. «О мерах по дальнейшему улучшению деятельности судебных коллегий по гражданским делам Верховных судов союзных республик» дал также руководящее указание: решения и определения судебных коллегий, имеющие значение для правильного направления судебной практики, доводить до сведения всех нижестоящих судов⁴.

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 1. С. 4.

² *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 13.

³ *Реутов В.П.* Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 10.

⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 6. С. 25.

Именно в отношении правоположений оправданно высказанное в литературе предложение о необходимости приведения в мотивировочной части судебного решения ссылки не только на закон, но и на акт казуального разъяснения закона¹.

Категория «правоположение», выдвинутое и обоснованное рядом авторов (А.Б. Венгеровым, В.В. Лазаревым, В.П. Реутовым и др.), все более утверждается в юридической науке.

На мой взгляд, эта категория является своего рода теоретической «находкой», научной конструкцией, имеющей существенное перспективное значение. Она позволяет провести четкую грань между нормами права и одной из специфических форм юридической практики. Вместе с тем данная категория показывает, что результаты конкретизации права в ходе его применения носят характер *положений*, обладающих интеллектуально-волевым содержанием и известными регулируемыми свойствами. А это ориентирует на то, чтобы относиться к объективированным формам практики как к реальности, т.е. активно их изучать и использовать в практической деятельности. Наконец, категория «правоположения» наглядно показывает процесс формирования в ходе практики новых юридических норм.

Конечно, процесс утверждения категории «правоположение», как и всякой новой категории, не так уж прост. И дело не только в том, что он предполагает известное преодоление сложившихся традиций и представлений (состоящих, в частности, в недооценке значения юридической практики). Необходимо дать развернутое научное объяснение данной категории, согласуемое с принципами социалистического права. А отсюда и вопрос практического порядка: каковы конкретные показатели, которые с полной надежностью свидетельствовали бы, что вырабатываемые в ходе практической деятельности правоположения остаются в рамках конкретизации общих норм?

7. Подзаконные нормы правоприменения центральных юрисдикционных органов (постановления Пленумов Верховных Судов). Это нормы, принимаемые в подзаконном порядке центральными органами юрисдикции с целью руководящего разъяснения применения законодательства по вопросам, возникающим при практическом решении юридических дел.

Подзаконные нормы центральных юрисдикционных органов представляют собой наиболее высокую форму юридической (судебной) практики. Их также нередко называют правоположениями. И это в общем верно, так как нормы правоприменения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и других центральных юрисдикционных органов, вырастают из правоположений, устояв-

¹ Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 104–105.

шихся на практике. Они уже вплотную подходят к упомянутой выше грани между правосознанием и «юридическим бытием». Это уже «настоящие» формально закрепленные конкретизирующие нормативные предписания, хотя они и находятся в иной плоскости, нежели нормы, вырабатываемые в порядке правотворчества¹.

В действующих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, изданных и в прошлом, и в последние годы, можно найти немало конкретизирующих норм правоприменения. Один из примеров этого – постановление Пленума от 18 марта 1963 г. «О практике применения ст. 62 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». В рассматриваемом постановлении наряду с указанием на смысл отдельных частей ст. 62 Основ содержится ряд правил, которые являются логическим выводом из норм ст. 62 и других нормативных положений, их конкретизацией применительно к тем или другим своеобразным фактическим обстоятельствам (п. 5, 6, 8, 10)².

Конкретизирующие правоприменительные предписания нередко содержатся и в постановлениях Пленумов Верховных Судов союзных республик. Так, в постановлении № 62 Пленума Верховного Суда РСФСР дается разъяснение о том, что следует понимать под «другими крепкими напитками», о которых говорится в диспозиции ст. 158 УК РСФСР, конкретизируется положение этой же статьи о «сбыте» крепких спиртных напитков и др.³

Конечно, в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и в нормативных актах других центральных юрисдикционных органов есть и «просто» конкретизирующие суждения, а также указания по организационным вопросам, констатация ошибок, веления надзорного характера и др. Вместе с тем анализ работы Пленума показывает, что он не может выполнить своей роли органа, призванного

---

¹ Именно потому, что нормы правоприменения, выраженные в нормативных актах центральных юрисдикционных органов, представляют собой наиболее высокую форму юридической практики, они могут «заделать» пробелы в праве и тем самым устранить необходимость применения права по аналогии или в субсидиарном порядке. Как показал К.И. Комиссаров, «Пленум предрешает правовой характер конкретного общественного отношения и выбор нормы, подлежащей применению по аналогии, т.е. дает обязательное указание как раз по тем вопросам, которые в ином случае разрешаются на основе судебного усмотрения, и таким образом исключает последнее» (*Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 56).

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1963 гг. // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1964. С. 8–12.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 3. С. 2.

давать руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства, если эти разъяснения не выражаются в конкретизирующих предписаниях¹.

Характеризуя нормотворческую деятельность центральных юрисдикционных органов, важно подчеркнуть следующие три момента.

Во-первых, *издание конкретизирующих норм центральными юрисдикционными органами полностью согласуется с принципами социалистической законности*. Функция разъяснения законодательства прямо входит в компетенцию Пленума Верховного Суда СССР и других центральных юрисдикционных органов.

Общеобязательное же разъяснение юридических норм, т.е. нормативное официальное толкование, не может быть не чем иным, как конкретизирующим нормативным предписанием. Нормативное толкование только и может быть выражено в других, более конкретных (интерпретационных) нормах. Следовательно, результаты толкования, будучи продолжением и выводом из юридических норм, имеют относительно самостоятельное значение. Причем нормативное разъяснение состоит как в общеобязательном толковании оценочных понятий, терминов (дефинитивные нормативные предписания), так и в формулировании более конкретных регулятивных предписаний, являющихся логическим выводом из одной, а чаще из нескольких, связанных между собой, юридических норм.

Таким образом, конкретизирующие нормативные предписания, складывающиеся в ходе судебной практики, являются результатом прецедентного толкования норм социалистического права, в том числе и заложенных в них принципов. Только при таком подходе оказывается возможным объяснить в соответствии с требованиями социалистической законности юридическое значение нормативных предписаний, содержащихся в постановлениях Пленумов Верховных Судов, а также и юридическое значение всей судебной практики².

Во-вторых, *издание центральными юрисдикционными органами конкретизирующих норм — это необходимость, обусловленная потребо-*

---

¹ Теоретическое положение о наличии в постановлениях Пленумов Верховных Судов конкретизирующих норм, связанных с толкованием, обстоятельно обосновано С.Н. Братусем (Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 157).

² Как показал Имре Сабо, толкование одних норм может быть произведено при помощи других, более конкретных (*Сабо Имре*. Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 262 и сл.).

стями юрисдикционной и, в частности, судебной практики, практики применения закона.

Конкретизация не может ограничиться только областью правосознания и выработкой правовых положений. И правосознание, и даже правовые положения отличаются известной неопределенностью. Они лишь первичные этапы накопления опыта применения юридических норм. Идеал конкретизации — в точных, детализированных, формально-определенных нормативных предписаниях. Такие нормы (в рамках применения права) и содержатся в нормативных постановлениях Пленума Верховного Суда и в актах других центральных юрисдикционных органов.

В-третьих, *деятельность по конкретизации закона на основе судебной и арбитражной практики тесно связана с самой юрисдикционной деятельностью.* Конкретизация закона производится здесь на основе юрисдикционной практики и для нее. Следовательно, вполне оправдан и целесообразен такой порядок, при котором конкретизирующие нормы (в той мере, в какой это продиктовано юрисдикционной практикой) издаются центральные органы юрисдикции, в том числе Пленум Верховного Суда СССР. Причем принципиально важно, чтобы конкретизационные нормы первоначально издавались именно центральными юрисдикционными органами, Пленумами Верховных Судов. Они как форма юридической практики должны пройти «последнюю проверку» в горниле жизни, при решении юридических дел. Можно, пожалуй, сказать, что центральные юрисдикционные органы (с помощью правовой науки) проводят таким путем своего рода правовой эксперимент.

Причисляя подзаконные предписания центральных юрисдикционных органов к разряду «настоящих» норм, необходимо видеть и то, что они все же находятся *в иной плоскости*, нежели подзаконные нормы, изданные в порядке правотворчества. Они лишь обобщают практическую работу по применению юридических норм, выражают ее опыт в формально-определенных предписаниях, являются одним из этапов в сложном процессе становления норм права, выполняя в каждый данный момент функцию по объединению и направлению деятельности юрисдикционных органов (судов). Эти нормативные предписания складываются в рамках практики и для практики. Их можно назвать вспомогательными «нормами правоприменения», выражающими переход от юридической практики к общим юридическим нормам.

Отсюда следует, что, будучи нормативными актами, постановления Пленума Верховного Суда СССР и других центральных юрисдик-

ционных органов лишь весьма условно могут быть названы источниками права, внешними формами права. Строго говоря, они представляют собой «чистые» интерпретационные акты, содержащие правила применения юридических норм.

Это предопределяет своеобразие действия конкретизирующих норм, формулируемых в актах центральных юрисдикционных органов. Они как результат официального нормативного толкования законов обладают обратной силой, действуют вместе с законом и в принципе прекращают свое действие с его отменой.

Вопрос об юридическом значении актов центральных юрисдикционных органов и прежде всего вопрос о значении постановлений Пленума Верховного Суда СССР довольно обстоятельно, с различных точек зрения обсужден в советской юридической литературе. Здесь, как и по некоторым другим теоретическим проблемам, не обошлось без известной «поляризации» крайних позиций, что со временем привело к необходимости нахождения «рационального зерна» в каждой из них.

Одна из крайних позиций, отразивших нормотворческую практику Пленума Верховного Суда СССР до 1955 г., сводилась к безоговорочному признанию за постановлениями Пленума Верховного Суда СССР значения источника права. По мнению ряда авторов, Пленум уполномочен издавать обязательные для всех субъектов в области судебной деятельности подзаконные нормативные акты¹.

Другая крайняя позиция — полное отрицание нормативного значения всех, без исключения, постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Так, с точки зрения И.С. Тишкевича, постановления Пленума представляют собой только особый вид судебного (даже не общеобязательного) толкования².

В последние годы, однако, намечается более конструктивное решение этого вопроса, основанное на всестороннем рассмотрении практики работы Пленума Верховного Суда СССР и Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Так, в настоящее время в полном согласии с буквой и смыслом п. «в» ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР никто не утверждает, что Пленум Верховного Суда СССР уполномочен на издание нормативных актов, дополняющих или изменяющих законодательство. Вместе с тем получил

¹ См., например: *Вильнянский С.* К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 70–71; *Исаев М.М.* Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. Госюриздат, 1948. С. 31–32; Об юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР (ред. статья) // Советское государство и право. 1956. № 8.

² *Тишкевич И.С.* Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права // Советское государство и право. 1955. № 6; см. также: *Новицкий И.Б.* Источники советского гражданского права. Госюриздат, 1959. С. 135–141.

широкое обоснование взгляд, согласно которому в постановлениях Пленума во многих случаях содержится нормативное толкование законов¹. В литературе справедливо обращается внимание и на то, что в постановлениях Пленума могут быть найдены конкретизирующие нормы. Как правильно пишет С.Н. Братусь, «нельзя отрицать права Верховного Суда СССР на дачу указаний нормативного характера, опирающихся на уяснение общего смысла гражданского, трудового, колхозного законодательства или на применение аналогии закона»². Еще дальше по этому пути пошел И.С. Самощенко, по мнению которого акты официального нормативного толкования являются юридическим источником права, «одной из форм его выражения, формой дополнительной, служебной, но практически очень важной»³.

Конечно, вопрос о нормативном значении актов центральных органов юрисдикции не может быть признан окончательно решенным. Но основная линия разработки этого вопроса намечена, очевидно, правильно. На мой взгляд, на последующих этапах обсуждения рассматриваемого вопроса следует специально проанализировать своеобразие норм, складывающихся в ходе юридической практики. Видимо, это нормы *sui generis*. Они, действительно, не являются результатом правотворчества⁴, а выступают в качестве специфических образований в области *применения* права. Стало быть, они не только являются подзаконными, но и по отношению *ко всем нормам*, изданным в порядке правотворчества, носят поднормативный характер.

Основное затруднение по поводу утверждения категории «норма правоприменения» связано, думается, с укоренившимся традиционным представлением о том, что всякая *норма* в сфере правового регулирования — это *норма права*. Ну, а почему? Не вернее ли предположить другое: норма права — это лишь такое общее правило, которое является результатом *правотворчества*. Нормы же, не выходящие за рамки применения, представляют собой особое явление — норму правоприменения.

В самом деле, конкретизирующие нормы, изданные в порядке правотворчества (например, нормы ведомственных инструкций), и конкретизирующие нормы правоприменения — это не однопорядковые явления. Издание первых обусловлено заранее рассчитанной необходимостью детального регулирования данных вопросов; издание вторых вызвано лишь необходимостью преодолеть затруднения, возникающие при решении юридических дел

---

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 131–150.

² Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 157. Иного мнения придерживается А.В. Мицкевич. Признавая, что постановления Пленума Верховного Суда являются источником права, он вместе с тем считает такую практику неправомерной (*Общая теория советского права*. М.: Юрид. лит., 1966. С. 139–148). Автор не учитывает своеобразия подзаконных норм, вырабатываемых в рамках юридической практики.

³ *Самощенко И.С.* Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // *Правоведение*. 1969. № 3. С. 30.

⁴ Там же.

на практике; первые дают на данный момент «окончательное» решение, вторые — решение, которое с самого начала расценивается как чисто практическое, нуждающееся в дальнейшей отработке и нередко заведомо подлежащее замене нормами права.

«Правоприменительная» природа рассматриваемой категории норм будет, думается, с большей силой отгнана, если указать на то, что они являются *интерпретационными нормами*. В этом направлении и идет ход мыслей Н.Н. Вопленко, когда он пишет, что здесь перед нами «особые организационно-вспомогательного характера интерпретационные правила, направляющие процессы познания смысла толкуемой нормы и регулирующие (в порядке уточнения конкретизации) порядок ее реализации»¹. По справедливому мнению А.Ф. Черданцева, норма постановления Пленума Верховного Суда СССР «не регулирует непосредственное поведение субъектов. Это предписание (норма) о том, какое значение следует придавать термину, заключенному в толкуемой норме. На наш взгляд, — пишет автор, — это норма о норме»². Да, это *правило о применении нормы права*, — предписание, выработанное в результате толкования, т.е. интерпретационная норма.

8. Юридическая (судебная) практика и развитие законодательства.

Наряду с правоконкретизирующей функцией юридическая (судебная) практика выполняет также и сигнально-информационную роль — роль фактора, обуславливающего совершенствование и развитие законодательства.

Здесь следует заметить, что непосредственно регулятивное (правоконкретизирующее) значение юридической практики — при всей ее важности — все же весьма ограничено. Оно замыкается узкими рамками конкретизации юридических норм. Это помимо всего прочего определяет объективные границы, в которых право, не изменяясь по содержанию, благодаря судебной практике способно учитывать многообразие жизненных ситуаций, конкретные особенности развивающихся общественных отношений. Конкретизирующие нормы и правоположения, складывающиеся в ходе применения права, не могут выходить за пределы юридических норм. Если же конкретизирующие нормы и правоположения начинают затрагивать самое содержание общих норм или возникает необходимость не просто внести новый элемент в правовое регулирование, а дать новое (первичное) решение в самом регулировании общественных отношений, или конкретизирующая норма вырастает в самостоятельное общее

¹ *Вопленко Н.Н.* Акты толкования норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 13.

² *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 45.

правило, то каждый из указанных случаев является объективным показателем того, что возникла необходимость преобразования в самих общих юридических нормах, осуществляемого компетентными правотворческими органами.

Вот тогда-то и проявляется сигнально-информационная функция юридической (судебной) практики. Совершенствование и развитие законодательства осуществляется на основе общественно-исторической практики, опыта коммунистического строительства, назревших потребностей общественной жизни. Юридическая практика, выражая результаты конкретно-практической деятельности, в сфере права образует лишь часть этой общей основы правотворчества. Вместе с тем юридическая практика — эта такая сфера, где потребности общественного развития проявляются наиболее остро, «юридически осязаемо».

Сигнально-информационная функция юридической практики оказывает свое воздействие на совершенствование и развитие законодательства в двух направлениях:

во-первых, юридическая практика является показателем (сигналом) необходимости проведения тех или иных преобразований в общих нормах;

во-вторых, она дает материал (информацию) о том, какие именно совершенствования и изменения вызваны потребностями практической жизни.

Роль юридической практики в обоих этих направлениях зависит от ее форм. От того, что перед нами — только ли правосознание или же правоположение, или подзаконная норма правоприменения, зависят «сила» сигнала, даваемого практикой, а также конкретные пути восприятия правотворческими органами положений, вырабатываемых практикой.

Выработка правоположений и тем более норм правоприменения является наиболее острым показателем необходимости изменений и совершенствования в содержании нормативных юридических актов. Интересно, что здесь имеются более или менее «готовые» положения, которые могут быть восприняты правотворческими органами.

В ряде случаев потребности, выявившиеся уже на этапе профессионального и научного правосознания, сразу же учитываются правотворческими органами. Вместе с тем нередко усвоение правотворчеством данных практики идет по цепочке: конкретизирующие суждения, зафиксированные профессиональным и научным пра-

восознанием, затем вырастают в правовоположения, которые в дальнейшем закрепляются в формально-определенных нормативных предписаниях центральных юрисдикционных органов (или ведомственных актах). В.П. Реутов правильно пишет: «Предварительная фиксация сложившихся правовоположений позволяет вырабатывать в ходе практики новые нормы права с соблюдением необходимых гарантий социалистической законности в виде существования ведомственных актов, закрепляющих прообразы новых норм. Причем открывается путь постепенного улучшения будущих норм, возможность достижения большей степени общности, уточнения некоторых положений и т.д.»¹.

Чем устойчивее юридическая практика, чем большую проверку прошли сложившиеся в ней правовоположения, тем с большим вниманием должны относиться к данным практики правотворческие органы при издании новых нормативных юридических актов. Иначе в последующем, уже при реализации предписаний нового акта, могут возникнуть трудности и издержки. Так, например, случилось с понятием «член семьи съемщика» в законодательстве РСФСР. До издания нового Гражданского кодекса Российской Федерации судебная практика относилась к членам семьи съемщика (при наличии ряда условий) также и лицо, находившееся в фактических брачных отношениях. В ст. же 301 ГК РСФСР эти лица в качестве члена семьи не упомянуты. А так как перечень ст. 301 носит исчерпывающий характер, это породило немалые трудности на практике и споры в юридической науке.

Активной силой в процессе восприятия законодательством данных практики является юридическая наука. Достаточно развитая юридическая наука — это и «отборочный пункт», и объединяющий фактор, и формирующее средство при восприятии социалистическим законодательством данных практики. Теоретические знания играют не только информационную, критическую и прикладную роль², но и обеспечивают окончательную «отработку» положений практики, формулирование их в качестве юридических норм, введение в единую право-

---

¹ *Реутов В.П.* Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 12–13. Автор указывает на практическое значение разграничения случаев непосредственного восприятия правовоположений законодателем и случаев их предварительного восприятия в актах органов юрисдикции и ведомственных актах. Он пишет: «...вопрос о включении в систему норм права положений, содержащихся в ведомственных актах, должен решаться проще, оперативнее» (С. 14).

² Там же. С. 20.

вую систему. Здесь наблюдается интересная закономерность: чем ниже ступень объективизации юридической практики, тем выше значение и ответственность науки за своевременность, полноту и точность учета потребностей и нужд практики. В то же время и в случаях, когда сложились правоположения или выработаны нормативные предписания юрисдикции, теоретико-критическая роль науки является не менее (а быть может и более) существенной¹.

Рассматривая формы юридической практики с точки зрения их воздействия на развитие законодательства, можно с необходимой степенью наглядности увидеть в них те «промежуточные» правовые образования, которые выражают процесс формирования права (правообразование). Следовательно, функции профессионального и научного правосознания, правоположений, норм правоприменения могут быть правильно поняты лишь с учетом и этого важного обстоятельства. Они — такие правовые явления, которые не только существуют в пределах применения права, но и представляют собой еще не сформировавшиеся регуляторы, функционирующие на каком-то отрезке пути к юридическим нормам. В данном случае мы наблюдаем явления, аналогичные тем, с которыми встретились при характеристике системы права: так же как и комплексные отрасли, такие правовые образования, как правоположения и нормы правоприменения, могут быть охарактеризованы в качестве «нестационарных», формирующихся элементов структуры права. Думается, их анализ особо важен для науки: он позволяет понять внутренние специфические закономерности развития права, внутренние процессы, механизмы формирования юридических норм, «переходы» от практики к «юридическому бытию».

---

¹ Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. 1970. № 3.

ГЛАВА XXVII

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ

1. **Понятие систематизации в праве.** Это *упорядочение права, приведение действующих нормативных актов в единую, согласованную, цельную систему.* Глубокое единство, органическая цельность системы законодательства (всей совокупности нормативных юридических актов) предполагают необходимость ее непрерывного развития, упорядочения.

Система законодательства от системы «самого» права отличается большей подвижностью, непосредственной зависимостью от субъективного фактора, воли законодателя. Нормативные акты издаются в различное время, различными, подчас непосредственно не связанными друг с другом, правотворческими органами. Многие акты принимаются в связи с определенными конкретными событиями или особыми задачами в деятельности государства, его отдельных органов; они оказываются иногда несогласованными, а то и противоречивыми.

Поэтому развитие системы законодательства выражается не только в издании новых нормативных актов, направленных на установление, изменение или отмену норм права, но и в *деятельности по упорядочению системы законодательства.* В наиболее общем виде она и обозначается понятием систематизации.

По своей основе систематизация имеет *правотворческую природу.* Правотворчество (если рассматривать его по отношению ко всей правовой системе) не ограничивается изданием актов, которые устанавливают, изменяют или отменяют нормы права: оно включает также и деятельность по упорядочению системы законодательства¹.

Систематизация выполняет глубокие социальные функции.

Систематизация является важным, необходимым моментом в самом существовании социалистического права². Право не только должно отвечать назревшим материальным условиям жизни общества, но и быть совершенным по своей форме, т.е., в частности, быть систематизиро-

---

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 579–580.

² С.Л. Зивс совершенно правильно обращает внимание на то, что систематизация является неотъемлемым элементом правотворчества (Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 3 (20). М., 1964. С. 199).

ванным. Лишь при наличии указанных условий право с максимальной эффективностью может выполнить свои задачи. А это значит, что систематизация в социалистическом обществе представляет собой *объективную закономерность* права, правового регулирования. Пренебрежение этой закономерностью, недоучет ее объективных требований и принципов мстят за себя, порождают трудности практического порядка, приводят к снижению эффективности правового регулирования.

Систематизация является одним из условий строгого и неукоснительного проведения в жизнь требований социалистической законности. Систематизированное законодательство в значительной степени исключает возможности для неправильного или произвольного применения юридических норм, сокращает пробелы в нормативном материале, является необходимой предпосылкой для того, чтобы все субъекты строго соблюдали юридические нормы, полно и реально осуществляли предоставленные им права. Систематизация обеспечивает надлежащее применение юридических норм и в то же время доступность социалистического права для всех граждан, всего населения.

Вот почему систематизации нормативных актов столь большое значение придавал В.И. Ленин. Систематизация в социалистическом обществе — это *ленинское* требование существования и развития права, строгого соблюдения начал законности.

Систематизация в праве достигается двумя основными способами: а) кодификацией права, б) инкорпорацией действующих нормативных актов.

Кроме этих двух основных способов (форм) существуют и другие приемы, направленные на устранение множественности нормативных актов, на поддержание законодательства в кодифицированном состоянии (внесение изменений в законодательство; справочно-информационная работа и др.¹). Они связаны в основном с инкорпорацией, с ее отдельными разновидностями.

2. Кодификация права. Это такой вид правотворчества, при котором обеспечивается единое и упорядоченное нормативное регламентирование данного вида общественных отношений путем издания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта (*Основ, Кодекса*), выражающего юридическое своеобразие и содержание соответствующего подразделения системы права.

Главная особенность кодификации (как способа систематизации) состоит в том, что здесь упорядочение нормативного материала дости-

---

¹ Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 27–40.

гается в рамках *особого, наиболее высокого вида правотворчества*. При чем предметом упорядочения при кодификации являются не нормативные акты, а непосредственно юридические нормы. Поэтому при определенных условиях кодификационный акт может быть издан, так сказать, почти на чистом месте, т.е. при отсутствии ранее изданных многочисленных актов (например, ГК РСФСР 1922 г.) или с такими существенными нововведениями, что он значительно отличается от ранее изданных актов.

Функции кодификации далеко выходят за границы систематизации. Это вообще главный путь развития и совершенствования права, подъема его уровня, культуры и эффективности. При помощи кодификации социалистическое право достигает новых ступеней совершенства, «развитости». Во многих случаях издание основ и кодекса выражает качественное обновление правового регулирования, более высокий этап его развития, своего рода «правовую реформу». «Кодификация, — писал П.И. Люблинский, — представляет собой вид законодательства, оплодотворенный юридической наукой, создающий новое право и потому составляющий порой отправную точку нового развития в соответствующей области права»¹.

Реальным выражением того, что кодификация представляет собой наиболее высокий вид правотворчества, являются формулируемые в кодифицированных актах *общие нормы* — нормы, которые и позволяют юридически объединить весь нормативный материал, осуществить специализацию и интеграцию правового регулирования.

Чем обусловлено столь существенное значение кодификации в правотворчестве? «Первопричина» такого значения кроется, думается, в том, что кодификация, как правило, *проводится на базе отраслей права (основных и комплексных)* или их крупных подразделений (подотраслей, институтов). А так как отрасль (подотрасль) права имеет предметное и юридическое единство, это дает возможность в едином нормативном акте закрепить общие нормы, в максимальной степени развернуть достоинства права, его социально полезные свойства — нормативность, формальную определенность, системность и др.

Так что дело не только в том, что в кодифицированном акте оказывается возможным урегулировать данные отношения с максимальной полнотой (беспробельно). Главное заключается в том, что результатом правотворчества является *единый, юридически и логически цельный,*

---

¹ Цитировано по книге: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 11.

внутренне согласованный акт. Причем это единство, цельность и согласованность представляют собой не результат одних технико-юридических, логических операций; они выступают в качестве *выражения юридической цельности и своеобразия данного подразделения права.*

Кодифицированный акт характеризуется наиболее высоким уровнем *нормативных обобщений.* В нем закрепляются единые отраслевые принципы, «одухотворяющие» («освещающие изнутри») весь нормативный материал. Именно в кодифицированных актах происходит специализация права: выделение общих, дефинитивных и иных специализированных норм, обособление охранительных норм и т.д.

Высокий уровень нормативных обобщений, присущий кодификации, воплощается в *общей части* кодифицированного акта. Отсюда, помимо прочего, следует, что нормативный акт, лишенный «общей части» (общих положений), не может быть признан кодифицированным. В то же время наличие общей части в акте является свидетельством обособления данной общности юридических норм в системе права, а уровень обобщений — показатель ее юридической самобытности, ее места в правовой системе¹.

Кодифицированные акты — основной канал развития системы права. Вырабатываемые на основе определенного подразделения правовой системы (крупного института, подотрасли, комплексной отрасли) кодифицированные акты при наличии необходимых предпосылок становятся средством, при помощи которого происходит «выплавка» общих принципов и особенностей регулирования, нередко образующих черты своеобразного метода и, следовательно, формирование основной отрасли.

Таким образом, при кодификации задачи систематизации нормативного материала достигаются, так сказать, «естественным» образом, как бы само собой, в ходе правотворчества. Причем кодификация решает главные задачи систематизации — достижение единого, юридически и логически цельного регулирования по основным подразделениям правовой системы — отраслям, подотраслям, крупным правовым институтам.

---

¹ Имре Сабо пишет: «Кодексы — это основной законодательный материал, который если и не в полном объеме, то, во всяком случае, в основных чертах регулирует общественные отношения, являющиеся предметом данной отрасли права. Он содержит общие принципы, имеющие руководящее значение для данной отрасли права. Ввиду этого общие положения кодекса распространяются и на другие законы, относящиеся к данной отрасли права, но не включенные в кодекс». И дальше: «...Особенностью кодексов является их ведущее значение в системе права, их относительно всеобъемлющий характер и полнота, а также то, что они представляют собой определенную систему» (Сабо Имре. Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 174–175).

Вместе с тем надо видеть, что кодификация как способ систематизации имеет известные границы. Не по всем областям права возможно такое согласование и упорядочение нормативного материала, которое свойственно кодифицированным актам. Да и не по всем сферам отношений могут быть приняты кодифицированные акты. Как правильно отмечено в литературе, «кодификация проводится лишь тогда, когда назревает необходимость существенного обновления целых отраслей и институтов права»¹.

В результате кодификации создаются различные по содержанию, значению и наименованию кодифицированные нормативные акты. Основные их виды в Советском Союзе следующие.

1) *Общесоюзные Основы (Основные начала) и республиканские кодексы.* Федеративное государственное устройство СССР обусловило своеобразное распределение функций по кодификации между Союзом ССР и союзными республиками. В общесоюзном порядке издаются Основы (Основные начала) данной отрасли законодательства, а в союзных республиках — республиканские кодексы (или иные законы типа кодексов, например законы о судостроительстве).

Было бы неверным рассматривать Основы (Основные начала), с одной стороны, и республиканские кодексы — с другой, в качестве полностью самостоятельных, независимых друг от друга «форм кодификации». Нет, они органически связаны друг с другом. Основы (Основные начала) хотя и детально регулируют некоторые отношения, но все же главным образом направлены на определение общих принципов и положений законодательства Союза ССР и союзных республик. Они закладывают принципиальные основы кодификации данной отрасли права, и с них кодификация начинается. Республиканские же кодексы завершают кодификацию отрасли права². Республиканские кодексы находятся в зависимости от Основ или Основных начал (они не могут противоречить Основам, развивают и детализируют отдельные положения Основ и др.). В конечном счете Основы (Основные начала) и республиканские кодексы представляют собой нечто единое, действуют в единстве, в сочетании.

¹ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М.: Юрид. лит., 1969. С. 9.

² О соотношении Основ и республиканского кодекса в области гражданского законодательства см.: *Иоффе О.С., Толстой Ю.К.* Новый Гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 4—5; *Толстой Г.К.* Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1970. С. 13 и сл.; *Поленина С.В.* Система советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 33—40; *Она же.* Система советского гражданского законодательства и основные тенденции ее развития: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971.

В настоящее время главные отрасли законодательства в Советском Союзе кодифицированы при помощи указанной системы «двойных актов» — Основ (Основных начал) и республиканских кодексов.

2) *Обособленные кодифицированные акты (положения, уставы и др.)*. Довольно распространенным видом кодифицированных актов являются обособленные акты, которые действуют независимо от каких-либо «спаренных» с ними актов. Такого рода обособленные акты могут быть различных уровней, различной степени общности и юридической силы.

Их «обособленность», «независимость», разумеется, не носят абсолютного характера. Более того, во многих случаях они издаются на базе Основ (Основных начал) и республиканских кодексов. Так, на базе законодательства о судостроительстве изданы такие «обособленные» общесоюзные акты, как Положение о Верховном Суде СССР, Положение о военных трибуналах, а в республиках — Положение об адвокатуре. «Обособленность» рассматриваемой группы кодифицированных актов следует понимать в том смысле, что их связь с другими актами не носит характера такой же «жесткой» зависимости, какую можно наблюдать между Основами (Основными началами) и республиканскими кодексами¹.

Главное место среди кодифицированных актов данного вида занимают акты, изданные в общесоюзном порядке, в том числе общесоюзные кодексы: Кодекс торгового мореплавания, Воздушный кодекс СССР, Таможенный кодекс СССР, Устав железных дорог СССР, Положения о поставках, Закон о государственных пенсиях и др. Они могут облекаться и в форму законов, и в форму актов, утверждаемых постановлением Правительства СССР.

Существенное значение имеет деление кодифицированных актов в зависимости от того, какому подразделению системы права соответствует данный акт. По этому признаку кодифицированные акты могут быть подразделены на: а) основные отраслевые, б) комплексные отраслевые, в) подотраслевые, г) специальные, т.е. соответствующие крупным институтам.

---

¹ Более подробное изучение иерархии нормативных актов дает известное основание для того, чтобы разграничивать «просто» кодифицированные акты и акты сводные (Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе гражданского законодательства // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 67–68). Надо лишь заметить, что сводные — это и есть кодифицированные акты в точном, строгом смысле. В них «не просто в логической системе, но и с максимальной полнотой и охватом регулируется определенная группа вопросов, определенный институт либо ряд взаимосвязанных институтов» (там же. С. 66).

Каждый из этих видов имеет свой уровень нормативных обобщений. Если в кодифицированных актах, соответствующих основным отраслям, могут быть выделены полнокровные общие части, то содержание общих частей актов, выработанных в результате комплексной кодификации, оказывается ограниченным (формулирование общих межотраслевых принципов, регламентирование некоторых общих приемов регулирования и т.п.). Еще более «бедными» являются общие части актов подотраслевой и специальной кодификации. (В ряде отраслей права их существование, по-видимому, объясняется отсутствием развернутой отраслевой кодификации.)

Известную сложность на практике представляет вопрос о наименовании кодифицированных актов. Во многих случаях трудно понять, почему однородные по содержанию и юридической силе акты названы то уставами, то кодексами, то положениями, то просто законами (тем более что термин «кодекс» употребляется в основном при отраслевой кодификации на уровне республиканского законодательства). Конечно, существенную роль играют здесь сложившиеся традиции. Но независимо от этого представляется целесообразным «узаконить» некоторые из наименований — кодексы, уставы, положения — лишь за определенными видами актов¹.

В научной и учебной юридической литературе считается общепризнанным деление систематизации на «две формы»: кодификацию и инкорпорацию. Для общей характеристики вопросов систематизации такое деление представляется приемлемым. Оно взято за основу и в настоящем курсе. Однако более углубленное изучение данной проблемы показывает ограниченность приведенного деления.

Прежде всего кодификация и инкорпорация — явления в известной мере разноплоскостные. Кодификация не является «формой» систематизации действующих актов: это вид правотворчества, в ходе которого решаются *цели* систематизации. В то же время действительно существуют *формы упорядочения нормативных актов*, к которым помимо инкорпорации относится ряд других приемов, в том числе и справочно-информационная работа.

Поэтому, на мой взгляд, следует обсудить такое предположение: быть может следует говорить не о «формах систематизации», а о *способах достижения целей систематизации*², к которым, с одной стороны, относится кодификация *права*, а с другой — *формы упорядочения нормативных актов*.

¹ В литературе по этому вопросу сделаны интересные предложения: Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. Госюриздат, 1962. С. 41—42.

² О кодификации и инкорпорации как способах (методах) систематизации см.: Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 120 и сл.

Ключом к пониманию функций и значения кодификации как высшего вида правотворчества является ее связь с системой права. Надо полагать, что «энергия» того или иного вида кодификационного акта в первую очередь зависит от тех возможностей, которые выражают юридическое своеобразие данного звена системы права и, следовательно, возможности формулирования нормативных обобщений (общей части).

Признавая целесообразность издания кодифицированных актов различных уровней, необходимо вместе с тем видеть, что наибольший эффект в правовом регулировании имеет *отраслевая кодификация*. Во всяком случае, нужно бережно относиться к самому понятию и термину «кодекс», используя их преимущественно (а быть может и исключительно) при кодификации по основным и комплексным отраслям права.

3. Инкорпорация. Это *систематизация нормативных актов путем их помещения (объединения) по определенной системе в единых сборниках или иных изданиях.*

Инкorporация, стало быть, — явление иного порядка, нежели кодификация. Она представляет собой только способ собирания воедино действующих нормативных актов, их известного объединения. Акты, подвергающиеся инкорпорации, размещаются по определенной системе и тем самым обеспечиваются удобства при их нахождении и использовании.

Инкorporация в ряде случаев может рассматриваться в качестве промежуточной ступени, подготовительной стадии к правотворчеству — кодификации. Однако некоторые области законодательства требуют только инкорпоративной обработки и далеко не все законодательство может быть кодифицировано. Поэтому инкорпорация имеет существенное самостоятельное значение¹.

Рассматривая общие черты инкорпорации, необходимо вместе с тем указать на то, что между официальной инкорпорацией, с одной стороны, и неофициальной инкорпорацией — с другой существуют качественные различия. К каждой из них примыкают другие способы упорядочения действующих нормативных актов, поддержания их в систематизированном состоянии. Неофициальная же инкорпорация вообще охватывается более широкой категорией — справочно-информационной работой.

Поэтому официальная и неофициальная инкорпорации нуждаются в самостоятельном рассмотрении.

4. Официальная инкорпорация. Это *упорядочение права путем издания компетентными органами сборников (собраний) действующих нормативных актов.*

---

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 21.

Официальная инкорпорация содержит в себе известные правотворческие моменты.

Она осуществляется компетентными государственными учреждениями по поручению и под контролем правотворческих органов¹, которые определенным образом санкционируют сборник инкорпорированных актов. Поэтому опубликованные в сборнике нормативные акты имеют характер официально-достоверного изложения (в официальной редакции на момент издания сборника). Хотя сборник и не является источником права, его издание является специфическим актом, имеющим правотворческое значение. На сборник можно ссылаться в процессе правотворчества и применения права. Причем результатом официальной инкорпорации является не только новое издание действующих нормативных актов, но и наряду с этим издание, например, таких правотворческих актов, как перечень нормативных актов, утративших силу.

Правотворческий момент в официальной инкорпорации состоит также в том, что она сопряжена с обработкой и упорядочением действующих нормативных юридических актов. Как правило, она носит внешний характер. Степень такого рода внешней обработки может быть различной. Иногда она состоит только в установлении строгого порядка расположения изданных актов. При других, более высоких видах инкорпорации внешняя обработка носит более существенный характер. Она включает опущение подписей под актом, исправление опечаток, грамматических и синтаксических ошибок, внесение в текст актов всех последующих официальных изменений, исключение из текста статей временного значения, а также допускает в принципе укрупнение, консолидацию близких по содержанию актов. Наконец, инкорпорация может быть связана и некоторыми изменениями содержания и формы нормативных актов (которые, однако, производит не сам инкорпоратор, а по его представлению компетентный правотворческий орган)².

Таким образом, при официальной инкорпорации в определенной мере происходит достижение более глубоких целей систематизации — придание с помощью внешней обработки (и определенных изменений

---

¹ В литературе наряду с официальной и неофициальной инкорпорацией выделяется также официозная (полуофициальная) инкорпорация — подготовка и издание сборников по поручению, но без санкции правотворческих органов. Официозные инкорпорационные сборники по своей природе ближе к сборникам неофициальной инкорпорации.

² Подготовка и издание систематического собрания действующего законодательства. М.: Юрид. лит., 1969. С. 7—11.

в форме и в содержании) известного единства всей системе нормативных актов, известное «осовремененье» ее, выведение актов, включенных в инкорпорационные сборники, на общий уровень системы нормативных актов в целом.

Наличие в официальной инкорпорации некоторых правотворческих элементов не устраняет ее коренных отличий от кодификации, выражающих принципиальное своеобразие функций того и другого. Главная функция кодификации – существенное комплексное развитие правовой системы, изменение содержания правового регулирования (при котором «попутно» достигаются и цели упорядочения нормативного материала). При официальной же инкорпорации функция иная: не изменить содержание правового регулирования, а упорядочить, привести в строгую систему действующие нормативные акты, деятельность, в процессе которой в некоторых случаях оказывается необходимым «попутное» подключение правотворческой работы. По своей юридической природе акт официальной инкорпорации представляет собой такой специфический правотворческий акт, который является *способом (формой) опубликования и переопубликования действующих нормативных актов, притом в обработанном (по крайней мере внешне) и упорядоченном виде*¹. Это, следовательно, санкционированный компетентным правотворческим органом официальный источник законодательства, форма «упорядоченного бытия» действующих нормативных актов.

Существуют два основных вида официальной инкорпорации: хронологическая и систематическая (предметная).

Хронологическая инкорпорация. Сюда прежде всего относится *приведение нормативных актов в определенный порядок в процессе их официального опубликования*. В настоящее время выработаны формы официального опубликования нормативных актов, которые и служат своеобразным способом официальной инкорпорации. Такими формами являются, в частности, опубликование нормативных актов в «Ведомостях Верховного Совета СССР», «Собрании постановлений Правительства СССР» (сокращенно «СП СССР») и соответствующих изданиях союзных республик.

Значение указанных изданий в инкорпорации состоит в том, что нормативные акты помещаются в них в хронологическом порядке с годовой нумерацией выпусков и статей, причем каждый норматив-

---

¹ Подготовка и издание систематического собрания действующего законодательства. С. 7–11.

ный акт обозначается в качестве «статьи», которой присваивается порядковый номер. Таким образом, все нормативные акты данного вида, опубликованные в течение года, обозначаются четырьмя показателями — наименованием издания, годом издания, номером выпуска и номером статьи. Это не только облегчает нахождение нужного акта и обеспечивает сокращенное обозначение источника, но и свидетельствует о том, что нормативные акты данного вида, опубликованные в течение года, образуют известное единство. Годовой комплект выпусков нормативных актов в указанных изданиях оснащается алфавитно-предметным указателем.

Специальными актами инкорпорации являются *хронологические собрания*. Эта форма официальной инкорпорации является, по существу, развитием и продолжением инкорпорации, проводимой в процессе опубликования. Однако здесь инкорпорация носит уже не текущий, а последующий характер. Она выражает *переопубликование* актов и связана с более существенной внешней обработкой накопленного нормативного материала, в частности с внесением в текст актов всех последующих официальных изменений. В Советском Союзе изданы хронологические собрания законов, указов Президиумов Верховных Советов и постановлений Правительства в ряде союзных республик.

Систематическая инкорпорация. Систематические (предметные) акты инкорпорации — это результат более высокой и сложной работы по инкорпорации нормативных актов. Они дают возможность более обстоятельно упорядочить нормативный материал, обеспечивают большие удобства в использовании действующих нормативных актов. Нормативные акты в систематическом собрании располагаются по предметному признаку, в том числе по отраслям народного хозяйства, некоторым сферам государственной деятельности, отраслям права. Опыт составления «Систематических собраний» показывает, что в некоторых случаях здесь производится еще более глубокая внешняя обработка. Так, составителям «Систематического собрания законов УССР» 1929 г. было предоставлено право самостоятельно заменять названия учреждений, которые были переименованы в связи с последующими законами, не включать в собрание законы или их части, формально не отмененные, но утратившие значение, устранять несогласованность между русским и украинским текстами и др.

Согласно методическим указаниям по составлению «Систематического собрания законодательных актов и решений Правительства

СССР» в собрание не должны включаться статьи, пункты и отдельные части актов, которые хотя формально не отменены, но должны быть признаны утратившими силу; к статьям и пунктам, которые следует применять с учетом последующих изменений в законодательстве, должны быть даны сноски с пояснительным текстом и т.д.¹

Специфическим, в высшей степени своеобразным видом систематической инкорпорации является *консолидация нормативных актов*. Это укрупнение, сведение нескольких близких по содержанию нормативных актов в один акт в целях единого регулирования данных общественных отношений. Указанный вид систематической официальной инкорпорации находится на грани с кодификацией, ибо «укрупненный акт», по существу, является новым актом, хотя он и не вносит ничего нового в регулирование общественных отношений², допуская в то же время некоторые элементы кодификации³.

Целесообразность использования для целей систематизации рассматриваемой разновидности официальной инкорпорации (консолидации) находит все большее признание. В тех областях права, где отсутствуют необходимость и возможность для кодификации, вполне оправданно использование консолидации как эффективного средства для объединения нормативного материала, сокращения числа актов, упрощения и улучшения формы правового регулирования. Консолидация нормативных актов может служить также промежуточной стадией в процессе подготовки Систематического собрания законодательных актов и решений Правительства⁴.

В Советском Союзе начинает накапливаться известный опыт консолидации нормативных актов. Так, в 1967 г. принято пять консоли-

---

¹ Подробнее о теоретических и практических вопросах систематической инкорпорации см.: Подготовка и издание систематического собрания действующего законодательства. М.: Юрид. лит., 1969.

² В литературе было даже высказано мнение, что консолидация представляет собой особую «форму систематизации» (*Ушаков А.А.* О кодификации советского законодательства // Ученые записки Пермского университета. Т. 14. Кн. 4. Ч. I. 1959. С. 77–78). Этот взгляд не нашел поддержки в литературе. Большинство авторов пришло к обоснованному выводу, согласно которому консолидация представляет собой прием, который может применяться при инкорпорации нормативных актов (*Шебанов А.Ф.* Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 141–142; *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. Госюриздат, 1962. С. 30–31; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Госюриздат, 1962. С. 27–28).

³ Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971.

⁴ *Самощенко И.С.* О консолидации нормативных актов // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 7. 1966. С. 88–115.

дированных актов по вопросам связи, в 1968 г. — два укрупненных акта по вопросам пенсионного законодательства¹ и др.

Таковы основные разновидности официальной инкорпорации.

С официальной инкорпорацией органически связан ряд других приемов систематизации права. В общем виде они охватываются изданием актов вспомогательного и корректирующего регулирования². Это составление и утверждение специальных перечней актов, утративших силу, и изменений, вносимых и акты в связи с принятием новых; порядок включения нового нормативного материала в систему законодательства путем изменения редакции и дополнений в кодифицированных актах; распространение актов на новые отношения или продление срока их действия³ и др.

5. Неофициальная инкорпорация. Справочно-информационная работа. Неофициальной является инкорпорация, которая проводится организациями и отдельными лицами по своей инициативе, без специального поручения и контроля правотворческого органа. Она не санкционируется правотворческим органом, носит «частный» (авторский) характер. Поэтому неофициальные инкорпорационные сборники (например, сборники законодательных актов о труде, жилищных законах и др.) не являются источником законодательства, формой опубликования нормативных актов. На них нельзя ссылаться в процессе правотворчества и применения права.

Неофициальная инкорпорация осуществляется отдельными ведомствами, издательствами, научными и учебными учреждениями. Она может проводиться как по хронологическим, так и по систематическим (предметным) критериям.

Значение неофициальных инкорпорационных сборников связано с ролью *справочно-информационной работы*, которая может рассматриваться в качестве одного из своеобразных приемов систематизации действующих нормативных юридических актов.

Отличие от официальной инкорпорации (и тем более кодификации) нормативные акты не подвергаются здесь какой-либо обработке.

¹ СП СССР. 1967. № 21. С. 147—151; 1968. № 2. С. 6—7.

² Как уже отмечалось, А.С. Пиголкин вообще делит все нормативные акты на три вида: 1) нормоустанавливающие, 2) акты вспомогательного и корректирующего регулирования, 3) акты консолидации (*Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 37).

³ «...Следует отдать предпочтение перед «распространением» актов приему изменения их редакции, что даст возможность последующего переопубликования с поглощением всех изменений, упростит инкорпорацию этих норм...» (Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 47).

Они остаются такими, какими были приняты. В результате справочно-информационной работы, в том числе неофициальной инкорпорации, устанавливаются, так сказать, «внешние связи» между отдельными актами (и это отражается в сборниках, справочниках, каталогах, журналах и т.д.), а также вводятся определенные способы «дополнительного оснащения» действующих нормативных актов (в виде приложения постатейного материала, алфавитно-предметных указателей, системы «вклеек»).

Справочно-информационная работа является необходимой стадией для последующей инкорпорации нормативных актов в единые сборники, а также и для кодификации. Она может служить определенным дополнением к инкорпорации и кодификации. Здесь следует указать на два основных случая: а) «дополнительное оснащение» официальных изданий сборников и нормативных актов: приложение постатейных материалов, предметно-алфавитных указателей; б) система «вклеек» к отдельным актам, в соответствии с которой издаются вновь принятые тексты статей и разделов; последние рассылаются владельцам соответствующих изданий актов для вклеивания вместо статей и разделов, прекративших свое действие.

Справочно-информационная работа имеет и самостоятельное значение. Оно наиболее отчетливо проявляется в условиях, когда инкорпорация и кодификация не получили еще необходимого развития. Тогда справочно-информационная работа может до известной степени ослабить отрицательные последствия, связанные с отсутствием надлежащих систематизированных актов и сборников. Но и при достаточно развитой системе сборников инкорпорации и кодифицированных актов необходимы учет и согласование систематизированных актов и сборников, учет и согласование актов, не вошедших в сборники, учет изменений и дополнений в систематизированных актах и др.

Большую справочно-информационную работу осуществляют справочные отделы («кодификаторы») в органах юстиции, прокуратуры, охраны общественного порядка, арбитража, хозяйственного управления, на крупных предприятиях. Например, в органах юстиции установлен определенный порядок справочной работы по законодательству. В районных судах справочную работу по законодательству ведет один из судей; вместе с тем все судьи должны вести алфавитные журналы по законодательству. В областных судах справочная работа осуществляется особыми консультантами, а в Верховных Судах — отделами. Основной формой справочной работы, кроме алфавитных журналов, является алфавитно-предметная картотека. Причем по тому или дру-

тому нормативному акту может заводиться ряд карточек в зависимости от того, сколько вопросов охватывается данным актом.

В ряде ведомств (органах юстиции, прокуратуре, Министерстве финансов и др.) справочная работа по законодательству дополняется *информационной деятельностью*. Так, в прокуратуре издается «Информационный бюллетень текущего законодательства»; для судебных органов периодически составляются «Сводки текущего законодательства»; Министерство финансов СССР и ряд других ведомств издают «Бюллетени...» и др. Информация о текущем законодательстве помещается также в юридических журналах, в том числе в «Социалистической законности» и «Советской юстиции».

В перспективе целесообразна организация *единой автоматизированной государственной справочно-информационной службы* по социалистическому праву.

Большие возможности для организации такой единой системы справочно-информационной службы открываются в связи с использованием кибернетической техники, электронных счетно-решающих устройств. Справочно-информационная работа является как раз той областью, где уже сейчас использование кибернетической техники может принести немедленный и ощутимый эффект.

ГЛАВА XXVIII

ДЕЙСТВИЕ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ ВО ВРЕМЕНИ, В ПРОСТРАНСТВЕ И ПО КРУГУ ЛИЦ

1. Пределы действия нормативных юридических актов. Своеобразие нормативных юридических актов состоит в том, что, будучи «носителями» юридических норм, они характеризуются общим действием.

Однако общий характер нормативных актов не означает того, что действие их не ограничено. Существуют определенные *пределы* действия нормативных актов, которые установлены во времени, в пространстве, по кругу лиц.

Точное установление границ действия нормативных юридических актов является элементарным, первейшим условием правового регулирования. Оно необходимо хотя бы потому, что каждый нормативный акт когда-то издан и когда-то прекращает свое действие, функционирует на определенной территории, нередко адресован только к той или иной категории субъектов. Иными словами, здесь определяется круг общественных отношений, регламентированных данными юридическими нормами.

От того, когда вступает в действие нормативный акт, на какую территорию он распространяется и т.д., в определенной степени зависит эффективность юридических норм, достижение целей правового регулирования, общественно-политическое влияние социалистического права. Так, чрезмерно быстрое (после утверждения) введение в действие крупного и сложного нормативного акта может вызвать затруднения в работе органов государства, поставить в невыгодное положение отдельных субъектов, повлечь за собой трудности в решении практических вопросов.

Наконец, с пределами действия нормативных актов связано и осуществление требований социалистической законности. Эти пределы должны быть регламентированы так, чтобы вновь принятые нормативные акты своевременно вводились в действие, старые отменялись, строго определялась их субординация, не допускались случаи произвольного применения акта на отношения, которые не попадают в сферу его действия, и т.д.

Пределы действия нормативных юридических актов специально урегулированы в особых нормах. Последние относятся к оперативным

и коллизионным нормам. Они призваны регулировать общественные отношения не непосредственно, а через иные нормы («нормы о нормах»), т.е. путем регламентации порядка вступления в силу нормативных актов, их отмены, области их действия и др.¹

Пределы действия нормативных юридических актов определяются по трем основным измерениям: по времени, территории, лицам.

2. Действие нормативных актов во времени. Действие нормативных юридических актов во времени характеризуется двумя основными моментами: а) вступлением акта в силу; б) утратой им юридической силы.

Вступление нормативного акта в силу (введение его в действие) может связываться с основной стадией правотворческого процесса — с решением о принятии акта. В этом случае принятый компетентным правотворческим органом акт сразу же приобретает юридическую силу и, следовательно, порождает юридические последствия еще до его официального опубликования.

Однако в социалистическом обществе такой способ вступления нормативных актов в силу не может иметь широкого распространения. В большинстве случаев вступление нормативных актов в силу отдалено от момента их принятия и связывается с их официальным опубликованием.

Это и понятно. Нормативные акты лишь тогда оказывают необходимый эффект, когда они доведены до всеобщего сведения или до сведения тех лиц, на которых распространяется действие акта. Таково же и требование социалистической законности: нельзя ожидать от лиц строгого соблюдения юридических норм, если последние в той или иной форме еще не доведены до их сведения.

Такой порядок вступления нормативных актов в силу предполагает реальный характер действующей в социалистическом обществе *презумпции знания закона*, согласно которой никто не может оправдывать свое правонарушение ссылками на незнание данного нормативного акта (*ignorantia juris neminem excusat*). Указанная презумпция основана не только на высоком уровне политического сознания людей в социалистическом обществе, но с правовой стороны — на практике

---

¹ Если рассматривать социалистическое право в виде совокупности логических норм, каждая из которых является самостоятельным регулятором общественных отношений, то нужно признать, что подобные «автономные» нормы должны самостоятельно определять пределы их действия. Однако в силу объективного процесса специализации права этот момент в регламентации общественных отношений обособился в специфические разновидности специализированных норм-предписаний; он оказался «выведенным за скобки», т.е. общим для всей системы нормативных актов или их отдельных разновидностей.

широкого опубликования нормативных юридических актов. В этих условиях обеспечивается реальная возможность того, что все субъекты имеют ясные представления о законности или незаконности определенных действий и о тех последствиях, которые наступают при их совершении (а этого как раз и достаточно для действия рассматриваемой презумпции). К тому же презумпция знания закона является в принципе опровержимой: когда поведение, до того не запрещенное законом, объявляется запрещенным, ссылка на незнание закона должна быть исследована¹.

Но само по себе официальное опубликование нормативных актов не всегда может еще обеспечить надлежащее ознакомление субъектов со вновь принятыми юридическими нормами. Нужен определенный разрыв во времени между официальным опубликованием и вступлением акта в действие. Этот разрыв, иной раз довольно длительный, необходим не только для ознакомления со вновь принятым нормативным актом всех заинтересованных субъектов, но и для прочного усвоения его содержания лицами, осуществляющими применение права. В ряде случаев здесь, кроме того, нужно провести необходимые подготовительные мероприятия (например, при введении новой организационной структуры юрисдикционных органов, при введении новой валюты и др.). Наконец, необходимо предоставить возможность отдельным лицам «приспособить» возникшие ранее длящиеся правоотношения к новым требованиям закона.

Вот почему введение в действие крупных и сложных нормативных актов отдалено от момента принятия и опубликования на довольно значительный срок (иногда 2–6 месяцев и более).

Каким же образом обеспечивается отмеченный «разрыв» во времени? В отношении крупных и сложных нормативных актов это достигается путем установления специального, для каждого акта особого срока, после истечения которого он вводится в действие. Так, в Советском Союзе при принятии Основ той или другой отрасли законодательства и соответствующих кодексов компетентные органы государственной власти издают специальный закон об утверждении (о порядке введения в действие) Основ или кодекса, где, помимо прочего, указывается и дата, и порядок введения нормативного акта в действие (например, ст. 1 Закона об утверждении УК РСФСР, принятого 27 октября

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 291–292; Туманов В.А. Вступление в силу норм советского права // Ученые записки ВЮИОН. Вып. 7. Госюриздат, 1968. С. 101–104.

1960 г.: «Утвердить Уголовный кодекс РСФСР и ввести его в действие с 1 января 1961 г.»¹).

Таким образом, в отношении некоторых актов от понятия вступления акта в силу следует отличать другое понятие — введение акта в действие².

Если же при утверждении нормативного акта не устанавливается специального срока для его введения, то применяются особые правила, регламентирующие общий порядок вступления нормативных актов в силу, который в то же время означает и порядок введения их в действие. Этот общий порядок может быть двух систем: а) порядок постепенного вступления нормативных актов в силу; б) порядок одновременного вступления актов в действие на всей территории государства через определенный срок.

Первая из указанных систем применяется обычно в таких условиях, когда недостаточно развиты связь и информация, а также в отношении ведомственных и иных специальных актов. В Советском Союзе она в качестве общего порядка действовала до середины 1958 г. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1925 г. «О времени вступления в силу законов и распоряжений Правительства Союза ССР, а равно распоряжений ведомств Союза ССР»³ нормативные акты, в которых не указан момент вступления в силу, считались вступившими в действие в момент получения определенными учреждениями в данной местности их официально опубликованного текста. Указанному порядку свойствен ряд недостатков, в частности он не всегда обеспечивает принцип единой законности, создает известные трудности практического характера и др.

Значительные преимущества имеет система одновременного вступления актов в силу, при помощи которой «достигается большая определенность в юридическом отношении, обеспечивается одновременное и повсеместное установление одинакового правового режима в стране»⁴.

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Отметивший это обстоятельство К.И. Комиссаров пишет: «...Вступивший в силу закон уже есть закон. Он еще до официального вступления в действие начинает оказывать организующее влияние на поведение участников гражданского правоотношения... В промежутке между вступлением закона в силу и введением его в действие соответствующие правоотношения как бы заранее, с учетом вполне очевидной перспективы настраиваются на новый критерий» (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 130–131).

³ СЗ СССР. 1925. № 8. Ст. 75.

⁴ *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 284.

В настоящее время в социалистических странах действует, как общее правило, система одновременного вступления закона в силу на всей территории страны после истечения определенного срока. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г.¹ законы, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления его Президиума общенормативного характера вступают в силу одновременно на всей территории СССР через 10 дней после их опубликования в «Известиях» или «Ведомостях Верховного Совета СССР»². Аналогичный порядок действует и в большинстве союзных республик (например, в РСФСР тоже 10 дней). Своеобразный порядок установлен в Литовской ССР, где все нормативные акты вступают в силу на следующий день после их официального опубликования. Система одновременного вступления в силу нормативных актов является в настоящее время господствующей также и в других социалистических государствах (в Болгарии закон вступает в силу спустя 3 дня после его официального опубликования, в ГДР — 14 дней и т.д.).

Установление в качестве общего порядка системы одновременного вступления актов в силу не исключает использования и иных систем. Так, акты Верховного Совета СССР и его Президиума, не имеющие общенормативного характера, вступают в силу с момента их принятия, если в них самих не указан точный срок. С момента принятия вступают в силу также постановления Правительства СССР, в которых не указан срок введения их в действие (ст. 2 постановления Совета Министров СССР от 20 марта 1959 г. «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР»³).

В то же время в отношении отдельных актов применяется порядок постепенного вступления их в силу. Согласно ст. 6 указа от 19 июня 1953 г. акты Президиума Верховного Совета СССР, которые не опубликованы, вступают в силу с момента получения их соответствующими ведомствами и учреждениями, если не указан иной срок введения их

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 14. Ст. 275.

² Указанное правило подлежит строгому и последовательному применению на практике. По одному из дел Президиум Верховного Суда РСФСР признал неправильным применение указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» к преступлению, совершенному 3 марта 1962 г. Указ официально был опубликован 21 февраля 1962 г. «и вступил в силу через 10 дней после опубликования, т.е. 4 марта 1962 г.» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1965. № 1. С. 13–14).

³ СП СССР. 1959. № 6. Ст. 37.

в действие. В литературе предлагается установить такой же порядок в отношении неопубликованных (или опубликованных в неофициальных изданиях) актов органов государственного управления¹.

Утрата нормативным актом юридической силы (правовой обязательности)² происходит в результате следующих обстоятельств:

а) истечения срока, если нормативный акт издан на определенный срок;

б) прямой отмены данного акта другим актом, изданным компетентным правотворческим органом;

в) фактической отмены (замены), когда издан новый нормативный акт, установивший по данному вопросу новые правила поведения; в этом случае ранее действовавшие юридические нормы утрачивают силу со дня введения в действие нового акта³.

При фактической отмене (замене) иногда бывает затруднительно установить, какие нормы и в каком объеме утратили свою силу. Здесь нужно производить тщательное сопоставление содержания нового акта с рядом актов, которые были изданы ранее. В последние годы при издании новых нормативных актов компетентным государственным органам нередко поручается подготовить в определенный срок предложения о внесении официальных изменений и признании утратившими силу ранее изданных нормативных актов. Такое официальное изменение и признание актов утратившими силу служит официальным подтверждением фактической отмены (замены). Иначе говоря, в данном случае фактическая отмена подтверждается актом прямой отмены (кроме того, при этом ряд ранее действовавших актов приво-

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 283–285.

² От утраты нормативным актом юридической силы следует отличать *фактическое* прекращение действия нормативного акта. Возможно прекращение действия (фактическое неприменение) закона, сохраняющего юридическую силу. В то же время в некоторых случаях не исключено и действие закона, утратившего силу (Тилле А.А. Действие советского закона во времени и в пространстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1966. С. 5). К этому следует лишь добавить, что иногда и утрата актом юридической силы (как и введение его в действие) может представлять собой процесс, который распадается на два этапа: а) *юридическое* прекращение действия акта и б) *окончательная* утрата им юридической силы. С этим мы встречаемся в случаях, когда закон изменяется или отменяется законодательным указом (см. с. 458–459).

³ Вместе с данным нормативным актом утрачивают силу (полностью или частично) акты, в которых содержатся конкретизирующие нормы. Как правильно заметил П.Е. Недбайло, «отмена общего акта влечет за собой утрату силы всех актов, изданных с целью разъяснения и конкретизации общего акта...» (Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 306).

дится в соответствие с новыми правилами, т.е. формулируется в новой редакции).

Некоторые юридические нормы перестают практически действовать в результате того, что изменяются, уходят в прошлое фактические отношения, на регулирование которых рассчитана норма («исчезновение предмета закона»). Однако в рассматриваемом случае нормативные акты не утрачивают своей юридической силы. В социалистическом праве нет автоматического погашения юридической силы нормативных актов. Устаревший нормативный акт должен быть отменен или заменен новым.

Рассмотренные два момента (вступление в силу; утрата силы) характеризуют действие во времени данного, строго определенного нормативного акта. Если же рассматривать это действие в непрерывной цепи актов, последовательно сменяющих друг друга, то необходимо выяснение характера действия акта во времени. Здесь есть три принципа (типа действия):

- немедленное действие нормативного акта;
- обратная сила нормативного акта;
- сохранение действия («переживание») нормативного акта¹.

3. Принцип немедленного действия нормативных актов. Нормативные акты в социалистическом обществе в принципе действуют лишь «вперед», т.е. приводят к возникновению юридических последствий лишь в связи с теми фактами, которые возникли после вступления в силу данного нормативного акта. Это общее правило, соответствующее требованиям социалистической законности.

Указанное правило на практике не вызывает каких-либо затруднений, если речь идет о разовых фактах и отношениях, не имеющих «протяженности» во времени. Таковы, например, преступления, время совершения которых определяется моментом их окончания.

Вопрос осложняется в тех случаях, когда необходимо определить, какой из нормативных актов следует применять к *длящимся* отношениям, т.е. отношениям, существование которых связано с рядом фактов, периодически возникающих в течение того или иного периода времени. В самом деле, если данное отношение (например, алиментное обязательство) возникло при действии старого закона и сохранилось при новом законе, то, спрашивается, какой же закон – новый или старый – распространяется на это отношение?

---

¹ Подробную характеристику этих трех типов действия закона во времени см.: *Тилле А.А.* Время, пространство, закон. Госюриздат, 1965.

Общий принцип, определяющий действие нормативных актов применительно к ддящимся отношениям, может быть определен как *принцип немедленного действия*. Согласно этому общему принципу новый нормативный акт *немедленно* распространяется на все существующие отношения.

Новый нормативный акт как бы «рассекает» ддящееся отношение. Все те юридические последствия, которые наступили по прежним нормативным актам, как правило, сохраняют свою силу. Но и новый нормативный акт действует немедленно: сообразно с этим все факты (права и обязанности), возникшие после вступления в силу нового акта, подпадают под его действие.

Указанный принцип отчетливо выражен в советском законодательстве. Так, при введении в действие Основ гражданского законодательства предусмотрено: «По договорным и иным гражданским правоотношениям, возникшим до 1 мая 1962 г., Основы гражданского законодательства применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения в действие Основ»¹. Аналогичные правила установлены и в процессуальном законодательстве².

Принцип немедленного действия не исключает того, что в некоторых случаях нормативный акт как бы «поворачивает назад», приобретает обратную силу: действуя немедленно для данного ддящегося отношения, он в то же время может в той или иной степени распространяться на факты и порожденные ими последствия, которые существовали еще до издания нового нормативного акта. Здесь происходит, так сказать, двойной эффект нового нормативного акта (действие и «вперед», и «назад»).

4. Обратная сила нормативного акта. В области правового регулирования социалистического общества существует общее правило — «закон обратной силы не имеет» (*lex ad praeteriam non valet*). Это правило означает, что нормативные акты в принципе не «поворачиваются в прошлое» — не распространяются на факты и юридические последствия, которые наступили до вступления акта в силу.

---

¹ Часть 2 ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1962 г. «О порядке введения в действие Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства».

² Нельзя согласиться с М.Д. Шаргородским, полагающим, что процессуальные нормы всегда «действуют назад», т.е. имеют обратную силу (*Шаргородский М.Д.* Уголовный закон. Юриздат, 1948. С. 230). Действительно, процессуальные нормы, существующие в момент рассмотрения дела, обязательны для юрисдикционного органа независимо от того, когда возникло материальное правоотношение. Но ведь суть вопроса как раз в том, что процессуальные нормы действуют применительно к процессуальным, а не к материальным отношениям. К ним же применяется принцип немедленного действия закона.

Принцип «закон обратной силы не имеет» гарантирует определенность и прочность социалистического правопорядка, препятствует произвольному применению юридических норм, обеспечивает надлежащее воспитательное воздействие норм социалистического права, крепкую социалистическую законность.

Из общего принципа «закон обратной силы не имеет» могут быть сделаны отдельные исключения, которые допустимы только по решению самих правотворческих органов и прежде всего непосредственно в законе. Такого рода исключения обоснованы потребностями произвести поворот в правовом регулировании в уже сложившихся правоотношениях. Они вызваны гуманными соображениями (например, обратная сила законов, смягчающих или устраняющих наказуемость данных деяний), необходимостью обеспечить единство в правоотношениях, в осуществлении определенных запретительных мер.

Что такое обратная сила нормативного акта? Это *распространение действия нового акта на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения в действие новых норм.*

В порядке первого приближения можно сказать, что это такое действие нового нормативного акта на правоотношение, при котором новый акт «предполагается существовавшим в момент возникновения правоотношения»¹. Однако такая общая характеристика обратной силы требует существенных уточнений.

Для понимания юридических особенностей обратной силы нормативного акта (в частности при ее отграничении от немедленного действия закона) важно иметь в виду, что не только регулируемые правом отношения могут иметь длящийся характер, но что и *само правовое регулирование нередко является длящимся, растянутым во времени.* С юридико-фактической стороны такого рода ситуация, требующая «поворота назад» нового акта, складывается при наступлении незавер-

---

¹ *Тилле А.А.* Время, пространство, закон. Госюриздат, 1965. С. 96; *Блум М.И., Тилле А.А.* Обратная сила закона. М.: Юрид. лит., 1969. С. 34. Авторы, однако, не видят многообразия случаев обратной силы: по их мнению, последние встречаются только при пересмотре на основе нового нормативного акта уже наступивших последствий. Думается, такой подход сориентирован все же на действие закона в уголовном праве. Он не учитывает своеобразия правоотношений в других отраслях. Помимо ряда иных моментов здесь нужно принять во внимание *длящийся характер правового регулирования, возможность индивидуального правоприменительного регулирования данных отношений.* К.И. Комиссаров указал и на ряд других неточностей, допущенных в приведенной выше общей характеристике обратной силы нормативного акта (связь обратной силы с неюридическими в прошлом фактами, с недлящимися отношениями) (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 135–141).

шенных правовых последствий, которые возникают из части фактического состава. Если возникновение правовых последствий в целом определяется при такой ситуации по новому закону, это означает, что наступившие ранее незавершенные последствия должны «перестроиться» сообразно новому нормативному акту.

Существенно важно при этом учитывать, что нередко правовое регулирование завершается в индивидуальном порядке — вынесением правоприменительного акта. И если по дпящемуся правоотношению уже вынесено правоприменительное (судебное) решение, регулирующее права и обязанности на будущее, то распространение нового закона на эти права и обязанности означает, что закон «поворачивает назад» — распространяется на правоприменительное решение, состоявшееся в прошлом¹.

Таким образом, теперь можно уточнить данное ранее определение немедленного действия нормативного акта. «Чистое» немедленное действие — это лишь такое, когда вновь возникающие права и обязанности не имеют «правовых корней» в прошлом. Если же до введения в действие нового нормативного акта уже возникли незавершенные правовые последствия и в особенности если дпящееся отношение индивидуально урегулировано правоприменительным решением, то немедленное действие сопровождается известным поворотом нормативного акта «назад» — на факты и правовые последствия, возникшие до введения в действие нового нормативного акта.

Обратная сила нормативного акта по своим юридическим особенностям и «глубине» зависит от степени завершенности наступивших по прежнему закону правовых последствий. По этому признаку различается обратная сила: а) простая, б) ревизионная.

Простая обратная сила — это распространение нового нормативного акта на факты «прошлого», по которым окончательные юридические последствия еще не наступили. Она касается, в частности, та-

---

¹ Зависимость обратной силы от того, урегулировано или нет дпящееся отношение правоприменительным решением, подметил К.И. Комиссаров. Он пишет: «Указание по поводу распространения нового закона на последующие права и обязанности применительно к уже урегулированным дпящимся правоотношениям в отличие от общего правила должно расцениваться как указание об обратном действии закона» (*Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 136*). Однако обратной силой нельзя назвать распространение действия закона на «последующие права» урегулированного правоотношения (там же. С. 141): и здесь об обратной силе можно говорить лишь постольку, поскольку новый нормативный акт поворачивается в «прошлое» — требует пересмотра ранее вынесенного правоприменительного решения.

ких длящихся отношений, по которым вынесено правоприменительное решение, регламентирующее права и обязанности субъектов на будущее. Здесь «поворот в прошлое» имеет ограниченное значение: он касается только фактов, которые в полной мере еще не «сработали», т.е. возникли до введения в действие нового нормативного акта, но еще не породили окончательных юридических последствий. При простой обратной силе принятое ранее правоприменительное решение пересматривается лишь в части, в какой оно регулирует права и обязанности на будущее.

Случаи простой обратной силы были предусмотрены, например, при введении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также республиканских гражданских кодексов¹. Так, принципиально новые положения по наследственному праву Основ и ГК распространяются на наследства, открывшиеся до введения в действие Основ и ГК, если они не были приняты никем из наследников и не перешли по праву наследования к государству до введения в действие указанных нормативных актов. Простая обратная сила придана и некоторым другим нормативным положениям Основ и ГК (например, ст. 10, 14, 28, 62 Основ и др.).

Ревизионная обратная сила — это распространение нового нормативного акта на факты, по которым окончательные юридические последствия наступили, т.е. на факты, которые уже полностью «сработали», в частности на целиком «исчерпанные» правоприменительные решения. Здесь происходит пересмотр (ревизия) ранее наступивших юридических последствий. Они определяются «заново» по новому нормативному акту. В данном случае правоприменительное решение пересматривается и в той части, в какой они фактически исполнены.

Например, при простой обратной силе нового наследственного закона его нормы распространяются на все открывшиеся, но еще не принятые наследства. Если же придать наследственному закону ревизионную обратную силу, то на его основе должны быть пересмотрены дела по наследствам, которые уже приняты наследниками, т.е. по существу изменены отношения собственности.

Таким образом, при ревизионной обратной силе происходит известное «вторжение» нового нормативного акта в уже сложившиеся, полностью урегулированные правовые отношения.

---

¹ Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Госюриздат, 1962. С. 21–24; Миронов С.С., Суетенков Ю.С. О порядке введения в действие новых кодексов РСФСР // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 34 и сл.

В социалистическом обществе нормативным актам придается обратная сила крайне редко, в порядке исключения. В особенности это касается полной (ревизионной) обратной силы, которая в каждом случае должна быть специально предусмотрена при принятии (или введении в действие) данного нормативного акта.

Все случаи, когда нормативные акты имеют обратную силу, могут быть разбиты на три основные группы.

а) *Нормативные акты, которые на основе норм права обладают обратной силой по самому своему содержанию.* Отдельные нормативные акты имеют частичную обратную силу без какого-либо в каждом случае специального указания закона. На основании общих предписаний закона все нормативные акты определенных видов действуют «назад» — распространяются на факты, возникшие до вступления в действие данного акта.

В уголовном праве обратную силу имеют все законы, которые устраняют наказуемость деяния или смягчают наказание.

Обратной силой обладают подзаконные нормативные акты, конкретизирующие только ранее изданные нормы (в том числе нормативные постановления Пленума Верховного Суда СССР). Указанные акты разделяют судьбу ранее изданных («общих») нормативных актов, в частности действуют вместе с ними, а значит, и распространяются на все факты, в отношении которых действует и «общий» акт.

б) *Нормативные акты, обладающие обратной силой по специальному (т.е. только для данного акта) указанию закона.* Некоторым нормативным актам может быть придана обратная сила специальным указанием, которое содержится либо в самом этом акте, либо в ином нормативном акте, изданном компетентным правотворческим органом. Так, в последнее время в связи с изданием республиканских кодексов принимались специальные указы соответствующих Президиумов Верховных Советов о введении в действие кодексов, в которых, помимо прочего, предусматривались отдельные случаи обратной силы некоторых норм, в том числе и ревизионной. Так, об обратной ревизионной силе некоторых норм ГК РСФСР говорит ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1964 г. о введении в действие ГК и ГПК РСФСР¹. Согласно этой статье ко вновь урегулированным отношениям (например, купле-продаже с условием пожизненного содержания) новые нормы ГК применяются независимо от времени возникновения данных отношений; ранее возникшие отношения должны быть здесь приведены в соответствие с новым законодательством.

---

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 416.

Таким образом, обратная сила закона — это такое его действие, которое возможно на основе *компетентного нормативного решения* (выраженным, как правило, при принятии нормативного акта или при установлении порядка введения его в действие).

Вместе с тем не следует упускать из поля зрения и случаи *разового (индивидуального)* обратного действия нормативного акта. В практике были случаи, когда компетентные государственные органы придавали обратную силу нормативным актам (не имеющим в принципе такой обратной силы) только для данного конкретного дела.

Следует, однако, подчеркнуть, что подобное разовое распространение действия нормативных актов на прошлое время должно встречаться только в порядке *редкого исключения* и не носить характера ревизионной обратной силы. Иначе это сведет на нет общий принцип «закон обратной силы не имеет» и, следовательно, нарушит социалистическую законность.

При каких же обстоятельствах возможно разовое придание нормативному акту обратной силы? Видимо, оно допустимо лишь в отношении отдельных фактов-действий, совершенных в условиях, когда уже *идет процесс принятия нового нормативного акта* и это надлежащим образом обнародовано в общедоступных периодических печатных изданиях¹.

Но и здесь необходим акт компетентного государственного органа, который, проверив все обстоятельства в разовом порядке, придает закону обратную силу. Сами правоприменительные органы не вправе делать это.

5. Сохранение действия («переживание») нормативного акта. Кроме случаев обратной силы, существует еще одно своеобразное действие нормативного акта во времени, условно называемое «переживанием» старого акта. Оно представляет собой явление, по своему характеру противоположное обратной силе нормативного акта. Здесь старый нормативный акт, отмененный новым, в какой-то мере продолжает действовать и после утраты им юридической силы. Он как бы «переживает» отведенный ему срок, в определенной степени продолжает «жить» и после введения в действие нового нормативного акта.

---

¹ Одним из частных, наиболее бесспорных обстоятельств, обуславливающих возможность постановки вопроса о разовом придании закону обратной силы, является такая ситуация. Закон уже принят, опубликован, но еще не введен в действие; заинтересованное же лицо злонамеренно использует промежуток времени между опубликованием закона и его вступлением в действие в своих корыстных целях (Туманов В.А. Вступление в силу норм права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 7. Госюриздат, 1958. С. 130).

Переживание закона возможно только применительно к ддящимся отношениям. Указанный принцип применяется, как правило, в случаях, когда необходимо учитывать интересы лиц, вступивших в правоотношение до издания нового нормативного акта. Государство в рассматриваемом случае как бы говорит: «правоотношение возникло по старым законам, на эти законы лица рассчитывали, пусть же они и продолжают действовать до тех пор, пока данные отношения существуют».

Социалистическому праву известны случаи переживания нормативных актов. Так, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1964 г. о введении в действие ГК и ГПК РСФСР предусмотрел, что дела, подлежащие передаче согласно новым правилам ГПК о подведомственности и подсудности, подлежат рассмотрению судами, в производстве которых они находились до 1 октября 1964 г. (т.е. до введения в действие ГПК) в соответствии с действовавшими ранее правилами о подведомственности и подсудности.

В советской юридической литературе вопрос о действии нормативных актов во времени нередко рассматривается только в самых общих чертах. Именно этим можно объяснить, что проблема подчас сводится к вопросу об обратимости или необратимости нормативного акта, что характерно для уголовного права, а при возведении данного решения в общетеоретический принцип приводило к неправильной трактовке ряда важных вопросов.

При рассмотрении действия нормативных актов во времени нужно также учитывать особенности решения данного вопроса в каждой отрасли права. Как правильно отмечено в литературе, во многих отраслях права «к вопросу о том, *какой* закон применить, добавляется другой вопрос: *как* его применить. Он возникает потому, что мера или степень воздействия нового закона на сложившиеся отношения, а также степень сохранения действия старого закона могут быть различными»¹.

Требуют также учета и ддящийся характер правового регулирования, и значение в его завершении индивидуальных правоприменительных актов. В индивидуальном порядке могут быть урегулированы права и обязанности на будущее. В соответствии с этим новый нормативный акт может по-разному определять судьбу такого рода индивидуального регулирования (либо сохранять действие правоприменительного решения, либо предусматривать его пересмотр в той части, в которой им регулируются права и обязанности на будущее).

6. Действие нормативных актов в пространстве. В соответствии с началами государственного суверенитета, территориальным верховенством государства действие нормативных актов социалистического

¹ Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. М.: Юрид. лит., 1969. С. 31.

государства на его территории отличается *безраздельностью и исключительностью*. В Советском Союзе даже на временно оккупированной территории во время Великой Отечественной войны продолжали функционировать советские законы. В социалистическом государстве нет какой-либо территории, которая бы исключалась из-под действия его законов.

Государственной территорией признается часть земного шара, на которую распространяется политическое и юридическое верховенство (суверенитет) данного государства. Сюда относятся государственная земельная территория, внутренние и территориальные воды, воздушное пространство над земельной и водной территорией, земельные недра, т.е. все пространственные объекты внутри границ государства. Суверенитет данного государства распространяется также на отдельные «островки» территории вне его границ, а именно – военные корабли (в открытом море и территориальных водах иных государств), невоенные корабли (в открытом море), а также территории посольств.

Практически важным является вопрос о пространственных пределах действия нормативных актов внутри границ данного государства. Здесь нужно различать нормативные акты, действующие: а) на всей территории государства и б) на определенной ее части.

В Советском Союзе к нормативным актам, действующим на всей территории страны, принадлежат акты, которые издаются общесоюзными правотворческими органами, – законы СССР, общие подзаконные нормативные акты (в том числе указы Президиума Верховного Совета СССР, акты Правительства СССР). При этом, однако, необходимо иметь в виду, что в указанных актах могут содержаться также и специальные нормы, в частности нормы, распространяющиеся только на определенную территорию.

К нормативным актам, действующим только на части территории нашей страны, принадлежат: а) общесоюзные и иные акты, содержащие специальные, т.е. пространственно ограниченные нормы; б) законы, общие подзаконные и ведомственные акты союзных республик; в) местные акты.

Пространственно ограниченные нормативные акты действуют только на данной территории. Они не подлежат (по признаку территории) распространительному толкованию.

В отдельных случаях возможно применение данного республиканского законодательства на территории другой республики. Речь идет о таких юридических фактах и правоотношениях, которые имеют, так сказать, «пространственную протяженность» (в частности, о дей-

ствиях, которые начались на территории одной республики и закончились на территории другой). Применение республиканского законодательства в этом случае определяется особыми коллизионными нормами. Например, к преступным деяниям применяются правовые нормы уголовных законов союзных республик, на территории которых преступление совершено независимо от места задержания виновного и рассмотрения дела судом (ст. 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). В области гражданского законодательства действует ряд правил: к отношениям, вытекающим из права собственности, применяется закон места нахождения имущества; при совершении сделок правоспособность и дееспособность определяются по закону места совершения сделки и т.д. (ст. 18 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

7. Действие нормативных актов по лицам. Принципы, характеризующие функционирование нормативных актов в пространстве, определяют их действие и в отношении физических лиц и организаций.

Общее правило здесь таково — *нормативный акт распространяет свою силу на всех лиц в пределах территориальной сферы действия*. В частности, пространственно ограниченные нормативные акты распространяются только на лиц, находящихся в границах данного участка территории. Причем в зависимости от содержания юридических норм в одних случаях решающее значение принадлежит фактическому нахождению лиц на данной территории — например, факту совершения преступления на территории определенной союзной республики; в других — его местожительству или нахождению органа юридического лица (организации).

Отдельные лица становятся субъектами советского права именно потому, что они находятся на территории Советского Союза. Это касается иностранцев и лиц без гражданства. Исключение составляют лица, пользующиеся правом экстерриториальности (главы государства с официальным визитом, дипломатические представители и др.). Они подчиняются правовым нормам страны пребывания. Но они изымаются из юрисдикции государства и к ним не могут быть применены меры государственного принуждения. Вместе с тем иностранцы и лица без гражданства не могут быть участниками всех правоотношений в социалистическом обществе: субъектами ряда правоотношений могут быть только советские граждане и организации.

В отношении же граждан СССР и социалистических организаций территория является не условием приобретения ими правосубъектности, а лишь признаком, который общим образом позволяет определить

действие нормативных актов по лицам. Но этот признак не может рассматриваться в качестве абсолютного критерия. Из указанного выше общего правила имеются определенные исключения.

С одной стороны, советские граждане и организации должны подчиняться нормативным актам Советского государства и за пределами его территории. Так, советские граждане, проживающие за границей, подлежат приписке к определенному призывному участку в СССР, на который в случае призыва они обязаны явиться. За совершенное уголовное преступление советские граждане несут ответственность по советскому уголовному законодательству (по закону той союзной республики, где они привлечены к ответственности и преданы суду).

С другой стороны, отдельные нормативные акты могут распространяться только на определенную категорию граждан и организаций. Существующее в социалистических странах равенство всех субъектов перед законом не исключает определенной дифференциации правового регулирования и сообразно этому — наличия в социалистическом праве специальных норм, распространяющихся только на определенный круг субъектов.

Специальный характер могут носить законы и общие подзаконные нормативные акты. Таковы, например, законы об уголовной ответственности за воинские преступления (субъекты — только военнослужащие и военнообязанные во время прохождения ими военных сборов), уставы о дисциплинарной ответственности работников транспорта, связи и др.

К числу специальных относятся также все ведомственные нормативные акты, действие которых распространяется только на лиц в пределах данного ведомства.

Дифференциация правового регулирования с достаточной отчетливостью проявляется в ряде отраслей социалистического права. Например, в гражданском праве целый ряд нормативных актов посвящен либо только социалистическим организациям, либо только гражданам. Глубокая дифференциация по субъектам характерна для трудового права, где значительное число нормативных актов направлено на регулирование применения труда отдельных категорий рабочих и служащих¹.

8. Коллизия между нормативными актами. Коллизионные нормы. Между отдельными нормативными актами могут возникать проти-

---

¹ *Бегичев Б.К.* Субъективная дифференциация правового регулирования в советском трудовом праве // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 136 и сл.

воречия, «столкновения». Такие противоречия и называются коллизиями.

Коллизии в праве могут быть вызваны ошибками в правотворчестве, недостатками в кодификационной работе. Они могут носить и, так сказать, «естественный» характер. К ним относятся «столкновения» норм, связанные с их действием во времени, с особенностями в республиканском законодательстве, а также с особенностями правового регулирования в разных государствах.

Для устранения противоречий в праве и существуют *коллизионные нормы*, которые по своему юридическому содержанию могут быть разделены на две основные группы:

во-первых, нормы, регулирующие выбор между законами различных территорий;

во-вторых, нормы, регулирующие выбор между законами, последовательно сменяющими друг друга (транзитные нормы).

Вместе с тем вопрос о коллизии нормативных актов и коллизионных нормах решается по-особому применительно к социалистическому праву внутри страны и применительно к случаям расхождения между нормами социалистического права и иностранными законами.

Социалистическое государство характеризуется принципиальным единством правового режима. Поэтому коллизии между нормативными актами внутри страны сравнительно немногочисленны, они не носят конфликтного характера. Немногочисленны здесь и коллизионные нормы. Причем они касаются в значительной мере выбора законов, последовательно сменяющих друг друга (транзитные нормы). Среди основных коллизионных норм, действующих внутри страны, можно указать на следующие:

а) при расхождении нормативных актов, изданных различными государственными органами, преимущество имеет акт, изданный вышестоящим органом;

б) при расхождении актов, изданных одним органом в разное время, преимущество имеет более поздний акт;

в) при расхождении союзного и республиканского законодательства действует союзный закон (ст. 20 Конституции СССР).

Между социалистическим правом и правом иностранных государств существуют значительные, подчас резкие несоответствия. Однако в жизни в ряде случаев складываются так называемые отношения с «иностранном» или «международным» элементом, когда возникает необходимость применения к данным отношениям норм иностранно-

го или международного права. Этой цели и служат многочисленные коллизионные нормы, которые относятся к числу норм, регулирующих выбор между законами различных территорий. Указанные нормы входят в состав *международного частного права*¹.

Коллизионные нормы международного частного права распространяются главным образом на область гражданских, семейных, трудовых правоотношений. Нормы уголовного и административного права имеют в принципе строго территориальное действие (отдельные исключения из этого принципа предусмотрены в уголовном законодательстве; например, возможность зачета в срок наказания времени, отбытого в заключении за границей по приговору иностранного суда).

В силу внутреннего единства права стран социалистического лагеря между ними складываются принципиально новые коллизионные нормы, в частности, эти нормы установлены в договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных между социалистическими странами.

---

¹ Луиц Л.А. Международное частное право. М.: Юрид. лит., 1970. С. 9 и сл.

ГЛАВА XXIX

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

1. **Понятие юридической техники.** Это совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства как формы права. Основная ее разновидность — законодательная (правотворческая) и, в частности, кодификационная техника, которой в основном и будет посвящено последующее изложение.

Юридическая (законодательная) техника отличается многогранностью, многоаспектностью. Она имеет ряд проявлений, форм существования. Ее основные аспекты следующие:

а) Юридическая техника — совокупность средств и приемов нематериального, «технического» порядка. В этом состоит субстрат, ядро рассматриваемого правового явления.

Средства и приемы здесь «технические» потому, что выступают в качестве, так сказать, внешних инструментов, призванных обеспечить совершенство правовых актов. Как и все техническое, они с одинаковым успехом используются при выработке, оформлении и систематизации многих актов. Их значение по отношению к содержанию права «служебное».

Следует заметить, что «техническое» в праве можно понимать значительно шире. Сюда входят и средства материальной техники (например, криминалистической), и технические операции, относящиеся к правотворчеству и реализации юридических норм, процессу применения права, и техника судебного, прокурорского и иного делопроизводства и др. Однако в узком смысле «юридическая техника» — это техника, связанная только с выработкой и систематизацией правовых актов (прежде всего нормативных).

Юридическую технику образуют нематериальные средства и приемы¹. Подчеркнем — *нематериальные!* Она выражена в определенных идеологических явлениях и категориях (юридических конструкциях, приемах изложения норм и др.)².

¹ А.А. Ушаков говорит о законодательной технике как науке «о нематериальных средствах и приемах выражения законодательных категорий» (Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 16).

² Правотворчество и применение юридических норм в настоящее время все более связывается также с достижениями материальной, «вещественной» техники (каталоги,

По своему субстрату юридическая техника складывается из двух элементов: а) технических средств и б) технических приемов. Здесь можно провести аналогию с материальной техникой, где, с одной стороны, также выделяются машины, приспособления, оборудование, а с другой — методы их использования, т.е. технология. В области права техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология и др., правовой технологией — приемы изложения юридических норм, система отсылок и т.д.

Содержание средств и приемов юридической техники связано главным образом с «возведением» структуры права, с определенной организацией правового материала. Однако здесь связь не непосредственная, а опосредованная. Непосредственно же юридическая техника касается только внешней формы права и прежде всего нормативных юридических актов.

б) Юридическая техника *выражается в правилах (нормах), в соответствии с которыми она и используется.* Ее средства и приемы действуют не сами по себе, не автоматически. Правильное и целесообразное использование технических средств и приемов закрепляется в правилах юридической техники, которые относятся к особой разновидности технических норм, касающихся области правового регулирования. Они могут быть выражены в нормативных актах, в том числе особых инструкциях по подготовке и оформлению законопроектов. Тогда они выступают в качестве технико-юридических норм.

На практике использование средств и приемов юридической техники внешне выражается главным образом в применении соответствующих правил. Вот почему на практике, а иногда и в теории она понимается как совокупность правил наиболее рационального составления и правильного изложения правовых актов (что, однако, нельзя признать достаточно точным).

Правила юридической техники вырабатываются прежде всего на практике, в практической работе по подготовке и оформлению правовых актов. Решающая роль в выработке совершенных правил юридической техники принадлежит правовой науке¹. Высокий технический уровень законодательства и индивидуальных актов может быть достиг-

---

средства криминалистики, кибернетические устройства и др.). Это уже не юридическая техника в указанном выше значении.

¹ В законодательной технике, пишет А.С. Пиголкин, «как и в любых других технических приемах, сочетаются элементы науки, мастерства, искусства, опыта» (Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 17).

нут только на основе проверенных научных рекомендаций. Уровень юридической техники зависит также и от данных неюридических наук (в частности, приемы изложения нормативных актов в письменных документах построены в значительной мере на данных наук, занимающихся законами языка и стиля изложения). Таким образом, высокая юридическая техника неотделима от науки. Она и является одним из тех юридических инструментов, через которые данные науки превращаются в своеобразную производительную силу.

в) Юридическая техника *внешне материализуется в уровне (степени) совершенства правовых (нормативных) актов как формы права*. Как только средства и приемы юридической техники реально воплощаются в правовых актах, они становятся свойством данной системы законодательства. Уровень юридической техники в той или иной стране определяется прежде всего по реальному использованию технических средств и приемов в законодательстве, в правовых актах.

Средства и приемы юридической техники не имеют классовой направленности. Они «сами по себе безразличны к общественным классам»¹. Реакционное законодательство в буржуазных странах может быть довольно совершенным по своему уровню технической обработки. В социалистическом праве, не имеющем по содержанию какого-либо преювентива с эксплуататорскими типами права, используются определенные средства и приемы юридической техники прошлого². Однако особенности и степень практического использования юридической техники носят социальный, классовый характер. Определенное социальное содержание имеют и ее правила. В частности, «правила законодательной техники наполняются в процессе социалистического правотворчества принципиально новым содержанием, вытекающим из сущности социалистического права, его роли в жизни нашего общества»³.

Юридическая техника играет существенную роль в обеспечении эффективности социалистического права, в дальнейшем укреплении социалистической законности. Полное и правильное использование всех ее средств и приемов на основе совершенных, отработанных правил обеспечивает точное выражение содержания правовых актов, доходчивость и доступность последних, возможность их наиболее рацио-

¹ Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 6. Сер. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 121; Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1968. С. 7.

² Иоффе О.С. Вопросы кодификации общей части советского гражданского права // Вопросы кодификации советского права. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 31.

³ Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. Госюриздат, 1962. С. 47.

нального использования в практической работе. Уровень юридической техники — один из показателей уровня юридической культуры в стране.

Необходимость полного и всестороннего использования юридической техники, выражающей передовой опыт законодательства и прогрессивные рекомендации науки, является *объективной закономерностью*, недоучет которой приводит к определенным отрицательным последствиям, издержкам, недостаткам в форме права.

В советской юридической литературе проделана значительная работа по выяснению понятия юридической техники.

По этому вопросу высказаны различные, на первый взгляд довольно разноречивые мнения. Многие авторы склонились к такому теоретическому истолкованию юридической техники, которое сводит ее лишь к определенным «правилам»¹. Даже после того, как в литературе были сформулированы развернутые положения о средствах и приемах техники (ее субстанции), отдельные авторы по-прежнему, без какой-либо дополнительной аргументации ограничивают юридическую технику «правилами и приемами»².

Между тем, как уже отмечалось, юридическая техника — явление многогранное. Это и порождает такую разноречивость во взглядах, когда те или иные авторы рассматривают в качестве юридической техники лишь одну из форм, в которой она проявляется.

И все же, думается, при теоретическом истолковании юридической техники на первый план следует выделить ее «субстанциональную сторону» — средства³ и приемы, используемые при выработке, систематизации правовых актов. «Правила» же — это такая ее сторона, которая характеризует *использование* технических средств и приемов.

В специальном внимании нуждается взгляд, связывающий юридическую технику со структурой права⁴. Надо полагать, что структура права — это та юридическая «первооснова», которая предопределяет *содержание* средств и приемов юридической техники.

---

¹ См., например: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 47; Шебанов А.Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1965. С. 41; Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 5.

² Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1968. С. 10; Он же. Указ. автореф. С. 16.

³ Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 6. Сер. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 121. Вместе с тем, на мой взгляд, автор неоправданно исключил из «арсенала» юридической техники приемы составления и формулирования юридических норм, их изложения и выражения в нормативных актах (юридическую технологию); Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 249 и сл.

⁴ Ковачев Д.А. О понятии законодательной техники // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 18. 1969. С. 31–39.

И еще одно замечание. При всей многогранности понятия юридической техники к ней все же не относятся процедурные (процессуальные) действия, связанные с использованием технических средств и приемов. Организационно-технические вопросы подготовки проектов нормативных актов, порядок внесения в них изменений, порядок их отмены и т.д. — все это можно охарактеризовать в качестве юридико-технической стороны правового регулирования. Но здесь «техническое» выражает лишь организационно-вспомогательное значение действий, которое образует материальное содержание процедурно-процессуальных правоотношений, т.е. иного (хотя и связанного с техникой) правового явления¹. В каких бы формах ни проявлялась юридическая техника, ее границы строго очерчиваются субстанциональными моментами: техническими средствами и приемами, образующими ядро рассматриваемого правового явления.

2. Виды юридической техники. Юридическая техника делится на виды по таким основаниям: а) правовые акты, которые обслуживаются данной совокупностью технических приемов и средств; б) содержание этих приемов и средств.

По видам правовых актов юридическая техника подразделяется на 1) законодательную (правотворческую) и 2) технику индивидуальных актов.

Законодательная (в широком смысле) техника — это средства и приемы, используемые при выработке и систематизации нормативных актов. Наиболее существенное значение принадлежит здесь техническим средствам и приемам, применяемым при кодификации (кодификационная техника).

Техника индивидуальных актов касается выработки и оформления актов в области реализации норм социалистического права и прежде всего в области применения права (в этом отношении можно говорить о правоприменительной технике).

Техника индивидуальных актов изучается в основном в конкретных юридических дисциплинах (науках процессуального права, гражданского права и др.). Для общей теории права решающее значение имеет законодательная техника.

---

¹ Ковачев Д.А. Указ. соч. С. 31–34. В литературе юридическую технику иногда подразделяют на «внешнюю» и «внутреннюю» (Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского университета. Т. 19. Вып. 5. 1961. С. 81–82). Следует, однако, заметить, что правила и приемы, причисляемые к «внешней технике» (порядок внесения и учета предложений по законодательству, составления и редактирования законопроектов, получения виз и др.), относятся, как уже говорилось, скорее к самому содержанию правового регулирования в данной области отношений, нежели к «технике».

По своему *содержанию* технико-юридические средства и приемы связаны главным образом со структурой права; они представляют собой «технические моменты» конструирования правовых (нормативных) актов, — такие средства и приемы, при помощи которых «сооружаются» нормативные акты. Особенности их содержания зависят от того, какова плоскость нормативных актов как формы права — форма юридического изложения или же форма внешнего документального выражения. В соответствии с этим по своему содержанию юридическая (законодательная) техника может быть подразделена на два основных вида:

а) средства и приемы юридического изложения воли законодателя;

б) средства и приемы документального выражения содержания нормативного акта.

3. Юридическая техника изложения воли законодателя. Государственная воля, чтобы она стала правом, должна быть возведена в закон. В этих целях необходимо изложить ее на «языке права». Такого рода «перевод экономических отношений в юридические принципы» (Ф. Энгельс) и осуществляется при помощи специальных средств и приемов юридической техники.

С р е д с т в а юридической техники данного вида — это нематериальные формы, при помощи которых оказывается возможным «строить право» — возводить его скелет, конструкции, облекать в юридический вид его интеллектуально-волевое и юридическое содержание. Это своего рода типовые схемы, которые позволяют отливать из воли законодателя юридические нормы, входящие в действующую систему права.

Главными средствами юридической техники рассматриваемого вида являются: а) нормативное построение, б) юридические конструкции, в) отраслевая типизация. Существенное значение среди средств юридической техники имеет и юридическая терминология¹.

---

¹ О.А. Красавчиков к средствам юридической техники причисляет: 1) терминологию; 2) юридические конструкции; 3) презумпции и фикции; 4) систематизацию (*Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 6. Сер. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 124—132). Следует заметить, что систематизация является «техникой» лишь в той мере, в какой она выступает в качестве средства построения нормативных актов (но она уже не является систематизацией в строгом смысле этого слова). В то же время, если связывать юридическую технику со структурой права, необходимо среди технико-юридических средств выделить нормативное построение воли законодателя, а также отраслевую типизацию норм. (К тому же, как уже говорилось, юридическая техника включает также приемы построения нормативного материала.)

Нормативное построение. Перевод воли государства на «язык права» состоит прежде всего в том, что она на основе категорий правосознания (категорий «право» и «обязанность») излагается в виде *нормативного предписания* – конкретного, формально закрепленного государственно-властного веления нормативного характера¹ (регулятивного, охранительного, дефинитивного и т.д.). Нормативное изложение в виде норм-предписаний – это та первичная «типовая схема», с которой начинается юридико-техническое «строительство» права.

Вместе с тем нормативное построение воли законодателя не ограничивается только ее изложением в виде норм-предписаний. Последние должны быть скомпонованы в такие «связки», которые бы выявляли государственно-регулятивные, принудительные свойства права. А это значит, что нормативные предписания должны быть «построены» также и в виде логических норм. Особо важно, чтобы при нормативном изложении были бы неразрывно связаны регулятивные и охранительные нормативные предписания.

Юридические конструкции. Это более высокий уровень технико-юридического изложения воли законодателя, отражающий характер (модель) связи между элементами и сторонами логических норм². Юридические конструкции представляют собой *специфическое построение нормативного материала*, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой.

Наиболее общие юридические конструкции основываются на главных (общих) типах и видах правоотношений. В зависимости от этого подбираются и соответствующие виды юридических норм, в частности обязывающие, запрещающие, управомочивающие. Учитывается также соотношение нормативного регулирования с индивидуальным регулированием (диспозитивные и императивные нормы, абсолютно определенные и относительно определенные нормы).

В некоторых случаях выбор общей юридической конструкции представляет известную сложность. Так, определенные трудности возникают при формулировании в нормативных актах мер правового воздействия (юридическая ответственность, меры защиты, превентивные средства). Или, например, обязанность по возмещению вреда, причи-

---

¹ А.А. Ушаков пишет: «Самым важным творением юридической техники... является сама правовая норма» (*Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 15).

² Характеристику юридических конструкций как «моделей» см.: *Черданцев А.Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12 и сл.

ненного источником повышенной опасности, можно сконструировать двойным образом: либо как своеобразный вид гражданско-правовой ответственности, либо как «обязательство».

В каждой отрасли социалистического права существуют устоявшиеся конструкции, отработанные в нормативных актах и юридической наукой. Таковы типические схемы (модели) составов преступлений в уголовном праве, в том числе разнообразные общие и специальные составы. Тщательностью отработки юридических конструкций отличается гражданское право (разнообразные конструкции договоров, в том числе, например, таких, как иррегулярная поклажа и иррегулярный заем; конструкция «ответственность без вины»; конструкция «присутствующих и отсутствующих» субъектов и т.д.). Состав и разработанность юридических конструкций является одним из ярких показателей уровня развития данной отрасли права и соответствующей отрасли юридической науки.

Таким образом, юридические конструкции представляют собой как бы готовые типовые «образцы», «схемы», в которые облачается нормативный материал. Их использование облегчает формулирование юридических норм, придает нормативной регламентации общественных отношений четкость и определенность, обеспечивает, следовательно, необходимую формальную определенность права. Важнейшая задача при формулировании юридических норм состоит в том, чтобы подобрать такие конструкции, которые соответствовали бы содержанию нормативного материала, позволяли бы с максимальной эффективностью обеспечить поставленные законодателем задачи.

Юридические конструкции складываются на основе опыта правотворчества, в ходе которого отбираются наиболее целесообразные и отбрасываются устаревшие модели построения нормативного материала. Большую роль в их выработке играет правовая наука. Она не только теоретически закрепляет и осмысливает сложившиеся на практике « типовые конструкции », но и ставит вопрос о их дальнейшем развитии.

Отраслевая типизация. Специфической конструктивной моделью, обеспечивающей изложение воли законодателя на « языке права », является структурный тип правоотношения. Нормативные предписания должны быть изложены таким образом, чтобы они не только образовывали логические нормы и стройные юридические конструкции, но включались в строго определенную отрасль права, соответствовали типическим чертам отраслевого правоотношения. Это достигается путем помещения данного предписания в кодифицированный акт, под-

чинения его определенной системе общих норм, применением отраслевой терминологии и др.¹

Общее (и вместе с тем вторичное) значение среди средств юридической техники имеет *терминология*. Она призвана выразить в словесном виде главные средства юридической техники, при помощи которых излагается содержание воли законодателя (нормативное построение, юридические конструкции, отраслевая типизация). Термин — это словесное обозначение определенного понятия. При формулировании юридических норм используются три вида терминов: общеупотребляемые, специальные технические и специальные юридические. Использование общеупотребляемых и специальных технических терминов не является в области права чем-то специфическим. Они должны применяться в точном соответствии с тем значением, которое сложилось в общепринятом языке (общеупотребляемые термины) и в специальных науках — медицине, технике, биологии и др. (специальные технические термины).

С точки зрения юридической техники особое значение принадлежит специальной юридической терминологии. Здесь термины отражают юридические понятия, выражающие природу норм, юридические конструкции, отраслевую типизацию норм. Поэтому специальные юридические термины имеют свой, особый смысл. Характеризуя рассматриваемую группу терминов, нужно различать, во-первых, юридические термины, которые заимствованы из общепринятого языка, но в области права приобрели особое, правовое значение (например, «сделка», «доказательство», «жалоба», «владение», «преступление» и др.), и, во-вторых, термины, свойственные только праву, юридической науке и законодательству (например, «иск», «соучастие», «преюдиция», «подсудность» и т.д.).

Необходимыми условиями рационального использования терминологии являются: а) *единство* терминологии. Одинаковые термины, используемые при формулировании юридических норм, должны иметь тождественное значение; недопустимо также для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины; б) *общепри-*

---

¹ Наряду с приведенными средствами юридической техники, имеющими общее значение, следует указать на особые средства, используемые главным образом для обеспечения формальной определенности права, — презумпции и юридические фикции (Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 10–12). Вместе с тем следует заметить, что презумпции играют и роль специфических приемов правового регулирования (например, в области доказательственного права).

знанность терминологии. Используемые термины должны быть признаны в науке и практике, так или иначе опробированы, «устояться»; в) *устойчивость* терминологии. Недопустимо без особо важных причин отказываться от ранее используемой терминологии, вводить наряду с принятыми другие, по мнению отдельных авторов, «более удачные» термины¹.

Некоторые термины нуждаются в расшифровке непосредственно в тексте нормативного акта. Такая расшифровка, имеющая обязательное значение, содержится в дефинитивных нормах, а также в тексте иных видов норм (описательные гипотезы, диспозиции, санкции).

П р и е м ы юридической техники, используемые при юридическом изложении воли законодателя, выражают особенности юридико-словесного построения закрепляемой в нормативном акте воли законодателя. Они в определенной степени касаются внешней документальной формы нормативных актов. Но прежде всего приемы юридической техники данного вида, отражая накопленный опыт правотворчества и уровень юридической культуры, способствуют полному, точному, экономному, «строго юридическому» изложению содержания нормативных предписаний.

Основные приемы юридической техники рассматриваемого вида подразделяются в зависимости от: а) степени обобщения конкретных показателей нормы, б) способа изложения элементов нормы.

По степени обобщения конкретных показателей различаются два приема: абстрактный и казуистический.

Абстрактный (обобщающий) — это такой прием формулирования юридических норм, при котором фактические данные охватываются только обобщающей формулировкой, т.е. родовыми признаками. Например, в нормативном положении «лицо освобождается от ответственности при отсутствии в его действиях вины» слова «отсутствие вины» являются обобщающей формулировкой, которая охватывает все случаи, когда лицо не предвидело и по обстоятельствам данного дела не могло предвидеть противоправные результаты своего поведения.

Казуистический — это такой прием формулирования юридических норм, когда фактические данные указываются также при помощи индивидуальных признаков, в том числе путем перечисления конкретных, индивидуальных фактов, обстоятельств. Например, в ст. 145 Устава ж.д. основания освобождения от ответственности сформулирова-

---

¹ О других требованиях к юридической терминологии см.: *Пиголкин А.С.* Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 24. 1971. С. 23–29.

ны следующим образом: «Грузоотправитель освобождается от уплаты штрафа за невыполнение плана перевозок: а) по причине явлений стихийного характера... б) при запрещении и прекращении или ограничении погрузки грузов...» и т.д. Этот перечень, включающий 6 пунктов, прямо и конкретно указывает на фактические обстоятельства, освобождающие лицо от юридической ответственности.

Конечно, в настоящее время казуистический прием изложения не встречается в «чистом виде» (например, в таком, в каком он применялся в древних системах права). Нормативное изложение, каким бы оно ни было конкретным и индивидуализированным, всегда содержит определенные обобщения. Однако и сейчас нормативные положения, где достигнута максимально широкая в данных условиях степень обобщения, существенно отличаются от нормативных положений, где вместо обобщенной формулы, а иногда и наряду с ней приводится перечень конкретных фактов, обстоятельств и т.д.

В последнем случае и можно говорить о казуистическом приеме.

Абстрактный прием изложения нормативного материала соответствует более высокому уровню юридической культуры и развития юридической науки. Он позволяет в кратких формулировках охватить все факты данного рода. Однако не все фактические данные могут быть во всех случаях изложены в обобщающих формулировках; иногда необходимо прямо и конкретно указать на индивидуальные обстоятельства, факты, конкретных лиц. Кроме того, казуистический прием в какой-то мере удобен на практике, а главное, соответствует формальной определенности права. Он позволяет без особых трудностей применять юридические нормы к фактическим обстоятельствам (например, значительно легче решить вопрос об освобождении от ответственности на основании конкретного перечня, чем на основе обобщающей формулировки). Но все это не может устранить существенного недостатка казуистического приема: как бы ни был совершен перечень конкретных фактов, он не может охватить всех фактов данного рода.

По способу изложения элементов юридической нормы различаются три приема: прямой, ссылочный и бланкетный. В зависимости от этого выделяются и соответствующие разновидности юридических норм, в том числе ссылочные и бланкетные.

При *прямом* изложении все элементы нормы прямо формулируются в данной статье нормативного акта.

При *ссылочном* изложении отдельные элементы нормы не формулируются в данной статье; в ней лишь делается отсылка к другой норме, где содержатся нужные данные или предписания. Этот прием из-

ложения применяется для установления связи между отдельными частями нормативного материала и для избежания повторений.

При *бланкетном* изложении отдельные элементы нормы также прямо не формулируются; но недостающие элементы восполняются не какой-либо точно указанной нормой, а правилами определенного вида, которые со временем могут изменяться. Иными словами, здесь как бы дается «открытый бланк», ссылка на вид правил. Например, ст. 213 УК предусматривает определенную меру наказания за «нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности, если это повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия». Бланкетное изложение позволяет не только устранить ненужные повторения, но и обеспечить стабильность правового регулирования при изменении текущего законодательства (правил).

Применение ссылочного и тем более бланкетного приема изложения во многих случаях вполне оправдано. Однако обилие отсылок, в особенности отсылок к нормам других нормативных актов, может создать определенные трудности при пользовании нормативным материалом. Кроме того, обилие ссылочных норм нередко свидетельствует о недостатках в расположении нормативного материала.

4. Юридическая техника документального выражения содержания нормативного акта. Воля законодателя не только должна быть изложена на «языке права»; она нуждается и во внешнем, документальном выражении. Средства и приемы юридической техники данного вида также связаны со структурностью права. Но они касаются не содержания нормативных актов (юридического изложения их содержания), а их формы, их внешнего документального построения, их внешней архитектоники.

С р е д с т в а юридической техники рассматриваемого вида — это формы, позволяющие закреплять, юридически фиксировать изложенную волю законодателя. К ним относятся *документы*, их реквизиты, их внутреннее построение. С документальным выражением воли законодателя связан также *стиль* правовых актов (законодательная стилистика).

Документы как внешние формы выражения нормативного акта характеризуются: а) реквизитами, б) внутренним структурным построением.

Реквизиты нормативного документа. Каждый нормативный документ должен иметь такие внешние реквизиты, которые свидетельствовали бы о его официальном характере, отражали его содержание, юридическую силу, место и дату издания. К внешним реквизитам от-

носятся наименование акта, его заголовок, обозначение даты и другие показатели.

Наименование документа характеризует ту внешнюю юридическую форму, в которую облечен акт (закон, указ и др.), а также орган издания акта (постановление Совета Министров СССР, циркуляр Генерального прокурора и др.).

Основные требования к заголовку нормативного документа — это точность и краткость. Слишком длинные, громоздкие заголовки актов создают известные трудности при их применении и систематизации, а также при их толковании. Следует заметить, что заголовки документов (частей, разделов, глав и статей) — это не только технико-юридический прием. Заголовок представляет собой одно из средств выражения содержания данной группы юридических норм или одной нормы. Поэтому заголовки могут быть использованы при толковании актов.

Нормативный акт должен содержать указание на дату и место его издания, подписи компетентных должностных лиц.

Один из существенных внешних реквизитов нормативного акта — его порядковый номер. В Советском Союзе порядковые номера (по календарным годам) присваиваются актам правительства, министерств и центральных ведомств, местных Советов и их исполкомов.

Внутреннее построение нормативного документа. Необходимым средством юридической техники является распределение нормативного материала внутри акта в определенном порядке, его расчлененность и согласованность. Основные требования юридической техники здесь следующие:

1) *Последовательная дифференцированность нормативного материала.* Подавляющее большинство нормативных актов нуждается во внутреннем распределении нормативного материала, отражающем структуру отрасли, подотрасли, института. Наиболее существенную роль дифференциация нормативного материала играет в кодифицированных актах — основах, кодексах.

Структура нормативных актов (в особенности кодифицированных) должна обеспечить максимальные возможности для формулирования нормативных обобщений. Это достигается прежде всего при помощи выделения *общей части* («общих положений»). Выделение общей части позволяет сконцентрировать в одном разделе общие нормы, избежать повторений, с надлежащей четкостью сформулировать наиболее принципиальные нормативные положения, ведущие социально-политические и специальные юридические принципы.

В кодифицированных актах конкретный нормативный материал распределяется по *разделам и главам*. Каждое из этих подразделений охватывает определенный институт или группу институтов. Распределение нормативного материала по разделам и главам — это такой технико-юридический прием, который неразрывно связан с содержанием правового регулирования. В структуре нормативного материала в определенной степени выражается его содержание. Вот почему вопрос о структуре нормативного акта в ряде случаев приобретает принципиальное значение. Например, при кодификации гражданского законодательства возник вопрос — выделять ли правовые институты только по специальным юридическим признакам или, кроме того, по признакам, отражающим также сферу регулируемых отношений (в частности, обособить все правовые институты, регулирующие отношения в области социалистического хозяйства). Законодательство пошло по первому пути. Между тем есть основания полагать, что обособление «хозяйственных» гражданско-правовых институтов в особый раздел позволило бы сформулировать ряд обобщающих нормативных положений, придало бы данной ветви гражданско-правового регулирования необходимую стройность и четкость.

Первичной «структурной единицей» подразделения нормативных актов является статья (иногда их называют также пунктами или параграфами; целесообразно, однако, во всех случаях именовать их статьями)¹.

Статья должна охватывать однородный нормативный материал. Нецелесообразно включать в одну статью несколько разнородных и тем более взаимоисключающих нормативных предписаний.

Статья является первичной «структурной единицей» потому, что она соответствует основной первичной единице самого права — юридическому нормативному предписанию. В статье может содержаться несколько предписаний. Но в принципе статья нормативного акта (часть, абзац статьи) и юридическое нормативное предписание совпадают².

---

¹ В юридической литературе высказана мысль о том, что «предметом систематизации, воплощаемой в системе законодательства, являются не юридические нормы, а *статьи закона* в самом широком смысле этого слова» (Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 50). Вряд ли это так. Лишь при неофициальной и некоторых формах официальной инкорпорации предметом систематизации являются части нормативного акта, в частности отдельные статьи. Но при консолидации, а тем более при кодификации законодательства предметом систематизационных действий являются непосредственно *юридические нормативные предписания*, а не статьи (хотя они принципиально и совпадают).

² «Идея о принципиальном соответствии статьи и нормы дает четкое представление об юридической норме, показывает разнообразие ее содержания..., облегчает анализ зако-

Выделение новых статей (если это не является разукрупнением статей, содержащих несколько предписаний) возможно лишь постольку, поскольку одновременно в результате нормативного обобщения формулируются новые предписания, в том числе охранительные и специализированные. Произвольно «дробить» одну норму на несколько статей объективно невозможно¹.

В случаях, когда статья нормативного акта включает несколько юридических предписаний, она имеет свои внутренние подразделения, которые обычно начинаются с «красной строки» и называются «частями», иногда «абзацами». Подразделения внутри единого нормативного положения (например, при перечислении) именуется обычно «пунктами».

Основная задача при формулировании юридических норм состоит в том, чтобы с надлежащей четкостью указать на условия действия и содержания властного государственного веления. Кроме того, следует иметь в виду и необходимость обеспечить охрану юридических норм принудительной силой государства, т.е. документального закрепления логических норм. Поэтому либо в данной статье, либо в иных статьях нормативного акта (а иногда и в другом акте) должны быть сформулированы охранительные нормы, которые бы с исчерпывающей полнотой охраняли действия всех норм, включая действия регулятивных предписаний.

2) *Единство и внутренняя логика нормативного документа.* Материал в нормативном документе должен быть согласован во всех своих частях и расположен в логической последовательности. Нормативные документы не только не должны иметь каких-либо противоречий, но и должны быть едиными с точки зрения используемых в нем средств юридической техники — нормативного изложения, юридических конструкций, отраслевой типизации, а также терминологии.

Нормативный документ нуждается также и во «внешнем единстве». Одним из выражений этого единства является единая сквозная нумерация статей.

Нумерация статей должна быть стабильной. На практике с определенным номером статьи кодифицированного акта связывается пред-

---

подательства, его систематизацию, формализацию правовых предписаний» (Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 23).

¹ Это обстоятельство не учитывают авторы, которые утверждают, что норма права и статья нормативного акта не совпадают и что многие нормы «раздроблены» на ряд статей. Они, к сожалению, не замечают того, что статьи, которые, по их мнению, содержат часть нормы, на самом деле закрепляют самостоятельные нормативные обобщения.

ставление о содержании соответствующих юридических норм. Поэтому целесообразно при последующих изменениях, вносимых в нормативный акт, не перестраивать каждый раз нумерацию, а менять редакцию статей; новые же нормативные положения вносить в качестве дополнительных статей (с добавлением букв или цифр к основной нумерации). Все изменения и добавления необходимо сопровождать точными ссылками на нормативный акт, на основе которого они произведены. Аналогичные ссылки нужны и в том случае, если из текста нормативного акта исключены отдельные статьи или главы.

3) *Обеспечение необходимых удобств в пользовании нормативными документами.* В нормативных документах следует избегать примечаний к статьям. Напротив, дополнения и приложение постатейно-систематизированного материала к кодифицированным актам в ряде случаев оказываются необходимыми. Облегчают пользование кодификационными нормативными документами алфавитно-предметные указатели.

Достижением кодификационной техники последнего времени является снабжение заголовками не только разделов и глав, но и статей кодификационных актов. Как уже отмечалось, заголовки в нормативном акте имеют не только техническое значение, но и являются средством официального «резюме» о содержании нормативного акта, его отдельной части или статьи. Облегчая правильное понимание содержания нормативного акта, заголовки содействуют точному применению его нормативных положений.

В кодифицированных актах целесообразно обозначать (номера-ми, помещенными в скобках, или буквами) отдельные части статей. Такой прием кодификационной техники использован, например, в ГК Эстонской ССР.

П р и е м ы юридической техники, касающиеся документального выражения содержания нормативных актов, — это, в сущности, приемы, нераздельно связанные с наиболее рациональным построением документов, расположением статей, использованием заголовков и т.д. Они и были в общих чертах обрисованы при рассмотрении средств юридической техники данного вида. Сюда же в определенной степени относятся освещенные ранее приемы юридического изложения (абстрактный, казуистический и др.). Наконец, многие технические приемы, связанные с документальным оформлением воли законодателя, носят общий характер — относятся к приемам общего делопроизводства, информационной техники и т.д.

5. Законодательная стилистика. Это система приемов наиболее целесообразного использования языковых средств в нормативных докумен-

тах. Стиль правовых актов концентрирует воедино и использование средств юридической техники (терминологии, юридических конструкций), и общие требования к языку официальных документов, и требования современного литературного языка.

Главное, что определяет стиль нормативных (а также индивидуальных) актов, состоит в том, чтобы *обеспечить сочетание, с одной стороны, доступности и убедительности нормативных документов, а с другой — их точности, определенности и высокой юридической культуры.* В.И. Ленин требовал «обратить сугубое внимание на необходимость более *осторожной, тщательной* подготовки текста декретов»¹.

Доступность и убедительность правовых актов. М.И. Калинин говорил: «Наша задача, чтобы то, что мы говорим, было воспринято, восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облакаем наши выступления»². Для обеспечения беспрепятственного восприятия содержания нормативных актов необходимо «особенно обратить внимание на то, чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком»³.

Требование доступности предполагает, чтобы язык правовых документов был максимально прост, кристально ясен и понятен для каждого гражданина. Фразы правового документа должны быть несложной конструкции, без излишней перегрузки их придаточными предложениями. Большое значение имеет также правильное употребление различных соединительных или разъединительных союзов, знаков препинания, сравнений, образных выражений и т.д. При составлении текста правового акта нужно избегать употребления узкоспециальных терминов или терминов, употребляемых только в определенной местности⁴.

Вместе с тем стиль нормативных актов должен обеспечивать предельную убедительность содержащихся в нем предписаний. В нормативные акты необходимо в ряде случаев включать преамбулы и пояснения, а главное, сами формулировки юридических норм должны обладать большой силой убеждения. По своей четкости, построению, «внутренней силе» формулировки нормативных актов призваны донести до всех лиц глубокую убежденность законодателя в необходимости и целесообразности проводимых мероприятий. Таким образом, совершенная

¹ Ленинский сборник XXIII. С. 226.

² Известия. 1927. 19 января.

³ СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 600.

⁴ *Полянский Н.Н.* О терминологии советского закона // Проблемы социалистического права. 1938. № 5; *Ковалев М.И.* О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3; *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

языковая форма нормативных актов является одним из средств, обеспечивающих идеологическое воздействие норм социалистического права.

Точность, определенность, высокая юридическая культура стиля правовых актов. Правовой акт — это не обычное выступление, речь, статья. «Язык закона, — писал академик Л.В. Шерба, — требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек безо всякого понукания прочтет всякую статью закона и два, и три раза»¹. Иными словами, доступность и убедительность не являются в нормативных актах самоцелью, это должна быть доступность и убедительность в выражении воли законодателя².

Стиль нормативных актов должен обеспечить функционирование права как властного регулятора и, в частности, точность и полноту выражения воли законодателя. Нужно, чтобы нормативные акты по возможности содержали в себе исчерпывающие ответы на все могущие быть выдвинутыми жизнью, практикой вопросы, связанные с их применением³.

Важнейшие требования стиля правовых актов — это строгая определенность фраз, выражений, терминов. Каждая фраза, выражение, термин должны пониматься только в одном, строго определенном значении. Недопустима какая-либо двусмысленность, расплывчатость формулировок, позволяющих истолковать смысл нормативных актов по-разному. Как правильно подчеркивается в литературе, «едва ли возможно назвать какую-нибудь иную область общественной деятельности, где неверно или неуместно употребленное слово, ошибочно построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением влекут за собой такие серьезные, а иногда и тяжелые последствия, как в области правотворчества»⁴.

Одним из средств точного и определенного словесного выражения воли законодателя является специальная юридическая терминология.

---

¹ Шерба Л.В. Современный русский литературный язык // Русский язык и школа. 1939. № 4. С. 20–21; Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского университета. Т. 19. Вып. 5. 1961. С. 75.

² А.А. Ушаков пишет: «Доходчивость и простота советских законов зависят не только от простоты словесных выражений, но и от того, насколько слово точно отражает законодательную мысль. Обращая внимание на единство между законодательной мыслью и словом, необходимо подчеркнуть приоритет законодательной мысли. Главное — это раскрытие юридических понятий» (Ушаков А.А. Указ. соч. С. 75).

³ Васьков П.Т., Волков Ю.Е. О точности и определенности формулирования правовых норм // Вопросы кодификации советского законодательства: Сб. Свердловск, 1957. С. 23–24.

⁴ Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. Госюриздат, 1962. С. 91.

Она необходима не только потому, что сокращает изложение, но главным образом потому, что во многих случаях без нее невозможно с необходимой точностью выразить мысль законодателя. Применение специальной юридической терминологии является показателем высокой юридической культуры правотворческой и иной юридической работы.

Вместе с тем специальной юридической терминологией нужно пользоваться умело и осторожно. Должны использоваться только проверенные, жизненные, отработанные наукой термины, да и к тому же только в случаях, когда они действительно необходимы для обеспечения точности и определенности стиля нормативных актов. При этом специальные термины, как общее правило, должны получить нормативное разъяснение (ст. 34 УПК РСФСР), в том числе в виде дефинитивных юридических норм, описательных гипотез, диспозиций и т.д.

Достоинством стиля нормативных актов являются краткие формулировки. Максимальная краткость, разумеется, не является самоцелью: она позволяет сочетать доступность и точность законодательных текстов с необходимым уровнем нормативных обобщений. Краткие и ясные юридические формулировки, выражающие с исчерпывающей полнотой мысль законодателя, становятся характерной особенностью современного стиля правовых актов¹.

Можно ли говорить об особом «языке права» (законодательства)? Конечно, противопоставлять язык права общелитературному языку было бы неправильно. Вместе с тем надо видеть, что язык законодательства представляет собой *своеобразный, самостоятельный стиль литературной речи*. Его особенности обусловлены назначением права — быть властным регулятором общественных отношений, единством регулятивно-волевой и интеллектуальной сторон содержания нормативных предписаний, необходимостью технико-юридического изложения воли законодателя².

---

¹ Ряд других особенностей языка законодательства как самостоятельного стиля литературной речи освещен А.С. Пиголкиным. Особенности языка законодательства, по его мнению, являются: его официальный характер, логичность, законченность и последовательность изложения; намеренная сдержанность; отсутствие эмоциональной окраски; максимальная точность изложения; формализация языка; ясность и простота формулирования юридического предписания; экономичность, лаконичность выражения мысли законодателя; отсутствие резко выраженной индивидуализации стиля (Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворчества в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 29–30).

² А.С. Пиголкин к тому же отмечает, что «можно выделить два самостоятельных вида законодательного стиля — стиль кодификационных актов и стиль текущего правотворчества» (Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 29).

Выражение «язык права» имеет еще один смысловой оттенок. Язык права — это язык, концентрирующий особенности и достоинства стиля правовых актов как духовной ценности; это — чеканные, ясные и строгие формулировки, в которых доступно и в то же время кратко, в обобщенной форме выражен смысл определенных положений. В указанном смысле «язык права» является одним из элементов высокой духовной культуры.

Заслуга в разработке проблем законодательной стилистики принадлежит видным советским правоведам Д.А. Керимову, А.С. Пиголкину, А.А. Ушакову. Благодаря работам этих авторов законодательная стилистика как разновидность юридической техники (в той части, в какой она касается документального выражения воли законодателя) утвердилась в советской юридической науке¹.

Вместе с тем ряд проблем, поставленных в науке, нуждается в дальнейшем обсуждении, а некоторые его выводы — в критической проверке.

Так, А.А. Ушаков рассматривает законодательную стилистику (стилистику законодательной речи) в качестве теории, одновременно относящейся и к юридической науке, и к лингвистической науке, к литературоведению². Действительно, на стыках наук возникают специфические научные дисциплины. Однако это не должно приводить к смещению «научных аспектов» в теоретическом анализе. Дисциплины, возникающие на стыках наук, имеют *комплексный* характер; и, проводя научное исследование, необходимо каждый раз строго придерживаться того или иного аспекта. Ведь каждая наука имеет свою систему понятий, свой категориальный аппарат, при помощи которого теоретически осваиваются факты действительности.

Думается, что А.А. Ушаков допускает известное «смещение аспектов». Он утверждает, что нормативные документы можно рассматривать в качестве литературы *suí generis* и соответственно этому целесообразно исследовать их при помощи таких категорий, как «тема», «идея», «проблема», «композиция», «сюжет»³. Видимо, в какой-то мере такой анализ возможен. Но он возможен не в рамках юридической науки (а именно так ставит вопрос А.А. Ушаков), *а только в рамках литературоведения.*

---

¹ В докторской диссертации «Содержание и форма в праве и советское правотворчество» А.А. Ушаков указал на ряд аспектов использования категорий «форма и содержание» для решения проблем правотворчества. Автором поставлен вопрос о необходимости формирования специальной юридической науки — законографии (Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1970). По мнению А.С. Пиголкина, особой наукой должна быть юридическая техника (автореф. дис.).

² Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 13 и сл.; *Он же*. Указ. автореф. С. 28 и сл.

³ Там же.

В пределах же юридической науки (учений об юридической технике, законодательной стилистике) требуется использование *специфических правовых категорий*. Такие категории выработаны и продолжают вырабатываться; это — «предмет», «цель», «логика», «структура» и др. Перенос же понятий, сложившихся применительно к литературным художественным произведениям, может не только несколько исказить природу нормативных актов, но и привести к тому, что специальные правовые категории окажутся неразработанными, вытесненными из юридической науки и, следовательно, к полному устранению «юридического аспекта» при исследовании нормативных документов. К тому же сама возможность использования в юридической науке литературоведческих категорий (приспособленных, надо повторить, для анализа художественных произведений) вызывает серьезные сомнения. Интеллектуальный момент в содержании права носит подчиненный характер по отношению к регулятивно-волевой стороне и поэтому, думается, здесь нужен специфический подход, принципиально отличающийся от подхода к литературным художественным произведениям.

На мой взгляд, при рассмотрении вопросов законодательной стилистики возможно лишь такое применение данных общей стилистики, лингвистики, литературоведения, которые «уживаются» с правовыми категориями, составляют с ними единое целое и притом лишь в той мере, в какой это необходимо для более глубокого понимания нормативных юридических документов. Но и здесь требуется с предельной отчетливостью различать, что в том или ином случае от «юридической науки», а что от «общей стилистики, лингвистики, литературоведения».

ГЛАВА XXX

ТОЛКОВАНИЕ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

1. Понятие толкования (интерпретации). Это *деятельность по установлению содержания нормативных правовых предписаний в целях их практической реализации.*

Суть толкования состоит в том, чтобы познать, выявить и тем самым установить тот смысл, то содержание, которое заключено в нормативных юридических предписаниях.

Вместе с тем толкование (интерпретация) — это не само по себе «установление», т.е. познание, а *деятельность* по установлению действительного содержания нормативных предписаний. Она складывается из двух основных элементов: а) уяснения содержания нормативного предписания и б) его разъяснения¹.

«Уяснение» — первый и обязательный элемент толкования, выражающий его познавательную функцию. Здесь лицо познает, раскрывает содержание нормативного предписания «для себя». В полной же мере значение толкования как деятельности проявляется в «разъяснении», т.е. когда лицо в той или иной форме внешне выражает свое понимание содержания нормативного правового предписания, определенным образом интерпретирует его.

Такой характер толкования в праве обусловлен тем, что нормативные предписания интерпретируются *в целях их практической реализации*². А это не только определяет объем познания и особенности его содержания, но и приводит к тому, что сам процесс познания выра-

---

¹ А.Ф. Черданцев отмечает, что термин «толкование (интерпретация)» имеет четыре основных значения: процесс познания; результат познавательной деятельности; соотношение между текстом нормативного документа и результатом толкования; разъяснение (Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 28–29). В настоящей главе термин «толкование» употребляется в смысле деятельности, т.е. в смысле, объединяющем главные из приведенных значений и прежде всего уяснение (процесс познания) и разъяснение.

² Конечно, толкование нормативных предписаний осуществляется и при теоретическом исследовании права, его институтов, норм. Однако значение толкования как специальной деятельности (а не обычного теоретического исследования) оно имеет лишь постольку, поскольку интерпретация нормативных предписаний *рассчитана на обеспечение нужд юридической практики*, т.е. в конечном счете на установление содержания предписаний *в целях их реализации.*

жается в виде деятельности, а его результаты так или иначе проявляются вовне, т.е. выступают в виде разъяснения¹.

Каковы основания, вызывающие необходимость толкования?

Эти основания кроются в самом предмете толкования — нормативных юридических предписаниях. Последние представляют собой государственные веления, формально выраженные и закрепленные в нормативных юридических актах. Следовательно, для того, чтобы практически реализовать нормы права, необходимо «раскрытие» содержания права. Необходимо как раз потому, что оно выражено в определенной форме — в нормативных юридических актах. Значит, нужно как бы «проникнуть внутрь» формы права. Это и достигается путем толкования нормативных актов.

Необходимость толкования предопределяют оба аспекта внешней формы права, а именно — и форма внешнего документального выражения содержания правовых предписаний, и форма особого (нормативного, специально юридического) изложения этого содержания.

1) *Обусловленность толкования внешним документальным выражением правовых предписаний в нормативном акте.* Необходимость толкования правового акта продиктована прежде всего теми же причинами, которые обуславливают необходимость уяснения любой словесно выраженной человеческой речи. В частности, уяснение любого письменного документа требует определенной мыслительной деятельности, связанной с пониманием слов, предложений, их логической связи и т.д. В указанном отношении необходимость толкования имеет универсальный характер; толкование широко используется в литературоведении, истории, этнографии и других науках, имеющих дело с документами и иными формами человеческой речи.

2) *Обусловленность толкования особым (нормативным, специально юридическим) изложением правовых предписаний в нормативном акте.* Так как в нормативном акте государственная воля изложена на языке права, то для обеспечения реального действия юридических норм нужен, условно говоря, «обратный перевод». Воля, содержащаяся в нормативном правовом акте, выражается с использованием средств и приемов юридической техники — терминологии, юридических конструкций, системы отсылок, норм различного вида и т.д. Полное и точ-

---

¹ Н.Н. Вопленко включает в понятие толкования, кроме разъяснения и уяснения, «третий элемент» — акт толкования (*Вопленко Н.Н. Акты толкования норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 7*). Вряд ли такое добавление необходимо: акт толкования представляет собой лишь внешнюю форму разъяснения.

ное уяснение содержания правовых актов нуждается в использовании юридических знаний; требует в ряде случаев разъяснения смысла отдельных терминов, своеобразия отдельных норм и др.

Специально следует указать на общий характер правил поведения, норм, содержащихся в нормативных актах. Общие правила поведения (в особенности сформулированные при помощи абстрактного приема изложения) охватывают обширный круг фактических обстоятельств. Их понимание, усвоение требуют подчас значительных интеллектуальных усилий. Необходимость толкования возрастает в связи с тем, что в нормативных актах законодатель, совершенствуя приемы и стиль изложения, во все большей степени использует краткие формулировки¹.

Основания, вызывающие необходимость толкования, носят, так сказать, естественный характер. При уяснении любого нормативного акта интерпретатор имеет дело с документальной, языково-логической формой выражения воли законодателя, которая получает юридическое изложение.

Кроме этих «естественных» оснований, толкование обусловлено в ряде случаев известным *несовершенством* документального выражения и юридического изложения воли законодателя. При выработке правовых актов не всегда удается достигнуть вполне совершенной формы изложения, ясного и точного стиля, понятного языка. Отсюда — определенные неясности некоторых формулировок, расплывчатые, а иногда и двусмысленные выражения, термины. Встречаются в правовых актах известные противоречия, вызванные дефектами в юридической технике.

Данное основание толкования в общем не имеет необходимого характера. Развитие юридической науки, всемерный подъем юридической культуры, улучшение качества работы правотворческих органов могут существенно сократить количество неясных формулировок, противоречий в актах и др. Однако в современных условиях в практической работе приходится считаться с тем, что еще существуют отдельные несовершенства формы нормативных актов.

---

¹ Ряд приведенных выше выражений не следует понимать буквально. Законодатель в социалистических странах, конечно же, не «зашифровывает» свою волю, не «прячет» ее. Напротив, он стремится с максимальной доходчивостью донести ее до всего населения. Все дело лишь в том, что в целях юридической точности и ясности законодатель вынужден использовать средства и приемы юридической техники, особые правовые документально-словесные формы изложения и выражения своей воли. А это с неизбежностью предопределяет необходимость толкования нормативных юридических предписаний.

Изложенное по вопросу об основаниях, предопределяющих необходимость толкования, позволяет ответить и на другой вопрос — о его значении и месте в механизме правового регулирования.

Толкование является необходимым (хотя и не основным) элементом механизма правового регулирования. Его значение состоит главным образом в том, чтобы *обеспечить действие нормативной основы механизма правового регулирования в условиях строгой социалистической законности.*

Толкование нормативных актов *завершает процесс регламентации общественных отношений.*

Правовая регламентация общественных отношений осуществляется при помощи юридических норм, а в необходимых случаях также при помощи индивидуальных предписаний. Но реально регламентация общественных отношений оказывается завершённой лишь тогда, когда участники отношений уяснили содержание юридических норм. Существенное значение имеют здесь и акты, в которых разъясняются нормы и которые действуют вместе с нормативными актами.

Разъяснение, когда оно выражено в особых (интерпретационных) актах, призвано содействовать единообразному пониманию нормативных правовых актов, обеспечить на будущее повсеместно правильное уяснение их содержания. Специальное разъяснение нормативных актов направлено, как и сами нормативные акты, на обеспечение надлежащей регламентации общественных отношений; оно вносит в правовую материю некоторые новые моменты.

В результате толкования нормативные юридические предписания *становятся готовыми к реализации, к практическому осуществлению.*

Своеобразие толкования состоит в том, что это — деятельность, которая, реально завершая процесс регламентации общественных отношений, в то же время является одним из начальных элементов процесса реализации юридических норм.

Толкование нормативных правовых актов *способствует устранению (точнее — смягчению) недостатков в их форме.* Неправильное или неполное использование средств и приемов юридической техники, недостатки в стиле правовых актов могут быть «поправлены» путем толкования. В этом смысле толкование является своеобразным продолжением юридической техники, обеспечивающим выполнение одних и тех же задач — полноту и точность выражения воли, содержащейся в актах. Вот почему средства и приемы выработки нормативных правовых актов, с одной стороны, а также средства и приемы толкова-

ния — с другой, иногда рассматриваются в единстве, т.е. как единая «юридическая техника».

Толкование по своему главному содержанию представляет собой мыслительную, интеллектуальную деятельность, которая является одним из моментов научного познания права. Поэтому при толковании используется весь арсенал человеческих знаний, способных помочь интерпретатору в его работе.

Одной из основ (предпосылок) толкования является *социалистическое правосознание*. Чем выше уровень правосознания людей, тем правильнее истолковывается содержание нормативных актов. Особо существенное значение при толковании имеют профессиональное и научное правосознание, выступающее в качестве надежного и эффективного инструмента, обеспечивающего правильное и быстрое установление содержания правовых предписаний.

Решающее значение при толковании имеет глубокая философская, политическая подготовка лиц, применяющих юридические нормы. Прочное овладение знаниями диалектического и исторического материализма, политической экономии, теории научного коммунизма, теории политической организации общества — это необходимая основа для точного и правильного выявления воли народа, выраженной и закреплённой в нормативных актах социалистического государства.

Существенная роль при толковании принадлежит специальной юридической подготовке, прочному овладению данными юридических наук, высокой юридической культурой. Чем выше правовая подготовка юристов, чем шире распространяются юридические знания среди трудящихся масс, тем больше гарантий того, что в процессе реализации права фактическое поведение людей будет точно соответствовать воле народа, выраженной и закреплённой в нормативных актах.

В юридической науке и на практике вырабатываются определенные приемы, способы толкования, которые опираются также на данные неюридических отраслей знаний, в том числе языкознания, филологии, истории и т.д. На практике, в процессе применения норм права, эти приемы и выражают использование научных знаний для обеспечения толкования нормативных актов.

Овладение искусством толкования является одной из важнейших задач юридического образования. Роль интерпретатора не сводится к роли автомата, механически истолковывающего нормативные акты. «Толкование — активная творческая и кропотливая деятельность, своего рода искусство, где необходимо активное применение интер-

претатором своих знаний и опыта»¹. Один из секретов высококачественной работы юриста и состоит в такой подготовке, которая вооружает его знаниями, необходимыми для быстрого и точного толкования нормативных актов.

Вопросы толкования относятся к числу тех общетеоретических проблем, которые имеют непосредственно практическое значение. Поэтому весьма отдаленно, что в последние годы советская юридическая литература сконцентрировала внимание не только на общих вопросах толкования, но и на разработке приемов и правил, полезных для практической работы. Среди книг, посвященных рассматриваемой проблеме, следует, в частности, указать на монографию П.Е. Недбайло «Применение советских правовых норм» (Госюриздат, 1960), в которой четвертая глава отведена толкованию, монографию А.С. Пиголкина «Толкование нормативных актов в СССР» (Госюриздат, 1962), а также работы А.Ф. Черданцева «Вопросы толкования советского права» (Свердловск, 1972) и В.В. Лазарева «Применение советского права» (изд. Казанского университета, 1972, гл. 3)².

Вместе с тем ряд вопросов толкования нуждается в дальнейшей разработке. Наряду с более широким использованием достижений современной (нормативной) логики представляется в высшей степени важным «увязать» проблематику толкования с новыми фундаментальными выводами нашей юридической науки, в том числе выводами, касающимися применения права и внешней формы права (различая при этом форму документального выражения и форму нормативного, специально-юридического изложения правовых предписаний в законах и других источниках права).

У некоторых авторов толкование правовых актов анализируется примерно в том же плане, в каком вообще возможно говорить о толковании письменных документов (обосновывается необходимость толкования известным несовершенством языка; в качестве приемов толкования указываются грамматический, логический и другие, имеющие в принципе общий характер, и т.д.). Конечно, при толковании любых письменных документов есть общие вопросы, которым принадлежит существенное значение и в юридической науке. Однако толкование правовых актов отличается и своеобразными чертами. Последние

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 35.

² Большое внимание вопросам толкования уделили и другие ученые-юристы. См., в частности, из советских авторов: *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 174–182; *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961. С. 139–147; *Шляпочников А.С.* Толкование уголовного закона. Госюриздат, 1960; *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967 и др.; из авторов зарубежных социалистических стран: *Сабо И.* Толкование норм права. Будапешт, 1960 (на венгерском языке); *Он же.* Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 238–265; *Захариев Васил.* Тлкуване на правото. София, 1959; *Wróblewski J.* Zagadnienia teorii wykladn prarwa ludowego. Warszawa, 1959.

же определяются, в частности, тем, что воля в правовых актах не только выражена документально, но и юридически оформлена, т.е. изложена с помощью средств и приемов юридической техники, в соответствии с особенностями стиля правовых актов. Поэтому одна из задач юридической науки состоит в том, чтобы, рассматривая вопросы толкования, не упускать из поля зрения указанные своеобразные черты. Отсюда и вытекает необходимость решения некоторых специальных проблем (например, официального и неофициального толкования), особого подхода при рассмотрении приемов толкования и др.¹

2. «Двойная» природа толкования. Толкование и применение права. Основные функции толкования связаны с внешней формой права, необходимостью проникновения «через нее» (точнее — посредством нее) к содержанию правовых предписаний, к пониманию воли законодателя.

В этой плоскости толкование имеет в процессе правового регулирования общее, универсальное значение. В каждом случае реализации юридических норм субъекты так или иначе «усваивают» их содержание. Такого рода интерпретация может происходить и вне процесса правового регулирования (в ходе научного исследования права, правового обучения, ознакомления граждан с законодательством)².

Вместе с тем нельзя упускать из поля зрения, что толкование одновременно следует рассматривать в качестве начального звена процесса реализации правовых предписаний. Правда, при непосредственной реализации (соблюдении, исполнении, использовании) природа толкования по-прежнему связана только с внешней формой права.

Существенные особенности приобретает толкование в случаях, когда оно является элементом применения права. Применение права — такая специфическая государственно-властная деятельность, которая призвана оказывать существенное воздействие на процесс правового регулирования. Когда толкование входит в состав применения права, это неизбежно, как говорится, «накладывает на нее печать». Здесь происходит то, что свойственно каждому случаю включения явления в определенную «систему», — оно приобретает интегративные качества, присущие системе в целом. Вот почему толкование, осуществляемое в процессе применения права, связано не только с внешней

---

¹ Следует также учитывать, что в толковании нуждаются и индивидуальные акты (в частности, приговоры и решения судов). Поэтому есть все основания рассматривать толкование также и с более широких позиций, т.е. применительно к правовым актам в целом.

² *Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 67; *Вопленко Н.Н.* Акты толкования норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 8–9.

формой права, но и со спецификой государственно-властной правоприменительной деятельности¹.

Таким образом, рассматривая теоретические и практические вопросы толкования, необходимо каждый раз учитывать, что перед нами — «просто» толкование (природа которого обусловлена внешней формой права) или же правоприменительное толкование (природа которого связана, кроме того, с применением)².

Ряд особенностей правоприменительного толкования будет отмечен в дальнейшем изложении. Сейчас же представляется необходимым указать на следующее.

В эксплуататорском обществе правоприменительное толкование приобретает особое политическое значение. Оно призвано обеспечить классовую направленность эксплуататорского права — «истолковать» нормы права в угоду классу эксплуататоров. Ярко и наглядно классовая направленность правоприменительного толкования проявляется в буржуазном обществе, когда путем толкования сводится на нет прогрессивное содержание законов, принимаемых в буржуазном обществе в качестве «уступки» рабочему классу, трудящимся. В.И. Ленин писал: «...есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников... умеющих истолковывать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов»³.

В социалистическом обществе «не существует о с о б о г о политического толкования в отличие от юридического толкования советских законов»⁴. В условиях строгой социалистической законности толкование, в том числе и правоприменительное, должно обеспечить установление действительной воли, содержащейся в нормативном правовом акте. Политическое значение толкования в социалистическом обществе неотделимо от его юридической роли. Но именно потому, что юридическая роль применения права является значительной (она состоит, в частности, в индивидуальной поднормативной регла-

---

¹ Надо полагать, что не менее существенные особенности приобретает толкование, если оно включается в другую «систему» — правотворческую деятельность. Помимо прочего, эти особенности проявляются в легальном и аутентическом толковании (п. 7 настоящей главы).

² П.С. Элькинд справедливо указывает на то, что «не следует... смешивать толкование норм уголовно-процессуального права как условие их непосредственного применения с уяснением таких норм вне органической связи с их применением или хотя бы и в такой связи, но не органами (лицами), их непосредственно применяющими» (*Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 57*).

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 285.

⁴ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 331.

ментации), правоприменительное толкование имеет более глубокое правовое значение.

Если в отношении «просто» толкования правильно говорить об интерпретации того или иного конкретного нормативного акта (правовых предписаний), то правоприменительное толкование представляет собой *толкование права*. В процессе применения юридически важно не только точно интерпретировать то или иное формально закрепленное правовое положение, но и истолковывать «право в целом» — его смысл, его принципы, социально-политическое содержание и т.д. Только такое (более глубокое) толкование права может служить в соответствии с требованиями социалистической законности основой для индивидуального поднормативного регулирования, конкретизации юридических норм, аналогии права, субсидиарного применения.

Таким образом, специфические правовые аспекты толкования опираются на две главные предпосылки: во-первых, на то, что воля законодателя получает нормативное, специально-юридическое изложение, и, во-вторых, на то, что толкование нередко выступает в качестве элемента правоприменительного процесса.

3. Принципы толкования. Статические и динамические моменты в толковании. Главным и определяющим принципом толкования является *принцип строжайшей законности, рассматриваемый в единстве с началом социалистической партийности*¹.

Принцип законности означает, что толкование должно быть подчинено задаче выявления действительной воли, содержащейся в нормативном акте.

Толкование представляет собой деятельность, связанную с познанием права. А процесс познания всегда строится в соответствии с началами партийности. Это значит, что при толковании права интерпретатор должен исходить из марксистско-ленинской теории, интересов социалистического общества, интересов трудящихся. И такой подход полностью соответствует принципу строжайшей законности, ибо интересы социалистического общества и трудящихся определяют содержание социалистического права, закрепленную в нем государственную волю народа, руководимого рабочим классом.

---

¹ Под несколько иным углом зрения характеризует принципы толкования К.И. Комиссаров. По его мнению, «в качестве таковых можно было бы указать принцип единства политического и юридического содержания закона, принцип законности и принцип использования всех приемов толкования в диалектической взаимосвязи» (*Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства*. Свердловск, 1971. С. 152).

Принцип законности имеет две стороны, выражается в двух других частных принципах толкования.

а) *Установлению подлежит только государственная воля (воля законодателя), которая объективно выражена и закреплена в нормативных актах.* Иными словами, предмет толкования является лишь объективированная в нормативных актах воля законодателя, а не то, что законодатель, по мнению интерпретатора, думал, предполагал. Какие-либо предположения по отношению к воле законодателя недопустимы¹. Истолковано должно быть то, что реально выражено и закреплено в нормативных актах.

Иногда выдвигается такая дилемма: что подлежит толкованию — «воля законодателя» или «воля закона»? Для социалистической правовой науки такого противопоставления не существует. При толковании должна быть установлена воля законодателя, но лишь та, которая выступает в качестве «воли закона», т.е. воля, внешне, объективно выраженная в нормативных актах².

Это значит, во-первых, что должна быть установлена реальная воля, именно та, которую законодатель вложил при принятии нормативного акта (а не предполагаемая воля). Во-вторых, воля, выраженная в правовом акте, приобретает в то же время, так сказать, «относительно самостоятельное» существование. В частности, «смысл и содержание закона перестают быть зависимыми от воли и желания лиц, его составивших. Органы, применяющие закон, исходят из его действительного содержания»³.

б) *Толкование осуществляется в отношении нормативных актов как элементов действующего права, причем в связи с конкретными фактами действительности сегодняшнего дня.* В практической работе по применению права толкование представляет собой не деятельность по установлению «вообще» смысла нормы, а выяснение ее содержания как элемента действующей системы права в связи с конкретными фактами. Поэтому, не изменяя и не корректируя в процессе толкования волю законодателя, необходимо видеть ее реальное содержание таким, каким оно раскрывается в соответствии с действующим правом применительно к фактам сегодняшнего дня. Это значит, в частности, что в ряде случаев нельзя ограничиваться только буквальными формулировками, не замечать за устаревшими выражениями действительную сферу действия данных норм и т.д.

¹ Рез Р.С. Толкование гражданско-правовых нормативных актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 4.

² Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. С. 331 и сл.

³ Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142.

Указанные две стороны принципа законности под несколько иным углом зрения могут быть охарактеризованы в качестве *соотношения статических и динамических моментов в толковании*¹. Статический момент — это неизменность воли законодателя на всем протяжении действия нормативного акта; динамический — максимальная адекватность, соответствие этой воли фактам и условиям сегодняшнего дня.

Толкование в условиях законности не может быть «только статическим» или «только динамическим». Оно неизбежно *включает оба указанных момента*.

Соотношение же этих двух моментов зависит прежде всего от конкретных социально-исторических условий. История развития социалистического права показала, что в условиях становления социалистической правовой системы, острой классовой борьбы толкование носило в основном динамический характер: оно было призвано обеспечить выявление воли законодателя в соответствии с особенностями данной революционной ситуации. Когда же социалистическая правовая система сформировалась, страна приступила к мирной созидательной работе, доминирующее значение в толковании приобрели статические моменты. Вот почему в истории советского права наблюдается движение от «приспосабливающегося» к толкованию стабильному, определенному»².

На соотношение статических и динамических моментов влияет также природа толкования.

Если рассматривать толкование только с точки зрения его функций, связанных с внешней формой права, то в современных условиях абсолютно преобладающее значение в нем имеют статические моменты. Никакой иной задачи, кроме как выявления действительной воли законодателя, толкование в этой плоскости не выполняет. (Хотя, разумеется, и здесь толкование должно проводиться в соответствии с «духом» действующего права, в связи с конкретными фактами действительности сегодняшнего дня.)

Удельный вес динамических моментов возрастает в толковании, осуществляемом в процессе применения права.

В юридической литературе высказывались положения о том, что при толковании достигаются «конкретизация и детализация» юридических норм³ или даже их «приспособление» к новой обстановке⁴.

---

¹ Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 4–25.

² Там же. С. 23.

³ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. С. 489.

⁴ Пиголкин А.В. Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 18–19.

В отношении толкования «вообще» (т.е. рассматриваемом в плоскости внешней формы права) такого рода положения нельзя признать правильными. Вполне справедливы высказанные по этому вопросу критические соображения в литературе¹.

В ходе же правоприменительного толкования неизбежна выработка в рамках юридической практики не только конкретизирующих суждений, но и правоположений, а также специфических, конкретизирующих норм правоприменения. И правоположения, и нормы правоприменения — это результат именно толкования, но толкования, осуществляемого правоприменительными органами. Правоприменительный орган исходит при этом из смысла и принципов действующего права, его «духа», опыта государственно-властного применения правовых предписаний, индивидуального поднормативного регулирования. В пределах социалистической законности (и более того — во имя начал законности) такое правоприменительное толкование обеспечивает выявление действительной воли законодателя в связи с конкретными фактами действительности сегодняшнего дня².

4. Толкование как познание. Процесс толкования. Толкование по главному своему содержанию — это один из видов человеческого познания, т.е. сложного процесса чувственного восприятия и абстрактного мышления, основанного на практике и проверяемого ею, — процесса, в результате которого происходит переход от незнания к знанию, воспроизводится действительная, истинная картина объективного мира. Познание, осуществляемое при толковании, является особым видом человеческой познавательной деятельности, отличающимся как от теоретического, так и от бытового, житейского познания.

Человеческое познание может быть трех основных видов: а) *теоретическим*, когда осуществляется систематическое и всестороннее познание сущности явлений, их закономерностей и т.д.; б) *специальным*, когда на основе известной суммы специальных знаний производится познание фактов для решения определенных практических задач, например, врачебная диагностика; в) *бытовым, житейским*, когда люди познают окружающий мир в ходе повседневной жизни.

---

¹ См. рецензию П.С. Дагель и П.Ф. Елисейкина на указ. работу А.С. Пиголкина (Советское государство и право. 1964. № 7. С. 154).

² В.А. Туманов подчеркивает: «...диалектика жизни такова, что стабильность правопорядка всегда предполагает определенный элемент изменчивости, приспособления действующего права к общественному развитию» (Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. Наука, 1971. С. 299).

Конечно, все эти виды познания (когда предметом его являются правовые нормы) могут быть охарактеризованы как толкование права. Как правило, толкование представляет собой один из моментов научного познания права. Оно является частнонаучным приемом, входящим в принципе в состав специально-юридического (формально-догматического) метода. Но все же толкование как *особое юридическое явление*, включающееся в механизм правового регулирования, должно быть по своей основе отнесено к специальному познанию.

В отличие от теоретического познания, толкование ограничено сравнительно узкими задачами — установить действительную волю законодателя для практической реализации права. Своеобразие толкования как специального познания особо ярко проявляется в случаях, когда оно выступает в качестве элемента применения права. Здесь толкование вообще является составной частью юридического познания (другая часть юридического познания — установление фактических обстоятельств юридического дела).

Специальный характер познания, свойственный толкованию, проявляется, помимо прочего, в том, что оно осуществляется при помощи особых способов, которые основаны на своеобразии предмета познания (права) и обеспечивают достижение задач в познании, необходимых для реализации юридических норм.

Толкование как один из моментов научного познания исходит из марксистско-ленинской теории отражения. Оно основывается на общелогических законах, на диалектическом и историческом материализме. Но поскольку при толковании (так же как и при врачебной диагностике) вовсе не ставится задача всестороннего познания права, его сущности, свойств, закономерностей и т.д., постольку диалектическая логика используется при толковании главным образом через способы толкования, в которых она проявляется¹.

Существенное значение при толковании принадлежит законам и правилам формальной логики. Это объясняется особенностями самого права, требованиями социалистической законности. Дело в том, что при реализации права «норма берется такой, какая она есть»². За-

---

¹ А.Ф. Черданцев пишет: «...диалектика толкования как метода познания содержания норм права проявляется в совокупности способов толкования и больше ни в чем проявляться не может» (Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 74). В такой категорической форме приведенное суждение вряд ли справедливо. Толкование (в особенности толкование, осуществляемое в процессе применения права) в ряде случаев должно все же непосредственно опираться на диалектическую логику.

² Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 420.

коны формальной логики (законы тождества, исключенного третьего, достаточного основания) в большинстве случаев обеспечивают уяснение смысла нормативного акта. Но и здесь законы и правила формальной логики применяются по большей части не сами по себе: они «проникают» во все способы толкования и прежде всего в грамматическое толкование. По сути дела, «законы логики и грамматики используются при всех приемах толкования...»¹. Вместе с тем иногда для уяснения нормы необходимо специально использовать законы и правила формальной логики (логическое толкование).

Особенности толкования как вида познания обусловлены не только тем, что оно относится к специальному познанию, но и своеобразием объекта познания — права, спецификой его документального выражения, юридического изложения.

При толковании мысль интерпретатора идет от анализа буквально-го текста к исследованию социально-политического (экономического) содержания нормативного акта. Как правильно подмечено в литературе, «толкование юридических норм представляет собой в известном смысле процесс обратный тому, который осуществляется законодателем при принятии закона... Толкуя юридическую норму, мы идем от грамматического анализа текста закона к анализу, основанному на логике человеческого мышления, а от него к анализу тех условий экономического и политического порядка, которые обусловили издание и действие данного закона»².

Толкование нередко напоминает своего рода «вскрышные работы». Интерпретатор слой за слоем вскрывает то, что выражено и юридически изложено в нормативном акте.

Условно процесс толкования включает три главных ступени (слоя):

а) анализ буквально-го текста, т.е. «буквы» нормативного акта, внешнего документального выражения воли законодателя;

б) «догматический» анализ, т.е. «юридического духа» закона, выраженного в юридическом изложении, в специфическом правовом содержании данных норм;

в) социально-политический анализ, т.е. глубинного — социально-политического, экономического содержания интерпретируемых нормативных предписаний.

Нетрудно заметить, что эти главные ступени процесса толкования соответствуют особенностям содержания и формы права. В процессе

---

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 47.

² *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961. С. 145.

толкования интерпретатор идет от внешней формы (документального выражения и юридического изложения) к внутренней форме, а от них — к содержанию права: специально-юридическому и социально-политическому (классово-волевому).

К каждой ступени толкования «привязаны» свои способы (п. 5).

В результате использования различных способов иногда можно получить неодинаковые выводы. Сопоставление результатов, полученных в процессе толкования (их совокупность), в конечном счете позволяет найти правильное решение. С этой точки зрения и должны различаться (но не противопоставляться!) «буква» и «дух» закона. «Буква» — это результат толкования, полученный в итоге анализа буквального текста. «Дух» — это его действительное содержание, выявленное в результате применения всех способов толкования.

Первой и безусловно обязательной ступенью толкования является анализ буквального текста. На практике этот анализ во многих случаях бывает вполне достаточным для того, чтобы уяснить смысл нормативного акта. Но и здесь не следует игнорировать все другие способы толкования: они призваны подтвердить, упрочить полученные выводы. К тому же и при анализе буквального текста сразу же могут подключаться и все другие способы. Они тем «незаметнее» («автоматически») проявляются, чем выше достигнутый интерпретатором уровень общеобразовательной и политической подготовки, юридической культуры.

5. Способы толкования. Это *относительно обособленные совокупности приемов, которые в соответствии с особенностями права позволяют раскрыть содержание правовых предписаний в целях их реализации.*

Необходимо четко различать «способ» и «прием» толкования. Прием — это отдельное мыслительное действие. Способ же — это совокупность однородных приемов, образующих относительно самостоятельный, обособленный канал специального познания правовых предписаний¹.

Каждый самостоятельный способ толкования обусловлен двумя факторами. Во-первых, каждый из них вытекает из особенностей права как объекта специального познания². И, во-вторых, в соответствии с этим каждый из них имеет особое содержание: позволяет использовать для установления воли законодателя особую область знаний, понятий, правил (филологии, логики, специальных юридических знаний, истории и др.).

---

¹ На необходимость разграничения «способов и приемов» обоснованно указано А.Ф. Черданцевым (*Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 78.*)

² *Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. С. 76.*

Каковы же способы толкования?

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить основные «проявления» правовых предписаний — то, в чем реально опосредствуется право, главные моменты, через которые выражается их жизнь и следовательно, через которые осуществляется познание права. К их числу относятся: а) словесный, «грамматически организованный» текст нормативного акта; б) логическая структура мысли, в которой заключена воля законодателя; в) специально-юридические средства и формы изложения воли законодателя; г) связь данного предписания с другими, его место в структуре права; д) обстоятельства, выражающие социально-политическое содержание правовых предписаний¹.

Такое подразделение «моментов жизни» правовых предписаний полностью соответствует особенностям формы и содержания в праве: внешней форме выражения воли законодателя («а» и «б»), внешней форме изложения («в»), внутренней форме («г»), классово-волевой и специально-юридическое содержание права («д»).

Соответствуют указанные «моменты» и главным ступеням познания права, ступеням процесса толкования.

Таким образом, основными способами толкования являются:

- грамматический (филологический);
- логический;
- специально-юридический;
- систематический;
- историко-политический.

Весьма примечательно, что каждый из этих способов является особым каналом, по которому в процесс толкования включаются специальные знания тех или иных наук — филологии, логики, юридической науки и т.д.

Г р а м м а т и ч е с к о е (ф и л о л о г и ч е с к о е) т о л к о - в а н и е. Это исследование словесного текста нормативного акта, ос-

---

¹ А.Ф. Черданцев пишет: «...мы можем отметить четыре формы «жизни» опосредствования и связи норм права: язык, систему права, обстоятельства генезиса и функционирования норм права. Других внешних форм существования и связей права нет» (Вопросы толкования советского права. С. 81). Но почему же «нет»? А логическая структура мысли законодателя? Это же не язык и не система права, а иной, вполне самостоятельный момент жизни правового предписания. А юридические средства, особые формы изложения воли законодателя? Если формой существования и связей норм права является его система, то почему же такую характеристику не может получить «микроструктура» юридических норм, в том числе нормативное построение, юридические конструкции? Думается, что положения автора приобрели бы большую убедительность, если бы он связал их с выводами советской юридической науки о содержании и форме права (в том числе о внешней форме выражения и внешней форме юридического изложения воли законодателя).

нованное на данных филологии объективных законов языка (грамматики, лексики, семантики).

Здесь используется ряд приемов. Прежде всего это уяснение значения отдельных слов. Словам закона необходимо придавать тот смысл, какой они имеют в литературном словоупотреблении, учитывая в то же время изменение смысла слов с течением времени. Главное при этом понимать слова так, как понимал их законодатель.

Следующий прием — уяснение смысла предложений в целом. Для этого сопоставляются грамматические формы слов, устанавливаются связи между словами, определяется грамматическая и смысловая структура предложений.

Существенное значение при определении смысла предложений играют знаки препинания, соединительные и разъединительные союзы и т.д. Кроме того, иногда требуется специально выделить то слово (или группу слов), на котором законодатель сделал логическое ударение.

Из многих примеров, подтверждающих значение грамматического толкования, можно привести следующий. Грамматический анализ текста ст. 113 УК РСФСР, устанавливающей уголовную ответственность за истязание, позволяет правильно решить практически важный вопрос о том, является ли признак систематичности обязательным только для такой формы истязания, которая выражается в нанесении побоев, или же он необходим при совершении всяких иных действий, носящих характер истязания. Действительно, в ст. 113 говорится: «*Систематическое нанесение побоев или иные действия*, носящие характер истязания...» (курсив мой. — С.А.). Наличие разъединительного союза «или», а также употребление термина «систематичность» в единственном числе, а термина «иные действия» — во множественном со всей убедительностью позволяют сделать вывод, согласно которому требование систематичности относится только к нанесению побоев¹.

Л о г и ч е с к о е т о л к о в а н и е. Это исследование логической структуры отдельных положений нормативного акта, основанное на непосредственном использовании законов и правил логики. Предметом анализа являются здесь не сами по себе слова, а обозначаемые ими понятия и их соотношение между собой.

---

¹ Приемы грамматического толкования, а также многочисленные примеры, подтверждающие необходимость их соблюдения, подробно описаны в литературе (см., в частности: *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 364–379; *Шляпочников А.С.* Толкование уголовного закона. Госюриздат, 1960. С. 155–173; *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 53–75; *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972 и другие авторы).

Как уже отмечалось, в большинстве случаев законы и правила логики, без которых вообще невозможно правильное мышление, выражаются в других способах толкования. При логическом же толковании законы и правила логики используются непосредственно, самостоятельно, обособленно от грамматического и иных способов. Иногда, например, для точного выяснения смысла нормы необходимо применить также логические приемы, как «доведение до абсурда» (*reductio ad absurdum*) и т.д.¹

Особо часто логическое толкование применяется в случаях, когда из нескольких возможных вариантов, вытекающих из нормативного акта, необходимо устранить неправильные (логически несостоятельные) варианты.

Так, например, при уяснении понятия «источника повышенной опасности» (ст. 90 Основ гражданского законодательства) можно наряду с другими способами толкования нормативного материала и научного исследования использовать первый из указанных выше логических приемов («доведение до абсурда»). Что означает формулировка закона «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих»? Владельцы автомобилей, несомненно, входят в число владельцев такого рода «источников». Отсюда возникает предположение: не следует ли рассматривать подобным «источником» все транспортные средства? Ведь все они могут представлять определенную и в известных условиях даже «повышенную» опасность для окружающих! Тогда продолжим мысль, доведем ее до логического конца. Владелец велосипеда? Владелец лошади? Владелец ручной тележки? Ну, а тогда почему же не владелец тачки, носилок и пр.? Доведя мысль до явно нелепого вывода — абсурда, приходим к заключению, что указанный вариант толкования не может быть признан правильным. Значит, дело не просто в транспортных средствах, а, как показано в литературе, в «величине причиняющей силы»².

С п е ц и а л ь н о - ю р и д и ч е с к о е т о л к о в а н и е. Это исследование технико-юридических средств и способов изложения воли законодателя, основанное на специальных знаниях юридической науки и прежде всего юридической техники.

Специально-юридическое толкование включает ряд приемов.

---

¹ При толковании нормативных юридических предписаний применяются и особые логические приемы. Одним из них является толкование по аналогии (*Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск. С. 140 и сл.).

² *Собчак А.А.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 1964. С. 8—9.

Прежде всего это «нормативное» толкование, т.е. такое уяснение воли законодателя, при котором она раскрывается перед интерпретатором в качестве нормативного предписания, а затем — и в качестве логической нормы. Ведь одной из главных мыслительных операций при толковании является реконструирование нормативного предписания на основе правового текста, в частности «перевод описательного предложения в нормативное»¹. Такое реконструирование оказывается тем более необходимым, потому что юридические нормы зачастую «не выражены в тексте явно и непосредственно»².

Далее, к специально-юридическому относится, условно говоря, «конструктивное» толкование, т.е. уяснение соответствующих юридических конструкций. Юридические конструкции — это не нечто внешнее к содержанию юридических норм, а способ организации этого содержания — структура, без которой содержание теряет какую-либо определенность. Уяснение юридической конструкции — нередко решающее в понимании содержания норм права. Например, при толковании норм договорного права первостепенное значение принадлежит тому, какова конструкция данного договора — консенсуальный он или реальный, — купля-продажа или дарение и т.д.

Специально-юридическое толкование выражается, далее, в определении отраслевой принадлежности данных норм (т.е. с раскрытием той отраслевой типизации нормативных предписаний, которую придал им законодатель). Оно охватывает также расшифровку юридических презумпций, фикций и т.д.

Своеобразное место в рамках специально-юридического анализа занимает терминологическое толкование. Уяснение терминов в определенной степени относится к грамматическому толкованию (оно в общем-то состоит в установлении значения данного слова, термина). Но все дело в том, что в юридической терминологии находят выражение юридические понятия — то или иное нормативное построение воли законодателя, юридические конструкции, отраслевая типизация и т.д. Например, в ст. 35 Основ гражданского законодательства предусматривается, что «исполнение обязательств может обеспечиваться согласно закону или договору неустойкой (штрафом, пеней), залогом и поручительством». В каждом из содержащихся в данном нормативном положении терминов — «неустойка», «штраф», «пена», «залог», «поручительство» — заложен такой специфический смысл, который вы-

---

¹ Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. С. 34.

² Там же. С. 33.

ражает своеобразные, подчас весьма сложные юридические конструкции, особое построение нормативного материала.

Юридическая практика свидетельствует о том, что грамматический (филологический) и логический анализ во многих случаях в процессе толкования оказывается недостаточным, не позволяющим раскрыть все тонкости юридической материи. Лишь при непосредственном использовании знаний об юридическом инструментарии, т.е. специально-юридическом анализе, удастся в полной мере выявить содержание нормативных предписаний.

В качестве примера можно указать на тонкий (хотя и не бесспорный) юридический анализ условий ответственности за причинение вреда, приведенный в одной из журнальных статей профессором В.К. Райхером.

При определении условий гражданской ответственности за причинение вреда многие авторы указывают в качестве особого условия на противоправность. Это мнение, как полагает В.К. Райхер, основано на применении логического приема «от противного» при толковании ч. 4 ст. 88 Основ, устанавливающей, что «вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом». И действительно, если не идти дальше требований формальной логики, другого вывода сделать нельзя. Коль скоро за правомерное причинение вреда ответственность исключается, значит, неправомерность — условие гражданской ответственности. Но в том-то и дело, что понятие «правомерные действия» дает юридическая наука, причем правомерность может означать как «управомоченность», так и «незапрещенность». «Но тогда, — пишет В.К. Райхер, — неприемлемо и толкование «от противного», на котором основывается приведенное выше мнение»¹.

Первостепенное значение приобретает специально-юридический анализ при правоприменительном толковании. В частности, правовая квалификация обстоятельств дела, их юридическая оценка оказываются невозможной, если в процессе толкования не раскрыто при помощи знаний об юридическом инструментарии правовое своеобразие нормативных предписаний².

Значит, не только данные филологии, законы и правила логики являются средствами познания, осуществляемого при толковании. Такую же роль играют и юридические понятия, категории, конструкции. Отсюда следует, что юридическая наука «служит» толкованию

---

¹ Райхер В.К. Вопросы ответственности за причинение вреда // Правоведение. 1971. № 5. С. 57.

² Убедительные примеры специально-юридического толкования приводит В.В. Лазарев (см.: Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 74–75, 84).

всем своим содержанием, всем арсеналом понятий категорий, конструкций (а не только путем разработки специальных вопросов толкования).

В результате специально-юридического толкования положения нормативного акта, так сказать, «сбрасывают» с себя юридические оболочки и происходит обратный перевод воли законодателя с юридического языка.

Систематическое толкование. Это исследование нормы в ее связи с другими нормами, исследование, основанное на данных юридической науки о системности права. По сути дела, систематическое толкование является продолжением специально-юридического анализа. Необходимость систематического толкования обусловлена не только единством воли законодателя в пределах данной страны, но и системностью права, существующей в нем «специализацией» между нормами. Отдельная норма выступает в качестве регулятора общественных отношений лишь в системе норм. Поэтому для понимания смысла нормативного акта, юридических конструкций, отраслевой принадлежности и т.д. нужно брать данную норму в ее связи с другими нормами.

При систематическом толковании существенное значение принадлежит установлению связи между регулятивными и охранительными нормами, между близкими, «родственными» по содержанию нормами и т.д. В ряде случаев крайне важно установить тот раздел (главу), в котором помещена данная норма, так как самим фактом отнесения нормы к определенной группе законодатель указывает на ее природу, особенности содержания, своеобразие юридической конструкции (какой вид преступления, вид и тип договора и др.)¹.

Историко-политическое толкование. Это исследование социально-политического (экономического) содержания и значения нормы, основанное на использовании знаний общественных наук. Этим завершается анализ воли законодателя. Историко-политическое толкование опирается на данные диалектического и исторического материализма, политической экономии, теории научного коммунизма, теоретических наук, изучающих политическую организацию общества, государство, право и др.

---

¹ П.Е. Недбайло пишет: «...смысл правовой нормы зависит от места, занимаемого ею в правовом акте, подобно частям действующего механизма, смысл и назначение которых определяются не ими самими как таковыми, а местом, которое они занимают в механизме в целях обеспечения его действия» (*Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 380*).

При историко-политическом толковании особо существенное значение принадлежит таким приемам: уяснению цели издания данного нормативного акта; анализу социально-политической обстановки и причин, обусловивших его издание (целевое толкование); сопоставлению толкуемого акта с общими принципами права, отрасли права, правового института. Последний из указанных приемов вплотную смыкается со специально-юридическим анализом. Здесь также необходимо непосредственное использование данных юридической науки, относящихся к специально-юридическому содержанию права (т.е. к тому, что выражается формулой «возведенное в закон»).

При историко-политическом толковании исследуется прежде всего сам нормативный акт (включая его преамбулу, вводные положения и др.), а также документы политического характера — соответствующие партийные решения и документы, доклад о проекте нормативного акта и материалы обсуждения в правотворческом органе и др.

Немаловажная роль при историко-политическом толковании принадлежит также сопоставлению изданного акта с ранее действовавшим актом, практикой его применения.

Например, для правильного понимания характера и назначения двухлетнего срока, необходимого согласно новому законодательству для объявления умершими граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями (ч. 3 ст. 10 Основ гражданского законодательства), нужно не только сравнить новые нормативные положения со старыми (ст. 12 ГК РСФСР 1922 г.), но проанализировать практику применения последних в период Великой Отечественной войны. Точно так же глубокое уяснение смысла ч. 6 ст. 14 Основ, предусматривающей последствия недействительности противозаконных сделок, может быть достигнуто на основе изучения практики применения ранее действовавшей ст. 147 ГК РСФСР 1922 г.

Таковы основные способы толкований, позволяющих раскрыть содержание нормативных юридических предписаний в целях их реализации.

Принципиально важно при этом добиться комплексного (системного) применения всех способов, достижения с их помощью единых результатов.

Необходимость комплексного применения способов возрастает при толковании, осуществляемом при применении права. Более того, в процессе правоприменительной деятельности (в особенности в случаях, когда осуществляется индивидуальное регулирование) толкова-

ние права не ограничивается интерпретацией только лишь конкретных, строго определенных нормативных предписаний. Здесь необходимо именно *толкование права*. А потому в процессе последнего требуется учет более широкого круга факторов, обстоятельств — тех из них, которые в соответствии с требованиями социалистической законности лежат в основе индивидуального регулирования.

Вот почему правоприменительное толкование нуждается в особом способе интерпретации, который именуется *функциональным*. Это такой способ, который выражается в исследовании факторов и обстоятельств, оказавших влияние на правовое регулирование, его функционирование. Такое толкование, например, необходимо при раскрытии смысла оценочных понятий («крупный ущерб», «производственная необходимость» и т.д.). Оно базируется на дополнительных критериях, в частности на критериях морали, политики, «аргументах практики» и др.¹

По мере углубления в содержание нормативных актов повышается значение в толковании диалектической логики. Она позволяет осмысленно подойти к нормам права, не допускает казуистики, препятствует такому формалистическому подходу, когда буква закона считается незыблемой даже вопреки подлинному смыслу нормативного акта, принципам социалистического права.

В последние годы приемы толкования нормативных актов получили в советской литературе довольно подробные разработки. Важнейшие из них в этой области принадлежат П.Е. Недбайло² и А.С. Пиголкину³, А.Ф. Черданцеву⁴, а также некоторым другим авторам⁵. Работы указанных авторов могут принести значительную пользу всем, кто поставил перед собой задачу овладеть искусством толкования.

По вопросам толкования между советскими учеными существуют и разногласия. Некоторые из них носят несущественный, подчас терминологический характер (так, грамматическое толкование отдельные авторы называют «словесным», а другие — «филологическим»). Иногда выделяется в самостоятельный вид толкование по цели (телеологическое толкование),

---

¹ А.Ф. Черданцев, впервые в советской литературе подробно проанализировавший функциональное толкование, поставил его в «один ряд» с другими способами — логическим, систематическим и др. Думается, это неточно. Функциональное толкование касается факторов и обстоятельств, необходимых лишь при индивидуальном поднормативном регулировании, т.е. при правоприменительном толковании.

² Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 364–433.

³ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 37–96.

⁴ Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 64 и сл.

⁵ Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. Госюриздат, 1960. С. 150–227.

а систематическое толкование понимается как раскрытие содержания норм на основе общих принципов права и т.д. Для решения этих и ряда подобных вопросов необходимо проводить различия между «приемами» и «способами» толкования.

Есть также дискуссионные вопросы и более существенного порядка.

Так, по мнению А.С. Пиголкина, нет оснований для выделения в самостоятельный вид логического толкования. Обосновывая этот взгляд (его ранее в общей форме высказывал И.Е. Фарбер¹), автор приводит ряд правильных соображений, указывая, в частности, на то, что процесс уяснения нормы всегда есть логический процесс и поэтому нет такого приема толкования, который не был бы логическим². А.С. Пиголкин не замечает, однако, того, что в ряде случаев необходимо специальное применение законов и правил логики, что и дает основание для выделения логического толкования.

Нуждается в особом обсуждении вопрос о специально-юридическом толковании. К сожалению, способы толкования в юридической науке иногда рассматриваются без учета того, что перед интерпретатором — нормативные юридические акты, выработанные с применением средств и приемов юридической техники. Какой же способ толкования нужно использовать для того, чтобы «расшифровать» нормативный акт вот с этой, специально-юридической стороны? Быть может, грамматическое и логическое толкование? К такому мнению и склоняются отдельные авторы, полагающие, в частности, что в рамках грамматического толкования происходит раскрытие специальных юридических терминов. Однако совершенно очевидно, что законы и правила филологии здесь бессильны. Ну, а главное состоит в том, что юридические термины являются лишь носителями сложного юридического инструментария, который может быть раскрыт лишь при помощи юридических понятий.

По мнению А.Ф. Черданцева, исследование технико-юридических средств «еще не исследование содержания норм права, не интерпретация их, а нечто другое»³. Он полагает, в частности, что юридические конструкции служат лишь «каркасом, на который нанизывается знание о содержании норм права...»⁴. Эти соображения, на мой взгляд, не учитывают того решающего обстоятельства, что воля законодателя получает не только словесно-документальное выражение, но и *особое, специально-юридическое, нормативное изложение*. Техничко-юридические средства представляют собой не «нечто другое» по отношению к содержанию юридических норм, а средство организации этого содержания (без которого содержание лишается какой-либо определенности). Да и на практике толкование правовых предписаний состоит прежде все-

¹ Фарбер И.Е. Сущность и способы применения советского закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 13–14.

² Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 41 и сл.

³ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

го в уяснении особенностей данных юридических конструкций, особенностей нормативного построения, отраслевой принадлежности и т.д., т.е. всего того, что выражено в технико-юридических средствах.

И еще одно замечание. Если при характеристике способов толкования не идти дальше «традиционной номенклатуры», то создается парадоксальная ситуация. При толковании нормативных юридических актов «участвуют» и грамматика, и филология, и логика, и история, а юридическая наука остается, по сути дела, в стороне (включаясь по ограниченному кругу вопросов лишь при систематическом и частично при историко-политическом толковании). В этом случае отсутствует канал, по которому при толковании может быть, использовано все богатство специальных юридических знаний. Не случайно у авторов, отстаивающих подобные взгляды, характеристика способов толкования оказывается обедненной, в значительной степени лишенной того своеобразного, что свойственно *юридическому* содержанию норм права, специфике нормативного, специально-юридического изложения воли законодателя¹.

6. Результаты толкования. Буквальное, распространительное и ограничительное толкования. Толкование приводит к раскрытию содержания нормативного акта, такому пониманию юридических норм, которое позволяет обеспечить их полную и точную реализацию (применение).

Результатом толкования должны быть *полная ясность и определенность* смысла нормативного акта.

Ясность смысла — это понятность содержания нормативного акта для интерпретатора, отсутствие каких-либо сомнений в тех выводах, которые сделаны в результате толкования.

Определенность смысла — это его точность, безоговорочность, отсутствие каких-либо параллельных решений; результатом толкования не может быть вывод «и то, и другое», «и да, и нет» — здесь полностью действует логический закон исключенного третьего. К. Маркс отмечал «*ius* знает только: или-или»².

Результат толкования не должен выходить за пределы толкуемых норм. Вместе с тем он выражает *новое знание* — конкретизирующие су-

---

¹ Примечательно также, что обедненным в указанном случае оказывается и предмет толкования — право, его особенности и свойства. Вот почему, например, А.Ф. Черданцев при освещении предмета толкования упустил из поля зрения важные стороны юридического инструментария, юридической техники — нормативное изложение, презумпции, юридические конструкции. Последние он вынужден был рассматривать в основном в качестве инструмента познания и соответственно отнести не к предмету, а к содержанию толкования (Черданцев А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 10–19).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 649.

ждения о нормах¹. В результате же правоприменительного толкования в правовую материю могут быть привнесены некоторые новые моменты, выражающие конкретизацию нормативных предписаний. Таковы вырабатываемые в ходе юридической (судебной) практики правоположения и подзаконные правила правоприменения, содержащиеся в интерпретационных актах центральных юрисдикционных органов.

Результаты толкования могут быть рассмотрены с точки зрения их соотношения с выводами, которые непосредственно вытекают из буквального текста («буквы») нормативного акта. С этих позиций результаты толкования подразделяются на виды по объему — соответствуют ли они буквальному тексту (буквальное толкование) или шире буквального текста (распространительное толкование), или уже его (ограничительное толкование).

Как правило, в социалистическом обществе толкование является буквальным. «Буква» и «дух» нормативного акта, его текстуальное выражение и действительный смысл полностью соответствуют друг другу. Это значит, что применение после грамматического (филологического) анализа всех иных способов толкования приводит к таким же выводам, какие вытекают из буквального текста. Буквальный (в основной своей массе) характер толкования позволяет в условиях социализма строго и последовательно проводить начала социалистической законности, не допускать каких-либо отступлений от воли законодателя, выраженной и закреплённой в нормативных актах.

Распространительное и ограничительное толкования являются исключениями; они представляют собой редкие случаи.

Распространительное — это толкование, при котором его результат (т.е. действительное содержание норм) шире, чем буквальный текст. Так, нередко термин «закон» употребляется для обозначения не актов высшей юридической силы, а вообще нормативных актов или, во всяком случае, актов общего характера (ст. 112 Конституции СССР, нормативные положения ГК республик о сделках и др.). В результате логического, систематического и специально-юридического анализа удается установить, что соответствующие нормативные положе-

¹ Н.Н. Вопленко обращает внимание на то, что «любое логическое развитие ранее сформулированного положения предполагает привлечение понятий, определений, методов сравнения, противопоставления и т.д. Другими словами, речь идет о таких операциях, которые в процессе познания и объяснения привносят элемент новизны в понимание рассматриваемого вопроса. При отсутствии этого всякое уяснение, комментирование и разъяснение утратили бы смысл» (Вопленко Н.Н. Акты толкования норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 13).

ния нужно толковать распространительно, т.е. шире, чем буквальный смысл слова «закон». В качестве еще одного примера распространительного толкования можно указать на толкование ст. 4 Основ гражданского судопроизводства. Согласно указанной статье «судам подведомственны дела по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, если хотя бы одной из сторон в споре является гражданин или колхоз...». Но что значит «колхоз»? Относятся ли к данной категории субъектов также межколхозные организации? При буквальном толковании, казалось бы, нет. Однако, применив все способы толкования, следует прийти к выводу, что и понятие «колхоз» нужно толковать распространительно. Такого распространительного толкования понятия «колхоз» последовательно придерживается судебная и арбитражная практика.

Ограничительное — это толкование, при котором его результат (т.е. действительное содержание нормы) уже, чем буквальный текст.

Так, в силу ст. 174 УК РСФСР лица, добровольно заявившие о даче ими кому-либо взятки, освобождаются от уголовной ответственности. По содержанию этой статьи Пленум Верховного Суда СССР дал разъяснение ограничительного характера, согласно которому освобождение от ответственности может иметь место лишь в тех случаях, когда лицо заявило о даче взятки, хотя и независимо от мотивов такого заявления, но не в связи с тем, что об этом факте стало известно органам власти.

Таким образом, при распространительном и ограничительном толкованиях (как и при толковании буквальном) устанавливается *действительная воля законодателя*. Указанные разновидности толкования не следует понимать так, что здесь происходит распространение нормы на новый круг отношений или же исключение отношений, охватываемых нормой, из-под ее действия. Это обстоятельство важно подчеркнуть тем более потому, что выражение «толкование по объему» может создать впечатление о том, что путем толкования «расширяется» или «ограничивается» действительное содержание норм, их объем. Вовсе нет! Как и вообще при толковании, в данных случаях задача состоит лишь в том, чтобы раскрыть действительное содержание нормативного акта. «Объем» воли законодателя определяется не применительно к регулируемым общественным отношениям, а применительно к буквальному тексту (действительный смысл, содержание нормы шире или уже по сравнению с буквальным текстом)¹.

---

¹ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. С. 233–234.

Именно этим распространительное толкование отличается от аналогии закона (применения к определенным фактам сходного нормативного акта). При распространительном толковании данные факты охватываются смыслом нормативного акта; законодатель их «имел в виду», хотя воля законодателя и не нашла точного и ясного выражения в тексте. При аналогии же закона определенные факты не охватываются ни буквальным текстом, ни смыслом нормативного акта; законодатель их «не имел в виду» (зачастую также в силу неправильного или недостаточного применения средств юридической техники). Здесь происходит распространение нормативного акта на новый круг общественных отношений, что возможно только при определенных условиях в процессе применения права (раздел четвертый)¹.

Распространительное и ограничительное толкования в принципе допустимы во всех отраслях социалистического права.

В то же время некоторые нормативные акты таковы по своему характеру, по направленности, выраженной в них воли законодателя, что они не могут толковаться распространительно и ограничительно. Нормативные акты (нормы), устанавливающие определенные изъятия и ограничения по сравнению с общими нормами, в принципе не подлежат распространительному толкованию в той части, которая касается изъятий и ограничений. Ему не подлежат также нормы, устанавливающие более строгую юридическую ответственность. Напротив, права и свободы граждан, а также нормативные акты, смягчающие юридическую ответственность, законы об амнистии и другие не могут толковаться ограничительно.

Распространительное и ограничительное толкования свойственны толкованию «как таковому» (т.е. независимо от того, входит ли оно в правоприменительный процесс). Вместе с тем следует иметь в виду, что в рамках применения права распространительное и ограничительное толкования являются начальной ступенькой к конкретизации юридических норм. Выработываемые в юридической практике правоположения и правила правоприменения нередко

---

¹ Аналогия закона (а также субсидиарное применение и аналогия права) выполняет задачи, во многом сходные с задачами толкования. Они направлены, в частности, на то, чтобы устранить отрицательные последствия неправильного или недостаточного использования средств юридической техники, касающейся главным образом юридических конструкций. Но решаются эти задачи иным путем, нежели при толковании. Аналогия в праве связана с творческими элементами в деятельности правоприменительных органов, характеризует одну из особенностей правоприменительной деятельности. Поэтому она рассматривается в следующем разделе курса.

базируются на распространительной или ограничительной интерпретации правоприменительным органом тех или иных нормативных положений¹.

7. Разъяснение нормативных актов. Толкование как акт специального познания, включающееся в процесс правового регулирования, неизбежно получает определенное внешнее выражение. С этой стороны (т.е. со стороны определенных форм выражается вовне) оно выступает также и в качестве разъяснения.

В условиях эксплуататорского общества разъяснение нормативных актов может расходиться с их действительным смыслом: в ряде случаев органы эксплуататорского государства, представители буржуазной юридической науки и официальной пропаганды дают неправильную интерпретацию нормативных актов, в частности ранее принятых относительно прогрессивных законов². В социалистическом обществе разъяснение нормативных актов неотделимо от уяснения, от установленного интерпретатором подлинного смысла нормативного акта.

Разъяснить нормативный юридический акт или его отдельные положения принципиально могут все субъекты. Но значение такого разъяснения неодинаково.

Разъяснение может быть: 1) официальным, когда оно носит властно-обязательный, категорический характер, и 2) неофициальным, когда разъяснение лишено властной юридической силы.

О ф и ц и а л ь н о е т о л к о в а н и е. Это властно-обязательное разъяснение, содержащееся в актах специально уполномоченных на то органов (государственных, а иногда — по уполномочению государства — общественных). Оно является толкованием, которое входит в состав применения права или даже правотворчества. Официальное толкование дается в форме тех актов, которые издает данный орган. В соответствии с этим определяется их юридическая сила; официальное толкование имеет силу того акта-документа, в котором оно выражено³. При этом оно может быть выражено в виде самостоятельных или смешанных актов, содержащих наряду с разъяснением самостоятельных нормы права или индивидуальные веления.

Официальное толкование подразделяется на нормативное и казуальное (индивидуальное).

---

¹ По мнению Н.Н. Вопленко, толкование и конкретизация соотносятся как средство и цель (*Вопленко Н.Н.* Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 175, 178).

² *Ткаченко Ю.Г.* Нормы социалистического права и их применение. М., 1955. С. 328.

³ *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 346.

А. Нормативное толкование — это разъяснение, которое, как и норма права, обладает общим действием — распространяется на неопределенный круг лиц и в принципе на неограниченное количество случаев («неисчерпаемость» разъяснения). Оно неотделимо от самой нормы, не может независимо от нее применяться и в принципе разделяет его судьбу.

Нормативное толкование выражается в виде конкретизирующих нормативных предписаний. Иными словами, будучи результатом толкования юридических норм, эти предписания «сами» являются нормами, общими правилами¹. Вместе с тем юридическая природа таких правил неодинакова. В одних случаях они выступают в качестве продукта правотворческой деятельности компетентных органов и, стало быть, являются конкретизирующими юридическими нормами, в других — только выражают юридическую практику и могут быть охарактеризованы в виде специфических правовых явлений — норм правоприменения (гл. XXVI).

Нормативное толкование, как правило, применяется в случаях, когда толкуемые акты недостаточно совершенны по своей форме, имеют неясные места, неточности, а также при необходимости уточнить или усовершенствовать практику применения данных актов. Оно призвано обеспечить эффективность нормативной регламентации общественных отношений, единообразия в понимании и применении юридических норм.

К нормативному толкованию относятся:

а) *Аутентическое толкование* — разъяснение, исходящее от того же самого органа, который издал толкуемый акт. Оно основано на правотворческих функциях данного органа; издав нормативный акт, правотворческий орган вправе в любое время дать необходимые с его точки зрения разъяснения. Следовательно, все правотворческие органы могут быть субъектами аутентического толкования.

Аутентическое толкование обладает такой же юридической силой, как и сам толкуемый акт, вместе с которым он и действует.

б) *Подзаконное легальное толкование-разъяснение*, исходящее от компетентных правотворческих органов в отношении нормативных актов, изданных иными органами. Эта разновидность нормативного толкования также имеет правотворческую природу. Оно может носить только подзаконный характер, причем его юридическая сила должна строго соответствовать правотворческой компетенции интерпретатора.

---

¹ *Недбайло П.Е.* Указ. соч. С. 488; *Сабо Имре.* Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 262 и сл.

В практическом отношении главное место принадлежит легальному толкованию со стороны органов, которые вправе издавать общие подзаконные нормативные акты.

Здесь выделяется прежде всего толкование законов соответствующими Президиумами Верховных Советов (в СССР это право предусмотрено в п. «в» ст. 49 Конституции СССР). Толкование, производимое президиумами — аутентическое и легальное, — оформляется в виде особых указов, а в последнее время — также и в виде постановлений¹.

На практике важное место занимает и другая разновидность легального толкования. Это толкование законов со стороны Совета Министров СССР, толкование нормативных актов Госпланом СССР, Министерством финансов СССР, Государственным комитетом по вопросам труда и заработной платы и др. Например, Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы и Секретариат ВЦСПС в разъяснении от 29 августа 1963 г. дали толкование п. 21 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР 31 января 1957 г.² Характерно, что в связи с изданием указанного разъяснения Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 18 декабря 1963 г. признал утратившим силу один из пунктов своего ранее принятого постановления, в котором давалось иное толкование указанного выше Положения³.

в) Правоприменительное нормативное толкование — разъяснение юридических норм, содержащееся в постановлениях Пленумов Верховных Судов. На основе обобщения юридической практики центральные органы юрисдикции вырабатывают «временные» конкретизирующие правила, призванные обеспечить правильное применение юридических норм. Эти правила в отличие от конкретизирующих норм аутентического и легального толкования не являются результатом правотворчества; они функционируют в рамках применения права.

---

¹ Толкование законов президиумами иногда относят не к легальному, а к аутентическому толкованию (*Лиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 127—128). Едва ли это правильно. Президиум, действительно, между сессиями частично выполняет функции Верховного Совета. Но при толковании законов он выполняет свои функции, предусмотренные в конституции, по отношению к актам, которые он не издавал.

² Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. 1963. № 10.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 1.

Б. *Казуальное (индивидуальное) толкование* — разъяснение нормативного акта, обязательное только для данного конкретного случая¹.

Если нормативное толкование неотделимо от толкуемой нормы, то рассматриваемая разновидность официального толкования неотделима от данного случая (казуса). Оно дается только применительно к данному делу и не имеет какого-либо общеобязательного значения², при решении же других дел может играть роль правоположения, «образца», примера, помогающего раскрыть смысл юридической нормы, а не роль общего категорического разъяснения.

Казуальное толкование может быть выражено в специальных указаниях разъясняющего характера, которые содержатся в актах надзора юрисдикционных и административных органов. Так, в постановлениях (определениях) судов второй и надзорной инстанций нередко прямо разъясняется смысл применяемых нормативных актов. В то же время казуальное толкование не сводится только к прямым разъяснениям; оно может быть дано и в «скрытом виде» — в самом решении юрисдикционных и административных органов по конкретным делам³. Именно таким путем в юридической практике складываются определенные правоположения. Поэтому важнейшей основой для толкования нормативных актов служат не только акты судебного и административного надзора, где можно найти прямые разъяснения, но и все юрисдикционные решения, т.е. вся судебная и иная практика применения норм социалистического права⁴.

Н е о ф и ц и а л ь н о е т о л к о в а н и е. Это толкование, не имеющее формального, юридически обязательного значения, лишенное

¹ Некоторые авторы казуальное толкование называют «судебным». Такое наименование недостаточно точно. И дело не только в том, что индивидуальное разъяснение может быть дано любым правоприменительным органам, но и в том, что толкование, производимое судами и иными правоприменительными органами, имеет различную юридическую природу; оно может быть как казуальным, так и нормативным.

² Значительно большее юридическое значение актам казуального толкования придает В.В. Лазарев (см.: *Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 98 и сл.).

³ *Шаргородский М.Д.* Уголовный закон. Юриздат, 1947. С. 175; *Шляпочников А.С.* Толкование уголовного закона. Госюриздат, 1960. С. 145; *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961. С. 141.

⁴ По мнению А.С. Пиголкина, «говорить о казуальном толковании можно лишь там, где ставится *специальная* цель разъяснить смысл правовой нормы...» (*Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 151). Такое понимание казуального толкования не учитывает разнообразия форм разъяснения нормативных актов. Оно объективно приводит к тому, что ограничивается значение судебной и административной практики в той ее части, где правоприменительные акты не содержат прямых разъяснений.

властной юридической силы («авторитета власти»). Влияние неофициального толкования на правовое регулирование зависит главным образом от его правильности и убедительности (компетентности). Здесь нет «авторитета власти», но есть «власть авторитета». Некоторые разновидности неофициального разъяснения сами по себе оказывают существенное влияние на практику применения норм социалистического права.

Неофициальное толкование, как и всякое другое, выражает специальное познание права. По этому признаку оно должно быть отграничено от того, что может быть названо *обыденным толкованием* — уяснением юридических норм в житейской практике, в повседневной жизни.

Подъем социалистической культуры, активное участие трудящихся в политической жизни страны, житейский опыт и здравый смысл, а также доступность социалистического законодательства — все это позволяет большинству граждан правильно уяснять и при необходимости правильно разъяснять нормативные акты.

Обыденное толкование не представляет собой какого-либо специфического правового явления: оно является составной частью массового правосознания.

Компетентным является прежде всего толкование, которое исходит от «сведущих людей», т.е. людей, вооруженных политическими знаниями, опытом применения социалистического права, овладевших практикой, и которое непосредственно опирается на практический опыт.

Компетентным является, в частности, толкование нормативных актов, производимое общественными и государственными деятелями, а также толкование, осуществляемое юристами — должностными лицами (прокурорами и судьями на приемах граждан, консультантами в судах и арбитражах и т.д.), работниками юридической службы и адвокатами, редакциями юридических журналов в специальных консультациях и обзорах и др.

Особой разновидностью компетентного толкования является *доктринальное*. Это толкование, даваемое научными работниками, преподавателями, квалифицированными практиками непосредственно в результате теоретического анализа права, т.е. в связи с обоснованием и применением теоретических концепций («доктрин»)¹.

---

¹ По мнению В.В. Лазарева, доктринальное толкование, не обладая юридической силой, имеет «юридическое значение» (см.: *Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 93 и сл.). Думается, однако, что понятие «юридическое значение» страдает неопределенностью. Такой подход, в сущности, стирает грань между официальным и неофициальным разъяснением. Не случайно поэтому автор признает существование неофициального нормативного толкования (там же. С. 98). Между тем,

Компетентное и, в частности, доктринальное толкование, хотя и не является юридически обязательным, оказывает существенное влияние на практику реализации норм социалистического права. В особенности следует указать на значение доктринального толкования. Глубокие и проверенные теоретические выводы, основанные на познании закономерностей права, обобщающие опыт законодательства и применения юридических норм, служат надежным компасом для правильного понимания нормативных актов.

В то же время «власть авторитета», свойственная указанным разновидностям неофициального толкования, требует того, чтобы компетентное толкование было во всех случаях в достаточной степени обоснованным, убедительным. Поспешные, непродуманные разъяснения и консультации, а тем более научные рекомендации в силу своего авторитета могут иной раз без дополнительной проверки братья на «вооружение» юридическими работниками и, следовательно, отрицательно влиять на практику реализации норм социалистического права, на работу правоприменительных органов.

8. Интерпретационные акты. Это акты-документы, которые содержат конкретизирующие нормативные предписания, выражающие разъяснение юридических норм.

Характерная особенность интерпретационных актов состоит в том, что они действуют в единстве с теми нормативными юридическими актами, в которых содержатся толкуемые юридические нормы. Они находятся от них в зависимости и в принципе, как уже говорилось, разделяют их судьбу¹.

В этом отношении все интерпретационные акты (в том числе акты аутентического и легального толкования) образуют *однородную подсистему* правовых актов², всецело зависимую от главной подсистемы — нормативных юридических актов, которую интерпретационные акты призваны обслуживать.

если и допустимо признавать некоторые неофициальные разъяснения (например, научные комментарии к кодексу) «нормативными», то эта «нормативность» *совсем иного порядка*, нежели нормативность официального толкования.

¹ Иногда акты, содержащие разъяснение определенных юридических норм (например, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР), могут сохранить свою силу и после отмены толкуемых норм. Это может быть в тех случаях, когда разъяснения касаются правовых положений, которые сохранились и во вновь принятых нормативных актах.

² Н.Н. Вопленко указывает на полиструктурность и многоуровневый состав системы (подсистемы) интерпретационных актов (см.: *Вопленко Н.Н.* Акты толкования норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 10).

В то же время правовая природа интерпретационных актов неодинакова. Здесь следует различать два основных случая:

а) *Интерпретационные акты правотворчества*. Это нормативные юридические акты, изданные в порядке аутентического или легального толкования (интерпретационные указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов союзных республик, разъяснения Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и др.).

Эти интерпретационные акты имеют «двойную» юридическую природу: будучи органической частью системы (подсистемы) интерпретационных актов, они в то же время являются результатом правотворческой деятельности компетентных органов. В этой второй плоскости они представляют собой источники права, содержащие конкретизирующие юридические нормы¹ (сохраняя одновременно свои «интерпретационные» качества, в частности зависимый характер от толкуемых норм).

б) *Интерпретационные акты правоприменения*. Это специфические правовые акты, содержащие правила применения норм права (постановления Пленума Верховного Суда СССР и союзных республик).

Вот это уже особый вид правовых актов, отличающийся от нормативных юридических актов (актов правотворчества). Данная разновидность интерпретационных актов не является результатом правотворческой деятельности компетентных органов, а представляет собой своеобразную форму юридической практики, обобщения опыта применения юридических норм.

Таким образом, при рассмотрении соотношения нормативных и интерпретационных правовых актов необходим дифференцированный подход. Акты аутентического и легального толкования, будучи интерпретационными, в то же время являются «настоящими» актами правотворчества (только всецело зависимыми, привязанными к актам, содержащим толкуемые нормы).

«Чистую» же разновидность интерпретационных актов, не перекрывающуюся с актами правотворчества, образуют акты правоприменительного нормативного толкования. Они-то и являются интерпре-

---

¹ В литературе уже высказывалась мысль о том, что аутентическое толкование выражается в издании нового закона (*Шаргородский М.Д.* Уголовный закон. Юриздат, 1948. С. 171), что интерпретация имеет правотворческую природу (*Вопленко Н.Н.* Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 174–178).

тационными в строгом, узком смысле: функция разъяснения является для них единственной и, следовательно, только она определяет их юридическую природу.

По мнению А.С. Пиголкина, нормативное разъяснение оформляется в виде специальных актов; но последние, по его мнению, не могут рассматриваться в качестве самостоятельного вида актов¹. Автор прав, когда утверждает, что интерпретационный акт разделяет судьбу нормативного и по своим существенным главным чертам сходен с ним². Более того, акты аутентического и легального толкования вообще являются актами правотворчества.

Однако мои возражения А.С. Пиголкину оказались все же не полностью снятыми (как мне представилось в книге «Социальная ценность права в советском обществе» (С. 141)).

Ряд интерпретационных актов, действительно, по своей правотворческой природе не отличается от нормативных юридических актов. Но все же правовые акты, выполняющие интерпретационную функцию, образуют «третье звено» системы правовых актов. Они вплотную примыкают к нормативным юридическим актам, имеют с ними ряд родственных черт, частично перекрещиваются, но с ними не сливаются.

Выделение интерпретационных актов в качестве особой разновидности служит основанием к тому, чтобы еще раз обратить внимание на необходимость формулирования обобщающей категории — «правовой акт». Нормативные, интерпретационные и индивидуальные акты образуют подсистемы единой системы правовых форм. Место каждой из этих подсистем, их субординация, взаимозависимости обусловлены свойствами тех активных элементов правовой материи (юридических норм, конкретизирующих предписаний, правоположений и правил правоприменения; индивидуальных велений), которые они закрепляют и выражают. Не вдаваясь в более подробную характеристику структурных и функциональных связей в системе правовых актов и тем более в особенности структуры и функций активных элементов правовой материи — а такой анализ в теоретическом отношении весьма перспективен, — принципиально все же важно подчеркнуть, что ядром, стержнем правовой реальности (правовой формы) являются юридические нормы.

Таким образом, детальное освещение интерпретационных актов приводит (в процессе последующей широкой разработки проблемы правовых актов, их системы) к более глубокому пониманию всех элементов правовой реальности. А это, в свою очередь, должно быть учтено при формулировании общего понятия права, правовой формы. О некоторых возможных вариантах такой, более развернутой трактовки понятия правовой формы общественного регулирования уже говорилось в первом томе курса.

---

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 125.

² Там же. С. 121.

Замечу еще, что во всех случаях интерпретационные акты, как уже говорилось, имеют значение самостоятельных правовых явлений, которые вносят в правовую материю некоторые новые моменты. Едва ли прав по этому А.С. Пиголкин, когда утверждает, что разъяснение является частью толкуемой нормы¹. Нормативное разъяснение «подключается» к толкуемому нормативному акту, неотделимо от него, но не входит в состав самой нормы права². Они представляют хотя и зависимый, но все же особый элемент правовой реальности.

---

¹ *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. С. 121.

² Об особенностях и разновидностях интерпретационных норм и актов см.: *Черданцев А.Ф.* Основные проблемы теории толкования советского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 29–33.

Автор, в частности, пишет: «Интерпретационные нормативные акты являются особой формой выражения норм права. Ее особенности состоят в следующем:

а) с ее помощью не устанавливаются новые нормы права, не отменяются или не изменяются действующие нормы права;

б) в интерпретационном нормативном акте содержатся предписания (интерпретационные нормы) о том, как следует понимать и применять действующее законодательство (нормы о нормах);

в) положения, заключенные в указанных актах, как правило, отражают и выражают какую-либо одну сторону, элемент содержания толкуемой нормы. Все содержание нормы находит выражение в совокупности интерпретационных положений;

г) интерпретационные положения формально адресуются органам, применяющим право, а не субъектам, действия которых непосредственно регулируются интерпретируемой нормой;

д) интерпретационные акты — это подзаконные акты. Их содержание не может выходить за рамки толкуемых норм;

е) интерпретационные акты не должны браться в качестве юридической основы решения дел. Субъект, решающий дело, должен ссылаться на закон как юридическое основание решения.

Положения интерпретационного акта могут использоваться лишь как один из аргументов в пользу того или иного понимания закона, той или иной юридической квалификации факта» (С. 32–33).

Раздел четвертый. Применение права

ГЛАВА XXXI

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА (общая характеристика)

1. Понятие применения права. Аспекты проблемы. Под применением права понимается *государственно-властная деятельность компетентных органов, состоящая в специальных организационных действиях по обеспечению реализации юридических норм.*

Решающее значение при рассмотрении применения права имеет его *социально-политический аспект*. Он, как и другие социально-политические правовые проблемы, уже был охарактеризован в первом разделе курса (гл. IX). Напомню основные моменты этой социально-политической характеристики.

Применение права представляет собой существенный элемент механизма правового регулирования, обусловленный самой природой права, его государственно-властными чертами.

Ключ к пониманию функций и значения применения права кроется в его государственно-властном содержании. Компетентный орган на основании своих государственно-властных полномочий включается (вклинивается) в процесс реализации права для того, чтобы обеспечить реализацию, довести ее до конца, активно продолжить конкретизированное, поднормативное регулирование общественных отношений¹. Акт применения конкретизированно дополняет властность юридических норм, по отношению к данному случаю подкрепляет их государственно-принудительное действие². В соответствии с этим применение права выполняет: 1) правообеспечительную, 2) индивидуаль-

---

¹ В.М. Горшенев и И.Я. Дюрягин отмечают, что правоприменительная деятельность «призвана главным образом продолжить общее нормативное регулирование, заданное правотворчеством с помощью нормы права» (Горшенев В.М., Дюрягин И.Я. Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. 1969. № 5. С. 26).

² «...Правоприменение как процесс и акты применения норм права не являются реализацией права: это юридическое средство (способ), при помощи которого государственный аппарат организует реализацию права» (Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права как разновидность юридических актов социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 150).

но-регулятивную функции (включая и выполнение в некоторых случаях правосполнительной задачи, например, путем аналогии права). По справедливому мнению М.Ф. Орзих, «правовое воздействие при применении права обеспечивает передачу социально-юридической программы, содержащейся в праве и рассчитанной на творческое восприятие и переработку в сознании»¹.

На основании социально-политической характеристики раскрывается и другая сторона применения права — *его специально-юридический, организационно-технический аспект*. Рассмотрение этого аспекта применения права и образует содержание настоящего раздела.

Применение права представляет собой специальную деятельность, имеющую творческое, организующее содержание. По своей сути применение права состоит в определенной организационной деятельности, в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направленных на обеспечение претворения предписаний правовых норм в жизнь. Каждый акт применения права носит творческий характер. Правоприменительный орган, распространяя юридические нормы на тот или другой конкретный жизненный случай, решает юридическое дело, принимает необходимые меры по практической реализации норм права.

В соответствии с этим применение права представляет собой деятельность, осуществляемую в специальных законом установленных формах. На основании требований социалистической законности применение права облекается в строгие процедурно-процессуальные формы, которые обеспечивают достижение истины при реализации юридических норм, охрану прав заинтересованных лиц, защиту от возможных правонарушений.

Значение специально-юридического, организационно-технического аспекта применения права обусловлено тем, что здесь применение права связывается с практической работой юристов, их профессиональной деятельностью, которая характеризуется специфическими формами, приемами и т.д. Обобщение этих форм деятельности, их совершенствование составляют одну из важнейших задач юридической науки при изучении применения права.

Положение о применении права как активной, творчески-организующей деятельности разработано П.Е. Недбайло². Следует при этом признать оправ-

---

¹ Орзих М.Ф. Юридические гарантии, средства и методы применения правовых норм // Юридические гарантии правильного применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности: Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1970. С. 17.

² Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960.

данным, что на этапе исследования, когда началось широкое общетеоретическое осмысливание данной проблемы, в едином плане рассматривались все случаи реализации права, которые сопряжены с организацией осуществления юридических норм. На это обстоятельство важно указать еще и потому, что некоторые индивидуальные акты, связанные с использованием юридических норм (осуществлением субъективных прав), довольно близки к актам применения права. Таковы, например, договоры и односторонние акты (сделки) в гражданском, трудовом, колхозном праве. Их близость к актам применения выражается не только в том, что здесь деятельность субъектов также носит сложный характер, но и в том, что указанные акты нередко выполняют функции индивидуального регулирования общественных отношений. Именно поэтому при совершении такого рода актов необходимо в ряде случаев использовать правила и приемы, выработанные в области применения права (например, толкования, оценки фактов, правил юридической техники). Наконец, следует учитывать, что в некоторых случаях индивидуальные акты могут носить смешанный характер, сочетать в себе черты акта по осуществлению субъективных прав и правоприменительного акта (таковы, в частности, некоторые акты администрации в области трудовых отношений).

Однако на последующих этапах общетеоретического исследования реализации права оказалось необходимым пойти дальше чисто организационной концепции и обособить такую деятельность, которая не просто сопряжена с организацией осуществления юридических норм, а выражает именно государственно-властные функции компетентных органов в процессе правового регулирования. Помимо иных моментов, эта необходимость продиктована тем, что существенные специально-юридические, организационно-технические вопросы, связанные с профессиональными сторонами деятельности юристов, возникают как раз при применении права — специальной деятельности компетентных органов, обеспечивающих реализацию права на основании их государственно-властных полномочий¹.

В последнее время спор по вопросу о понятии применения права потерял былую остроту. обстоятельное изучение реализации права привело большинство авторов к обоснованному выводу о том, что следует выделять реализацию, которая основана на властных полномочиях компетентных органов. Эта форма реализации и именуется большинством советских юристов «применением права».

Какие бы сильные и внешне убедительные доводы ни приводились в пользу того, что граждане и все общественные организации применяют право, они не могут поколебать главных аргументов, отражающих объективный факт обособления применения права.

---

¹ К тому же, «если даже принять формулу о том, что применение сопряжено с организацией осуществления правовых норм в правоотношениях и воздействием на обязанных лиц», то тем самым уже нужно признать и властность действий субъекта и специальную их направленность: обеспечение нормального хода процесса реализации права» (Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 32).

Только при государственно-властной трактовке применения права открывается широкая *перспектива* решения не только социально-политических вопросов правового регулирования, но и специально-юридических, организационно-технических.

С учетом государственно-властной природы применения права решаются и вопросы использования в области реализации юридических норм логико-системного анализа, математической логики и моделирования, машинной техники, ЭВМ¹.

Обобщенная характеристика применения права дана в книге И.Я. Дюрягина «Применение норм советского права» (Средне-Уральское книжное издательство, 1973). В книге с передовых теоретических позиций получили освещение основные вопросы правоприменительной деятельности. Особого внимания достойны положения книги о гарантиях правильного применения юридических норм.

2. Применение права как разновидность государственной деятельности (социального управления). По своему социальному содержанию применение права, как и правотворчество, представляет собой *управленческую деятельность* — одну из разновидностей социального управления.

Определяющая особенность правоприменительной деятельности как деятельности управленческого характера состоит в том, что она обеспечивает *реализацию права*. В праве закрепляется система решений общего (программного) значения — нормативная, директивная основа управления социальными процессами. В соответствии с этим применение права представляет собой не управление «вообще», а *управление специализированного порядка*, нацеленное на строгое воплощение «общих программ» в жизнь.

Во многих случаях (например, в области хозяйственного управления) применение права выступает в качестве момента или стороны общей управленческой деятельности. И этот момент принципиально

---

¹ См. по этому вопросу соображения И.Я. Дюрягина (Основы теории государства и права. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1971. С. 318).

Ряд новых интересных соображений о природе применения права, его функциях, разновидностях изложен в кн.: *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 164–201.

Вместе с тем в книге с некоторыми коррективами сохранены спорные, вызвавшие возражения в литературе положения автора, в том числе о наименовании «правонаделительная» одной из функций применения права (наименования, не отражающего в полной мере индивидуально-регулятивного назначения права), о противоположении правоприменительного и «автономного» регулирования (противоположения, не учитывающего, что «автономное» регулирование также может иметь правоприменительный характер), о процессуальной форме применения, не отграничиваемой от процедурных форм, и др.

важно выделять, дифференцировать, так как здесь управленческая деятельность имеет особый характер, который как раз обусловлен ее генеральной задачей – необходимостью строжайшей реализации юридических норм. В других же случаях (например, в деятельности судебных органов) управленческая деятельность вообще, по существу, сводится к одному лишь применению права.

Другая определяющая особенность правоприменительной деятельности как деятельности управленческого порядка обусловлена ее *социально-политической природой*. На основании, в пределах и направлениях, предусмотренных юридическими нормами, правоприменительные органы активно воздействуют на процесс правового регулирования – решают юридические дела. Перед нами опять-таки не управление вообще, а управленческая деятельность, имеющая социально-политическое содержание, деятельность, продолжающая в конкретной ситуации правовое регулирование данных отношений.

Указанные особенности предопределяют необходимость *особого подхода* к применению права как к управленческой деятельности, к решению специальных управленческих вопросов. Именно этими особенностями обусловлено своеобразие использования в области применения права машинной техники, счетно-решающих устройств (ЭВМ)¹. Если, например, в области хозяйственного управления в целом широкое и всестороннее использование математических методов в принципе имеет пока «необозримые» просторы, то в области применения права (в том числе и тогда, когда оно касается процесса хозяйственного управления) использование математических методов *с самого начала* ограничивается указанными выше особенностями правоприменительной деятельности. Это использование, во-первых, оказыва-

---

¹ На возможность использования электронно-вычислительной техники в применении права указали в общей форме Д.А. Керимов (Кибернетику на службу коммунизму. Госэнергоиздат, 1961. С. 235), а применительно к квалификации преступлений – В.Н. Кудрявцев (Вопросы кибернетики и право. Наука, 1967. С. 84–99); подробнее см.: Иванов В.И., Москвин С.С. Использование электронно-вычислительной техники в применении правовых норм // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 30–39; Москвин С.С. Место и перспективы использования ЭВМ в правоприменительной деятельности // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 56–63 и др. Помимо иных моментов, С.С. Москвин указывает, что электронно-вычислительные машины могут способствовать установлению фактических обстоятельств дела, выбору юридических норм, толкованию, а также выработке логического вывода о применении нормы к данным фактам. Причем «вывод ЭВМ по делу следует рассматривать не как окончательное решение, а лишь как «мнение» по делу высококвалифицированного «консультанта»...» (Москвин С.С. Кибернетика и правоприменительная деятельность государственных органов // Правовая кибернетика. Наука, 1970. С. 38).

ется возможным лишь в той мере, в какой предписания юридических норм могут получить «математическое выражение», и, во-вторых, оно должно быть построено таким образом, чтобы во всех случаях сохранилось участие в правоприменительном процессе компетентных органов как органов, осуществляющих социально-политические функции в правовом регулировании¹.

Всемерно подчеркивая необходимость особого подхода при решении «управленческих вопросов» в области применения права, необходимо в то же время видеть, что это все же «настоящая» управленческая деятельность. Следовательно, на применение права могут быть распространены понятия и характеристики науки управления. Разрабатываемые в науке управления положения об информации, управленческом процессе, стадиях управления и т.д., в ряде случаев дают возможность найти новые грани при освещении вопросов применения права. В частности, как и в любом процессе социального управления, центральным звеном правоприменительной деятельности должно быть признано «управленческое решение» — решение данного юридического дела. Юридические же нормы выступают в качестве общей программы, а сведения о фактических обстоятельствах — в качестве информации, которые лежат в основе этого решения.

В общетеоретической литературе имеет известное распространение мнение, в соответствии с которым значение правоприменения состоит в том, что оно направлено на создание, изменение или прекращение правоотношений². Отсюда трактовка правоприменительного акта как юридического факта. В этом же направлении идут рассуждения В.М. Горшенева, полагающего, что правоприменительные органы осуществляют «правонаделительную» деятельность³.

Между тем указанная трактовка применения права ни на шаг не продвигает нас к пониманию природы применения права, его функций, его особенностей как своеобразной управленческой деятельности.

---

¹ Указывая на ограниченные возможности использования ЭВМ для решения задач по квалификации преступлений, В.Н. Кудрявцев разъясняет: «Вынесение приговора, определения, постановления и т.д. — это акт, доверенный только человеку, который несет за него всю полноту ответственности». И дальше: «Только люди могут решать вопросы, связанные с судьбами и интересами других людей» (*Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 211).

² *Сабо Имре.* Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 288; *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 137–138.

³ *Горшенев В.М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. Госюриздат, 1963. С. 115–118; *Он же.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 167–168.

Значение юридических фактов имеют самые разнообразные явления объективной действительности. Да и сам юридический факт в процессе правового регулирования выполняет чисто «техническую» роль: он призван привести в действие юридическую норму. Если тот или иной акт поведения направлен на возникновение определенных юридических последствий, то это означает одно — перед нами волевой акт и не больше. К тому же в ряде областей права правоприменительные акты и не могут быть направлены на то, чтобы вызвать к жизни правоотношение. Так, «суд призван регулировать гражданско-правовые отношения. В порядке регулирования он может подтвердить наличие или отсутствие правоотношения, затем реализовать, изменить или прекратить его, создание же несуществующих материально-правовых отношений не входит в компетенцию суда»¹.

Лишь тогда, когда правоприменительная деятельность связана с приведением в действие государственного принуждения, характеристика акта применения как юридического факта имеет известное значение. Но и здесь правоприменительный акт выступает лишь в качестве конечного элемента комплекса фактов, завершающего развитие охранительного правоотношения.

При индивидуальном же регулировании правоприменительный акт вообще является не юридическим фактом, а *средством регулирования*. Наделение субъектов общественного отношения правами и обязанностями происходит здесь не потому, что акт применения является «рычажком», приводящим в действие юридическую норму, а потому, что на основе юридических норм этот акт выражает индивидуальную регламентацию общественных отношений².

Итак, акт применения может быть охарактеризован в качестве юридического факта (он имеет такое значение для охранительных, а также процессуальных правоотношений). Но это положение не раскрывает глубинных функций применения права как своеобразной управленческой деятельности.

3. Основания применения права. Применение права необходимо в случаях, когда складывающиеся отношения предполагают включение в процесс реализации деятельности компетентных органов, наделенных государственно-властными полномочиями. Это случаи, когда данные отношения *требуют принятия компетентным органом властного индивидуального решения*.

---

¹ Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 104; см. также: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. С. 94–95.

² М.Ф. Орзих пишет, что «применение норм права имеет самостоятельное значение и не связано обязательно с какими-либо правоотношениями, не призвано только к организации правоотношений» (Орзих М.Ф. Формы реализации норм социалистического права // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 102). Автор правильно обращает внимание на то, что применение права может быть определено как «деятельность по государственному руководству обществом» (там же).

Две основные группы обстоятельств лежат в основе применения права.

В о - п е р в ы х, — это обстоятельства, выражающие *необходимость использования в процессе правового регулирования государственного принуждения*. Государственное принуждение в сфере права приводится в действие не автоматически. Правовые нормы, как неоднократно подчеркивалось ранее, предусматривают лишь возможность государственного принуждения. Реально же оно всегда применяется компетентными органами, которые призваны проверить законность, обоснованность и целесообразность использования государственно-принудительных мер. Применение права, следовательно, является единственным (в условиях строгой законности) каналом, через который фактически осуществляется государственное принуждение в правовом регулировании.

Фактическими обстоятельствами, обуславливающими необходимость деятельности по применению государственного принуждения, как правило, являются: а) наличие препятствий к осуществлению субъективного права, неисполнение юридических обязанностей; б) правонарушение, требующее возложения юридической ответственности.

В первом случае правоприменительные акты, в которых выражены государственно-принудительные меры, призваны *обеспечить реализацию юридических норм, доведение до конца процесса претворения в жизнь прав и обязанностей*. Компетентный орган на основе своих властных полномочий ликвидирует определенную аномалию, возникшую в ходе реализации юридических норм, обеспечивая тем самым достижение целей правового регулирования.

Такое значение имеет, например, деятельность юрисдикционных и административных органов, направленная на передачу имущества собственнику в соответствии с виндикационным иском, на взыскание с налогоплательщика недоимки и т.д.

Во втором случае, т.е. в случае виновного правонарушения, правоприменительные акты являются *необходимым основанием (источником) установления юридической ответственности*. Охранительные правоотношения начинают складываться с момента правонарушения (например, с момента совершения преступления), акт же применения права завершает фактический состав, необходимый для возникновения юридической ответственности.

Значительное число правоприменительных актов юрисдикционных органов связано с возложением на тех или других лиц юридической ответственности (например, обвинительные приговоры по уголов-

ным делам, решения юрисдикционных органов о взыскании штрафов и др.). Нередко правоприменительный акт, направленный на обеспечение осуществления правоотношения, устанавливает одновременно меры юридической ответственности (например, решение арбитража, обязывающее предприятие исполнить обязательство, устанавливает в то же время и определенные штрафные санкции).

Связь юридической ответственности с формальным актом — актом применения права — имеет существенное значение с точки зрения принципов социалистической законности. Юридическая ответственность, выраженная в виде карательного воздействия в отношении личности, может быть приведена в действие лишь на основе акта применения права, совершенного в установленных законом процессуальных формах, с соблюдением всех демократических процессуальных гарантий. Как правильно пишет Л.С. Явич, «наличие уголовного закона и факт совершения преступления автоматически не влекут наказания. Это возможно только на основе приговора суда, представляющего собой акт применения нормы права к данному конкретному случаю»¹.

В о - т о р ы х, — это обстоятельства, выражающие *необходимость индивидуального поднормативного регулирования*. Индивидуальное регулирование нередко связано с применением государственного принуждения. Иными словами, оба указанных основания применения права могут совпадать. Но индивидуальное регулирование, осуществляемое компетентными органами, имеет и самостоятельное значение. Оно сопряжено с тем, что в процессе правового регулирования возникает необходимость учета особенностей данной конкретной обстановки, своеобразия тех или иных отношений, осуществления контроля со стороны общества за возникновением прав и обязанностей.

Именно тогда правоприменительные акты являются *необходимым основанием (источником) возникновения или изменения правоотношений*. В некоторых областях общественной жизни правоотношения вообще не могут возникнуть или измениться без актов применения права, т.е. без актов применения механизм правового регулирования вообще не может «приступить к работе».

Такое значение принадлежит, например, властной деятельности органов государственного управления, направленной на решение кон-

---

¹ Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961. С. 137. Обращая внимание на связь юридической ответственности с охранительными правоотношениями, необходимо еще раз подчеркнуть, что ответственность наступает лишь после того, как охранительное правоотношение завершено, полностью «развернулось».

кретных вопросов в области хозяйства (выделение фондов, утверждение титульных списков и др.), распределения некоторых материальных благ (распределение квартир в домах государственного фонда, назначение пенсии и др.), организации воспитания детей (назначение опеки, усыновление и др.).

Следовательно, в рассматриваемом случае применение права является необходимым условием для нормальной, естественной реализации юридических норм. И это объясняется тем, что в указанных областях общественной жизни при социализме существует объективная необходимость конкретизированной управленческой деятельности — учета особенностей тех или иных фактических отношений, а главное — контроля со стороны общества за возникновением или изменением прав и обязанностей. Причем компетентные государственные органы (а при уполномочии со стороны государства и общественные организации) не просто решают «быть или не быть» правам и обязанностям, а осуществляют индивидуальное регламентирование общественных отношений¹.

4. Субъекты применения права. Одна из важнейших особенностей применения права, отражающая его властно-государственный характер, состоит в том, что применять юридические нормы могут только специальные (компетентные) органы.

В соответствии с содержанием правоприменительной деятельности субъекты применения права характеризуются следующими признаками.

Субъектами применения права могут быть *только организации*. Отдельные граждане не применяют юридических норм.

Далее. Правоприменительную деятельность осуществляют только те организации, которые *наделены государственно-властными полномочиями*. Иными словами, применять право могут лишь организации, выполняющие властные функции государственного руководства. Организации, выступающие в качестве субъектов оперативно-хозяйственной и социально-культурной деятельности, не применяют юридических норм.

Наконец, субъектами применения права могут быть лишь те органы, осуществляющие властные функции руководства, которые *компе-*

---

¹ Думается, к такой же трактовке применения права приближается позиция В.В. Лазарева, когда он пишет: «В ходе правоприменения на основе действующих нормативных актов: а) устанавливается наличие субъективных прав и обязанностей, равно как и их мера, в случае спора об этом, б) определяется момент действия или факт прекращения субъективных прав и обязанностей, в) осуществляется контроль за правильностью приобретения прав, и возложения обязанностей» (Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 29).

тентны на применение данных юридических норм. Это значит, что организации должны быть наделены не просто властными полномочиями, а конкретной правоприменительной компетенцией. Отсюда на практике нередко и возникает вопрос о подведомственности, в частности о том, какой из юрисдикционных органов должен решать то или другое юридическое дело. Организации, наделенные правоприменительной компетенцией, называются *правоприменительными (правоприменяющими) органами.*

Реально применение норм права по определенному юридическому делу нередко осуществляется несколькими правоприменительными органами (их «цепочкой»), передающими дело из «рук в руки». Так, по уголовному делу действия по применению права осуществляют: органы расследования — суд — исправительные учреждения. При этом отдельные правоприменительные органы в процессе применения права могут совершать лишь некоторые правоприменительные действия. Однако среди нескольких правоприменительных органов всегда есть центральное звено — тот орган, который решает юридическое дело (например, по уголовным делам — суд).

Основную массу субъектов применения права образуют *государственные органы*, наделенные правоприменительной компетенцией. Сюда относятся разнообразные органы государственной власти и государственного управления, органы социалистического правосудия, органы контроля и надзора.

В социалистическом обществе правоприменительную деятельность в определенных пределах осуществляют также *общественные организации.*

Правоприменительная деятельность общественных организаций носит сравнительно ограниченный и подчиненный характер. Функции государственного властвования — это функции государственных органов. Поэтому общественные организации осуществляют правоприменительную деятельность лишь в тех пределах, в каких они наделены правоприменительными полномочиями компетентными государственными органами. В ряде случаев участие общественных организаций в правоприменительном процессе ограничивается тем, что они выполняют лишь некоторые правоприменительные действия (например, дружины по охране общественного порядка). Государство во всех случаях применения норм права общественными организациями сохраняет за собой «решающее слово», в частности право контроля или последующего санкционирования, что, помимо всего прочего,

служит одной из основных гарантий законности при осуществлении правоприменительной деятельности общественными организациями.

Сравнительно ограниченный и подчиненный характер правоприменительной деятельности общественных организаций выражается в особенностях форм осуществления этой деятельности.

Применение норм права общественными организациями может быть:

- а) совместным с государственными органами;
- б) самостоятельным.

Существенное значение на практике принадлежит совместному применению (например, профсоюзными организациями и администрацией предприятий).

Самостоятельное применение норм права общественными организациями также связано с правоприменительной деятельностью государственных органов. Дело в том, что число случаев, когда общественная организация полностью осуществляет правоприменительную деятельность в данной области отношений (эти случаи условно могут быть обозначены как «абсолютно самостоятельное» применение), сравнительно невелико. Это, например, правоприменительная деятельность профсоюзов в области социального страхования и контроля за соблюдением законодательства по охране труда. Как общее же правило, применение общественными организациями норм права выражается не в «абсолютно самостоятельном», а, так сказать, в «параллельном» применении, когда общественная организация наделяется лишь частичной правоприменительной компетенцией (нередко только по совершению отдельных правоприменительных действий), и применение норм права параллельно осуществляется общественными организациями и государственными органами. Таково, например, параллельное применение норм права добровольными народными дружинами и органами милиции; товарищескими и народными судами; профсоюзами и народными судами и др.¹

---

¹ О применении норм права органами советской общественности и обоснование форм правоприменительной деятельности общественных организаций см.: *Дюрягин И.Я.* Формы совместного применения норм права общественностью и государством в период развернутого строительства коммунизма в СССР: Сборник аспирантских работ по вопросам государства и права. Вып. 3. Свердловск, 1964; *Он же.* О параллельном применении норм права органами общественности и госорганами // Правоведение. 1964. № 4. С. 121–124; *Он же.* Применение норм социалистического общественного права органами советской общественности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965; *Михаляк Я.С.* Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1963. С. 16–23.

5. Надлежащее (правильное) применение права. Применение права выражается в творческой, организующей деятельности, которая нередко состоит в наличии у компетентного органа известной «свободы усмотрения» при решении юридического дела. Эта черта применения права полностью соответствует ленинскому требованию о том, что каждая советская организация имеет право и обязана «по-своему применять общие советские узаконения («по-своему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь)...»¹.

Наличие у правоприменительного органа «свободы усмотрения» таит в себе опасность известного произвола при применении юридических норм. Произвольное применение — это применение ненадлежащее (неправильное). Его правовые последствия должны (в необходимой процессуальной форме) признаваться недействительными, юридически ничтожными.

Компетентные органы должны обеспечить не просто применение юридических норм, а надлежащее (правильное) применение. Для этого применение права должно соответствовать определенным требованиям.

Применение права может быть признано надлежащим лишь тогда, когда является 1) законным, 2) обоснованным. Существенное значение имеют также 3) целесообразность и эффективность применения, осуществляемого в рамках социалистической законности².

Законность. Начала социалистической законности характеризуют юридическую основу надлежащего (правильного) применения юридических норм. Режим социалистической законности создает общую атмосферу, определяющую стабильное и единообразное применение юридических норм в пределах всей страны, правильное применение норм права в каждом отдельном случае.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 191.

² И.Я. Дюрягин пишет: «Правильным необходимо считать такое применение, которое отвечает требованиям законности, обоснованности, целесообразности и эффективности» (Дюрягин И.Я. О системе юридических гарантий правильного применения норм советского права // Юридические гарантии правильного применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Киев, 1970. С. 8). Близкую позицию занимает М.Ф. Орзих, по мнению которого «требованиями правильного применения правовых норм являются законность и целесообразность при условии представлений: а) о законности и обоснованности правоприменения как едином требовании (П.Е. Недбайло); б) о целесообразности как соответствии правоприменительной деятельности условиям, обстановке применения права, наиболее оптимальному (наиболее эффективному при экономии правовых средств) достижению юридической деятельности» (Орзих М.Ф. Юридические гарантии, средства и методы применения правовых норм. Указ. тезисы. С. 18).

В соответствии с требованиями законности в процессе применения а) должно быть достигнуто полное и точное соблюдение всеми субъектами возложенных на них юридических обязанностей; б) обеспечено полное и реальное осуществление субъективных прав; в) гарантирована последовательная борьба с правонарушениями; г) не должно быть допущено каких-либо отступлений от требований закона, какого-либо произвола в действиях государственных органов и должностных лиц.

Требование законности определяют формальные, юридические основы надлежащего применения права¹. Правильно понятые формальные, юридические основы общественной жизни являются надежной гарантией полного и реального проведения в жизнь политики Коммунистической партии, фактического осуществления принципов социалистической демократии, охраны прав и интересов граждан.

Обоснованность. Требование обоснованности характеризует фактическую основу надлежащего применения права. Принимаемые компетентными органами решения должны основываться на прочной фактической базе — твердо установленных, достоверных, проверенных фактах.

Требование обоснованности следует рассматривать в неразрывном единстве с началами социалистической законности. Как отмечает П.Е. Недбайло, «правильное применение правовых норм имеет место там и тогда, где и когда фактическая сторона дела отвечает законной стороне, а законная сторона отвечает фактическому положению вещей»².

Целесообразность и эффективность. Это требование по существу является производным от указанных выше основных требований (законности и обоснованности). Оно касается выводов, которые в соответствии с началами законности на основе прочных фактических данных делает правоприменительный орган.

Таким образом, речь идет о целесообразности и эффективности, рассматриваемых в рамках социалистической законности. Сами начала законности требуют, чтобы решение, принимаемое правоприменительным органом, было целесообразным и эффективным.

Известное (самостоятельное) значение требования целесообразности и эффективности вытекает из того, что сами по себе нормы пра-

---

¹ П.Е. Недбайло справедливо обращает внимание на то, что «нарушение законности, как правило, сопряжено с пренебрежением и игнорированием ее как чего-то формального и в силу этого не заслуживающего внимания» (Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 180).

² Там же. С. 184.

ва не предопределяют выводов по тому или иному юридическому делу. При применении права компетентный орган должен выбрать наиболее целесообразный и эффективный вариант из всех возможных, предусмотренных нормой. В результате применения юридических норм должно быть обеспечено наиболее полное, максимально эффективное осуществление цели юридических норм в данных конкретных жизненных отношениях¹.

Большее самостоятельное значение требования целесообразности и эффективности проявляется в тех случаях, когда правоприменительный орган в рамках своей компетенции осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений, в частности в тех случаях, когда орган государственного управления самостоятельно решает тот или иной конкретный вопрос². Здесь требование целесообразности и эффективности (рассматриваемое в единстве с началами законности) становится важнейшим руководящим началом, определяющим деятельность правоприменительных органов в процессе применения юридических норм. Да и само применение права состоит как раз в том, чтобы было достигнуто наиболее целесообразное и эффективное решение конкретного дела, отвечающее целям и принципам социалистического права³.

6. Обязанность компетентных органов применять право. Компетентные органы при наличии определенных фактических обстоятельств не только могут, но и должны, юридически обязаны применять правовые нормы⁴.

Обязанность компетентных органов применять право является одним из средств обеспечения социалистической законности. Неприменение права (например, уклонение следственных органов от соблюдения установленных процессуальных гарантий, неприменение санкций к правонарушителю и др.) как бы «обрывает» процесс правового регулирования, является нарушением социалистической законности, открывает лазейку для незаконных и необоснованных решений, а иногда и для произвола.

---

¹ О целях права (правовых актов) см.: *Рабинович П.М.* О юридической природе целей правовых актов // Правоведение. 1971. № 5. С. 28–35.

² *Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А.* Социалистическая законность в советском государственном управлении. Госюриздат, 1948. С. 64.

³ О гарантиях надлежащего (правильного) применения юридических норм см.: *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53; см. также указ. тезисы И.Я. Дюрягина и М.Ф. Орзиха.

⁴ *Н.Г. Александров.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 165.

Обязанность компетентного органа применять право обеспечивается юридическими гарантиями. Среди них следует указать на обязанность компетентного органа возбудить юридическое дело при наличии определенных обстоятельств (заявление заинтересованной стороны, факта правонарушения и др.), а также на право обжалования действия правоприменительного органа, в том числе и в случаях, когда он отказал в возбуждении юридического дела или вынес решение, которое, по мнению тех или иных заинтересованных лиц, не соответствует требованиям надлежащего применения права.

Вместе с тем нельзя полностью исключать возможность таких случаев, когда компетентный орган вправе не применять юридические нормы. К этим случаям примыкает возможность ограничительного применения юридических норм¹.

Рассматриваемый вопрос является частью более широкой проблемы — проблемы соотношения законности и целесообразности (при их несовпадении). Как уже отмечалось ранее, компетентный орган в принципе обязан до отмены или изменения нормативного акта неукоснительно проводить его в жизнь, хотя с точки зрения тех или иных лиц этот акт и представляется нецелесообразным. Известные нарушения указанного принципа, наблюдаемые в деятельности отдельных хозяйственных органов и исполкомов местных Советов, являются следствием недостаточно высокой юридической культуры некоторых должностных лиц, а также определенным отставанием правотворческой деятельности государственных органов.

Однако было бы неверным упускать из поля зрения и другую сторону рассматриваемого вопроса. Компетентные органы, осуществляющие применение права, — это органы, наделенные государственно-властными полномочиями. Они принадлежат к числу органов, осуществляющих властные функции руководства общественными делами. Следовательно, государство (учитывая особенности субъектов правоприменительной деятельности) может в отдельных случаях допустить ограничительное применение норм права, а иногда и их неприменение.

Когда это может быть? Подчеркнем со всей силой: *только в отдельных случаях*, когда такое применение (или неприменение) прямо соответствует принципам и цели социалистического права или прямо предусмотрено в законодательстве.

---

¹ Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые записки ВИЮН. Вып. 9. Юриздат, 1947. С. 279; О распространительном и ограничительном толковании: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Киев, 1961. С. 33–34.

а) *Неприменение определенных юридических норм в силу прямого указания закона.* Так, по прямому указанию советского уголовного закона судебные органы могут не применять соответствующие нормы уголовного права, в том числе нормы о наказаниях в случаях, когда действие или бездействие, формально содержащее признаки состава преступления, в силу малозначительности не представляет общественной опасности (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР), когда совершенное деяние ко времени рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки потеряло характер общественной опасности или лицо перестало быть общественно опасным (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР), когда будет признано, что лицо, совершившее преступление, в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным (ч. 2 ст. 50 УК РСФСР) и др. Применение или неприменение норм особенной части уголовного права, предусматривающих соответствующие составы преступлений, зависит в указанных случаях от компетентных государственных органов, которые учитывают упомянутые выше обстоятельства.

б) *Неприменение (или ограниченное применение) отдельных юридических норм в силу общих принципов и целей социалистического права.* Так, не могут применяться формально неотмененные юридические нормы в тех случаях, когда из общественной жизни вовсе исчезли факты, которые ранее подпадали под критерий этой нормы¹. Не подлежат применению также формально не отмененные юридические нормы, фактически потерявшие свою силу в результате последующих изменений социально-экономической и политической обстановки и изменения законодательства. Например, в ГК РСФСР 1922 г., который действовал до 1964 г., формально сохранялись юридические нормы, регулирующие частную собственность на средства производства; эти нормы не могли быть применены после полной победы социализма и принятия законов, закрепивших безраздельное господство общественной социалистической собственности в народном хозяйстве.

Могут ли правоприменительные органы, опираясь на свои государственно-властные полномочия, применять юридические нормы также и распространительно? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Распространительное применение возможно только при аналогии. В иных же случаях распространительное применение юридических норм противоречит принципам социалистической законности.

---

¹ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 216.

Вопрос о возможности выхода решения правоприменительного органа за пределы закона получил определенное освещение в литературе. Так, Н.Н. Полянский разграничивает распространительное и расширительное толкование, понимая под последним такое толкование, когда расширяется или сужается действие закона¹. По мнению С.И. Вильнянского, судебная практика может создавать правоположения, обладающие дерогаторной силой по отношению к закону. Эта дерогаторная сила судебной практики «может выражаться: 1) в ограничительном применении закона; 2) в продолжительном неприменении закона; 3) в выработке правоположений, отступающих от закона»². Автор приводит многочисленные примеры, подтверждающие каждый из указанных случаев дерогаторного действия судебной практики, и делает такой вывод: «Во всех указанных случаях судебная практика расходится с отдельным законом или приводит в бездействие отдельный закон. Но судебная практика исходит из общего смысла закона и не должна противоречить общим началам советского законодательства. Расходясь с отдельным устаревшим или нежизненным законом, судебная практика должна стремиться к тому, чтобы законность, подлинная социалистическая законность, была проведена в жизнь»³.

Конечно, с точки зрения современных представлений о соотношении законности и целесообразности довольно легко отвергнуть приведенные положения (в особенности вызывают нарекания попытки оправдать отступления от отдельного закона интересами «подлинной» законности). Однако сложность рассматриваемой проблемы несоизмеримо возрастает, если решать ее применительно к деятельности юрисдикционных органов при пробелах в законодательстве, его отставании от требований жизни. Иными словами, нужно различать принципиальное решение вопроса от решения, учитывающего состояние законодательства. Видимо, в последнем случае нельзя полностью отвергать необходимость дерогаторного действия судебной практики, по крайней мере, судебной практики, выраженной в нормативных постановлениях центральных юрисдикционных органов.

Что же касается современных условий, когда существовавшее ранее отставание законодательства от требований жизни в значительной степени ликвидировано, то, надо полагать, сама постановка вопроса о дерогаторном значении судебной практики оказывается лишеной оснований. В настоящее время роль юридической (судебной) практики связана только с конкретизацией юридических норм, осуществляющейся в процессе толкования нормативных юридических предписаний, а также восполнением пробелов в праве.

7. Правоприменительная деятельность. Ее процедурно-процессуальные формы. Применение права — это сложное, «многоаспектное» со-

---

¹ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956. С. 146; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 166.

² Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. Вып. 9. 1947. С. 278.

³ Там же. С. 282.

циально-правовое явление, характеризующееся прежде всего его существенными функциями в процессе правового регулирования (обеспечительной и индивидуально-регулятивной). Если же рассматривать применение права только со стороны его фактического содержания, его особенностей как системы организационных действий компетентных органов, то оно охватывается особым понятием — «правоприменительная деятельность»¹.

Правоприменительная деятельность — это организационное выражение применения права, представляющее собой систему различных правоприменительных действий основного и вспомогательного характера.

Применение права — длящаяся во времени деятельность. Она складывается из последовательной, взаимообусловленной системы действий, отдельных операций, образующих стадии применения права (гл. XXXII). Иначе говоря, правоприменительная деятельность всегда представляет собой процесс.

Нередко правоприменительная деятельность образует *сложный, многоступенчатый процесс* (например, при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел, исполнении обвинительных приговоров)². Причем на каждой ступени происходят относительно законченные правоприменительные действия, завершающиеся принятием тех или иных решений компетентными органами, отдельными должностными лицами. Однако, если перед нами единая цепь правоприменительных действий, посвященных одному предмету (юридическому делу), то в этой цепи следует выделять укрупненные стадии и среди них — прежде всего решение юридического дела в целом.

От правоприменительной деятельности как процесса следует отличать *процедурно-процессуальные* формы этой деятельности.

Процедурно-процессуальные формы правоприменительной деятельности выражаются в регламентированном правом порядке совершения правоприменительных действий, обеспечивающем надлежащее (правильное) применение права, т.е. его законность, обоснованность, целесообразность. Процедурно-процессуальная форма характеризуется наличием прав участников правоприменительного процесса, а так-

---

¹ Горшенев В.М., Дюрягин И.Я. Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. 1969. № 5. С. 21–22.

² В.В. Лазарев пишет: «Система правоприменительных органов носит ступенчатый характер... Низшие звенья обеспечивают процесс реализации права гражданами, а высшие, помимо этого, следят за выполнением правовых предписаний подконтрольными им органами» (Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 27).

же гарантий, «стоящих на страже» законности, обоснованности и целесообразности применения норм права¹.

В рамках процедурно-процессуальных форм особо выделяются *процессуальные формы* (в тесном, строгом смысле). Это – формы правоприменительной деятельности, выраженные в порядке разрешения юридических дел при осуществлении социалистического правосудия. Необходимость выделения процессуальных форм (в тесном, строгом смысле) продиктована особенностями правового принуждения. Институты уголовного, гражданского, административного процесса призваны обеспечить применение государственно-принудительных мер в строгих рамках законности и прежде всего достижение истины по каждому делу, а также охрану прав лиц. Это предопределяет своеобразие институтов процессуального права, их «сложность», «громоздкость», наличие в них норм, предусматривающих право по непосредственному участию в рассмотрении дела, право отвода, обжалования и т.д.²

Специфическими чертами отличается и процедура правоприменительной деятельности в случаях, когда последняя сводится к индивидуальному регулированию конкретных общественных отношений (например, в области хозяйственного управления). И здесь должны быть обеспечены законность, обоснованность и целесообразность принимаемых решений. Однако в данной области нет необходимости такой регламентации порядка разрешения дела, какая в сфере процессуального права вызвана особенностями правового принуждения. В то же время процедура индивидуально-регулятивной деятельности правоприменительных органов в определенной мере сходна с правотворческой процедурой: в обоих случаях должен быть обеспечен порядок подготовки и принятия решений, который соответствует началам науки социального управления, необходимости полного и правильного урегулирования общественных отношений.

---

¹ Об особенностях процессуальной формы «вообще» см.: *Горшенев В.М.* Процессуальная форма обеспечения законности в применении права // Юридические гарантии правильного применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности: Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1970. С. 14; см. также: *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 190–191, 202 и сл. Автор, к сожалению, не проводит достаточно отчетливых разграничительных линий между процедурно-процессуальной формой правоприменительной деятельности в целом и процессуальными формами в строгом, тесном смысле.

² Следует учитывать, что и нормы процессуального права, в свою очередь, подлежат применению в деятельности компетентных органов. «Отрицание возможности применения норм процесса, – пишет К.И. Комиссаров, – равносильно отрицанию их способности к принудительному осуществлению, без которого они утратили бы свой правовой характер» (*Комиссаров К.И.* Правоприменительная деятельность суда в гражданском процессе // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 76).

ГЛАВА XXXII

СОДЕРЖАНИЕ И СТАДИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Содержание правоприменительной деятельности. По своему *фактическому* содержанию правоприменительная деятельность складывается из цепи правоприменительных действий, облакаемых в соответствующую процедурно-процессуальную форму. Эти действия имеют «управленческий» характер. Как и любая управленческая деятельность, применение права со стороны своего фактического содержания выражается главным образом в сборе и оценке информации и принятии государственно-властного решения.

В то же время правоприменительная деятельность всегда *правовая* деятельность. Она направлена на обеспечение реализации юридических норм, регламентируется процедурно-процессуальными формами. Основные правоприменительные действия (кроме вспомогательно-технических, а также профилактических, воспитательных) имеют значение юридических фактов: с их совершением юридические нормы связывают возникновение, изменение и прекращение процедурно-процессуальных правоотношений, а с актом применения права — нередко также и движение «материального» регулятивного или охранительного правоотношения.

Характеризуя правоприменительную деятельность в качестве правовой, необходимо видеть и то, что правоприменительные органы, осуществляя управленческие, социально-политические функции, выполняют также профилактические, воспитательные задачи. Хотя их выполнение и выходит за рамки «чисто» правоприменительных операций, профилактическая, воспитательная деятельность компетентных органов накладывает свою печать и на действия по применению юридических норм (например, в предмет доказывания входят существенные обстоятельства, выяснение которых вызывается необходимостью решения задач профилактического, воспитательного порядка¹).

---

¹ *Осипов Ю.К.* Совершенствовать формы и методы профилактической работы по предупреждению гражданских правонарушений // Советская юстиция. 1967. № 9; *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 73–75.

Правоприменительная деятельность может быть охарактеризована под углом зрения *его интеллектуально-волевого содержания*.

Интеллектуальная сторона содержания правоприменительной деятельности состоит в том, что она построена на отражении фактов объективной действительности и, следовательно, на их познании. Последнее включает установление фактических обстоятельств дела, а также уяснение содержания правовых предписаний, применяемых к данным обстоятельствам.

Волевая сторона содержания правоприменительной деятельности состоит в «самом» государственно-властном решении юридического дела. Наиболее ярко и выпукло она выражается в решениях, направленных на индивидуальное регулирование общественных отношений (например, в приговорах по уголовным делам, содержащих конкретную меру наказания за совершенное преступление).

Обе стороны интеллектуально-волевого содержания правоприменительной деятельности взаимосвязаны. Познание фактов действительности дает необходимую информацию для принимаемого решения, которое всегда опирается на данные, полученные в результате познания фактов.

2. Юридическое познание. Его особенности и разновидности. Интеллектуальная сторона применения права состоит в *познании* фактов объективной действительности, которое образует специфический вид познавательной деятельности — юридическое познание.

Как уже отмечалось, юридическое познание, основанное на марксистско-ленинской теории отражения, относится к *специальному*, т.е. такому, которое (как, например, врачебная диагностика) осуществляется в рамках практической деятельности и для нее. Юридическое познание не ставит своей целью выяснение закономерностей данных явлений, их глубинной социально-политической, экономической сущности¹, в то же время оно и не является стихийно-случайным (бытовым), а носит направленный характер, нацелено на изучение данных фактов, обстоятельств в связи с практическими задачами — применением юридических норм². Таким образом, юридическое познание имеет ограниченный предмет и сравнительно ограниченные задачи. Кроме

---

¹ С.В. Курылев пишет: «Суд — не научное учреждение, а орган государства, занимающийся практической деятельностью; его задача заключается в правильном применении закона к установленным обстоятельствам дела, закона, в котором объективирована познанная законодателем общественно-политическая сущность явлений общественной жизни» (Курылев С.В. Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 5).

² О.В. Иванов справедливо обращает внимание на то, что «судебное познание, являясь специфическим видом человеческой познавательной деятельности, занимает как бы

того, этот вид познания (особенно судебное) характеризуется особыми способами, приемами, формами установления фактов, которые в той или иной мере получают регламентацию в законодательстве.

Не будучи теоретическим (в строгом смысле), юридическое познание в социалистическом обществе опирается на данные науки. Руководящее значение здесь, как и вообще в познании объективной действительности, имеют диалектический метод, марксистско-ленинская теория отражения. Использование диалектического метода обеспечивает уяснение содержания юридических норм, исследование и оценку всех полученных фактических данных в их взаимной связи, выделение случайного и необходимого, разграничение существенных и формальных моментов и т.д.

Юридическое познание складывается из двух главных разновидностей: во-первых, из познания права, правовых предписаний, образующих юридическую основу применения, и, во-вторых, из познания фактических обстоятельств дела. Оно, следовательно, образует один из общих, «сквозных» элементов применения права — интеллектуальную сторону его содержания.

Юридическое познание может быть: а) непосредственным и б) опосредствованным¹.

Непосредственное познание (когда чувственно воспринимаемый предмет сам является предметом познания) в области применения права имеет весьма узкое значение. Сюда может быть отнесено, например, восприятие судом в процессуальных формах юридических фактов-состояний, которые продолжают действовать и в момент рассмотрения данного юридического дела и которые непосредственно познаются судом (например, непосредственное установление судом «на месте» характера изолированности спорной комнаты, ее положения как проходной и др.).

промежуточное положение между житейским и научным познанием» (*Иванов О.В.* Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. Изд-во МГУ, 1964. С. 26).

Отмечая своеобразие познания в области процессуальной деятельности, И.М. Лузгин вместе с тем правильно считает, что ошибочно устанавливать особенности практического познания путем его *противопоставления* научному познанию (*Лузгин И.М.* Исследование как процесс познания. М., 1969. С. 9—10).

¹ *Курылев С.В.* Доказывание и его место в процессе судебного познания // Труды Иркутского государственного университета. Т. 3. Сер. Юридическая. 1955. С. 38—54; *Он же.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ, 1969. С. 9 и сл.; *Дорохов В.Я., Николаев В.С.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1959. С. 34—40; *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 12—13.

Определяющая роль в юридическом познании принадлежит опосредствованной деятельности. Так, при установлении фактических обстоятельств дела «воспроизведение действительности» происходит при помощи других фактических данных — доказательств. И это вполне понятно. Обстоятельства дела, устанавливаемые правоприменительными органами, относятся (кроме фактов-состояний) к прошлому. И они, как правило, могут быть «воспроизведены» при помощи определенной информации — отпечатков, следов, оставленных ими на вещах, в памяти людей и т.д. Опосредствованный характер имеет и юридическое познание правовых норм — толкование: оно осуществляется через словесно-языковую, документальную форму, форму юридического изложения и т.д.

3. Принцип объективной истины. Это *выраженное в социалистическом праве требование, согласно которому решение правоприменительного органа должно полно и точно соответствовать объективной действительности.* Надлежащее (правильное) применение юридических норм обеспечивается тогда, когда юридическое познание осуществляется в строгом соответствии с принципом объективной истины. Непосредственным выражением этого принципа является обязанность правоприменительных органов (судов, следственных органов, арбитража и др.) принять все необходимые и доступные меры для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела, прав и обязанностей субъектов, правового значения фактов (см., в частности, ст. 16 Основ гражданского судопроизводства).

Принцип объективной истины является *общим* принципом юридического познания, применения права. Не только судебные органы по уголовным и гражданским делам, но и все органы, деятельность которых связана с применением права, должны руководствоваться принципом объективной истины, рассматривать достижение объективной истины в качестве ближайшей цели разрешения юридических дел.

Принцип объективной истины, будучи юридическим принципом, с философской стороны обосновывается марксистско-ленинской теорией познания (отражения), в частности философскими положениями о познаваемости мира, о достоверности человеческих знаний, об их объективном характере независимо ни от человека, ни от человечества. «Быть материалистом, — писал В.И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств»¹. Объектив-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 134.

ная истина — это такое содержание человеческих знаний, которое «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»¹. Истина по юридическим делам в полной мере соответствует такому общему философскому понятию объективной истины. Она понимается как правильное отражение в нашем сознании обстоятельств дела, включая их юридическое значение. С этой точки зрения вполне целесообразно применение для характеристики истины по юридическим делам философского термина «объективная истина»².

Предметом истинных суждений при применении юридических норм являются все факты объективной действительности, связанные с юридическим делом. Понятие же объективной действительности охватывает не только сами по себе «голые» факты, но и их социально-правовое значение (в том числе общественную опасность противоправных деяний)³. К фактам объективной действительности относятся также самое право, права и обязанности субъектов⁴. Словом, предме-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

² В юридической литературе истина по юридическим делам иногда обозначается иным термином — «материальная истина» (см., например: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955. С. 51; *Он же.* Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1958. С. 76 и сл.). Хотя такая терминология имеет некоторые достоинства (здесь отменяется тот факт, что истина в нашем праве не является формальной), она все же менее приемлема, чем термин «объективная истина». И не только потому, что последний из указанных терминов непосредственно связывает юридические категории с философскими, но и потому, что подчеркивает объективный характер наших знаний, получаемых при разрешении юридических дел. По мнению ряда авторов, «употребление термина «материальная истина» не создает каких-либо удобств, а, напротив, в силу его двусмысленности может породить лишь досадное недоразумение вроде того, что под истиной, устанавливаемой следователем и судом, могут понимать истину лишь в пределах «материалов уголовного дела», хотя бы они неполно и неточно отражали происшедшее в действительности» (Теория доказательства в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 65).

³ *Воробьев Г.А.* К вопросу о содержании истины в советском уголовном процессе // Ученые записки. Вып. 14. Харьков, 1960. С. 169–178; *Пашкевич П.Ф.* Объективная истина в уголовном судопроизводстве. Госюриздат, 1961. С. 21; Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 72 и сл. В последней из приведенных работ, в частности, указывается: «В действительности процесс установления фактических обстоятельств дела и той нормы, которой они предусмотрены, представляют единое, неразрывное целое» (С. 76). По мнению В.Н. Кудрявцева, «установление истины по уголовному делу включает и решение вопроса о квалификации содеянного» (*Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 51).

⁴ *Гурвич М.А.* Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 100–101; *Недбайло П.Е.* При-

том истинных суждений при применении права является все то объективное в наших знаниях, которое составляет содержание правоприменительной деятельности¹.

Вместе с тем в предмет объективной истины *не входит волевая сторона правоприменительной деятельности*². Государственно-волевое решение правоприменительного органа основывается на истинных суждениях о фактах объективной действительности, но само по себе оно выражает творчески-организующие (и, следовательно, субъективные) моменты применения права. Это относится, в частности, к волевой стороне решений, направленных на индивидуальное регулирование общественных отношений (например, при определении меры наказания по уголовным делам)³.

Истина по юридическому делу должна быть *полной, точной, действительной*, т.е. *объективной* истиной в самом строгом, философском значении этого слова; знания правоприменительного органа об обстоятельствах дела должны полно и точно соответствовать «оригиналу» — реальным фактам объективной действительности в их правовом значении⁴.

менение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. Он пишет: «Юридическая значимость фактов общественной жизни является объективным их свойством, которое должно получить отражение в сумме знаний, составляющих объективную истину» (С. 228).

¹ Авторы, которые относят принцип объективной истины только к самим по себе («голым») фактам (*Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955. С. 64–65; Советское гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. К.С. Юдельсона. М.: Юрид. лит., 1965. С. 48; *Курьлев С.В.* Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 6–10; *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 38 и сл.), не учитывают того обстоятельства, что социально-правовое значение фактов, правоотношение, да и само право составляют объективную действительность, социальную реальность.

Волевое содержание права вовсе не устраняет его объективного характера (как полагает, например, К.И. Комиссаров). Именно для того, чтобы юридические нормы смогли выполнить свою функцию по управлению общественными процессами, они должны быть познаны при применении права в соответствии с требованием объективной истины.

² Как справедливо подчеркивает О.В. Иванов, в содержание истины по юридическому делу не входит разрешение дела по существу. «Разрешение гражданского или уголовного дела по существу не есть процесс познания; это осуществление судом его властных функций...» (*Иванов О.В.* Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. Изд-во МГУ, 1964. С. 35).

³ Как полагает большинство авторского коллектива книги «Теория доказательств», «в содержание объективной истины по уголовному делу входит не конкретная мера наказания, а вид и характер наказания в пределах санкции, предусмотренной уголовным законом» (Указ. соч. С. 96).

⁴ *Осипов Ю.К.* К вопросу об объективной истине в судебном процессе // Правоведение. 1960. № 2. С. 123.

Вместе с тем следует учитывать два существенных обстоятельства. *Во-первых*, в соответствии с особенностями познания, осуществляемого в процессе применения права, объективная истина по юридическому делу носит ограниченный по содержанию характер. В отличие от теоретического познания здесь не ставится задача выявить все свойства, связи и опосредования фактов, установить объективные закономерности явлений, их глубинную социально-политическую, экономическую сущность и т.д. В литературе правильно обращено внимание на то, что «истина в судебном исследовании с точки зрения содержания устанавливаемых в ней явлений имеет строго определенные, очерченные законом рамки и не является безграничной и всеобъемлющей»¹.

Правоприменительный орган «не претендует на раскрытие закономерностей развития явлений окружающего мира», «ему не нужна систематизация знаний об этих явлениях и развития знаний о них вглубь»². Кроме того, в некоторых областях права (в частности, гражданско-процессуальном) в соответствии с принципом допустимости доказательств может случиться так, что действительный факт отвергается судом в связи с отсутствием доказательств определенного вида (например, письменных доказательств, удостоверявших факт заключения договора). И хотя в конечном счете принцип объективной истины торжествует³, перед нами в данном конкретном случае все же определенное отступление от рассматриваемого принципа⁴.

---

¹ Старченко А.А. Проблемы объективной истины в теории уголовного процесса // Вопросы философии. 1956. № 2. С. 111.

² Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. Изд-во МГУ, 1964. С. 26; Павлов С. Уголовное правосудие Народной Республики Болгарии. Иностран. лит., 1954. С. 157; Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 226–227.

³ М.А. Гурвич пишет по рассматриваемому вопросу: «Угрозой отказа в судебной защите не оформленным надлежащим образом юридических действий достигается такое их в массовом масштабе оформление, при котором отказ в защите прав за их недоказательностью допустимым доказательством становится величиной, не подлежащей учету (*quantité négligeable*). Торжествует принцип объективной истины, а не исключительные по значению и ничтожные по количеству отступления от него» (Гурвич М.А. Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 104).

⁴ Кроме того, применительно к фактическим обстоятельствам дела «факты в пользу подсудимого», а также некоторые другие обстоятельства могут быть установлены на основе вероятности (например, оправдательный приговор по уголовному делу по мотиву недоказанности). Причем вероятностные суждения, как показал С.В. Курылев, являются здесь не просто догадками, «а формой знаний о явлениях и связях объективной деятельности» (Курылев С.В. Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 13).

Во-вторых, фактически в отдельных случаях возможны отступления от принципа объективной истины в силу определенных внешних и субъективных причин. Не все работники правоприменительных органов проявляют надлежащую тщательность при решении юридических дел. Существуют подчас определенные трудности в самих условиях юридической работы. Отрицательно сказывается на результатах юридической работы и то, что в отдельных областях применения права (например, в области административного процесса) еще нет достаточно четкой правовой регламентации, направленной на обеспечение принципа объективной истины. Все это иногда приводит к ошибкам при решении юридических дел, к недостижению объективной истины.

Учитывая последнее из указанных обстоятельств, в законодательстве предусмотрены *юридические гарантии*, которые призваны обеспечить достижение в конечном счете объективной истины по каждому юридическому делу, а также устранить возможные нарушения этого принципа. К таким гарантиям относятся в частности: установление строгой юридической обязанности правоприменительных органов принимать все необходимые меры для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела; уголовная ответственность свидетелей за заведомо ложные показания, экспертов — за заведомо ложные заключения и т.д.; институты обжалования и опротестования решений правоприменительных органов, а также — пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам и др. В законодательстве предусмотрен порядок отвода судей, прокурора и некоторых других участников процесса в случае, если они лично заинтересованы в решении дела.

Необходимость строгого проведения принципа объективной истины — это одно из оснований высоких требований, предъявляемых к деловым, моральным и чисто личным качествам юридических работников. Высокая преданность своему государственному и общественному долгу, принципиальность, последовательная верность делу строительства коммунизма, вместе с тем кристальная честность, беспристрастность, добросовестность — все это предопределяет успех в той кропотливой, напряженной, сложной работе, которая связана с отысканием объективной истины по юридическим делам. Существенное значение имеют здесь глубокая философская и специально-юридическая подготовка, практические навыки, отточенный профессионализм, которые в сочетании с жизненным опытом являются необходимыми условиями, позволяющими юридическим работникам (в своей деятельности

постоянно опирающимся на помощь и содействие трудящихся, общественности) решать самые сложные по юридическому и фактическому содержанию дела.

В литературе, посвященной процессуальному праву, идет спор о природе объективной истины, устанавливаемой по юридическим делам. В самом деле, какова эта истина, если рассматривать ее с позиций общесоциологического учения об абсолютной и относительной истине? Абсолютная? Относительная?

Спор о природе истины по юридическим делам идет уже давно, мнения разных авторов разделились (многие авторы считают истину по юридическим делам абсолютной, но есть и такие, которые склонны считать ее относительной). И это обстоятельство само по себе вынуждает задуматься над тем, не справедливо ли мнение ученых, полагающих, что категории «абсолютная истина и относительная истина» неприменимы к истине, устанавливаемой правоприменительными органами (судом)¹.

В самом деле, познание, осуществляемое в процессе правоприменительной деятельности, относится к специальному, преследующему строго определенные, сравнительно ограниченные практические задачи. Категории же «абсолютная истина и относительная истина» выработаны применительно к теоретическому познанию. Они призваны отразить глубину познания объективной действительности, степень проникновения в закономерности явлений. Причем абсолютная истина — это та, которая дает всестороннее, исчерпывающее знание окружающего нас мира, охватывает абсолютную истину «сразу, целиком, безусловно, абсолютно»².

Авторы, решающие рассматриваемый вопрос по принципу «или — или» (или абсолютная, или относительная истина), упускают из поля зрения, помимо всего прочего, те практические выводы, которые вытекают из отстаиваемых ими концепций. Если признавать истину по юридическим делам «абсолютной», то это не только входит в противоречие с характером истины по юридическим делам («самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда не закончен»³), но и лишает какого-либо смысла существование системы обжалования и опротестования юрисдикционных решений, требует от последних того, что они не могут, да и не должны давать. С другой стороны, если считать истину по юридическим делам «относительной», то это явно подрывает авторитет юрисдикционных решений, дает основания для предположения, что истина по юридическим делам является неточной, приблизительной.

Видимо, если уж признать правомерной постановку вопроса об абсолютной и относительной истине применительно к юридическим делам, то наи-

---

¹ Ривлин А.Р. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1951. № 11. С. 49–52.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

³ Там же. Т. 29. С. 162.

более приемлемым окажется вывод, согласно которому истина по юридическим делам представляет собой диалектическое единство абсолютной и относительной истин¹. Но такого рода вывод по существу снимает поставленную выше проблему (не говоря уже о том, что и здесь не учитывается своеобразие познания, осуществляемого в ходе применения права). Как пишет Н.Г. Александров, «при применении норм права речь идет не о решении философского вопроса о полной познаваемости мира, не о соотношении абсолютной и относительной истин в таком познании, а об объективной истине к о н к р е т н о г о ж и з н е н н о г о ф а к т а, который может и должен быть установлен именно с объективной достоверностью»².

Есть еще один вариант использования категории «абсолютная истина» для характеристики юридического познания. Это признать, что самое понятие «абсолютная истина» имеет два значения: оно может пониматься не только в смысле глубинном, философском, но и в смысле «знания относительно какого-либо фрагмента действительности...» в смысле истины-факта³. Но и такой подход снимает указанную выше проблему, ибо «абсолютная истина-факт» не что иное, как знание, объективно верно отражающее факты действительности. И ничего больше. Стало быть, и здесь устраняется сама постановка вопроса о соотношении абсолютной и относительной истин, вопроса, который и вызвал к жизни понятие абсолютной истины.

Следует думать, что спор о природе истины по юридическим делам носит в значительной степени искусственный характер. Философские категории, выработанные применительно к теоретическому познанию, не всегда можно непосредственно распространять на частные случаи человеческой деятельности. С этой точки зрения, как отмечено в литературе, «применение категорий абсолютной и относительной истин к результатам судебного познания, как и к частным результатам любого рода познания вообще, не оправдано, ибо, говоря словами Ф. Энгельса, «неумно употреблять большие слова относительно простых вещей (Диалектика природы. Госполитиздат, 1946. С. 169)»⁴.

С практической же стороны существенное значение имеет обоснование того, что истина по юридическим делам является объективной, что она пра-

---

¹ *Чечот Д.М.* Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве: Материалы межвузовского научного совещания. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 64; *Ульянова Л.Т.* Оценка доказательств судом первой инстанции. Госюриздат, 1959. С. 60–61; *Осипов Ю.К.* К вопросу об объективной истине в судебном процессе // Правоведение. 1960. № 2. С. 127–129; *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. Госюриздат, 1961. С. 68; *Иванов О.В.* Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. Изд-во МГУ, 1964. С. 48–50.

² *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 163.

³ *Курьлев С.В.* Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 10.

⁴ *Иванов О.В.* Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. Изд-во МГУ, 1964. С. 51.

вильно, объективно верно отражает объективную действительность, т.е. является полной и действительной истиной по делу¹.

Прав Ю.К. Осипов, когда пишет, что «в вопросе о характере истины в судебном процессе практически важно не то, является ли она абсолютной или относительной (такая постановка вопроса в данном случае практически вряд ли уместна), а то, что она является объективной истиной, т.е. представляет собой соответствие выводов суда, содержащихся в приговоре или решении, действительности»².

4. Основные стадии применения права. Это *относительно обособленные группы правоприменительных действий (операций), выражающие развертывание содержания правоприменительной деятельности.*

Стадии применения права соответствуют стадиям любой управленческой деятельности. Они охватывают: 1) сбор и оценку информации, 2) принятие решения (команду), 3) обеспечение его реализации³. Вместе с тем здесь необходимо учитывать своеобразие применения права, т.е. тот факт, что оно представляет собой весьма специфическую «специализированную» управленческую деятельность.

Прежде всего применение права – лишь стадия сложного процесса реализации юридических норм. Функции его – обеспечительные, индивидуально-регулятивные. Поэтому, в частности, фактические действия по реализации правоприменительного акта выходят за сферу применения: они включаются в завершающую фазу реализации юридических норм – в осуществление прав и обязанностей субъектов⁴.

Далее. Перед нами – *применение права*. Компетентный орган не просто принимает решение на основе определенной информации. Основной источник принимаемого решения – юридические нормы, в которых выражены решения общего (программного) значения. По-

---

¹ А. Ривлин справедливо пишет: «Истина в уголовном процессе представляет собой полное и правильное отражение в судебном приговоре фактов объективной действительности во всей их общественно-политической сущности и в правовом значении и тогда это объективная истина, либо не представляет собой такого отражения – и тогда это не истина вообще» (Ривлин А.Р. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1951. № 11. С. 52).

² Осипов Ю.К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе // Правоведение. 1960. № 2. С. 129.

³ Основин В.С. Основы науки социального управления. Изд. Воронеж. ун-та, 1971. С. 141 и сл.

⁴ Лазарев П.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 7, 36.

этому исходным компонентом применения права является не только познание его фактической основы — установление фактических обстоятельств, но прежде всего познание его юридической основы — действующей системы юридических норм.

Наконец, применение права представляет собой *единый процесс*. Здесь даже не всегда удается разделить отдельные правоприменительные действия во времени. На практике отдельные действия, совершаемые в процессе применения права, «очень близки друг к другу, взаимно переплетаются и обусловливают друг друга»¹.

Особо важно указать на единство фактических и юридических основ правоприменительной деятельности. Для того, чтобы выбрать и проанализировать норму права, необходимо опираться на определенные факты, круг которых может быть правильно установлен только тогда, когда уже известно, что они имеют юридическое значение и, следовательно, уже общим образом выбрана юридическая норма. На практике применение права представляет собой непрерывный, все более углубляющийся процесс юридического познания, в ходе которого происходит обращение то к фактам, то к юридическим нормам: на основе анализа норм возникает необходимость более глубоко исследовать фактические обстоятельства; анализ же фактических обстоятельств вынуждает вновь обратиться к нормам, уточнить отдельные юридические вопросы и т.д.

Вместе с тем логически не только возможно, но и необходимо подразделить правоприменительную деятельность на отдельные стадии, что позволяет обстоятельнее рассмотреть процесс применения права, подробнее изучить все его детали.

Все правоприменительные действия можно подразделить на *три* основные стадии:

1. У с т а н о в л е н и е ф а к т и ч е с к и х о б с т о я т е л ь с т в д е л а. Сюда относятся действия, касающиеся анализа фактов (доказательства, процесс доказывания и т.д.), т.е. информации о фактах.

2. В ы б о р и а н а л и з н о р м п р а в а (у с т а н о в л е н и е ю р и д и ч е с к о й о с н о в ы д е л а). Эту стадию образуют действия с самими юридическими нормами — нахождение точного текста нормативного акта, проверка его юридической силы, толкование акта и др. К данной стадии примыкают действия, связанные с восполнением пробелов в праве.

---

¹ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. Госюриздат, 1962. С. 26.

3. Решение дела, выраженное в акте применения права. Здесь на основе анализа фактов и юридических норм выносится решение по юридическому делу, которое выражается в правоприменительном акте. Решение облекается в определенную форму и практически проводится в жизнь.

Первые две из указанных стадий носят в значительной степени подготовительный характер. Они выражают главным образом юридическое познание и образуют основу для применения — фактическую (первая стадия) и юридическую (вторая стадия). Завершается применение решением дела, которое и является, собственно, применением права как таковым.

Весьма интересно, что указанные основные стадии в общем соответствуют структуре правового предписания. Два основных элемента правового предписания (гипотеза, с одной стороны, а с другой — диспозиция или санкция) совпадают с двумя стадиями применения права подготовительного характера¹.

Кроме указанных основных стадий применения прав, необходимо указать на *дополнительные стадии*. Ими являются, например, правовосполнительные действия правоприменительного органа при пробелах в праве. Дополнительный характер носят также действия по обеспечению исполнения правоприменительного акта.

Некоторые авторы рассматривают последнюю из указанных стадий в «одном ряду» с основными этапами применения права². Между тем в той мере, в какой исполнение решения правоприменительного органа вообще относится к применению права, оно неотделимо от итоговой, заключительной стадии правоприменительной деятельности — решения дела, выраженного в правоприменительном акте³. Особо ярко это проявляется в области правосудия, ко-

---

¹ *Курылев С.В.* Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1967. С. 6–7.

² *Михаляк Я.С.* Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1963. С. 42; *Корнев А.П.* Применение норм советского административного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1971. С. 14 и другие авторы.

³ Здесь важно обратить внимание на то, что «основные стадии» призваны выразить главные стороны правоприменительной деятельности. Они представляют собой своего рода «пункты сосредоточения» разнообразных действий по применению права. Так, толкование (уяснение) юридических норм, несомненно, представляет собой самостоятельное действие в процессе воплощения правовых предписаний в жизнь. Однако оно входит в орбиту операции по выбору и анализу юридической нормы. Существенное значение в процессе применения права имеет юридическая квалификация фактов. Но и она не составляет основной стадии, так как юридическая квалификация — это су-

торое завершается вынесением правоприменительного решения. К тому же дополнительные действия по организации применения права нередко представляют собой особые, самостоятельные акты применения права¹. В остальном же, как уже отмечалось, исполнение решения представляет собой «обычную» реализацию, в частности использование субъективного права, исполнение юридических обязанностей².

шественный момент как на стадии выбора и анализа нормы, так и на стадии решения дела (причем в зависимости от того, к какой стадии относится юридическая квалификация, меняется и ее правовая природа).

Основные стадии выражают *логику применения права* — те узловые моменты, которые отражают и ее социально-юридические функции, и ее организующее, творческое содержание. См. по этому вопросу: *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 192.

¹ Аналогичного взгляда придерживаются В.М. Горшенев и И.Я. Дюрягин. Они пишут: «Хотя «последующей организацией» обычно занимается сам орган, вынесший правоприменительный акт, тем не менее ее проводят и другие органы, которые в связи с выполнением предписаний первого акта нередко принимают новые правоприменительные акты» (*Горшенев В.М., Дюрягин И.Я.* Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. 1969. № 5. С. 23).

² Не образует самостоятельной стадии толкование нормативных предписаний: оно включается в стадию выбора и анализа норм (*Элькин П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 63).

ГЛАВА XXXIII

УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

1. Фактическая основа применения права. Обстоятельства дела. Применение юридических норм направлено на обеспечение их реализации по отношению к данному конкретному случаю, складывающемуся из определенных фактов, которые образуют *фактическую основу применения права*.

Без фактической основы применение права невозможно. Марксистско-ленинская теория вообще требует построить все выводы в теории и практической деятельности на твердом основании проверенных фактов. «...Необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, — говорил В.И. Ленин, — что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*...»¹. Это требование в полной мере относится и к специфической области социального управления — к применению права. Как довольно точно подмечено в литературе, «установление и юридический анализ фактических обстоятельств подобны медицинскому диагнозу, в соответствии с которым затем подбирается лекарство и ведется процесс лечения»².

Установление фактических обстоятельств представляет собой в значительной степени «предварительную» стадию в процессе применения права. Фактические обстоятельства являются той основой, фактической базой, в отношении которой затем применяются юридические нормы. Вместе с тем анализ фактов на определенной ступени (в частности, когда происходит оценка доказательств) неразрывно связан с решением юридического дела по существу³.

В процессе применения права компетентные органы имеют дело со многими фактами действительности. Сюда относятся, в частности,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 134.

² Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 220.

³ Этого не учитывают авторы, которые пытаются «вывести» установление фактических обстоятельств дела из сферы применения права (см., например: *Курылев С.В.* Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 6–7). Да и вообще своеобразие познавательного процесса, в результате которого устанавливаются обстоятельства дела, обусловлено как раз тем, что он в качестве составного элемента входит в систему применения права. Отсюда специфика юридического доказывания, проблема юридических доказательств, их относимости и т.д.

разнообразные доказательства, сведения о фактах (например, показания свидетелей, данные экспертизы и др.). К фактической же основе применения права принадлежат лишь обстоятельства дела, т.е. факты самого случая, события, в отношении которого применяются юридические нормы. В конкретных юридических науках обстоятельства дела иногда получают и иное терминологическое обозначение. Нередко они называются «главным фактом» или «обстоятельствами, подлежащими доказыванию». Термин «главный факт», широко используемый в уголовном процессуальном праве, оттеняет значение обстоятельства дела как фактов, образующих само содержание данного события¹.

Существо фактов, образующих обстоятельства дела, в значительной степени зависит от основания применения юридических норм. В области правоохранительной деятельности (при устранении препятствий в реализации права, при установлении юридической ответственности) это главным образом определенные *юридические факты*, в частности правонарушения (преступления и проступки)². Однако обстоятельства дела не могут быть сведены только к юридическим фактам. В особенности это касается правоприменительной деятельности, направленной на индивидуальное регулирование общественных отношений. Здесь в фактическую основу правоприменительной деятельности входит более широкий круг фактических обстоятельств, включая такие объективные явления, как социально-политическая обстановка, объективные закономерности общественного развития и др. Например, при издании актов планирования компетентные органы опираются не только на такие факты, как заявки, разнарядки и т.д., но и на факты более широкого социального значения — спрос населения, тенденции в уровне потребления.

Рассмотрение применения права в качестве своеобразной разновидности социального управления дает возможность охарактеризовать установление фактических обстоятельств дела с точки зрения *теории информации*³. Как и всякая управленческая деятельность, применение права должно основываться на полной, достоверной, надлежащим об-

---

¹ Возражения против конструкции «главный факт» см.: *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ, 1969. С. 51–52. О ценности этой конструкции см.: *Белкин Р.С.* Собрание, исследование и оценка доказательств. Наука, 1966. С. 20.

² *Курылев С.В.* Указ. соч. С. 38 и сл.

³ О значении для установления обстоятельств дела теории информации (правда, вне связи с проблемами социального управления) см.: Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 250 и сл.; *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 167–215 и другие авторы.

разом оцененной информации, призванной раскрыть обстоятельства дела, «реконструировать» факты прошлого, обеспечить предвидение последствий правоприменительной деятельности.

2. Обоснованность применения права и обстоятельства дела. Качество («добротность») деятельности правоприменительного органа по установлению фактов — обстоятельств дела — предопределяет реальное проведение в жизнь важнейшего требования правоприменения — требования обоснованности¹.

Для того чтобы применение права было обоснованным, обстоятельства дела должны отвечать следующим критериям:

а) *Юридическое значение (юридическая относимость) фактов.* Фактические обстоятельства, подлежащие установлению, берутся в связи с нормами права, правовым регулированием. Поэтому к обстоятельствам дела относятся не все абсолютно факты, характерные для данного события, а лишь те из них, которые могут иметь значение для решения дела (а также для выполнения профилактических, воспитательных задач).

Конечно, заранее определить юридическую относимость фактов не всегда представляется возможным. Да и вообще в интересах объективной истины нередко при применении права приходится брать фактические обстоятельства с «запасом». Но все же содержание юридической нормы всегда определяет объективные пределы того фактического материала, который может иметь юридическое значение. Вот почему, например, уголовно-процессуальное законодательство прямо определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, и др. (ст. 68 УПК РСФСР).

б) *Полнота фактов.* При применении права факты должны быть взяты с максимально возможной полнотой. В.И. Ленин обращал внимание на то, что «факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»². Источник многих ошибок при применении права кроется как раз в том, что тот

¹ Необходимость строгого проведения требования обоснованности и предопределяет наряду с другими моментами выделение установления фактических обстоятельств дела в качестве особой стадии применения права.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

или иной случай рассматривается односторонне, упускаются из поля зрения его важнейшие стороны и связи.

в) *Истинность и достоверность фактов.* Факты — обстоятельства дела — должны рассматриваться такими, какими они есть или реально были в действительности. В соответствии с началами социалистической законности ни одно решение правоприменительного органа не может быть основано на неточных или непроверенных фактах. Решение правоприменительного органа должно быть также и аргументированным, что делает факты не только истинными, но и достоверными¹.

3. Юридические доказательства. Это *фактические данные (сведения), которые используются для установления обстоятельств дела в соответствии с принципом объективной истины.* В законодательстве, в теории и на практике особо выделяются судебные доказательства — важнейшая разновидность юридических доказательств, используемых в предусмотренных законом процессуальных формах.

Главная функция юридических доказательств, как и вообще любых доказательств, состоит в том, чтобы *установить объективную истину* и тем самым предопределить обоснованность принимаемого решения. Разумеется, не следует абсолютизировать термин «доказательство». Так, при совершении ряда актов применения права, направленных на индивидуальное регулирование общественных отношений (например, актов планирования в области народного хозяйства, актов по распределению жилья в домах государственного фонда и др.), соответствующие фактические данные обычно и не рассматриваются в качестве доказательства. Однако по своей главной функции они все же являются именно юридическими доказательствами по существу, так как фактические данные являются средством и источником сведений, информации о фактах. Они направлены на то, чтобы «воспроизвести» действительную картину нужных объективных фактов в соответствии с принципом объективной истины.

Наряду с указанной общей чертой (направленность на достижение объективной истины) юридические доказательства характеризуются и рядом специфических признаков.

1) По своей цели юридические доказательства направлены на то, чтобы *установить обстоятельства юридического дела.* Они потому и называются юридическими, что используются в области права; ими оперируют заинтересованные лица при рассмотрении юридических дел, при их помощи устанавливаются те фактические обстоятельства, кото-

---

¹ Эйман А.А. Вопросы предупреждения преступности: Сборник. М.: Юрид. лит., 1965. С. 83.

рые кладутся в основу принимаемых решений. Указанная черта определяет некоторые особенности юридических доказательств, в частности применение к ним принципов относимости и допустимости.

2) Юридические доказательства — это *фактические данные, которые являются средством установления фактов — обстоятельств дела*. Если охарактеризовать юридические доказательства в общем виде, то можно сказать, что это *сведения о фактах (обстоятельствах дела), охватываемых понятием «информация»*. Простые, логические доказательства (аргументы) могут выражаться в чисто логических приемах доказывания, опирающихся, в частности, на законы формальной логики. В области же права доказательствами выступают (как это записано в законе применительно к судебным доказательствам) «фактические данные» — данные информационного порядка. Слова «фактические данные» свидетельствуют о том, что здесь речь идет не о всяких аргументах, а о «данных», касающихся фактов, т.е. сведениях о фактах, информации о них.

Понятие юридического доказательства (в общем понимаемое как сведения об обстоятельствах дела) вместе с тем рассматривается в законодательстве, теории и на практике в *двух основных значениях*.

А) Доказательство как источник сведений об определенных фактических обстоятельствах¹. В этом значении «фактические данные» рассматриваются в качестве *средства доказывания*. Здесь доказательства берутся с точки зрения способа получения фактических данных информации о фактах. Это — показания свидетелей, показания потерпевшего, заключения экспертов, письменные доказательства, вещественные доказательства и др.

Б) Доказательство как объективное содержание сведений, т.е. существо самих фактических обстоятельств. Фактические данные рассматриваются здесь с точки зрения самих объективных фактов, полученных из определенных источников, — фактов, из которых правоприменительные органы делают выводы о других (искомых) фактах — обстоятельствах дела. В таком значении под фактическими данными понимаются *доказательственные факты*. Это то объективное содержание сведений, которое можно найти в показаниях свидетелей (например, факт услышанного свидетелем разговора между обвиняемым и потерпевшим), следы определенного воздействия на вещи (например, факт определенных повреждений в доме) и т.д.

---

¹ В юридической литературе наряду с характеристикой доказательств, как источником сведений, выделяется также категория *источников доказательств*. Это люди, располагающие определенными сведениями о фактах, и вещи, сохранившие на себе следы определенного воздействия или сами являющиеся следами известных событий.

Указанные два значения понятия доказательства выражают хотя и общие (в смысле сведений об обстоятельствах дела), но вместе с тем и различные явления. В одном случае оно касается источников сведений, т.е. источников отражения фактов в зрительных впечатлениях, вещественных следах и т.п.; в другом — перед нами объективное содержание сведений, на основе которых делаются выводы об обстоятельствах дела. «Доказательственные факты таковы и их ровно столько, сколько их было в действительности»¹. Доказательства же в смысле источников сведений (средств доказывания) разнообразны, их может быть больше или меньше, они могут быть более или менее точными.

Таким образом, если доказательства можно рассматривать в качестве сведений (информации) о фактах, то при более детальном анализе единое понятие доказательства как бы разъединяется на два: с одной стороны, оно охватывает сами факты (доказательственные факты), а с другой — источники сведений о фактах². И то и другое подпадает под общую формулу закона (применительно к судебным доказательствам) — «фактические данные»³.

---

¹ *Чечот Д.М.* О сущности судебных доказательств и форме их использования // Вестник ЛГУ. 1964. № 11. С. 99.

² *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1958. С. 160–161; *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. Госюриздат, 1960. С. 51; *Чечот Д.М.* О сущности судебных доказательств и форме их использования // Вестник ЛГУ. 1964. № 11. С. 99–100 и др.

Следует заметить, что в теории и практике термину «доказательственные факты» придается иногда более узкое значение. Под ними понимаются не сами по себе факты, содержащиеся в сведениях, а лишь те из них, которые устанавливаются при помощи средств доказывания и являются «промежуточным звеном» между доказательствами и обстоятельствами дела. Иными словами, речь идет о тех случаях, когда обстоятельства дела устанавливаются через ряд других фактов. «Нередко, — пишет К.И. Комиссаров, — в процессе доказывания вкрапливаются промежуточные факты и в таком случае путь познания становится более сложным: он идет от сведений к промежуточным фактам, а уже от последних — к фактам искомому» (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 50).

³ Ю.К. Осипов справедливо подчеркивает, что хотя закон и разграничивает сведения о фактах «и средства, с помощью которых они получаются из источников доказательств (средств доказывания), тем не менее практически они настолько тесно связаны между собой, что использование их в отрыве друг от друга немислимо. Не случайно в законе и судебной практике они обычно употребляются как синонимы» (Советское гражданское процессуальное право. М.: Юрид. лит., 1965. С. 143). «Фактические данные и источники объединены в одном понятии доказательства как два его необходимых элемента. Источник и фактические данные, взятые сами по себе, в отрыве друг от друга не образуют доказательства» (Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. Юрид. лит., 1966. С. 256).

Наряду с указанными выше признаками и особенностями судебные доказательства как разновидность юридических доказательств имеют еще один специфический признак, относящийся к их форме. Для судебных доказательств характерна *особая процессуальная форма их использования*, которая обеспечивает наиболее эффективное достижение объективной истины в соответствии с началами социалистического правосудия.

Теория юридических доказательств разработана в литературе главным образом применительно к судебным доказательствам. В ряде интересных и содержательных трудов юристов социалистических стран, в том числе М.С. Строговича¹, А.И. Трусова², К.С. Юдельсона³, С.В. Курьлева⁴, Ю.К. Осипова⁵, К.И. Комиссарова⁶, С. Павлова⁷, коллективов авторов⁸, выдвинуты плодотворные положения, характеризующие сущность судебных доказательств, их отдельные разновидности и т.д. Главное, что следует отметить в этой разработке, состоит в творческом применении для решения вопросов судебных доказательств достижений философской мысли, марксистско-ленинской теории познания.

Решение некоторых сложных вопросов теории судебных доказательств в процессуальной науке имеет и общетеоретическое значение. Это относится, в частности, к понятию судебного доказательства. В настоящее время многие авторы правильно охватывают этим понятием как доказательственные факты, так и источники сведений о них. Попытки же свести рассматриваемое понятие к одному из указанных значений (например, к одним лишь доказательственным фактам)⁹ не получили общей поддержки.

¹ *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955; *Он же.* Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1958.

² *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. Госюриздат, 1960.

³ *Юдельсон К.С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. Госюриздат, 1951; Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. Госюриздат, 1956.

⁴ *Курьлев С.В.* Сущность судебных доказательств // Труды Иркутского госуниверситета. Т. 17. Сер. Юридическая. Вып. 2. Иркутск, 1956; *Он же.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ, 1969.

⁵ *Осипов Ю.К.* Основные признаки судебных доказательств // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 8. 1968; Советское гражданское процессуальное право. М.: Юрид. лит., 1965.

⁶ *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 49–101.

⁷ *Павлов С.* Уголовное правосудие Народной Республики Болгарии. Инстр. лит., 1954.

⁸ См. коллективный труд: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966.

⁹ См., например: *Голунский С.А.* Новые Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1959. № 2. С. 55; *Галкин Б.А.* Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962. С. 172–178.

Верно по этому вопросу говорит М.С. Строгович: «...Источник доказательств всегда есть доказательство, так как ничем другим, как доказательством, нельзя что-либо доказать, а при помощи таких источников (показаний свидетелей и др.) доказываются существование или несуществование фактов, имеющих значение для дела»¹.

Следует признать плодотворной мысль ряда авторов и о том, что в общем виде доказательств следует рассматривать в качестве сведений (информации) о фактах². Такое понимание доказательств полностью соответствует философской теории отражения, теории информации³. Не нужно только слову «сведения» придавать субъективный оттенок: сами доказательственные факты — это тоже сведения об обстоятельствах дела⁴. Тогда отпадут те возражения, которые сделаны в литературе против указанной выше обобщенной характеристики доказательств⁵.

Вместе с тем в настоящее время еще далеко не все вопросы юридических (судебных) доказательств решены нашей наукой. Нужно еще проделать значительную работу, связанную с тем, что долгое время книга А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств» рассматривалась в качестве единственного собрания безусловных истин (хотя она написана под несомненным влиянием буржуазных концепций и содержит прямые ошибки по ряду существенных вопросов).

Некоторые специальные вопросы теории судебных доказательств до сих пор остаются спорными, окончательно не решенными (например, вопрос

---

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1958. С. 162; См. также: *Чечот Д.М.* О сущности судебных доказательств и форме их использования // Вестник ЛГУ. 1964. № 11. С. 90–100. Д.М. Чечот правильно замечает: «...какое-либо противопоставление фактических обстоятельств источникам сведений об этих обстоятельствах теоретически неосновательно, а практически очень опасно» (С. 99). Автор указывает, что при таком противопоставлении пришлось бы коренным образом пересмотреть ряд категорий (в том числе институты допустимости и обеспечения доказательств, их классификацию). Об единстве фактических данных и их источнике говорит и В.Я. Дорохов (Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 110 и сл.).

² См. соображения Ю.К. Осипова в учебнике: Советское гражданское процессуальное право. М.: Юрид. лит., 1965. С. 143–145; *Дорохов В.Я.* Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 115.

³ Такая идея выражена и в монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (М.: Юрид. лит., 1966. С. 250 и сл.).

⁴ Общим понятием сведений информационного порядка охватываются доказательственные факты, выступающие в качестве промежуточного этапа в процессе юридического познания. Вот почему представляется излишним добавление в определение судебных доказательств к слову «сведения» слов «...или сами факты» (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 56).

Эти «сами факты» лишь характеризуют процесс движения (формирования) сведений информационного порядка в сложных случаях юридического познания.

⁵ Субъективный оттенок словам «сведения о фактах» придает Р.Д. Рахунов (О понятии доказательства и главном факте доказывания // Советское государство и право. 1965. № 12. С. 97–98).

о том, является ли признаком доказательств их связь с искомым фактом — обстоятельствами дела)¹.

Основная проблема (если рассматривать доказательства в общетеоретическом плане) состоит в разработке *общей теории юридических доказательств*. Задача состоит не только в том, чтобы объединить разработку судебных доказательств, проводимую в науках гражданского и уголовного процессуального права, а также охватить теоретическим анализом и иные виды юридических доказательств², но и в том, чтобы продолжить эту разработку на основе общих вопросов теории права и прежде всего вопросов применения права, органически увязанной с *теорией информации* (рассматриваемой под углом зрения науки управления)³ как специфической разновидности социального управления.

4. Доказывание. Доказывание (в широком смысле) — это *деятельность субъектов, направленная на установление с помощью юридических доказательств истинности обстоятельств дела*.

Юридические доказательства являются только средствами, при помощи которых «воспроизводятся» — «реконструируются» обстоятельства дела. Само же по себе установление обстоятельств дела представляет собой деятельность субъектов, направленную на отыскание объективной истины. Эта деятельность и представляет собой *доказывание*.

Доказывание является исследовательской деятельностью, образующей самое содержание опосредствованного юридического познания. Ее результатом является воспроизведение действительности, реконструкция всех обстоятельств дела, которые необходимы для применения юридических норм и которые образуют фактическую основу применения права. Следовательно, доказывание не сводится просто к логическому аргументированию (хотя оно и имеет существенное

¹ См. по этому вопросу прямо противоположные позиции, занимаемые, с одной стороны, С.В. Курьлевым (Сущность судебных доказательств // Труды Иркутского государственного университета. Т. 17. Сер. Юридическая. Вып. 2. 1956. С. 38—64), а с другой — Д.М. Чечот (О сущности судебных доказательств // Вестник ЛГУ. 1964. С. 95—96).

² Д.М. Чечот отмечает: «...юридические доказательства используются в различных несудебных органах по-разному, и практика их использования еще ждет своего изучения» (там же. С. 100).

В этой связи, например, представляют интерес особенности доказательств при решении дел, связанных с социальным обеспечением (Тарасова В.А. Доказательства в области социального обеспечения // Советское государство и право. 1972. № 6. С. 32 и сл.).

³ Перспективу использования теории информации для исследования доказательств недооценил С.В. Курьлев (см.: *Он же*. Установление истины в советском правосудии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1967. С. 27—28). Впрочем, позицию автора можно в какой-то степени понять, так как он исходил из такой трактовки информации, которая опирается на данные биологии и других естественных наук. Между тем для доказательств имеет значение теория информации, *рассматриваемая под углом зрения науки социального управления*.

значение)¹, доказывание выражается в таком использовании юридических доказательств, в результате которого оказываются выявленными обстоятельства дела и, стало быть, завершается первая стадия процесса применения права — устанавливается его фактическая основа.

Предметом доказывания являются обстоятельства юридического дела (обстоятельства, образующие состав преступления; факты основания иска и возражений против него и др.), а также другие существенные обстоятельства, установление которых необходимо для решения дела и выполнения профилактических, воспитательных задач. Предмет определяет пределы доказывания, т.е. круг обстоятельств, которые необходимо установить для юридического дела.

Некоторые факты, относящиеся к обстоятельствам дела, не нуждаются в доказывании. К ним принадлежат факты, устанавливаемые правоприменительным органом в процессе непосредственного юридического познания. По определенным делам (в особенности по гражданским) не подлежат доказыванию также факты:

- общеизвестные, т.е. факты, известные широкому кругу людей;
- преюдициальные, т.е. факты, которые установлены вступившим в законную силу решением юрисдикционного органа и которые поэтому обязательны при вынесении решения и данным органом;
- презюмируемые, т.е. факты, существование или несуществование которых предполагается установленным, поскольку доказаны другие, находящиеся с ним в связи.

Процесс доказывания складывается из следующих основных этапов:

а) *Определение круга фактов, подлежащих доказыванию.* Это, так сказать, предварительный этап, когда определяется объем искомого фактического материала, т.е. предмет доказывания. Разумеется, не всегда с самого начала удастся с исчерпывающей полнотой установить круг искомых фактов. Нередко в процессе доказывания возникает необходимость привлечения для решения дела новых фактов. Однако невозможно начать доказывание, если предварительно не выяснено, «что же надо искать», «что устанавливать».

б) *Собирание и процессуальное закрепление доказательств.* Этот этап характеризует, так сказать, черновую работу по добыванию доказательств — того исходного фактического материала, который затем служит базой для исследования доказательств и логических выводов, непо-

---

¹ О логической стороне доказывания при установлении фактических обстоятельств см.: Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971.

средственно касающихся обстоятельств дела. Добывание доказательств начинается с их обнаружения, собирания и завершается процессуальным закреплением доказательств (если таковое требуется). Именно на данном этапе доказывания имеют существенное значение вопросы относимости доказательств (т.е. о том, имеют ли доказательства значение для решения дела), их допустимости (т.е. допустимости доказательств в соответствии с требованиями закона).

в) *Исследование доказательств.* Сюда входят действия субъектов, направленные на выяснение достоверности и достаточности доказательств. Для того чтобы доказательства могли выполнить свои функции (установить обстоятельства дела), они должны не только быть правильными, истинными (достоверными), но и в своей совокупности обеспечивать возможность достижения истины по делу, т.е. быть достаточными¹.

Существенным моментом в исследовании доказательств является их проверка, которая достигается путем критического рассмотрения каждого доказательства, выявления новых доказательств, сопоставления всех добытых по делу фактических данных.

г) *Оценка доказательства.* Это заключительный этап доказывания (в широком смысле), когда на основе исследования доказательств делается вывод о существовании или несуществовании обстоятельств дела. По сути дела, оценка доказательств тесно связана с их исследованием, является итогом их проверки². Существенно новое состоит здесь в том, что мысль лиц, исследующих доказательства, констатируя надлежащую относимость, достоверность и достаточность доказательств, как бы выходит за их пределы и на основе достоверных и достаточных фактических данных делается вывод о самих обстоятельствах дела³.

Оценка доказательств в конечном счете смыкается с решением данного юридического дела по существу. Именно здесь проявляется

¹ *Осинов Ю.К.* Основные признаки судебных доказательств // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 8. 1968. С. 386—387.

² Рассмотрение оценки доказательств в качестве заключительного этапа доказывания вовсе не исключает того, что эта оценка «присутствует» и на других стадиях доказательственной деятельности. Если же сводить оценку доказательств только к определению их относимости, достоверности и достаточности (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 96), то тогда она вообще выступает в качестве существенного момента всех стадий доказательственной деятельности.

³ По мнению Р.С. Белкина и А.И. Винберга, проверка достоверности содержания доказательственной информации не входит в оценку доказательств (*Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 199). Это мнение встретило обоснованные возражения в литературе (Советское государство и право. 1970. № 3. С. 150).

единство всех стадий процесса применения права. Так, обсуждение судом уголовного или гражданского дела в совещательной комнате и вынесение приговора или решения состоит в значительной степени в оценке доказательств, которые были рассмотрены и исследованы в ходе судебного заседания.

Таковы основные этапы доказывания, рассматриваемого в широком смысле. Здесь мы брали доказывание в качестве первой стадии процесса применения права. Применение же права осуществляют особые органы, наделенные соответствующими государственно-властными полномочиями. Поэтому *субъектами доказывания (в широком смысле) являются правоприменительные органы, обеспечивающие установление обстоятельств дела.*

В области уголовного права при установлении фактических обстоятельств решающую роль играют специальные следственные органы, входящие в систему милиции, прокуратуры, Комитета государственной безопасности. Добытые следственными органами фактические данные затем исследуются, проверяются и окончательно оцениваются судом, который на их основе выносит решение (приговор). Для обеспечения эффективного и быстрого установления обстоятельств дела по преступлениям в юридической практике выработан целый арсенал технических средств и приемов, способов и методов расследования, которые теоретически обобщаются и развиваются особой юридической наукой — криминалистикой.

Доказывание может рассматриваться и в узком смысле. В законодательстве, на практике и в теории под доказыванием нередко понимают *деятельность по представлению доказательств, по участию в их исследовании и оценке.* В таком (узком) смысле понятие доказывания довольно близко к понятию логического доказывания, т.е. аргументирования, когда оно состоит в деятельности по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц¹.

Именно в узком смысле употребляется понятие «доказывание» в законодательстве, когда речь идет о бремени доказывания (т.е. распределении обязанностей по доказыванию), о субъектах доказывания. Дей-

---

¹ Вместе с тем и здесь нельзя сводить доказывание только к «мыслительным действиям». Это все же внешне объективированные процессуальные действия по представлению и получению определенных данных для установления истины (Курьев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ, 1969. С. 29–32).

К тому же, как правильно указывается в литературе, «доказывание всегда коммуникативно, оно обеспечивает переход знания от одного к другому, обращено к третьим лицам...» (Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 22).

ствительно, если субъектом установления обстоятельств дела в процессе применения права является правоприменительный орган, то представлять доказательства, участвовать в их исследовании и оценке, логически «оперировать» ими могут и другие субъекты. Так, субъектами доказательственной деятельности в области гражданского процесса являются стороны, третьи лица, их представители, органы государственного управления, представители общественности, прокурор. В уголовном процессе наряду с субъектами, на которых лежит обязанность доказывания, выделяются также субъекты, которые обязаны лишь участвовать в доказывании (адвокаты, представитель обвинения, потерпевший и др.), и субъекты, которые могут участвовать в доказывании, но которые не обязаны делать это (обвиняемый, подозреваемый, гражданский истец и ответчик).

Необходимость широкого и узкого понимания доказывания не всегда учитывается в литературе. Отдельные авторы пытаются свести рассматриваемое понятие только к одному из двух указанных значений.

Так, по мнению С.В. Курьлева, доказывание не охватывает оценку доказательств, а представляет собой «деятельность участников дела и суда по представлению и исследованию доказательств»¹. Близкую позицию занимает А.А. Эйсман, полагающий, что «доказывание... представляет собой такую форму передачи мыслей, знаний, при которой всякое утверждение обосновывается доказательствами и в силу этого приобретает достоверный, убедительный характер»². Такое узкое понимание доказывания, имеющее весьма важное значение по практическим соображениям, не исключает необходимости конструирования и более широкого понятия доказывания. Последнее становится совершенно необходимым, если рассматривать доказывание с точки зрения процесса применения права, его первой стадии (установление фактических обстоятельств). Доказывание здесь не может быть сведено только к представлению и исследованию доказательств, оно охватывает в данном случае само содержание процесса опосредствованного юридического познания, установления истинных обстоятельств дела.

В зависимости от того, рассматривается ли доказывание в широком или узком смысле, по-разному решаются многие вопросы теории доказательств. Вот, например, спорный вопрос — входит ли оценка доказательств в процесс доказывания? Да, входит, если речь идет о доказывании в смысле установления обстоятельств дела. Нет, не входит, если речь идет о процессуальном доказы-

---

¹ Курьлев С.В. Доказывание и его место в процессе судебного познания // Труды Иркутского государственного университета. Т. 13. Сер. Юридическая. 1955. С. 67.

² Эйсман А.А. О понятии вещественных доказательств и их соотношении с доказательствами других видов // Вопросы предупреждения преступности: Сборник. Вып. 1. М.: Юрид. лит., 1965. С. 84.

вании в узком смысле. Субъектом установления истинных обстоятельств дела являются суд и другие правоприменительные органы. Субъекты процессуального доказывания — все участники процесса при рассмотрении данного дела.

К сожалению, некоторые авторы вообще не приводят достаточно четких разграничений между доказыванием в широком и узком смыслах. Видимо, отсюда и возник в литературе по гражданскому процессуальному праву вопрос о том, является ли суд субъектом доказательственной деятельности. Так, К.С. Юдельсон, определяя доказывание как деятельность по установлению истины, затем убеждает читателя в том, что и суд является субъектом доказывания¹. Но по этому вопросу никаких аргументов и не нужно, ибо, как верно заметил С.В. Курылев, при указанном выше (широком) понимании доказывания следует «прийти к выводу, что единственным субъектом доказывания является суд»². Нет нужды и для обоснования того, что суд является субъектом доказывания также в том случае, когда последнее рассматривается в узком смысле, ибо доказательственная деятельность суда (причем в значительно большем объеме) уже отражена в положении о том, что суд является единственным субъектом установления обстоятельств дела в процессе применения права³. К тому же утверждение о суде как субъекте доказывания (в узком смысле) вообще несколько принижает роль суда, ставит его в области доказательственной деятельности на одну плоскость со сторонами и иными субъектами⁴ (хотя суд в процессе юридического познания никому никаких доказательств не представляет, а собирает, оценивает их, устанавливает истинные обстоятельства дела).

---

¹ Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. Госюриздат, 1952. С. 32, 81 и сл.

² Курылев С.В. Доказывание и его место в процессе судебного познания // Труды Иркутского государственного университета. Т. 13. Сер. Юридическая. 1955. С. 63.

³ Этого не учитывает С.В. Курылев, когда он все же относит суд к субъектам процессуального доказывания (Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ, 1969. С. 33).

⁴ Щеглов В.И. К вопросу о понятии доказывания в советском гражданском процессе // Труды Томского государственного университета. Т. 137. Томск. С. 77—80.

ГЛАВА XXXIV ВЫБОР И АНАЛИЗ НОРМ ПРАВА

1. Юридическая основа применения права. Если фактическую основу применения права образуют определенные жизненные факты (обстоятельства дела), то его юридическую основу — само право — юридические нормы. Только нормы права (а не что-либо другое, например, правоотношения) могут быть в условиях строгой социалистической законности юридической основой для применения¹.

Юридические нормы — это то, *что* применяется (тогда как обстоятельства дела — это то, *к чему* применяется, т.е., по существу, объект применения). В зависимости от содержания юридических норм в конечном итоге определяется и фактическая основа применения — обстоятельства дела, их характер и круг.

Действия правоприменительного органа, относящиеся к выбору и анализу юридических норм, носят разнородный характер. Они могут быть подразделены на четыре основные группы:

- а) выбор юридической нормы, подлежащей применению;
- б) проверка подлинности и юридического действия нормы;
- в) проверка правильности текста акта, в котором выражена норма;
- г) уяснение содержания нормативного предписания.

В некоторых случаях, кроме того, необходимы дополнительные действия, связанные с применением права при пробелах (гл. XXXV).

Действия, образующие в своей совокупности вторую стадию процесса применения права, так же как и установление фактических обстоятельств дела, по своему главному содержанию выражают специальное юридическое познание. Только объектом познания явля-

---

¹ В данном случае наглядно проявляется то несомненное обстоятельство, что ценность общих теоретических конструкций легко проверяется при решении частных вопросов. Какие бы внешне убедительные доводы ни проводились в защиту положения, согласно которому понятие права наряду с нормами охватывает правоотношения, несостоятельность такой конструкции становится очевидной, как только предпринимается попытка проверить ее при решении вопроса о применении права. В самом деле, в соответствии с упомянутой концепцией оказывается, что правоприменительные органы... применяют правоотношения. Но можно ли *применять* правоотношения? Достаточно подобным образом поставить проблему, чтобы стала ясной бесплодность воззрения, включающего в понятие права также и правоотношения.

ются здесь не фактические обстоятельства дела, а сами юридические нормы.

Вместе с тем, так же как установление фактических обстоятельств, это не само по себе познание, а специфическая процессуально-процедурная деятельность (включающая к тому же и такие особые действия, как проверка подлинности и правильности текста нормативного акта).

Вместе с установлением фактических обстоятельств выбор и анализ норм права носят в значительной степени «подготовительный» характер. Они призваны подготовить правильное и точное решение юридического дела.

2. Выбор юридической нормы. При применении права необходимо из всей системы социалистического права выбрать именно ту норму, которая подлежит применению к данному конкретному случаю¹. Каким же образом происходит этот выбор?

Выбор юридической нормы — это деятельность правоприменительного органа, *неразрывно связанная с установлением обстоятельств юридического дела*. Установление юридически значимых фактов невозможно без выбора необходимой нормы и, наоборот, отыскание нужной нормы немыслимо без установления обстоятельств дела. Правильно пишет П.Е. Недбайло: «...фактически процесс применения правовых норм начинается с установления фактов, требующих правового решения, а логически он начинается с выбора нормы, в соответствии с которой квалифицируются факты, т.е. идет от нормы к жизненным фактам...»².

Порядок (последовательность) действий по применению права практически не вызывает затруднений по той причине, что установление фактов и отыскание нормы представляют собой длящийся процесс, в ходе которого приходится обращаться то к фактическим обстоятельствам, то к нормативному материалу.

---

¹ В.В. Лазарев добавляет к этому, что на данной стадии необходимо определение и всех тех норм, которыми придется руководствоваться в течение всего процесса применения права, а также нахождение и проверка имеющих юридическое значение актов толкования (*Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 47—48).

² *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 221. Трудно, однако, согласиться с автором, утверждающим, что установление фактов и выбор нормы — «это одновременный акт, одна, единая и исходная стадия процесса применения правовых норм» (там же. С. 223). Несмотря на неразрывную связь, установление фактов и выбор нормы находятся в разных плоскостях правоприменительных действий и потому логически они относятся к разным стадиям применения права.

Применение права на первых двух стадиях и представляет собой деятельность, в результате которой шаг за шагом идет процесс юридического познания, происходит углубление знаний, относящихся к фактическому материалу, с одной стороны, и юридическим нормам — с другой.

Выбор юридической нормы (в связи с установлением обстоятельств дела) осуществляется путем правовой квалификации фактов.

3. Правовая квалификация. Это *юридическая оценка всей совокупности фактических обстоятельств дела путем отнесения данного случая к определенным юридическим нормам.*

Правовая квалификация представляет собой одно из главных «чисто» правоприменительных действий. Здесь оценка доказательств *перерастает в юридическую оценку* всех фактических обстоятельств, которая органически связана с решением юридического дела¹.

Более того, окончательная правовая квалификация фактов происходит в результате решения юридического дела, образует важный конститутивный момент решения². При решении дела окончательно выбирается юридическая норма, подлежащая применению. На первых же стадиях применения права осуществляется лишь предварительная квалификация, в результате которой определяется круг обстоятельств (предмет доказывания) и общим образом — нужная юридическая норма. Здесь происходит лишь «первая примерка фактов к норме и, наоборот, нормы — к фактам»³.

Правовая квалификация выражается в следующих трех основных действиях:

а) *определение отрасли права*, нормы которой регламентируют данный случай (например, при установлении факта причинения вреда, подлежащего возмещению, необходимо сначала установить, в рамках «режима» какой отрасли должно происходить возмещение — гражданского права, трудового права, права социального обеспечения);

б) *определение общей юридической конструкции* правоотношений, что приводит к установлению вида отраслевого института, охватывающего данный случай (например, при возмещении вреда в гражданско-пра-

¹ По мнению К.И. Комиссарова, в области гражданского судопроизводства «чисто» правоприменительная деятельность подразделяется на два основных этапа: юридическую квалификацию спорного правоотношения и решение дела» (*Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 114.*)

² «Квалификация, — пишет В.Н. Кудрявцев, — ближе всего стоит к последней стадии процесса применения норм права: принятию решения и изданию акта, закрепляющего это решение» (*Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. Госюриздат, 1961. С. 15.*)

³ *Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 254.*

вовом порядке — либо института страхования, либо института гражданской ответственности);

в) *установление точной нормы*, распространяющейся на данный случай (например, при гражданской ответственности — либо общая норма по возмещению внедоговорного вреда; либо норма, предусматривающая ответственность, возникшую вследствие причинения вреда источником повышенной опасности; либо норма, распространяющаяся на причинение вреда несовершеннолетними, и т.д.)¹.

Таким образом, отыскание точной нормы предполагает уже достаточно полное установление фактических обстоятельств дела, знание отдельных их сторон, особенностей².

Правовая квалификация сопряжена с отнесением данного случая к тому или иному виду юридических фактов³. Вместе с тем главным в правовой квалификации является *нахождение точной юридической конструкции* для рассматриваемых отношений, а затем — конкретной нормы.

В ходе (или завершении) процесса установления фактов и выбора точной нормы возможна переквалификация фактов, когда на основании тщательного исследования обстоятельств дела оказывается, что последние подпадают под иную норму, чем это было определено при первоначальной квалификации⁴.

¹ Процесс правовой квалификации может быть подразделен и на более дробные этапы. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, поиск правовой нормы при решении уголовного дела распадается на: 1) упорядочение установленных фактических данных и выделение в них юридически значимых признаков; 2) выявление всех возможных конструкций, которые соответствуют фактическому материалу; 3) определение смежных составов; 4) выбор одного состава, признаки которого соответствуют содеянному (Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 199—202).

² Отметив, что правовая квалификация «является тем самым рубежом, на котором определяется правовое значение объективно совершающихся событий и действий», К.И. Комиссаров пишет: «Здесь в своих рассуждениях суд идет от частного факта к предположению, что он является правовым, а затем, следуя путем дедукции, сначала устанавливает отрасль права, к которой относится спорное правоотношение, а потом уже находит конкретную норму, подлежащую применению в данном случае» (Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 115).

³ А.Ф. Черданцев полагает даже, что «алгоритм для общей юридической квалификации дает нам классификацию юридических фактов» (Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 59). Думается, однако, такая постановка проблемы несколько упрощает ее. Решающим (даже при общей квалификации) является определение отрасли права и нахождение юридической конструкции.

⁴ По мнению А.Ф. Черданцева, кроме позитивной, следует выделять также негативную квалификацию, на основе которой компетентные органы применяют юридические нормы. В частности, отказывают в иске, восстанавливают на работе незаконно уволенного работника и т.д. (Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 115—116).

Итак, неверно было бы представлять действие правоприменительного органа по правовой квалификации в качестве разового акта. Это сложная, подчас длительная деятельность, связанная с установлением обстоятельств дела, выбором нормы, ее толкованием.

Но так или иначе юридическая норма на определенном этапе применения права оказывается выбранной. И тогда необходимо приступить к иным «операциям», относящимся к рассматриваемой стадии применения права и прежде всего — к проверке подлинности и юридического действия нормы, а также правильности текста нормативного акта, в котором выражена норма.

4. Проверка подлинности и юридического действия нормы (высшая критика). Эта проверка направлена на то, чтобы определить, существует ли реально выбранная норма и позволяют ли юридические свойства нормы распространить ее на данный жизненный случай. Словом, здесь проверяются юридическое существо нормы, сама возможность ее распространения на определенные обстоятельства дела. Отсюда и название такого рода проверки — высшая критика нормы.

«Критика нормы (нормативного акта)» — это специальный термин, заимствованный из исторической науки и филологии. Несмотря на определенные возражения, сделанные в литературе¹, следует думать, что такая специальная терминология (если придавать ей надлежащий смысл) может быть использована. Да она и правильна по существу, ибо при проверке нормы (нормативного акта) главное — это ее критическая оценка, обеспечивающая правильное применение права. Помимо выигрыша, происходящего от всякой специальной терминологии, указанный термин полезен потому, что он нацеливает работников практики на тщательное и внимательное рассмотрение каждой юридической нормы (нормативного акта). Он как бы говорит: «прежде чем применить норму, следует ее «покритиковать», тщательно, всесторонне, с разумной придирчивостью проверить возможность ее применения к данному случаю; и это явится одним из условий, обеспечивающих высокое качество работы правоприменительных органов».

Высшая критика юридической нормы включает в себя проверку по трем основным моментам:

а) *Проверка подлинности нормы.* Это удостоверение того факта, что текст нормы, находящийся в распоряжении правоприменительного органа, точно соответствует тексту оригинала в последней редакции. Таковым является официальный текст, т.е. текст, который содержится

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. С. 280–281.

в официальных изданиях, в частности в установленных формах официального опубликования нормативных актов («Ведомости Верховного Совета СССР» — СП СССР), в последних официальных изданиях нормативных актов — кодексов, отдельных законов. По существу официальный характер носит помещение текстов нормативных актов в информационных изданиях ведомств. На практике широко распространены различные сборники нормативных актов, изданные государственными издательствами; тексты нормативных актов помещаются также в юридических журналах. Практически тексты этих неофициальных изданий также идентичны оригиналам¹. Однако в каждом случае сомнения в подлинности текста, помещенного в неофициальных сборниках и журналах, необходимо обращаться к официальному изданию.

б) *Проверка правомерности акта, содержащего норму.* Такая проверка необходима в отношении отдельных видов подзаконных актов, а именно — общих актов, изданных отдельными ведомствами, местных актов, ведомственных и внутриорганизационных актов. В ходе указанной проверки должно быть установлено, правомерен ли данный акт с точки зрения компетенции органа, издавшего акт, соответствует ли он требованиям закона по своему содержанию, соблюдены ли порядок издания и форма его выражения. Иными словами, здесь устанавливается законность акта, его соответствие законам, указам, постановлениям правительства. Что же касается последних из упомянутых нормативных актов (законов, указов, постановлений правительства), то правоприменительный орган не управомочен на их проверку. Проверка их может быть осуществлена лишь в порядке конституционного надзора, определяемого нормами государственного права.

В случае установления правоприменительным органом незаконности нормативного акта (на проверку которого он уполномочен) должен быть в предусмотренном порядке поставлен вопрос об отмене акта или приведении его в соответствие с законом; решение же юридического дела должно быть произведено на основании «законных» источников права (причем в правоприменительном акте следует указать мотивы, по которым сомнительный акт исключен из нормативного материала)².

---

¹ В основу решения не может быть, однако, положено изложение содержания нормативного акта, хотя бы оно и было помещено в официальном органе (например, в газете «Известия» или в юридическом журнале). Поэтому более целесообразным является опубликование в газетах и журналах точных текстов нормативных актов или выдержек из них.

² *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 119—120. Автор правильно указал на ошибочность ранее высказанного мною мнения о том, что в указанном случае производство по делу должно быть приостановлено.

в) *Проверка юридического действия нормы с точки зрения времени, пространства и распространения ее на тех или иных лиц.* Существенное значение при такой проверке принадлежит выяснению того, действует ли данная норма, т.е. вступила ли она в силу и не отменена ли она. При этом в ряде случаев приходится решать довольно сложные вопросы, связанные с обратной силой нормативного акта, его «переживанием» и т.д.

В ходе проверки юридического действия нормы должны быть разрешены и все коллизионные вопросы. Для этого уже на данной стадии приходится особо применять коллизионные нормы, регулирующие выбор между законами различных территорий, и законами, сменяющими друг друга.

5. Проверка правильности текста нормативного акта (низшая критика). После критической оценки подлинности и юридического действия нормы необходимо проверить ее изложение в тексте нормативного акта. Здесь уже ставятся более узкие задачи — проверке подлежит лишь внешняя сторона словесного изложения нормы в нормативном акте. В соответствии с этим проверка текста называется низшей критикой.

Исходное положение, определяющее содержание и пределы низшей критики, состоит в том, что текст нормативного акта в принципе является *незыблемым и непререкаемым*. Поэтому правоприменительный орган не вправе производить какие-либо изменения текста нормативного акта по существу, в том числе вносить в текст редакционные изменения и поправки (хотя бы тем или другим лицам представлялось, что законодатель допустил ошибки редакционного характера).

В результате проверки правильности текста по существу решается один вопрос — *устраняются погрешности, допущенные при напечатании (перепечатывании) текста нормативного акта*, т.е. погрешности полиграфического или машинописного порядка. Это — опечатки, искажения отдельных слов или фраз, пропуски в тексте.

Практически указанные погрешности могут встретиться при перепечатке текста нормативного акта, в особенности в неофициальных изданиях. Иногда они встречаются в официальных изданиях (например, в Уголовном кодексе издания 1942 г. в примечании к ст. 193¹⁴ вместо слова «принявшие» по ошибке было напечатано слово «применявшие»). В особо тщательной критической проверке нуждаются тексты нормативных актов, перепечатанные на машинке, на ротапинтере. Текст нормативного акта при машинописном его размножении должен быть сверен с подлинником и заверен соответствующими должностными лицами.

В тексте нормативного акта могут встретиться явные противоречия, несообразности. Например, в тексте ст. 405 ГК РСФСР 1922 г. было указано, что за вред, причиненный несовершеннолетними, ответственность могут нести родители и опекуны; между тем в соответствии с гражданским законодательством частичную недееспособность несовершеннолетних восполняют не опекуны, а попечители. Такого рода противоречия и несообразности устраняются (точнее — преодолеваются) путем толкования. Как уже отмечалось, правоприменительный орган не вправе в порядке низшей критики вносить в текст нормативного акта какие-либо изменения, хотя бы они были редакционного характера.

6. Уяснение содержания нормативного предписания. Данное уяснение осуществляется путем *толкования*. Здесь, в уяснении (толковании), концентрируется специальное юридическое познание, характерное и для этой стадии применения права.

Уяснение смысла юридической нормы, так же как и ее выбор, осуществляется в неразрывной связи с установлением обстоятельств дела. Фактические обстоятельства являются той предпосылкой, которая нередко направляет мысль интерпретатора на ту или другую часть нормы, ставит перед ним вопросы, дающие возможность раскрыть ее содержание применительно к данным, конкретным обстоятельствам. С другой стороны, в процессе уяснения нормы подчас возникает необходимость обратиться к новым фактам или, напротив, оказывается, что некоторые факты не имеют отношения к юридическому делу.

Юридическое познание, выраженное в уяснении содержания нормативного предписания, является центральным, сквозным моментом, который имеет не только самостоятельное значение, но и пронизывает все иные действия по применению права. Выбор юридической нормы, да и все действия по правовой квалификации фактических обстоятельств неотделимы от толкования соответствующих нормативных предписаний.

Более того, уяснение нормы, так же как оценка доказательств и правовая квалификация, вплотную примыкает к самому решению юридического дела. Здесь уже начинает формироваться та государственно-властная воля, которая составляет содержание правоприменительного акта. Окончательное толкование нормативного предписания дается при решении юридического дела. В правоприменительном акте, кроме того, и внешне выражается то понимание нормативного акта со стороны правоприменительного органа, которое нередко носит характер специального разъяснения.

Важно подчеркнуть, что в процессе выбора и анализа юридической нормы осуществляется не толкование вообще, а *особое, правоприменительное толкование*, органически вплетающееся во властно-организующую деятельность компетентного органа по обеспечению реализации юридических норм, по индивидуальному регулированию общественных отношений.

О специфике правоприменительного толкования уже говорилось (гл. XXX).

Обобщенно наиболее важные черты толкования нормативных предписаний, осуществляемого в процессе применения права, можно свести к следующим главным особенностям.

Во-первых, — это *толкование права в целом*. Оно не сводится к одной лишь интерпретации формально закрепленных нормативных положений, а включает понимание духа права, его принципов, его социально-политического и специально-юридического содержания.

Во-вторых, — это толкование, *в котором существенное значение имеют динамические моменты* (оно в большей мере сориентировано на интерпретацию нормативных актов с учетом всей системы права, а также особенностей фактических обстоятельств сегодняшнего дня). Именно в процессе правоприменительного толкования осуществляется выработка правоположений, правил применения юридических норм, а также осуществляется восполнение пробелов в праве.

В-третьих, — это *специально-юридическое толкование*. В процессе применения права необходимо не «просто» уяснить нормативные предписания, а реконструировать их в виде норм (в том числе логических), выявить юридическую конструкцию, отраслевую принадлежность и др. Специально-юридический аспект в толковании (и использование соответствующих способов) приобретает в процессе применения права доминирующее значение. Он непосредственно связывается с правовой квалификацией фактических обстоятельств, с решением юридического дела.

В-четвертых, — это толкование, которое *предполагает учет факторов, влияющих на правовое регулирование (функциональное толкование)*. Особо важен учет этих факторов в случаях, когда осуществляется индивидуальное регулирование общественных отношений. Тогда толкование нормативных положений (в частности, оценочных понятий) неизбежно опирается на такие дополнительные критерии, как критерии морали, политики, «аргументы практики» и др.

Уяснение содержания нормативных предписаний зависит от уровня профессионального правосознания судей и других лиц, осуществ-

вляющих правоприменительное толкование. Профессиональное правосознание — это своего рода аккумулятор, который концентрирует специальные юридические знания, опыт применения юридических норм и при необходимости выдает энергию этих знаний для толкования нормативных предписаний. Чем выше уровень профессионального правосознания, тем незаметней, непринужденней происходит использование этих знаний при выборе и анализе юридических норм, уяснении их содержания.

Уяснение содержания нормативных предписаний представляет собой в основном мыслительную, познавательную деятельность. Но это все же деятельность, которая к тому же включает и некоторые дополнительные «материальные» операции (например, подбор дополнительных материалов, способствующих раскрытию содержания нормативных актов; изучение специальной литературы и т.д.).

ГЛАВА XXXV

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА ПРИ ПРОБЕЛАХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

1. Понятие пробела в праве (законодательстве). Это — *неполнота в действующем законодательстве, выраженная в отсутствии конкретного нормативного предписания в отношении фактических обстоятельств, находящихся в сфере правового регулирования.*

Необходимо сразу же подчеркнуть: «пробел в праве (законодательстве)» — это понятие, касающееся *неполноты* юридической основы применения права.

Его следует отличать от случаев *полного неурегулирования* в праве тех или иных отношений. Такого рода случаи при определенных условиях тоже можно назвать «пробелами». Если данные отношения объективно требуют правовой регламентации (в особенности, если уже начала формироваться воля народа на такую регламентацию), то перед нами своего рода «полный пробел» в правовом регулировании, дефект в законодательстве¹. Эти полные пробелы должны своевременно обнаруживаться юридической наукой. Они являются предметом большой самостоятельной проблемы социалистического правоведения.

Однако полные пробелы — качественно иные явления, нежели неполнота в действующих нормативных актах. Это — явления социального порядка, касающиеся содержания правового регулирования, зрелости данных отношений, методов их правового опосредствования и др. Отсюда и своеобразие способа их устранения. Они преодолеваются только одним путем — путем правотворчества.

Важная отличительная черта пробелов в праве — в том плане, в каком они рассматриваются в настоящей главе, — состоит в том, что те или иные фактические обстоятельства *в общем находятся в сфере правового регулирования.* Иными словами, здесь законодатель уже проявил свою волю на регулирование данных отношений и прежде всего *фактом «подчинения» данного случая общим нормам, специальным отраслевым и общим правовым принципам* (а также прямым указанием, регламентацией прав, органически связанных с неурегулированными фактическими обстоятельствами и др.). Поэтому возникающие здесь

---

¹ Лазарев В.В. Пробелы в законодательстве. Изд. Казан. ун-та, 1969. С. 83—84.

вопросы должны разрешаться юридическими средствами в процессе применения права¹. Коль скоро соответствующие фактические обстоятельства находятся в орбите правового регулирования, компетентный орган юридически обязан рассмотреть возникшее юридическое дело и вынести по нему решение.

Таким образом, пробелы в праве представляют собой дефекты в изложении государственной воли, ее оформлении, в неполном или недостаточном использовании средств юридической техники, в наличии известных пропусков и противоречий в ткани действующего права.

В юридической науке различается первоначальная и последующая пробельность в праве². Первоначальная обусловлена тем, что законодатель не смог охватить формулировками нормативного акта всех жизненных случаев, требующих правового регулирования, допустил недостатки в использовании юридической техники, в частности юридических конструкций. Последующая пробельность вызывается появлением новых отношений, которые и не могли быть предусмотрены законодателем (хотя и здесь может быть с очевидностью констатировано наличие государственной воли на их правовое регулирование).

В литературе была предпринята попытка сконструировать единое понятие «пробел в праве», которое, по мнению В.В. Лазарева, охватывает и «полные пробелы», и неполноту в действующих нормативных актах. Причем, как полагает В.В. Лазарев, «в определении пробелов следует полностью отвлечься от проблемы их восполнения (устранения)»³.

Заслуга автора состоит в том, что он привлек внимание к проблеме полных пробелов, которая нуждается в глубоком самостоятельном изучении. Причем именно здесь могут быть широко и плодотворно использованы социологические методы изучения фактического материала.

И все же конструирование единого понятия «пробел в праве» вряд ли оправданно. Полные пробелы и неполнота в действующем законодательстве — явления настолько разнородные, что общее понятие, охватывающее их, оказывается бессодержательным, «тощим», сводящимся к внешнему, терминологическому сходству. Да и отвлекаться от проблемы способов восполнения

---

¹ Как правильно пишет А.С. Пиголкин, «пробел права в собственном смысле имеет место, когда с очевидностью можно констатировать, что определенный вопрос входит в сферу правового регулирования, должен решаться юридическими средствами, но конкретное его решение в целом или в какой-то части не предусмотрено или предусмотрено не полностью» (*Пиголкин А.С. Обнаружение или преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 50.*)

² *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 368–369; *Иоффе О.С., Толстой Ю.К.* Новый Гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 4.

³ *Лазарев В.В.* Указ. соч. 1969. С. 67.

пробелов нельзя. И дело не только в том, что способ восполнения является ярким показателем своеобразия природы «пробела», но и в том, что здесь затрагиваются важные вопросы политического и практического порядка. Полный пробел — социальная проблема, касающаяся содержания правового регулирования, деятельности правотворческих органов. Пробел в праве в собственном смысле — специально-юридическая проблема, связанная с правоприменительной деятельностью компетентных органов¹. Защищая свою позицию, В.В. Лазарев пишет: «Пробел в праве — это всегда «молчание» права там, где оно должно «говорить». Если объективно существует потребность постройки моста в определенном месте течения реки, то положение для пешеходов — в сущности, в главном — одинаково и там, где о строительстве моста компетентные органы не задумывались, и там где строительство ограничилось укладкой фундамента для свай»². Нет, не одинаково положение пешеходов в том и другом случае! Только нужно учитывать, что во втором случае строительство не ограничилось «укладкой фундамента для свай», а уже увенчалось возведением необходимых опор и ферм, и потому компетентные службы (правоприменительные органы) могут налаживать переходы для пропуска пешеходов.

При характеристике пробелов в праве существенный теоретический и практический интерес представляет вопрос о показателях, свидетельствующих о том, что данные фактические обстоятельства находятся в сфере правового регулирования. По мнению В.И. Леушина, при пробелах права возникновение определенных факторов «сразу же» влечет за собой появление правоотношения, которое выступает свидетельством правового характера данного случая³. Думается, конструкция правоотношения «при пробелах» (да еще складывающееся на основе только общих норм)⁴ является искусственной. Сам же автор рассматривает действие юридических норм при пробелах в качестве субсидиарного, т.е. такого, когда юридическая норма функционирует только при наличии правоприменительного акта⁵, который вследствие этого является не завершающим, а первичным правообразующим фактом. Что же касается показателей того, что данные фактические обстоятельства находятся в сфере правового регулирования, то их следует искать в объективном праве. Наиболее общим из таких показателей является «подчинение» данного

¹ Обоснованные возражения против концепции В.В. Лазарева см.: *Лиголкин А.С.* Указ. соч.; *Акимов В.И.* Понятие пробела в праве // *Правоведение.* 1969. № 3. С. 112–113; *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 7–8.

В настоящее время В.В. Лазарев несколько смягчил свою позицию. Не внося прямых коррективов в свои взгляды (он без каких-либо оговорок ссылается на свои прежние работы), автор в книге «Применение советского права» все же в какой-то мере связывает характеристику пробелов со способом их преодоления (Указ. соч. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 107 и сл.).

² *Лазарев В.В.* Указ. соч. Изд. Казан. ун-та, 1969. С. 95.

³ *Леушин В.И.* Указ. автореф. С. 9–11.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 11–12.

случая *общим нормам* данной отрасли¹, в частности специально-правовым отраслевым и общим принципам (которые подпадают под понятие «общей нормы»). Решение вопроса о правовом характере данного случая могут помочь и иные признаки, в том числе прямое указание законодателя или такая ситуация, когда от решения данного дела прямо зависит обеспечение прав и интересов, охраняемых законом.

2. Право как динамическая «саморегулирующаяся» система и пробелы в праве. Характеристика пробелов в праве (законодательстве) оказывается неполной, если не связать ее со свойствами права, его особенностями как динамической «саморегулирующейся» системы.

На первый взгляд создается впечатление, что пробелы в праве сопряжены только с недостатками в правотворческой работе и потому представляют собой нежелательное, ненормальное явление². Действительно, пробелы в праве могут быть вызваны «просчетами» в правотворческой работе: неправильным определением юридической конструкции, неточным установлением состава регулируемых отношений и т.д. Но это лишь одна сторона рассматриваемой проблемы.

Если бы проблема пробелов в праве сводилась только к «просчетам» законодателя, то тогда ее можно было бы рассматривать как чисто правотворческую, т.е. не связанную с применением права. При таком подходе оказалось бы, что восполнение пробелов в процессе применения права выступает в качестве деятельности, носящей чуть ли не правотворческий характер. К тому же при более подробном анализе выясняется, что пробел в праве — не всегда просчет законодателя: возникновение новых отношений в ряде случаев и невозможно было предвидеть. Здесь нужен более глубокий общетеоретический подход.

Право — это не только структурно сложная, динамическая система, но и система в известной степени «саморегулирующаяся», «самонастраивающаяся». Конечно, изменение, развитие правовой систе-

---

¹ *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 85; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 91; *Сабо Имре.* Социалистическое право. Прогресс, 1964. С. 271–272; *Акимов В.И.* Понятие пробела в праве // Правоведение. 1969. № 3. С. 112.

² Так, в частности, оценивает пробелы в праве А.С. Пиголкин (Указ. соч. С. 51).

По мнению В.М. Горшенева, «наиболее правильной будет практика оперативного вмешательства правотворческих органов в каждом случае обнаружения пробела в нормативно-правовом регулировании посредством принятия «недостающей» нормы права, восполняющей пробел. Применение же права по аналогии должно быть признано лишь фрагментарным, эпизодическим и временным» (*Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 133).

мы, ее приспособление к новым условиям происходит главным образом извне, т.е. в результате правотворческой работы компетентных органов. Но и в самом праве выработаны такие «внутренние механизмы», которые в ряде случаев дают возможность преодолеть просчеты законодателя, обеспечить действие юридических норм в соответствии с требованиями развивающихся общественных отношений. Этим и достигаются «саморегулирование», «самонастройка» правовой системы, ее эффективное функционирование в условиях изменчивой, развивающейся среды.

И вот тут хотелось бы обратить внимание на следующий существенный момент. Ведущее значение в праве имеют свойства нормативности и формальной определенности, обеспечивающие стабильность, устойчивость правового регулирования общественных отношений. Право призвано решать долгосрочные задачи – регламентировать общественные отношения вперед, на единых общих началах. Поэтому оно не должно своим содержанием реагировать на всякие изменения общественных отношений, т.е. изменяться тотчас же, как изменились общественные отношения. Во имя социального выигрыша, который получает общество от устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, законодатель может пойти и на известные потери, связанные с некоторым отставанием правовой формы от быстро развивающихся общественных отношений.

Поэтому динамизм права (как его специфическое свойство) состоит не столько в возможности внесения в него изменений путем правотворчества, сколько в наличии указанных выше внутренних механизмов. Право как своеобразная динамичная система способно оперативно учитывать потребности общественного развития, *сохраняя все время качество устойчивой, стабильной нормативно-правовой системы общественного регулирования*. В право как бы закладывается программа на случай возможных пробелов, предусматриваются приемы их преодоления в процессе применения права.

С такого рода внутренними механизмами мы уже встречались при рассмотрении правоконкретизирующей роли юридической (судебной) практики. К ним относится и порядок восполнения пробелов в праве в процессе правоприменительной деятельности.

Отсюда следует, что характеристика способов восполнения пробелов в праве (анalogии) в качестве «аномальной», «нетипичной» формы применения права является неточной. Для права это вполне естественный, нормальный порядок применения, обеспечивающий его функционирование как динамичной системы и «самонастройку» в соответствии

с требованиями развивающихся общественных отношений¹. Другой вопрос, что этот порядок в условиях строгой социалистической законности действует в ограниченных пределах; он подчиняется условиям, которые исключают возможность превращения правоприменительных органов в органы, осуществляющие правотворческие функции.

3. Восполнение пробелов в праве. Это *специфическая форма (метод) применения действующего права, при котором юридическое дело решается в соответствии с волей законодателя, не нашедшей, однако, выражения в конкретных юридических предписаниях.*

Для устранения пробелов в праве в процессе правоприменительной деятельности характерны следующие два основных условия:

Во-первых, восполнение пробелов в праве представляет собой применение действующего права, которое *в общем охватывает данный случай*. Задача правоприменительного органа состоит здесь в том, чтобы распространить на данный случай действующее право — в виде конкретных норм или общих принципов. Следовательно, при восполнении пробелов в праве юридическое дело решается в соответствии с волей законодателя. Правоприменительный орган должен решить дело таким образом, чтобы принятое решение полностью соответствовало государственной воле, выраженной в действующем праве. Отсюда, в частности, следует, что прежде чем восполнить пробел в праве, к данному случаю должны быть применены общие нормы. Например, прежде чем использовать аналогию к неурегулированным договорным отношениям гражданского права, нужно сначала обратиться к общим положениям обязательственного и, в частности, договорного права.

Во-вторых, восполнение пробела возможно только тогда, когда реально существует пробел в праве, т.е. *отсутствует конкретная норма*, предусматривающая данный случай. Следовательно, восполнение пробелов в праве недопустимо в условиях, когда данные факты предусмотрены неотменной (хотя бы и устаревшей) юридической нормой. Поэтому ГКК Верховного Суда РСФСР еще в 1926 г. указывала, что советское законодательство «не дает суду права не применять к делу прямых указаний или распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства по данному вопросу, если таковые имеются». Нельзя, например, признать правильной практику применения советскими судами ранее действовавшего уголовного законодательства, при которой иногда допускался такой способ правовосполнительной деятельности, как аналогия по со-

---

¹ О динамичности права см.: *Леушин В.И.* Советская право-динамическая система общественного регулирования // Сборник аспирантских работ. Вып. 12. Свердловск: СЮИ, 1970; *Он же.* Указ. автореф.

ствам, прямо урегулированным в уголовных кодексах (например, применение по аналогии ст. 59³ ранее действовавшего УК РСФСР, предусматривающей ответственность за бандитизм, к некоторым видам кражи, хотя последние были предусмотрены в ст. 162 УК).

Восполнение пробелов представляет собой такое действие по применению права, которое носит *творческий характер*. Творческие элементы в правосполнительной деятельности выражаются в том, что компетентный орган распространяет действующее право на такие случаи, которые непосредственно законодателем не предусмотрены.

При самой общей характеристике деятельность правоприменительного органа по восполнению пробелов в праве должна быть отнесена к *индивидуальному поднормативному регулированию*, «*усмотрению*», осуществляемому в процессе применения права. Можно говорить о ней и как о своеобразной конкретизации юридических норм, связанной с официальным толкованием¹: правоприменительный орган конкретизированно применяет определенные нормы, известным образом истолковывает принципы и положения действующего права по отношению к данному конкретному случаю².

Но все же деятельность по восполнению пробелов в праве — это нечто более значимое, нежели просто конкретизация действующих нормативных предписаний. Здесь правоприменительный орган в индивидуальном порядке решает творческую задачу по восполнению «бреши» в самой нормативной основе механизма правового регулирования. Суд или иной правоприменительный орган не создает новую норму права (как полагали отдельные авторы)³. Но он констатирует на основе действующего пра-

---

¹ Н.Н. Вопленко прямо относит правоприменительное восполнение пробелов (аналогию) к конкретизации права, взаимосвязанной с толкованием юридических норм (*Вопленко Н.Н.* Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 175). Он обоснованно возражает К.И. Комиссарову, который, рассматривая формы судебного усмотрения (индивидуального судебного регулирования), отделяет аналогию от конкретизации (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 26–35).

² Как правильно пишет В.В. Лазарев, «установление пробела... представляет продолжение целей толкования на новой ступени диалектического мышления. Гибкое сочетание приемов толкования и методов установления пробела позволяет избежать односторонности исследования, замкнутости его по кругу логических понятий и формальных выводов» (*Лазарев В.В.* Пробелы в праве. Изд. Казан. ун-та, 1969. С. 90).

³ *Исаев М.* Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 5. 1947. С. 78. Критику указанного взгляда см.: *Необайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 458–468.

ва, условно говоря, «индивидуальную» норму — правило для данного случая. Таким путем и преодолевается (восполняется, заделывается) пробел в законодательстве при решении конкретного юридического дела.

Отсюда проистекает одна из решающих особенностей действия права при пробелах в законодательстве. Юридические нормы здесь непосредственно не распространяются на данные фактические обстоятельства (хотя в общем в принципе и охватывают их). Они начинают действовать только после издания компетентным органом правоприменительного акта, включающего решение вопроса о восполнении пробела в праве. Лишь в совокупности с правоприменительным актом юридические нормы (нормы-принципы, сходные нормы) регламентируют данные общественные отношения. Такое действие права может быть названо *субсидиарным*¹.

Таким образом, в случае пробела компетентный орган принимает особое решение, входящее в содержание правоприменительного акта. Это решение расширяет сферу действия тех или иных норм². В нем выражается сама возможность конкретизированной правовой регламентации соответствующих фактических обстоятельств.

4. Пределы правоприменительной деятельности при применении права. Изложение об условиях и особенностях правовосполнительной деятельности компетентных органов при пробелах в законодательстве позволяет ответить на вопрос о пределах такого рода деятельности. Последние определяются, с одной стороны, указанными выше объективными условиями (общая правовая урегулированность данного случая; отсутствие конкретной нормы), а с другой — допустимостью с точки зрения социалистической законности правоприменительных действий, имеющих творческий (правовосполнительный) характер.

В интересах строгого и неукоснительного проведения принципов социалистической законности новое советское уголовное законодательство исключило применение аналогии как способа восполнения пробеле-

---

¹ *Леушин В.И.* Указ. автореф. С. 11–12. Автор, в частности, пишет: «Субсидиарное действие начинается не с момента появления в жизни фактических обстоятельств, а с момента вынесения решения на основании этой нормы правоприменительным органом. Нет решения — норма не действует, необязательна для сторон...».

² *Леушин В.И.* Указ. соч. С. 11–12; *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 34. Автор пишет, что «аналогия является способом восполнения пробелов не в законе, а в круге фактов...» (С. 33). Но это противопоставление закона и регламентируемых правом фактов снимается, как только К.И. Комиссаров чуть дальше признает, что суть судебного усмотрения при пробелах в законодательстве состоит «в некотором расширении сферы действия законов, в расширении области правового регулирования» (С. 34).

лов при определении противоправности и других вопросов, связанных с «криминализацией» деяний¹. Ныне в нашем уголовном праве последовательно проводится начало — *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления и наказания без закона). Конечно, исключение аналогии из уголовного права может в некоторых случаях повлечь определенные практические затруднения; возможно, что некоторые противоправные действия могут ускользнуть из сферы уголовно-правового воздействия. Однако указанное выше начало является одной из существенных гарантий неприкосновенности личности, средством, закрывающим одну из возможностей для нарушения законности в такой области права, которая предусматривает довольно острые репрессивные меры в отношении правонарушителей². И поэтому социальный выигрыш, получаемый от последовательного проведения принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, намного превосходит те возможные потери, которые возникают вследствие отсутствия в нынешнем уголовном праве аналогии³. Характерно, что подобных же позиций придерживается уголовное законодательство других социалистических стран; в некоторых странах аналогии вообще не было (в Чехословакии, ГДР, Польше), в других она исключена в настоящее время (в Болгарии, Румынии).

В ряде же отраслей права исключить «правовосполнительные операции» при применении права практически невозможно. Такой запрет мог бы отрицательно повлиять на устойчивость социалистического правопорядка, на самую возможность защиты субъективных прав граждан и организаций⁴. Вот почему новое законодательство по гражданскому

¹ Это, по мнению ряда авторов, не исключает возможности применения аналогии и в уголовном праве при применении норм общей части и других вопросов, не связанных с «криминализацией» деяния (*Сабо Имре*. Социалистическое право. Прогресс. С. 280—281; *Лазарев В.В.* Пробелы в праве. Изд. Казан. ун-та, 1969. С. 61—63).

² По указанным соображениям есть основания обсудить вопрос о распространении принципа недопустимости аналогии на всю правоохранительную деятельность социалистического государства (*Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 53). Как полагает П.С. Элькинд, «отказу аналогии в уголовном праве соответствует тенденция к отказу от аналогии и в уголовно-процессуальном праве» (*Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 185).

³ Таким образом, исключение аналогии из уголовного законодательства обусловлено принципиальными соображениями. Прав поэтому П.Е. Недбайло, говоря, что «злоупотребление аналогией может быть лишь поводом, а не основанием для исключения ее из действующего уголовного права» (*Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 458).

⁴ О факторах, предопределяющих необходимость аналогии при регулировании экономических отношений, см.: *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 32—33.

судопроизводству вновь предусмотрело аналогию в качестве метода применения действующего права (ст. 12 Основ гражданского судопроизводства). Сохраняется необходимость правовосполнительной деятельности и в ряде других отраслей, в том числе и в административном праве¹.

Проведенная за последние годы кодификация законодательства и, в частности, гражданского, а также возросший уровень юридической техники ликвидировали большинство пробелов в действующем праве, что практически существенно ограничило необходимость правовосполнительной деятельности правоприменительных органов. Но это ни в коей мере не исключает необходимости сохранения хорошо отработанных механизмов восполнения пробелов в праве: они должны постоянно находиться в состоянии «боевой готовности», обеспечивая в случае необходимости «самонастройку» права как динамической системы общественного регулирования.

Несколько слов о терминологии. «Восполнение пробелов в праве» — специальный юридический термин. Но правильно ли говорить здесь о восполнении? По мнению некоторых авторов, нет, ибо в результате применения «пробел в праве не ликвидируется, он остается, т.е. не восполняется»². Но почему же не восполняется? Преодоление пробела в законодательстве при применении права происходит как раз путем *восполнения* («заделки пустоты»), но *восполнения разового*, имеющего юридическое значение *только для данного дела*.

5. Содержание правовосполнительной деятельности. Способы восполнения пробелов в праве. Наличие пробела в праве как бы осложняет процесс применения права. Здесь возникает необходимость особой деятельности, специфических правовосполнительных операций, призванных заполнить «брешь» (для данного юридического дела) в юридической основе применения права.

Правда, с фактической стороны правоприменительный орган имеет перед собой ничуть не больше и не меньше фактических обстоятельств, как и в случае, если бы пробела права не было. Но оценка

---

¹ Корнев А.П. Применение норм советского административного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1971. С. 22–23.

² Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 57.

На замене термина «восполнение» термином «преодоление» настаивает В.В. Лазарев. Он видит в использовании термина «восполнение» даже влияние традиционной буржуазной юриспруденции (см., например, его: Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 132). Между тем термин «преодоление» еще менее удачен: он не указывает на характер деятельности правоприменительного органа при пробеле в законодательстве.

этих обстоятельств, их правовая квалификация и в особенности принимаемое решение требуют *дополнительных действий* со стороны правоприменительного органа.

Эти дополнительные действия включают:

– определение юридического характера данных фактических обстоятельств (что предполагает необходимость нахождения в нормах объективного права и прежде всего в общих нормах надежных свидетельств того, что соответствующие обстоятельства входят в сферу правового регулирования)¹;

– отыскание сходной нормы или принципа права (что нередко сопряжено с вторжением в смежные области права) с более глубоким анализом начал, на которых строится правовое регулирование;

– принятие решения о конкретизированном регулировании данных отношений (что связано с конструированием индивидуальной нормы, основанной на действующем праве).

Восполнение пробела в праве – это родовое юридическое понятие. Оно охватывает ряд способов, при помощи которых правоприменительный орган на основании действующего права «заделывает» пробел в юридической основе применения права.

Таковыми способами являются: а) аналогия закона; б) субсидиарное применение нормы смежной отрасли; в) аналогия права.

6. Аналогия закона. Это такое применение права, при котором правоприменительный орган распространяет на данные отношения конкретные юридические нормы, регулирующие сходные отношения.

Здесь наряду с общими условиями, необходимыми для восполнения пробелов при применении права (общая правовая урегулированность данного случая; отсутствие конкретной нормы), нужно еще одно условие – наличие в действующем праве такой юридической нормы, которая бы предусматривала сходные по своим существенным признакам отношения (или их отдельные стороны) при несущественности различий.

Таким образом, решающим основанием, предопределяющим возможность применения аналогии закона, является *существенное сходство* между теми отношениями, которые прямо не предусмотрены правом, и отношениями, которые урегулированы конкретными юридическими нормами. Причем «существенность» сходства охватывает и область права: оно предполагает однотипность правового режима,

---

¹ О способах установления пробелов в процессе правоприменительной деятельности см.: Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 117 и сл.

т.е. принадлежность отношений к определенной отрасли права¹. Наличие существенного сходства и дает правоприменительному органу возможность распространить на данный случай юридическую норму в форме логического умозаключения по аналогии². Предусматривая возможность применения аналогии закона, законодатель подчеркивает внутреннее единство издаваемых им норм; он как бы говорит: коль скоро данные отношения урегулированы определенным образом, то, следовательно, таким же образом я бы урегулировал и сходные отношения. А это значит, что возможно применение соответствующих норм и при решении дел, связанных со сходными отношениями.

Отсюда вывод и практического порядка – в принципе использование аналогии закона возможно в рамках данной отрасли и лишь по тем сторонам отношений, которые имеют существенное сходство. Например, в настоящее время возможно применение по аналогии норм Гражданского кодекса РСФСР о договоре поручения к неурегулированному кодексом обязательству, возникающему из деятельности в интересах другого лица без поручения. Вполне понятно, что по аналогии могут быть применены нормы, которые не касаются вопросов, связанных с самим актом поручения, так как по указанному моменту рассматриваемые отношения не сходны, а, напротив, отличаются друг от друга.

Аналогия закона довольно близка к распространительному толкованию: и в том и в другом случае правоприменительные органы, опираясь на действующее право, выходят за пределы «буквы закона».

Но между тем и другим институтом имеются существенные различия. При распространительном толковании речь идет только об уяснении воли законодателя путем раскрытия объема понятий: законодатель *данные случаи имел в виду*, его воля лишь недостаточно точно и ясно выражена в тексте нормативного акта. При аналогии закона перед нами другая картина. Здесь заведомо известно, что законодатель данные случаи при конкретизированном регулировании *не имел в виду* (хотя в том или ином виде в общем выразил свою волю о его правовом характе-

---

¹ Поленина С.В. Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы. М.: Юрид. лит., 1968. С. 78.

² Возможная логическая структура при применении норм права по аналогии закона такова:

П о с ы л к и:

1) Предусмотренный нормой права случай А имеет признаки а, б, в, г и влечет юридические последствия – С.

2) Непредусмотренный нормой права случай В имеет признаки а, б, в, д.

З а к л ю ч е н и е. На случай В могут быть распространены юридические последствия С, предусмотренные для случая А.

ре) и правоприменительный орган, восполняя пробел в праве, распространяет нормы на такие фактические обстоятельства, которые прямо не охватываются конкретизированной нормативной регламентацией¹.

7. Субсидиарное применение норм смежной (родственной) отрасли права. Это такое применение права, при котором правоприменительный орган исходит из конкретных предписаний смежной (родственной) отрасли права².

Этот способ восполнения пробелов в праве называется «субсидиарным» (*subsidium* — помощь) потому, что нормы смежной отрасли могут быть использованы правоприменительным органом лишь постольку, поскольку соответствующие отношения не охватываются в полной мере регулированием со стороны данной отрасли, т.е. использованы в дополнительном (субсидиарном) порядке.

Каждая отрасль права — это относительно самостоятельное, замкнутое структурное подразделение со своим правовым режимом, который автоматически не распространяется на отношения других отраслей. Однако правоприменительный орган при решении юридических дел может в необходимых случаях применить в субсидиарном порядке нормы смежной отрасли (например, применить гражданско-правовые нормы об исчислении сроков — ст. 71–77 ГК РСФСР — при решении трудовых и колхозных дел).

Субсидиарное применение допустимо только тогда, когда исчерпаны возможности для решения юридического дела всеми «механизмами» данной отрасли. Поэтому, например, нет оснований для субсидиарного применения норм смежной отрасли, если существует возможность использования аналогии закона³.

Субсидиарное применение так же, как и аналогия закона, основано на сходстве отношений, которые прямо не урегулированы нормами

---

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. Госюриздат, 1948. С. 181–182. П.Е. Недбайло справедливо пишет: «Качественное отличие применения закона или права по аналогии от распространительного толкования заключается в расширении объема действия нормы... на факты, которые не были и не могли быть в поле зрения законодателя в момент издания закона, в силу чего аналогия служит средством восполнения пробелов в праве» (*Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 470).

² Категория «субсидиарное применение» выдвинута в литературе только в последние годы. См.: Бару М.И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14; Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 21–28. В общетеоретическом плане эта категория получила разработку в работах В.И. Леушина (см.: *Он же.* Субсидиарное применение норм советского права // Сборник аспирантских работ. Вып. 13. Свердловск, 1971; *Он же.* Указ. автореф.).

³ Поленина С.В. Указ. соч. С. 28.

данной отрасли и отношениями, охватываемыми предписаниями смежной отрасли¹. Причем это сходство, хотя и не является существенным (в частности, «однорежимным»), все же должно затрагивать юридические стороны регулируемых отношений. Иными словами, оно включает сходство в методах правового регулирования². Если между рассматриваемыми отношениями нет сходства в методе регулирования, применение норм смежной отрасли в субсидиарном порядке исключается.

Возможность субсидиарного применения норм права основана на структурных (генетических и функциональных) связях между «родственными» отраслями. Формирование и развитие отраслей выражается, помимо иных моментов, в сложных процессах, в ходе которых происходит восприятие отдельных элементов методов регулирования, свойственных основным и прежде всего профилирующим отраслям. Не случайно вопрос о субсидиарном применении касается главным образом «молодых» отраслей; причем в характере субсидиарного применения проступает последовательность формирования отраслей, их зависимость по генетической линии (например, зависимость трудового права от гражданского, колхозного — от трудового). Интересно, что, сформировавшись, «молодая» отрасль может оказывать влияние на развитие базовой, профилирующей отрасли. Этим объясняется, например, возможность «обратной зависимости» метода гражданского права от метода семейно-правового регулирования и обусловленное этим субсидиарное применение норм семейного права при решении некоторых вопросов гражданского права³.

8. Аналогия права. Это такое применение права, при котором правоприменительный орган исходит из общих начал и смысла законодательства.

Рассматриваемый способ восполнения пробелов в праве возможен лишь постольку, поскольку нет конкретной нормы, которая бы предусматривала сходный случай. Причем ее «нет» ни в данной отрасли, ни в смежных отраслях. Но так как дело имеет все же юридический характер, оно должно быть решено. Поэтому правоприменительный орган обращается к общим началам и смыслу действующего права, к его «духу»⁴.

---

¹ Поэтому, по справедливому мнению В.И. Леушина, «субсидиарное применение есть как бы аналогия закона на более высоком специально-правовом уровне» (Леушин В.И. Указ. автореф. С. 19).

² Леушин В.И. Указ. автореф. С. 18.

³ Поленина С.В. Указ. соч. С. 26–27.

⁴ Как указывалось в литературе, термин «аналогия права» имеет условное значение. В данном случае нет аналогии в строгом смысле этого слова. А.А. Старченко пишет: «... понятие аналогии права не имеет ничего общего с такой формой вывода, как умозаключение по аналогии» (Старченко А.А. Роль аналогии в познании. Высш. шк., 1961. С. 36).

Таким образом, здесь перед нами более «явный» пробел, при нормативном устранении которого требуется введение нового правового института¹.

Решающее значение при аналогии права имеют *принципы права*, в особенности специально-юридические правовые начала, — принцип справедливости, юридического равенства, ответственности за вину и другие, выраженные в праве аксиомы. Принципы права нередко закрепляются в нормативном порядке, прежде всего в конституциях. Поэтому правоприменительные органы (суды) при аналогии права подчас ссылались на соответствующие статьи конституции.

Именно при пробелах в праве проявляется непосредственное регулирующее значение правовых принципов. При этом, однако, следует иметь в виду, что «главная роль применяемых принципов права — обеспечить властный авторитет принятого решения, «опору» в праве, выражающем общенародную волю, в то время как функция регламентации общественного отношения выполняется лишь частично: принципы права определяют характер и пределы индивидуальной регламентации прав и обязанностей спорного правоотношения»².

Существенное значение при аналогии права имеет социалистическое правосознание (в особенности профессиональное, научное), которое аккумулирует представления о сути социалистического права, о его принципах.

При аналогии права с большей яркостью проявляется творческий характер правосполнительной деятельности. Здесь еще с большей наглядностью, чем в других случаях, видно, что правоприменительный орган должен сформулировать конкретное правило для данного случая. Но это все же не правотворчество, ибо конкретное правило создается только для данного случая и не обладает общеобязательностью³. И при рассматриваемом способе восполнения пробелов происходит лишь применение действующего права. Именно поэтому правоприменительный орган, используя аналогию права, должен в своем решении точно указать, на каких началах построено его решение.

---

¹ *Леушин В.И.* Указ. автореф. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 468. Характеризуя правило, конструируемое правоприменительным органом при аналогии права, А.С. Пиголкин пишет: «Данное правило существует в сознании лица, применяющего право, может быть выражено в мотивировочной части принятого акта, но этим его значение и ограничивается» (*Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов в праве // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 57).

(Такое правило установлено в 1926 г. в упомянутом выше инструктивном письме ГКК Верховного Суда РСФСР.)

Использование аналогии права может со временем привести к формированию новых правовых институтов, учреждаемых в нормативном порядке. Так случилось с обязательством по возмещению вреда, понесенного при спасании социалистического имущества. Первоначально соответствующие дела решались по аналогии права со ссылкой на ст. 131 Конституции СССР (см. решения Верховного Суда СССР по делу Марцинюка и по делу Бычкова¹). Затем эта практика получила научную обработку и, наконец, в законодательство были включены нормы, посвященные указанному обязательственному отношению (ст. 95 Основ гражданского законодательства, ст. 472 ГК РСФСР).

Использование аналогии права имеет довольно узкие рамки². Даже в области гражданского права она носит исключительный характер: по существу может использоваться лишь постольку, поскольку данный вопрос не может быть решен на основании общих норм, при помощи аналогии закона или субсидиарного применения норм смежных отраслей. К тому же, как уже говорилось, проведенная кодификация в основном «заделала» существовавшие ранее пробелы в законодательстве. Однако в определенных (хотя и узких) пределах использование аналогии права не исключено и сейчас. Она необходима, в частности, для решения тех отдельных вопросов по неурегулированным договорам, которые связаны с их особенностями, т.е. тех вопросов, которые отражают не сходство, а различие между данными отношениями и поэтому не могут быть решены при помощи аналогии закона (например, момент отсутствия поручения при ведении чужих дел без поручения или безвозмездность по договору безвозмездного подряда).

Да и вообще значение аналогии права не может быть поставлено в прямую зависимость от частоты использования этого способа восполнения пробелов в современных условиях. Это — необходимый способ обеспечения динамизма социалистического права, который, как и другие способы восполнения пробелов, должен находиться в «боевой готовности».

---

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда Союза ССР 1940 г. Юриздат, 1941. С. 224; Судебная практика. 1949. № 10. С. 27.

² Например, по мнению А.П. Коренева, она «не имеет места» в условиях развитого административно-правового законодательства (Корнев А.П. Толкование и применение норм советского административного права // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 53).

ГЛАВА XXXVI

РЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДЕЛА

1. Понятие решения юридического дела. Это завершающее правоприменительное действие компетентного органа, которое выражается в индивидуальном государственно-властном велении (предписании), направленном на обеспечение реализации юридических норм, а в необходимых случаях — также и на индивидуальное, поднормативное регулирование общественных отношений.

В массе разнообразных операций, которые совершает правоприменительный орган в процессе применения права, постепенно вырисовалась цепочка таких действий, которые могут быть названы «чисто» правоприменительными. Эта цепочка потянулась от оценки доказательств и толкования юридических норм и ярко обнаружилась в квалификации фактических обстоятельств. Завершается процесс применения права решением юридического дела, в котором выражается государственно-властное веление компетентного органа.

По своей социальной природе решение юридического дела может быть охарактеризовано как «управленческое решение». Так же, как и в любом управленческом процессе, и в данном случае решение представляет собой главное, определяющее звено правоприменительной деятельности.

Однако здесь же сразу нужно указать на принципиальную особенность решения юридического дела.

Применение права — своеобразная управленческая деятельность, имеющая строго специализированные задачи. Она направлена на обеспечение реализации юридических норм, а также в случае необходимости — на индивидуальное регулирование общественных отношений.

Поэтому, если в «обычном» социальном управлении решение образует срединное (а по мнению отдельных авторов — даже начальное¹) звено управленческого процесса, то применение права в основном исчерпывает себя, как только вынесено государственно-властное решение. В остальном же идет (продолжается) процесс реализации права: соблюдение и исполнение обязанностей, использование субъективных прав.

---

¹ См., например: *Основин В.С.* Основы науки социального управления. Изд. Воронеж. ун-та, 1971. С. 143.

Своеобразие применения права предопределяют особенности в *основаниях* решения юридического дела.

Эти основания не сводятся к одной лишь информации о фактических обстоятельствах. Впрочем, и любое социальное управление всегда опирается на определенную «директивную основу» (заданная программа, планы, предписания законов). Но при применении права сама суть управленческой деятельности состоит в обеспечении воплощения юридических норм в жизнь. В решении юридического дела как бы сливаются «два информационных потока»: один, идущий от права, а другой – от фактических обстоятельств дела.

Отсюда следует, что основаниями решения юридического дела являются, во-первых, юридические нормы, восполняемые в случае необходимости аналогией закона, субсидиарным применением норм смежной отрасли, аналогией права (*юридическое* основание), и, во-вторых, обстоятельства дела (*фактическое* основание).

Вместе с тем само по себе решение является интеллектуально-волевым, логическим действием. Поэтому решение опирается и на определенное идеологическое основание, в качестве которого выступает социалистическое правосознание.

Социалистическое правосознание является фактором, необходимым во всех случаях применения права. Оценка доказательств, квалификация обстоятельств дела, уяснение смысла юридических норм, наконец, само решение основываются на социалистическом правосознании.

Конкретным выражением действия социалистического правосознания при решении того или иного конкретного юридического дела является внутреннее убеждение лиц, непосредственно осуществляющих применение права. Это внутреннее убеждение в правильности выводов о достоверности и достаточности доказательств, в правильности уяснения данных юридических норм, правовой квалификации фактических обстоятельств. Оно складывается на основе марксистско-ленинского мировоззрения, всестороннего, полного и объективного рассмотрения реально существующих фактов, глубокого толкования норм права.

Решение юридического дела может быть охарактеризовано с трех сторон: а) как формально логический процесс; б) как творческий процесс; в) как государственно-властная, управленческая деятельность компетентных органов.

Решение юридического дела – одна из наименее исследованных стадий процесса применения права. Внимание исследователей обычно концентрируется на правоприменительных действиях, имеющих подготовительный ха-

рактический, — на установлении обстоятельств дела, выборе и анализе юридических норм, а само решение нередко как бы ускользает, предполагается в качестве само собой разумеющегося. Даже в таком капитальном труде по применению права, как монография П.Е. Недбайло (Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960), после детальной характеристики основных подготовительных действий, заканчивающихся толкованием нормативных актов (гл. 4), автор сразу же переходит к вопросу об основных средствах правильного применения (гл. 5).

Между тем решение дела — это не просто рядовая стадия процесса применения права, это стадия, которая занимает центральное положение, характеризует само применение как таковое. «Незаметность» рассматриваемой стадии обусловлена тем, что решение — это интеллектуально-волевой процесс, внешне выражаемый в акте применения (создается впечатление, что достаточно рассмотреть акты, чтобы получить полное представление о применении). Кроме того, решение, по существу, смыкается с завершающими этапами установления обстоятельств дела (оценкой доказательств, их правовой квалификацией) и анализом юридических норм, хотя в конечном счете решение все же представляет собой самостоятельный, качественно новый шаг в процессе применения, замыкающий и оценку доказательств, и правовую квалификацию, и уяснение юридических норм.

В последнее время по рассматриваемому вопросу наметился поворот в научных исследованиях. С необходимой отчетливостью выделяет стадию решения юридического дела К.И. Комиссаров. Он пишет: «Установление фактического состава правоотношения и его юридическая квалификация лишь подготавливают решение дела, окончательно же защита субъективного права или охраняемого законом интереса достигается на итоговой стадии. Именно здесь норма права, если можно так сказать, из статического положения приводится в динамическое»¹. Вообще характерно, что данная стадия применения права привлекла внимание специалистов конкретных отраслей юридических знаний (следует, в частности, указать на книгу Н.Б. Зейдера «Судебное решение по гражданскому делу» (Юрид. лит., 1966), в которой автор, помимо иных вопросов, обстоятельно рассмотрел правоконкретизирующую роль решения суда по гражданским делам).

В общетеоретической же литературе по вопросу о решении юридического дела до сих пор существует заметный пробел. Этот пробел становится все более ощутимым, чем углубленнее исследуется процесс применения права, чем теснее связывается проблематика применения права с вопросами социального управления.

2. Решение дела с формально-логической стороны. Решение юридического дела, как и всякая интеллектуальная, мыслительная деятель-

---

¹ Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 143.

ность, должна подчиняться правилам точного и правильного мышления, т.е. правилам формальной логики¹.

С формально-логической стороны решение юридического дела представляет собой *умозаключение*, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права. Решение, таким образом, является как бы сведением воедино двух предварительных стадий, когда фактическая и юридическая основы применения права совмещаются.

С точки зрения правил формальной логики решение юридического дела строится в соответствии с силлогизмом, в котором большой посылкой является юридическая норма, малой посылкой — обстоятельства дела, а заключением — решение юридического дела. Например, при рассмотрении в суде дела о злостном уклонении от оказания помощи родителям большой посылкой будет норма ст. 123 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей, малой посылкой — сам достоверно установленный факт уклонения, отвечающий признакам ст. 123, а заключением — приговор суда по делу о применении наказания в виде исправительных работ на определенный срок.

Характеристика решения как заключения, совершаемого по правилам силлогизма, имеет существенное значение для последовательного утверждения начал социалистической законности, суть которой состоит в соответствии поведения всех субъектов требованиям юридических норм. А такое соответствие при применении права может быть достигнуто лишь тогда, когда правоприменительный орган точно и правильно распространяет юридические нормы на данные конкретные случаи, т.е. решает юридические дела по правилам дедуктивного (силлогистического) умозаключения. Как отмечает С.И. Вильнянский, «объективно правильное применение законов требует применения логики»². Соблюдение требований формальной логики в процессе применения права и в особенности при решении юридического де-

---

¹ С.И. Вильнянский пишет: «...утверждение, что применение правовых норм есть прежде всего логический процесс, ничего порочного в себе не содержит, так как никто не станет утверждать, что суд или другой орган, применяющий право, свободен от логики и что правила элементарной логики для него необязательны» (*Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. 1957. С. 10*).

² *Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3. 1948. С. 110.*

ла хотя и элементарное, но первейшее необходимое условие для обеспечения высокого качества работы правоприменительных органов¹.

На практике решение юридических дел выражается, как правило, в построении не одного, а нескольких силлогизмов. Это объясняется тем, что в большинстве случаев компетентный орган в силу системности права применяет по одному делу сразу несколько юридических норм (например, в указанном выше примере нормы общей части об исправительно-трудовых работах и др.), решает некоторые дополнительные вопросы, рассматривает возражения сторон и т.д.

3. Решение дела как творческий процесс. Если бы решение юридических дел сводилось только к выведению логических заключений из имеющихся посылок по правилам силлогизма, то правоприменительная деятельность не представляла бы особой сложности. Между тем применение права — процесс сложный, трудоемкий, требующий значительных интеллектуальных усилий. Эта сложность и трудоемкость в значительной степени обусловлены тем, что применение права имеет творческий характер.

Творческий характер применения права не означает какого-либо своеволия правоприменительных органов, «свободного» решения ими юридических дел, «творчества права». Руководящим началом реализации права в социалистическом обществе во всех случаях является строгое и неуклонное соблюдение требований социалистической законности.

«Творчество» при применении права выражается прежде всего в том, что здесь происходит *распространение общих правил на своеобразные жизненные обстоятельства, «привязка» норм к этим обстоятельствам.*

Такое распространение общих правил на конкретные жизненные обстоятельства связано с *конкретизацией* нормативных предписаний (понимаемой в самом широком смысле).

Выше уже приводились слова К. Маркса о необходимости конкретного суждения при подведении единичного случая под всеобщий закон: «Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и *судья*. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»². Проблематичность суждения при применении права

---

¹ По мнению Ф.А. Григорьева, логический процесс свойствен не только применению, но и всей деятельности по реализации юридических норм. Он пишет: «Отрицать значение логического процесса при реализации права было бы неверным. Это закономерность. Но закономерность самого общего, первого порядка» (Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права как разновидность юридических актов социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971. С. 149).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 67.

выражается в том, что общие правила (законы, которые «всеобщие») раскрываются лишь в связи со своеобразными (подчас неповторимыми) жизненными обстоятельствами. Вот почему правоприменительный орган «обязан толковать закон в применении к отдельному случаю...»¹. И вот в этом специфическом раскрытии «всеобщего» закона применительно к данным конкретным обстоятельствам и выражается прежде всего творческий характер применения права.

Здесь перед нами первейшая, наиболее «слабая» форма конкретизации юридических предписаний. Она, как уже говорилось при рассмотрении юридической практики, выражается в конкретизирующих суждениях правоприменительного органа, выражающего его понимание юридических предписаний². Такого рода конкретизирующие суждения касаются главным образом фактических обстоятельств дела, их правовой квалификации.

Указанный «творческий» момент наглядно проявляется тогда, когда при изложении содержания решений судебных и некоторых других правоприменительных органов суть этих решений формулируется в виде кратких заголовков. В необходимых случаях эти творческие моменты обобщаются компетентными органами, что приводит к выработке конкретизирующих правоположений и правил применения, раскрывающих содержание «всеобщего» закона в отношении этих случаев. Отсюда и проистекает значение судебной и иной юридической практики для правового регулирования, теоретических обобщений и развития права. Если не видеть в решении конкретных дел определенных творческих моментов (в указанном выше смысле), то окажется совершенно непонятной та роль, которую выполняет юридическая практика в правовом регулировании, при толковании юридических норм, теоретических обобщений и решений вопросов, связанных с развитием социалистического права. Здесь, в творческом моменте юридической

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 67.

² Наличие определенной конкретизации норм права при обычном, «нормальном» применении права отметил Н.Б. Зейдер (см.: *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. С. 92–97). Автор, к сожалению, не подчеркнул, что конкретизация в данном случае не выходит за сферу правосознания, выражается только в конкретизирующих суждениях и не затрагивает самой «правовой материи». Это, думается, и послужило поводом к тому, что позиция Н.Б. Зейдера не была воспринята в литературе. К тому же один из авторов, отвергших позицию Н.Б. Зейдера, К.И. Комиссаров оказался в плену собственного воззрения, в соответствии с которым конкретизация является только формой «усмотрения» правоприменительного органа (*Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1961. С. 26). Между тем «усмотрение» (индивидуальное регулирование) является только одной из форм более общего, «родового» явления – конкретизации права.

практики, кроется та «изюминка», которая и дает возможность понять ее социальную и юридическую ценность.

Наиболее ярко «творческий момент» при применении права проявляется в случаях, когда в процессе правоприменительной деятельности компетентный орган на основании, в пределах юридических норм и направлений, предусмотренных ими, осуществляет *индивидуальное регулирование общественных отношений*.

Нередко подобная деятельность правоприменительных органов называется «усмотрением» («судебным усмотрением», «административным усмотрением»¹). В общем это правильно. Правоприменительный орган, действуя в поднормативном порядке, свободен в решении определенного круга вопросов, решает их по своему усмотрению. Но все же под углом зрения общих социально-политических и правовых категорий точнее рассматривать данную деятельность в качестве индивидуального поднормативного регулирования, выражающего одну из главных функций применения права.

В.И. Ленин обращал внимание на то, что «сочинить такой рецепт или такое общее правило.., которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо, — говорил В.И. Ленин, — иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»². Именно потому, что в общих правилах не всегда возможно предусмотреть все особенности конкретной обстановки, особенности отдельных фактов и другое наше право в определенных пределах, формах и направлениях предоставляет возможность правоприменительным органам регламентировать данные отношения в индивидуальном порядке.

В некоторых областях общественной жизни индивидуальная регламентация составляет самую суть решений, принимаемых правоприменительными органами. Таковы, в частности, решения компетентных органов по вопросам хозяйственного планирования, распределения средств и иных материальных благ из государственных общественных фондов (жилья, пенсий) и др. Отсюда и проистекают сложность и трудоемкость деятельности указанных компетентных органов, их большая ответственность, необходимость строжайшего соблюдения в процессе правоприменительной деятельности всех требований социалистического законодательства, а также учет и анализ широкого круга фактических данных.

Но и в других областях общественной жизни, где решения правоприменительных органов направлены на устранение препятствий

¹ Корнев А.П. Толкование и применение норм советского административного права // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 49 и сл.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 52.

в осуществлении субъективных прав, на обеспечение исполнения юридических обязанностей или возложение юридической ответственности, компетентные органы нередко осуществляют индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений. Так, при решении уголовного дела суд в большинстве случаев должен точно определить меру уголовного наказания, при рассмотрении алиментных дел — точный размер алиментов, устанавливаемых родителям или иным родственникам, и др. И хотя главным при решении указанных дел является подведение конкретного случая под норму права, здесь одновременно (попутно) осуществляется частичное индивидуальное регламентирование общественных отношений.

Итак, решение юридических дел — это нечто большее и более значимое, чем простые логические действия по решению силлогизмов. Именно в решении юридического дела проявляются созидательная роль применения права в правовом регулировании, его функции, направленные на то, чтобы довести до конца процесс юридического опосредствования общественных отношений. Компетентный орган, осуществляющий применение права, выступает в качестве активной силы, обеспечивающей действие социалистического права, его воплощение в реальных жизненных отношениях, достижение целей правового регулирования.

В советской литературе положение о творческом характере правоприменительной деятельности не получило еще достаточно развернутой разработки. Это, вероятно, в значительной степени объясняется тем, что подчеркивание творческого характера правоприменительной деятельности на первый взгляд не согласуется с требованием строгого и неукоснительного соблюдения социалистической законности. Может даже создаться впечатление, что такого рода взгляд на применение права близок к воззрению буржуазного течения «свободного права».

Между тем для подобных опасений нет решительно никаких оснований.

Течение «свободного права» является одной из наиболее реакционных буржуазных теорий периода империализма. Оправдывая разложение буржуазной законности, выражающееся в произволе карательных органов, она обосновывает право органов буржуазной юстиции на «правотворчество»¹.

---

¹ В.А. Туманов указывает на то, что при характеристике общей эволюции буржуазного правоведения с точки зрения течения «свободного права» — «речь идет не просто о судебном правотворчестве, не только о важной роли судебной практики в развитии права (такая роль признается за судебной практикой и в социалистическом обществе), но и о противопоставлении закона и суда или во всяком случае о значительном смещении акцентов с первого на второй» (Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. Наука, 1971. С. 86).

Взгляд о творческом характере правоприменительной деятельности не имеет ничего общего с такими антинаучными воззрениями. Социалистическая теория применения права исходит из тезиса о неизбежности социалистической законности. Момент «творчества» характеризует лишь одну из сторон деятельности компетентных органов, сущность которой состоит в точном и правильном применении юридических норм.

Кроме того, «творчество» при применении права всегда основывается на определенных нормативных предпосылках, имеет строго очерченные «законные» рамки, опирается на выработанные теорией и практикой объективные критерии.

Надо полагать, что начавшаяся в советской юридической науке разработка проблем индивидуального правового регулирования придаст положению о творческом характере правоприменительной деятельности необходимую определенность. И дело не только в терминологической стороне проблемы (хотя надо видеть, что термин «усмотрение» весьма близок к термину «произвольное решение»). Главное заключается в том, что понятие «индивидуальное регулирование» позволяет связать функции применения права и, в частности, функции правоприменительного решения с правовым регулированием в целом, его механизмом.

4. Решение дела как государственно-властная, управленческая деятельность компетентных органов. Решение юридического дела содержит не только мысль, но и *веление*¹. Оно представляет собой не просто логический вывод, заключение, а государственно-властное предписание, выражающее авторитет и силу социалистического государства. В этом заключается то главное, решающее, что характеризует решение дела с точки зрения его сущности, его значения как решения «управленческого» порядка.

Действия правоприменительного органа, выражающие его решение, представляют собой официальные действия. Они осуществляются только компетентными правоприменительными органами. Результат правоприменительных действий (акт применения) обладает свойством обязательности для всех лиц, которых он касается.

В результате решения юридического дела в механизм правового регулирования включаются дополнительные элементы, направленные на гарантирование достижения целей правового регулирования, обеспечение полного и точного исполнения юридических обязанностей, осуществление субъективных прав, «доведение до конца» правового регулирования.

---

¹ Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского института. Вып. 7. 1956. С. 10.

Важно подчеркнуть, что именно решение юридического дела реально приводит в действие правовое принуждение. К.И. Комиссаров пишет: «Подобно сжатой пружине потенциальная возможность принуждения, обязательно присущая каждой юридической норме, на заключительной стадии правоприменения разворачивается в реальную силу воздействия»¹.

Еще более ярко государственно-властный управленческий характер решения юридического дела проявляется в случаях, когда в процессе применения права осуществляется индивидуальное регулирование. Здесь не «просто» творчество, а индивидуальное государственное решение, частично регламентирующее данное конкретное общественное отношение².

Государственно-властный, обязательный характер решения по юридическому делу распространяется в конечном счете на все действия по применению права. Вот почему выраженное в правоприменительном акте понимание смысла нормы права является официальным казуальным разъяснением, а в отношении фактов, закрепленных в процессе решения, действует процессуальное начало, в силу которого выводы суда о существовании юридических фактов являются обязательными для всех правоприменительных органов (преюдициальность).

5. Индивидуальное государственно-властное веление (предписание), выражающее решение юридического дела. Результат решения юридического дела выражается в индивидуальном государственно-властном велении (предписании). Непосредственно в ткань «правовой материи» включается именно этот результат правоприменительной деятельности – веление. Именно с ним связаны юридические последствия решения, применения права в целом.

В предшествующем изложении (например, при характеристике видов юридических фактов и источников права) индивидуальные веления, выражающие решение юридического дела, именовались актами. В общем такое словоупотребление допустимо. Вместе с тем следует учитывать, что термин «акт» имеет специфические смысловые оттенки: он обозначает либо «голые» юридические действия, либо юридические действия, рассматриваемые в единстве с формальной

---

¹ Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 143.

² С учетом государственно-властной природы решения можно признать обоснованным сделанный в литературе вывод о том, что юридическое значение акта применения выходит за пределы однократного действия (Лазарев В.В. Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 60–61).

стороной. Поэтому при более конкретизированном освещении результатов правоприменительной деятельности следует отличать «сами» индивидуальные государственно-властные веления от тех актов, в которых они выражаются.

Индивидуальные государственно-властные веления в какой-то степени схожи с нормативными юридическими предписаниями. И те и другие воплощают властную государственную волю, являются юридически обязательными, «авторитарными». И те и другие образуют «активные части» механизма правового регулирования, в котором проводят реальную «энергию», идущую от социалистического государства. (Все это дает основание для выработки единой теоретической конструкции «правовое предписание», охватывающей общие черты и нормативных, и индивидуальных велений.)

Вместе с тем индивидуальные веления представляют собой специфические правовые явления. Они *качественно* отличны от нормативных правовых предписаний. Отличие состоит в том, что предписание, выражающее решение юридического дела, носит *индивидуальный характер*. При самой общей характеристике его роль заключается в *функциях юридического факта*, так как именно с ним юридические нормы связывают определенные юридические последствия. И хотя такая характеристика является неполной, недостаточной (она не отражает главного — обеспечительной и индивидуально-регулятивной функции применения права), здесь все же указывается на то, что перед нами иная плоскость, иной разрез механизма правового регулирования, плоскость (разрез), принадлежащая к области правоотношений.

Таким образом, индивидуальные государственно-властные веления — это особые, причем вполне самостоятельные «частицы правовой материи». Их роль в механизме правового регулирования соответствует тем функциям, которые имеет применение права, т.е. они, во-первых, направлены на государственно-властное обеспечение реализации юридических норм, а во-вторых, — на индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений.

Существуя и функционируя на основе и в пределах юридических норм, индивидуальные государственно-властные веления как бы присоединяются к ним, продолжают их дело. Через индивидуальные веления компетентные государственные (а в ряде случаев и общественные) органы обеспечивают индивидуализированное действие механизма правового регулирования, учет конкретной обстановки, устранение препятствий в процессе реализации нормативных предписаний. Они, следовательно, представляют собой канал, через который усиливает-

ся, подкрепляется властность юридических норм, конкретизированно подтверждаются права и обязанности, а в ряде случаев в индивидуальном порядке частично регламентируется их содержание.

6. Исполнение решения юридического дела. Само по себе применение права заканчивается вынесением компетентным органом надлежаще оформленного акта применения, содержащего индивидуальное, государственно-властное веление. Вынесен акт применения – значит юридическое дело решено, компетентный орган на основании своих властных полномочий выразил свою волю по отношению к данному конкретному случаю, в механизм правового регулирования включились новые элементы, которые обеспечивают реализацию юридических норм.

Последующее фактическое осуществление субъективных прав и исполнение юридических обязанностей происходит за рамками правоприменительного процесса. «Осложняющая» стадия в ходе реализации юридических норм исчерпана. Дальше происходит обычная, нормальная реализация в виде использования субъективных прав, соблюдения и исполнения юридических обязанностей. Все дело лишь в том, что юридическую основу фактических действий субъектов образуют теперь не только нормативные предписания, но и принятые на их основе индивидуальные государственно-властные веления.

Непосредственно в правоприменительный процесс, по существу, лишь входят дополнительные (вспомогательные) действия, связанные с оформлением принятого решения, а также с его «обнародованием», – с доведением принятого решения до сведения адресата, всех лиц, которых оно касается. Эти задачи достигаются при помощи акта применения права (гл. XXXVII).

А какова природа и роль тех фактических действий по практическому осуществлению государственного принуждения, которые в ряде случаев оказываются необходимыми после решения юридического дела?

В тех случаях, когда нужны дополнительные действия принудительного характера по исполнению правоприменительного решения, каждое из них представляет собой самостоятельный процесс применения юридических норм. Например, если не выполняется судебное решение о принудительном взыскании, то действия судебного исполнителя, в свою очередь, выражаются в правоприменительных решениях.

Конечно, эти действия носят дополнительный характер: направлены на исполнение решения юридического дела, практическую реа-

лизацию государственно-властного веления. Они имеют лишь относительную самостоятельность¹. Поэтому, как уже говорилось, дополнительные действия не образуют самостоятельной стадии в процессе применения права.

Тем не менее в условиях строгой социалистической законности (в частности, в условиях достаточно полной нормативной регламентации государственно-принудительной деятельности) практическое осуществление мер государственного принуждения воплощается в относительно обособленных правоприменительных «операциях», включающих и установление фактических обстоятельств, и выбор — анализ юридических норм, и вынесение решения.

Особо сложной является деятельность по исполнению приговоров по уголовным делам, устанавливающих в качестве меры наказания лишение свободы, исправительные работы и некоторые другие меры. Так, деятельность исправительно-трудовых учреждений — это в значительной части деятельность по применению юридических норм, регулирующих правовое положение заключенных, их взаимоотношения с администрацией мест лишения свободы и т.д.

Существенная особенность решения юридических дел при вынесении исполнительных актов состоит в том, что они носят дополнительный, производный характер и в соответствии с этим юридической основой применения права являются здесь не только юридические нормы (например, нормы исправительно-трудового законодательства), но и юрисдикционный акт, в частности приговор или решение судебного органа.

Это в значительной степени упрощает правоприменительную деятельность при исполнении юрисдикционных актов и в то же время повышает ответственность должностных лиц, обязанных строго выполнять как предписания юридических норм, так и индивидуальное предписание, содержащееся в юрисдикционном акте.

---

¹ *Корнев А.П.* Применение норм советского административного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1971. С. 30.

ГЛАВА XXXVII

АКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

1. Понятие акта применения права. Это *официальный акт-документ компетентного органа, содержащий индивидуальное государственно-властное веление по применению права.*

Как уже отмечалось, нередко термином «акт применения» обозначается «само» индивидуальное государственно-властное веление, т.е. результат решения юридического дела, которым завершается правоприменительный процесс. Здесь же, в настоящей главе, этому термину придан другой смысловой оттенок. Под «актом применения» понимается *государственно-властное веление, рассматриваемое в его единстве с внешней формой*¹. Иными словами, акт применения, так же как нормативный юридический акт, выступает в неразрывном единстве содержания и формы — единый акт-документ.

Наиболее существенные черты акта применения таковы:

1) Это *официальный акт компетентного органа, выражающий волю государства*. По этому признаку акты применения относятся к той же самой группе официальных актов, что и нормативные юридические акты. Они опосредствуют государственно-властную деятельность компетентных органов. На них в принципе распространяются те же требования законности, «компетентности», обязательности определенной формы, которые уже отмечались в отношении нормативных актов (гл. XXIII)².

2) Это *акт компетентного органа, направленный на то, чтобы вызвать индивидуальные обязательные юридические последствия*. Такими последствиями, обогащающими механизм правового регулирования, являются государственно-властное обеспечение реализации юридических норм, индивидуальное поднормативное регулирование данных отношений.

---

¹ В этом направлении идут и рассуждения Ф.А. Григорьева, полагающего, что правоприменительные акты — «это интеллектуальные волевые решения, имеющие правовое содержание и внешнее оформление, порождающее определенные юридические последствия» (*Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 7*).

² *Самощенко И.С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 23—28.*

Таким образом, в отличие от нормативных юридических актов, являющихся юридическим источником нормативного регулирования, акты применения выступают в качестве юридического источника индивидуально-правовых последствий. Причем, надо заметить, эти последствия не сводятся к тем, которые наступают в результате юридических фактов (возникновение, изменение или прекращение правоотношений). Они более глубокие и значимые, связанные, в частности, с индивидуальным регулированием общественных отношений.

3) Это *акт, содержащий государственно-властное веление (предписание)*. Он представляет собой внешнюю форму решения юридического дела, форму бытия, существования индивидуального государственно-властного веления, предписания. Индивидуальные веления реально существуют, функционируют лишь в виде актов применения.

4) Это *акт-документ, в котором решение компетентного органа по юридическому делу закрепляется формально*. Так как акт применения выступает в качестве нераздельного единства содержания и формы, в нем существенное значение приобретают формальные моменты. Понятие «акт применения» дифференцируется от самого решения юридического дела и его результата – индивидуального веления. Иначе говоря, перед нами не само по себе действие по применению юридических норм, не сам по себе его результат, а результат действия, выраженный в обязательной, как правило, письменной форме, т.е. единый акт-документ.

Какова роль актов применения в механизме правового регулирования?

Значение актов применения в какой-то степени подобно роли нормативных юридических актов (с той, конечно, существенной разницей, что их функции охватывают не нормативную основу механизма правового регулирования, а государственно-властное обеспечение и индивидуальную регламентацию отношений в процессе реализации юридических норм).

Во-первых, акты применения – инструменты, при помощи которых реально проводится решение юридических дел: государственно-властное обеспечение реализации прав и обязанностей, индивидуальное регулирование общественных отношений.

Во-вторых, акты применения – формы бытия, реального существования индивидуальных государственно-властных велений, предписаний. Через эти акты мы получаем информацию о решениях юридических дел, «черпаем» из них (и только из них) наши знания о результатах применения права.

Следовательно, в актах применения воплощается индивидуализированное воздействие компетентных органов на ход правового регулирования, доведение его до конца, индивидуальная поднормативная регламентация общественных отношений. В механизме правового регулирования акты применения как бы присоединяются к нормативным юридическим актам. Вместе с ними они призваны обеспечить те или иные преобразования в правовой ткани социалистического общества, реальное воздействие воли государства на существование и функционирование права.

Специально следует указать на то, что акты применения выступают в качестве инструмента реального проведения в жизнь государственного принуждения. Дотоле находящееся в потенциальном состоянии государственное принуждение при помощи актов применения «пускается в ход», из возможности превращается для данных лиц в действительность.

Рассматривая значение актов применения с точки зрения их документальной формы, можно указать еще на ряд функций, которые выполняются ими в процессе правового регулирования. Эти функции также схожи с функциями нормативных юридических актов: обеспечение полного и точного выражения содержащейся в них воли; обновление, т.е. доведение до сведения, кого это касается, содержания этой воли (решения юридического дела); обеспечение идеологического, воспитательного воздействия. Сила, действенность решений юридических дел во многом зависят от правильности их документального оформления. Например, юридическое и воспитательное воздействие права при решении уголовных дел значительно снижается, если приговор по решенному делу оформлен неправильно, не приведены в нем необходимые доказательства и обоснования решения.

По мнению П.Е. Недбайло, акты применения являются средством правильного применения юридических норм. Кроме того, автор относит к средствам правильного применения интерпретационные акты и нормативные акты, содержащие конкретизирующие нормы, а также определенные неправовые средства¹.

В приведенном взгляде П.Е. Недбайло содержится в принципе верная мысль: без правоприменительного акта невозможно реально провести в жизнь решение правоприменительного органа. Автор правильно пишет, что здесь перед нами акты, «непосредственно организующие осуществление правовых норм в правоотношениях и обеспечивающие выполнение обязанностей их субъектами»². В этом смысле акт применения можно рассматривать в каче-

---

¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960. С. 472–496.

² Там же. С. 475.

стве средства, обеспечивающего реализацию принятого правоприменительным органом решения. Однако это именно средство реализации решения, а не средство применения права в целом. В противном случае получается, что акты применения находятся где-то вне самого применения. Между тем, как уже отмечалось, правоприменительные акты являются выражением решения по применению права, неотъемлемым от него.

При теоретической разработке правоприменительных актов следует учитывать те смысловые различия, которые существуют между понятиями «решение юридического дела», «индивидуальное государственно-властное веление» и «акт применения». Если первое из указанных понятий (решение юридического дела) охватывает завершающее правоприменительное действие с точки зрения процесса применения права, его этапов, второе (индивидуальное веление) охватывает результат правоприменения, его содержание, его «правоприменительное значение», то третье (правоприменительный акт) выражает решение юридического дела, рассматриваемое в единстве с его внешней, документальной формой. В принципе разница между понятиями «решение юридического дела», «индивидуальное государственно-властное веление», «акт применения» такая же, как и различие между понятиями «правотворческое решение», «юридическая норма» и «нормативный юридический акт».

Характер зависимости, «сцепления» между правотворческим решением, юридической нормой, нормативным актом, с одной стороны, а с другой — между решением юридического дела, индивидуальным государственно-властным велением и актом применения в принципе один и тот же. Не является ли это выражением того, что и тому и другому ряду правовых явлений присущи некоторые общие закономерности? Положительный ответ на этот вопрос, думается, связан с тем, что в обоих случаях (и только в этих случаях!) перед нами выражение активной государственной деятельности в сфере правового регулирования, направленной, в частности, на правовое (нормативное и индивидуальное) регулирование общественных отношений.

2. Требования, предъявляемые к актам применения права. Для того, чтобы акт применения выполнил свои функции, он должен отвечать трем группам требований (обязательных условий):

а) *Требования к содержанию акта.* По своему содержанию государственно-властное веление, выраженное в правоприменительном акте, должно соответствовать общим требованиям правильного (надлежащего) применения, т.е. оно должно быть законным и обоснованным. Одним из выражений соблюдения указанных условий является издание акта в пределах компетенции правоприменительного органа.

б) *Требования к порядку издания акта.* Издание акта подчиняется определенной процедуре, направленной на обеспечение законности и обоснованности принимаемого решения. Эта процедура, регламентированная нормами процессуального права, включает как действия,

связанные с установлением обстоятельств дела и анализом юридических норм, так и действия по вынесению решения.

в) *Требования к документальной форме акта.* В интересах строгого проведения начал социалистической законности в законодательстве установлены определенные правила, регламентирующие документальную форму многих актов применения. Эти правила предусматривают юридическую обязательность соблюдения ряда формальных моментов при документальном выражении велений, совершаемых в результате применения.

В своей совокупности указанные требования образуют обязательные условия, которым должны соответствовать акты применения. Их несоблюдение (условий) может повлечь за собой отмену акта или его изменение (дооформление). Для того, чтобы обеспечить возможность заинтересованным лицам возбудить вопрос об отмене или изменении акта, в социалистическом праве установлен порядок обжалования и опротестования актов применения.

3. Акт применения права как акт-документ. Значение актов применения, их роль в механизме правового регулирования состоит главным образом в том, что они выступают в качестве внешней формы индивидуальных государственно-властных велений, формой их существования, бытия.

Весьма важно обратить внимание на то, что и в отношении актов применения следует различать форму юридического изложения и форму документального выражения индивидуальных явлений. Индивидуальная воля компетентного государственного органа нуждается в изложении на языке права, т.е. при помощи средств и приемов юридической техники. Здесь используются юридические конструкции, специальная терминология, специфические приемы изложения правовых предписаний.

Вместе с тем акт применения характеризуется не только своеобразным юридическим изложением его содержания, но и особой документальной формой (способом) выражения изложенного в акте индивидуального государственного волеизъявления.

И с этой стороны особенности акта применения сопряжены с использованием средств и приемов юридической техники.

Юридическое изложение и документальное выражение принятого решения по юридическому делу требуют от правоприменительного органа совершения ряда специфических действий по оформлению акта. Хотя последнее и тесно связано с самим решением, но все же представляет относительно самостоятельное действие по применению

права. Когда принято определенное решение, правоприменительный орган должен выразить его в установленной форме. В законодательстве нередко предусматриваются известные формуляры документов, в которых оформляется решение. В ряде случаев узакониваются названия соответствующих документов. Таковы, например, приговоры, решения, определения, протесты, представления и т.д.

В нормах процессуального и некоторых других отраслей права предусматривается точный перечень реквизитов документа, закрепляющего акт применения. Если охарактеризовать общие требования, предъявляемые к форме актов-документов в различных отраслях, то основные реквизиты могут быть разбиты на четыре группы (части):

А. Вводная часть. Она включает, в частности, наименование документа; наименование правоприменительного органа; место и время вынесения решения; указание на лиц, участвовавших в деле; указание на предмет дела и на лиц, на которых распространяется решение дела, и др.

Б. Констатирующая (описательная) часть. Сюда относится изложение фактулы дела (описываются преступление, суть искового заявления и т.д.).

В. Мотивировочная часть. Это анализ доказательств; их оценка, выводы об обстоятельствах дела; указание на юридические нормы, которые кладутся в основу принимаемого решения.

Г. Резолютивная часть. Здесь содержатся конечные выводы правоприменительного органа, а также все его дополнительные веления (распоряжения), касающиеся решения дела (например, о судьбе имущества при расторжении брака, о дополнительных мерах наказания по уголовному делу и др.)¹.

На практике вырабатываются определенные технические формы (образцы), используемые при выработке актов применения права, в том числе приговоров, решений и определений судов, протестов и представлений органов прокуратуры, постановлений ФЗМК и т.д. Составленные в соответствии с требованиями закона, они вместе с тем отражают накопленный опыт документального оформления актов применения

¹ В общем виде реквизиты правоприменительного акта-документа перечисляет Н.Г. Александров. Он пишет, что «в нем должно быть ясно указано: а) от какого органа исходит данный акт; б) дата акта; в) к какому конкретному лицу данный акт относится; г) в чем состоит существо решения вопроса; д) в соответствии с какими фактическими материалами принято данное решение.., е) на основании какого закона... принят данный акт...» (Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961. С. 162); см. также: Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 13.

права. Указанные формы представляют собой бланкетные формуляры (частично заранее подготовленные). Они значительно облегчают работу по составлению соответствующих документов, вносят в практику применения закона необходимое единство.

Документ, в котором выражен акт применения, должен быть подписан управомоченными лицами, в необходимых случаях скреплен печатями и заверен.

Наконец, акт-документ, закрепляющий решение юридического дела, нуждается в официальном *обнародовании* — публичном оглашении, представлении заинтересованным лицам копий и т.д.

4. Виды актов применения. Главными основаниями деления правоприменительных актов на виды являются: а) виды субъектов, которые применяют юридические нормы; б) функции, выполняемые индивидуальными велениями в механизме правового регулирования.

Деление актов по видам субъектов. Эта классификация отражает внешний признак правоприменительных актов — вид субъекта, от которого исходит акт, а отсюда и его юридическую силу. По указанному признаку различаются:

1) акты верховного государственного управления и иные индивидуальные акты органов государственной власти;

2) административные акты органов государственного управления, в том числе акты плановораспорядительных органов;

3) судебные акты;

4) акты органов контроля, прокурорского надзора и др.

Деление по функциям индивидуальных велений в механизме правового регулирования. Эта классификация является основной. Она отражает значение индивидуальных государственно-властных велений в процессе правового регулирования. По указанному признаку правоприменительные акты могут быть подразделены на две группы: 1) акты-регламентаторы, 2) правообеспечительные акты.

А. Акты-регламентаторы. Значительное число индивидуальных актов-регламентаторов издается в процессе правоисполнительной деятельности органов социалистического государства, суть которой как раз и состоит в том, чтобы конкретизировать нормы права в индивидуальных актах¹.

---

¹ Как уже отмечалось, по мнению В.М. Горшенева, правоприменительные акты органов государства могут быть разбиты на две группы: правонаделительные и правоохранительные. С его точки зрения, правонаделительные акты «имеют своим непосредственным назначением конкретизацию предписаний нормативных актов путем установления участников общественных отношений, наделения одних субъективными правами

Правоисполнительные (оперативно-исполнительные) акты, направленные на регламентирование общественных отношений, могут быть подразделены на две основные группы:

а) исполнительные акты, направленные на конкретизацию правомочий на положительные действия, в том числе прав, связанных с использованием общественных фондов. Таковы, например, ордер на жилую площадь, акт отвода земельного участка и др. Все эти акты являются не только юридическими фактами, но и средствами индивидуальной регламентации общественных отношений (по субъектам, объектам, отчасти по содержанию);

б) исполнительные акты, направленные на конкретизацию положительных юридических обязанностей участников правоотношений. В качестве примера можно указать на налоговое извещение, которое уточняет объем налоговых обязанностей налогоплательщиков.

Особую разновидность правоисполнительных актов образуют народнохозяйственные планы. Они выделяются не только потому, что играют исключительно большую роль в жизни социалистического общества, но и потому, что охватывают регламентированием значительный комплекс отношений в области хозяйства, причем нередко на довольно большой отрезок времени.

Характерная особенность плановых актов состоит и в том, что они, как правило, действуют в определенной системе. Существует цепочка планов, которая начинается с планов-директив и заканчивается оперативными плановыми заданиями, обращенными к конкретным исполнителям. Причем каждый из плановых актов имеет (с юридической стороны) строго определенных адресатов.

Известную роль в индивидуальном регламентировании общественных отношений могут играть и юрисдикционные акты (т.е. акты, которые в принципе принадлежат к группе правообеспечительных). Так, обвинительный приговор по уголовному делу точно определяет субъекта правоохранительного уголовного правоотношения, конкретизирует меру наказания и некоторые другие элементы правоотношения. На индиви-

---

и возложения на других соответствующих юридических обязанностей (*Горшенев В.М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. Госюриздат, 1963. С. 118). Следует еще раз подчеркнуть: автор сужает функции рассматриваемой группы индивидуальных актов: он видит в них только юридические факты. Между тем они выполняют более глубокие функции — функции по индивидуальному регламентированию общественных отношений. К тому же, вряд ли оправданно вводить для обозначения данных актов еще один термин. В литературе они, как правило, обозначаются термином «исполнительные» или «оперативно-исполнительные» (см. по данному вопросу: *Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 63).

дуальную регламентацию общественных отношений направлены также судебные решения по так называемым преобразовательным искам. Суд, например, определяет конкретное содержание алиментных правоотношений по иску нетрудоспособных родителей на получение содержания от своих совершеннолетних детей, имеющих самостоятельный заработок. Конкретизирующие функции выполняют также многие арбитражные решения, в том числе по преддоговорным спорам.

Б. Правообеспечительные акты. Они относятся главным образом к актам, издаваемым на основе норм процессуального права (уголовно-процессуального, гражданско-процессуального). По своему содержанию они подразделяются на акты надзора и контроля; следственные акты; юрисдикционные акты; акты исполнения юрисдикционных решений (исполнительные акты).

Функции этого вида актов применения в механизме правового регулирования состоят главным образом в том, чтобы на основе властных полномочий компетентных органов обеспечить реализацию регулятивных правоотношений и, следовательно, достижение целей правового регулирования. Содержащиеся в них индивидуальные государственно-властные веления включаются в механизм правового регулирования в той мере, в какой они:

а) требуют от лиц устранения правонарушений (акты надзора и контроля);

б) вносят определенность в правоотношения и содержат властный приказ исполнить юридическую обязанность (юрисдикционные акты);

в) выражают меры государственного принуждения (исполнительные акты), а также обеспечивают реализацию правоотношений в области охраны общественного порядка.

По своему юридическому значению правообеспечительные акты могут быть подразделены на две группы: основные и вспомогательные. Основные — это акты, которые содержат веление, выражающее конечное решение юридического дела (таковы, в частности, юрисдикционные акты: приговор по уголовному делу, решение о взыскании имущества и др.). Вспомогательные — это акты, которые содержат предписания, подготавливающие издание основных или же направленные на их осуществление (таково, например, большинство актов надзора и контроля, следственных и исполнительных актов).

В настоящей главе затронуты лишь самые общие вопросы актов применения.

Надо заметить, что эти вопросы еще менее изучены, чем завершающая стадия процесса применения и его результат — индивидуальное государственно-

властное веление (тем более, как уже отмечалось, эти правовые явления нередко отождествляются)¹.

Между тем акты применения образуют самостоятельную проблему социалистического правоведения. Ее разработка имеет не только существенное теоретическое, но и немалое практическое значение. Деятельность юриста связана главным образом именно с актами применения. По вопросам правовых актов накоплен определенный материал и в отраслевых юридических науках, в особенности в науках уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права.

Среди ряда аспектов рассматриваемой проблемы, думается, наиболее существенный интерес представляют вопросы: а) виды актов применения; б) юридическая техника, используемая при их выработке и оформлении; в) учет и систематизация актов применения; г) их толкование.

Большой теоретический интерес представляет углубленный анализ содержания актов применения. Если верно, что функции индивидуального веления, являющегося содержанием акта применения, выходят за рамки функций юридического факта, то, спрашивается, какова все же их природа и, в частности, природа тех индивидуальных правовых последствий, на которые направлено индивидуальное веление акта применения? Ответ на поставленный вопрос следует искать в специфике индивидуальных *государственно-властных предписаний* как явлений *sur generis*, воплощающих деятельность компетентных органов по обеспечению на основании юридических норм индивидуализированного действия механизма правового регулирования.

---

¹ Такое отождествление допускает, в частности, Ф.А. Григорьев — автор, существенно продвинувший вперед разработку проблем актов применения (см.: *Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права как разновидность юридических актов социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971; Он же. Акты применения норм советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971; и др.*). Отождествление указанных правовых явлений допускал ранее и автор настоящего курса.

Раздел пятый. Юридическая наука (правоведение)

ГЛАВА XXXVIII ПРАВОВЕДЕНИЕ (общая характеристика)

1. Понятие юридической науки (правоведения). Это система специальных общественных знаний, в пределах и посредством которой осуществляется теоретико-прикладное освоение права.

В настоящее время термин «юридическая наука» используется и в более широком смысле. Им охватываются не только правовые науки в строгом значении этого слова, но и науки о государстве; иными словами, вся система наук о политической организации общества, государстве и праве. Вместе с тем возможно употребление этого термина в более узком смысле, т.е. в смысле одних лишь наук о праве (правоведении). Так он и понимается в настоящем разделе курса.

Суть юридической науки, ее назначение в жизни общества раскрываются через положение — «освоение». Теоретически освоить — это значит прежде всего изучить, понять предмет данной науки. Однако при помощи юридической науки обеспечивается не просто изучение правовых явлений, а *теоретико-прикладное овладение* ими, возможность целенаправленного формирования и применения права, управления правовым регулированием¹.

2. Особенности юридической науки. Правоведение — своеобразная, специфическая область человеческих знаний.

Эта область знаний относится к группе *общественных* наук, да притом таких специальных, которые осваивают общественные явления, принадлежащие к сфере политики. Глубинное политическое содержание, выраженное в особом юридическом содержании, свойствах и закономерностях, выражает одну из главных черт предмета правоведения, ее особенность².

---

¹ «В самом общем и абстрактном виде функция науки может быть охарактеризована так: познать, чтобы овладеть» (Никитин Е.П. Объяснение — функция науки. Наука, 1970. С. 11).

² Об единстве «политического» и «юридического» в области правовых наук см.: Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 52; Марксист-

Наряду с этим *решающая особенность правоведения состоит в том, что оно представляет собой отрасль общественных знаний, сочетающих в себе черты теоретической и прикладной науки.*

Право (а тем более государство, вся политическая организация общества) изучается рядом наук — философией, политической экономией, историей и т.д. В юридической же науке оно осваивается *для практических нужд*, связанных с правовым регулированием, изданием и реализацией юридических норм.

Конечно, в правоведении существенное значение имеет «теоретическая сторона» как таковая. Но и общетеоретические исследования, проводимые в рамках юридической науки, характеризуются нацеленностью (проявляющейся нередко через ряд опосредствующих звеньев) на обслуживание практических нужд. Именно поэтому предмет правоведения образуют не только специфические закономерности правового регулирования, но и догма права, приемы и методы решения юридических дел и т.д., — все то, что может быть отнесено к технике юриспруденции.

В рассматриваемом отношении правоведение имеет известные внешние черты сходства с техническими науками, медициной и т.д. Как и они, правоведение призвано обслуживать практические нужды, а именно нужды, относящиеся к рационализации правотворческой деятельности, совершенствованию законодательства, научной организации применения права, выработке наиболее эффективных приемов решения юридических дел и др. Юридическая наука как особая отрасль знания только и может существовать в органическом единстве теоретической и прикладной сторон.

Теоретическое познание в правоведении *органически увязано со специальным познанием*, которое осуществляется при решении юридических дел и выражается в толковании нормативных предписаний и установлений фактических обстоятельств дела. Поэтому многие теоретические исследования, в особенности в специальных отраслевых науках, строятся таким образом, чтобы обеспечить эффективность специального познания, выработать для него необходимые научные основы.

ско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 20 и сл.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в настоящее время, когда процесс дифференциации общетеоретических наук, изучающих политическую организацию общества, государство и право, еще не завершен, юридические науки включают значительное количество и непосредственно государствоведческой проблематики и, следовательно, в определенной части являются науками о политической организации общества.

Данная особенность правоведения ставит его в специфическое положение по сравнению со многими другими специальными общественными науками (например, историей, этнографией и др.). Учет этой особенности играет важную роль при характеристике функций и предмета юридической науки, закономерностей ее возникновения и развития, частнонаучных методов правоведения.

Юридическая наука (как и многие другие отрасли знаний) — *единая и дифференцированная наука*. В системе общественных наук она выступает как единая область знаний, имеющая единый предмет — право, правовое регулирование. Вместе с тем она дифференцирована по содержанию. Вот почему термин «юридическая наука» можно в зависимости от контекста употреблять и в единственном, и во множественном числе. В первом случае имеется в виду правоведение в целом, во втором — отдельные юридические науки, посвященные отраслям права, практике применения юридических норм и др. (гл. XLII).

3. Функции юридической науки. Это *направления теоретического освоения права, осуществляемого в соответствии с особенностями правоведения, его назначением в системе общественных знаний*.

Главными функциями юридической науки¹ являются: 1) теоретико-познавательная; 2) практически-прикладная (нормативная); 3) идеологическая, воспитательная.

Т е о р е т и к о - п о з н а в а т е л ь н а я ф у н к ц и я. Юридическая наука призвана прежде всего правильно и полно теоретически осмыслить сущность права, его особенности, весь механизм правового регулирования. Главное при этом состоит в том, чтобы познать объективные закономерности права, пути и способы его совершенствования, методы повышения его эффективности. Основное содержание юридической науки и состоит из понятий, классификаций, определений, в которых отражается результат познания права, правового регулирования.

Познание права, в свою очередь, складывается из ряда направлений, которые могут быть названы *познавательными функциями*. К их числу относятся:

констатационная (описательная) функция, выражающаяся в описании фактической стороны права, правового регулирования — в констатации фактов;

---

¹ Функциям науки посвящен ряд работ в философской и науковедческой литературе. Из числа последних работ см., в частности: *Никитин Е.П.* Объяснение — функция науки. Наука, 1970. С. 11 и сл.

этиологическая (объяснительная) функция, выражающаяся в истолковании, объяснении фактов, выявлении их сущности. По своему уровню, глубине объяснение фактической стороны правового регулирования может быть двух ступеней: а) интерпретационный, диагностический уровень, на котором юридические нормы, юридическая практика истолковываются такими, какие они есть, получают внешнюю, специально-юридическую обработку; б) эвристический уровень, на котором выявляются закономерности права, правового регулирования, их глубинные, сущностные черты¹;

прогностическая (предсказательная) функция, выражающая активную сторону познания права, правового регулирования и состоящая в выработке на основе познанных закономерностей научных прогнозов, гипотез о развитии права, его институтов в будущем².

Кроме того, в теоретико-познавательном отношении юридическая наука (в особенности, общетеоретические разработки, выражающие применение законов и категорий материалистической диалектики) выполняет и методологическую функцию. Это значит, что определенные теоретические обобщения, формулируемые в рамках правоведения, могут играть направляющую роль для последующей практики научных исследований.

П р а к т и ч е с к и - п р и к л а д н а я (н о р м а т и в н а я) ф у н к ц и я . На основе уяснения сущности права, его закономерностей, путей и методов повышения его эффективности, научно обоснованных прогнозов юридическая наука призвана вырабатывать рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и практики его применения, направлять, «нормировать» практическую деятельность. Именно здесь и раскрывается значение юридической науки как области общественных знаний, призванной обеспечить освоение права, правового регулирования.

¹ Познавательные функции науки могут получить и иную классификацию, терминологическое обозначение. Под несколько иным углом зрения можно различать онтологическую (констатационную и интерпретационную) и эвристическую функции (см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 69 и сл.; *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 135 и сл.).

² По мнению Р.А. Сафарова, «прогностической можно считать лишь такую информацию, которая опирается на комплексное исследование закономерностей и тенденций, получена в результате использования соответствующих методов (моделирования, экстраполяции, аналогии и др.), содержит определенную структуру (ожидаемые изменения, варианты решений, временные пределы, оценку вероятности)» (*Сафаров Р.А.* Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 95; см. также: *Шаргородский М.Д.* Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1. С. 41 и сл.).

Практически-прикладная главная функция также складывается из ряда направлений, которые могут быть названы *прикладными функциями*. К их числу относятся:

политическая функция, выражающаяся в служении государственно-правовой политике. Она состоит в такой направленности научных исследований, в соответствии с которой получаемые выводы становятся научной основой для государственных решений, для выработки общих линий в развитии государственно-правовых институтов;

функция de lege ferenda, выражающаяся в разработке законодательных предложений (проектов новых законов, изменений в законоположениях, систематизации нормативных актов и т.д.);

техничко-юридическая функция, которая состоит в том, что в юридической науке разрабатываются рекомендации по совершенствованию «техники юриспруденции» — приемов и способов расследования преступлений, процедуры разрешения юридических дел и др.

Характеризуя практически-прикладное значение юридической науки, необходимо слова «практические рекомендации» понимать в широком смысле. Это не только советы и пожелания правотворческим и правоприменительным органам со стороны тех или других ученых-юристов и научных коллективов. Значение практических рекомендаций имеют и многие общие теоретические положения юридической науки (например, положения о способах толкования нормативных актов, приемах составления юридических документов и др.). Значительная часть содержания юридической науки в соответствии с отмеченной ранее ее особенностью представляет собой теоретические положения, советы и рекомендации, обращенные к практике, практическим работникам.

Идеологическая, воспитательная функция. Юридическая наука призвана и непосредственно воздействовать на сознание людей, оказывать на них воспитательное воздействие. Поэтому в рамках правоведения осуществляется подготовка таких материалов (в виде учебников, популярных брошюр, пропагандистских статей), которые служат необходимым средством в процессе правового обучения, в осуществлении воспитательных и пропагандистских задач. С этой целью научные данные получают особую обработку (стилистическую, логическую, литературную и др.), обеспечивающую доступность изучаемого материала, убедительность теоретических выводов, их максимальную воспитательную эффективность.

Таковы главные функции юридической науки.

Все эти функции взаимосвязаны, находятся в органическом единстве. В частности, важно указать на то, что познание права в рамках юридической науки осуществляется с ориентировкой на необходимость решения практически-прикладных и идеологических задач. Осуществление же последних прямо зависит от глубины познания права¹.

Функции юридической науки имеют социально-классовое содержание. В эксплуататорском обществе специфические идеологические цели (затушевывание классовой сущности эксплуататорского права, оправдание произвола органов юстиции и др.) существенно отражаются на теоретико-познавательной функции, приводят к формулированию искаженных, иллюзорных положений. Если же учесть ограниченность практически-прикладных задач эксплуататорского правоведения, а также отсутствие необходимой методологической базы, то станет ясным, почему юридическая наука в эксплуататорском обществе, в том числе буржуазная правовая идеология, не способны подняться до эвристического уровня в познании права, осуществлять прогностическую функцию, а в практической области выступать в качестве научной основы государственно-правовой политики.

Только в условиях социалистического общества, на базе марксистско-ленинской методологии в полной мере и гармонично разворачиваются все функции юридической науки, и прежде всего эвристическое познание (т.е. познание сущности права, его закономерностей и т.д.) и социально-правовое прогнозирование. Социалистическое правоведение становится подлинной основой государственного управления и правового регулирования.

Функции юридической науки получают в последние годы все более углубленную разработку.

Существенный вклад в эту разработку внес В.П. Казимирчук, по мнению которого основными функциями юридической науки являются идеологическая или воспитательная, методологическая и теоретическая². Подробное освещение функции правоведения получили в работах П.Е. Недбайло. Автор выделил, в частности, такие функции юридической науки: онтологическую (констатационную и интерпретационную), эвристическую, методологическую, политическую, практически-организаторскую, идеологическую, про-

---

¹ Е.П. Никитин пишет: «Получение нового знания об объекте составляет внутреннюю функцию науки, практическое освоение действительности — ее внешнюю функцию» (Никитин Е.П. Объяснение — функция науки. Наука, 1970. С. 11).

² Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 15—19.

гностическую¹. По мнению Р.А. Сафарова, следует различать диагностическую, этиологическую и прогностическую функции².

Надо полагать, что на последующих этапах разработки функций юридической науки принципиально важно связать их теоретическое освещение с особенностями правоведения как специфической области общественных знаний. Отсюда необходимость укрупненной группировки функций, выделение главных функций. Именно с учетом перспективы исследования рассматриваемой проблемы в настоящем курсе *сначала* выделяются главные функции, а *затем* в соответствии с особенностью юридической науки конкретные направления научных исследований подразделяются на познавательные и прикладные функции.

4. Правоведение в механизме правового регулирования. Юридическая надстройка (механизм правового регулирования) включает в себя известные субъективные элементы — правосознание, правовую культуру («правовые взгляды»). Правоведение образует составную часть правосознания и правовой культуры. В этом качестве оно входит в механизм правового регулирования и таким путем оказывает влияние на правотворчество и реализацию юридических норм.

Прежде всего правоведение через правотворчество влияет на *содержание права, его эффективность*. Только на основе научных данных возможно своевременно, точно и полно выявить назревшие потребности общественного развития, а также весь комплекс объективных факторов, влияющих на формирование социалистического права. Именно наука является основным каналом, связывающим правотворчество в социалистическом обществе с практикой коммунистического строительства, с богатым опытом, накопленным народными массами и государственными органами в борьбе за коммунизм. В условиях прочных контактов между правотворчеством и наукой исключаются субъективизм при издании юридических норм, практика «волевых решений». При помощи науки обеспечивается налаживание обратной связи между правотворчеством и жизнью, практикой. На основе научных данных достигается быстрое исправление ошибок, допущенных в ходе правотворчества, намечаются пути дальнейшего совершенствования юридических норм.

---

¹ *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 135–145; см. также: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 69–77.

² *Сафаров Р.А.* Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 94–95; *Он же.* Прогностическая функция юридической науки. XXIV съезд КПСС и проблемы теории государства и права: Материалы научно-теоретической конференции. М., 1972. С. 80–82.

Если внимательно приглядеться к нормам действующего права, то можно увидеть, что данные науки, ее выводы как бы «просвечивают» через нормативный материал, «материализуются» в построении нормативных актов, в юридических конструкциях, терминологии и т.д. Одним из ярких проявлений вторжения правовой науки непосредственно в содержание права являются дефинитивные нормы норм-принципов. Здесь теоретические положения, выработанные наукой, вводятся в самое содержание права и, следовательно, выступают в качестве юридических норм.

Юридическая наука является одной из предпосылок, обеспечивающих *точную и правильную реализацию (применение)* юридических норм. Первостепенное значение принадлежит здесь доктринальному толкованию юридических норм. В силу своего авторитета, научной ценности доктринальное толкование непосредственно отражается на содержании и оформлении правоохранительных актов — следственных, юрисдикционных, прокурорско-надзорных. Судебные решения по сложным уголовным и гражданским делам нередко выносятся судьями после тщательного изучения не только всех обстоятельств дела, но и юридической литературы по данному вопросу. В приговорах и решениях квалифицированных судей во многих случаях так же, как и в нормах права, со всей определенностью «просвечивают» данные юридической науки, результаты доктринального толкования.

5. Предмет юридической науки. Это то, на что направлено научное познание, что охватывается теоретическим освоением, осуществляемым в рамках и посредством юридической науки. Этим «что» (предметом) является *правовое регулирование, весь его механизм.*

Необходимо подчеркнуть, что право, все другие элементы механизма правового регулирования лишь постольку образуют предмет науки, поскольку они выступают перед людьми, изучающими правовую надстройку, в качестве *социальной реальности, «наличной действительности»*¹. Разумеется, социалистическое правоведение вы-

---

¹ Именно этим, помимо иных причин, объясняется то обстоятельство, что советские ученые подчеркивают объективный характер права — его качество специфической объективной реальности (конечно, постольку, поскольку оно рассматривается по отношению к индивидуальному сознанию людей, изучающих и применяющих правовые нормы, по отношению к науке, иным формам общественного сознания). Как правильно говорится в Курсе, «марксистско-ленинская общая теория государства и права имеет дело, как и вся юридическая наука, с объективной реальностью, с объективно существующими законами развития государства и права». (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 55).

Особую позицию по данному вопросу занимают Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир. Они утверждают, что «сохранение применительно к праву понятия «объективная реаль-

полняет активные функции, способствует совершенствованию права, выработке новых норм и т.д., словом, является необходимым звеном в сложном процессе создания самого предмета науки. Однако в каждый данный момент право, все другие элементы механизма правового регулирования – это реальный факт, «наличная действительность», обладающая своей качественной определенностью – свойствами, структурой, специфическими закономерностями. И первоочередная задача правовой науки состоит в том, чтобы познать эти свойства, структуру, закономерности, освоить их, а это и позволяет правоведению активно воздействовать на свой предмет – правовое регулирование, его механизм.

Однако общее указание на то, что предмет правоведения образует правовое регулирование, является еще недостаточным.

Необходимо уточнить это общее определение, указать на составные части (элементы) предмета.

Элементы предмета правоведения могут быть рассмотрены в двух плоскостях: а) с точки зрения процесса правового регулирования, б) с точки зрения его содержания.

Э л е м е н т ы п р е д м е т а с т о ч к и з р е н и я п р о ц е с с а п р а в о в о г о р е г у л и р о в а н и я . В соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии право может быть познано, теоретически освоено лишь постольку, поскольку оно

ность» хотя бы в специфическом значении, является попыткой все же вывести его из сферы субъективного» (*Полянская Г.Н., Сапир Р.Д.* Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // Правоведение. 1972. № 4. С. 97).

Да, советские юристы, последовательно отстаивая материалистические позиции в истолковании социальных явлений, действительно стремятся «вывести» право из сферы субъективного, но и не из сферы субъективного вообще (право всегда остается субъективным фактором общественного развития, надстроечным явлением, относящимся к области общественного сознания), а из сферы *индивидуально-субъективного*. Ведь социальной реальностью право признается *только* по отношению к индивидуальному сознанию, к сознанию людей, изучающих и применяющих юридические нормы.

Если же не «выводить» право из области индивидуально-субъективного, то это приводит к субъективистской трактовке права, при которой оно сводится к психическим переживаниям, к проявлениям индивидуального сознания. Опасность такого рода субъективистской трактовки права становится еще более ощутимой, если учесть, что упомянутые авторы вместе с формулированием ряда правильных тезисов характеризуют право как «одно понятие», не допускающее различных характеристик (там же. С. 97), да притом такое, которое «непосредственно зависит от субъекта» (там же. С. 104). Авторы явно считают недостаточной общепринятое положение о зависимости права от воли законодателя, от государства и говорят о его непосредственной зависимости от «субъекта», от «сознательной волевой человеческой деятельности».

изучается в неразрывной связи с регулируемыми общественными отношениями, в процессе воздействия на общественную жизнь с учетом практики применения юридических норм. Следовательно, в поле зрения юридической науки наряду с правовыми нормами (а точнее — в связи с ними) должны попасть и *иные правовые явления* — правоотношения, юридические нормативные акты, индивидуальные акты, правосознание, а также и определенные *неправовые явления*, прежде всего регулируемые правом общественные отношения. Все эти разнообразные и разнохарактерные явления и охватываются категорией правового регулирования, его механизма.

Таким образом, элементами предмета юридической науки в рассматриваемой плоскости являются:

а) право (система юридических норм) как нормативная основа правового регулирования;

б) общественные отношения как предмет правового регулирования;

в) отдельные части механизма правового регулирования (нормативные юридические акты, правоотношения, индивидуальные акты, правосознание и правовая культура);

г) формирование и действие права и в особенности практика применения юридических норм, их эффективность.

Все эти элементы образуют предмет юридической науки не в механическом, а в диалектическом сочетании. И связывает их в прочное единство категория правового регулирования. Так, общественные отношения изучаются в области юридической науки не сами по себе, а именно как предмет правового регулирования. С этих же позиций изучаются отдельные средства правового воздействия, практика применения юридических норм и т.д.

Элементы предмета с точки зрения содержания правового регулирования. В первую очередь, правоведение концентрирует внимание на *специфических закономерностях* права, правового регулирования. Вместе с тем существенное значение в юридической науке имеет обработка самой «правовой материи»: юридических норм, правовых актов, правоотношений — всего того, что может быть названо *догмой права*. Теоретическая характеристика догмы права необходима не только для выявления закономерностей, свойственных праву, но и для решения вопросов, необходимых для обслуживания практики. С этой же целью в содержании правового регулирования выделяется то, что условно может быть названо *техникой юриспруденции* — это и юридическая техника как таковая, и техника расследования преступлений (кри-

миналистика), и техника ведения юридических дел, составления правовых документов и т.д.

Таким образом, элементами предмета юридической науки в данной плоскости являются:

- а) закономерности права, правового регулирования;
- б) догма права – непосредственно юридическое содержание правового регулирования;
- в) техника юриспруденции – та сторона содержания правового регулирования, которая непосредственно относится к практической работе юридических органов.

И эти элементы предмета находятся в единстве, во взаимной обусловленности. Вместе с тем их соотношение в отдельных юридических науках неодинаково: юридические науки тем и отличаются друг от друга, что одни из них концентрируют внимание на закономерностях права (общетеоретические науки), другие – на догме права (отраслевые и межотраслевые науки), третьи – на технике юриспруденции (специальные прикладные науки).

Проблема предмета юридической науки привлекла в последнее время внимание советских юристов. Пытаясь осветить особенности правовой науки, построенной на методологических принципах марксизма-ленинизма, советские ученые пошли по пути расширения того круга социальных явлений, который привлекается при исследовании права. С наибольшей обстоятельностью это сделано О.А. Красавчиковым, по мнению которого в предмет юридической науки включаются регулируемые правом общественные отношения, нормы и институты, источники юридических норм, юридическая техника, опыт применения норм права, правоотношения и юридические факты¹.

Сама по себе мысль о необходимости охвата в юридических исследованиях широкого круга социальных феноменов является плодотворной.

Вместе с тем, едва ли правильно ставить на одну плоскость все элементы предмета юридической науки. При расчленении предмета юридической науки на отдельные элементы (общественные отношения, нормы и институты, юридическая техника и др.) предмет юридических исследований выступает в виде суммы разнопорядковых явлений. При этом из поля зрения исчезает единое юридическое качество, соединяющее все элементы.

Объединению всех тех разнопорядковых социальных явлений, которые входят в предмет юридической науки, и способствует категория правового регулирования, его механизма.

По мнению ряда советских ученых, предметом юридической науки (в том числе отраслевых юридических наук) является *регулирование* правом общест-

---

¹ Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Сер. Гражданское право. Т. 6. Свердловск, 1961. С. 190.

венных отношений¹. Б.Б. Черепяхин правильно пишет: «...трудно отрицать с достаточным обоснованием, что предметом изучения отраслевой науки является именно отрасль права в широком смысле (не предмет регулирования, а само регулирование)»².

Если считать предметом юридической науки правовое регулирование, то сохраняется единство предмета: перед нами окажется не сумма разнопорядковых явлений, а единое и сложное по своей структуре социальное явление, которое — и это особенно важно — носит юридический характер, что соответствует своеобразию юридической науки, ее особому месту в системе общественных знаний.

Следует обратить внимание и на структуру предмета юридической науки с точки зрения содержания правового регулирования. Нередко определение предмета отдельных частных юридических дисциплин (в том числе отраслевых, специальных прикладных) ограничивается указанием на закономерности правовых явлений. Конечно, каждая юридическая наука изучает соответствующие закономерности. Но только ли закономерности? Не гиперболизирует ли это чисто теоретическую сторону правовых знаний? Думается, что если исходить из особенностей юридической науки, то нужно признать, что изучение и догмы права, и техники юриспруденции имеет в юридических науках самостоятельное, причем нередко первостепенное значение.

6. Состав юридической науки. Это *совокупность частей, из которых складывается содержание юридической науки.*

Наука права, как и всякая наука, состоит из определенных знаний, отражающих данный участок объективной действительности. Эти знания разнообразны по своему содержанию и характеру. Их особенности зависят от глубины изучения права, своеобразия поставленных при этом задач. Отсюда и возникает вопрос о составе юридической науки³.

В составе юридической науки различаются следующие части:

1) *Общеметодологическая основа* — данные философии, а также политической экономии, теории научного коммунизма, предопределяющие правильный методологический подход при изучении права, правового регулирования. То, что эти данные образуют основу правоведения, является выражением связи указанных выше наук с наукой права.

¹ См., например: *Гинцбург Л.Я.* К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 92.

² *Черепяхин Б.Б.* Рецензия на книгу О.А. Красавчикова «Советская наука гражданского права» // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 139.

³ О.А. Красавчиков указывает на четыре «звена состава отраслевой науки»: 1) методологическую основу; 2) «материальное» звено состава — научный материал; 3) «теоретическое» звено состава — теоретические построения; 4) «практическое» звено состава — практические выводы и предложения (см.: Указ. монография. С. 198–238).

2) *Фактический материал* – информация (сведения) о фактах, относящихся к области правового регулирования. Фактический материал – это «воздух ученого» (И.П. Павлов), та почва, которая только и может на правильной методологической базе привести к точным и полным теоретическим выводам и обобщениям. Данные о фактах исторически накапливаются, фиксируются в обобщениях, сборниках, теоретических работах. Для того чтобы наука развивалась, необходимо непрерывное пополнение фактического материала, выявление и фиксирование новых фактов, проверка старых фактов и т.д. Ученые социалистических стран при этом опираются на положения марксистско-ленинской теории познания. Основная задача при собирании и накоплении фактического материала – это обеспечить его точность, достоверность и полноту. Фактический материал, которым оперирует ученый-правовед, должен соответствовать принципу объективной истины.

3) *Теоретические построения* – обобщение фактического материала, общие понятия, теории, гипотезы, прогнозы. Теоретические построения, выработанные на прочной методологической и фактической основе, составляют главное содержание науки, в том числе и юридической. Значение науки, ее место в жизни общества, уровень ее развития – все это находит свое выражение в том, насколько глубоки, правильны, жизненны содержащиеся в ней теоретические обобщения, выводы, теории. Теоретические построения представляют собой базу для практических рекомендаций и предложений, а также для изложения научного материала в учебных и популяризаторских (воспитательных) целях. «Собственно наука, – пишет П.Е. Недбайло, – это и есть объяснение посредством общих теоретических принципов или их совокупности накопленных фактов, что дает возможность находить новые факты и открывать закономерности их развития»¹.

7. **«Техника» юридической науки.** Это совокупность средств и приемов, используемых при выражении содержания научных данных, их формулировании и изложении.

«Техника» юридической науки представляет собой, так сказать, внешнюю оболочку содержания науки. Одни и те же технические средства могут быть использованы в различных социальных, классовых целях. Например, научная терминология (даже внешне совпадающая) в зависимости от методологической основы данной юридической науки имеет различный смысл и значение. Классификации, концепции,

---

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 149; см. также: Сурилов А.В. О понятийных средствах советской юридической науки: Некоторые вопросы советской правовой науки. Кишинев, 1968.

деление работ на главы и т.д. есть в любой науке. Но содержание терминологии, классификаций, концепций, разумеется, непосредственно отражает социальную сущность данной науки, ее природу и задачи. Следовательно, при характеристике «техники» юридической науки рассматриваются некоторые внешние моменты безотносительно от конкретного содержания терминологии, классификации, концепции. Поэтому они и обозначаются в качестве «технических» средств и приемов.

«Техника» юридической науки включает в себя такие средства и приемы, которые в значительной степени носят общий характер, т.е. относятся ко всем наукам. В связи с этим в дальнейшем будут затронуты лишь некоторые средства выражения и изложения содержания научных данных, имеющих наиболее существенное значение либо отражающих особенности правоведения.

Среди средств выражения содержания научных данных следует специально указать на 1) научную терминологию, 2) теоретические конструкции, 3) концепции.

Научная терминология. Она строится на тех самых принципах, что и терминология нормативных актов. Более того, если определенные правовые явления обозначены точными терминами в нормативных актах, то последние «связывают» научную терминологию. Такие, например, термины, как «доказательство», «сделка», «преступление» и другие, должны употребляться в том же самом значении, в каком их использует законодатель (что, разумеется, не исключает возможности постановки вопроса о рационализации терминологии нормативных актов, а отсюда и научных терминов).

В юридической науке употребляются и такие термины, которые не фиксируются в нормативных актах (например, фактический состав, правоотношение, система права и др.). Как правило, такого рода «чисто научные» термины касаются наиболее общих понятий юридической науки.

К научной терминологии следует предъявлять те же самые требования, что и к терминологии нормативных актов, — это требования единства, общепризнанности и устойчивости. В частности, следует избегать того, чтобы один термин имел несколько значений. В то же время нельзя признать оправданным, когда одно явление обозначается разными терминами.

В юридической науке иногда возникает известный терминологический разнобой, связанный с тем, что при рационализации научной терминологии отдельные авторы не принимают во внимание требования ее общепризнанности и устойчивости. Конечно, терминология подчас нуждается

в улучшении, и преодолеть сложившиеся традиции в терминологии нелегко. Но и нет нужды *без особо веских оснований* отказываться от устоявшихся терминов (пусть даже и условных), заменять их другими, нередко не менее условными терминами.

Во всяком случае, следует признать недопустимым, когда те или другие авторы сразу же вводят новые термины в научные работы, учебные пособия или учебные программы, не считаясь с тем, что существует общепризнанная терминология. Это и приводит к тому, что возникает терминологический разнобой, при котором одно правовое явление обозначается разными авторами неодинаковыми терминами, и ученые начинают говорить «каждый на своем языке».

Теоретические конструкции. Это теоретическое объяснение того или иного построения нормативного материала, типа или вида правоотношений, юридических фактов, их действия и связи между собой, т.е. юридических конструкций. Таковы, например, конструкции различных видов сделок, видов трудовых договоров, составов преступлений.

Теоретические конструкции могут разрабатываться в качестве предложений *de lege ferenda*. Однако до того, как данная конструкция принята законодателем, она остается только предложением, рекомендацией и не представляет собой теоретического объяснения существующего построения нормативного материала.

Концепции. Концепциями являются научные решения теоретических проблем (например, концепция юридической ответственности «за вину» или, напротив, концепция гражданской ответственности «без вины»). Они также в той или иной степени касаются построения нормативного материала. Но их суть состоит в решении научных проблем.

Концепции по крупным и сложным проблемам, выраженные в стройной и последовательно проведенной системе взглядов, иногда называют *теориями*. В качестве примера можно назвать теорию «коллектива» при объяснении сущности государственного юридического лица, развитую рядом советских ученых-юристов (А.В. Венедиктовым, С.Н. Братусем, О.С. Иоффе и др.).

Средствами (формами) и з л о ж е н и я научных данных являются, в частности: 1) монографии — крупные работы, посвященные углубленному изучению теоретической проблемы; 2) учебники и учебные пособия; 3) статьи и брошюры; 4) рецензии на научные работы. Существуют и такие публикации и отдельные издания, в которых результаты научной работы излагаются в сокращенном виде, — это информации о ведущихся и законченных работах, информации о докладах и выступлениях на конференциях и совещаниях, тезисы докладов, авторефераты диссертаций, статей и др.

Существенное значение при изложении научных данных имеет *построение работы* (в особенности монографий, крупных статей). Здесь важно добиться правильного отбора материала, обеспечить его единство, полноту и вместе с тем – компактность. Крупные работы имеют внутренние подразделения – главы, параграфы (а иногда также разделы, части, тома или выпуски). Усвоение и понимание излагаемого материала облегчается, если внутри параграфов вводятся пункты. Иногда в учебной литературе они получают единую («сквозную») нумерацию. В монографических работах выделяются введения (предисловия) и заключения, в которых автор излагает суть своей работы, постановку проблемы, подводит итоги исследований. Часть материала в ряде случаев помещается в подстрочных примечаниях, а также выделяется петитом.

В научных работах немаловажна роль внешних реквизитов и «научного аппарата».

К *внешним реквизитам* относятся: указание автора, наименование работы (по возможности максимально краткое, точно отражающее содержание работы, в работах публицистического характера – образное, «заинтересовывающее»). Заголовками, кроме того, должны быть снабжены главы, параграфы, части и т.д., а в учебной литературе – также иногда и пункты.

«*Научный аппарат*» призван обеспечить удобства в пользовании работой, возможность обращения к материалам, использованным автором, установление источников помещенных в ней фактических данных. Для этого каждое отдельное издание (книга, журнал, сборник) должно иметь оглавление. Облегчают пользование книгой алфавитно-предметный и именной указатели. Серьезное внимание должно быть обращено на сноски, указывающие на использованные работы или иные материалы. Они помещаются в подстрочных примечаниях, а иногда (что менее удобно) даются после каждой главы или выносятся в завершающий раздел работы.

ГЛАВА XXXIX

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

1. Марксизм-ленинизм — мировоззренческая основа социалистического правоведения. *Своеобразие, принципиальная особенность социалистической науки права определяются тем, что ее мировоззренческой основой является марксистско-ленинская теория.*

Марксизм-ленинизм обладает могучей жизнеутверждающей силой, является «самой передовой революционной наукой современности...»¹. Возникновение марксизма-ленинизма предопределило самую возможность формирования подлинно научной системы взглядов на политическую организацию общества, государство, право.

Вместе с тем марксистско-ленинская теория включает в себя определенную сумму конкретных положений о политической организации общества, государстве, праве. Следовательно, в марксизме-ленинизме заложены основы, исходные принципиальные положения социалистического правоведения как специальной, теоретикоприкладной общественной науки.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса сформулированы основополагающие для социалистической правовой науки положения о классовом содержании права, об обусловленности его экономическим базисом, о роли права в жизни общества, о необходимости права при переходе к коммунизму и др.

В.И. Ленин, защитив революционную суть марксизма от извращения со стороны оппортунистов, ревизионистов и догматиков, развил взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе и по вопросам политической организации общества, государства, права. Ряд работ написан В.И. Лениным тогда, когда уже возникло первое в мире социалистическое государство. Поэтому в его работах содержатся методологические положения не только по вопросам, касающимся сущности права вообще, но и по вопросам, прямо относящимся к социалистическому праву, в том числе по вопросам социалистической законности, кодификации социалистического законодательства и др. Благодаря трудам В.И. Ленина теоретические положения о праве и законности в социа-

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. Госполитиздат, 1971. С. 101.

листическом обществе вошли в общую сокровищницу марксистско-ленинской теории в качестве ее важного раздела.

В развитии методологической основы правовой науки первостепенную роль играют решения съездов и пленумов Коммунистической партии. Такое значение имеют, в частности, решения XX, XXII, XXIII съездов КПСС, выработанные на них теоретические положения о необходимости дальнейшего укрепления социалистической законности, о развитии научных основ государственного руководства и др. Существенно новые теоретические положения по вопросам социалистического права и законности сформулированы XXIV съездом КПСС, подчеркнувшим необходимость дальнейшего укрепления права и законности, — общегосударственной, общепартийной задачи, связанной с гуманными идеалами коммунизма¹.

Марксизм-ленинизм, положения марксистско-ленинской теории о политической организации общества, государстве, праве являются именно мировоззренческой *основой* социалистической правовой науки.

В.И. Ленин подчеркивал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»².

Что же касается конкретных общественных наук, включая юридическую, то значение соответствующих мировоззренческих положений состоит в том, что они являются *надежным компасом в научных исследованиях, исходной базой, которая открывает простор для широких исследований, придает конкретной науке такие черты, которые позволяют ей теоретически овладеть данными общественными явлениями, вскрывать их объективные закономерности, выступать в качестве мощной «производительной силы» в жизни общества.*

Во-первых, марксистско-ленинская теория открывает перед юридической наукой возможность полного и всестороннего познания права, правового регулирования. Важнейшая составная часть марксистско-ленинской теории — материалистическая диалектика — вооружает ученых-юристов таким методом исследования, который позволяет им проникнуть во все «тайны» правовой материи, установить такие закономерности права, которые закрыты для познания юридической наукой в эксплуататорских обществах. Иными словами, марксизм-ленинизм

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. Госполитиздат, 1971. С. 80–81.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

делает правоведение *подлинной наукой*, раскрывает в нем подлинно научные теоретические функции — эвристическую, прогностическую.

Во-вторых, марксистско-ленинская теория намного повышает роль юридической науки в механизме правового регулирования, усиливает ее действенность в жизни социалистического общества. Познание глубинных черт и закономерностей права, правового регулирования является основой для выработки точных и действенных рекомендаций, содействующих повышению эффективности социалистического права, улучшению практики его реализации, в особенности в области социалистического хозяйства. В этих условиях социалистическое правоведение становится «производительной силой» в области правового регулирования, все более и более включается в самое содержание механизма правового регулирования.

В-третьих, марксистско-ленинская теория усиливает воспитательную роль юридической науки, превращает ее в мощный фактор коммунистического воспитания. Это достигается не только путем повышения эффективности правового регулирования, но и путем развертывания воспитательной функции самой науки права. Марксистско-ленинская теория насыщает ее таким принципиально новым идеологическим содержанием, которое позволяет юридической науке непосредственно содействовать формированию новых коммунистических отношений, воспитанию нового человека.

2. Коренная противоположность социалистического правоведения буржуазной правовой идеологии. Исторически правоведение возникло как наука, обслуживающая интересы эксплуататорских классов. В ней с самого начала можно обнаружить две основные тенденции (которые нередко сливаются, перекрещиваются). С одной стороны, это осуществление идеологической функции — апологетика действующего права, попытки замаскировать его классовую сущность, увидеть в нем проявление разума, природы человека, «духа народа» и т.д.; с другой — юридическая наука в эксплуататорских обществах концентрирует внимание на решении практически-прикладных задач и в соответствии с этим на внешней обработке права, его отдельных элементов с тем, чтобы обеспечить потребности органов юстиции, юридической службы необходимыми (хотя и ограниченными в силу отсутствия нужной методологической базы) практическими знаниями по праву в интересах эксплуататорских классов.

Юридическая наука в эксплуататорских обществах всегда представляет собой неотъемлемую часть господствующей идеологии (рабовладельческой, феодальной, буржуазной). Ее мировоззренческая основа — идеология эксплуататорских классов, разнообразные идеалистические

концепции, метафизика. Классовая направленность юридической науки в эксплуататорских обществах, узость целей, порочность методологической базы обусловили такие ее особенности (наиболее ярко проявившиеся в буржуазной юриспруденции), как господство догматических методов, схоластика, спекулятивные, априорные конструкции, оторванные от реальных, жизненных отношений. Ф. Энгельс писал: «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно... Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области..., которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий»¹.

Стремление оправдать действующее право, обслужить интересы класса эксплуататоров приводит к тому, что юридическая наука в эксплуататорских обществах выступает в качестве одной из реакционных частей господствующей идеологии. Лишь в отдельные исторические периоды в противовес официальной юриспруденции передовые представители общества развивали прогрессивные правовые идеи. Такой характер, например, носили в период крушения феодализма идеи школы «естественного права» (взгляды Ж.Ж. Руссо, А.Н. Радищева и др.). В настоящее время в буржуазных странах есть ряд прогрессивных юристов-демократов, имеются правоведы-коммунисты, адвокаты-коммунисты, ведущие защиту по политическим процессам.

В современных условиях общего кризиса капитализма процессы разложения буржуазного общества захватили и буржуазную правовую идеологию. Еще больший методологический разброд, еще более настойчивые попытки оправдать существующий правовой порядок, возрождение ряда ушедших в прошлое учений, придание ранее относительно прогрессивным школам откровенно реакционного характера — все это пронизывается линией на оправдание разложения буржуазной законности, «теоретического обоснования» произвола правоприменительных органов, правового нигилизма. С этим связано широкое распространение в настоящее время «социологических» школ и концепций, в частности школы «свободного права», прагматических теорий, теории солидаристов, реалистов, экзистенциалистских концепций и др.²

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

² Из числа последних работ, посвященных критике буржуазно-правовой идеологии, необходимо специально указать на монографию В.А. Туманова (Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. Наука, 1971). Давая принципиальную, партий-

На содержание и характер современных буржуазных правовых теорий оказывают определенное влияние сам факт существования марксистско-ленинской теории, ее победы в социалистических странах, ее притягательная сила для всех трудящихся. Именно поэтому общей чертой современной буржуазной юридической науки является ярко выраженный антикоммунизм. Буржуазные правоведы соревнуются друг с другом в клевете на социалистическое право, социалистическую правовую науку¹. В то же время они пытаются не только оправдать, но и приукрасить, возвеличить буржуазное «свободное» общество, буржуазные правовые порядки. Стремясь что-то противопоставить марксистско-ленинской теории, буржуазные правоведы на своей идеалистической метафизической базе ведут якобы «социологические» исследования в области права, призванные утвердить незыблемость и «рациональность» буржуазной правовой системы. Отсюда усилившийся в последние годы процесс «социологизации» буржуазных правовых теорий, более широкое использование конкретно-социологических методов, известное распространение «микросоциологических» исследований². Одним из проявлений этого процесса являются возникновение и развитие особой «политической науки», нацеленной на отыскание более гибких методов для укрепления господства эксплуататоров, а иногда и для прямой фальсификации действительности³.

Исходя из указанных черт юриспруденции в эксплуататорском обществе и, в частности, буржуазной правовой идеологии, можно с большей отчетливостью определить принципиальные особенности социалистического правоведения, в корне противопологающие его эксплуататорской правовой науке.

— Социалистическое правоведение как неотъемлемая часть социалистической идеологии по своей природе является прогрессивной наукой. Оно служит интересам трудящихся, всего трудового народа,

---

ную критику буржуазным правовым взглядам, автор вместе с тем обращает внимание на недопустимость упрощенного подхода к буржуазным правовым теориям. Существенный научный интерес в этом отношении представляют положения о гносеологических причинах плюрализма буржуазных учений о праве (С. 142 и сл.).

¹ Как правильно указывает В.А. Туманов, «антикоммунизм избирает вопрос о праве одним из основных направлений критики социализма» (Указ. монография. С. 8).

² В современную эпоху классовые интересы буржуазии требуют от буржуазной юридической науки «изучения и осмысливания новых социальных процессов и явлений, использования новых методологических и методических приемов, поисков новых средств опровержения марксистского мировоззрения» (там же. С. 10).

³ Чиркин В.Е. Об основных проблемах теории политической организации общества // Правоведение. 1965. № 2. С. 7.

направлено на обеспечение строительства высшего прогрессивного строя – коммунизма.

– Социалистическое правоведение не связано классовой задачей оправдания действующего права. Социалистическое право – право нового типа – не нуждается в таком оправдании. Социалистическое правоведение прямо и открыто провозглашает классовую, социальную сущность нашего права. Ученые-правоведы социалистических стран призваны вскрыть глубокие закономерности правового регулирования, исследовать эффективность действующего права и на этой основе вырабатывать научно обоснованные рекомендации об отмене устаревших нормативных актов, их совершенствовании и т.д.

– Социалистическое правоведение тесно связано с жизнью, практикой. Оно призвано и способно обеспечить практические органы полными, глубокими знаниями по праву, рекомендациями, необходимыми для осуществления практических задач. Юридическая наука в социалистических странах выполняет благородную миссию по коммунистическому воспитанию людей.

По своей мировоззренческой, методологической основе, характеру, содержанию, функциям социалистическое правоведение представляет собой *новый, особый тип юридической науки*. Оно является качественным скачком в развитии правовой мысли, знаменует собой такой этап ее развития, когда открылись реальные возможности для полного, глубокого и всестороннего теоретического освоения права, правового регулирования в интересах трудящихся, всего народа.

3. Советская юридическая наука. Социалистическое правоведение (как обособленная специальная теоретико-прикладная общественная наука) возникло в Советском государстве – первом социалистическом государстве, рожденном Великой Октябрьской революцией. Вместе со всем советским обществом, его идеологией советская юридическая наука прошла большой и сложный путь борьбы, творческих поисков, теоретических завоеваний. За более чем 50-летний путь своего развития она утвердила марксистско-ленинскую основу социалистического правоведения, решила многие проблемы права, возглавила общий фронт ученых-правоведов социалистических стран.

Рассматривая характерные черты советской юридической науки, особенности ее развития, необходимо, в частности, отметить следующее.

1) *Советская юридическая наука воплотила в себя последовательно революционные традиции и принципы советского общества, его Коммунистической партии, созданной В.И. Лениным.* Правоведение в нашей стране создавалось и развивалось под руководством Коммунистиче-

ской партии. И те последовательно революционные традиции, та верность марксизму-ленинизму, та принципиальность и страстность, которые характерны для партии, созданной В.И. Лениным, нашли свое отражение в советской юридической науке. Знаменательно, что у истоков советской юридической науки стояли верные ленинцы — П.И. Стучка, Н.В. Крыленко, Д.И. Курский, которые внесли в разработку правовых проблем пролетарскую партийность, классовый подход, линию на защиту интересов трудящихся, на упрочение принципов законности¹.

На формирование и развитие советской юридической науки известное влияние оказали революционно-демократические традиции русской политической мысли, прогрессивные взгляды передовых представителей русской юридической науки (например, А.Ф. Кони). Это важно, помимо прочего, отметить потому, что после Октябрьской революции передовые русские юристы перешли на сторону социалистического государства, содействовали формированию и развитию советской юридической науки.

2) *Советская юридическая наука формировалась и развивается в качестве авангарда социалистического правоведения, призванного обобщать и теоретически осмысливать опыт государственно-правового строительства первого в мире социалистического государства.* Успехи и достижения советской юридической науки во многом объясняются тем, что советские праведы в силу объективных исторических условий находятся в авангарде социалистического правоведения: на них легла задача первыми исследовать новое социальное явление — социалистическое право, социалистическую законность, выраженные в них ленинские принципы. В современных условиях, когда возникла система социалистических стран, советское правоведение сохраняет свою авангардную роль: оно направлено на исследование явлений и процессов в области государственно-правовой надстройки развитого социалистического общества, первым прокладывающего дорогу в коммунизм.

Вместе с тем на развитии советской юридической науки в определенной степени сказались объективные и субъективные трудности социалистического строительства первого в мире социалистического государства. Так, политика военного коммунизма (в период гражданской войны и иностранной военной интервенции) породила представления о господстве в советском праве административных мето-

---

¹ Плотник А.А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли // Ученые записки Латвийского госуниверситета. Рига, 1970. № 129.

дов. Развитию таких представлений впоследствии способствовала значительная централизация в государственной и хозяйственной жизни в 1930–1950 гг., вызванная сложной международной обстановкой, условиями Великой Отечественной войны и послевоенного периода. На советской правовой науке отразились и те поиски наиболее оптимальных форм хозяйственного руководства, которые проводились в нашей стране.

Проделанная Коммунистической партией нашей страны работа по устранению существовавших ранее недостатков в государственной и хозяйственной жизни, по дальнейшему совершенствованию системы социалистической демократии и законодательства, по внедрению такой практики, когда все государственные решения принимаются на прочной научной основе, открывает широкие просторы и для развития советской правовой науки.

3. Советская юридическая наука формировалась и развивалась в процессе творческих поисков, в процессе преодоления теоретических и идеологических трудностей. То обстоятельство, что на долю советских правоведов выпала задача первыми прокладывать дорогу в исследовании права на основе марксистско-ленинской теории, определило и некоторые другие стороны формирования и развития советской юридической науки. В ряде случаев советским правоведам приходилось находить правильную линию в разработке научных проблем только после долгих исканий, преодоления ошибок и заблуждений, в процессе теоретической, а иногда и идеологической борьбы.

Так, на первых порах развития советской юридической науки отдельными правоведами были предприняты попытки «применить» марксизм к психологической теории (М.А. Рейснер), теории социальных функций Л. Дюги (А.Г. Гойхбарх). Советской юридической науке пришлось преодолеть и взгляды правоведов, которые стремились «обосновать» положение о сближении советского и буржуазного права, неизбежность его перерождения и т.д. (такие взгляды высказывались, в частности, в отдельных статьях журнала «Право и жизнь»).

Некоторыми правоведами-марксистами развивались весьма своеобразные концепции социалистического права. Из них нужно указать на «меновую теорию» Е.Б. Пашуканиса, подробно развитую им в интересной работе «Общая теория права и марксизм» — теорию, в соответствии с которой сущность права выводится непосредственно из меновых отношений товарного оборота.

В 1920-х и начале 30-х гг. среди советских правоведов довольно широко были распространены ошибочные представления о том, что

наше право является «буржуазным», что уже в то время происходило отмирание права, что правовое регулирование должно все более заменяться организационно-техническим опосредствованием общественных отношений и т.д.

Советская юридическая наука, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, под руководством Коммунистической партии сумела в результате творческих поисков, преодоления теоретических и идеологических трудностей выйти на верные направления в исследовании права. Она закалилась и окрепла в теоретической и идеологической борьбе. Ее закалка и опыт – верная гарантия того, что она и впредь последовательно и строго будет проводить в области исследования права идеи марксистско-ленинской теории.

В настоящее время на основе решений XX, XXII, XXIII, XXIV съездов КПСС советская юридическая наука сосредоточивает свое внимание на проблемах, связанных с широкими философскими, социологическими исследованиями. Наша юридическая наука в современный период призвана разрабатывать научные основы государственного управления и правового регулирования, исследовать закономерности развития общенародного государства и права, содействовать совершенствованию социалистической демократии, укреплению законности и правопорядка, разоблачению антикоммунизма. ЦК КПСС в постановлении «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) поставил перед советской юридической наукой ответственные задачи, связанные с дальнейшим развитием правовой надстройки, повышением эффективности правового регулирования, усилением активного наступления против буржуазной правовой и политической идеологии, повышением правового воспитания людей.

Советская юридическая наука пришла к 50-летию Великого Октября и образования Советского Союза с большими достижениями. Глубокий след в развитии марксистско-ленинской правовой мысли оставили такие выдающиеся советские ученые, как П.И. Стучка, А.В. Венедиктов и др. Ряд крупных советских правоведов в разных областях юридической науки работают в настоящее время.

В советской юридической науке есть и определенные недостатки. Но в целом советские правоведы вышли на широкие просторы философских, социологических исследований, на разработку проблем, тесно связанных с жизнью, практикой.

4. Юридическая наука в зарубежных социалистических странах. Социалистическое правоведение успешно развивается в зарубеж-

ных социалистических странах – ГДР, Польше, Венгрии, Болгарии, ЧССР и др.

Особенности развития юридической науки в зарубежных социалистических странах выражаются в следующем.

1) *Развитие правоведения в зарубежных социалистических странах опирается на опыт советской юридической науки.* Ученые-правоведы братских стран смогли воспользоваться опытом советской юридической науки, учесть уроки ее развития.

Советской науке пришлось первой с марксистско-ленинских позиций исследовать право, правовое регулирование. Ученые-правоведы зарубежных социалистических стран сразу же взяли на вооружение положительный опыт применения марксистской методологии, а также положительные выводы советской юридической науки по ряду коренных теоретических проблем (о природе социалистического права, о системе права, о сущности государственной собственности, о природе правового регулирования трудовых и кооперативных отношений и др.). В этом нашли свое выражение общие, единые для всех социалистических стран закономерности строительства социализма и коммунизма.

Надо, однако, отметить, что в отдельных зарубежных социалистических странах в юридической науке проявляются ошибочные тенденции, проистекающие, в частности, из левацких уклонов, попыток ввести уравниловку (уравнение заработной платы, ликвидация воинских званий, уравнительное распределение в сельскохозяйственных объединениях и др.).

2) *На развитии юридической науки в зарубежных социалистических странах отражаются национально-специфические особенности государственно-правового строительства в этих странах, своеобразие выполняемых ими на данном этапе задач.* При исследовании правовых проблем ученые-юристы социалистических стран учитывают национально-специфические особенности государственно-правового строительства в той или другой стране. Так, юристы ГДР серьезное внимание уделяют проблемам, связанным с фактом существования двух германских государств, разоблачением правовых порядков в Западной Германии и т.д. В Чехословакии на направление научных исследований, на состав и конкретное содержание юридических наук оказало влияние издание особого закона, регулирующего хозяйственные отношения между социалистическими предприятиями и организациями, в Югославии – своеобразие управления народным хозяйством, в Монголии – процессы революционного развития этой страны от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию, на Кубе – специфиче-

ческие пути кооперирования крестьян и т.д. Значительные особенности в развитии науки права связаны в зарубежных социалистических странах (кроме Монголии) с отсутствием национализации всей земли, в некоторых странах — с допущением ограниченной частной собственности на средства производства, своеобразием политики ликвидации кулачества и др. Во многих странах определенное влияние на развитие правовых институтов оказало временное использование прежних буржуазно-демократических форм, наполненных новым, социалистическим содержанием.

Особенности развития юридической науки в зарубежных социалистических странах вызваны также своеобразием выполняемых ими на данном этапе задач. Коммунистические партии братских стран направляют внимание правоведов той или другой страны на решение таких проблем, которые на данном этапе являются для соответствующей страны наиболее важными. Так, в последние годы особенно активно разрабатываются проблемы правового регулирования управления промышленностью, вопросы юридических гарантий прав и свобод граждан, совершенствования представительной системы, борьбы с антисоциалистическими проявлениями.

3) *Особенности развития юридической науки в зарубежных социалистических странах связаны с историческими научными традициями, уровнем и характером развития юридической культуры.* Так, в ГДР проделана немалая работа по преодолению тех укоренившихся элементов догматизма и формализма, которые остались от господствовавших в свое время «школ». В Польше в юридической науке сохранила некоторое влияние психологическая школа права (хотя и очищенная от того идеалистического содержания, которое она имела в прошлом).

В качестве примера своеобразных научных традиций можно указать и на то, что в ГДР юридическая наука не знает разделения на государственное и административное право.

Несмотря на определенные различия в развитии юридической науки в отдельных социалистических странах, правоведы социалистических стран представляют собой единый отряд ученых, развивающих юридическую науку на основе марксистско-ленинской теории. Развитие юридической науки в каждой социалистической стране учитывает опыт и достижения во всех других социалистических странах. На соответствующие языки переводятся монографии и статьи, вышедшие в той или иной социалистической стране. Налаживаются взаимная информация, взаимный обмен преподавателями, аспирантами, студентами и т.д.

В общую сокровищницу марксистско-ленинской юридической науки вошли крупные работы правоведов зарубежных социалистических стран, посвященные общей теории права, социалистической собственности, конституционным проблемам, применению кибернетики в праве, хозяйственным договорам и т.д. Широко известны в социалистическом правоведении имена крупных ученых-правоведов, как И. Сабо (Венгрия), С. Розмарин (Польша), К. Полак (ГДР), Л. Василев (Болгария), Т. Ионашку (Румыния) и др.

5. Закономерности и перспективы развития социалистического правоведения. Социалистическому правоведению свойственны определенные объективные закономерности развития, которые определяются общими закономерностями развития социалистической идеологии, социалистической науки в целом, а также закономерностями развития предмета юридических исследований – права, правового регулирования. В определенной степени они зависят и от субъективного фактора, от существующей в науке атмосферы, от того курса, который взят в теоретической разработке права, правового регулирования.

Основная закономерность развития социалистического правоведения в современных условиях выражает главную закономерность развития правовой надстройки в социалистическом обществе – дальнейшее укрепление законности, усиление правовых начал.

В соответствии с этим в Советском Союзе и других социалистических странах происходит *повышение роли, общественного значения и авторитета юридической науки в жизни общества.*

Только на основании полных и проверенных научных данных можно обеспечить эффективное использование права в целях коммунистического строительства. Развитая юридическая наука является мощным средством коммунистического воспитания, средством, способствующим подъему юридической культуры, социалистического правосознания и, следовательно, утверждения начал социалистической законности во всех сферах жизни нашего общества. Эта закономерность социалистического правоведения прямо отмечена в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.), указавшему на неуклонное повышение роли юридической науки в решении задач коммунистического строительства.

Повышение роли, общественного значения и авторитета юридической науки проявляется, в частности, в том, что возрастает удельный вес правовых знаний во всей системе общественных наук: в философии, социологии, политической экономии во все большей степени

учитываются данные социалистической юридической мысли. Помимо иных, отмеченных ранее факторов, это, по всей видимости, сопряжено с процессом формализации, общественных знаний, — процессом, который требует более широкого использования категорий и характеристик, вырабатываемых социалистическим правоведением.

Социалистическое правоведение утверждается как наука, которая в единстве и во взаимодействии с другими областями общественных знаний выступает в качестве научной основы социального управления, своего рода «производительной силы» в общественной жизни. Несомненно, что и к юридической науке относятся слова Отчетного доклада ЦК КПСС XXIII съезду партии: «Ни одно общество не нуждалось так в научной теории, как социалистическое общество. Поэтому теория должна и впредь прокладывать путь практике, обеспечивать строго научный подход к руководству экономической и культурной жизнью советского народа. Широко поставленная теоретическая работа призвана ярким маяком освещать путь нашей партии». И дальше: «Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играет не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развития духовной жизни народа»¹.

Известно, что среди отдельных философов, экономистов, некоторых практических работников распространены (или, во всяком случае, были распространены в недалеком прошлом) представления о бесперспективности юридической науки в социалистическом обществе, о постепенном «затухании» правоведения в период строительства коммунизма и т.д. Отсюда делались и некоторые практические выводы, связанные с развитием юридического образования, с организацией и деятельностью научных учреждений в области правоведения.

Такого рода представления глубоко ошибочны. Последние указания Коммунистической партии о роли права и законности, о развитии юридической науки и юридического образования кладут им конец. Социалистическая правовая наука именно в современных условиях развитого социалистического общества переживает период роста, всестороннего развития. Как подчеркивает ЦК КПСС, «разработка важных проблем экономики и политики, философии и социологии, истории и права, других общественных наук в тесной связи с практикой коммунистического строительства — важнейшая задача советских ученых. Они призваны всесторонне исследовать такие проблемы, как

---

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. Госполитиздат, 1966. С. 85–86.

направление и характер процесса формирования коммунистических общественных отношений, совершенствование государственного строя и развитие социалистической демократии, формы и методы хозяйствования, научной организации труда, содержание и методы коммунистического воспитания и другие актуальные вопросы»¹.

В период строительства коммунизма на подлинно научной основе должны быть до конца выявлены все возможности, заложенные в праве, правовом регулировании. А это значит, что возрастание роли, общественного значения и авторитета юридической науки в социалистическом обществе — это такая *объективная закономерность, которую можно рассматривать в качестве постоянно действующей тенденции на весь период развитого социалистического общества, коммунистического строительства.*

В соответствии с указанной основной закономерностью (а также общими закономерностями развития общественных наук) в социалистическом правоведении проявляется в настоящее время ряд специфических направлений развития. К их числу относятся следующие:

1) *повышение философского уровня и социологического содержания правовых знаний.* В последнее время в юридической науке социалистических стран произошел заметный сдвиг в сторону философских исследований, направленных на выяснение глубоких закономерностей развития права, социальной роли и перспектив его отдельных отраслей и институтов. В исследовании закономерностей развития права, в изучении активной, действенной роли правового регулирования, его социальной эффективности, практической «отдачи» и состоит основное, магистральное направление социалистической правовой науки;

2) *более тесная увязка разработки специально-юридических проблем с передовыми идеями философии, социологии, кибернетики, теории систем.* В современной юридической литературе все более утверждается мысль о праве как о структурно сложной регулирующей системе. Внимание ученых концентрируется на анализе механизмов, выражающих правовое воздействие. В последние годы в соответствии с достижениями марксистской аксиологии утвердился ценностный подход к праву;

3) *более широкий фронт выходов в жизнь, связей с практикой коммунистического строительства.* Философская, социологическая направленность в развитии социалистического правоведения свиде-

---

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. Госполитиздат, 1966. С. 86.

тельствует о том, что эффективная, действенная помощь практике со стороны юридической науки будет достигнута не только по пути помощи практическим работникам в решении трудных дел, но главным образом по пути все более глубокого осмысления сущности права, его отраслей и институтов, их роли в жизни общества, закономерностей их развития, механизма правового регулирования, ценности права и, следовательно, по пути определения научных основ правовой политики в социалистическом обществе. Ныне открываются новые выходы юридической науки в практику, согласуемые с указанными выше направлениями ее развития (например, «юридическое обслуживание» АСУ – автоматизированных систем управления);

4) *органическое соединение правовых и управленческих проблем.* Исследование права как инструмента социального управления существенно расширяет правовую проблематику, позволяет высветить в юридических явлениях новые грани, по-новому подойти к решению ряда традиционных вопросов.

В органическом соединении правовых и управленческих проблем надо видеть *дальнюю перспективу* развития социалистического правоведения.

ГЛАВА XL

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Понятие методологии социалистического правопедения. Содержание, функции и общественное значение юридической науки неразрывно связаны с ее методологической основой. Вопросы методологии — это прежде всего вопросы метода науки, т.е. способа теоретического освоения фактического материала. От того, какой в данной науке используется метод, прямо зависят сущность общественных знаний, их характер и роль в жизни общества.

Общенаучным методом социалистического правопедения являются диалектический и исторический материализм, законы и категории материалистической диалектики — марксистско-ленинская теория познания.

Диалектический и исторический материализм представляет собой единственный общий, подлинно научный метод для всех наук, в том числе и для юридической. Что значит «единственный метод»?

Известно, что в разных науках применяются неодинаковые приемы собирания, обработки, исследования фактического материала, интеграции добытых данных в общую систему знаний. Особые приемы собирания, обработки и исследования фактического материала (частнонаучные методы и приемы) существуют и в юридической науке. Однако эти приемы сами по себе не образуют метода юридической науки.

Метод науки (общенаучный метод) выражает ее мировоззренческую основу¹. Это способ теоретического освоения фактического материала *в смысле общего подхода к исследованию*. Суть методологии состоит в том, что теоретические положения, имеющие общее методологическое значение, *сразу же выводят исследователя на определенные исходные позиции при решении данных вопросов, позволяют выработать эти решения на базе устойчивых, принципиальных начал*. Иначе говоря, общенаучный метод играет ключевую роль — роль надежного компаса, который позволяет быстро и уверенно ориентироваться в любых

---

¹ В современной философской литературе подчеркивается, что методологический и теоретико-познавательный аспекты диалектического материализма должны пониматься в единстве с антологическими предпосылками и мировоззренческой функцией марксистско-ленинской философии (Советская философская наука перед XXIV съездом КПСС // Вопросы философии. 1971. № 2. С. 4–5).

сложных фактах действительности. «Методологический подход, — пишут И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин, — можно определить как принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования»¹.

Таким образом, материалистическая диалектика дает исследователю исходные позиции, отправные точки для научного анализа, стержень для ориентации в фактах. Этим не только облегчается теоретическое освоение фактического материала в любой области знаний (ибо нет необходимости заново повторять проделанную исследовательскую работу), но и обеспечивается проведение конкретных исследований на прочной основе достижений материалистической философии, идейная общность исследований, партийная принципиальность.

Английский философ Френсис Бэкон (1561–1626) в книге «Новый органон» сравнивал метод познания с источником света, озаряющим путь исследования, его перспективу, организующим и направляющим труд исследователя. Сначала зажигают свет и указывают светом дорогу к поиску, затем уже начинают упорядоченные испытания. Испытания, не организованные и не скрепленные методом, похожи на развязанную метлу или хождение ощупью.

Наличие определенной методологической основы не является отличительной чертой только социалистического правоведения. Юридическая наука во всех обществах всегда опиралась и опирается на известные философские основания (хотя нередко и маскирует это). Философскими концепциями, прямо или в «скрытом» виде выраженными в буржуазной юридической науке, являются, в частности, различные варианты идеализма, в особенности субъективного — неокантианство, бергсоцианство, экзистенциализм и др.

Отличительная черта социалистического правоведения состоит в том, что оно *исходит из передовой философской системы, позволяющей глубоко и всесторонне исследовать право, правовое регулирование.*

Вопросы методологии не исчерпываются вопросами, непосредственно относящимися только к общенаучному методу — диалектическому и историческому материализму, теории познания. Они охватывают и ряд других проблем².

---

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. Наука, 1973. С. 74.

² В.П. Казимирчук, обращая внимание на то, что «существует только один научный метод познания — марксистский диалектический материализм», справедливо указыва-

В целом методология юридической науки на основе общенаучного метода (диалектического и исторического материализма) в соответствии с его принципами включает также: а) общие методологические положения правоведения, б) частнонаучные методы и в) конкретные приемы, непосредственно связанные с методикой исследований.

Вместе с тем цементирующим стержнем для всей совокупности проблем, охватываемых вопросами методологии, является именно диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинская теория познания.

Успехи развития социалистического правоведения во многом определяются его методологической вооруженностью. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) уделяется серьезное внимание методологии правовых исследований. В постановлении отмечается, что многие научные исследования в области права имеют методологические недостатки, следствием чего являются их низкий идейный уровень, а иногда и крупные ошибки. Вот почему разработка вопросов методологии правоведения является основой дальнейшего развития юридической науки. Повышение методологической вооруженности социалистического правоведения связано с развитием глубоких философских, социологических исследований в области права, с подъемом их философской культуры, с расширением философского подхода к разработке общетеоретических и специальных проблем юридической науки.

До недавнего времени вопросы методологии науки права в нашей литературе, по существу, не разрабатывались. Лишь в отдельных статьях был освещен ряд проблем методологии правоведения¹.

Принятые КПСС меры по развитию наук и, в частности, по развитию методологии научных исследований привели к заметному сдвигу в разработке ме-

---

ет на неправильность отождествления метода и методологии, диалектического метода (как теории познания) и конкретных методов (приемов) научного исследования (*Казимирчук В.П.* Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 41–42). И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин указывают на такую схему уровней методологии: высший уровень – философская методология; второй – уровень общенаучных принципов и форм исследования; и, наконец, третий – это методика и техника исследования (*Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. Наука, 1973. С. 68–71).

¹ Среди этих статей следует особо отметить работы С.И. Аскназия, которые хотя и посвящены методологии науки гражданского права, но по своему содержанию имеют общетеоретическое значение (*Аскназий С.И.* Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 73–90; Общие вопросы методологии гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. Юридические науки. Вып. 1. 1948. С. 4–50); см. также: *Пионтковский А.А.* К методологии действующего права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 6. 1947.

тодологических вопросов правоведения¹. В последние годы появились исследования, посвященные указанным вопросам. Большую работу в этой области проделал В. П. Казимирчук². По вопросам методологии высказались крупные советские праведы П.Е. Недбайло³, Д.А. Керимов⁴, Л. С. Явич⁵, А. А. Пионтковский⁶, М.С. Строгович⁷, С.Л. Зивс⁸, В.М. Чхиквадзе⁹ и др. Важные положения о методологии юридической науки содержатся в первом томе курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» (С. 115–152), в работах других авторов¹⁰. Проведены конференции по методологии в Киеве¹¹

¹ *Казимирчук В.П.* О разработке вопросов методологии в советской юридической науке // Советское государство и право. 1962. № 9. С. 37.

² *Казимирчук В.П.* Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965; *Он же.* О разработке вопросов методологии в советской юридической науке // Советское государство и право. 1962. № 9; *Он же.* Проблемы методологии в теории советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964; *Он же.* Наука права и метод конкретно-социологического исследования // Советское государство и право. 1964. № 1 и др.

³ *Недбайло П.Е.* Методологические проблемы советской юридической науки: Материалы научной конференции. Киев, 1965.

⁴ *Керимов Д.А.* Общие методологические проблемы науки о государстве и праве // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965; см. также написанную совместно Д.А. Керимовым, П.Е. Недбайло и автором курса статью «Методологические проблемы правоведения» (Правоведение. 1964. № 4); *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. Мысль, 1972.

⁵ *Явич Л.С.* К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 71–79; *Он же.* Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 129 и сл.

⁶ *Пионтковский А.А.* Юридическая наука, ее природа и метод // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 73–82.

⁷ *Строгович М.С.* Философия и правоведение // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 74–82; *Он же.* Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 3–14.

⁸ *Зивс С.Л.* О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве // Советское государство и право. 1964. № 3.

⁹ *Чхиквадзе В.М.* Государство, демократия, законность: Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. С. 13–36.

¹⁰ См., в частности, исследования В.Г. Сокурено (Утверждения ленинских идей про державу і право на Україні. Львов, 1972. С. 3–32), П.М. Рабиновича (Указ. выше монография. С. 33–72; Правоведение. 1972. № 2 и др.), М.Ф. Орзиха (Правоведение. 1973. № 1). Попытке освещения некоторых вопросов методологии юридической науки посвящен ряд положений монографии В.А. Шабалина (см.: *Шабалин В.А.* Методологические проблемы правоведения. Изд. Саратов. ун-та, 1972).

Интересные соображения по вопросам методологии в правоведении см.: *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* Международное право: проблемы методологии. Междунар. отношения, 1971.

¹¹ Методологические проблемы советской юридической науки: Материалы теоретической конференции. Киев, 1964, 22 октября. Киев, 1965. В материалах помещены доклады П.Е. Недбайло, С.Л. Фукса, В.В. Копейчикова и др.

и Кишиневе¹. Разумеется, в настоящее время не все еще вопросы методологии правоведения решены. Однако повышенное внимание в юридической науке к вопросам методологии, а также нацеленность на первоочередное освещение философской проблематики дают основание надеяться на существенное продвижение вперед в этой ключевой области знаний.

Правильная характеристика соотношения между методом материалистической диалектики и частнонаучными методами позволяет с необходимой точностью сформулировать общее понятие методологии в правоведении².

Рассматривая в качестве стержня методологии общенаучный метод (диалектический и исторический материализм), необходимо видеть в ней ряд «слоев», последовательно обусловленных звеньев, в число которых входят общие методологические положения правоведения, частнонаучные методы, конкретные «операциональные» приемы, непосредственно связанные с методикой исследований. Кроме того, в состав частнонаучных методов и конкретных приемов в виде своего рода сквозных моментов включаются абстрактно-логические приемы, приемы формальной логики.

2. Непосредственное применение к изучению права законов и категорий марксистско-ленинской философии. Непосредственное использование философских законов и категорий при изучении права — это основное и решающее, что характеризует значение диалектического и исторического материализма как общенаучного метода социалистического правоведения. Марксисты-правоведы, изучая (осваивая) право, исходят из требований марксистско-ленинской философии, применяют теорию познания — законы и категории материалистической

---

¹ Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. В книге помещены тезисы докладов и сообщений С. Н. Братуся, Д. А. Керимова, К. А. Мокичева, П. Е. Недбайло, М. С. Строговича, А. В. Сурилова, Р. О. Халфиной и др.

² *Недбайло П. Е.* Указ. выше доклад: Материалы научной конференции. Киев, 1965. С. 35–36. В. П. Казимирчук определяет научную методологию так: «Научная методология — это применение обусловленных диалектическим методом (как теорией познания) совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и конкретных способов исследования предмета науки» (*Казимирчук В. П.* Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 44); см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 116). Аналогичные положения высказывает и В. А. Туманов: «Марксизм рассматривает методологию в единстве и неразрывном сочетании ее теоретико-философского аспекта как применение мировоззренческих принципов к процессу познания (диалектика как всеобщий метод научного познания), абстрактно-логических и теоретических, а также конкретно-научных или специальных методов» (*Туманов В. А.* Буржуазная правовая идеология. Наука, 1971. С. 314).

диалектики для решения правовых проблем. Это и определяет прежде всего успех научных исследований, проводимых в соответствии с марксистско-ленинской теорией, глубину и эффективность марксистского анализа права, правового регулирования.

Разумеется, при изучении права используются и положения марксистско-ленинской теории в целом, в том числе положения политической экономии и теории научного коммунизма, которые также имеют определенное методологическое значение для социалистического правоведения. Однако исходная, определяющая роль – роль общенаучного метода юридической науки – остается за марксистско-ленинской философией – диалектическим и историческим материализмом, за его «душой» – материалистической диалектикой.

«Диалектика, – говорил В.И. Ленин, – *и есть* теория познания... марксизма...»¹. Законы и категории материалистической диалектики являются высшим теоретическим выражением закономерностей природы и общества. Сила диалектического метода познания состоит в том, что диалектика представляет собой аналог самой действительности, объективных процессов развития². В ней научно отражаются диалектика самой жизни, всеобщие и наиболее общие объективные закономерности природы, общества и мышления. Обращенные к субъективной деятельности человека, эти всеобщие и наиболее общие законы приобретают методологическое значение.

Значение законов и категорий материалистической диалектики в познании права состоит в том, что эти законы и категории дают возможность проникнуть в «глубины» правовой материи, наметить важнейшие принципиальные отправные позиции для всестороннего познания права, правового регулирования. Марксисту-правоведу, вооруженному методом материалистической диалектики, уже не нужно блуждать в потемках, шаг за шагом нащупывая верный путь в решении исходных проблем. Знание всеобщих и наиболее общих объективных закономерностей окружающей действительности сразу же выводит его на определенную ступень познания права. Для марксиста-правоведа сразу же ясно, что право, как и все в окружающей действительности, находится в непрерывном развитии, изменении; что количественные изменения в праве на определенном рубеже приводят к качественным преобразованиям; что для права характерны единство и борьба противоположностей; что право обладает активной силой в обществе и т.д.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 367.

Решающее значение для диалектико-материалистического понимания права является методологическое положение о том, «что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...»¹.

В марксистско-ленинской юридической науке эта диалектическая связь правовой формы и ее социально-экономического содержания рассматриваются в качестве методологической основы подлинно научного понимания государственно-правовых институтов².

Непосредственное применение к праву марксистско-ленинской теории познания позволяет охарактеризовать право как явление противоречивое, обрисовать взаимодействие и соотношение присущих ему закономерностей и свойств³.

Законы и категории материалистической диалектики в ряде случаев выступают в качестве «методологического ключа» в решении правовых проблем. Такие диалектические категории, как «форма и содержание», «возможность и действительность», «сущность и явление», «случайность и необходимость» и др., при умелом их использовании открывают путь к правильному решению сложных проблем, к обоснованию плодотворных, практически важных выводов. Известно, например, что умелое применение категорий «форма и содержание» для характеристики права позволяет понять особенности связи юридических норм с нормативными юридическими актами. Широкое использование философских категорий необходимо при определении юридически значимых причинных связей, причин правонарушений, соотношения субъективного права и обязанности и др.⁴

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 117 и сл.

³ Дагель П.С. Диалектика правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1971. № 1. С. 51 и сл.

⁴ Плодотворную работу по конструктивному использованию философских категорий в правоведении проводит Д.А. Керимов. Им опубликован ряд статей, посвященных применению в юридической науке важнейших философских категорий — общего, особенного и отдельного, необходимого и случайного и др. В настоящее время вышла из печати монография Д.А. Керимова «Философские проблемы права» (Мысль, 1972). В ней в систематическом изложении рассмотрены такие проблемы: общий путь познания права; сущность права; содержание и форма права; отдельное, особенное и общее в праве; целое и часть в праве; система в праве; структура и элементы в праве; действительность и возможность в праве. При этом автор «сознательно пошел на усиление гносеологического аспекта темы ради того, чтобы привлечь внимание научной обществен-

Дальнейшее повышение методологического уровня правовых исследований, подъем их философской культуры связаны прежде всего с еще более эффективным, всесторонним непосредственным применением при изучении права марксистско-ленинской теории познания — законов и категорий марксистско-ленинской философии.

Эффективное, всестороннее применение философских законов и категорий при изучении права ничего не имеет общего с вульгарным «философствованием». Софистическая игра в понятия: философская логистика, «подгонка» правовых явлений под философские категории, неуместное оперирование философской терминологией — все это не только не свидетельствует о высоком философском уровне научных исследований, но, напротив, прямо противоречит требованиям диалектического метода.

Широкий философский кругозор правовых исследований достигается тогда, когда на основе всестороннего применения законов и категорий материалистической диалектики удается глубже проникнуть в правовую материю, раскрыть социально-экономическую сущность правовых явлений, их общественное значение, тенденции и перспективы их развития, социальный эффект действия тех или иных нормативных положений. Иными словами, философское содержание юридических исследований выражается не в том, насколько часто употребляются термины «диалектично», «противоречиво» и др., и не в том, насколько, якобы, «философски закручено» изложение, а в том, насколько полно и глубоко на основании законов и категорий материалистической диалектики познаны, осмыслены жизненные факты в области правового регулирования.

При применении законов и категорий материалистической диалектики необходимо учитывать особенности предмета исследования, своеобразие данных явлений. Очевидно, например, что при характеристике истины в области правоприменительной деятельности нужно принимать во внимание особенности познания компетентных органов по юридическим делам. Как уже отмечалось, здесь вряд ли оправдано применение философских категорий, выработанных для теоретического познания, — категорий абсолютной и относительной истин.

С точки же зрения последующих этапов использования категорий философии в правоведении главное должно состоять *в восприятии философских идей, их применении к правовому регулированию для решения назревших задач юридической науки*. Надо полагать, такая работа уже началась, и она приносит существенную пользу в развитии социалистического правоведения (сюда относится, в частности, использование философских идей, касающихся сложных систем, структуры и др.; ценностная характеристика права)¹.

ности к необходимости преодоления отставания в разработке методологических проблем правоведения» (С. 38).

¹ По замыслу автора настоящего курса, его работы «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (Юрид. лит., 1966), «Социальная ценность права в советском обществе» (Юрид. лит., 1970), а также подготовленная к печати ра-

3. Общие методологические положения правоведения. Наряду с законами и категориями материалистической диалектики определенное методологическое значение при изучении права имеют общие положения юридической науки.

Рассматривая методологическое значение общих положений юридической науки, было бы, однако, неверным противопоставлять их теории познания, законам и категориям материалистической диалектики, видеть в них выражение «особого юридического метода». *Общие понятия юридической науки постольку имеют методологическое значение, поскольку они являются выражением применительно к данному конкретному фактическому материалу философских законов и категорий.* Иными словами, это те же самые философские категории, но преломленные через призму конкретного материала юридической науки. Следовательно, в конечном счете и здесь «методологическая сила» коренится в диалектическом и историческом материализме, но она проявляется не непосредственно, а опосредованно — через общие положения юридической науки.

Таким образом, общие методологические положения правоведения являются таким звеном методологии, которое непосредственно связано с ее основой — диалектическим и историческим материализмом. К тому же и при использовании философских категорий и при констатации существования методологических положений в самой юридической науке речь, в сущности, идет об одном и том же, а именно о наличии таких теоретических положений, которые играют «ключевую роль» при исследовании фактического материала.

Какие общие понятия юридической науки имеют методологическое значение? Отвечая на поставленный вопрос, нужно иметь в виду, что общие юридические понятия имеют неодинаковое теоретическое содержание; некоторые из них выражают лишь интерпретационную функцию науки, являются результатом описания внешних признаков правовых явлений, относятся к разработке отдельных общих вопросов правового регулирования, классификации правовых явлений.

Методологическое значение имеют те *общие понятия, которые по своему источнику выработаны на основе применения законов и категорий материалистической диалектики, а по своему содержанию характеризуют объективную диалектику права — его закономерности, его глубинные черты и свойства.* Словом, методологические положения юридической науки

бота «Структура права в советском обществе» представляют собой единый цикл исследований, выражающий попытку использования новейших философских идей для решения назревших задач общей теории социалистического права.

имеют «философскую нагрузку», несут в себе определенную крупницу философского содержания юридической науки. Такое значение в особенности имеют «новые» понятия социалистического правоведения — понятия, введенные в юридическую науку в связи с применением при изучении права законов и категорий материалистической диалектики.

Методологическое значение в социалистическом правоведении имеют, например, понятие «правового регулирования», отражающее право в движении, его активную роль в жизни общества, понятие «системности права», отражающее внутреннюю связь и взаимообусловленность юридических норм, и др. Методологическую роль играют теоретические положения о специфических функциях права (регулятивных — статической, динамической и охранительной), позволяющих на твердой научной основе решить вопросы о видах регулятивных норм, юридических типах правоотношений и т.д. В предшествующем изложении при характеристике ряда общетеоретических проблем указанные методологические положения — о функциях права, системности права и др. — были использованы в качестве «методологического ключа» при решении некоторых сложных вопросов общей теории права.

Положения правоведения, имеющие методологические функции, в значительном числе сосредоточены в общей теории социалистического права. Этот факт и является решающим основанием, позволяющим рассматривать общую теорию права в качестве методологической науки (другое основание состоит в том, что в ней разрабатываются методологические вопросы правоведения). Методологическое значение может принадлежать также и общим положениям конкретных юридических наук.

Методологическое значение общей теории социалистического права, а также ряда общих положений конкретных наук предопределяет необходимость повышенного к ним внимания. Они не только сами по себе содержат важные теоретические данные, но и выступают в качестве *средства дальнейшего познания права*, инструмента практики научных исследований в процессе теоретико-прикладного освоения права, правового регулирования.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что общие теоретические положения юридической науки не могут иметь методологического значения. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский указывали, что «методологическая наука — это наука, разрабатывающая метод научного исследования. Совершенно очевидно, что общая теория не выполняет и неспособна выполнить подобную роль»¹.

---

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961. С. 12.

Приведенное мнение не было поддержано в юридической литературе. В настоящее время можно считать общепризнанным взгляд о том, что общая теория права (теория государства и права) является методологической наукой. В.П. Казимирчук пишет: «...марксистский диалектический метод как всеобщая (философская) основа познания предполагает особые теоретические принципы познания предмета каждой науки, представляющие конкретизацию всеобщих положений теории познания применительно к специфике изучаемых явлений»¹.

Вместе с тем сейчас в юридической литературе намечается иная крайность. Отдельные авторы склоняются к мысли, что чуть ли не все общие положения юридической науки имеют методологическое значение. С точки зрения П.Е. Недбайло, «такие понятия, как государство, орган государства, право, законность, прокурорский надзор, административный акт, приговор, договор и т.п., имеют важное методологическое значение. Все подобного рода понятия и теории приобретают значение метода получения новых научных результатов в силу того, что они отражают объективную действительность и используются как средства приращения новых знаний»². Правильнее, однако, считать, что общие понятия юридической науки лишь постольку имеют методологическое значение, поскольку они выражают философское содержание правоведения, являются применением законов и категорий диалектического и исторического материализма к особенностям предмета изучения юридической науки — права, правового регулирования.

В связи с этим необходимо отметить ограниченное методологическое значение общих положений науки права. Если не видеть источник «методологической силы» общих положений правоведения в марксистско-ленинской философии, то это может привести к их догматизации. Верно пишет Л.С. Явич: «Надо признать методологическое значение общих понятий, но опасно преувеличивать их значение для методологии. Развитие юридической науки в прошлом тормозилось в силу догматизма, когда ученые юристы зачастую отправлялись в своих исследованиях не от жизненных явлений, а от выдвинутых формулировок, определений и понятий»³.

4. Методология исследования правовых явлений. Марксистско-ленинская философия (в ее методологическом аспекте), а также вырабатываемые на ее основе общие положения правоведения не только являются инструментом научного познания, но и определяют сам ход, путь и направление исследования правовых явлений.

Опираясь на известные положения К. Маркса о методе политической экономии, советские ученые-правоведы (прежде всего С.И. Аск-

¹ Казимирчук В.П. О разработке вопросов методологии в советской юридической науке // Советское государство и право. 1962. № 9. С. 38.

² Недбайло П.Е. Методологические проблемы советской юридической науки: Материалы научной конференции. Киев, 1965. С. 14; *Он же*. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 139–140.

³ Явич Л.С. К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 78.

назий) пришли к выводу, что познание права, так же как и изучение экономики, должно проходить два *этапа* исследования: во-первых, путь от явлений, данных в непосредственном опыте, к их сущности, во-вторых, путь от сущности к тому конкретному многообразию явлений, с которых был начат научный анализ.

Эти методологические положения позволяют научно познать сущность, специфические черты и роль права в жизни общества. Право представляет собой важную форму общественного регулирования в классовом обществе. В соответствии с требованиями материалистической диалектики за правовой формой должно быть выявлено глубинное социально-экономическое и политическое содержание; отпавляясь от последнего, исследование должно вернуться к праву, которое оказывается теперь научно познанным во всей своей полноте, объективной обусловленности, практической значимости. «На рассматриваемом втором, завершающем этапе исследования мы возвращаемся к исходному пункту исследования. От вскрытой ранее «сущности» определенной группы правовых отношений мы синтетически восходим к тому, как эта сущность «проявляется» в правовой сфере, т.е. к тому, что непосредственно дано в законодательстве (в форме правовых норм) и в хозяйственном обороте (в форме правоотношений). Однако если в исходном пункте анализа эти данные в правовом опыте нормы и отношения выступали лишь как факт (по выражению Маркса, как «хаотическое целое»), то в результате этого завершающего этапа они оказываются уже познанными как необходимые во всех своих качествах и определениях»¹.

Перед социалистическим правоведением стоит задача проведения глубоких философских исследований. Оно, как уже отмечалось, призвано познать общественные процессы, вызывающие необходимость правового регулирования, определить наиболее эффективные пути и форму этого регулирования, изучить практические результаты действия законодательства. Но эти задачи социалистическое правоведение может выполнить лишь постольку, поскольку в достаточной степени поняты особенности правового регулирования, раскрыты пути правового воздействия на общественные отношения, его механизм, структура и т.д., т.е. тогда, когда не упускается из поля зрения специфика права как общественного явления. Специально-юридический анализ, проводимый с правильных методологических позиций, при-

---

¹ Аскназий С.И. Общие вопросы методологии гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. Юридические науки. Вып. 1. 1948. С. 49.

носит ощутимую пользу юридической науке и практике, способствует эффективному решению практических вопросов, подъему юридической культуры, борьбе за строжайшее соблюдение социалистической законности.

Следовательно, с методологической стороны основное направление научных исследований характеризуется *органическим соединением в ходе системного анализа философского и специально-юридического подходов к познанию правовых явлений*. Если первый позволяет определить сущность, роль и назначение правовой формы в регулировании общественных отношений, ее место в общественном развитии, то второй — вскрыть специфику права, механизм действия юридической нормы, назначение ее элементов, правоотношений, юридической техники и т.д., тем самым предостерегая от правового нигилизма, недооценки правовой формы. Вместе с тем через ряд посредствующих звеньев разработка таких специальных юридических вопросов, как элементы правоотношения, структура нормы права, методы регулирования и др., служит необходимой предпосылкой для глубоких философских обобщений, для познания объективных закономерностей права.

5. Значение практики в правовых исследованиях. Решающую роль в социалистическом правоведении играет практика.

«Точка зрения жизни, практики, — писал В.И. Ленин, — должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»¹.

Что такое практика? В юридической науке «практика» понимается иногда лишь в узком смысле слова, т.е. лишь в смысле юридической практики. Под ней подразумевается объективированный опыт применения юридических норм юрисдикционными и иными правоприменительными органами (гл. XXVI). Опыт работы правоприменительных органов имеет существенное значение для юридической науки; он представляет собой специфическую сферу «правовой реальности», включающейся в процесс правового регулирования. Но это не та (или во всяком случае далеко не вся та) «практика», которая играет решающую роль в научном познании права, правового регулирования².

Определяющее значение для социалистической правовой науки принадлежит общественной практике в целом. Это практически-организаторская деятельность в сфере политики по осуществлению задач социалистического и коммунистического строительства. Применительно к юридической науке общественная практика охватывает в первую

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 145.

² Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства // Вопросы общей теории советского права: Сборник. Госюриздат, 1960. С. 9–16.

очередь: а) революционную борьбу трудящихся, практически-организаторскую деятельность Коммунистической партии; б) практику общественной жизни, хозяйствования, работу отдельных хозяйственных и социально-культурных организаций, свидетельствующую о потребностях общественного развития, объективной необходимости правового регулирования, и др.; в) объективные результаты действия нормативных актов, их объективную полезность, эффективность, возникшие последствия; г) работу правотворческих органов, выраженную в содержании принятых нормативных юридических актов, в сложившихся правилах юридической техники. На основе указанных моментов в содержание практики входит и объективированный опыт применения норм права юрисдикционными и другими правоприменительными органами (юридическая практика). Иными словами, общественной практикой для юридической науки является вся активная целеполагающая практически-организаторская деятельность в сфере политики, с которой связаны существование и действие социалистического права¹.

Общественная практика имеет определяющее значение для социалистического правоведения в следующих трех направлениях. Она, во-первых, является основой научных исследований, источником исходного фактического материала, во-вторых, определяет цели научных исследований, в-третьих, выступает в качестве критерия истинности выводов и рекомендаций юридической науки.

Общественная практика — основа научных правовых исследований. Источником фактического материала, необходимого для научных исследований, является общественная практика. Именно практика «поставляет» исследователю фактические данные, на базе которых он формулирует теоретические выводы, рекомендации и предложения. Первостепенное значение в современных условиях принадлежит практике самой общественной жизни, объективным результатам действия нормативных актов, устанавливаемым в результате широких

---

¹ М.Н. Руткевич, подчеркнувший, что практика в марксистско-ленинской теории познания — это материальная целеполагающая деятельность общества (*Руткевич М.Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения.* Свердловск, 1970. С. 160), отнес вместе с тем к практике «практически-организаторскую деятельность в сфере политики» (там же. С. 187).

Следует еще раз обратить внимание на то, что хотя общественная практика и охватывает активную деятельность юрисдикционных и других правоприменительных органов, понятие «юридическая практика» отражает не самую правоприменительную деятельность, а объективированный опыт — *результат* этой деятельности.

конкретно-социологических исследований, социально-правовых экспериментов и др.

Вместе с тем объем и характер данных практики, необходимых для правового исследования, зависят от его содержания и профиля. Так, в работах, направленных на изложение содержания и интерпретацию нормативного материала, вполне достаточным, как правило, оказывается использование практики применения соответствующих нормативных актов (судебной, арбитражной и др.).

Общественная практика определяет цели научных правовых исследований. Задача социалистического правоповедения состоит в том, чтобы теоретически освоить право, правовое регулирование и, следовательно, поставить право на службу жизни, практике. Достижение максимально эффективных практических результатов — главная, ключевая цель социалистической правовой науки.

Вместе с тем не следует понимать практическую направленность научных исследований слишком узко. Отдельные практические работники относят к «чистой теории», не имеющей практического значения, все работы, в которых нет рекомендаций по решению юридических дел, разбора сложных казусов, конкретных предложений по уточнению формулировок нормативных актов, постановлений Пленума Верховного Суда и т.д.

Конечно, теоретически грамотные, толковые практические руководства, комментарии нормативных актов и практики, сборники образцов юридической документации крайне необходимы. Большую роль играют конкретные предложения по совершенствованию нормативных актов. Нужно стремиться к тому, чтобы научные исследования правовых институтов завершались рекомендациями, которые бы выражались в конкретных проектах новых нормативных положений. Однако к этому вовсе не сводится практическая направленность правовых исследований.

Непосредственно практическое значение принадлежит также правовым исследованиям, в которых рассматриваются объективные закономерности права, правового регулирования, тенденции и перспективы его развития. Такие исследования обеспечивают осуществление на практике политической функции юридической науки, т.е. ее роли как научной основы правового регулирования в социалистическом обществе. Указанные исследования имеют непосредственное практическое значение потому, что они призваны направлять деятельность правотворческих органов, содержание правовой политики социалистического государства.

Глубокое и всестороннее влияние на практику способны оказывать теоретические работы, в которых формулируются общие теоретические положения, понятия, конструкции. Здесь полностью применимы слова известного физика о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Развитая философская и юридическая культура, широкий кругозор, способность осмыслить любой сложный факт при помощи общих понятий — все это предопределяет успех в практической работе юриста.

Разумеется, наука права оказывает глубокое и всестороннее влияние на практику лишь при налаженных контактах между ними. В частности, общетеоретические положения приобретают непосредственное практическое значение лишь постольку, поскольку кадры практических работников имеют нужную теоретическую подготовку, «вкус» к теории, к теоретической литературе.

Общественная практика — критерий истинности выводов и рекомендаций юридической науки. Истинность выводов и рекомендаций юридической науки проверяется на практике. Причем решающую роль и здесь играет практика коммунистического строительства, общественной жизни, объективная полезность, эффективность нормативных актов, т.е. активная целеполагающая практически-организаторская деятельность в сфере политики. Как правильно отмечается в литературе, «процесс достижения объективных общественно полезных результатов — это не что иное, как практика коммунистического строительства, ибо коммунизм объективно является самым справедливым, самым полезным социальным строем для всех. Практика коммунистического строительства, таким образом, является высшим критерием истинности выводов юридической науки»¹.

Вместе с тем нельзя недооценивать и собственно юридическую практику. Последняя выступает в качестве одной из многих ступеней на пути к истинному знанию². В предшествующих разделах уже подчеркивалось значение судебной и иной юридической практики (гл. XXVI). При решении конкретных дел смысл и содержание нормативных актов раскрываются применительно к конкретным случаям. В процессе применения юридических норм нередко сразу же выясняется истинность или ошибочность научной концепции, выраженной в данных нормах.

Однако было бы неверным рассматривать юридическую практику критерием истинности самого содержания нормативных актов. Юри-

---

¹ *Чечот Д.М.* К вопросу о критерии истинности выводов юридической науки // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 40.

² Там же. С. 38–39.

дическая практика в данном случае является лишь средством, способствующим установлению действительной воли законодателя. Общественная же практика, включая юридическую, является критерием истинности теоретических выводов науки, ее рекомендации. На основе общественной практики устанавливается, кроме того, истинность воли законодателя, ее соответствие реальным жизненным отношениям. Иными словами, сначала нужно установить истинное содержание нормативного акта (т.е. той действительной воли законодателя, которая в нем содержится), затем на основе этих и иных фактических данных строить теоретические выводы и рекомендации, истинность которых проверяется общественной практикой¹.

6. Социалистическая партийность марксистско-ленинского правоправедения. Социалистическое правоправедение является революционной, боевой наукой, пронизанной началами партийности.

Буржуазная пропаганда нередко изображает партийность в качестве черты, якобы свойственной только марксистско-ленинской науке. Это не так. Все общественные науки являются партийными. Все они так или иначе выражают интересы классов. «Люди, — говорил В.И. Ленин, — всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»². Классовая направленность особо характерна для наук, изучающих политическую организацию общества, государство, право. Здесь всегда можно увидеть «борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»³.

Таким образом, признание всякой юридической науки партийной является одним из конкретных выражений подлинно научной методологии, метода материалистической диалектики, ее основных требований к научным исследованиям. Такой подход представляет собой верный ориентир, позволяющий вскрыть действительную

¹ Д.М. Чечот справедливо пишет: «Любое предложение о пересмотре действующего закона должно быть основано на объективно-истинном суждении о содержании этого закона, а затем уже на объективно-необходимых потребностях его изменения» (*Чечот Д.М. К вопросу о критерии истинности выводов юридической науки // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 35*). Там же автор приводит убедительные примеры, когда практика из «хороших» побуждений подправляла закон, искажая тем самым волю законодателя.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

³ Там же. Т. 39. С. 67.

сущность взглядов на политическую организацию общества, государство, право.

В зависимости от особенностей партийности определяются социальные черты данной науки в целом, ее социальная ценность и значение в жизни общества.

Реакционность, эксплуататорский характер, антинаучность буржуазного правоведения (равно как и правоведения в других эксплуататорских формациях) кроется в первую очередь в его буржуазной партийности. Так или иначе, буржуазная юридическая наука выражает интересы господствующего меньшинства — класса буржуазии. Причем особенности буржуазной партийности предопределяет ряд существенных черт буржуазной юридической науки.

Во-первых, буржуазная наука *маскирует* свою партийность. Она не выполнила бы своих задач, если бы открыто признала, что служит интересам господствующего класса. Напротив, ее главная цель — скрыть классовый характер политической надстройки и, следовательно, политических и правовых воззрений. Отсюда и проистекает общая черта буржуазного правоведения, состоящая в том, чтоб прикрывать его классовое содержание якобы «объективностью», «нейтральностью», «беспристрастностью» и т.д. Не только путем общих деклараций, но и особенностями построения научных исследований, своеобразием терминологии, робкой «критикой» отдельных недостатков капиталистического строя буржуазные ученые стремятся создать видимость «объективности».

Во-вторых, буржуазная юридическая наука по-своему партийна и *поэтому* ложно объясняет право, его сущность и назначение в обществе. Буржуазия не заинтересована вскрывать политические основы своей диктатуры. Отсюда неправильное объяснение природы права. Одним из способов завуалирования в буржуазной науке классовой сущности права является, с одной стороны, намеренное ограничение ее задач, намеренный уход от социальной проблематики, сведение функций правоведения к одной лишь нормативно-догматической обработке фактического материала, а с другой — противоположное, но, по существу, одинаковое по цели явление, когда огромная масса эмпирической социологии широко используется правоведами для «доказательства» якобы справедливого характера буржуазного права, о «солидарности» всех слоев населения и т.д.

Для социалистического правоведения характерна не «просто» партийность, а *пролетарская, социалистическая партийность*, состоящая в том, что марксистско-ленинская юридическая наука выражает ин-

тересы трудящихся, народа, служит трудящимся, направлена на обеспечение исторических классовых задач пролетариата: построение высшего социального строя — коммунизма. *Прогрессивный, народный, подлинно научный характер марксистско-ленинского правоправедения кроется в его социалистической партийности.* Здесь существенное значение имеют следующие особенности пролетарской партийности.

Во-первых, марксистско-ленинская наука, в том числе и юридическая, *прямо и открыто* проводит свою партийность. «...Материализм, — указывал В.И. Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹. Социалистическому правоправедению нечего скрывать. Марксисты-правоведы при оценке правовых явлений прямо и открыто становятся на точку зрения интересов трудящихся, интересов строительства коммунизма.

Во-вторых, марксистско-ленинская юридическая наука прямо и открыто партийна и *поэтому* правильно, объективно верно отражает действительность, сущность правовых явлений, их назначение в обществе. *В социалистическом правоправедении партийность и научная объективность совпадают.* Рабочий класс, трудящиеся кровно заинтересованы в том, чтобы правильно, объективно верно объяснить право, правовое регулирование (иначе невозможно полное использование всех потенций, всех рычагов в борьбе за социализм и коммунизм). Отсюда следует, что правильное объяснение правовых явлений в марксистско-ленинской науке является одновременно по-пролетарски партийным. Именно правдой, научной объективностью наша теория прямо и открыто становится на последовательно классовую точку зрения служения трудящимся, строительству коммунизма. Подлинно научный анализ фактов объективной действительности в эксплуататорском и социалистическом обществах, познание объективных закономерностей общественного развития обязывают марксистов-правоведов твердо стоять на классовых позициях, бороться за социальный прогресс, за строительство коммунизма.

Ленинский принцип социалистической партийности — одно из решающих руководящих начал правовых исследований, проводимых в соответствии с методом материалистической диалектики².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 419.

² О других чертах принципа партийности марксистско-ленинского правоправедения см.: Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 151–159. Автор, в частности, отметив, что «степень идеологичности юридических наук неодинакова» (С. 157), подчеркивает особое значение в правоправедении начал коммунистической идеологии общей теории государства и права.

ГЛАВА XLI

ЧАСТНОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Понятие частнонаучных методов и приемов. В соответствии со своеобразием предмета исследования в отдельных науках используются частнонаучные методы собирания, обработки, исследования фактического материала. Они касаются тех или иных этапов исследования, применяются в данной области науки, связаны с разрешением строго определенных задач.

Частнонаучные методы имеют существенное значение в познании фактов объективной действительности.

Метод материалистической диалектики (во всех указанных ранее аспектах) «дает лишь общее направление, общие методологические установки для научного исследования. С деталями научной работы он непосредственно не связан, его нельзя рассматривать как некий рычаг научных открытий. Можно сказать, что он больше выполняет роль стратегии, чем тактики научных открытий»¹. Частнонаучные же методы выступают в качестве средств, обеспечивающих собирание и накопление фактического материала, его обработку, изучение, интеграцию полученных данных в систему накопленных знаний.

Сами по себе частнонаучные методы не образуют методологии науки. Они включаются в методологию лишь благодаря диалектическому и историческому материализму. Таким образом, существование частнонаучных методов, их значение в науке вовсе не противоречат тому, что единственным общенаучным методом (в смысле общего подхода к исследованию) является мировоззренческая основа науки, диалектический и исторический материализм. «Диалектика оказывается единственно научной и полноценной методологической основой всего процесса познания, является способом осуществления и осмысливания отдельных познавательных приемов, определяя их цели и рамки возможного применения»².

Частнонаучные методы разнообразны по своему конкретному содержанию.

---

¹ Подкорытов Г.А. Соотношение диалектического метода с частнонаучными методами // Вопросы философии. 1962. № 6. С. 45–46.

² Явич Л.С. К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 74.

Прежде всего они отражают особенности правоведения как специальной общественной науки, в частности направленность правоведения на обслуживание практических нужд и отсюда известную зависимость теоретического освоения правовой реальности от потребностей специального юридического познания.

Частнонаучные методы зависят также от профиля конкретного научного исследования (например, от того, является ли оно социологической разработкой или же исследованием специально-юридического профиля). Такого рода различия наблюдаются и в рамках общей теории социалистического права.

Наиболее общим образом частнонаучные методы условно могут быть подразделены на три основные группы:

- а) методы собирания, накопления и проверки фактического материала;
- б) методы обработки и изучения фактического материала;
- в) логические методы исследования.

Таким образом, термин «метод» при характеристике методологических вопросов правоведения употребляется в двух смыслах: в смысле единого общенаучного метода познания и в смысле частнонаучных способов исследования. В зависимости от содержания соответствующих положений (т.е. в зависимости от того, идет ли речь об общем подходе к исследованию, его мировоззренческой основе или же о конкретных способах собирания, обработки и изучения фактического материала) нужно постоянно иметь в виду, в каком из указанных смыслов употребляется слово «метод».

Представляется целесообразным, кроме того, терминологически разграничить понятия «частнонаучный метод» и «прием». В литературе правильно обращено внимание на то, что статистические и вероятностные способы исследования – это не методы, а приемы¹. Термин «прием» (как и при толковании права) выражает непосредственно используемые, «операциональные» способы исследования, т.е. то, что непосредственно связано с методикой исследовательской работы. Частнонаучный же метод – это комплекс однородных приемов, выражающий своеобразие конкретного направления изучения данных явлений². Частнонаучные методы характеризуют специфику подхода

---

¹ Кучинский В.А. О соотношении различных методов в правовом исследовании: Некоторые вопросы советской правовой науки. Кишинев, 1968. С. 10.

² В связи с этим, возможно, отпадут возражения Л.С. Явича против употребления выражения «социологический метод» (Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 143).

к исследованию, особенности его предмета и цели. Некоторые приемы исследования (математические, формально-логические) могут входить в состав различных частнонаучных методов.

2. Методы собирания, накопления и проверки фактического материала. Научные исследования должны строиться на достаточно широкой, добротной основе проверенных фактов. А для этого необходимо с максимальной полнотой использовать весь арсенал выработанных наукой приемов, обеспечивающих собирание, накопление и проверку фактического материала.

К фактическому материалу, лежащему в основе правовых исследований, относятся данные: а) о нормах права, разъяснениях нормативных актов, юридической практике; б) о правотворческой деятельности, а также о правоприменительных действиях и иных фактах, характеризующих реализацию норм; в) о фактах «социальной жизни», свидетельствующих о необходимости правового регулирования, результатах действия нормативных актов, возникших затруднениях в их реализации, побочных последствиях и т.д.; г) о реальном поведении людей и их коллективах в сфере права; д) об общественном мнении, характеризующем отношение людей к действующему праву, к предполагаемым правовым нововведениям и др.; е) о фактах, связанных с опытом правотворчества, с опытом правотворчества других стран и пр.

Условно все фактические данные можно подразделить на две большие группы: во-первых, непосредственно «правовой материал» (данные, касающиеся содержания юридических норм, практики их применения и др.) и, во-вторых, «социологический материал» (данные, которые характеризуют реальное поведение людей и их коллективов, результаты действия нормативного акта, фактическое состояние тех или других отношений и иные явления социальной жизни как таковой).

Фактические данные содержатся в определенных источниках, которые могут быть первичными (когда исследователь добывает фактические данные непосредственно из окружающей действительности) и вторичными (когда он пользуется данными, полученными ранее и зафиксированными в определенных материалах). К последним относятся, например, сборники юрисдикционной практики, научные работы, изложения содержания юридических норм и т.д. Для науки первостепенное значение имеет информация, получаемая из первичных источников. Хотя получаемые данные являются здесь еще «сырыми», нуждающимися в дополнительной проверке

и обработке, они — основной канал пополнения фактической основы науки.

Методы собирания, накопления и проверки фактического материала состоят в добывании информации о фактах из определенных источников. В юридической науке они могут быть подразделены на два основных вида:

1) *Метод интерпретации нормативных и индивидуальных актов, социально-политических документов.* Таким путем добываются данные о нормах права, о правоприменительных действиях и иных фактах, свидетельствующих о реализации юридических норм, о содержании юридической практики. При интерпретации правовых актов, при изучении юридических дел существенную роль играют выработанные в науке *способы толкования* нормативных и индивидуальных актов — грамматический, логический, систематический и др. Они являются средствами, обеспечивающими установление известной группы фактических данных: действительного содержания юридических норм, содержания правоприменительных действий. Приемы толкования и образуют главную часть приемов, из которых состоит данный частнонаучный метод.

Следовательно, приемы толкования относятся к такому частнонаучному методу, который связан с добыванием фактических данных, причем тех, которые содержатся в правовых актах¹. Приемы толкования выработаны юридической наукой для того, чтобы обеспечить уяснение смысла нормативных актов. Они «дают достаточные и необходимые знания в том отношении, для которого они предназначены, т.е. когда норма берется такой, какая она есть, рассматривается как незыблемое правило и в таком качестве выясняется применимость или неприменимость ее с юридической и логической сторон в данном конкретном случае»². При исследовании же права, при его научном познании приемы толкования нормативных актов способны обеспечить выполнение только интерпретационной стороны этиологической (объяснительной) функции. В этом качестве они включаются в состав специально-юридического частнонаучного метода.

---

¹ Более широкие функции придает приемам толкования Л.С. Явич (К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 73); А.Ф. Черданцев рассматривает толкование в качестве самостоятельного частного метода правоправедения (*Черданцев А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 6.*)

² *Недбайло П.Е. Методологические проблемы советской юридической науки: Материалы научной конференции. Киев, 1965. С. 23.*

Для юридической науки существенное значение имеет научная интерпретация социально-политических документов — теоретических произведений основоположников научного коммунизма, документов Коммунистической партии и др. Данные, содержащиеся в этих документах, входят в методологическую основу правовых исследований.

2) *Метод непосредственной информации.* Это приемы добывания первичных фактов непосредственно из социальной жизни, т.е. приемы, свойственные, в частности, конкретно-социологическим исследованиям.

Здесь относится прежде всего добывание фактического материала путем *личного наблюдения* в области хозяйственной практики, практики обслуживания населения, бытовых условий жизни, семейных отношений и др. Указанные наблюдения дают факты, касающиеся необходимости правового регулирования, эффективности действующих норм, путей их совершенствования.

Своеобразной разновидностью наблюдения, имеющего вместе с тем существенное самостоятельное значение, имеют *устные опросы, анкетирование, собеседования.* Данные, полученные в результате опросов, анкетирования, собеседования, ценны потому, что они служат источником познания массовых фактов (в частности, источником общественного мнения) и, следовательно, материалом для применения статистических приемов.

Особое место среди приемов получения непосредственной информации занимает *социально-правовой эксперимент.* Эксперимент в области права представляет собой практическую опытную проверку целесообразности и эффективности нормативного юридического акта. Правильно поставленный социально-правовой эксперимент (например, в области организации хозяйственных отношений, форм и методов хозяйственного управления, трудового права и др.) может дать важные фактические данные для совершенствования подготавливаемых нормативных актов, для решения вопроса о возможности и целесообразности введения тех или других правовых норм¹.

---

¹ О социально-правовом эксперименте см.: *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Сер. Гражданское право. Т. 6. Свердловск, 1961. С. 214–221; *Он же.* Юридическая наука и коммунизм // Право и коммунизм: Сб. М.: Юрид. лит., 1965. С. 199–204; *Сафаров Р.А.* Социальный эксперимент и проблемы государства и права // Советское государство и право. 1964. № 10; *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права: Сб. М.: Юрид. лит., 1964. С. 199–204; *Лазарев В.В.* К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области

В отличие от наблюдения при социально-правовом эксперименте осуществляется активное воздействие людей на общественные процессы. Принимаемые в экспериментальном порядке нормы являются временными, ограничены по сфере действия, носят поисковый характер¹.

3. Методы обработки и изучения фактического материала. После того, как добыты и накоплены необходимые фактические данные, основная задача ученого-правоведа состоит в том, чтобы теоретически освоить весь этот фактический материал, т.е. прежде всего теоретически его обработать, изучить, включить полученные данные в накопленную сумму юридических знаний.

Методы теоретической обработки и изучения фактического материала должны обеспечить реальное осуществление основного направления правовых исследований – органическое соединение философского и специально-юридического подходов. Они, кроме того, должны исключить «несовместимость» полученных теоретических обобщений со всей суммой накопленных знаний, т.е. обеспечить интеграцию их в систему науки.

В зависимости от содержания фактических данных, от особенностей конкретных задач научного исследования различаются три основных приема обработки и изучения фактического материала: а) специально-юридический (формально-догматический) метод; б) конкретно-социологический метод; в) сравнительно-правовой метод.

Специально-юридический (формально-догматический) метод. Это внешняя юридическая обработка правового материала («догмы» права). Она включает такие приемы: 1) описание юридических норм, юридической практики и т.д.; 2) установление признаков правовых явлений, выработку понятий и их определение в кратких формулах; 3) классификацию правовых явлений; 4) установление их природы с точки зрения правовых конструкций, общих положений юридической науки; 5) их объяснение под углом зрения юридических теорий и концепций.

государства и права // Правоведение. 1966. № 1. С. 17–23; Никитинский В.И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. 1967. № 6. С. 26–34; Он же. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 210 и сл.

¹ Никитинский В.И. Указ. монография. С. 218–222; Кондратьев Р.И. Разграничение локальных и экспериментальных норм трудового права // Советское государство и право. 1972. № 7. С. 64 и сл.

В юридическом исследовании используется специальное познание, выраженное в толковании, приемах толкования (в особенности в специально-юридическом). По сути дела, интерпретация как способ добывания фактического материала смыкается с юридической обработкой полученных данных и их включением в общую систему юридических знаний. Вместе с тем специально-юридическое исследование выходит за рамки толкования: оно связано также с научным объяснением полученных данных и выражается в установлении правовой природы данных явлений, в создании и совершенствовании специальных правовых теорий и концепций¹.

Формально-догматический метод социалистического правоведения существенно отличается от одноименного метода, который характерен для буржуазной юридической науки. Специально-юридическая обработка правового материала осуществляется в нашей науке в единстве с конкретным социально-экономическим, политическим анализом. Поэтому марксисты-правоведы, определяя юридические понятия, юридические конструкции и т.д., исходят из определенных социальных условий, экономических и политических оснований правовых явлений.

Марксистско-ленинская юридическая наука считает специально-юридическую обработку правового материала совершенно необходимой, полностью соответствующей требованиям материалистической диалектики². Она необходима для того, чтобы юридическая наука могла снабжать практику нужными и точными рекомендациями, обеспечивать правовое обучение и т.д. Кроме того, конкретно-социологический метод социалистического правоведения опирается на знание специфики права, особенностей юридической формы и, следовательно, нуждается в точных понятиях, юридических классификациях и конструкциях.

Конкретно-социологический метод. Это такое исследование права, когда оно рассматривается в непосредственном социальном бытии, на основе «социологического материала» — фактических данных, характеризующих социальную необходимость правового регулирования, его предпосылки, реальное действие, эффективность и т.д. При этом

---

¹ При формально-юридическом анализе, пишет В.В. Лазарев, «на первый план выделяются чисто логические, языковые и иные абстрактные стороны, выражающие структурные закономерности права» (*Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 119).

² *Строгович М.С.* Философия и правоведение // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 79–80.

изучаются экономические и политические основания издания юридических норм, реакция общественного мнения, возникшая в связи с изданием норм, «побочные» последствия. Иными словами, предметом исследования здесь являются реальные отношения, действия и поступки людей, «реальные нормы»¹. Конкретно-социологические исследования направлены на познание взаимосвязей права с общественным мнением, с социальной ориентацией личности, воспитанием и обучением, социальной средой и институтами, являющимися предметом социологии (семьей, религией, трудом и т.д.). Полученные в результате конкретно-социологических исследований данные должны интегрироваться не только в систему юридических знаний, но и в систему социологии².

Таким образом, конкретно-социологические исследования представляют собой органическое единство цели, содержания и методики³. Конкретно-социологический метод, стало быть, не сводится к одной лишь системе приемов, связанных с методикой исследования (они в основном имеют значение для добывания фактов). Главное здесь – это цель и содержание исследования, его направленность на установление общих связей права с явлениями социальной жизни.

Сравнительно-правовой метод. Это такое исследование институтов двух или более правовых систем, при котором ставится задача выявления общего и различного (в однотипных правовых системах), либо различного и противоположного (в правовых системах разных исторических типов). В социалистическом правоведении сравнительно-правовой анализ имеет практически важное значение при исследовании законодательства союзных республик, а также правовых институтов нескольких социалистических государств.

Сравнительно-правовой метод представляет собой такой прием обработки и изучения фактического материала, в котором реально соединяются философский и специально-юридический подходы к познанию правовых явлений. В литературе правильно обращается внимание на то, что «сравнение правовых институтов возможно лишь

¹ Яковлев А.М. Предмет социально-правового исследования // Советское государство и право. 1970. № 8. С. 52 и сл.

² По мнению Л.С. Явича, «социология права в качестве философско-социологической концепции... смыкается с общей теорией права» (Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 129–130).

³ Казимирчук В.П. Наука права и метод конкретно-социологического исследования // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 39; Он же. Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 125 и сл.

при тесном переплетении юридического анализа с социологическим. Сравнительное правоведение должно при этом широко опираться на учет экономических и исторических данных. Сравнение правовых институтов только в формально-юридическом плане — в отрыве от социально-экономической основы, при забвении социологического фона может дать лишь искаженную картину»¹.

Для того чтобы обеспечить полное и всестороннее освоение права (правового регулирования) во всех его связях и опосредованиях, необходимо на основе материалистической диалектики добиться умелого использования всех приемов обработки и изучения фактического материала и специально-юридического, и конкретно-социологического, и сравнительно-правового.

4. Логические приемы. Роль научных абстракций при изучении права. В составе частнонаучных методов юридической науки существенную роль играют логические методы.

Законы и правила мышления, определяемые диалектической и формальной логикой, пронизывают все частнонаучные приемы². Собираание и накопление фактического материала подчиняется законам и правилам логического мышления. Что же касается обработки и изучения фактического материала, то здесь логические приемы приобретают также и известное самостоятельное значение. Они выступают в качестве частнонаучных методов, обеспечивающих процесс познания. При социально-юридическом, сравнительно-правовом и в особенности конкретно-социологическом исследовании фактического материала логические приемы являются необходимым инструментом познания права, правового регулирования. Они приобретают особо существенное значение при формулировании теоретических обобщений, концепций, теорий, в особенности при включении (интеграции) полученных данных в содержание существующей системы знаний.

Значение логических приемов велико в любой и прежде всего в любой теоретической науке. В правоведении так же, как и в политической экономии и некоторых других отраслях знаний, они приобретают исключительно важное значение. Почему?

---

¹ *Зивс С.Л.* О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве // Советское государство и право. 1964. № 3. С. 31; см. также: *Косарев А.И.* Об использовании сравнительного метода в историко-правовом исследовании // Советское государство и право. 1965. № 3. С. 80 и сл.

² О значении формальной логики, ее соотношения с диалектической логикой см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 133–136.

Дело в том, что предмет юридической науки (право, правовое регулирование) относится к особой разновидности социальной реальности. Будучи явлениями, относящимися к области общественного сознания, право, правовое регулирование могут быть объектом чувственного восприятия и анализа лишь в определенных формах своего проявления. Чувственным восприятием охватываются правовые акты, правоприменительные действия, результаты правового регулирования и др. Но нельзя «увидеть» юридические нормы или же «потрогать руками» субъективные юридические права. В рассматриваемом отношении право, правовое регулирование подобны экономическим формам. А «при анализе экономических форм, — писал К. Маркс, — нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами»¹.

Однако наука способна познать, теоретически освоить и такие явления социальной реальности, как экономические формы, право, правовое регулирование. Но что же можно поставить здесь на место микроскопа и химических реактивов? Маркс отвечает: «То и другое должна заменить сила абстракции»².

«Сила абстракции», научное логическое мышление, опирающееся на точные фактические данные, способно глубоко проникнуть в любую социальную реальность — познать, теоретически овладеть экономическими формами, правом, правовым регулированием, их свойствами, их объективными закономерностями.

Сила научных абстракций состоит в том, что они позволяют «воспроизводить конкретное путем мышления». В этом и состоит суть метода восхождения от абстрактного к конкретному. К. Маркс писал: «... метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»³. Научные абстракции могут «воспроизвести конкретное» — дают возможность глубже и полнее понять конкретные факты действительности.

Научные понятия права, юридической нормы, субъективного права, правового акта, доказательства и др. позволяют не только представить общую картину правового регулирования, его механизм, но и в отношении каждого конкретного факта действительности, связанного с правовым регулированием, выяснить его особенности и черты, юридическое содержание и природу. Именно на основании общих поня-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

² Там же.

³ Там же. Т. 12. С. 727.

тий мы определяем, что «вот это» — юридический факт, а «вот то» — правосубъектность, и, стало быть, «воспроизводим» конкретные правовые явления.

При выработке научных понятий, при их оперировании должны быть широко использованы все логические приемы — анализ и синтез, индукция и дедукция, метод аналогии, гипотезы и др.

В правовой науке немалую роль играет *метод формализации*, при котором происходит отвлечение от некоторых свойств конкретных правовых явлений¹, а также *метод моделирования* — мысленное воспроизведение (в наглядно-образном, знаковом, математическом виде) конкретного общественного процесса, его результатов и эффекта². В частности, специально-юридический метод в значительной мере состоит в формализации правовых явлений. Поэтому его можно называть «формально-юридическим» (или «формально-догматическим») методом (хотя внешняя юридическая обработка правового материала не сводится к одной лишь его формализации).

5. Количественные исследования. Математические и статистические приемы. Развитие глубоких специально-юридических и в особенности философских, конкретно-социологических исследований приводит к развитию логических методов, совершенствованию всей методологии социалистического правоведения.

Характерная особенность методологии современного социалистического правоведения — это все более глубокое использование передовых прогрессивных приемов исследования, связанных с достижениями других наук. К таким передовым, прогрессивным методам относятся прежде всего *математические методы*.

К. Маркс обращал внимание на то, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой»³. Право дает возможность для применения математических методов. Это обусловлено, в частности, тем, что правовые явления могут иметь не только качественную, но и количественную характеристику. Категория количества нередко является одним из моментов, характеризующих содержание норм и правоотношений в области правового регулирования хозяйственных и тру-

---

¹ Казимирчук В.П. Право и метод его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 78 и сл.

² Там же. С. 158 и сл. О методе формализации и моделирования см. также: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 147–150.

³ Воспоминание о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, 1956. С. 66.

довых процессов, а также содержание мер юридического воздействия – санкций¹.

С развитием математических приемов связано более широкое использование *методов статистической обработки фактического материала*. Необходимой основой для использования статистических приемов являются массовые факты социальной жизни, выявленные путем соответствующей отчетности, массовых наблюдений, опросов, анкетирования и др. Статистические группировки, коэффициенты и т.д. позволяют найти за повторяемостью фактов определенные закономерности. Это и характеризует роль статистики как одного «из самых могущественных орудий социального познания»².

Большие перспективы открывает применение в области правоведения *методов кибернетики*. Электронные счетно-решающие устройства не только могут обслуживать нужды юридической науки необходимым справочным материалом, обеспечивать справочно-информационную работу, но и в принципе способны решать определенные задачи юридической науки (например, по вопросам применения норм права, обработки статистических данных и др.). Весьма характерно, что в область правоведения проникают и известные идеи кибернетики (например, все более признается возможность использования кибернетической техники непосредственно для регулирования некоторых общественных отношений), а также и терминология кибернетики (термин «информация», «обратная связь» и др.). Да и само понимание права как регулятора общественных отношений, разработка категории правового регулирования, его механизма в определенной степени отражают идеи кибернетики (или, во всяком случае, увязываются с ними).

6. Творческие обсуждения и дискуссии и их роль в теоретическом освоении права. В процессе теоретического освоения права существенную роль играют творческие обсуждения назревших вопросов, критическое рассмотрение выдвинутых положений и гипотез, теоретические дискуссии.

Иногда у практических работников, у лиц, обучающихся праву, существует отрицательное, пренебрежительное отношение к теоретическим спорам, к наличию в науке различных «точек зрения».

¹ Красавчиков О.А. Юридическая наука и коммунизм // Право и коммунизм: Сб. 1965. С. 194–199.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 334.

Сам факт определенных разногласий между правоведами подчас рассматривается как явление отрицательное, оценивается в качестве «схоластики», «отхода от жизни» и т.д.

Такие суждения глубоко ошибочны. Творческие обсуждения и дискуссии в социалистическом правоведении необходимы: они являются важным этапом в процессе исследования фактического материала.

В споре рождается истина. Творческие обсуждения и дискуссии помогают привлечь к изучению явлений новые факты, проверить логическую сторону аргументации, соответствие полученных выводов исходным методологическим положениям, новейшим достижениям науки. В результате творческих обсуждений, разумной и доброжелательной критики удастся усовершенствовать те или другие теоретические положения, уточнить их.

Поэтому чрезвычайно важно так построить теоретические обсуждения, чтобы все положительное, все ценное, выдвинутое различными правоведами, учитывалось, входило в общую копилку науки. Это необходимо подчеркнуть еще и потому, что у некоторых авторов встречаются попытки во что бы то ни стало отстоять «только свою» точку зрения, подвергнуть «уничтожающей» критике всех, кто с ними не согласен. Это приводит к углублению и «консервации» теоретических расхождений, резкой полемике, несправедливым обвинениям, затяжным, бесперспективным спорам по частным вопросам.

К сожалению, в отдельных статьях и рецензиях критический разбор ведется с «проработочных» позиций¹ (да еще к тому же с неточным цитированием критикуемых авторов). Есть и такие авторы, которые ссылаются на отдельных своих коллег лишь тогда, когда их можно покритиковать, в чем-то упрекнуть. Верно пишет М.И. Ковалев: «Ученый свободен высказывать свои идеи и суждения, отстаивать их, если он убежден в их достоверности, но на этом основании он не имеет права считать своих оппонентов невеждами и полагать, что только ему дано открыть истину»².

В ходе теоретических обсуждений и дискуссий следует строго соблюдать определенные моральные нормы, развивать взаимопонимание, сотрудничество, творческую дружбу. Общими правилами должны стать такие требования: сначала разобраться, понять, а потом

---

¹ Малькевич В.В. Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 139–141.

² Ковалев М.И. Советское уголовное право. Вып. 1. Свердловск, 1971. С. 7.

высказывать свои суждения о позиции другого автора; обращать прежде всего внимание на то общее, что объединяет марксистов-правоведов по тому или другому вопросу; судить о недостатках с принципиальных, но доброжелательных позиций, а не в зависимости от своих личных симпатии и антипатий.

Практика свидетельствует о том, что в тех случаях, когда каждый правовед стремится увидеть ценное, рациональное в исследованиях других авторов, то это сразу же изменяет тон, характер многих споров, частные разногласия отходят на второй план и разработка проблем продвигается вперед.

Итак, наличие теоретических разногласий, творческие обсуждения и дискуссии являются вполне нормальным, «естественным» состоянием социалистического правоведения. По определенным проблемам могут одновременно существовать различные теоретические взгляды. Причем нередко только дальнейшее накопление фактов, углубление теоретических исследований может подтвердить тот или другой взгляд или привести к их «синтезу», объединению, когда собирается воедино все ценное и рациональное, высказанное в результате творческого обсуждения.

ГЛАВА XLII СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

1. Право как предмет изучения общественных наук. Право (правовое регулирование) является предметом изучения многих общественных наук. Но характер изучения права, подход к нему со стороны различных общественных наук неодинаковы. Иными словами, существуют различные уровни, плоскости теоретического освоения права, правового регулирования.

Право как составная часть надстройки классового общества входит в предмет философии, ее важнейшего раздела – исторического материализма. Здесь право рассматривается наряду и во взаимосвязи со всеми другими общественными явлениями. При этом ставится задача установить общие закономерности, характерные для общества в целом, в том числе и для права, правового регулирования.

Право в определенной мере входит в предмет изучения других общественных наук, посвященных теоретическому освоению иных (неправовых) областей общественной жизни – политической экономии, науки социального управления, истории, педагогики и др. В указанных науках право изучается лишь постольку, поскольку это необходимо для полного и всестороннего теоретического освоения соответствующей области общественной жизни. Оно изучается здесь по тому же принципу, по какому предметом правоведения охватываются экономические отношения, психические процессы и др., т.е. по принципу связи различных социальных явлений.

Самостоятельным, относительно обособленным предметом изучения право (правовое регулирование) является для особой группы общественных наук, охватываемых понятием «правоведение» (юридические науки). Юридические науки обособились во всей системе общественных знаний как раз потому, что они целиком специализировались на изучении права, правового регулирования. Именно перед ними стоит задача освоить право (правовое регулирование), причем так освоить, чтобы обеспечить решение практических задач – определить основы правовой политики, способствовать совершенствованию законодательства, практики работы органов юстиции.

Социалистическое правоведение в соответствии с требованиями марксистской методологии сложилось как такая система знаний, ко-

торая не может быть охарактеризована как совокупность «чистых» правовых наук. Оно изучает право в неразрывной связи с экономикой, нравственностью и другими социальными явлениями и поэтому здесь существенную роль играют неюридические элементы: философские, политические, экономические знания.

Первостепенное значение для юридических наук имеет «государствоведческий элемент» – теоретические положения, отражающие нераздельную связь государства и права. Какой бы специальный юридический вопрос ни рассматривался, в его решении незримо «участвуют» государствоведческие категории, в частности через такие правовые понятия, как правотворчество, санкционирование, юридическая ответственность, процессуальные формы и т.д. Кроме того, в настоящее время в связи с незавершившимся еще процессом дифференциации общественных наук правоведение в определенной мере является также и «государствованием» – наукой, охватывающей проблемы государства как в связи, так и независимо от их связи с правовой проблематикой.

2. Классификация юридических наук. Состав юридических наук исторически складывается в соответствии с потребностями практики, уровнем, назревшими задачами и характером разработки правовых проблем. Следовательно, формирование и развитие юридических наук связаны с объективными условиями, объективными потребностями общественной жизни, включая потребности юридической практики и юридического образования. Известную роль играют здесь и субъективные факторы. Включение в учебные планы юридических вузов новых учебных дисциплин, образование новых кафедр, а то и самобытное, оригинальное творчество того или иного ученого («творческие школы») нередко влекут за собой интенсивную разработку соответствующих теоретических проблем, что при наличии необходимых объективных предпосылок приводит к формированию новых юридических наук.

На развитие юридических наук известное влияние оказывают разработка и внедрение в жизнь определенных частнонаучных методов. Так, с широким использованием конкретно-социологических методов сопряжено существование таких наук, как судебная статистика, криминология¹ и др.

---

¹ По мнению М.И. Ковалева, «по своим задачам, по приемам и методам исследования «криминология – это социология, по специфичности круга изучаемых явлений – это «криминальная» (судебная) социология» (Ковалев М.И. Советская криминология – правоведение или социология? // Правоведение. 1970. № 6. С. 85).

Таким образом, формирование и развитие юридических наук представляют собой процесс, обусловленный в конечном счете потребностями общественной практики и выражающий углубление и расширение наших знаний о праве, дифференциацию и интеграцию правовых знаний. В своем единстве система юридических наук призвана обеспечить на основе метода материалистической диалектики углубленное, всестороннее познание права (правового регулирования), соответствующее потребностям общественной жизни и уровню развития общественной науки в целом.

Правоведение в каждый данный момент представляет собой определенную сумму общественных знаний, которая объективно (по самому содержанию) имеет известную внутреннюю дифференциацию. При изложении накопленных знаний, при преподавании учебных дисциплин их можно расположить по-разному. Можно также, исследуя объективные процессы дифференциации и интеграции знаний, ставить вопрос о формировании новых наук. Но до тех пор, пока нет известных объективных оснований (в частности, не накоплен необходимый, своеобразный научный материал), непосредственно в самом составе юридических наук изменений не происходит. Создавать юридические науки по одному лишь «усмотрению», «росчерком пера», произвольно кроить и перекраивать их невозможно (этим, в частности, науки отличаются от учебных дисциплин — см. ниже, п. б).

Главным объективным основанием классификации наук являются *особенности предмета изучения*, наличие отдельной формы движения¹ данного участка объективной действительности. Таким объективным основанием в области правоведения являются элементы предмета юридической науки, рассматриваемого с точки зрения его содержания (закономерности права; догма права; техника юриспруденции).

Конечно, в сферу предмета каждой юридической науки входят все элементы содержания правового регулирования. Нет таких юридических наук, которые бы не изучали закономерности правового регулирования, непосредственно нормативный материал, вопросы технико-юридического порядка. Все дело в том, что в той или иной группе наук определенный элемент выступает на первый план, является узлом сосредоточения всего материала.

В пределах конкретных наук, изучающих догму права, главным предметным основанием деления юридических дисциплин являются

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 564–565.

реально существующая система права, его деление на основные и комплексные отрасли.

Существенное значение при классификации наук имеет и другое объективное основание — *содержание общественных знаний*. Особенности предмета изучения лишь тогда приводят к формированию данной науки, когда они нашли выражение в специфических научных понятиях, идеях, теоретических конструкциях, классификациях. Необходимо, чтобы в научном материале выделились особые понятия, идеи, классификации, в своей совокупности отражающие своеобразие данного предмета изучения.

Таким образом, нужно выяснить, какие реально существуют юридические знания, какие особенности права, правового регулирования реально отражены в научных понятиях, идеях, классификациях. Помимо прочего, это важно учитывать еще и потому, что формирование ряда юридических наук связано с использованием данных иных отраслей знаний (медицины, психиатрии и др.). Имеют значение здесь и определенные исторические традиции, характер и направление разработки правовых проблем и т.д. Наконец, определенную роль при завершении формирования данной отрасли знаний играет ее признание в качестве самостоятельной науки, которое связано с известными организационными последствиями (специализация кадров, введение учебных курсов и др.). Все это означает, что система юридических наук *складывается исторически, в качестве итога развития правовой мысли, теоретического освоения права, правового регулирования*.

Исходя из указанных объективных оснований (предмета изучения и содержания знаний), можно общую классификацию юридических наук представить в следующем виде:

- 1) общетеоретические (теоретико-исторические) науки;
- 2) отраслевые и межотраслевые науки;
- 3) специальные прикладные науки¹.

Последние две группы (по сравнению с первой) составляют область конкретных, частных наук.

---

¹ По мнению А.Ф. Шебанова, советские юридические науки могут быть подразделены на четыре группы: а) науки цикла теории государства и права; б) отраслевые науки; в) науки, изучающие государство и право зарубежных стран, а также правовое регулирование международных отношений; г) прикладные науки (см.: Основы теории государства и права. Госюриздат, 1960. С. 395–396). Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман полагают, что следует особо выделить исторические науки, а отраслевые и межотраслевые науки (авторы называют их специальными) подразделить на науки о межгосударственном и международном праве (Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Международное право: проблемы методологии. Междунар. отношения, 1971. С. 6).

Юридические науки могут быть классифицированы также только по одному из указанных объективных оснований – по предмету изучения. В этом случае юридические науки распределяются по своему рода циклам, по иным укрупненным группам, связанным главным образом с классификацией отраслей права. Это науки: а) общетеоретические; б) государствоведческие; в) цивилистические; г) криминалистические.

Особое место в системе юридических наук занимает *наука международного публичного права*. Она представляет собой область юридических знаний, которая изучает нормы и отношения, не входящие в национальную систему права, правопорядок данной страны. Ее предметом является своеобразное социальное образование, представляющее собой самостоятельную, относительно замкнутую правовую систему (в рамках которой обособляются «свои» отрасли – например, космическое право – и соответственно формируются особые отрасли науки международного публичного права).

В ряде случаев в самостоятельные научные дисциплины обособляются отрасли знаний, *изучающие иностранное право* (например, наука римского частного права, наука государственного права буржуазных стран и др.).

И еще одно замечание. При классификации юридических наук следует учитывать существование *подотраслей науки*: некоторые подразделения юридических знаний могут относительно обособляться в рамках качественно своеобразной и цельной отрасли правоведения.

3. Общетеоретические науки. Общетеоретические (теоретико-исторические) правовые науки призваны раскрыть *общие черты и закономерности права*.

В настоящее время в соответствии с исторически сложившейся структурой юридических наук такой общетеоретической отраслью знаний является общая теория государства и права, представляющая собой науку о сущности и назначении государства и права, об основных и ведущих закономерностях их возникновения и развития.

К числу общетеоретических относятся также науки, посвященные *истории государства и права, истории политических и правовых учений*. В настоящее время они так же, как и теория государства и права, охватывают и государствоведческую проблематику. По своему содержанию они являются логическим продолжением теории государства и права, отпочковавшимися от нее науками.

Исторический подход при изучении права позволяет конкретизированно рассмотреть общие закономерности его развития, выявить особенности становления и развития отдельных правовых систем.

В социалистическом правоведении есть еще один аспект общетеоретического анализа, связанный с формированием особых наук (хотя общетеоретическое значение их ограничено). Это общетеоретический анализ в пределах группы отраслей или группы наук.

Так, в пределах процессуальных отраслей (уголовного процессуального и гражданского процессуального права) есть целый ряд общих и близких проблем, которые вместе с некоторыми вопросами государственного и административного права могут обобщенно рассматриваться в науке судебного права.

Общетеоретическая наука (в указанном узком смысле) может возникнуть и в связи с дифференциацией конкретных юридических научных дисциплин. На определенном этапе дифференциации наук возникает необходимость встречного процесса — интеграции общественных знаний. Так, в последнее время происходит дифференциация научных дисциплин, изучающих государственное право; в связи с введением соответствующих курсов в вузах возникли самостоятельные науки, изучающие не только советское государственное право, но и государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости, а также государственное право зарубежных социалистических стран. Между тем существует необходимость выработки некоторых общих понятий государственного права (государственно-правовые формы демократии, государственный суверенитет и др.). Отсюда возможно формирование науки государственного права, сосредоточивающей обобщенную разработку вопросов, которые являются общими для указанных выше научных дисциплин государственно-правового цикла.

4. Отраслевые и межотраслевые юридические науки. К этой группе юридических наук относятся такие отрасли знаний, *непосредственным предметом которых является определенный участок догмы права* — действующей системы юридических норм. Закономерности правового регулирования, техника юриспруденции рассматриваются в этих науках в той мере, в какой они «втягиваются» в сферу данной науки непосредственно нормативным материалом (рассматриваемым, конечно, с широких позиций — с точки зрения регулируемых отношений, практики и т.д.).

Объективной основой для классификации наук данной группы являются система права, его деление на основные и комплексные отрасли.

Отраслевые науки. Отраслевыми в большинстве случаев называют такие области юридических знаний, которые соответствуют *основным отраслям права*.

Отраслевые науки образуют центральное звено в системе социалистического правоведения. Их значение характеризуется следующим.

Во-первых, эти науки охватывают (прямо и непосредственно) весь нормативный материал.

Во-вторых, они выполняют весь комплекс задач по теоретическому освоению права, направлены на познание права (правового регулирования), на выработку практических рекомендаций и др., словом, на максимально широкое, всестороннее теоретико-прикладное освоение данного участка правового регулирования, обеспечивающее нужды практики.

В-третьих, отраслевые науки характеризуются глубоким теоретическим содержанием. Каждая основная отрасль права отличается совокупностью своеобразных юридических особенностей — своим методом регулирования. Поэтому в пределах отраслевых наук оказывается возможным выработать специфические категории, общие теоретические конструкции и в соответствии с этим образовать юридически полнокровную «общую часть», выражающую юридическое своеобразие данной отрасли права. Именно отсюда и проистекает значение понятий, вырабатываемых отраслевыми науками и используемых в других конкретных юридических науках (межотраслевых, специальных). Таково, например, значение понятий «административный акт», «преступление» и др.

Отраслевых наук столько, сколько основных отраслей права. Это науки советского государственного права, советского гражданского права, советского трудового права и т.д. Следовательно, решение вопроса о том, отраслевая ли данная наука или нет, зависит от решения другого вопроса: существует ли соответствующая основная отрасль права. Но есть здесь и другая сторона вопроса.

В зависимости от того, каков характер юридической науки, каково ее содержание, можно косвенным образом сделать вывод и о том, существует ли в данном случае основная отрасль права. Так, если не удастся образовать в науке полнокровную общую часть, то это является одним из свидетельств того, что соответствующая совокуп-

ность норм не является основной отраслью права, т.е. не обладает таким юридическим своеобразием (методом регулирования), которое бы позволило выработать особые юридические понятия и теоретические построения. Это относится, например, к таким юридическим наукам, как транспортное право, прокурорское право, право науки, хозяйственное и некоторые другие. Возможно, здесь нужно учитывать и известную неразработанность теоретической проблематики. Но, во всяком случае, если, несмотря на все попытки в юридической науке, так и не удастся сформулировать юридически полнокровную общую часть, это явится довольно серьезным аргументом против признания соответствующей совокупности норм основной отраслью права.

Дальнейшие успехи социалистического правоведения в современных условиях связаны в первую очередь с развитием отраслевых наук. Они призваны решить основную массу конкретных вопросов совершенствования социалистического права и практики его применения.

Межотраслевые юридические науки. В соответствии с философским требованием всесторонности познания и потребностями общественной практики в ряде случаев возникает необходимость комплексных исследований, охватывающих правовой материал ряда основных отраслей права (исследования на стыках отраслевых наук). В результате развития таких комплексных, стыковых исследований при наличии необходимых объективных оснований и возникает межотраслевые юридические науки.

Для формирования межотраслевой юридической науки нужны общие объективные основания — наличие особенностей предмета изучения и определенной совокупности юридических знаний. Это значит, что и здесь нельзя произвольно, по каким угодно признакам, «конструировать» юридическую науку.

С точки зрения предмета изучения для формирования межотраслевой науки необходимо в конечном счете существование таких особенностей общественных отношений, которые бы определенным образом влияли на содержание правового регулирования и приводили к формированию вторичных структурных образований в системе права — комплексных отраслей. Дело в том, что наряду с основным делением общественных отношений, обуславливающим подразделение юридических норм на основные отрасли, в общественных отношениях (разных видов) могут быть такие системообразующие факторы, которые определенным образом влияют на содержание правовых ин-

ституты разных отраслей и являются основанием для существования комплексных структурных подразделений (транспортное право, «судоустройственное» право, горное право и т.д.). Таким образом, межотраслевые науки являются таковыми лишь с точки зрения основных отраслей. И они, строго говоря, могут быть признаны отраслевыми, — только вторичными, комплексными¹.

Для формирования межотраслевых наук необходимо и другое объективное основание — сам факт существования определенной совокупности юридических знаний, отражающих особенности данных («межотраслевых») отношений. Межотраслевые науки призваны теоретически освоить то юридически своеобразное, что выражает существование данного вторичного, комплексного образования в системе права.

Обычно предпосылкой возникновения межотраслевой науки являются отдельные комплексные исследования. Непосредственной побудительной причиной для ее возникновения могут быть издание межотраслевого (комплексного) систематизированного нормативного акта, а также введение в учебный план новых учебных курсов. Так, в последние годы сложилась межотраслевая наука «прокурорский надзор»; отправным толчком для этого послужило введение в учебные планы юридических вузов соответствующего курса. Однако во всех случаях рассматриваемая наука может быть признана существующей, когда найдено то специфическое научное содержание в данной области юридических знаний, которое отражает особенности «межотраслевых» отношений, вторичного, комплексного образования в системе права и представляет собой стержень, объединяющий весь иной материал межотраслевой науки.

В современных условиях происходит интенсивное формирование ряда межотраслевых, комплексных наук (хотя не все они окончательно сложились). Среди них нужно особо выделить хозяйственное право, изучающее в целом правовое регулирование хозяйственных отношений социалистического общества. В последующем можно ожидать самостоятельного развития и отдельных разделов науки хозяйственного права — науки промышленного права, науки о правовом регулировании в области социалистического сельского хозяйства, науки торгового права.

Развиваются и такие межотраслевые юридические науки, как прокурорский надзор, организация суда и прокуратуры, транспортное пра-

---

¹ Идея комплексных юридических наук развита Ю.К. Толстым (*Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 49*).

во (а также входящие в его состав, но в то же время имеющие известное самостоятельное значение, — морское право, внутренневодное право, воздушное право), банковое право, жилищное право.

Это развитие межотраслевых, комплексных отраслей знаний сопряжено с процессами дифференциации и интеграции в системе права, с возникновением новых вторичных, комплексных структурных образований, усилением влияния на систему права субъективного фактора¹.

Существующая в настоящее время необходимость углубления юридических знаний, приближения их к нуждам практики, несомненно, вызовет новое развитие комплексных научных исследований на стыках и, следовательно, продолжение и, возможно, усиление объективного процесса формирования межотраслевых юридических наук. Этот процесс соответствует общему процессу развития научных знаний, идущему в современных условиях во всех отраслях науки, появлению стыковых научных дисциплин.

5. Специальные прикладные науки. Это науки, нацеленные в основном на *теоретическое освоение техники юриспруденции*. Конечно, как и другие области правоведения, они изучают нормативный материал и призваны обеспечить познание тех объективных закономерностей, которые свойственны данным правовым явлениям. Но интегрирует весь этот материал — основное в их предмете — то, что условно может быть названо техникой юриспруденции.

Специальные прикладные науки изучают отдельные элементы (стороны) механизма правового регулирования: практику применения правовых норм, способы и методы достижения отдельных юридических действий, объективные результаты правового регулирования и др.

Главное, что выделяет специальные прикладные науки в особую группу, — это их содержание. Марксистско-ленинская методология требует, чтобы изучение права не ограничивалось только его формой. Полное и всестороннее исследование правового регулирования, его теоретическое освоение, обеспечение нужд юридической практики обуславливают необходимость использования данных многих не-

---

¹ Развитие межотраслевой, комплексной отрасли юридических знаний, опирающейся на необходимые объективные предпосылки, может выступать в качестве фактора, обуславливающего «направленное» развитие законодательства, выявление и кристаллизацию юридического своеобразия данной правовой общности и как следствие этого — превращение комплексного структурного образования в основную отрасль права.

юридических – естественных и общественных – наук. Специальные прикладные науки и возникают главным образом в пограничных областях, где изучение права сочетается с определенной областью неюридических знаний¹.

К числу специальных прикладных наук относятся такие области знаний, как криминалистика, судебная статистика, судебная психология и др. В настоящее время имеется тенденция отпочкования специальных прикладных наук и от общей теории права (например, формирование науки, изучающей юридическую технику)².

6. Учебные юридические дисциплины. Содержание юридических наук получает своеобразное выражение в учебных дисциплинах, излагающих научный материал, аргументацию выводов, практические рекомендации. Система учебных юридических дисциплин призвана обеспечить полное и точное усвоение обучающимися современных данных науки, глубокое понимание ими права, выработку у них практических навыков юридической работы. Она строится с учетом профиля обучения, а также необходимости обеспечить доступность изучаемого материала, его прочное усвоение, максимальную воспитательную эффективность обучения. Учебные дисциплины, таким образом, предназначены не для того, чтобы осуществлять научное познание права, его теоретическое освоение, а для того, чтобы *научить праву*, в доступной форме донести до обучающихся уже добытые правовые знания, опыт юридической работы.

Система учебных юридических дисциплин в определенной мере отличается от системы «самих» наук. Для формирования учебных дисциплин не требуется строгих объективных оснований и, в частности, единства предмета изучения. Поэтому они могут быть «сконструированы» из разнородного материала, относящегося к различным наукам. Так, в некоторых экономических вузах введено преподавание комплексной дисциплины, именуемой «основами советского гражданского и трудового права».

Вместе с тем система учебных дисциплин не может существенно отличаться от системы правоведения. Наиболее полное и глубо-

---

¹ Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что каждая прикладная наука «скорее представляет собой «гипертрофированную» сторону (часть, раздел) иной неюридической – естественной, технической или социальной науки, достижения которой используются в юридической практике и теории» (Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 90).

² *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 20.

кое усвоение правовых знаний может быть обеспечено тогда, когда преподаются именно юридические науки – общетеоретические, отраслевые и межотраслевые, специальные прикладные. К тому же, как уже отмечалось, введение в преподавание комплексных учебных дисциплин нередко (при наличии необходимых объективных оснований) служит толчком к формированию и соответствующих наук, в том числе межотраслевых, специальных прикладных. Следовательно, система учебных дисциплин тяготеет к реально существующей системе правоведения.

В связи со специализацией юридического образования получают развитие *спецкурсы*, призванные обеспечить углубленное изучение одного или нескольких разделов юридической науки (например, спецкурс «хозяйственные договоры», «арбитраж», «учет и систематизация нормативных актов» и др.).

ГЛАВА XLIII

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

1. Общая теория государства и права как наука. Профилирующей юридической наукой, своего рода «общетеоретическим центром» в правоведении является *марксистско-ленинская общая теория государства и права*.

Изучение государства и права в пределах единой общетеоретической науки — общей теории государства и права — является несомненным достижением и преимуществом марксистско-ленинской теории. Оно приносит значительную пользу, способствует взаимному обогащению и углублению государствоведческой и правовой проблематики. Марксистско-ленинская теория государства и права разрабатывает общие государственно-правовые проблемы, раскрывает общие черты и закономерности развития государства и права, их особенности как орудий политического властвования, а в обществе с антагонистическими классами — орудий классового политического господства. Предметом теории государства и права является «общее и необходимое, т.е. классовая сущность, классовые основы исторических типов государства и права», в соответствии с чем она представляет собой науку «об общих классовых основах государства и права»¹.

Как правильно подчеркивается в современной литературе, общая теория государства и права имеет свой, собственный предмет, не сводимый к предмету других юридических наук². Она «общается» с жизнью, общественной практикой не только опосредованно, не только через другие отрасли правоведения, но прежде всего непосредствен-

---

¹ *Даниелян А.М.* О предмете теории государства и права и ее системе // Правоведение. 1960. № 3. С. 118. Автор правильно обращает внимание на то, что такие проблемы, как «правоотношения, система права и другие проблемы теории государства и права, рассматриваются и должны рассматриваться прежде всего и главным образом с точки зрения понимания классовой сущности, классовых основ этих общественных явлений...» (там же. С. 119).

² *Луцкий М.Д.* О предмете «теории государства и права» // Труды САУ им. В.И. Ленина; Правоведение. Вып. 149. Юридические науки. Кн. 7. С. 27 и сл.; *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 29–37.

но. Ее собственный предмет образуют основные закономерности государства и права, их сущность, их развитие и функционирование в классовом обществе.

Общая теория государства и права — это *юридическая наука*, составная, неотъемлемая часть марксистско-ленинского правоведения.

Вместе с тем она по своему содержанию и профилю наука особая, выделяющаяся среди других отраслей правоведения. Она изучает закономерности *двух надстроечных явлений* — государства и права. «Юридическое» применительно к теории государства и права понимается в смысле единства и нераздельности государственного и правового, политического и специально-юридического¹. В этом плане общая теория государства и права представляет собой «единую политико-юридическую науку»², науку политического профиля³.

Образуя составную часть социалистического правоведения, общая теория государства и права является выражением, олицетворением и конкретизацией в области юридических знаний важнейшего

---

¹ «...Правильно понятый юридический характер науки, изучающей государство и право, вовсе не исключает ее политического характера и значения», — пишет П.Е. Недбайло (см.: *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 53—54).

² *Денисов А.И.* Предмет и метод теории государства и права... М., 1954. С. 9; *Керимов Д.А., Гальперин Г.Б.* Методологические проблемы науки общей теории государства и права: Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма. Изд-во ЛГУ, 1967. С. 14; Д.А. Керимов пишет: «...если специальные отрасли правоведения имеют своим предметом преимущественно юридическую проблематику, то общая теория государства и права, изучая общие закономерности развития политико-юридической надстройки на «стыке» экономических, философских, социологических, исторических и правоведческих наук, особенно обнаруживает не только юридический, но и политический характер своего предмета» (*Керимов Д.А.* Философские проблемы права. Мысль, 1972. С. 16).

³ *Остроумов Г.С.* Теория государства и права как политическая наука // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 23—31.

Едва ли прав П.Е. Недбайло, когда, вложив в понятие «юридическое» особый смысл (т.е. смысл, в соответствии с которым государственное и правовое берется в нераздельном единстве), он затем критикует других авторов за то, что они понимают общую теорию государства и права как единую политико-юридическую науку. Ведь критикуемые П.Е. Недбайло авторы понимают «юридическое» как специально-правовое.

С учетом отмеченных моментов считаю необходимым уточнить и свою позицию по рассматриваемому вопросу.

Конечно, я был неправ, когда в прежних работах категорически отрицал юридический характер общей теории государства и права. Это создавало представление, что данная наука находится где-то вне правоведения. Но все же «юридическое» применительно к общей теории государства и права следует рассматривать именно в том смысле, в каком это делает П.Е. Недбайло, т.е. в смысле нераздельного единства правового и государственного, политического и специально-юридического.

методологического положения марксизма-ленинизма — единства государства и права. Именно потому, что она теоретически осваивает общие, единые закономерности, свойственные двум самостоятельным частям надстройки — государству и праву, ее положения носят *философский характер*, непосредственно контактируют с соответствующими положениями исторического материализма (хотя они все же входят именно в систему юридических, а не философских знаний, исторического материализма)¹.

Правильно ли все юридические науки строить «по образу и подобию» общей теории государства и права? И справедливо ли термину «юридическое» придавать только тот смысл, который оправдан в отношении общей теории государства и права, т.е. смысл, выражающий в единстве и государственное, и специально-юридическое?

Положительно отвечает на эти вопросы М.С. Строгович. По его мнению, «юридическая наука — это наука о государстве и праве, а значит не только о праве, но и государстве...»; причем «это относится и к конкретным, отраслевым юридическим наукам: хотя в их наименовании нет указания на государство, нет сомнения в том, что предметом их явится и организация, и деятельность соответствующих государственных органов. Наиболее ясно это видно в государственном, административном, судебном праве, но это же имеется и в других юридических науках — трудовом, земельном праве и т.д.». И автор делает вывод: «То, что именуется юридической наукой, — это не только юридическая, это наука более широкая по своему предмету, так сказать, наука «государствоведческо-юридическая» или «юридически-государствоведческая»².

В рассуждениях М.С. Строговича есть два, несомненно, правильных момента. Это, во-первых, мысль о связи государственной и правовой проблематики и, во-вторых, констатация того, что в настоящее время наши юридические науки охватывают изучение также и государства. Однако по последнему из указанных вопросов нужна полная ясность.

Да, совместное, комплексное изучение государствоведческой и правовой проблематики приносит большую пользу. Но это не значит, что юридические науки должны быть «государствоведческо-юридическими». Право, правовое регулирование представляют собой специфическую «форму движения» объективной дей-

---

¹ Мнение П.А. Рачкова (Советское государство и право. 1963. № 10) и автора этого курса о том, что общая теория государства и права еще полностью не отпочковалась от исторического материализма, были подвергнуты в литературе справедливой критике (см., в частности: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 63); см. также: Керимов Д.А. Философские проблемы права. Мысль, 1972. С. 12–14.

² Строгович М.С. Философия и правоведение // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 77; Он же. Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 6.

ствительности и они могут изучаться (теоретически осваиваться) самостоятельно. Нынешнее же состояние юридических наук, когда они занимаются специальной государствоведческой проблематикой, объясняется не методологическими соображениями, а тем, что у нас в составе общественных знаний нет особых государствоведческих наук, точнее, наук о политической организации общества.

Между тем необходимость выделения наук о политической организации общества давно назрела. Вопрос об этом со всей определенностью поставлен в печати¹. Более того, теория социалистического государства «по существу выделилась в самостоятельную научную дисциплину»². И это вполне закономерно, так как «только» объединенное, «только» совместное изучение государствоведческих и правовых вопросов в рамках «единых» наук может на определенном этапе затормозить изучение специфической правовой и государствоведческой проблематики и главным образом затормозить углубленное познание политической организации общества в целом³. Если в настоящее время государство изучается в юридических науках, хотя и не только, но в значительной мере в связи с правовыми категориями, через призму права (главным образом государственного), то науки о политической организации общества могут изучать государство, всю политическую организацию общества самостоятельно, широко и всесторонне⁴.

¹ *Бурлацкий Ф.М.* Политика и наука // Правда. 1965. 10 января.

² Юридическая наука в условиях коммунистического строительства // Коммунист. 1963. № 16. С. 28.

³ Дело в том, что в рамках теории государства и права (несмотря на ее профиль) преимущественное внимание уделяется правовым вопросам. Как это ни странно, вопросы государства занимают в теории государства и права подчиненное положение.

Такое отношение к теории государства и права можно отчетливо проследить во взглядах М.С. Строговича. Автор отрицает необходимость образования политической науки. Рассматривая юридическую науку в качестве отрасли знаний, одновременно изучающей и государство, и право, он, однако, тут же подчеркивает, что «основное в ней — это изучение действующего права» (*Строгович М.С.* Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 7). А каково же место в этой науке государствоведческих проблем, проблем политической организации общества в целом? Самостоятельное? По мысли М.С. Строговича, видимо, нет, ибо задача правоведов, по его словам, состоит «в рассмотрении проблем политической, экономической, культурной жизни с юридической точки зрения, т.е. с точки зрения права и законности...» (там же. С. 14).

Между тем формирование наук о политической организации общества вызвано как раз необходимостью самостоятельного (а не только через призму права) изучения государствоведческих, политических проблем. Тем более, что если рассматривать вопросы государства и политической организации общества «с точки зрения права и законности», перед нами окажется не теория государства и права, а только теория права (точнее — государственного права).

⁴ *Чиркин В.Е.* О теории политической организации общества // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 106–108; *Он же.* Об основных проблемах теории политической организации общества // Правоведение. 1965. № 2. С. 3–14.

Выделение наук о политической организации общества, несомненно, отразится на системе правоведения. Разумеется, не может быть и речи о их полном обособлении. Юридические науки по своей основе также науки политические. В полной мере сохраняется необходимость единой науки — общей теории государства и права. При исследовании правовых проблем нужна тесная связь с государствоведческими вопросами (и это можно будет сделать на более высоком уровне, если последние из указанных вопросов получат самостоятельную углубленную разработку). Иными словами, и после выделения наук о политической организации общества отрасли знаний, изучающие право, не станут «чисто» юридическими. Но все же определенные изменения в системе правоведения произойдут.

Изменится профиль ряда наук (в особенности советского государственного права). Юридические науки будут освобождены от необходимости рассмотрения специфической государствоведческой проблематики и смогут сосредоточить внимание на более углубленной разработке правовых вопросов.

Конечно, указанные изменения — это лишь предположение, прогноз на будущее. В настоящее же время нужно учитывать, что юридические науки в определенной мере являются и государствоведческими (хотя для всех них характерна общая юридическая направленность)¹.

2. Место общей теории социалистического права в системе юридических наук. Общая теория социалистического права выступает прежде всего в качестве *составной части марксистско-ленинской общей теории государства и права.*

Общие правовые исследования официально проходят (в издательствах, в редакциях журналов) под рубрикой «теории государства и права». В таком же направлении проходит специализация научных кадров.

Разработка правовых вопросов в рамках рассматриваемой науки далеко еще не исчерпала себя. Изучение государства и права как взаимодействующих элементов единой системы открывает широкие горизонты в познании общих закономерностей государственно-правовой надстройки.

В то же время надо видеть, что в настоящее время происходит *объективно обусловленный процесс дифференциации и интеграции наук, изучающих политическую организацию общества, государство, право.*

В соответствии с этим общая теория социалистического права, оставаясь по своим исходным, методологическим основам в рамках

---

¹ Прав М.С. Строгович, написав, что «юрист никогда не должен покидать, образно выражаясь, «юридическую почву», не должен брать на себя решение вопросов, не относящихся к его компетенции, т.е. не должен переставать быть юристом» (*Строгович М.С. Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 14.*)

единой марксистско-ленинской общей теории государства и права, *все более выделяется в особую, относительно самостоятельную общетеоретическую науку.*

Важно обратить внимание на то, что этот процесс идет фактически. Значительное число общетеоретических научных исследований посвящено только праву, правовому регулированию. Специально разрабатывается методология изучения права. Да и термин «общая теория права» все чаще и чаще применяется в научном обиходе. Следовательно, в отличие от наук о политической организации общества речь в данном случае идет не о формировании новой отрасли общественных знаний, а о признании фактического положения вещей – признании того, что общая теория социалистического права уже складывается как наука.

Каковы объективные основания для самостоятельного существования общей теории права?

Эти основания полностью соответствуют общим критериям классификации наук. Они прежде всего состоят в наличии «особой формы движения» объективной действительности – наличии специфических закономерностей права, правового регулирования. Право обладает политическим содержанием, выступает в качестве орудия политического властвования в обществе. Но вместе с тем оно является особой частью надстройки, обладает специфическими чертами, ему свойственны особые закономерности, своя «особая форма движения»¹. Отсюда становится ясным, почему специальная правовая проблематика не всегда умещается в пределах теории государства и права, не согласуется с ее профилем, с ее сложным комплексным объектом (государством и правом), заставляющим концентрировать внимание на общих, объединяющих моментах. Анализ таких специальных проблем, как структура и виды юридических норм, юридические факты, толкование нормативных актов, юридическая техника и др., во всем богатстве специальных вопросов органически не входит в рамки общей теории государства и права, посвященной единым закономерностям государственно-правовой надстройки, общим классовым основам государства и права.

В то же время для существования общей теории права есть и второе объективное основание – наличие своего специфического содер-

---

¹ Из того обстоятельства, что государство создает нормы права и обеспечивает их соблюдение и в то же время само получает правовое оформление и закрепление, вовсе не следует, что «закономерности государства являются закономерностями права и в то же время... закономерности права являются закономерностями государства» (*Недбай-ло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 11).

жания, выраженного в особых понятиях, идеях, классификациях и др. Для этой науки характерно известное своеобразие частнонаучных методов исследования фактического материала, своя система, своя «логика», объединяющая весь научный материал.

И одна оговорка. В идеале закономерно формирование единой науки — общей теории права. Но в настоящее время объем и характер накопленного научного материала таковы, что фактически по сути дела сложилась (складывается) лишь *общая теория социалистического права*. Разумеется, в последующем по мере накопления научного материала формирование единой общетеоретической науки, охватывающей все исторические типы права, следует признать весьма вероятным¹.

Надо заметить, что вопрос об общей теории права — не новый вопрос. Не касаясь всех аргументов, которые были использованы для обоснования указанной идеи в других работах (частично они воспроизведены выше), хотелось бы специально обратить внимание на причины, которые, по-видимому, препятствуют признанию общей теории социалистического права в качестве относительно самостоятельной общетеоретической науки.

Главная из этих причин состоит, очевидно, в силе традиции (а традиции не всегда считаются с аргументами). В самом деле. При самом широком беспристрастном — и даже при пристрастном! — анализе не удастся найти такие доводы, которые бы привели к отрицанию возможности самостоятельного общетеоретического изучения права. Ведь для этого, по сути дела, пришлось бы доказать, что праву не свойственны своя «особая форма движения», свои специфические закономерности. В то же время понятно, что признание общей теории права в качестве особой общетеоретической науки связано с известной ломкой сложившихся представлений, с определенным пересмотром ранее высказанных соображений и др. Да и вообще, как показывает жизненный опыт, ломка устоявшихся традиций — дело долгое и болезненное.

Другая причина состоит в опасении, что признание общей теории права самостоятельной наукой приведет к «отрыву» права от государства. Но почему приведет к «отрыву»? Как справедливо указывалось в литературе, «правильное теоретическое положение о диалектическом единстве государства и права должно находить свое выражение не в том, какой материал излагается в отдельных юридических науках, а в том, как излагается и изучается в них конкретный, относящийся к этим наукам материал². Ведь никто же

---

¹ Впрочем, это не изменит профиля общетеоретических наук по праву; и потому понятия «общая теория права» и «общая теория социалистического права» используются здесь и в дальнейшем изложении как взаимозаменяемые.

² *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы науки теории государства и права // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 17. С. 121.

не утверждает, что самостоятельное изучение надстройки и ее частей приводит к «отрыву» надстройки от экономики и не требует в этой связи существования единых «экономико-государственно-правовых – этических» наук (хотя связь права с экономикой не менее существенна, чем связь права с государством). Марксист-правовед при исследовании правовых проблем исходит из связи права с экономикой и государством. Но вовсе не обязательно, чтобы в рамках единой («юридической») науки одновременно изучались и правовые, и экономические, и государствоведческие вопросы. Тем более что общая теория права (так же как и науки о политической организации общества) складывается и развивается на основе общей теории государства и права. Она по своим исходным, основополагающим положениям остается в ее рамках, опирается на разработанные ею общие понятия, в которых отражено то общее, что характерно для государственно-правовой надстройки в целом.

Объективный факт дифференциации и интеграции наук, изучающих политическую организацию общества, государство, право, находит все большее признание в литературе. Так, П.Е. Недбайло согласился с необходимостью выделения науки о политической организации общества, причем в качестве науки, выходящей за пределы правоведения¹. Он лишь не обратил внимания на то, что дифференциация и интеграция наук, изучающих политическую организацию общества, государство, право, – это единый процесс. И, следовательно, признание теории политической организации общества в качестве особой научной дисциплины с неизбежностью предполагает также констатацию объективного факта формирования общетеоретической науки, концентрирующей специальную правовую проблематику (общей теории социалистического права)².

3. Соотношение общей теории социалистического права и конкретных (частных) юридических наук. Как система знаний, коренящаяся по своим исходным положениям в марксистско-ленинской общей теории государства и права, теория социалистического права играет в социалистическом правоведении самостоятельную роль и в то же время имеет значение общей и методологической науки.

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 54.

² Интересно, что Д.А. Керимов, отрицая необходимость обособления общей теории права, вместе с тем пишет: «Положение о неразрывной органической связи государства и права отнюдь не исключает возможность их раздельного исследования, в процессе которого, однако, важно (и необходимо) лишь постоянно иметь в виду эту связь, учитывать ее, исходить из нее». И дальше: «...с этой точки зрения вполне оправданным является сложившееся «разделение труда» между специалистами общей теории государства и права, одни из которых посвящают свою научную деятельность преимущественно изучению проблем государства, а другие – изучению проблем права» (Керимов Д.А. Философские проблемы права. Мысль, 1972. С. 15). Ничего иного по рассматриваемому вопросу в изложенных выше положениях и не обосновывается!

Прежде всего общая теория социалистического права *играет в социалистическом правоведении вполне самостоятельную роль*, т.е. независимую от конкретных, частных юридических наук. Она имеет непосредственное практическое значение, непосредственно определяет содержание и задачи правовой политики, влияет на развитие и совершенствование нормативных юридических актов, выполняет воспитательную функцию¹.

Вместе с тем значение общей теории социалистического права состоит и в том, что она выполняет свои функции не только непосредственно, но и *опосредованно — через конкретные, частные юридические науки*.

Общая теория социалистического права, с одной стороны, и конкретные, частные науки — с другой, *находятся в контакте друг с другом, взаимодействуют в процессе осуществления своих задач*. Поэтому общая теория социалистического права и конкретные науки взаимно зависят друг от друга, взаимно друг на друга влияют.

В чем состоит значение общей теории социалистического права для конкретных, частных наук?

Во-первых, общая теория социалистического права является *наукой, разрабатывающей общие вопросы социалистического правоведения*. Ряд юридических проблем является общим для всех (или, во всяком случае, многих) юридических наук. Такие проблемы могут быть, так сказать, «выведены за скобки» и получить единую разработку в общетеоретической науке. Среди подобных проблем можно указать, например, на вопросы толкования нормативных актов, юридической техники, видов юридических фактов, доказательств, пределов действия нормативных актов, аналогии в праве и т.д. Разгружая конкретные науки от ненужных повторений, общая теория права может и должна разработать все эти вопросы с более широких методологических позиций, сформулировать единые (для всех конкретных наук) понятия и теоретические конструкции. Таким путем общетеоретические науки в правоведении и придают «всей юридической науке определенную логическую цельность»².

Во-вторых, общая теория права является *наукой, имеющей в правоведении методологическое, направляющее значение*. Эта функция свой-

---

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 60, 96–100; *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 29 и сл.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 77.

ственна общей теории социалистического права в той мере, в какой она (по своим исходным положениям) включается в марксистско-ленинскую общую теорию государства и права. Конечно, не все положения общей теории являются методологическими. Ими не являются, в частности, положения, которые только описывают определенные правовые явления, указывают на их внешние признаки или же связаны с разработкой некоторых общих («выведенных за скобки») проблем. Как уже отмечалось, методологическая роль принадлежит в правоведении только тем положениям, которые имеют философское содержание, являются выражением применительно к данному конкретному фактическому материалу философских законов и категорий, иными словами — только тому, что, условно говоря, относится к философии и социологии права¹.

С рассматриваемой точки зрения общая теория государства и права в известном смысле служит своеобразным «связующим звеном» между материалистической диалектикой, с одной стороны, и иными юридическими науками — с другой. Понятно, что каждая юридическая наука должна «связываться» с диалектическим и историческим материализмом также и непосредственно. Прав М.С. Строгович, когда пишет, что «любая отраслевая юридическая наука обречена на неуспех, в ней неизбежно происходят срывы, ошибки, если она в какой бы то ни было мере отмежевывается, отгораживается от философии исходя из ложных соображений, будто философские вопросы правоведения — это дело только общей теории государства и права»². Однако не может вызывать сомнений и то, что существенное значение имеет и другой канал связи конкретных наук с философией — связь через общую теорию государства и права и, следовательно, через общую теорию социалистического права. И дело не только в том, что в противном случае в конкретных науках пришлось бы повторять (причем на суженной базе) разработку многих философских вопросов правоведения, но и в том, что в общей теории концентрируются методологические положения юридической науки, которые пред-

---

¹ М.С. Строгович считает неправильной мысль, согласно которой отношения между теорией государства и права и конкретными юридическими науками состоят в том, что «первая ближе к философии, а другие дальше от нее...» (*Строгович М.С. Философия и правоведение // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 76*). Но почему? Если теория государства и права изучает «общие черты и закономерности» государственно-правовой надстройки, то она неизбежно должна более непосредственно связываться с философией.

² *Строгович М.С. Философия и правоведение // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 76–77.*

ставляют собой конкретизированное выражение законов и категорий материалистической диалектики.

Определенная зависимость конкретных наук от общей теории социалистического права — это только одна сторона их соотношения. Другая сторона — зависимость общей теории от конкретных юридических наук.

Общая теория социалистического права опирается на конкретные юридические науки как на свою фактическую и конкретно-теоретическую базу. Наряду с непосредственным изучением фактов действительности (в частности, при конкретно-социологических исследованиях) общая теория социалистического права исходит из данных конкретных наук, в той или иной степени на них ориентируется. Иными словами, суть вопроса не сводится к тому, что общая теория использует конкретные науки в качестве поставщика фактического материала; главное в другом — общетеоретический анализ опирается на достижения конкретных наук, учитывает их при разработке общетеоретической проблематики. Так, при анализе фактической основы применения права невозможно обойтись без учета итогов обсуждения проблем доказательств, объективной истины и других в науках уголовного процессуального и гражданского процессуального права; при рассмотрении вопросов правоотношений должны быть учтены соответствующие данные в науках гражданского, административного права и др.

4. Структура общей теории социалистического права. Структура общей теории социалистического права выражается прежде всего в его системе — расположении теоретического материала, составе и соотношении разделов и глав соответствующего курса.

Применительно к системе общей теории государства и права, охватывающей не только право, но и государство, да к тому же право и государство всех исторических типов и структурных общностей, возникают и требуют решения весьма сложные вопросы. Они касаются главным образом соотношения общих проблем и проблем, относящихся к социалистическому государству и праву, а также соотношения обобщенной характеристики государства и права в целом и специальной государствоведческой и правовой проблематики. Существенное значение имеют общее построение, «подача» материала, тот принцип, который его объединяет. Здесь возможны два варианта: либо логико-тематическая, проблемная система, либо историко-тематическая система¹.

---

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 119–133.

Применительно к общей теории социалистического права такого рода сложных вопросов не возникает. Поскольку материал этой научной дисциплины охватывает один исторический тип права, то основная задача состоит в том, чтобы добиться выявления черт, особенностей и закономерностей, свойственных социалистическому праву как особому историческому типу и структурной общности (либо путем обобщенной, интегрированной характеристики, либо, как в настоящем курсе, путем освещения общих проблем на основе одной национальной социалистической системы права). С точки же зрения общего построения вопросы системы общей теории социалистического права состоят в том, чтобы с максимальной полнотой раскрыть «логику понятий»¹.

Эта внутренняя логика понятий, как отмечалось во Введении к настоящему курсу, может быть достигнута в том случае, если расположение материала будет соответствовать ступеням познания права, последовательности «погружения» в его сущность, его отдельных сторон, т.е. при движении от социальной характеристики права (раздел первый) к его внутреннему юридическому строению (раздел второй), от этого — к внешним формам выражения права (раздел третий) и в итоге — к практической деятельности по применению права (раздел четвертый)².

Однако вопросы структуры общей теории социалистического права не сводятся только к рассмотрению наиболее «логичной» системы соответствующего курса.

Общая теория социалистического права — *наука многоплановая, многоаспектная*. Ее содержание характеризуется рядом направлений исследования права, которым соответствуют особенности частных научных методов освоения правовой действительности. Как правильно

---

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 37. Подчеркивая необходимость выработки «системы понятий» общей теории государства и права, М.Ф. Орзих высказывает следующую интересную мысль: «Учитывая, что юридическая наука, несмотря на тесную связь государства и права, имеет *качественно отличающиеся* (курсив мой. — С.А.) государствоведческие и правоведческие аспекты, необходимо, во всяком случае, на первом этапе исследования, отказаться от «однопорядковой» системы категорий для обоих аспектов» (Орзих М.Ф. Содержание методологии юридической науки // Правоведение. 1973. № 1. С. 24).

² На своеобразный (только лишь намечающийся) аспект структуры общей теории государства и права указал Д.А. Керимов. Он отметил, что в предмете этой науки происходит видоизменение «...качественного порядка, с одной стороны, он дифференцируется на относительно самостоятельные онтологическую и гносеологическую части, а с другой — интегрируется на высшем уровне его онтологическое и гносеологическое единство» (Керимов Д.А. Философские проблемы права. Мысль, 1972. С. 34).

подчеркивается в юридической литературе, «марксистская теория монистически соединяет в себе философский, социологический и юридический подход к праву»¹.

Все направления (аспекты) изучения права в нашей науке взаимообусловлены, связаны прочным единством. Ни одно из них не обособляется в самостоятельную науку². Марксистско-ленинская общая теория государства и права, а также и общая теория социалистического права только и могут существовать в органическом единстве философского, социологического и юридического подходов.

В то же время философское, социологическое и специально-юридическое направления в изучении социалистического права могут *относительно обособляться*. Не выходя за рамки единой научной дисциплины и постоянно поддерживая «взаимные контакты», каждое из них получает относительно самостоятельное развитие в виде *подотраслей общей теории социалистического права*.

Именно в этом смысле (и только в этом!) в нашей науке имеют основания для существования понятия: философия права, социология права, общая теория специально-юридических проблем (общая позитивная теория)³.

Таким образом, марксистско-ленинское правоведение устраняет свойственное буржуазной правовой идеологии противопоставление философии права, социологии права и общей позитивной теории. Вместе с тем марксистско-ленинская методология впервые открывает широкие возможности для проведения в сфере права конструктивных философских, социологических и специально-юридических исследований.

---

¹ Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. Наука, 1971. С. 243.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. С. 52 и сл.; Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 102 и сл.

³ Наряду с философией права, социологией права и общей позитивной теорией в истории правоведения получила обособленную разработку так называемая энциклопедия права. Строго говоря, энциклопедия права (как свод основных понятий, заимствованных из отраслевых наук) не является общетеоретической дисциплиной; это, по существу, лишь *предыстория* общей позитивной теории.

Однако следует иметь в виду, что в буржуазной идеологии в большинстве случаев «в форме энциклопедии права излагалась *общая теория права*» (Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 86). Да и вообще, как подметил В.А. Туманов, указанное выше тройственное деление не всегда четко выдерживалось терминологически. Кроме того, каждый из указанных терминов «употреблялся не только в узком, но и в широком смысле для наименования тех работ, которые пытались соединить вместе все эти ориентации» (Туманов В.А. Указ. соч. С. 320).

5. Философия права. Это такое направление исследований в общей теории социалистического права, которое нацелено на установление глубинных закономерностей права и которое в соответствии с этим характеризуется непосредственным воплощением идей, принципов и категорий философии в содержании правовых понятий и конструкций.

Марксистско-ленинская общая теория социалистического права имеет философский характер: она в целом опирается на положения диалектического и исторического материализма.

Вместе с тем в общей теории получают относительно самостоятельное развитие те ее участки, где происходит непосредственная «состыковка» философских и общетеоретических правовых знаний. Это и есть то, что можно назвать «философией права»¹.

Первостепенное значение в философии права имеет освещение правовых явлений с точки зрения идеальных и ценностных начал, т.е. *правовая аксиология* — подход, при котором наша наука, однако, сами эти начала объясняет материалистически, лишая тем самым их титула трансцендентальной первоосновы права. Социалистическое право с аксиологической стороны выступает в качестве ценности социалистического общества, эффективного и целесообразного регулятора, использование которого соответствует государственно-правовым идеалам социализма и построения коммунизма. Марксистско-ленинская юридическая наука в своем философском аспекте соединяет «материалистическое истолкование государства и права с передовыми идеалами их построения и функционирования, соединяет материализм с гуманизмом и тем самым разрешает неразрешимую для буржуазной науки проблему сущего и должного, соединяет начала позитивного права и права-ценности, каким оно должно быть»².

Философия права как составная часть общей теории социалистического права не ограничивается только правовой аксиологией. «...В философско-материалистическом осмыслении путем применения философско-диалектических законов и категорий нуждаются

---

¹ См. соображения по рассматриваемому вопросу Д.А. Керимова // Философские проблемы права. Мысль, 1972; Правоведение. 1973. № 1. С. 115). В коллективной статье «Научные исследования в области теории Советского государства и права» указывается на «философскую область государственоведения и правоведения, в границах которых возможны самостоятельность и инициатива...» (Советское государство и право. 1970. № 12. С. 13).

² *Недбайло П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971. С. 110–111.

ся все аспекты и составные части права как сложного социального явления, а не какая-то одна сфера, объявляемая автономным объектом философии права»¹.

Наряду с аксиологическим подходом, в сочетании с ним на нынешнем уровне философских и юридических знаний существует потребность всестороннего применения *системно-структурного и функционального подходов*. В связи с этим назрела необходимость дальнейшего развития проблемных философско-правовых направлений, к числу которых относится исследование права как специфической системы регулирования, функций права, структуры права, механизма правового регулирования.

Сохраняет свое значение последовательно материалистическое истолкование права, а отсюда выявление всех аспектов объективного в праве, его объективных свойств и закономерностей.

6. Социология права. *Это такое направление исследований в общей теории социалистического права, которое нацелено на установление общих связей права с явлениями социальной жизни (т.е. права в его реальном бытии) и соответствии с этим характеризуется непосредственным воплощением идей, принципов и категорий социологии в содержании правовых понятий и конструкций.*

Марксистско-ленинскому правоведению в целом свойствен социологический характер. Оно и возникло как такая юридическая наука, которая акцентирует внимание на классово-волевом содержании права, на его обусловленности экономическим базисом, рассматривает право в качестве продукта и одновременно существенного фактора развития классового общества. Такой характер социалистического правоведения вытекает из его методологической основы. Общесоциологической теорией марксизма-ленинизма является исторический материализм — составная часть нашей философии².

Вместе с тем в настоящее время все более и более утверждается социология права — такое направление общетеоретических исследований, которое соединяет отраслевую социологическую и правовую проблематику³ и на основе использования приемов конкретно-социоло-

---

¹ Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. С. 323.

² В философской литературе проводится разграничение между общесоциологической теорией (историческим материализмом) и отраслевыми социологическими теориями. Кроме того, особо выделяются конкретно-социологические исследования, которые могут проводиться в пределах различных наук.

³ Л.С. Явич рассматривает социологию права в качестве философско-социологической концепции, требующей выявления социального содержания законодательства, социальной обусловленности правотворчества и реализации права, смыкающей-

гических исследований¹, изучает право в его реальном бытии, «в жизни»². Для социологии права характерна нацеленность на установление общих связей права с явлениями социальной жизни. В самом содержании правовых понятий и конструкций воплощаются идеи, принципы и категории отраслевой социологии.

Фактически социология права выражается в использовании частнонаучного метода конкретно-социологической обработки и изучения фактов социальной жизни в связи с такими социальными явлениями, как труд, народонаселение, общественное мнение, коммуникативные связи и т.д. Полученные таким путем данные интегрируются в своеобразную сумму социально-правовых знаний, которые, будучи аспектом общей теории права, одновременно образуют подразделение отраслевой социологии — социологию права.

Социология права имеет «свою собственную» проблематику.

Наиболее важными общетеоретическими социально-правовыми направлениями, прочно утвердившимися в нашей науке, являются: а) исследование эффективности правового регулирования и б) исследование причин и условий правонарушений. Нет сомнений в том, что дальнейшее развитие марксистско-ленинской социологии и юридических знаний выдвинет еще ряд общетеоретических проблем, которые потребуют «социологического решения» (в их число, можно предположить, войдут вопросы правовой информации, социальных прогнозов в праве, правовой ориентации, а также проблемы, связанные с выявлением общественных отношений, требующих правовой регламентации, и некоторые стороны управленческих функций права).

ся с общей теорией права (*Явич Л.С.* Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 129—130).

¹ По мнению В.Н. Кудрявцева, термин «социология права» имеет одно значение — «социально-правовые исследования» или «социологические исследования в праве» (*Кудрявцев В.Н.* Социология, право и криминология // Советское государство и право. 1969. № 2. С. 70). «В другом понимании, — продолжает автор, — социология права в значительной мере сливалась бы с общей теорией государства и права или являлась бы ее частью» (там же). Но вот именно в этом «другом понимании» социология права и выступает в качестве отраслевой социологической теории; и именно здесь она является самостоятельным направлением общетеоретических исследований.

В.А. Туманов и В.П. Казимирчук указывают на то, что общая теория государства и права является «важной отправной теоретической базой для конкретных социальных исследований на определенном уровне, а именно в тех сферах общественной жизни, которые изучаются юридической наукой» (*Туманов В., Казимирчук В.* Вступительная статья к книге Р. Пэнто и М. Гравитца. Методы социальных наук. Прогресс, 1972. С. 7).

² *Яковлев А.М.* Предмет социально-правового исследования // Советское государство и право. 1970. № 8. С. 52.

7. Общая теория специально-юридических проблем (общая позитивная теория). Это такое направление в исследовании общей теории социалистического права, которое нацелено на установление специфических структурных закономерностей и свойств права и которое в соответствии с этим выражается в теоретической обработке нормативного материала действующего права (догмы права) и выработке «собственных» понятий и конструкций. Именно в этом аспекте общая теория социалистического права непосредственно контактирует с конкретными, частными юридическими науками, дает на основе философских, социологических положений общетеоретическую трактовку общих («выведенных за скобки») проблем.

Данное направление общетеоретических исследований характерно для социалистического правоведения с момента его возникновения. Путем внешней обработки догмы права юридическая наука обслуживает нужды практики. Воплощая специально-юридический (формально-догматический) частнонаучный метод, это направление непосредственно связано со специальным познанием, осуществляемым при рассмотрении и решении юридических дел, толкованием нормативных предписаний, правовой квалификацией дел. К специально-юридическим исследованиям относятся, в частности, общетеоретические работы, посвященные правоотношениям, юридическим нормам, нормативным юридическим актам, их действию во времени, в пространстве, по кругу лиц, толкованию и т.д.

Как правильно пишет М.И. Ковалев, «догма права сама по себе сложнейшее социальное установление, а та отрасль знаний, которая посвятила бы себя только и исключительно ее изучению, имела бы полное и неоспоримое право причислить себя к науке»¹. Развертывание философских и социологических правовых исследований не только не снижает, а повышает значение общей позитивной теории права. И дело не только в необходимости более специализированной помощи юридической практике, но и в том, что сами философские и социологические исследования оказываются плодотворными лишь при достаточно глубокой и тонкой разработке юридической материи, всего юридического инструментария.

Знаменательно, что углубленная специально-юридическая разработка догмы права, проводимая в соответствии с методологическими принципами марксизма-ленинизма, выводит и этот участок общей теории права на высокий философский уровень, органически

---

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Вып 1. Свердловск, 1971. С. 6.

соединяет философию права и общую позитивную теорию. Тщательный специально-юридический анализ в ряде случаев приводит к установлению таких свойств, «жестких» связей и сцеплений в самой ткани правовой материи, которые носят характер объективных закономерностей, т.е. в сущности дает философскую трактовку правовых явлений.

8. Преподавание общей теории социалистического права. В настоящее время в соответствии с накопленным опытом преподавания общетеоретическая правовая проблематика изучается в юридических вузах дважды: на первых подступах к овладению юридическими знаниями (в курсе «Общая теория государства и права») и на завершающем этапе, после усвоения основной массы знаний конкретных наук (в курсе «Проблемы общей теории государства и права»).

Современный этап развития социалистического правоповедения характеризуется весьма тщательной и развернутой разработкой общетеоретической правовой проблематики. Изучен целый ряд вопросов, который ранее в теории государства и права даже не ставился. Правовая мысль раскрыла многие сложные правовые явления, особенности, свойства и закономерности права, правового регулирования.

Теория государства и права, изучаемая студентами на первых подходах к юридическим знаниям, в большей степени имеет значение подготовительной, пропедевтической дисциплины, призванной сыграть роль ступеньки к овладению конкретными юридическими дисциплинами.

Преподавание общетеоретической проблематики имеет и первостепенное самостоятельное значение. Помимо всего прочего, оно закладывает фундамент общей юридической культуры, юридического мышления, формирует их костяк. А отсюда следует, что изучение общетеоретической проблематики (какой бы сложной она ни была) имеет не только опосредствованное значение для подготовки юристов, т.е. не только значение необходимой начальной ступеньки для последующего усвоения конкретных знаний по правоповедению, но и непосредственное значение для формирования самой основы профессиональной подготовки юриста — юридического мышления, высшей юридической культуры.

Вполне очевидно, что преподавание всей сложной общетеоретической проблематики на первом этапе правового обучения невозможно. Лишь после того, как обучающиеся на базе марксистско-ленинской теории усвоили конкретный правовой материал, становится возможным полное и глубокое изучение всех сложных общетеоретических

вопросов. Вот почему повторное (на более высоком уровне) изучение теории права оказывается совершенно необходимым, продиктованным внутренней логикой правового обучения. Этой цели и служит курс «Проблемы теории государства и права».

Общая теория социалистического права составляет одну из главных частей этой учебной дисциплины. Как показывает опыт преподавания, главные стержневые линии, вокруг которых концентрируется преподавание основных проблем теории государства и права, определяются двумя постепенно формирующимися сейчас науками – теорией политической организации общества и общей теорией социалистического права.

Настоящее учебное пособие и посвящено изложению материала, который входит в качестве одной из главных, относительно самостоятельных частей в учебную дисциплину «Проблемы теории государства и права». Вместе с тем автор преследовал цель и другого порядка.

Можно предположить, что необходимость дальнейшего повышения уровня общетеоретической подготовки в юридических вузах потребует со временем разделения учебной дисциплины «Проблемы теории государства и права» на два самостоятельных курса: «Проблемы политической организации социалистического общества» и «Проблемы общей теории социалистического права». Автор пособия надеется, что настоящая работа своим содержанием, быть может, даст материал для подробного обсуждения вопроса о необходимости обособления курса общей теории социалистического права, о его проблематике и системе. Впрочем, последние из указанных вопросов сохраняют свое значение и в том случае, если рассматривать общую теорию социалистического права только в качестве части курса «Проблемы теории государства и права».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опыт показывает, что нередко оценки перспектив и состояния развития тех или иных наук оказывались впоследствии неполными, односторонними, а то и просто опрометчивыми.

Но даже с поправкой на такую опасность, думается, есть основания признать нынешний этап в развитии социалистического правоведения и в особенности в развитии общетеоретической мысли этапом, имеющим переломное значение. И дело не только в количестве появившихся за последние годы интересных работ¹, но главным образом в том, что перед социалистическим правоведением, как и перед рядом других наук, открываются дальние перспективы, постепенно вырабатываются такие решения, которые сопряжены с перестройкой сложившихся традиционных представлений, новым видением ряда существенных сторон и свойств социалистического права, его места и функций в жизни социалистического общества. Первостепенная роль в этом отношении принадлежит ценностной характеристике права в социалистическом обществе, его трактовке как структурно сложной регулятивной системе, выявлению глубинных связей между правом и социальным управлением.

Как уже говорилось во «Введении», автор курса стремился подчинить изложение всего материала передовым общетеоретическим идеям. Это, помимо иных моментов, потребовало в ряде случаев внесения корректив в ранее высказанные положения, включения дополнительных данных, поиска новых подходов в освещении проблем.

Правоведение – это живая, развивающаяся наука. В ходе ее развития отпадают отдельные устаревшие понятия, некоторые мнения не выдерживают проверки временем, но взамен этого происходит по-

---

¹ Свидетельством этому является, в частности, то, что за время нахождения настоящего курса в печати вышел в свет ряд фундаментальных работ, на которые автор в лучшем случае смог лишь сослаться или привести отдельные выдержки в подстрочных примечаниях. К их числу относятся: *Бабаев В.К.* Социалистические правовые отношения. Владивосток, 1972; *Бегичев Б.К.* Трудовая правоспособность советских граждан. М.: Юрид. лит., 1972; *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972; *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. Мысль, 1972; *Лазарев В.В.* Применение советского права. Изд. Казан. ун-та, 1972; *Дюрягин И.Я.* Применение норм советского права. Свердловск, 1973.

полнение общей суммы знаний новыми понятиями и теоретическими конструкциями, более богатыми по содержанию.

Автор и пытался по возможности полнее выявить все новое позитивное, что внесено в советское правоведение за последнее время и на этой основе в единстве, в комплексе рассмотреть главные проблемы теории социалистического права.

Конечно, последующий критический разбор выявит в курсе и пробелы, и просчеты. (Автор и сам уже сейчас в число проблем, рассматриваемых в первом томе, включил бы вопрос об интересе в праве; попытался бы обосновать конструкцию индивидуального правового статуса и др.) Некоторые дискуссионные вопросы в курсе намеренно полемически заострены. Но все же хотелось бы, чтоб все это не заслонило того, что по замыслу автора является главным и решающим, — попытку обобщенного освещения общетеоретических проблем с точки зрения единой концепции права как регулятора общественных отношений в той ее трактовке, которая соответствует современным перспективным направлениям философской мысли.

И последнее.

Подготовка и опубликование настоящего курса (как и лежащего в его основе пособия по общей теории права) связаны с моей работой в Свердловском юридическом институте. Большую помощь оказали мне ректорат института, коллектив кафедры теории государства и права, мои коллеги с других кафедр. Мною учтены замечания и пожелания, высказанные при рецензировании и обсуждении пособия и курса в других научных учреждениях и учебных заведениях (на юридическом факультете МГУ, во ВНИИСЗ, болгарскими учеными-правоведами и др.).

Я глубоко и искренне признателен всем, кто помог мне в работе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 3

Фундаментальный труд С.С. Алексеева «Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах» является одним из главных достижений научной и научно-педагогической деятельности автора в период 1958–1989 гг.

В первый том, изданный в 1972 г. в Свердловске, вошли «Основные вопросы общей теории социалистического права». Второй том, опубликованный в 1973 г. также в Свердловске, включает разделы «Нормативные юридические акты», «Применение права», «Юридическая наука (правоведение)».

Настоящий монографический труд – синтезированный и обобщенный результат десятилетнего исследования С.С. Алексеевым ключевых проблем теории права. В основе курса – переработанное четырехтомное учебное пособие «Общая теория социалистического права», изданное в 1963–1966 гг. в Свердловске.

«Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах» вместе с книгами «Механизм правового регулирования» (1966 г.), «Социальная ценность права» (1971 г.) и «Структура советского права» (1975 г.) составили цикл работ по проблемам теории права, за который С.С. Алексеев 27 октября 1977 г. был награжден Государственной премией СССР.

Дальнейшее развитие основные теоретические положения исследования получили в изданном в 1981 и 1982 гг. в Москве двухтомном курсе С.С. Алексеева «Общая теория права». Последний труд был переведен на ряд иностранных языков, а также переиздан в 2008 г. издательством «Проспект».

Курс лекций воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР; Свердловский юридический институт. Том первый: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972; Том второй: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Свердловск, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

Введение	8
Задачи и система курса.....	8
Содержание курса.....	11
Раздел первый. Право в социалистическом обществе	17
Глава I. Право	17
Глава II. Социалистическое право.....	33
Глава III. Право в системе надстройки социалистического общества	47
Глава IV. Право в системе социальных норм социалистического общества	66
Глава V. Активная роль и функции социалистического права.....	88
Глава VI. Принципы социалистического права	100
Глава VII. Социалистическая законность	111
Глава VIII. Система социалистического права.....	128
Глава IX. Механизм правового регулирования	150
Глава X. Социалистическое правосознание	167
Глава XI. Право и коммунизм.....	180
Раздел второй. Нормы права и правоотношения	198
Глава XII. Норма права.....	198
Глава XIII. Содержание и структура нормы права	213
Глава XIV. Виды норм права.....	228
Глава XV. Правоотношение (общая характеристика).....	246
Глава XVI. Виды правоотношений	262
Глава XVII. Субъекты права	271
Глава XVIII. Содержание правоотношения	295

ГЛАВА XIX. ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ	323
ГЛАВА XX. ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ.....	336
ГЛАВА XXI. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	366

ТОМ ВТОРОЙ
НОРМАТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АКТЫ.
ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА.
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА (ПРАВОВЕДЕНИЕ)

Раздел третий. Нормативные юридические акты	392
ГЛАВА XXII. ПРАВотВОРЧЕСТВО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	392
ГЛАВА XXIII. НОРМАТИВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ (общая характеристика)	411
ГЛАВА XXIV. ВИДЫ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ.....	428
ГЛАВА XXV. ЗАКОНЫ И ПОДЗАКОННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АКТЫ	445
ГЛАВА XXVI. ЮРИДИЧЕСКАЯ (СУДЕБНАЯ) ПРАКТИКА, ЕЕ РОЛЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И В ПРАВотВОРЧЕСТВЕ	470
ГЛАВА XXVII. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ	491
ГЛАВА XXVIII. ДЕЙСТВИЕ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ ВО ВРЕМЕНИ, В ПРОСТРАНСТВЕ И ПО КРУГУ ЛИЦ	506
ГЛАВА XXIX. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА.....	525
ГЛАВА XXX. ТОЛКОВАНИЕ НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ.....	546
Раздел четвертый. Применение права	583
ГЛАВА XXXI. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА (общая характеристика).....	583
ГЛАВА XXXII. СОДЕРЖАНИЕ И СТАДИИ ПРАВотПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	603
ГЛАВА XXXIII. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ	617
ГЛАВА XXXIV. ВЫБОР И АНАЛИЗ НОРМ ПРАВА.....	631
ГЛАВА XXXV. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА ПРИ ПРОБЕЛАХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	641
ГЛАВА XXXVI. РЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДЕЛА.....	657
ГЛАВА XXXVII. АКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА	670
Раздел пятый. Юридическая наука (правоведение)	680
ГЛАВА XXXVIII. ПРАВОВЕДЕНИЕ (общая характеристика)	680

ГЛАВА XXXIX. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ	696
ГЛАВА XL. МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	711
ГЛАВА XLI. ЧАСТНОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	730
ГЛАВА XLII. СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК	744
ГЛАВА XLIII. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК	756
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	775
ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 3.....	777

Сергей Сергеевич АЛЕКСЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В десяти томах

Том 3

Проблемы теории права

Курс лекций

Редактор *А.Н. Стрелко*

Корректоры: *В.В. Углова, Т.Н. Немчинова*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова*

Компьютерная верстка: *С.В. Родина*

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 49. Тираж 2000 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-0705-7

9 785835 140705 7